

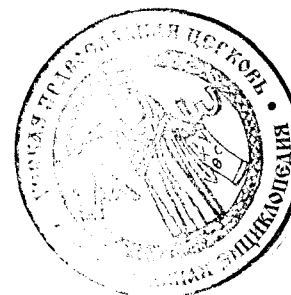
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК

BYZANTINA CHRONIKA

Том 56 (81)

Ответственный редактор
академик Г. Г. ЛИТАВРИН

Aristide D. Caratzas, Publisher
New Rochelle, New York

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 1996

Изд. № 1966

Редакционная коллегия:

- Академик РАН *Г. Г. ЛИТАВРИН* (отв. редактор)
 доктор исторических наук *Р. М. БАРТИКЯН*
 кандидат исторических наук *О. Р. БОРОДИН*
 доктор исторических наук *В. П. ДАРКЕВИЧ*
 доктор исторических наук *С. П. КАРПОВ*
 доктор исторических наук *Г. Л. КУРБАТОВ*
 доктор исторических наук *Н. Ю. ЛОМОУРИ*
 доктор исторических наук *И. П. МЕДВЕДЕВ*
 доктор исторических наук *М. А. ПОЛЯКОВСКАЯ*
 кандидат исторических наук *О. С. ПОПОВА*
 кандидат исторических наук *З. Г. САМОДУРОВА*
 доктор исторических наук *Б. Л. ФОНКИЧ*
 доктор исторических наук *К. В. ХВОСТОВА* (зам. отв. редактора)
 доктор исторических наук *А. А. ЧЕКАЛОВА* (отв. секретарь)
 доктор исторических наук *И. С. ЧИЧУРОВ*
 член-корреспондент РАН *Я. Н. ЩАПОВ*

Рецензенты:

- доктор исторических наук *Г. Е. ЛЕБЕДЕВА*
 кандидат исторических наук *В. Н. ТОКМАКОВ*

Ежегодник основан
 академиком Василием Григорьевичем **ВАСИЛЬЕВСКИМ** в 1894 году.

ББК 63.3 (0)4

СОДЕРЖАНИЕ

Статья

К 70-летию со дня рождения академика Г.Г. Литаврина	7
Список научных трудов академика Г.Г. Литаврина	8
А.А. Чекалова (Москва) Сенаторская аристократия Константинополя и крупная земельная собственность в IV — первой половине VII в.	20
О.Р. Бородин (Москва) Экономические противоречия в среде равеннского духовенства в VI—VIII вв.	32
Ю.Я. Вин (Москва) Проблемы сельской общины в поздней Византии (XIII—XV вв.)	45
М.В. Бибилов (Москва) К социально-психологическому анализу писем Григория Кипрского: бедность, бедствия, болезнь	57
G. Pistarino (Genova) Cinquantacinque giorni a Pera-Galata nel tempo dell' assedio di Costantinopoli (1453) (продолжение)	63
Я. Малингуди (Фессалоника) Русско-византийские связи в X веке с точки зрения дипломатики	68
Е.А. Мельникова (Москва) Култ св. Олава в Новгороде и Константинополе	92
H. Damico (Albuquerque, NM) The voyage to Byzantium: the evidence of the sagas	107
В.А. Арутюнова-Фиданян (Москва) Образ Византии в армянской средневековой историографии XI—XII вв. (Акоб Санаинци, Маттеос Урхаеци) (окончание)	118
В.П. Степаненко (Екатеринбург) Торос II Рубенид и византийская администрация Равнинной Киликии. 1158—1160 гг.	127
П.И. Жаворонков (Москва) Положение и роль этнических групп в социально-политической структуре Никейской империи	134
С.П. Карпов (Москва) Итальянские "бароны" трапезундских императоров	144
Д.А. Коробейников (Москва) Понтийские митрополии на мусульманских землях в XIV в.	156
К.А. Максимович (Москва) Каноны Трулльского собора в древнейшем славянском переводе Пандектов Никона Черногорца: проблемы терминологии	170
Л.А. Герд (С.-Петербург) Вопросы покаянной дисциплины в "Тактиконе" Никона Черногорца	176
Н.Ф. Каврус-Хоффманн (Нью-Йорк) Рукопись Диоскорида Библиотеки Пьермонт Морган М 652 (Нью-Йорк) Кодикологическое и палеографическое описание	185
В.Л. Фонкич (Москва) О датировке кембриджского списка "Лексикона" Фотия	191
И.П. Медведев (С.-Петербург) "Русский Арменопул" и его критика в записке бессарабского юриста Ивана Танского	193
З.Г. Самодурова (Москва) К вопросу о существовании монастырских школ в Византии VIII—XII вв.	204
Е.В. Герцман (С.-Петербург) К загадкам наследия протопсалта Иоанна Глики	215

В.М. Лурье (С.-Петербург) Из истории чинопоследований псалмопения: полная Псалтирь в ежедневном правиле (в связи с историей египетского монашества IV—VII вв.).....	228
О.С. Попова (Москва) Икона "Благовещение" из Музея изобразительных искусств в Москве — произведение фессалоникских мастерских 30—40 гг. XIV в.	238
Ю.А. Пятницкий (С.-Петербург) Византийские и поствизантийские иконы в России (окончание)	247
В.Г. Пуцко (Калуга) Византийское наследие в искусстве Московской Руси ("Спас в силах" в русской живописи XIV—XV вв.)	266
О.Е. Этингф (Москва) Створка триптиха из коллекции В.С. Голенищева	283
А.Я. Каковкин (С.-Петербург) Коптская ткань с изображением "Суда Соломона"	292
А.И. Романчук (Екатеринбург) Заметки к истории Херсонеса XIV в.	298
И.В. Соколова (С.-Петербург) Монеты Перещепинского клада. Каталог	305

Публикации

И.П. Медведев (С.-Петербург) Об одном неосуществленном проекте издания в 30-е годы русского перевода "Тайной истории" Прокопия Кесарийского. Неизвестные документы	320
С.А. Иванов (Москва) К научному наследию В.Е. Вальденберга	331

Рецензии и аннотации

Д. Полывянный (Иваново) Свод древнейших письменных известий о славянах / Отв. ред. Л.А. Гиндин, Г.Г. Литаврин. М., 1991. Т. 1. 472 с.	336
И.П. Медведев (С.-Петербург) Глушанин Е.П. Военная знать ранней Византии. Барнаул: Алтайское книжное изд-во, 1991. 243 с.	339
А.С. Козлов (Екатеринбург) Krumreich Ch. Hieronymus und die christlichen feminae clarissimae // Habelts Dissertationsdrucke. R. Alte Geschichte. Bonn, 1993. H. 36. 408 S.	341
О.Р. Бородин (Москва) Кривушин И.В. История и народ в церковной историографии V в. Иваново, 1994	344
А.С. Козлов, В.П. Степаненко (Екатеринбург) Soustal P. Thrakien // Tabula Imperii Byzantini. Wien, 1991. Bd. 6. 580 S., 2 Kart.	346
А.А. Чекалова (Москва) Laiou A. Mariage, amour et paranté à Byzance aux XI—XIII siècles. P.: De Brocccard, 1992. 209 p.	349
С.В. Близнюк (Москва) Ilieva A. Frankish Morea (1205—1262). Athens, 1991. 309 p.	351
С.В. Близнюк (Москва) Карпов С.П. Путиями средневековых мореходов. Черноморская навигация Венецианской республики в XIII—XV вв. М., 1994. 158 с.	355

С.П. Карпов (Москва) Gjuzelev V. Bulgarien zwischen Orient und Okzident. Die Grundlagen seiner geistigen Kultur vom 13. bis 15. Jahr. Wien, Köln, etc., 1993. 311 S.	359
С.П. Карпов (Москва) Schreiner P. Texte zur Spätbyzantinischen Finanz- und Wirtschaftsgeschichte in Handschriften der Biblioteca Vaticana. Città del Vaticano, 1991. 529 p.	361
Б.Л. Фонкич (Москва) О новой рукописи Антония Малакиса	364
Н.Ф. Каврус-Хоффманн (Нью Йорк) Agati M.L. La minoscola "bouletée" (Littera Antiqua 9,2). Città del Vaticano: Scuola Vaticana di paleografia, diplomatica e archivistica, 1992. V. 1,2. 368, 220 p.	365

Хроника

Юбилей И.П. Медведева	367
С.П. Карпов Международная научная конференция, посвященная 550-летию Битвы при Варне	367
Научная конференция "Бизнес в эпоху перемен: купцы и падение Константинополя"	368
О.Е. Этингф, Э.А. Добрынина, Н.А. Маясова (Москва) Выставки к XVIII Международному конгрессу византистов	368
Софья Викторовна Полякова	373

Глубокоуважаемый Геннадий Григорьевич!

Академик Г.Г. ЛИТАВРИН

Дирекция, коллектив и сотрудники сектора истории Византии Института всеобщей истории Российской Академии наук сердечно поздравляют Вас, выдающегося ученого и общественного деятеля, со славным юбилеем.

Ваша многогранная научная деятельность, необычайная широта и многообразие научных интересов завоевали признание, уважение и любовь научной общественности у нас в стране и за рубежом.

Ваши многочисленные труды, посвященные изучению истории Византии, славянских народов и западного средневековья, имеют принципиальное методологическое значение для всех медиевистов. Они отличаются новаторскими идеями и создают новые научные направления.

Вы — блестящий теоретик и тонкий знаток источников, с подлинным пиететом и любовью относитесь к истории, проявляя высокую ответственность в подходе к изучению жизни и культуры далекого прошлого.

Ваши книги "Болгария и Византия в XI—XII вв.", "Очерки истории Византии и южных славян", "Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI в.", "Как жили византийцы", "Византийское общество и государство в X—XI вв.", большие разделы в коллективных трудах "История Византии", "Культура Византии", "История крестьянства в Европе в средние века", "Всемирная история" и многочисленные статьи выполнены на высоком научном уровне. Многие из них переведены на иностранные языки и опубликованы в иностранных журналах по византиноведению, славяноведению и медиевистике.

Одна из центральных тем Вашей научной деятельности — история взаимоотношений Византии и средневековой Болгарии. Именно этой проблематике Вы посвятили свою первую монографию "Болгария и Византия в XI—XII вв.". На основании многочисленных византийских и славянских источников Вы проследили процесс окончательного установления феодализма в Византии и Болгарии, оформление иммунитета и вассалитета, закрепощение большей части крестьянства и показали роль славян в формировании византийского феодализма.

Много внимания в своей исследовательской работе Вы уделяете публикации и переводу византийских памятников. Новым этапом в изучении "Стратегикона" Кекавмена — важнейшего и интереснейшего памятника византийской истории — явилось Ваше издание его текста, осуществленное по уникальной рукописи Исторического музея в Москве. Эта фундаментальная работа продолжила лучшие традиции русской науки.

Не менее значимы для специалистов по истории Византии и славян Ваши публикации и комментированные переводы уникальных памятников византийской культуры — "Об управлении империей" Константина Багрянородного и медицинского трактата XI столетия. Издание последнего сочинения превратило 31-й том "Византийского временника" в библиографическую редкость.

Исключительно большое значение для византиноведения имеет Ваша монография "Византийское общество и государство в X—XI вв. Проблемы истории одного столетия: 976—1081 гг.", которая подвела итог Вашим многолетним исследованиям важнейших вопросов истории Византии. Опираясь на обширный материал источников, Вы создали собственную концепцию путей формирования византийского феодализма.

Ваши труды являются высоким образцом культуры научного труда, отличаются точностью и свежестью наблюдений, оригинальностью мысли, широтой обобщений и убедительностью концепций.

Ваши многочисленные исследования истории Византии и сопредельных славянских стран во многом определили исследовательский путь ученых-историков как в нашей стране, так и за рубежом.

Общеизвестна Ваша многогранная научно-организационная и общественная деятельность. В течение многих лет Вы возглавляете в Институте сектор истории Византии и редколлегия "Византийского временника". При этом Вы являетесь не только руководителем, но и неутомимым организатором как сотрудников сектора, так и авторского коллектива ежегодника.

Большое внимание Вы уделяете подготовке научных кадров по византиноведению, воспитанию ученых по этой сложной, трудоемкой, но очень притягивающей к себе дисциплине.

Ваша научная деятельность получила широкое признание как в нашей стране, так и во всем мире. В 1993 г. Вы избраны академиком РАН. Вы достойно представляете нашу науку за рубежом. Вы принимали активное участие в работе многих международных конгрессов исторических наук и конгрессов по византиноведению, а также ряда международных научных конференций и симпозиумов, где выступали с докладами, высоко оцененными мировой научной общественностью.

В день Вашего юбилея желаем Вам, дорогой Геннадий Григорьевич, здоровья, счастья и новых творческих успехов на благо нашей науки.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ АКАДЕМИКА Г.Г. ЛИТАВРИНА*

1956

- Восстание болгар и владов в Фессалии в 1066 г. // ВВ. Т. 11.
 Крестьянство Западной и Юго-Западной Болгарии в XI—XII вв. // Учен. зап. Ин-та славяноведения. М. № 14.
 Налоговая политика Византии в болгарии в 1018—1185 гг. // ВВ. Т. 10.
 Рец. на кн.: Вопросы образования Древнерусского государства (*Stender-Petersen A. Das Problem der ältesten byzantinisch-russisch-nordischen Beziehungen* // X Congresso Internazionale di Storie: Relazioni. Vol. III. // СВ. Т. 8.

1957

- Записка греческого топарха: (Документ о русско-византийских отношениях в X в.) // Из истории средневековой Европы в X—XVII вв. М.

1958

- Делегация югославских историков в СССР (в соавт.) // Вестник АН СССР. № 2.
 Очерки истории Византии и южных славян (в соавт.). М.

1959

- Византия и Запад в зарубежной буржуазной историографии (в соавт.) // Против фальсификаторов истории. М.

1960

- Болгария и Византия в XI—XII вв. М.
 Рец. на кн.: *Каждан А.П. Деревня и город в Византии. IX—X вв. М., 1960* // ВВ. № 9.

* Список не полон. В него не включены статьи из "Большой советской" и "Исторической" энциклопедий, главы в учебниках, разделы в хрестоматиях и др. учебно-педагогические материалы для высших учебных заведений.

1961

- Был ли Кекавмен, автор "Стратегикона", феодалом? (в соавт.) // ВВ. М.
Bizanc rövid története. Budapest. (в соавт.)
 Рец.: По поводу книги П. Лемерля о "Советах и рассказах" Кекавмена (в соавт.) // ВВ. Т. 20.

1962

- Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха (в соавт.) // Историко-археологический сб. М.
 Предисловие (в соавт.) // Андреев М., Ангелов Д. История болгарского государства и права. М.

1963

- Советское византиноведение в 1955—1960 гг. (в соавт.) // ВВ. Т. 22.
 Основные проблемы византиноведения в советской историографии (в соавт.) // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. М.

1965

- Неизвестное свидетельство о Боспоре Киммерийском во время Алексея I Комнина // Тез. докл. 7-й всесоюз. сессии византинистов. Тбилиси.
 Будапештская рукопись писем Феофилакта Болгарского // Известия на Института за история. София. Т. 14/15.
A propos de Tmoutorokan // Byzantion. Vol. 35.

1966

- Рец. на кн.: *Заборов М.А. Крестовые походы. М., 1956; Он же. Папство и крестовые походы. М., 1960* // ВВ. № 12.

1967

- Отношения Древней Руси и Византии в X — первой половине XIII в. (в соавт.) // *Proceedings of the XII Congress of Byzantine Studies. L.*
 Византия и Русь в IX—X вв. // История Византии. М. Т. 2, гл. 8.
 Внутренняя и внешняя политика Византии в 1025—1057 гг. // Там же. Т. 2, гл. 10.
 Внутренняя и внешняя политика Византии во второй половине X — первой четверти XI в. // Там же. Т. 2, гл. 7.
 Русско-византийские отношения в XI—XII вв. // Там же. Т. 2, гл. 15.
 Византия в период гражданской войны и движения зилотов // Там же. Т. 3, гл. 9.
 Внешнеполитическая борьба на Балканском полуострове и в Малой Азии // Там же. Т. 3, гл. 4.
 Междоусобная борьба в Византии и соседи империи // Там же. Т. 3, гл. 8.
 Социально-экономический и политический строй Никейской империи, Эпирского царства и Трапезундской империи // Там же. Т. 3, гл. 3.

Пселл о причинах последнего похода русских на Константинополь // ВВ. Т. 27.

1968

Ὁ πάλπος τοῦ Κεκαυμένου — ὁ ἐχθρὸς τῆς Ῥωμανίας // ВВ. Т. 28.

Пселл и Кекавмен о Варде Склире // Polychordia: Festschrift Fr. Dölger. Amsterdam. Vol. 3.

Рец. на кн.: Цанкова-Петкова Г. За аграрните отношения в средновековна България. XI—XIII в. София, 1964 // ВВ. Т. 28.

1969

Еще раз о походе русских на Константинополь в 1043 г. // ВВ. Т. 29.

Три письма Михаила Пселла Катакалону Кекавмену // Revue des études sud-est européennes. T. VII, N. 3.

Рец. на кн.: Хвостова К.В. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии (XIV—XV вв.). М., 1968 // ВИ. № 7.

1970

Некоторые проблемы русско-византийских отношений в IX—XI вв. (в соавт.) // История СССР. № 4.

О датировке трех важных документов по внутренней истории Византии // Старинар. Београд. Т. 20.

Темпове и специфика на социално-икономическото развитие на България в сравнение с Византия (от края на VII до края на XII в.) // Исторически преглед. № 6.

1971

Византийский медицинский трактат XI—XIV вв. (по рукописи Cod. Plut. VII, 19 Библиотеки Лоренцо Медичи во Флоренции) / Введение, перевод // ВВ. Т. 31.

Les terres à l'abandon selon le "Traité fiscal" du Xe siècle et leur importance pour le fisc // Études balkaniques. N. 3.

Рец. на кн.: Moravcsik Gy. Byzantium and Magyars. Budapest, 1970 // ВИ. № 3.

1972

Советы и рассказы Кекавмена: Сочинение византийского полководца XI в. / Подгот. текста, пер. и коммент М.

Армянский автор XI столетия о Болгарии и болгарях // Славяне и Россия. М.

Война Руси и Византии в 1043 г. // Исследования по истории славянских и балканских народов. М.

Восстание в Константинополе в апреле 1042 г. // ВВ. Т. 32.

Влахи византийских источников X—XIII вв. // Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев.

Особенности византийского и болгарского феодализма в XII—XIV вв. // Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев.

Новые сведения о Северном Причерноморье (XII в.) // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М.

Об относительных размерах и составе имущества византийской провинциальной аристократии в XI—XII вв. // ВО. М.

Русь и Византия в XII в. // ВИ. № 7.

Рец. на кн.: Повествование Аристакэса Ластивертци / Изд. К.Н. Юзбашян. М., 1968 // Народы Азии и Африки. № 1.

Рец. на кн.: Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe: 500—1453. L., 1971 // ВИ. № 2.

1973

Проблема государственной собственности в Византии X—XI вв. // ВВ. Т. 35.

Процент законной прибыли и процент налога с нее в Византии в XI—XII вв. // АДСВ. Вып. 10.

Ответ рецензенту // ВВ. Т. 35.

Славянские земли Византии в болгарской историографии последнего десятилетия // Проблемы на българската историография след втората световна война. София.

Рец. на кн.: Горина Л.В. Социально-экономические отношения во Втором Болгарском царстве. М., 1972 // ВИ. № 12.

Рец. на кн.: Заборов М.А. Историография крестовых походов (XV—XIX вв.). М., 1971 // ВИ. № 3.

1974

Как жили византийцы. М.

Культурные связи Древней Руси и Византии в X—XII вв. // IV Междунар. конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы. М.

Особенности русско-византийских отношений в XII в. // Польша и Русь. М.

Рец. на кн.: Медведев И.П. Мистра: Очерки истории поздневизантийского города. Л., 1973 // ВИ. № 8.

1975

Рец. на кн.: Nicol D.M. The Last Centuries of Byzantium: 1261—1453. L., 1972 // BS. Vol. 36(1).

1976

Культурные связи Древней Руси и Византии в X—XII вв.: (Опыт исторической характеристики) // Балканские исследования: Проблемы истории и культуры. М.

Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М.

Провинциальный византийский город на рубеже XII—XIII вв.: (По материалам налоговой описи Лампсака) // ВВ. Т. 37.

Проблема образования раннефеодальных славянских государств в советской историографии // Studia Bohemo-Slovaca. Brno.

Проблема симбиоза в латинских государствах, образованных на территории Византии = Le problème de la symbiose dans les états latins formés sur le territoire de Byzance (faits sociaux et économiques: 1204—1261). Афины.

1977

Византийское общество и государство в X—XI вв.: Проблемы истории одного столетия: 976—1081 гг. М.

Рец. на кн.: Курбатов Г.Л. История Византии (Историография). Л., 1975 // ВИ. № 2.

Рец. на кн.: Browning R. Byzantium and Bulgaria. L., 1975 // BS. Vol. 38 (1).

1978

В.Г. Васильевский //Славяноведение в дореволюционной России. М.

Ф.И. Успенский // Там же.

Идея верховной государственной власти в Древней руси домонгольского периода // Славянские культуры и Балканы. Варна.

Моноваты — в Крыму или на Кавказе? // Византийские этюды. Тбилиси.

ΟΠΙΣΘΟΤΕΛΕΙΑ: (К вопросу о наделении крестьян земель в Византии X—XI вв.) // ВВ. Т. 39.

Славяне и Византия (в соавт.) // Курьер Юнеско. Сентябрь—октябрь.

Этническое самосознание славян в VII—X вв.: (К проблеме формирования раннефеодальных народностей) // VIII Междунар. съезд славистов. История, культура и фольклор славянских народов. М.

Бронзовая пластинка из Херсонеса с именем Анастаса (в соавт.) // Studia in honorem Veselini Be%ævliev. Sofia.

Zur Lage der byzantinischen Bauerschaft im X.—XI. Jahr. (Strittige Fragen) // Beiträge zur byzantinischen Geschichte im IX—XI Jahrhundert. Pr.

Еще раз о симпатиях и класмах налоговых уставов X—XI вв. // Byzantinobulgarica. Vol. 5.

Рец. на кн.: Moravcsik Gy. Einführung in die Byzantinologie. Budapest. 1976 // ВИ. № 10.

1979

Юридически статус на българските земи в състава на Византийската империя (1018—1185) // България в света от древността до наши дни. София. Т. 1.

1980

Работы советских славистов и балканистов (в соавт.) // Советская историческая наука в 1975—1979. М.

По поводу нового исследования об образовании Второго Болгарского царства // ВВ. Т. 41.

Славяне Мисии и Малой Скифии до прихода протоболгар Аспаруха (Тез.) // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М.

Рец. на кн.: Медведев И.П. Византийский гуманизм XIV—XV вв. М., 1976 // ВВ. Т. 41.

1981

К проблеме образования Болгарского государства // Советское славяноведение. № 4.

Народы Балканского полуострова в составе Византийской империи в XI—XII вв. // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М.

Некоторые соответствия в организации экономики византийского и османского города XV—XVI вв. // Балканские исследования.

О датировке посольства княгини Ольги в Константинополь // История СССР. № 5.

Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь: Проблема источников // ВВ. Т. 42.

К вопросу о народном характере восстания в Болгарии в 1186 г. // I Междунар. конф. по болгаристике. Шумен.

Состав посольства Ольги в Константинополе и "дары" императора // ВО. М.

Условия развития болгарской культуры в XI—XII вв. // История и культура Болгарии. М.

La composition sociale de l'ambassade des Russes à Constantinople en 946 // XVI. Internationaler Byzantinistenkongress. Res. der Kurzbeiträge. Wien.

Les conditions de développement de la culture bulgare aux XI—XII siècles // Entre la France et les Slaves du Sud. P.

Рец. на кн.: Хвостова К.В. Количественный подход к средневековой социально-экономической истории. М., 1980 // ВВ. Т. 42.

Рец. на кн.: Любарский Я.Н. Михаил Пселл и его творчество: К истории византийского предгуманизма. М., 1978; Михаил Пселл. Хронография / Пер., ст. и примеч. Я.Н. Любарского. М., 1978 // ВВ. Т. 42.

Рец. на кн.: Шапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978 // ВВ. Т. 42.

1982

Введение (в соавт.) // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М.

Формирование этнического самосознания болгарской народности (VII—1-я четверть X в.) // Там же.

Древняя славянская этническая общность (в соавт.) // Там же.

Заключение (в соавт.) // Там же.

О социальных воззрениях богомилов: Некоторые итоги изучения начального периода истории ереси // Богомилство на Балканот во светлината на новите истражувања. Скопје.

Славяне нижнего Подунавья во время образования Болгарского государства // Първи международен конгрес по българистика. Българска държава през векове: Доклади. София. Т. 1.

Христианство на Руси в правление княгини Ольги // Gesellschaft und Kultur Russlands im frühen Mittelalter. Halle.

Das XI. Jahrhundert in der Geschichte des byzantinischen Reiches. Faktoren des Fortschritts und des Niedergangs. // Berichte. Fortschritte und Stagnationserscheinungen im entwickelten Feudalismus. B. Bd. 23.

Некоторые вопросы истории средневековой Болгарии в советской историографии // Советская болгаристика: Тез. докл. М.

1983

- Формирование этнического самосознания славян в эпоху раннего средневековья (в соавт.) // *Общественные науки*. №4.
- Древняя Русь, Болгария и Византия в IX—X вв. // IX Междунар. конгресс славистов. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М.
- Рец. на кн.: Карпов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII—XV вв. М., 1981 // *ВИ*. № 1.

1984

- Особенности международной обстановки в XIV—XV вв. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV—XVI вв. М.
- Особенности становления раннефеодальных славянских государств // Балканские исследования. Т. 9.
- Славинии VII—IX вв. — социально-политические организации славян // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М.
- Как са живели византийците. София.
- Рец. на кн.: Алексидзе А.Д. Мир греческого рыцарского романа (XIII—XIV вв.) Тбилиси, 1979 // *Археология, классическая филология, византистика*. Тбилиси.

1985

- Становление крестьянства в южнославянских странах (до конца XII в.) // История крестьянства в Европе. М. Т. 1.
- Становление и развитие государственности у южных и западных славян // Народно-демократические революции и развитие славянских стран по пути социализма. Тез. докл. и науч. сообщений. Харьков.
- Введение // Раннефеодальные государства на Балканах. VI—XII вв. М.
- Восточноримская империя в V—VI вв. // Там же.
- Византийское государство в VII—XII вв. // Там же.
- Межэтнические связи и межгосударственные отношения на Балканах в VI—XII вв. (в соавт.) // Там же.
- Славяне и Византия (в соавт.) // Там же.
- Формирование и развитие Болгарского раннефеодального государства (конец VII—начало XI в.) // Там же.
- Заключение // Там же.
- Место Второго Болгарского царства в истории средневековой Европы // Юбилеен сб. в чест на акад. Д. Косев. София.
- Культурный облик славян по данным византийских авторов VI—IX вв. // Славянские культуры и мировой культурный процесс. Тез. докл. Минск.
- Из комментария к 49-й главе труда Константина Багрянородного "Об управлении империей" // *BYZANTINA*. Т. 13.
- Советское славяноведение и балканистика (в соавт.) // Советская историческая наука в 1980—1984 гг. М.
- Два этюда из истории образования Второго Болгарского царства // *Études balkaniques*. № 4.

- Становление Второго Болгарского царства и его международное значение // *Études balkaniques*. № 5.
- Склавиниите од VII—IX в. како социално-политичка организација на словени-те // *Историја*. Скопје. Год XXI. Број 2.

1986

- Представления "варваров" о Византии и византийцах в VI—X вв. // *ВВ*. Т. 46.
- Византийцы и славяне — взаимные представления // 17th International Byzantine congress: Major papers. Wash.
- Русско-византийские связи в середине X в. // *ВИ*. № 6.
- К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения княгини Ольги // Древнейшие государства на территории СССР. М.
- О двух Хилбудах Прокопия Кесарийского // *ВВ*. Т. 47.
- Проблема "славиний" как социально-политической организации славян в современной историографии // Руско-български връзки през вековете. София.
- Рец. на кн.: Византийский земельный закон / Под ред. И.П. Медведева. Л., 1984 // *ВВ*. Т. 47.

1987

- Краткая история Болгарии: С древнейших времен до наших дней (в соавт.) М. Гл. I—IX.
- България. Византия (XI—XII век). София.
- Славяне и Византия (в соавт.) // Изучение культуры славянских народов. М.
- Введение // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М.
- Этносоциальная структура славянского общества в эпоху поселения на Балканах (VI—VII вв.) // Там же.
- Заключение // Там же.
- Культурный переворот в Болгарии и Древняя Русь // Кирило-Методевски студии. Кн. 4.
- Социальные и классовые движения в южнославянском обществе IX—XII вв. // *Typologie ranú feudálních slovanských států*. Pr.

1988

- Введение (в соавт.) // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М.
- Введение христианства в Болгарии (IX—нач. X в.) // Там же.
- Общее и особенное в процессе христианизации стран региона и Древней Руси (в соавт.) // Там же.
- Государственная собственность в Византии X—XII вв. // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии: Проблемы феодальной и государственной эксплуатации (ранний и развитой феодализм). Тез. докл. и сообщ. М.
- Византия и Древняя Русь между договорами 911 и 944 гг.: Тез. докл. // Внешняя политика Древней Руси. М.

Этническое самосознание населения пограничной зоны между Византией и Болгарией в X—IX вв. // Этнические процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе. М.
 Формирование и развитие болгарского раннефеодального государства // Как была крещена Русь. М.
 Особенности социальной структуры византийского крестьянства в IX—XII вв. // Классы и сословия средневекового общества. М.
 От редактора // Лев Диакон. История / Пер. М.М. Копыленко, ст. М.Я. Сюзюмова, коммент. М.Я. Сюзюмова и С.А. Иванова. М.
 Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. (Некоторые сравнительные сопоставления) // Советское славяноведение. №4. (в соавторстве)

1989

Введение // Культура Византии: Вторая половина VII—XII в. М.
 Византийская империя во второй половине VII—XII в. // Там же.
 Политическая теория в Византии с середины VII до начала XIII в. // Там же.
 Заключение: Особенности развития культуры Византии во второй половине VII—XII в. // Там же.
 Введение (в соавт.) // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М.
 Некоторые общие наблюдения (в соавт.) // Там же.
 Особенности развития самосознания болгарской народности со второй четверти X до конца XIV в. // Там же.
 Константин Багрянородный / Текст, пер., коммент. (в соавт.). М.
 О походе аваров в 602 г. против антов // Славяне и их соседи. Международные отношения в эпоху феодализма. М.
 Повысить уровень профессионализма // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. М. Вып. I.
 Социальные и политические институты Византийской империи и Болгарии в VIII—начале XI в. (Сходство и отличия) // Материалы к VI Междунар. конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы. М.
 Реплика на статью А.В. Назаренко // ВВ. Т. 50.
 К предыстории введения христианства в Болгарию // Социальная структура и идеология античности и раннего средневековья. Барнаул.
 Христианизация стран Центральной и Юго-Восточной Европы и Древней Руси (в соавт.) // Общественные науки. №2.
 Le problème de la propriété d'état en Byzance aux X—XI siècles // BYZANTIACA. Т. 9.

1990

Славяне между Болгарией и Византией в 60-х годах VII в. // Славяне и их соседи. Этнопсихологический стереотип в средние века: Тез. докл. М.
 Формирование и развитие болгарского раннефеодального государства (конец VII — начало XI в. // Как была крещена Русь. М. (Второе изд.).
 Family Relations and Family Law in the Byzantine Countryside of Eleventh Century: An Analysis of the Praktikon of 1073 // DOP. Vol. 44.

1991

Константин Багрянородный. Об управлении империей / Текст, пер., коммент. (в соавт.). М. (Второе изд.).
 Введение // Культура Византии: XIII— первая половина XV в. М.
 Дипломатия поздней Византии (XIII—XV вв.) (в соавт.) // Там же.
 Заключение: Основные черты культуры поздней Византии (XIII — первая половина XV в.) // Там же.
 Предисловие (в соавт.) // Свод древнейших письменных известий о славянах. М. Т. 1 (I — VI вв.).
 Иоанн Малала / Сведения об авторе, пер., коммент. // Там же.
 Введение // Раннефеодальные государства и народности: (южные и западные славяне VI—XII вв.). М.
 Социальные противоречия и классовые движения в славянском обществе в VI—XII вв. (в соавт.) // Там же.
 Этнические процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе и особенности формирования раннефеодальных славянских народностей (в соавт.) // Там же.
 Византийская система власти и болгарская государственность (VII—XI вв.) // Раннефеодальные государства и народности: (Проблемы идеологии и культуры). София.
 Парик и арендатор // ВВ. Т. 52.
 Менаандр Протиктор об отношениях аваров и славян // Византия, Причерноморье, славянский мир. М.
 О юридическом статусе древних русов в Византии в X столетии // ВО. М.
 Лиутпранд Кремонский об одном из славянских обычаев // Studia slavica. Языкознание, литературоведение, история, история науки. М.
 Позиция высшей императорской власти в отношении к чиновной бюрократии в XI столетии // XVIII Междунар. конгресс византинистов: Резюме сообщений. М. Т. II.
 Les guerres dans les Balkans aux XIIe—XVe siècles et leur conséquences économiques // ΑΡΜΟΣ. ΤΙΜΗΤΙΚΟΣ ΤΟΜΟΣ ΣΤΟΝ ΤΟΝ Ν.Κ. ΜΟΥΤΣΟΠΟΥΛΟ. Τεσσαλόνηκη.

1992

Славяно-балканский регион в VI—XII вв.: Болгарская зона в VI—XII вв. // История Европы. М. Т. 2.
 Славяно-балканский регион в XII—XV вв.: Болгария в конце XII—XIV в. // Там же.
 Византия и Древняя Русь в конце XI—X в. // Proceedings of the International Congress on the Millenium of the Conversion of Rus' Christianity. Thessaloniki, 26—28 nov. 1988. Thessaloniki.
 Еще раз о занятиях и общественной организации славян на Балканах в VI—VII вв. // ВВ. Т. 53.
 Византия и Русь // Наше наследие. № 25.
 Особенности социальной структуры византийского крестьянства в IX—XII вв. // Byzantinische Forschungen. Amsterdam. Bd. XVIII.
 Die Kiever Rus' und Byzanz im 9. und 10. Jahrhundert // Ibid.

1993

- "Приходяще Русь да витають у святого Мамы" // *Philologia slavica: K 70-летию акад. Н.И. Толстого*. М.
- Условия пребывания древних русов в Константинополе в X в. и их юридический статус // *ВВ*. Т. 54.
- Bulgarian Culture in the XI and XII Centuries: Conditions and Development // *ТО ЕЛΛΗΝ-ΝΙΚΟΝ: Studies in Honor of Speros Vryonis*. N. Y. Vol. II.
- Malade et médecin à Byzance. XI—XII siècles: Remarques sur le Cod. Plut. VII 19 de la Bibliothèque de Lorenzo de Medici à Florence // *Maladie et société à Byzance*. Spoleto.
- К участию еврейских купцов в работоторговле в Северном Причерноморье в конце XI в. // *Славяне и их соседи. Еврейское население Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы: средние века — начало нового времени*. Сб. тез. М.

1994

- Василий Григорьевич Васильевский — основатель Санкт-Петербургского центра византиноведения // *Российское византиноведение: Итоги и перспективы*. Тез. конф. М.
- Василий Григорьевич Васильевский — основатель Санкт-Петербургского центра византиноведения (1838—1899) // *ВВ*. Т. 55 (80).
- Патриарх Никифор о выкупе пленных ромеев у славян // *Славяне и их соседи. Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время*. Сб. тез. М.
- Киево-Печерский патерик о работоторговцах-иудеях и о мученичестве Евстратия Постника // *Славяне и их соседи*. М. Вып. 5. Еврейское население в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе: средние века — новое время.
- Предисловие // *Свод древнейших письменных известий о славянах*. М. Т. I: (I—VI вв.). (Изд. второе, испр.).
- Иоанн Малала / Вступлен., пер., коммент. // Там же.
- К вопросу о вифинских славянах // *Старобългаристика*. XVIII, 4.
- Патриарх Фотий — наставник болгарского царя Михаила: Из послания святейшего патриарха Константинополя Фотия к правителю Болгарии Михаилу // *Европейская педагогика от античности до нового времени: (Исследования и материалы)*. М.
- Феофилакт Ифест. Слово к багрянородному государю Константину // *Антология педагогической мысли христианского средневековья*. М. Т. 2.
- Sur le problème des contacts de Cherson et Kiev pendant la deuxième moitié du XIIe siècle // *Symmeikta*. Т. 9. Μνήμη Δ.Α. Ζακυθινόυ. Μέρ. Α'.

1995

- Введение (в соавт.) // *Очерки развития этнического самосознания славян в XV в.* М.
- Этническое самосознание болгар в конце XIV—начале XVI в. (в соавт.) // Там же.
- Общее и особенное в этническом самосознании славян в XV в. (в соавт.) // Там же.

- Предисловие // *Свод древнейших письменных известий о славянах*. М. Т. 2: VII—начало IX в.
- Из актов Шестого Вселенского собора // Там же.
- Указ Юстиниана II в пользу храма св. Димитрия в Фессалонике // Там же.
- Печать с упоминанием вифинских славян // Там же.
- Из "Бревиария" патриарха Никифора // Там же.
- Из "Хронографии" Феофана Исповедника // Там же.
- Монемвасийская хроника // Там же.
- Схолия Арефы // Там же.
- К дискуссии о договоре 716 г. между Византией и Болгарией // *BS*. Т. LVI (1).

А.А. Чекалова

СЕНАТОРСКАЯ АРИСТОКРАТИЯ КОНСТАНТИНОПОЛЯ И КРУПНАЯ ЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ В IV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ VII в.

В науке стало чуть ли не аксиомой считать, что сенаторская аристократия Константинополя, хотя в целом и более скромная по своим состояниям, нежели римская¹, являлась классом крупных земельных собственников². Некоторые из сенаторов действительно обладали более или менее крупными земельными состояниями. Из жития Олимпиады, приходившейся внучкой первому сенатору Константинополя эпохи Константина I Аблабью, известно, что она владела обширными поместьями во Фракии, Галатии, Каппадокии Прима и Вифинии³.

На основании законодательных памятников можно также заключить, что государственные мужи сенаторского ранга стремились приобрести земельные владения под видом патроната. Особый интерес в этом смысле представляет для нас закон Аркадия и Гонория, изданный в Константинополе 10 марта 399 г., ибо в нем перечислены те категории высших чиновников и военных,

¹ Jones A.H.M. The Later Roman Empire, 284-602: A Social, Economic and Administrative Survey. Oxford, 1964. P. 555.

² См., например: Haldon J.F. Byzantium in the Seventh Century: The Transformation of a Culture. Cambridge, 1990. P. 27; *Idem*. The State and Tributary Mode of Production. L.; N.Y., 1993. P. 122. В качестве доказательства того, что сенаторская знать Константинополя являлась земельной аристократией нередко используется послание императора Констанция II сенату относительно Фемистия, где говорится, что то, чем обладал знаменитый философ, послужило бы славе и украшению общества сенаторов: "τοὺς μὲν χρημάτων εὐκλεία, τοὺς δὲ κτημάτων περιουσία, ἐνίοις δὲ πόνοι δημόσιοι, ἐτέρους δὲ λόγων δεινότης" (*Themistii Orationes* / Ed. W. Dindorf. Bonnæ, 1832. P. 22.c.). См.: Dagron G. Naissance d'une capitale: Constantinople et ses institutions de 330 à 451. P., 1974. P. 131; Heather P. New Men for New Constantines? Creating an Imperial Elite in the Eastern Mediterranean // New Constantines: The Rhythm of Imperial Renewal in Byzantium, 4th-13th Centuries (Papers from the Twenty-sixth Spring Symposium of Byzantine Studies, St Andrews, March 1992) / Ed. P. Magdalino. Aldershot, 1994. P. 17. Слова κτημάτων περιουσία из только что процитированного пассажа послания Констанция как раз и понимаются исследователями как показатель наличия у сенаторов крупных земельных владений. Между тем термин κτήμα определяет недвижимую собственность как общее понятие и может относиться, например, к дому, вилле, городскому кварталу и т.д. По всей видимости, именно о подобного рода имуществе и идет в данном случае речь, ибо далее в послании, подчеркивая богатство Фемистия, Констанций употребляет лишь слово χρήματα (περὶ τὰ χρήματα σπουδὴν μετροῖν τὰ χρεῖα (P. 25.c.); πλούσιός ἐστιν ἐν λόγοις, οὐ πένεται χρήματα (Ibid. b.)), означающее, помимо денег, собственность вообще, либо, что гораздо чаще, движимую собственность.

³ Vita Olympiadis. V. P. 415-416.

которые выступали в качестве патронов крестьян. Это — магистры милитум, комиты, проконсулы, викарии, августалы (т.е. префекты Египта)⁴ и т.д.

Два из шести законов о патронате относятся к Египту⁵, которому законодатели уделяют особое внимание. Вместе с тем четыре других закона адресованы префекту претория Востока⁶ и, следовательно, подразумевают по меньшей мере территорию префектуры Восток. Скорее же всего, поскольку префект претория Востока фактически являлся главой гражданской администрации империи, эти законы распространялись на государство в целом.

В самом деле, из произведений Ливания явствует, что патронат был достаточно частым явлением в его родной Сирии. В своей знаменитой речи "О патронатах" ритор возлагает вину за установление подобного рода покровительства над крестьянами на высшие власти (τοὺς τῶν ὅλων ἄρχοντας δυνάμειν)⁷ и их подчиненных (τοὺς ὑπὸ τοῦτοιοις μερῶν)⁸. В параграфе 7 той же самой речи Ливаний высказывается более определенно, называя лиц, прибегающих к использованию патроната, στρατηγοί. По всей видимости, ритор имеет в виду магистров милитум Востока или дуксов. Иначе говоря, в речи Ливания говорится о тех же самых должностных лицах, что и в упомянутом выше законе Аркадия и Гонория.

Остановимся несколько подробнее на речи "О патронатах", ибо в ней Ливаний детально описывает ту форму патроната, которая в IV в. преобладала в Сирии. Согласно Ливанию, под патронат переходили как деревни, населенные свободными крестьянами, так и деревни, принадлежавшие кому-то из землевладельцев⁹, под которыми ритор, учитывая его социальные симпатии, подразумевает скорее всего куриалов. Свободные крестьяне, по словам Ливания, прибегали к покровительству влиятельных особ с тем, чтобы уклониться от уплаты налогов, сбором которых они занимались в те времена куриалы¹⁰. Во втором случае крестьяне использовали патронат в ущерб своему хозяину¹¹, т.е. опять-таки куриалу. За оказанное покровительство крестьяне платили высоким военным чинам мзду золотом или продуктами (пшеницей, ячменем, фруктами); те, в свою очередь, посылали к ним воинов, которые служили крестьянам охраной¹². Когда же в деревню прибывали сборщики налогов, крестьяне с помощью солдат силой изгоняли их прочь, и те возвращались в город, "получив вместо натуральной подати раны (ἀντὶ καρπῶν τραύματα), а кровь на их хламидах ясно свидетельствовала о том, чему они подверглись"¹³. Если же сборщики налогов или землевладелец, крестьяне которого обратились к покровительству высокого лица, пытались найти опору в законе, то стратиг, поскольку солдаты являлись ответчиками, рассматривал дело в собственном суде и, как правило, выносил решение в пользу крестьян. Влиятельность лица, "получившего мзду" решала исход

⁴ C.Th. XI. 24. 4-6. Cf.: Kaplan M. Les hommes et la terre à Byzance du VIe au XIe siècle: Propriété et exploitation du sol. P., 1992. P. 170-171.

⁵ См.: C.Th. XI. 24. 1,3.

⁶ Ibid. 2. 4-6.

⁷ Libanius. De patrociniis 3.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid. 4. 11.

¹⁰ Ibid. 7-10.

¹¹ Ibid. 11.

¹² Ibid. 4.

¹³ Ibid. 8.

дела, и "приговор выносился такой, какого желали шлем и панцирь"¹⁴. Не вдаваясь здесь в подробности о том, в какой мере речь Ливания является отражением реальной действительности, а в какой — риторическим преувеличением¹⁵, отметим лишь наиболее важную для нашей цели деталь, а именно — недвусмысленное свидетельство речи о том, что патронат в IV в. отнюдь не означал непереносимое обладание землей, но включал в себя иные формы соглашений между патроном и патронируемыми лицами, в частности денежную плату и плату натурой¹⁶.

К подобному заключению можно прийти и на основании закона, дошедшего до нас без имени своего создателя и точной даты, но обнародованного, по всей вероятности, спустя какое-то время после закона императора Льва I (457-474) от 468 г. вместе с которым он цитируется в XI книге Кодекса Юстиниана. В то время как рескрипт Льва рассматривает вельможное покровительство именно как посягание на чужую собственность¹⁷, сопутствующий ему упомянутый закон трактует патронат несколько иначе. Приведем начальные слова этого закона: "Пусть никто не обещает покровительства селянам и не привлекает к себе крестьян, беря с них слово в том, что [покровители] будут иметь от них доход или иную выгоду (Μηδεὶς κωμήταις προστασίαν ὑποσχεῖσθω μηδὲ δεχέσθω γεωργοὺς ἐπὶ τοῦτω ὑπόσχεσιν προσδόντων ἢ ἑτέρων κέρδος λαμβάνων)"¹⁸.

Таким образом, патроны, о которых идет речь в данном законе, принадлежат к тому же типу покровителей, что и бравшие мзду стратиги, описанные Ливанием в его речи "О патронатах". Иными словами, по данным имеющихся в нашем распоряжении источников, можно прийти к заключению, что патронат в ранней Византии означал право не только на обладание землей, но и на денежную или иную компенсацию патрону за оказание покровительства крестьянам перед лицом сборщиков налогов или перед их прежними хозяевами. Патрон, само собой разумеется, мог под тем или иным предлогом завладеть землей патронируемого им крестьянина. Характерно, что денежные и иные виды услуг патрону сохранялись вплоть до конца ранневизантийского периода¹⁹.

Несмотря на то, что имеющаяся в распоряжении сенаторов земельная собственность (τῶν χωρίων) упоминается и в нарративных памятниках, в частности в сочинениях Прокопия Кесарийского²⁰, это скорее исключение, нежели правило. Говоря о владениях синклитиков, историк обычно употребляет либо нейтральный термин οἰκία²¹, либо (что гораздо чаще) слово

¹⁴ Ibid. 12-16.

¹⁵ См.: Carrier J.-M. Patronage et propriété militaire au IVe siècle: Objet rhétorique et objet réel du discours *Sur les patronages de Libanius* // BCH. 1976. T. 100. P. 159 et suiv.

¹⁶ Ж.-М. Каррье справедливо, на наш взгляд, различает две разновидности патроната для IV в.: земельный, о котором Ливаний упоминает весьма глухо, и административный, к которому прибегали, в частности, высшие военные — отратнуοί. См.: Carrier J.-M. Op.cit. P. 160, 164. Cf.: Kaplan M. Les hommes... P. 170. По мнению Ж. Дагрона, наиболее важным фактором в данном случае явился переход от одной фискальной системы к другой, когда высшие чиновники начали присваивать основную часть налогов. См.: Dagron G. Op.cit. P. 181.

¹⁷ Cod. Just. XI. 54.1.

¹⁸ Ibid. 54.2.

¹⁹ См., например: Nov. Just. 30. Cap. 9; Nov. 17. Cap. 13; Nov. 33; Kaplan M. Les hommes... P. 170; Saradi H. On the "Archontike" and "Ekklesiastike Dynasteia" and "Prostasia" in Byzantium with Particular Attention to the Legal Sources: A Study in Social History of Byzantium // Byz. 1994. T. 64, Fasc. 1. P. 71.

²⁰ Procop. H.a. XII. 12.

²¹ Ibid. XII. 10, 12.

χωρίων²², означающее, как уже отмечалось, не только деньги, но и движимое имущество вообще.

Попробуем обратиться теперь к просопографическим данным. Из 2742 сенаторов V — первой половины VII в., число которых нам удалось установить (с учетом 500 имен, дошедших до нас благодаря печатям²³), мы располагаем сведениями об имуществе 262 сенаторов, включая 32 женщины. Цифра, разумеется, невелика, но все же это — материал достаточно массовый, к тому же сопоставимый со свидетельствами законодательства и других памятников.

Сохранившиеся в источниках фактические данные относительно собственности этих 262 аристократов, позволяют заключить, что лишь 69 из них являлись истинными обладателями поместий. Необходимо отметить также, что из 69 землевладельцев 63 являлись выходцами из Египта, который ни в коей мере не может считаться типичной для ранней Византии провинцией. Но даже для Египта картина требует уточнения. В своем исследовании, посвященном крупному землевладению в этой области, Жан Гаску убедительно показал, что так называемые крупные домены Египта являлись владениями, входившими в сферу публичного права, ибо с них взимался налог, аналогичный вектигалю, налагавшемуся на государственные домены, вверенные особым персонам, которых рассматривали как лиц, отправлявших общественную литургию. Конкретно это выражалось в том, что к управленческому аппарату крупных собственников центральная власть приписывала чиновников сенаторского ранга, надзиравших за сбором причитающейся государству подати и строго следивших за тем, чтобы указанные собственники выделяли средства на государственные нужды: почту, армию, строительство и починку дорог, обеспечение хлебом столицы и т.д.²⁴ Иными словами, владение земельной собственностью в Египте (а, возможно, и в других областях империи), как бы в целом она ни была велика, не было абсолютным, безусловным.

Что касается остальных 6 человек от упомянутого числа 69, то лишь об одном из них можно сказать с полной определенностью, что он принадлежал к числу крупных землевладельцев. Это — референдарий Лев, о котором Прокопий Кесарийский сообщил, что он "χώρας ...πολλῆς κύριος γέγονε"²⁵. В остальных пяти случаях мы можем только строить предположения. Например, сообщая о вторжении гуннов и славян во Фракию в 559 г. Иоанн Малала говорит, что они "τὸν δὲ υἱὸν Βάκχου Σέργιον τὸν στρατηλάτην... ἐπράιδευσαν"²⁶. Возможно, он намекает здесь на поместье, которым обладал в этом регионе *magister militum* Сергей.

Необходимо также отметить, что у так называемых крупных собственников ранней Византии земельные владения не составляли единого комплекса,

²² Ibid. XI. 41; XII. 30; XVI. 10 etc.

²³ Многие из этих 500 сенаторов могут быть вполне идентичны лицам, упомянутым письменными источниками. Однако идентификация проводится сигиллографистами столь осторожно, что они предпочитают в большинстве случаев ставить знак вопроса, нежели дать вполне определенный ответ. См., например: Oikonomides N.A. Collection of Dated Byzantine Lead Seals. Wash., 1986. P. 22-23. Между тем столь значительное число сенаторов, зафиксированное печатями, но не идентифицированное с упомянутыми в других источниках лицами, создает, на наш взгляд, искаженное представление о количестве сенаторов того времени.

²⁴ Casco J. Les grands domaines, la cité et l'État en Égypte byzantine (Recherches d'histoire agraire, fiscale et administrative) // TM. 1985. T. 9. P. 60.

²⁵ Procop. H.a. XIV. 19.

²⁶ Malal. P. 490.

подобного экзимирированным сальтусам римских магнатов, но состояли из отдельных, порой весьма незначительных земельных наделов²⁷. Временами знатные и влиятельные персоны имели в той или иной общине лишь небольшое количество земли, но при этом, бесспорно, влияние их на ход событий в общине, в частности, на раскладку причитающейся со всего коллектива подати, было необычайно велико.

Следует обратить внимание и на следующий факт. Земельная собственность, которой обладали сенаторы Константинополя, чаще всего находилась в пределах самой столицы или неподалеку от нее. Так, один из богатейших константинопольских сенаторов — полководец Велисарий имел два проастия (пригородных имения) — Руфинианы и Пантейхион²⁸, в то время как не сохранилось никаких свидетельств хотя бы об одном его крупном земельном владении, отдаленном от столицы. Равным образом обладали проастиями консул 503 г. Дексикрат и всемогущий препозит священной спальни при нескольких императорах Урвкий²⁹, пограничный столб между пригородными владениями которых сохранился до сих пор и находится в Эрмитаже³⁰.

В этой связи чрезвычайно интересной для нас и существенно важной для достижения наших целей, безусловно, явилась бы конкретная совокупность сведений, которая дала бы возможность составить представление о более или менее характерном для константинопольского сенатора недвижимом имуществе. По счастью, среди множества изданных императором Юстинианом законов есть один, в котором подробно описывается состояние подобного аристократа. Мы имеем в виду новеллу 159, где детально излагается завещание синклитика Гиерия³¹. Согласно новелле, этот аристократ имел два дома (один в Константинополе, другой — в Антиохии) и пять проастиев, часть которых была расположена вблизи столицы, часть — внутри городских стен. Благодаря этому же источнику, мы можем представить себе, что представлял собой в VI в. проастий, ибо в новелле имеется описание одного из них, носившего название τὰ Κωπάρια. Данный проастий находился в XIII регионе Константинополя, т.е. в части города, именовавшейся Сики и располагавшейся по другую сторону Золотого Рога. Здесь имелись претории, являвшиеся, по всей видимости, какими-то канцеляриями, здания и эргас-

тирии, бани, ипподром, цистерна, лестницы (спуски к воде, а возможно, и причалы) и, наконец, сады³². Часть зданий, эргастриев и садов помещалась внутри стен Сик, часть — за их пределами.

Осталось добавить небольшую, но весьма существенную деталь: здания, эргастрии и сады сдавались хозяином проастия внаем³³. Из других источников известно, что резиденции константинопольских аристократов, занимавшие, как правило, большое пространство, нередко целый городской квартал, обычно включали в себя здания и мастерские, предназначенные для сдачи в аренду³⁴. В новеллах Юстиниана о мастерских знати говорится как о вполне обычном факте³⁵. Едва ли синклитики сами занимались ремеслом и торговлей, о чем свидетельствуют, в частности, ограничения в получении ими процентов при всякого рода денежных операциях³⁶. Логичнее предположить, что они сдавали в аренду или сами мастерские или помещения для них. Впрочем, об этом достаточно ясно говорится и в 43-й новелле Юстиниана³⁷. Сдача константинопольскими сенаторами части их собственности внаем являлась весьма распространенным источником дохода для них. Во всяком случае, вполне очевидно, что имущество Гиерия было городским и базировалось на городском и пригородном хозяйстве³⁸.

Иной вид собственности, который часто фигурирует в источниках — это золото, драгоценности, деньги и всякого иного рода движимость. Так, Прокопий, говоря о богатстве сенаторов в целом, обычно использует термин χρήματα. Приведем некоторые примеры. В своей "Тайной истории" он пишет следующее: "ὅπως δὲ καὶ τοὺς ἐκ βουλῆς ἀφαιρεῖσθαι τὰ χρήματα ξύμπαντα ἰσχυσάιν, αὐτίκα δηλώσω"³⁹. Рассказывая в "Войне с персами" о восстании Ника, историк завершает его описание следующим образом: "ἔπειτα μέντοι τοῖς τε ἄλλοις ἅπασιν καὶ τοῖς Ὑπατίου καὶ Πομπηίου παισὶ τὰ τε ἀξιώματα, οἷς πρότερον ἐχρῶντο, ἀπέδωκε καὶ τῶν χρημάτων ὅσοις τῶν ἐπιτηδείων τινὰς οὐκ ἔτιχε δωρησάμενος"⁴⁰.

Заслуживает упоминания и тот факт, что автор "Жития Олимпиады" при описании ее собственности начинает перечисление богатств именно с золота и серебра⁴¹. Относительно Велисария также известно, что у него было много золота, спрятанного в восточных областях империи⁴². Свидетельств подобного рода сохранилось множество.

²⁷ Tchalenko G. Les villages antiques de Syrie du Nord. P., 1963. T. I. P. 114-116; Kaplan M. Les hommes... P. 146; М.Каплан, вместе с тем, считает, что подобное явление было характерно лишь для Востока, в то время как во Фракии (IV в.) и северо-восточном Пелопоннесе (VI в.) существовали настоящие латифундии. Между тем даже для Рима картина может быть скорректирована. См.: Chastagnol A. Le sénat romain à l'époque impériale: Recherches sur la composition de l'assemblée et le statut de ses membres. P., 1992. P. 325-329.

²⁸ Procop. B.P. I. 25. 21, 23; B.G. III. 35.4.

²⁹ Урвкий был препозитом при Феодосии II, Маркиане, Льве I, Льве II, Зиноне, Василиске и Анастасии, хотя он, по всей видимости, не занимал свой пост непрерывно. Согласно небольшому трактату De situ terrae sanctae, составленному архидиаконом Феодосием, Урвкий обладал столь огромным влиянием на ход государственных дел, что сажал и смещал императоров (Theodosius. De situ terrae. 28 // CSEL. 39. P. 148). Несмотря на то, что в целом эта фраза является, возможно, известным преувеличением, показательно, что, согласно De cerimoniis, Урвкий сыграл важную, если не решающую роль в возведении на престол императора Анастасия (De cer. 92. P. 421). См.: Honigsmann E. Le cubulaire Urbicus // REB. 1949. T. 7, Fasc. 1. P. 47-50; Idem. Notes additionnelles sur le cubulaire Urbicus // REB. 1950. T. 7, Fasc. 2. P. 212-213; PLRE. II. P. 1188-1190.

³⁰ См.: Avraméa A. Bornes de propriétés foncières de Constantinople et de Thrace // TM. 1985. T. 9. P. 399-401. Об окружавших Константинополь проастиях см.: Dagron G. Op. cit.

³¹ Гиерий, чье завещание излагает новелла, по всей видимости, идентичен патрикию Гиерию, исполнявшему в 494-496 гг. должность префекта претория Востока. См.: PLRE. II. P. 558-559; Hierius 6; Hierius 7.

³² Описание проастия τὰ Κωπάρια очень близко к описанию Сик, данному в Notitia urbis Constantinopolitanae (ed. O. Seeck P. 240. 1-23). Видимо, синклитик Гиерий получил в дар от императора целый регион города или его значительную часть.

³³ Nov. 159. Praef.

³⁴ Vita Olympiadis. V. P. 415-416.

³⁵ Nov. 43. 59.

³⁶ Cod. Just. IV. 32. 26, § 1.

³⁷ Nov. 43. Cap. 1.

³⁸ Не отрицая подобного контекста новеллы, М.Каплан, вместе с тем, высказывает гипотезу, что οἶκος Гиерия (особенно его οἶκος в Антиохии) являлись центром целого экономического комплекса. См.: Kaplan M. Les hommes... P., 1992. P. 148. Однако, как признает и М.Каплан, данных источников недостаточно, чтобы эта гипотеза превратилась в надежный вывод. На наш взгляд, нельзя обойти вниманием и тот очевидный факт, что и дома Гиерия, и принадлежавшие ему проастии упомянуты сами по себе, независимо друг от друга, чего, видимо, не случилось бы, если бы слово οἶκος означало единый экономический комплекс.

³⁹ Procop. H.a. XI. 41.

⁴⁰ Procop. B.P. 24. 58.

⁴¹ Vita Olympiadis. V. P. 413.

⁴² Procop. H.a. IV. 17.

Пожалуй, этот феномен, бесспорно, странный на первый взгляд, не вызвал бы особого удивления, вспомни мы о двух моментах, а именно о том, что, что одной из важных статей дохода сенаторов Константинополя было жалование, получаемое ими из казны за исполнение их должности, а также о том, что высшая аристократия во всем, в том числе и в вопросах собственности, зависела от императора, который мог конфисковать и действительно конфисковал имущество представителей знати в любой момент, который казался ему для этого подходящим⁴³. В подобной ситуации золото было надежнее, просто потому, что его легче было укрыть. Мы только что упоминали о золоте, припрятанном Велисарием на Востоке. По сообщению Прокопия, утаенными ценностями (τὰ χρήματα) обладал и после описания его имущества в казну Иоанн Каппадокийский⁴⁴. Любопытный факт сохранился в "Бревиарии" Никифора и "Хронике" Иоанна Никиусского. По данным этих источников, император Ираклий, беспокоясь перед смертью о судьбе своей жены Мартини, оставил для нее своего рода клад, который он для пушей сохранности доверил патриарху Пирру. Увы, Мартине не повезло, ибо один из доверенных людей императора, некто Филагрий, выдал секрет Ираклия его сыну от первого брака императору Константину III (641 г.), и сокровище было конфисковано⁴⁵. Может быть, именно потому, что золото и драгоценности составляли столь важную часть имущества аристократии, в византийской литературе укрыванию и поискам сокровищ, нередкой потере или неудачной, а то и бессмысленной трате их уделено столь заметное место⁴⁶.

Чтобы представить общую картину состояния константинопольских сенаторов, нам хотелось бы привлечь внимание исследователей к таблице "Богатства сенаторов в VI в." В ней представлена собственность 83 сенаторов

⁴³ Конфискация имущества была весьма частым явлением в те времена. Видимо, именно этим обстоятельством объясняется частый переход одних и тех же владений от одних хозяев к другим. Так, проастиий Велисария Руфинианы некогда являлся собственностью могущественного временщика Руфина; его владение Пантейхион также принадлежало ранее иным фамилиям, а какое-то время, возможно, было казенной или императорской собственностью, ибо там проходил суд над всемирным в конце V в. евнухом Евтропием (*Janin R. La banlieue asiatique de Constantinople: Étude historique et topographique* // EO. 1923. Т. 22. Р. 182-183; 196-197). Велисарий же достался константинопольский особняк, конфискованный у бывшего префекта претория Востока Иоанна Каппадокийского (*Stein E. Histoire du Bas-Empire*. Р.; Bruxelles; Amsterdam, 1949. Т. 2. Р. 483. N. 1). Один из проастиев упомянутого выше Гиерия принадлежал когда-то сыну Аспара Ардаурию, его другой проастиий был собственностью сначала некоего синклитика Евгения, затем — префекта Константинополя 491 г. Юлиана, а антиохийский дом Гиерия принадлежал до него сенатору Мамиану (Nov. 159. Praef.; PLRE. II. Р. 558-559; *Hierius* 7; Р. 137; *Ardabur* 1; Р. 416; *Eugenius* 4; Р. 639; *Iulianus* 14; Р. 705; *Mamianus* 1). Известно большое число примеров подобного рода.

⁴⁴ *Procop.* В.Р. I. 25. 34.

⁴⁵ *Nic. Brev.* 29; *Joh. Nik.* 119. 23 (Р. 573).

⁴⁶ В этом смысле особенно показательно "Житие Евлогия", в котором описывается как некий отшельник из Фиваиды, найдя огромный клад, отправился с ним в Константинополь, купил там высокую государственную должность (префекта претория - Р. 257) и жил в столице по-царски, вызывая тем у людей огромную зависть. Вскоре, однако, имущество его оказалось конфисковано. В тексте есть намек на участие Евлогия в восстании Ника (Р. 260), однако, поскольку префектом претория был тогда Иоанн Каппадокийский, принимавший к тому же сторону императора, а отнюдь не бунтовавший против него, как сказано в тексте, это свидетельство — либо фактическая ошибка, либо показатель того, что Евлогий являлся обладателем лишь почетной должности. Самого Евлогия чуть не убили, но он, спасшись бегством в Египет, принялся за ремесло каменщика. См.: *Vie et récits de l'abbé Daniel, de Scété / Ed. L. Clugnet // Revue de l'Orient Chrétien*. 1900. Vol. 5. Р. 254-261. Такова история Евлогия, столь отрадная византийскому обывателю.

VI в., сведения о богатствах которых сохранились в источниках. Мы не включили в нее данные еще о 55 синклитиках, являвшихся египетскими землевладельцами, во-первых, потому, что Египет, как уже отмечалось, не был показательной для империи провинцией, а во-вторых, чтобы избежать возможной путаницы в терминологии. Дело в том, что термин οἶκος означал для Египта (равно как и во многих случаях для казенного, императорского и церковного имущества) обширный экономический комплекс, включавший в себя разного рода собственность, в том числе и земельные владения, в то время как для константинопольской знати слово οἶκος имело сугубо городское значение, в лучшем случае означая, помимо дома, городской квартал⁴⁷. Итак, обратимся к нашей таблице.

Богатства константинопольских сенаторов (VI век)⁴⁸

	χωρίον χωρά	οἶκος	προάστειον	χρήματα χρυσίον	πλοῦτος	οὐσία
Александр 19			1 К-плъ			
Аматий 4		1 К-плъ				
Анастасий 28			1 Фригия			
Анатолий 7	? имел	1 К-плъ		имел		
Андрей 7		1 К-плъ				
Ареовинд 1		1 К-плъ				
Аристوماх 2	? имел	? неск.			имел	
Арсений 3				μεγάλα μεγάλα		
Артаван 2						
Василид		1 К-плъ				
Васс		1 К-плъ				
Велисарий		1 К-плъ	2п.К-лем	μεγάλα τιμώτατα		
Весса				πολλά μεγάλα		
Вораид		1 К-плъ	1п.К-лем			
Георгий 44	?имение (κτῆμα) в Сирии					
Герман 4				имел		имел
Гефест					ἀμύθητος	
Гиерий 7		1 К-плъ +1 Ант.	2 К-плъ, 3 п.К-лем			
Гиеря 9			1 К-плъ			
Демосфен 4						имел
Дексикрат		1 К-плъ	1 п.К-лем			
Евбул		1 К-плъ				
Евдемон 2				πολλά		

⁴⁷ О гипотезе М. Каплана относительно οἶκοι константинопольских сенаторов см. выше примеч. 38.

⁴⁸ Для экономии места в таблице использованы следующие сокращения: Константинополь обозначен как К-плъ; под Константинополем — п. К-лем; Антиохия — Ант.; несколько — неск.; предположительно — ? Цифровое обозначение имен дано согласно PLRE. II, III. Сенаторы учтены лишь те, которые обладали саном иллустрия, дававшим право на действительное участие в заседаниях сената.

	χωρίον χωρά	οἶκος	προάστειον	χρήματα χρυσίον	πλούτος	οὐσία
Евгений 1		1 К-плъ				
Евлалий				564νομισμ. πολλά	большое	
Евлогий 9						
Евсевий 6		1 К-плъ		μεγάλα		
Иоанн 11		1 К-плъ		λίαν ἀδρά		
Иоанн 20						
Иоанн 102		1 Эдесса			большое	
Ипатий 6		1 К-плъ		имел		имел
Исидор 12		1 К-плъ				
Каллиник 2			1 п.К-лем	имел		
Каллиопий 4			1 п.К-лем			
Константин 4				μεγάλα		
Константин 17		1 К-плъ+	1 К-плъ			
		1 Ант.				
Константин 18		1 К-плъ	1 К-плъ			
Константин 33		1 К-плъ				
Лев 1	χώρας πολλῆς κύριος			μεγάλα		
Македоний 1						имел
Македоний 3		1 К-плъ				
Македоний 6			1 под Кизиком			
Максентриан		1 К-плъ				
Мамнан		1 К-плъ				
Маммиан				περιουσίᾳ		
Марин 4		1 Эдесса			большое	
Марин 7		1 К-плъ				большое
Маркел 5		неск.	неск.	μεγάλα		βεστιάριον et omnia prorsus
Марфан 1				имел		
Мосхиан 2		? 1 К-плъ				
Мусоний 1		? 1 К-плъ				
Нарсес 1		1 К-плъ			огромное	
Нарсес 2				μεγάλα		
Нарсес 3		1 К-плъ				
Никита 7		1 К-плъ	1 К-плъ			
Оливрий 3		1 К-плъ				
Павел 23		1 К-плъ	неск.	μεγάλα		
Павел 34				немного		
Петр 6	νησοῦς Ακόναϊ	? 1 К-плъ				
Петр 9		1 К-плъ		μεγάλα		
Петр 55		1 К-плъ	1 п. К-лем			
Помпей 2		1 К-плъ				имел
Приск 1				μεγάλα		
Приск 6		1 К-плъ				

	χωρίον χωρά	οἶκος	προάστειον	χρήματα χρυσίον	πλούτος	οὐσία
Пров 8		1 К-плъ	1 К-плъ	имел		
Сергий 4		? имел		μεγάλα	большое	
Сергий 38						имел
Смарагд 2		1 К-плъ				
Стефан 53					имел	
Татиан 3						имел
Тиверий 4		1 К-плъ			имел	
Трибониан 1				μεγάλα		имел
Урвикий 1		1 К-плъ	1 п.К-лем	μεγάλα		
Феодор 44				имел		
Феодор 47				имел		
Феодосий 19					ἐν πολλῇ εὐπορίᾳ очень богат	
Филиппик 3		1 К-плъ			ἄφθονος πλούτον ἀεξήσας πλούτου τοσόνδε χρήμα	
Флор 1						
Фома 20						
Фотий 2						
Юстин 4						имел
Юстиниан 3						имел
Юстиниан 7		1 К-плъ		μεγάλα		

Подведем некоторые итоги. Из 83 константинопольских сенаторов, собственность которых нашла отражение в источниках, только шесть синклитиков (причем четыре из них лишь предположительно) обладали земельными поместьями, 45 имели дом или дома (точнее сказать, городские кварталы), 18 обладали проастиями; у 31 сенатора были χρήματα и χρυσίον. В 14 случаях владения сенаторов именуются богатством (иногда значительным); в 11 случаях употреблен более нейтральный термин — "собственность".

В целом просопографические и иные данные (в частности, завещания вышеупомянутого Гиерия или внука императрицы Феодоры Афанасия⁴⁹, описание имущества племянника императора Юстиниана Маркелла⁵⁰ и др., а также тот немаловажный факт, что в правление императора Маркиана (450-457) был отменен специальный поземельный налог для сенаторов — gleba⁵¹) приводят к выводу, что константинопольская сенаторская аристократия являлась скорее урбанистической знатью, нежели землевладельческой.

Те же данные источников позволяют заключить, что громадное количество земель в ранней Византии чем дальше, тем больше сосредоточивалось в руках

⁴⁹ *Jon. Eph.* III. 5. 7.

⁵⁰ *Ibid.* 18. Среди огромного богатства Маркелла названы его дома и проасти, золото, серебро, одежда и т.п., но о каких-либо поместьях в собственном смысле этого слова нет и речи. Ср. рассказ Себеоса о некоем Варацтирохе, которого одарил сказочным богатством император Ираклий, предоставивший ему "равный царскому дворец, серебряные ложа и массу драгоценностей" (*Sebeos. XXIX. P. 92-93*).

⁵¹ *Cod. Just.* XII. 2.2.

императора, государства и церкви⁵². О возрастании удельного веса в экономике империи и в доходах казны государственного и императорского землевладения свидетельствует, в частности, тот факт, что должностные лица, возглавлявшие управление ими, являлись высшими сановниками империи. Весьма показательно, например, что если в IV в. главой константинопольского сената, его первым членом был префект города Константинополя, то во второй половине VI в. им, как правило, являлся куратор императорского имущества⁵³.

Насколько явствует из законодательных источников, кураторы императорского имущества, управители отдельных доменов, а также арендаторы императорских владений, которыми, как правило, являлись наиболее могущественные в империи лица, старались любыми способами и средствами приобрести как движимое, так и недвижимое имущество, принадлежащее императору или государству. Отсюда, как можно заключить из новеллы императора Тиверия II⁵⁴, между высшими сановниками и императором возник и существовал, как это тонко подмечено Э.Саради, не слишком явственный, но очень глубокий конфликт⁵⁵. Potentissimi старались стать истинными владельцами попавшего в их руки имущества, чему способствовала процветавшая как в центре, так и на местах коррупция бюрократического аппарата и производ, нередко царивший в провинциях. Ибо, несмотря на тщательно разработанное законодательство, кодификацию именно в этот период римского права,

⁵² См.: Kaplan M. *Les propriétés de la Couronne et de l'Église dans l'Empire byzantin (V^e-VIe siècles)*, P. 1976; *Idem*. Quelques aspects des maisons divines du VIe au IXe siècle // 'Αφιέρωμα στὸν Νίκο Σβόρωνα. Ρεθύμνη, 1986. Т. 1. Р. 70-96; Правда, по мнению Каплана, расцвет domus divina и res privata не следует преувеличивать. См., например: Kaplan M. *Les hommes...* Р. 178-179. Вместе с тем, автор не отрицает переход имущества частных лиц, например, Велисария (напомним, что после его смерти у него остались наследники) к domus divina (Ibid. Р. 178). Собственностью res privata стало имущество и препозита священной спальни 421 г. Антиоха. В принадлежавшем ему некогда дворце, находившемся возле ипподрома (Janin R. *Constantinople byzantine: Développement urbain et répertoire topographique*. Р., 1964. Р. 310), была сыграна свадьба сестры императрицы Феодоры Комито и полководца Ситты (Malal. Р. 430). Во владение короны отошел прекрасный дворец известного государственного деятеля эпохи Юстиниана Петра Варсимы. Император Маврикий подарил его своей сестре Феоктисте (Joan. Eph. III. 5.8). Надо сказать, что, как правило, к res privata отходило имущество, оказавшееся у членов императорской семьи. По существу, оно давалось им лишь на срок их собственной жизни. Именно так случилось с богатством дочерей императора Аркадия Аркадии и Марины и дочери Феодосия II Плакидии при всем том, что у нее остались собственные наследники, в частности дочь Юлиана. См.: Feissel D. *L'ordonnance du préfet Dionysios inscrite à Mylasa en Carie (1er août 480)* // TM. 1994. Т. 12. Р. 283-284. О казенном имуществе см.: Delmaire R. *Largeesses sacrées et "res privata": L'aerarium impérial et son administration du IVe au VIe siècle* (Coll. de l'École franç. de Rome, 121). Roma, 1989.

⁵³ Хотя, как показало исследование Фесселя (Feissel D. *Magnus, Mégas et les curateurs des "maisons divines" de Justin II à Maurice* // TM. 1985. Т. 9. Р. 465-476), говорить о должности главного куратора для конца ранневизантийского периода преждевременно, по данным источников, вполне очевидно, что среди кураторов императорского имущества постоянно выделялся по своему значению кто-то один, кто обладал особым влиянием на ход государственных событий, будучи, по сути дела, наиболее важной политической фигурой в империи. К таковым относился, например, curator divinae domus Antiochi 560-565 Эферий (PLRE. III. Р. 21-22), curator domus Hormisdas Доментиол 3 (PLRE. III. Р. 413-414), куратор Аристомах, уступавший, согласно Иоанну Никиусскому, по своему статусу лишь императору (Joh. Nik. 95. 14-15. Р. 525) или куратор Мега (588 г.), к которому обращался за содействием король франков Хильдеберт II, прося его оказать помощь в создании союза, направленного против лангобардов (PLRE. III. Р. 870-871). О значении кураторов см. также: Kaplan M. *Les hommes...* Р. 177-178.

⁵⁴ См. издание новеллы М.Каплана: *Novelle de Tibère sur les "Maisons divines"* // TM. 1981. Т. 8. Р. 237-245.

⁵⁵ Saradi H. *Op. cit.*, Р. 69-117.

считать ранневизантийскую империю упорядоченным правовым государством было бы, на наш взгляд, глубокой ошибкой. Подчас сила и могущество значили здесь не меньше, нежели закон. Используя в качестве прикрытия законодательство, но опираясь по существу на силу и власть, император, со своей стороны, умудрялся не только возвращать то, что было незаконно приобретено, но и конфисковать имущество, полученное сановниками в качестве дара от него самого или его предшественника, либо приобретенное по наследству или иным образом.

Прокопий в своей "Тайной истории" нередко критикует Юстиниана за то, что он присваивал себе богатства сенаторов⁵⁶. Дело, по всей видимости, не столько в корыстолюбии императора, сколько в его представлении о том, что именно он являлся и νόμος ἐμψυχός⁵⁷, и верховным собственником в государстве⁵⁸. По его разумению, пожалованное им имущество должно было по прошествии времени к нему (как олицетворению государства) и вернуться. Видимо, руководствуясь этим принципом, Юстиниан и принял условия завещания комита домашних Евлалия, который, оставшись чуть ли не нищим, назначил императора своим наследником, поручив ему раздать его долги и выделить содержание его дочерям⁵⁹. Возможно, в поведении императора, исполнившего столь странную, на первый взгляд, просьбу скончавшегося государственного деятеля, было больше логики, нежели чудесного, которое усмотрел поведавший нам об этом событии хронист.

⁵⁶ См., например: Procop. H.A. XII. 1-17 etc.

⁵⁷ Nov. CV. 2, 4.

⁵⁸ В своем законодательстве, во всяком случае, Юстиниан исходил из идеи, согласно которой интересы государства и связанного с ним индивидуума-собственника ставились выше интересов семьи и прочих возможных претендентов на его имущество после смерти. См.: Zachariae von Lingenthal K.E. *Geschichte des griechisch-römischen Recht*. B., 1892. S. 133, 170; Панченко Б. О Тайной истории Прокопия // ВВ. 1897. Т. 4. С. 419.

⁵⁹ Malal. Р. 439.

О.Р. Бородин

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В СРЕДЕ РАВЕННСКОГО ДУХОВЕНСТВА В VI—VIII вв.

"Книга понтификов Равеннской церкви" — написанная в IX в. аббатом Агнеллом история равеннской епископии¹ — донесла до нас сведения о ряде внутрицерковных конфликтов, имевших экономическую подоплеку. До сих пор они практически не привлекали внимания исследователей. В крупных трудах по истории Византийской Италии — монографиях Ш.Диля, Л.-М. Гартманна, А. Гийу² — эти эпизоды лишь бегло упоминаются. В специально посвященных истории равеннской церкви книгах А. Симонини в соответствующих случаях дается простой пересказ источника³. Почти нет и частных работ, посвященных экономической борьбе в среде равеннского духовенства⁴. Вряд ли можно считать оправданным такое равнодушие историков к данной теме и не только потому, что, как и всякая историческая реальность, она самоценна и в этом смысле заслуживает внимания. В любой стране и в любую эпоху экономические явления связаны друг с другом миллионами нитей: в частности, обращение к равеннской "Книге понтификов" позволяет нам убедиться в том, что экономические столкновения местных епископов с собственным клиром повлияли на некоторые важнейшие экономические процессы, протекавшие в Северо-Восточной Италии в VI—VIII вв.

Первый крупный конфликт такого рода разразился в годы понтификатов епископа Равенны Экклесия (521—534) и римского папы Феликса IV (526—530) и, следовательно, относится ко второй половине 20-х годов VI в. Известно, что тогда против равеннского епископа и его ближайшего окружения выступила значительная часть духовенства во главе с архидиаконом Масталлоном. Стороны обратились за арбитражем в Рим и получили от папы Феликса обширное послание, которое полностью приводится в "Книге понтификов" Агнелла. В сущности, лишь благодаря посланию мы можем судить о причинах

происшедшего, ибо сам Агнелл произносит по этому поводу единственную фразу от собственного имени: "Случилось так, что в то время между блаженным Экклесием и священниками возник спор из-за части церковных имуществ" (de singulis rebus ecclesiae contentio est)⁵.

Папа в своем послании фиксирует внимание равенских духовных лиц на трех основных сюжетах. Приведем касающиеся их выдержки из документа:

1) "...Итак, прочитав грамоты, представленные нам братом нашим Экклесием, а также пресвитерами, диаконами и нотариами Равеннской церкви, в присутствии брата нашего и понтифика Экклесия равно как и вышепоименованных клириков, прибывших сюда по данному делу, мы постановляем: обязанности клириков должны принимать на себя только те, чья жизнь и поведение не противоречат священным канонам. Клирикам же, желающим и пытающимся достигнуть того, что по святоотеческим правилам принадлежит пресвитерам и диаконам, приказываем всецело руководствоваться постановлениями тех (святоотеческих. — О.Б.) времен. Что же относится до церкви Равенны и Класиса, то в ней имеется древний обычай. Клирики и монахи не имеют права ради достижения незаслуженного ими положения искать покровительства местных властей, дабы епископ, не выполняя требуемого, не навлекал на себя чьего-то недовольства, или, выполняя, не поступал бы противозаконно. Четверть патримония Равеннской церкви, т.е. три тысячи солидов, предназначена для выдачи клирикам и тем, кому принято выплачивать эти суммы. Если же что-либо из денежных поступлений или завещанных имуществ увеличится по воле Господа нашего, то надлежит, с помощью Божьей, четвертую часть посвятить на те же цели: таким образом, однако, как указано в бреве⁶, чтоб невозможно было распределить ее между отдельными людьми тайно, но исключительно в соответствии с заслугами и статусом, ибо все это установлено самим Господом, последовательно и законно. Нужно, чтобы каждый тщательно охранял все, что ему поручено, если сему не мешают тяжела болезнь или потребности алтаря. За вычетом имуществ или дополнительных доходов, издержанных на личные нужды, гостевых даров, подносимых многим, и трапез, которые устраивают для них согласно с их должностным положением и заслугами, а также того, что потребно для приема приезжающих, все остальное мы предписываем отдавать епископу. И никаких заговоров, никаких сходов, кои не остаются безнаказанными и среди мирян, не смеет пытаться осуществлять в Божьей церкви никто из клира".

2) "...Для управления патримонием по распоряжению епископа... да будут направлены люди из состава клира, чья честность и деловитость проверены, после принятия ими соответствующей присяги и за установленное епископом разумное вознаграждение, чтобы не терпело ущерба подающие бедным, и размеры патримония никто бы не утаил, и чтобы клирик, боясь Господа и собственного священника, честно распоряжался всем тем, что ему выделено. ...Если же кто из клириков держит принадлежащее церкви городское или сельское имущество, предписываем составить для него грамоту с точным определением доходов, так, чтобы он получал то, что следует, для собственных нужд, а все, что сверх того, шло бы в доход церкви. Что касается городского и сельского имущества, а также прочей недвижимости, оставлен-

¹ Agnelli Liber Pontificalis Ecclesiae Ravennatis // Scriptores rerum langobardicarum et italicarum. Hannoverae, 1878. P. 265—391.

² Имеются ввиду работы: Diehl Ch. Etudes sur l'administration byzantine dans l'exarchat de Ravenne (568—751). P., 1888; Hartmann L.M. Untersuchungen zur Geschichte der byzantinischen Verwaltung in Italien (540—751). Leipzig, 1889; Guillou A. Régionalisme et indépendance dans l'Empire Byzantin au VIIe siècle: L'exemple de l'Exarchat et de la Pentapole d'Italie. Roma, 1972.

³ Simonini A. Autocefalia ed escarcato in Italia. Ravenna, 1969. P. 112; Idem. La Chiesa Ravennate: Splendore e tramonto di una metropoli. Ravenna, 1964. P. 74.

⁴ Единственное известное нам исключение составляет ценная статья: Tamassia N. L'enfiteusi ecclesiastica ravennate e un racconto di Agnello. Nota. Bologna, 1920.

⁵ Agnellus. Op.cit. P. 319.

⁶ "Бреве" именовалась вотчинная книга, содержавшая перечень и характеристику имуществ того или иного патримония Римской церкви и выдававшаяся на руки его управителю — "актору". См.: Spearing E. The Patrimony of the Roman Church in the Time of Gregory the Great. Cambridge, 1918. P.23—24.

ной различным базиликам нашими верными во спасение своих душ, то относительно них существует древнее правило. Нотарии в порядке, предписанном матрикулами: примицерии, секундицерии, третий, четвертый, пятый, шестой и седьмой самостоятельно в присутствии священников и диаконов получают документ за подписью завещателя, чтобы, как только возникнет необходимость, можно было его законно использовать, выдавать и получать... Если же каким-либо светским лицам, не терпящим материальной нужды, было передано церковное сельское и городское имущество, пусть епископ озаботится, дабы вернуть его церкви через специально назначенных клириков, чтоб в дальнейшем и не пытаться передавать его в пользование иначе как по единственной вышеупомянутой причине".

3) "...Дошло до нас, что некоторые клирики посещают зрелища, и дело это столь ужасное, что заклятостью возмущает души верующих, ибо они вопреки установлениям встречаются на зрелищах тех, кого видят в Доме Божиим читающими Слово. В результате нарушается дисциплина и попираются божественные правила. Здесь епископу необходимо проявлять заботу; иначе, если они (клирики. — О.Б.) сейчас так не поступают, то начнут поступать в будущем, а если поступают уже, то должны быть подвергнуты за это наказанию согласно церковным нормам"⁷.

Текст источника позволяет высказать следующие соображения о сути конфликта. В первой части папского письма говорится о так называемой "кварти" — четвертой части церковного бюджета, распределявшейся в среде клира. Кварти клириков появляется в католической церкви в результате четырехчастного деления церковных доходов, известного с V в. В письме римского папы Симплиция (468—483) епископам Флоренцию, Эквицию и Северу от 19 ноября 475 г. говорится: "...принадлежит ему (епископу. — О.Б.) одна четвертая часть. Две используются для нужд церковного строительства и для пропитания странников и нищих...; последнюю клирики делят меж собою по заслугам каждого"⁸. Папа Геласий I (492—496) в письме епископам Лукании, Бруттия и Сицилии (494 г.) утверждает официально: "Доходы верующих делятся на четыре части..., из которых одна предназначена для епископа, другая — для клириков, третья — для бедных, четвертая — для строительства"⁹. Он же повторяет это правило в послании жителям Бриндизи¹⁰ и поясняет в другом письме: "Управлять имуществом церкви имеют право епископы, однако они обязаны разделять доходы между вдовами и сиротами, бедняками и клириками. Оставшаяся часть остается епископу, чтобы он мог выступать благотворителем странников и пленных"¹¹. Фраза о четырехчастном делении доходов церкви вошла в выработанную в правление папы Геласия формулу обращения к пастве, куриалам и клиру того или иного города при назначении нового епископа¹², а впоследствии была включена в *Liber Diurnus* — официальный формуляр римских пап¹³.

⁷ Agnellus. Op. cit. P. 319—321.

⁸ Thiel A. Epistolae Romanorum pontificum genuinae et quae ad eos scriptae sunt a S. Hilario usque ad Pelagium II. Brunsbergae, 1867. P. 176.

⁹ Ibid. P. 378.

¹⁰ Ibid. P. 381.

¹¹ Ibid. P. 382.

¹² Ibid. P. 380.

¹³ *Liber Diurnus Romanorum Pontificum* / Ed. Th. Ab. Sickel. Vindobonae, 1889. P. 6. Отметим, что данное деление доходов церкви на четыре части считалось правилом, освященным традицией, но все же не божественным установлением. Оно повсеместно признавалось в Италии,

В рассматриваемом нами случае папа Феликс IV с полным основанием подчеркивает, что четверть всех поступлений равеннской архиепископии должна отдаваться клиру; при этом он вынужден почему-то особо указывать, что четверть доходов от любого вновь приобретенного имущества также входит в квартиру клириков. Мы вправе заключить, что епископ Экклесий ставил под сомнение если не само право клириков на получение квартиры, то, по крайней мере, их право на долю от новых имущественных поступлений. Урезонивая епископа, папа одновременно говорит о клириках, стремящихся добиться того, что причисляется священникам и диаконам. В чем смысл этого упрека? Отвечая на этот вопрос, мы переходим ко второму пункту спора, связанному с использованием церковного патримония. Дело в том, что в Римской церкви для управления земельными владениями назначались акторы (*actores*) и помощники акторов — дефензоры. В VI в. в роли папских акторов иногда выступали местные епископы, чаще — священники; среди дефензоров преобладали диаконы. Но никогда младшие клирики (аколиты, чтецы, певчие) не становились акторами¹⁴. К клирикам Равенны, недовольные суммой, которую уделяла им епископия, вероятно, стремились провести на ключевые посты в сфере имущественного управления церковью своих людей, посягая таким образом на то, что "принадлежит священникам и диаконам". При этом они пытались прибегнуть к протекции влиятельных лиц. (Напомним, что дело происходило в столице Остготского королевства). Упомянутые светские лица занимали столь высокое положение, что равеннскому епископу неудобно было им отказать, о чем в обтекаемых выражениях и говорит папа Феликс.

Управители-акторы из своей среды нужны были клирикам Равенны не только для того, чтобы создать для себя режим наибольшего благоприятствования при сохранении традиционных методов эксплуатации патримония. Как свидетельствует источник, равеннские клирики хотели ощущать себя полными хозяевами земельных участков, предоставленных им в пользование. Церковное же руководство рассуждало иначе: все, что превышает личные потребности клирика и его семьи, следовало отдавать епископии. Очевидно, что клирик выступал в этом случае в качестве не владельца или арендатора, но лишь временного держателя земельного участка. Часть дохода, получаемая клириком, представляла собой жалованье за службу. Сумма участков, находившихся в распоряжении клириков, и составляла ту четверть ("кварти") земельной части патримония, о которой упоминает папа Феликс IV.

Отметим, что рекомендации римского папы были, вообще говоря, достаточно либеральны по отношению к земельным держателям. Епископия должна была предоставлять им земли, не претендуя на дары — *exenia*¹⁵, на кормления — *convivia*¹⁶, разрешая тратить церковные деньги на представи-

но галльские и испанские епископии, напротив, подразделяли свои доходы на три части. Это было связано с нормами германского обычного права. См.: Boyd C.E. Tithes and Parishes in Medieval Italy: The Historical Roots of a Modern Problem. Ithaca; N.-Y., 1952. P. 76.

¹⁴ Spearing E. Op. cit. P. 27.

¹⁵ *Exenium* — "гостевой взнос", широко распространенный в раннесредневековой Италии тип продуктовой ренты, внешне оформлявшийся как добровольное подношение. См. подробнее: Бородин О.Р. Византийская Италия в VI—VIII вв. (Равеннский экзархат и Пентаполь). Барнаул, 1991. С. 61—63.

¹⁶ *Convivium* — трапеза, устраиваемая согласно обычаю при посещении населенного пункта влиятельным светским или духовным лицом; позднее — кормление, предоставляемое в подоб-

тельские нужды. Но вопрос о принадлежности земель церковь решала однозначно: все права владельца и распорядителя доходов она оставляла за собой. Отсюда вытекало весьма неприятное для клириков требование папы Феликса: вычислить и документально зафиксировать доходность полученных ими земель с тем, чтобы впредь излишки доходов изымались епископией. Папа рекомендовал епископу Равенны использовать римский опыт, когда каждый вновь назначаемый актор получал от курии специальное "брево" и мог контролировать держателей. Забота о патримонии являлась его главным делом, отвлекаясь от которого он имел право лишь на время для участия в церковных церемониях ("потребности алтаря") или в связи с тяжелой болезнью. Ни при каких обстоятельствах не позволялось отдавать земли патримония в держание светским лицам. Требование папы Феликса немедленно отнять их у всех мирян кроме остро нуждающихся, получивших их в порядке благотворительности, наводит на мысль, что среди церковных держателей могли быть упоминавшиеся представители местной власти (*locum potentium*) — люди, способные оказывать покровительство полезным для них группировкам в составе равеннского духовенства.

Отстаивая свои интересы, противоборствующие стороны использовали любую возможность для того, чтобы скомпрометировать соперника. В частности, епископ Экклесий не преминул сообщить, что его клирики посещают публичные зрелища. Священнослужители, естественно, заявили, что их оклеветали. Папа римский не стал вдаваться в детали, но резонно заключил, что если клирики до сих пор и не грешили, то они ничем не застрахованы от этого в будущем. Он однозначно осудил практику посещения зрелищ духовными лицами, призвав епископа к бдительности.

В целом постановление папы Феликса IV носит компромиссный характер. Главный его смысл состоит в том, что за епископией остается право распоряжаться патримонием, а клиру гарантируется кварта. Компромиссно оно и по форме: строгий тон, когда речь идет о клириках, не мешает римскому папе в косвенных выражениях высказать епископу Экклесию ряд серьезных претензий по управлению вверенным ему диоцезом. Не случайно хронист Агнелл завершает сообщения об этих событиях фразой: "После этого образумился блаженный Экклесий и обращался уже со своими овцами, как отец с детьми"¹⁷. Агнелл, сам происходивший из среды равеннского клира, полагал, следовательно, что папа Феликс IV поставил на место "зарвавшегося" епископа Экклесия. Именно компромиссность, разумный центризм позиции, занятой римским папой в конфликте между клиром и епископом Равенны, обеспечили его постановлению долговечность. Равеннские духовные лица на протяжении полутора столетий считали его руководством к действию, ссылались на него как на прецедент, и, несмотря на некоторые немногочисленные исключения, в основном его выполняли.

Эпохой расцвета политического могущества Равеннской архиепископии¹⁸ стала середина VII в. В результате длительной и напряженной борьбы с папством за преобладание в Италии при архиепископе Мавре (648—671) она

получила от византийского императора право автокефалии¹⁹. С этого момента равеннские понтифики сделались совершенно независимы от Рима; даже в сан их посвящали три их собственных суффрагана. Римская и равеннская епископские кафедры обменялись проклятиями и прекратили взаимное общение. Конфессиональный разрыв между Римом и Равенной имел многообразные последствия, но, в частности, он предоставил равеннской церкви моральные основания для того, чтобы игнорировать апостолические определения римских пап. В числе таких определений было и известное нам послание папы Феликса IV. Такова была церковно-политическая ситуация в Равенне, когда на архиепископскую кафедру вззошел второй преемник Мавра — молодой, энергичный и беспринципный Феодор (677—688). «В эти дни случился большой голод во всей земле, и он (Феодор. — О.Б.) присвоил (*deglutivit*, т.е. буквально "поглотил". — О.Б.) весь хлеб в области. Когда же священники не смогли найти, где его купить, то пришли к нему просить помощи. Он же сказал пришедшим к нему архидиакону Феодору и архипресвитеру — также по имени Феодору: "Скажите священникам и всему клиру: Зачем изнуряет вас такой голод? Если откажитесь ото всей церковной кварты и от всего, что за эти годы в качестве кварты по воле епископов получили, то я справлюсь с вашей нуждой". Они же, мучимые долгим тяжелым голодом, согласились; и с того времени кварта отнята у клириков этой церкви вплоть до сего дня. Обычаи же церкви, которые по каждому предмету были собраны в отдельные тома, он забрал и сжег. Когда восседал он на престоле, согласно своему достоинству, и поднялся против него ропот среди священников и клириков из-за обычаев, запись которых он изъясил из архива, то, предвидя свое поражение, он заявил: "Верьте мне, дети, что я не только не отниму ваши обычаи, но еще их преумножу". И дал обещание перед собранием всей церкви, что если кто найдет какие-то документы, фиксирующие обычаи, то он их примет. Когда же ему принесли множество грамот, то в глубине души замыслил он зло. Якобы с радостью принял он все это, глядя на всех с ясным лицом; сам же был волком в овечьей шкуре. И сказал он им вновь: "Поищите еще, и когда все найдете, мы заключим между собой соглашение, чтобы никогда в дальнейшем нам не ссориться". Они же отправились и после тщательных поисков, как только что-нибудь обнаруживали, приносили ему. А он, обманно получив все грамоты, сказал: "Идите, а я пока подумаю, каким образом мы оформим договор, чтобы раздоры никогда не повторялись". И собрав все, соединил в один том и сжег в очаге собственной бани»²⁰.

Разбойничьи действия архиепископа Феодора не остались безнаказанными. Сделавшись в глазах всего духовенства личностью одиозной, он пытался, как сообщает Агнелл, восстанавливать друг против друга священников и диаконов, приближая то одних, то других, но расположения клира так и не добился. Накануне праздника Рождества Христова священники пришли к архипресвитеру и архидиакону и заявили следующее: "Скажите господину нашему понтифику, что он творит нам зло. Полно притеснять и травить нас! Много уж тягот он нам доставил, и сносить их мы более не можем. Воспользовавшись удобным случаем, он лишил нас кварты, сокрушил апостолические установления, сжег в огне обычаи церкви, матрикулы отнял, от лона церкви нас отлучил, все творит вопреки Евангелию, телесно нас

ных случаях вассалом сюзерену. См.: *Du Cange. Glossarium Mediae et Infimae Latinitatis*. P., 1842. T. 2. P. 585.

¹⁷ *Agnellus. Op.cit.*, P. 321.

¹⁸ Равеннский диоцез получил ранг архиепископии во время понтификата епископа Максимиана (546—556).

¹⁹ См. подробнее: *Бородин О.Р.* Указ. соч. С. 263—267.

²⁰ *Agnellus. Op.cit.* P.356.

унизил, имущества разграбил, средства к жизни отнял, списки церковных доходов (*censuales*), по его словам, исчезли²¹. Но сделанное архиепископу руководителями клира последнее предупреждение не подействовало. Посланцы духовенства были с оскорблениями изгнаны вон. На Рождество архиепископ Феодор пришел в храм для совершения торжественного богослужения, но не обнаружил на месте ни одного клирика. "Видимо, они еще спят", — решил он и послал за ними слуг. Те возвратились и сообщили, что весь клир ушел из Равенны в близлежащий Классис, собрался там в соборе Св. Аполлинария, и сейчас в нем уже идет торжественная литургия. Священнослужители наотрез отказались иметь дело со своим епископом. Все попытки понтифика через своих клеветников уговорить клириков вернуться оказались тщетными. Священнослужители заявили, что намерены отправиться в Рим просить себе нового пастыря, а если им откажут, то они обратятся с той же просьбой к императору в Константинополь. Архиепископ в панике бросился к византийскому экзарху Равенны, прося заступничества. Но посланцы экзарха получили от клириков следующий ответ: "Если мы отправимся в Константинополь, то пожалуемся и на самого экзарха за то, что он раньше не захотел призвать его (архиепископа. — О.Б.) к порядку". Узнав об этом, архиепископ Феодор принялся умолять экзарха лично отправиться в церковь Св. Аполлинария в Классисе и обещать от его имени все, чего только ни потребуют восставшие клирики. "К имуществу церкви я буду иметь отношение не большее, чем любой из них", — заверял архиепископ.

"На следующий день явился в храм экзарх и вошел вместе с архиепископом и всеми священниками, а сзади них встали диаконы и весь клир, участвовавший в ссоре. Много было между ними споров, и избитен был понтифик, и все немедленно были восстановлены в своем достоинстве, и были распределены между ними по жребию (*sortiti*) церковные имущества, и не было среди них никого, кто какую-либо их часть не получил; то же касается и подчиненных управителей (*actores*), и проастиев, принадлежавших *familiares ecclesiae*; и отправились все счастливые в свои монастыри и возблагодарили Бога. То, чем ранее пользовался один епископ, теперь было разделено между всеми, и с этого дня договор (*foedus*) был установлен и скреплен клятвой между понтификом и его священниками о том, что *familiares ecclesiae* имеют право самостоятельного надзора (*auctoriam curationem habeant*)..."²²

Так завершился наиболее острый конфликт между равеннским клиром и архиепископом. Но от архиепископа Феодора всегда можно было ожидать новых сюрпризов. Как сообщает Агнелл, понтифик в очередной раз "измыслил зло, ибо не сумел, как желал, обогатить за счет церковного имущества собственных родителей". Тогда он тайно написал в Рим папе Агафону письмо с просьбой пригласить его в Рим для переговоров о взаимоотношениях двух кафедр. Получив приглашение, он отправился в Вечный город и там официально отрекся от автокефалии, а римский папа (преемник умершего Агафона) утвердил взамен этого все его прежние распоряжения по епархии²³.

Последняя акция алчного и бессовестного равеннского прелата выглядит вполне понятной: римская курия легализовала в числе прочих равеннских новшеств переход в руки архиепископа кварталы клириков. По Агнеллу "вплоть

до сего дня", т.е. до середины IX в. кварта оставалась в руках архиепископов. Отметим, что пример Равеннской церкви оказался заразительным, и на протяжении VIII—IX вв. обычай выдачи клирикам итальянских церквей четвертой части доходов епархий постепенно отмирал²⁴.

Как же могло получиться, что конфликт, разгоревшийся в Равеннской церкви, завершился победой клира, но кварта осталась в руках архиепископа? Очевидно, блага, полученные равеннским духовенством в результате заключенного с архиепископией договора, значительно перевешивали потери от утраты кварталы. В самом деле: клирикам был роздан полностью церковный земельный патримоний, второй по величине в Италии после папского, включавший к концу VII в. земли в окрестностях Равенны, Перуджи, а, возможно, и Рима, в Пентаполе, в Далмации и даже в Сицилии²⁵.

Можно утверждать, что с этого времени окончательно исчезают равеннские церковные поместья, где под руководством управителя велось собственное крупное колонатное хозяйство. (Пример такого хозяйства дает нам равеннский папирус № 3 из собрания Я.-О. Чедера, относящийся к 60-м годам VI в.²⁶) Теперь между непосредственным производителем, колоном, и собственником — церковью становится представитель промежуточного страта, определенного источником как прослойка *familiares ecclesiae*. Эти люди получили "право надзора", т.е. приобрели экономическую самостоятельность, освободившись от опеки акторов. Бывшие же акторы, по-видимому, слились с ними, получив статус *familiares*. Именно так можно понять не вполне четкую формулировку Агнелла: "...то же (т.е. новая практика распределения патримония. — О.Б.) касается и подчиненных *actores*, и проастиев, принадлежащих *familiares ecclesiae*".

На каких же условиях получили церковные земли *familiares ecclesiae*? Ясно, что не в собственность, так как собственником этих земель осталась Равеннская церковь. С другой стороны, они и не стали обычными держателями церковных земель типа прежних получателей кварталы. Мы помним, что такой вариант и за полтора столетия до этого не казался равеннскому клиру особенно привлекательным. В недавней монографии автором этих строк было указано, что с конца VII в. на землях Равеннской церкви стала распространяться льготная аренда византийских чиновников и военных²⁷. Логично предположить, что именно на условиях льготной аренды получили церковные земли равеннские клирики и *familiares ecclesiae*. В юридическом плане подобные держания оформлялись как эфитевтические с весьма низкой арендной платой. До описываемых событий известно всего два эпизода, когда равеннская церковь заключала такие сделки. При этом оба они по своему содержанию могут рассматриваться как исключения. В первом (639 г.) воин Ариминского нумера Павлацис получил в эфитевсис только что подаренный им Равеннской церкви земельный участок; в сущности здесь мы имеем дело с ита-ло-византийским вариантом *precaria oblata*²⁸. Во втором случае (середина VII в.) арендатором-эфитевтом очень большого поместья и имущества в городе стал Феодор Каллиопа — крупнейший политический деятель Византийской

²⁴Boyd C.E. Op.cit. P. 86.

²⁵См.: Бородин О.Р. Указ. соч. С. 49—50.

²⁶Tjäder J.-O. Die nichtliterarischen lateinischen Papyri Italiens aus der Zeit 445—700. Lund, 1955. Bd. I. S. 186—188. Pap. 3.

²⁷Бородин О.Р. Указ. соч. С. 74.

²⁸Tjäder J.-O. Op.cit. Bd. I. S. 358—367. Pap. 22.

²¹Ibid. P. 357.

²²Ibid. P. 359.

²³Ibid.

Италии, дважды бывший равеннским экзархом (643—645, 653—660-е годы)²⁹. Независимо от того, являлся ли он действующим экзархом в момент заключения сделки³⁰, влияние этого человека в Равенне позволяло ему не очень считаться с церковными правилами, тем более в условиях, когда сама церковь была заинтересована в его покровительстве.

К концу VII в. (правление епископа Дамиана, непосредственного преемника Феодора — 688—705) относятся древнейшие эмфитевтические сделки, зафиксированные в полиптихе Равеннской церкви — так называемом Баварском кодексе. Мы располагаем семью такими свидетельствами³¹, и при известной всем медиэвистам скудости актового материала по экономической истории VII—VIII вв. имеем основания говорить о широком распространении соответствующей практики в Равеннском экзархате примерно с 90-х годов VII в. Возможности для нее представило соглашение епископа Феодора со священнослужителями о правах *familiares ecclesiae*, заключение между ними договора — *foedus*.

Исследуя вопрос о его роли в экономической истории Равенны, необходимо привлечь к рассмотрению свидетельство Агнелла о событиях в Равенне в начале 30-х годов VIII в. Тогда равеннцы изгнали из города архиепископа Иоанна VII (723—748). Агнелл пишет: «И вот разгневались граждане Равенны против этого понтифика и отправили его в ссылку в венецианскую область, и в течение года он был изгнанником. Тогда скриниарий Епифаний, видя разорение святой нашей церкви и отца отечества (*patrem patriae*), находящимся в стеснении и скорби, через посредство экзарха города вновь призвал его на принадлежащую ему кафедру. А после того как восстановился он в достоинстве понтифика, упомянутый скриниарий Епифаний однажды сказал ему: "Отче-господине, стоило бы тебе прийти во дворец к экзарху и отнести ему большую грудку серебра³², чтобы созвал он на суд тех мужей, что отправили тебя в ссылку, дабы мы отомстили им, и то, что ты отдашь, вдвойне с них получили бы. Ты будешь вести себя, как надлежит епископу; судиться с ними буду я, и знаю, что с помощью Божьей одержу над врагами победу". И все случилось так, как вы слышали. Утвердился упомянутый понтифик Иоанн в материнском лоне церкви, а на другой день инициатор соборща — тот же скриниарий Епифаний — принялся рядиться с определенными людьми (*cum singulis hominibus*) и сказал так: "Ты имеешь письменное предписание об иму-

ществах (*praescriptum ex rebus exaratum*), согласно которому никогда против сей святой церкви и против епископа этой кафедры ни по какому поводу не восстанешь ни действием, ни словесно. Скажи теперь, что ты за овца, если своего пастыря, согревавшего тебя и водившего по травянистым лугам, ты ткнул рогом и подписал направленный против него документ (*sigographa*)?" И когда они были изобличены, он (епископ. — О.Б.) собрал сторицею то, что дал экзарху. И после этого все единодушно и униженно пришли к нему, моля о прощении; и никто в будущем не вызвал его гнева»³³.

Комментируя этот текст в специальной статье, итальянский историк Н. Тамассия пришел к выводу, что в источнике говорится о крупных арендаторах церковных земель на условиях эмфитевсиса и либеллы, а в высказывании скриниария Епифания почти дословно процитирована их присяга собственнику³⁴. В частности, Н. Тамассия обратил внимание на текстуральные и смысловые совпадения между словами Епифания и обязательствами эмфитевта из вышеупомянутой арендной грамоты экзарха Феодора Каллиопа (середина VII в.)³⁵. Подобная или сходная формулировка встречается во многих равеннских эмфитевтических грамотах более позднего времени³⁶. По содержанию она представляет собою прототип вассальной присяги, предусматривавшей возникновение на базе экономического (поземельного) контракта обязательств внеэкономического характера. То обстоятельство, что в рассматриваемом случае мы имеем дело с обязательствами негативного, а не позитивного плана ("не выступать против"), а также характерная оговорка из арендного договора Феодора Каллиопа ("за исключением только ситуаций, когда придется обсуждать какое-либо дело законным образом" — *ventilare per justiciam*), естественны в условиях развитого правового государства, где частное право не может налагать на субъекта обязанностей, противоречащих праву публичному.

Лица, заключившие с Равеннской церковью подобную сделку, вероятнее всего, приобретали по отношению к ней некоторый новый статус, причем единственный подходящий для него термин источников — *familiares ecclesiae*. Как видим, их обязательства перед церковью были в общих чертах намечены уже к середине VII в., а в 30-е годы VIII в. воспринимались как освященные традицией. Привлекательно было бы на этом основании поставить знак равенства между договором (*foedus*), заключенным между архиепископом Феодором и его священнослужителями, и *praescriptum ex rebus*, упомянутым Епифанием в его речи. Однако вряд ли это было бы правильно.

Судя по заявлению Епифания, *praescriptum ex rebus* заключался между церковью и конкретным арендатором, и речь в нем шла о совершенно определенном имуществе. Документы такого рода должны были писаться в двух экземплярах³⁷ и находиться как на руках у арендаторов, так и в архиве

²⁹ Tjäder J.-O. Op.cit. Stockholm, 1982. Bd. II. S. 172—179. Pap. 44.

³⁰ Этот вопрос — спорный. См.: Ibid. S. 291. Komm. 19.

³¹ Опубли.: Codex Bavarus. N 14, 15, 16, 21, 23, 27, 122 // M. Fantuzzi. Monumenti Ravennati di secoli di mezzo. Venezia, 1801. T. I. От времени самого епископа Феодора эмфитевтических грамот до нас не дошло. Укажем, однако, на следующее немаловажное обстоятельство: в правление Дамиана "архив сей церкви был сожжен огнем, и многие документы тогда сгорели в пламени, а многие дурными людьми были разграблены и спрятаны. Тогда, собрав всех священников..., епископ... провозгласил анафему тем из вышеназванных, кто взятые документы не вернет, а тех, кто возвратит, объявил свободными от вины" (Agnellus. Op.cit. P. 365—366). Надо полагать, что не были возвращены наиболее актуальные документы последних лет, т.е. грамоты, относящиеся к понтификату самого Дамиана и его предшественника Феодора. Соккрытие и уничтожение актов землевладения не могло быть делом рук представителей зависимого населения, заинтересованных в облегчении эксплуатации: непосредственные сельские производители не жили в городе. По-видимому, сами городские посессоры прятали чужие документы о правах на земельные участки, предполагая в дальнейшем оспаривать эти права друг у друга. Если данное предположение верно, то речь должна идти о весьма острой конкуренции за обладание землей в Равеннском экзархате.

³² ...palaream — слово, родственное итальянскому palata "лопата".

³³ Agnellus. Op.cit. P. 376.

³⁴ Tamassia N. Op.cit. P. 5, 8 etc.

³⁵ У Агнелла: "...ut nunquam contra sanctam hanc ecclesiam aut contra hujus sedis pontificem de quacunque causa agas, aut ore mussites". В арендном договоре Каллиопа: "...Nec aliquando adversus sanctam nostram benefactricem, vestram Ravennatem Ecclesiam cuiquam contra justiciam tractare aut agere per quovis ingenio, aut argumento, nisi pro propria causa, si contigerit per justiciam tantummodo ventilare debeatis". См.: Tjäder J.-O. Op.cit. Bd. II. S. 178—179.

³⁶ Tamassia N. Op.cit. P. 12.

³⁷ Еще в первой трети VI в. Феликс IV в известном нам предписании равеннскому клиру и епископу отмечал: "Все же церковные документы должны быть переписаны, чтобы каким-нибудь

архиепископии. Не случайно поэтому в тяжбе с *familiares ecclesiae* столь значительную роль играл скриниарий Епифаний — хранитель архива Равеннской церкви. Он был заранее уверен в успехе: при прочих благоприятных для церкви условиях, Епифаний вдобавок располагал компрометирующим материалом на лютяго своего противника³⁸. Имея ввиду каждого такого оппонента, он риторически обращался к *familiares ecclesiae* в единственном числе: "Ты имеешь *praescriptum ex rebus exaratum*".

Заключенный в 80-е годы VII в. в Равенне *foedus* был документом более общего порядка. Он, как мы помним, был составлен один на всех, и в нем определялось право *familiares ecclesiae* самостоятельно, без участия епископских управителей вести хозяйство на церковных землях и, следовательно, полностью распоряжаться всей рентой за исключением фиксированной арендной платы. Иными словами, *foedus* стал основополагающим документом для заключения более частных сделок, оформлявшихся контрактом *praescriptum ex rebus*. Поскольку массовый переход церковных земель в руки местной служилой знати сыграл решающую роль в истории ряда социальных процессов, протекавших в Равенском экзархате (иррегуляризация византийского войска, попадание в зависимость от церкви значительной части чиновничества и офицерства, превращение архиепископа в политического лидера региона и т.д.), можно утверждать, что результаты конфликта между клиром и архиепископом, имевшего место в 80-е годы VII в., сказались на жизни Равеннского экзархата в целом.

Почему внутрицерковный по форме экономический конфликт приобрел столь значительное социальное звучание? Легко заметить, что до тех пор, пока в центре внимания спорящих сторон стояло распределение кварталов, проблема волновала только священнослужителей. В противоборстве участвовали, с одной стороны, епископ и его ближайшее окружение, с другой — остальная часть духовенства. В обоих рассмотренных нами случаях во главе партии клира стояли его формальные корпоративные лидеры: архидиакон Матталлон в 20-х годах VI в., два Феодора — архипресвитер и архидиакон — в конце VII в. Это вполне объяснимо: архипресвитер и архидиакон играли в среде священников и диаконов примерно ту же роль, что руководители античных торговых и ремесленных коллегий в своих корпорациях; защита интересов клириков была их прямой обязанностью, и небрежение ею губительно сказывалось на их авторитете. Именно интересы клириков, в первую очередь, экономические, лежали в основе неоднократных шумных скандалов, сопровождавших назначение в Равенну епископов из других городов Италии, так как последние были людьми, не знавшими традиций епископии и никак не связанными с местным духовенством. Так, знаменитый впоследствии Петр Хрисолог, служивший диаконом в Имоле, стал равеннским епископом (432 г.) лишь в результате исключительной настойчивости римского папы Сикста IV (432—440) после его многодневных пререканий с равеннской делегацией³⁹. Не менее известный епископ Максимиан, бывший раньше диаконом в Поле

(Истрия) и назначенный в Равенну папой Вигилием (537—555), вовсе не был допущен в город и утвердился на престоле лишь после того, как дал хороший обед верхушке равеннского клира и городской знати (*sacerdotibus et primatibus urbis*), а затем попросту подкупил их (546 г.)⁴⁰. В необходимых случаях клиру удавалось возбудить против неугодного понтифика мирян⁴¹, но чаще всего дело обходилось без их участия. В разгар острейшего столкновения клириков с епископом Феодором "паства, пришедшая в церковь, изумлялась, не ведая причин происходящего"⁴². Показательно, что договор (*foedus*) об использовании церковного патримония заключался "между понтификом и священнослужителями" (*inter pontificem et sacerdotes*): не потому, что *familiares ecclesiae* передоверили защиту своих интересов духовным лицам, а потому, что последние составляли сами подавляющее большинство церковных *familiares*. Однако заключение *foedus* стало началом социального перелома. Он сделал статус *familiares* исключительно выгодным, предоставив им максимум льгот при минимуме обязательств. Легализация *foedus* папством в обмен на отказ архиепископии от автокефалии окончательно отменяла постановление папы Феликса IV, в том числе и пункт о недопущении к церковному патримонию мирян. Из семи известных нам арендных сделок, заключенных архиепископией в правление Дамиана (688—705), в пяти сохранились сведения об общественном положении церковных эфитевтов. Среди них монахиня, логофет священного дворца, трибун, вдова *magistr'a militum*, вдова купца, т.е. одно духовное и четверо светских лиц, из которых трое принадлежат к прослойке служилой знати⁴³. Так в конце VII в. началось приобщение к эксплуатации церковной собственности наиболее сильной социальной группы Византийской Италии — *exercitus*, т.е. войска-сословия, сочетающего военнополитическое влияние с экономическим могуществом. С этого момента экономические процессы, протекающие внутри церкви, вливаются в единый поток явлений, обеспечивающих социальную эволюцию всего региона.

Несколько десятилетий спустя представители *exercitus* составляют уже явное большинство *familiares ecclesiae*. Последнее описанное нами столкновение архипастыря Равенны со своими подопечными началось политическим актом — высылкой понтифика из города, осуществленной "гражданами Равенны" (*Ravennenses cives*)⁴⁴. После возвращения епископа выяснилось, что

⁴⁰Ibid. P. 326—327.

⁴¹О Максимиане в источнике сказано: "Паства же... не желала его принять" (*Plebs igitur... noluisse eum recipere*). См.: Ibid. P. 326.

⁴²Ibid. P. 358.

⁴³Codex Bavarus. N 21, 15, 27, 23, 14.

⁴⁴Конкретные причины этого события неясны. Н. Тамассия полагал, что архиепископ Иоанн был изгнан из города "провизантийской партией" (*Tamassia N. Op.cit. P. 4*). Но нам ничего не известно об антииконоборческой деятельности Иоанна в эти годы (вплоть до римского собора 742 г., осудившего иконоклазм), а поддержка, оказанная ему равеннским экзархом, делает крайне маловероятной подобную трактовку конфликта. Добавим к этому, что в разгар иконоборчества именно *exercitus Italiae* представлял собой в основном сепаратистскую по отношению к империи силу, а политическая линия Равеннской церкви ввиду ряда объективных причин была и в то время тесно связана с ориентацией на Константинополь. См. об этом: Бородин О.Р. Взаимоотношения равеннских архиепископов и светской власти в "Книге понтификов..." Агнелла из Равенны // Вопросы истории. Межвед. сб. Минск, 1981. Вып. 8. С. 126. Более вероятным представляется вариант, зеркально противоположный предлагаемому Н. Тамассией: архиепископ был выслан из Равенны антивизантийски настроенными *familiares ecclesiae* за лояльность к иконоборчеству. Это могло произойти лишь после захвата Равенны лангобардами: в 732—734 гг. Понятно, почему понтифик бежал в Венето: там находился в это время византийский экзарх

образом не погибли, и чтобы не случилось так, что, когда это необходимо церкви, их невозможно было бы предъявить" (*Agnellus. Op.cit. P.320*).

³⁸Архив (*scrinium*) Равеннской церкви вообще содержался в завидном порядке. В IX в. репутация его была настолько высока, что лишь о нем наряду с архивом римской курии специально упоминала папская "Книга понтификов". См.: *Le Liber Pontificalis / Texte, introd. et comment. par L. Duchesne. P., 1955. T. II. P. 155.*

³⁹*Agnellus. Op.cit. P. 311—312.*

практически все эти "граждане" одновременно являются *familiares ecclesiae*, и их даже можно огульно обвинять в нарушении вассальной присяги. Таким образом, целый общественный слой связал себя с архиепископией экономическими и юридическими узами. Этот знаменательный социальный сдвиг мы можем приблизительно датировать первыми десятилетиями VIII в. и непосредственно связать с итогами экономического конфликта в среде равеннского духовенства в правление архиепископа Феодора.

Итак, история экономических коллизий внутри Равеннской епископии прошла две стадии: до 80-х годов VII в., когда эти противоречия не только формально, но и по существу, являлись внутренним делом церкви, и после 80-х годов VII в., когда в них вмешались новые общественные силы. Вскоре эти силы заняли главенствующее место в экономической жизни церкви, что придало протекавшим в ней процессам общецерковное значение.

Ю.Я. Вин

ПРОБЛЕМЫ СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ В ПОЗДНЕЙ ВИЗАНТИИ (XIII—XV вв.)

Обращение к теме поздневизантийской сельской общины продиктовано слабой изученностью роли этого института в формировании особенностей феодализма в Византии XIII—XV вв. В источниках этого периода нет упоминаний о сельской общине и развернутых описаний общинных распорядков, засвидетельствованных в памятниках предшествующих эпох. Существование общины в поздневизантийской деревне до сих пор подвергается сомнению как в зарубежной, так и в отечественной историографии.

Для большинства исследователей судьба византийской сельской общины связана с возможностью сохранения свободного крестьянства. У отечественных византинистов нет однозначного ответа на поставленный вопрос. Типологической чертой византийского феодализма считается длительное сохранение сельской общины. Она выступала деятельным и сплоченным коллективом¹, естественно сложившимся социальным институтом, призванным регулировать производственные отношения его членов². Признание специалистов получил и дуализм сельской общины³, и ее "возрождение" в Византии VII—VIII вв.⁴ Находят также признание факты возникновения

Евтихий. См. об упоминаемых событиях: *Hallenbeck J.T.* Pavia and Rome: The Lombard Monarchy and the Papacy in the Eighth Century. Philadelphia, 1982. P. 31—32. Поэтому и восстановление архиепископа в правах происходило как бы дважды. Сначала он благодаря вмешательству экзарха был восстановлен в архиепископском достоинстве, т.е. просто признан в своем прежнем статусе, видимо, находясь еще в Венето. Затем он "утвердился в материнском лоне своей церкви" — в равеннской архиепископской резиденции. Естественно, что архиепископ прибыл в Равенну после возвращения города под власть империи — вслед за экзархом или вместе с ним. Только используя исключительно выгодную новую политическую конъюнктуру, сложившуюся в столице экзархата, он решился подвергнуть наказанию целую социальную группу, обладавшую огромным влиянием в регионе.

¹ Сюзюмов М.Я. Борьба за пути развития феодальных отношений в Византии // ВО. 1961. С. 41—42; Удальцова З.В. Византия и Западная Европа: (типологические наблюдения) // ВО. 1977. С. 8, 21; Она же. Некоторые особенности феодализма в Византии // Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9.—11. Jahrhundert. Pr., 1978. S. 13; *Eadem.* Die Besonderheiten des Feudalismus in Byzanz // Besonderheiten der byzantinischen Feudalentwicklung. B., 1983. S. 24—25; Удальцова З.В., Осипова К.А. Типологические особенности феодализма в Византии // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1974. Вып. 1. С. 19—20; Они же. Отличительные черты феодальных отношений в Византии: (постановка проблемы) // ВВ. 1974. Т. 36. С. 14—15; *Eadem.* Traits distinctifs de rapports féodaux de Byzance // Βυζαντικά. Θεσσαλονίκη, 1978. Т. 7. Р. 28, 30; Они же. Формирование феодального крестьянства в Византии (VII—XI вв.) // История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. М., 1985. Т. I. С. 401, 407; Удальцова З.В., Хвостова К.В. Социальные и экономические структуры в поздней Византии // Взаимосвязь социальных отношений и идеологии в средневековой Европе. М., 1983. С. 97; *Eadem.* Les structures sociales et économiques dans la Basse-Byzance // JÖB. 1981. Bd. 31,1. P. 133; Котельникова Л.А. Крестьянская община // История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. 1986. Т. 2. С. 488.

² Литаврин Г.Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977. С. 8.

³ Там же. С. 11.

⁴ Алаев Л.Б. Проблема сельской общины в классовых обществах: (историография вопроса) // XIV сессия межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тез. докл. и сообщ. М., 1972. Вып. II. С. 171—172; Бромлей Ю.В., Корольков В.Д., Литаврин Г.Г. Становление крестьянства в южнославянских и западнославянских странах (до конца XII вв.) // История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. М., 1985. Т. I. С. 357.

начиная с X в. зависимых сельских общин⁵. Стабильность общинных отношений париков обычно рассматривается как результат единовременного подчинения целого селения одному господину⁶. Г.Г. Литаврин выдвигает положение, согласно которому сельская община не только разлагалась, но и генерировала. Ученый указывает на тенденцию к консолидации жителей деревень в общины⁷. Тем не менее, в современной отечественной науке утвердилось мнение о том, что укрепление феодальных отношений в византийской деревне IX—XII вв. за счет экспроприации непосредственных производителей обусловило их отрыв от общины и, в конечном итоге, ее упадок и бесповоротное разрушение⁸. Также и в современной зарубежной византистике преобладают представления о несовместимости общинного уклада с парикей⁹. Ее распространение, обусловленное ростом крупного землевладения, исключало общинное устройство деревни¹⁰. Наиболее отчетливое и законченное выражение эта мысль получила в концепции "замещения" общины поместьем¹¹.

⁵Удальцова З.В., Осипова К.А. Типологические особенности... С. 20; Они же. Отличительные черты... С. 15; Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е. Византия: проблемы перехода от античности к феодализму. Л., 1984. С. 39.

⁶Осипова К.А. Аграрные отношения в Византии во второй половине IX—X в. // История Византии. М., 1967. Т. 2. С. 127, 128; Литаврин Г.Г. Византийское общество... С. 92.

⁷Там же. С. 21, 40—41.

⁸Осипова К.А. Развитие феодальной собственности на землю и закрепление крестьянства в Византии X в. // ВВ. 1956. Т. 10. С. 72; Она же. Аграрные отношения... С. 128—129; Она же. К проблеме присельничества в Византии (X—XII вв.) // ВО. 1977. С. 66—67; Она же. Особенности формирования феодальной зависимости византийского крестьянства // Beiträge zur byzantinischen Geschichte. S. 71 u.a.; Удальцова З.В., Осипова К.А. Типологические особенности... С. 12—13; Удальцова З.В. Византия и Западная Европа... С. 18; Она же. Некоторые особенности... С. 12—13; Удальцова З.В., Осипова К.А. Типологические особенности... С. 21; Они же. Отличительные черты... С. 19; Eadem. Traits distinctifs... P. 36; Они же. Формирование... С. 414; Удальцова З.В., Хвостова К.В. Социальные и экономические структуры... С. 99, 100; Eadem. Les structures... P. 135; Хвостова К.В. Византийское крестьянство в XII—XV вв. // История крестьянства в Европе. Т. 2. С. 224—225.

⁹Усиление консервативных взглядов на общину и даже ее замалчивание объясняется воздействием на научные позиции зарубежных византистов фискальной теории. См.: Кашдан А.П. Византийская деревня VII—XV вв. в освещении западноевропейской и американской историографии (1917—1960) // ВВ. 1963. Т. 22. С. 128 и далее. Ее сторонники пренебрегали экономической сутью и преувеличивали податное значение общины. Это понятие прилагалось большинством западных специалистов только к свободному крестьянству. См.: Вин Ю.Я. Поздневизантийская сельская община в освещении современной западной историографии // Критика концепций современной буржуазной историографии. Отечественная и зарубежная история. Л., 1987. С. 195.

¹⁰Указанная позиция достаточно ясно отображена, например, в трудах С.Вриониса и А.Дюселье. См.: Vryonis Sp. The Decline of the Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century. Berkeley, 1971. P. 77—78; Ducellier A. Les Byzantins: Histoire et culture. P., 1988. P. 139—140, 144—145. Впрочем, А.Дюселье допускает, что села париков примерно до середины XIV в. сохраняли социальную структуру и уровень древних хорионов. См.: Ibid. P. 163—164. Однако ученый воздерживается от отождествления парических сел с общинами.

¹¹См.: Вин Ю.Я. Поздневизантийская сельская община... С. 195. Ж.Лефор придерживается изложенной концепции, прослеживая, в частности, историю хориона Радоливо. Его жители составляли общину, на территории которой в конце XI — начале XII в. существовал также проагий. См.: Lefort G. Le cadastre de Radolivos (1103) // ТМ. 1981. Vol. 8. P. 272. Когда налоги, взыскиваемые с общинников, были пожалованы владельцам проагия, история общины, по словам Ж.Лефора, слилась с историей проагия; "община, может быть, не исчезла", но возможность ее сохранения ставится под сомнение ввиду отсутствия упоминаний. См.: Ibid. P. 273. На этом основании Ж.Лефор приходит к заключению о развитии "поместной системы налогообложения" и прогрессирующем с XI в. "замещении" сельских общин поместьями. См.: Ibid. P. 275.

Словом, проблема поздневизантийской сельской общины остается неразрешенной. Однако перспективы ее исследования очевидны. Они кроются в обобщении новейших достижений византистики и анализе деревенских обычаев и традиций. Именно о них пойдет речь.

Прежде всего, необходимо поставить вопрос о демографической структуре крестьянского населения и большесемейной общине, иначе говоря — вопрос о демографических предпосылках сохранения общинных связей и традиций¹². Нельзя не признать — демографические показатели сельского населения свидетельствуют о тенденции к сокращению численности малой индивидуальной семьи и других негативных явлениях. Некоторые западные специалисты, выдвигая предположение о недостаточном уровне рождаемости и прекращении прироста населения, склоняются к оценке демографической ситуации в Византии первой половины XIV в. как демографической "депрессии" или упадка¹³.

Эту проблему можно рассмотреть с более широких позиций. К указанному времени угроза турецкого нашествия стала долговременно действующим фактором и непосредственно отражалась на демографии сельского населения Малой Азии¹⁴. Иная обстановка сложилась на Балканском полуострове. В сельских местностях Македонии примерно с конца X до середины XIV в. наблюдается, согласно современным научным данным, демографический подъем¹⁵. И только с 1340-х годов, когда в Южной Македонии и Фракии развернулось вторжение турок, а вслед за ним разразилась эпидемия чумы, демографические изменения приобрели необратимую силу¹⁶.

¹²Применение количественных методов исследования способствовало изучению естественного движения населения, структуры крестьянской семьи, изменений численности и состава ряда отдельных сел, миграций земельного населения, а также их обусловивших социально-экономических и политических факторов. См.: Jacoby D. Phénomènes de demographie rurale à Byzance aux XIIIe, XIVe et XVe siècles // Etudes rurales. P., 1962. N 5/6. P. 161—186; Кондов Н.К. За първначната обществена единица при селското население в средновековна България // ИП. 1965. Т. 21, № 1. С. 70—83; Idem. demographische Notizen die Landbevölkerung aus dem Gebiet des Unteren Strymon in der ersten Hälfte des XIV. Jahrhunderts // EB. 1965. N 2/3. S.261—272; Idem. Das Dorf Gradec // EB. 1971. N 3. S. 37—41; Antoniadis-Bibicou H. Villages désertées en Grèce // Villages désertés et l'histoire économique, XIe—XVIIe siècles. P., 1965. P. 343—417; Laiou-Thomadakis A.E. Peasant Society in the Late Byzantine Empire. Princeton, 1977. Passim; Karlin-Hayter P. Preparing the Data from Mount Athos for Use with Modern Demographic Techniques // Byz. 1978. Vol. 48. P. 501—518; Eadem. Les catalanas et les villages de la Chalcidique // Byz. 1982. Vol. 52. P. 244—263.

¹³Kondov N.K. Demographische Notizen... S. 269; Laiou-Thomadakis A.E. Peasant Society... P. 223; Antoniadis-Bibicou H. Villages désertées... P. 343—408; Антониадис-Бибику Э., Гийу А. Византийская и поствизантийская сельская община // ВВ. 1988. Т. 49. С. 24.

¹⁴См.: Vryonis Sp. The Decline... P. 254—255. Наиболее заметный урон претерпевало сельское население. См.: Idem. Nomadization and Islamization in Asia Minor // DOP. 1975. Vol. 29. P. 57. Ср.: Idem. The Decline... P. 146 sqq. Многолетняя дестабилизация жизненного уклада крестьян в пограничных с кочевниками районах, по-видимому, вела к диспропорции основных показателей демографической структуры сельского населения. Ср.: Bryer A. Greek and Türkmens: The Pontic Exception // DOP. 1975. Vol. 29. P. 139; Idem. Rural Society in the Empire of Trebizond // АП. 1966—1967. Т. 28. P. 159.

¹⁵Антониадис-Бибику Э., Гийу А. Византийская и поствизантийская сельская община... С. 24; Bellier P. et al. Paysages de Macédoine. P., 1986. P. 104; Lefort J. Radolivos... P. 201 etc., 207, 218, 231, 234.

¹⁶Не случайно Алексей Макремволит в своем "Разговоре богатых и бедных" отмечает, что в его время (в 1340-е годы) бедных и пленных стало гораздо больше (См.: Makremb. Dialogue. P. 213. 31—32), а простому люду угрожала голодная смерть. См.: Ibid. P. 204. 23—24. Эпидемия чумы охватила как города, так и сельские местности. См.: Greg. II. P. 797.22; Makremb. Sofia. 20—22. Больные селяне — жертвы эпидемии — таков сюжет одной из миниатюр греческой рукописи 1362 г. (Париж. Нац. Библ.-ка. Пнсь, гр. 135). См.: The Greek World: Classic, Byzantine and Modern / Ed. by R.Browning. L., 1985. P. 222—223. Pl. 13.

И все же естественные предпосылки сохранения общинных связей и традиций продолжали существовать. Их жизненная стойкость опосредована в основных демографических характеристиках, которые раскрывают очевидное превосходство показателей хорионов с естественно сформировавшимся населением и искони существующей общинной традицией над прочими населенными пунктами — метохами, агридиями и т.п. В хорионах средняя величина коэффициента пола (КП) равнялась 110, 23; доля молодежи — 43 %; коэффициент очага (КО) 3,57. Соответствующие показатели населения феодальных усадеб явным образом уступали: КП — 163; доля молодежи — 37%; КО — 3,05¹⁷. Важнейшей предпосылкой общинных отношений являлась устойчивость семейных и родственных уз крестьянства, сохранение патронимий и большесемейных общин. На Балканах их значительная часть была славяно-влашского происхождения¹⁸. Пережитки подобных семейно-родственных групп прослеживаются также в Малой Азии, в особенности по актам Вазелонского монастыря. Они показывают, что среди жителей долины Пиксита, судя по всему, укоренились множественные семейно-родственные образования. В документах второй половины XIII — первой половины XIV в., да и более поздних столетий, неоднократно упоминаются представители семейно-родственных групп Хамури-Канзики, Кутрупели-Дуверити, Романо-пулов, Полити, Хапса и других. Итак, с демографической точки зрения, поздневизантийской деревне, по крайней мере селам юго-западного побережья Малой Азии в XIII в., а южномакедонским и, отчасти, понтийским селам — до второй половины XIV в., присущи все предпосылки для поддержания общинных взаимосвязей и традиций.

Предпосылки сохранения общины без труда обнаруживаются и в сфере производительных сил поздневизантийской деревни. Сдвиги, наблюдаемые как в сельском хозяйстве рассматриваемых столетий, так и в ремесле, обусловлены возрастанием роли феодальной вотчины с ее высоким экономическим потенциалом. А крестьяне в каждодневной борьбе за существование опирались на идущие издревле агротехнические приемы и общинные обычаи. Полевые работы и уход за животными совершались при активном участии в них всех членов крестьянских семей. В этом убеждают миниатюры греческих рукописей. Так, миниатюра рукописи 1362 г. (Париж. Нац. библ.-ка. Рпсь, гр. 135) воспроизводит сцену жатвы — женщина действует серпом наравне с мужчиной¹⁹. А на одной из миниатюр, сопровождающих текст фольклорно-поэтического календаря поздневизантийского времени в рукописи 1461 г. (Константинополь. Серальская библ.-ка. Рпсь, гр. 35), муж изображен срезающим колосья, тогда как жена, судя по всему, — вяжущей снопы²⁰. Сцены стрижки овцы мужчиной и доения коровы его женой изображены на другой миниатюре рукописи 1362 г. (Париж. Нац. библ.-ка. Рпсь, гр. 135)²¹. Посильную помощь взрослым оказывали дети. Миниатюра рукописи XV в. (Париж. Нац. библ.-ка. Рпсь, гр. 2736) представляет детей, которые опугивают в саду птиц,

¹⁷Подсчеты производились по материалам практиков конца XIII — первой четверти XIV в. Лавры Афанасия и Эсфигменского монастыря. См.: Lavra II. № 91, № 104, № 105, № 109, № 112, Esph. № 3, № 14.

¹⁸См.: Вин Ю.Я. К вопросу об этнодемографической структуре сельской общины в Южной Македонии // Демографические процессы на Балканах в средние века. Калинин, 1984. С. 65—84.

¹⁹См.: The Greek World... P. 222—223, Pl. 13.

²⁰См.: Eideneier H. Ein byzantinisches Kalendargedicht in der Volksprache // Ελληνικά. 1979. Т. 31, № 2. S. 401.

²¹См.: The Greek World... P. 222—223, Pl. 15.

слетевшихся туда лакомиться созревшими плодами²². Очевидно, дети также помогали взрослым собирать с плодовых деревьев урожай²³.

Заметную роль среди односельчан играла простейшая производственная кооперация. Вероятно, родственники и совладельцы земельных участков производили отдельные агротехнические операции совместно. Скажем, иерей Михаил Ники имел общий посев с одним из братьев Лабонов²⁴. В XIII—XIV вв. многие рядовые крестьяне молотили зерно на общем гумне. Так, общее гумно принадлежало жителям проастия Сфурно²⁵. Деревенское гумно, как правило, располагалось среди пашенных участков земли, которые его окружали²⁶. Оно делилось между жителями села на доли-«лорины», которые могли находиться в совместном владении²⁷. В поздневизантийской деревне сохранялся также коллективный выпас скота, даже после отчуждения общинных пастбищ крупными земельными собственниками²⁸. Равно и в сельском ремесле и промыслах видны следы производственной кооперации, зиждившей подчас на долевом совладении. Сельское ремесло опиралось на преемственность обладателей определенных ремесленных навыков. Благодаря тому ремесленники той или иной специальности сосредотачивались в отдельном селении или поместье, которое подчиняло собственным нуждам их взаимосвязи и традиции²⁹.

В свете изучаемой проблемы нельзя обойти вниманием сельское поселение, в первую очередь, хорион — место проживания и трудовой деятельности большей части земледельческого населения поздней Византии. Крупные села имели административное значение. Преобладали селения разбросанного типа со сложной структурой, предопределенной орографией и размещением территориально-хозяйственных комплексов. Деление территории хориона на части — топотесии и стаси — обуславливались расположением крестьянских хозяйств. Кроме них, там существовали хозяйственные комплексы крупных землевладельцев — усадьбы-«катедры», зевгилатии, метохи и т.п.³⁰

Говоря о поздневизантийском хорионе, не следует забывать о концепции «запустения сел» как одном из элементов хорошо известной теории «кризиса феодализма»³¹. Кульминацией процесса появления заброшенных селений, так называемых «палеохорионов», стал XIV в. Их возникновение в большой мере объясняется перераспределением производительных сил на территории хориона, вызванным естественным ростом численности и хозяйственной

²²См.: Guillou A. La civilisation byzantine. P., 1974. P. 73.

²³Laiou-Thomadakis A.E. Peasant Society... P. 61; Αυτή. Η Γυναικα στη βυζαντινή κοινωνία // Επιστημονική Σκέψη. Αθήνα, 1971. Τ. 1, τ. 4. Σ. 30.

²⁴См.: MM. VI. 154.

²⁵См.: MM. IV. 42—43.

²⁶Ср.: BA. № 38.20; № 43.9; № 57.16; № 69.1—3; № 70.10—14; № 100.13—14, 25.

²⁷Ср.: BA. № 13.5—6; BA. № 81.1—5.

²⁸См.: MM. IV. 178—181.

²⁹См.: Вин Ю.Я. Сельское ремесло и промыслы в поздней Византии (XIII—XV вв.) // ВВ. 1987. Т. 47. С. 84—94.

³⁰Он же. Социально-экономическое содержание термина καθέδρα византийских документов // ВВ. 1983. Т. 44. С. 202—211; Коледаров П. Към въпроса за развитието на селищната мрежа и на нейните елементи в средишната и източната част на Балканите от VII до XVIII в. // ИИИ. 1967. Т. 18. С. 134—135.

³¹См.: Antoniadis-Bibicou H. Villages désertées... P. 343—417. О критике указанной теории см.: Бес-смертный Ю.Л. Демографические и социальные процессы во французской деревне XIV в. // Французский ежегодник, 1981. 1983. С. 131 и далее.

активностью крестьянства. Освоение залежных земель силами сплоченных между собой членов крестьянских хозяйств лежало в основе развития как феодального поместья, так и собственно сельского поселения. Примером служит история проастия Сфурно, основу экономического процветания которого составляла совокупность крестьянских хозяйств, обеспечивавших стабильность существования созданного крестьянами поселка³². Таким образом, самая природа села была опосредована жизнестойкостью общины.

Безусловно краеугольным камнем доказательства сохранения сельской общины в поздней Византии служит анализ поземельных отношений. Их главным узлом, как и ранее, оставалось крестьянское хозяйство. На протяжении веков оно формировалось путем освоения целинных и залежных земель на территории села. Внедрение туда феодальной собственности нарушало естественный характер поземельных отношений односельчан. Владения представителей господствующего класса, границы феодальных поместий разрушали целостность села и единство поселка с окружающей его территорией³³.

Феодальная экспансия, достигшая своей наивысшей точки в XIII–XIV вв., вела к отторжению у крестьян большей части угодий. Сохранение фонда угодий в совместном пользовании обусловлено потребностями крестьян в коллективном выпасе скота. Наиболее выразительно эта давняя традиция проявилась в борьбе жителей хориона Мурмунты за их пастбище после раздела территории села между двумя крупными собственниками — Михаилом Враном и Лемвиотисским монастырем³⁴. Присвоение крупными собственниками угодий обострило борьбу за них между крестьянами и мелкими вотчинниками. Стали обычными разделы земельных имуществ между родственниками и совладельцами. Наряду с наследованием родовых земель-гони-конов поздневизантийская деревня знала и другие формы движения мелкой земельной собственности: куплю-продажу, обмен и дарение. Они сопровождались углублением чересполосицы, что само по себе способствовало поддержанию общинных традиций и в то же время облегчало подъем феодального землевладения³⁵.

Укрепление феодальных отношений вело к преобразованию экономического уклада крестьянского хозяйства — превращению мелкого собственника в зависимого держателя земли и формированию зависимого крестьянского держания³⁶. Тем не менее, в поздневизантийской деревне общинные обычаи регулирования поземельных отношений сохраняли свою силу.

Важнейшей общинной традицией оставался протимисис — право предпочтения на приобретение отчуждаемых недвижимостей. В поздней Византии протимисис, воплотивший в себе авторитет официального законодательства, облегчал феодальным собственникам наступление на крестьянские земли и способствовал закабалению общины. Но несомненно, протимисис сохранял

функции регулирования поземельных отношений крестьянства. Наряду с ним, были живы и другие общинные традиции, в частности право близости, т.е. пользование земельными участками соседей — пережитка древнего общинного правопорядка³⁷.

Во многих поздневизантийских сельских традициях нельзя не увидеть ясные отголоски долевого землевладения, когда для каждого общинного хозяйства устанавливалась определенная доля во владении пашнями и угодьями³⁸. Подтверждением существования в поздней Византии долевого землевладения служат семейные разделы, протимисис, право родителей распоряжаться невыделенными долями своих детей, равно и выделение из семейных имуществ этих долей — так называемых "ипостасей" и непосредственные упоминания о "долях" во владении имуществами. Долевое землевладение особенно ярко было выражено на Понте и в Южной Македонии — там, где сохранялись патронимии или их отдельные части и большесемейные общины. Концепция долевого землевладения позволяет объяснить, в частности, сведения практика 1316 г. Ивирского монастыря о хорионе Овила. Его территория была занята патронимией славянского происхождения. Обособление в ней малых индивидуальных семей происходило, судя по всему, согласно принципам долевого землевладения³⁹.

В целом же на протяжении XIII–XV вв. наблюдается непрерывно нарастающий процесс массовых отчуждений наделов крестьян представителями господствующего класса. Наиболее чувствительную потерю для общинного землевладения в поздней Византии составляли выморочные земли, которые служили одним из источников расширения феодального домена. Однако ни один факт укрепления феодальных отношений в поздневизантийском селе, как мы видели, не препятствует признанию действительности и социальной значимости традиционных норм землепользования.

Имущественное расслоение крестьянства выражалось прежде всего в разнице обеспеченности землей, скотом, сельскохозяйственным инвентарем, а также возможностей денежных накоплений⁴⁰. Важнейшим фактором имущественного благосостояния крестьянства оказывалось сохранение родственных связей и большесемейной общины. Стремление крестьян избежать раскладки налогов на отдельные малые индивидуальные семьи, входившие в большесемейные общины, вероятно, содействовало их сплочению⁴¹. Нераздельность хозяйствования входивших в их состав малых индивидуальных семей создавала благоприятный экономический эффект⁴². В условиях обеднения крестьян удовлетворение их производственных потребностей было тесно связано с экономической кооперацией их хозяйств, совладением земель и инвентарем.

³²См.: MM. IV. 32—34. Также см.: Charanis P. The Monastic Properties and the State in the Byzantine Empire // DOP. 1948. Vol. 4. P. 107—108; Idem. On the Social Structure and Economic Organization of the Byzantine Empire in the Thirteenth Century and Later // BS. 1951. T. XII. P. 98—99, 115.

³³Ср.: Lavra II. № 90. 17—18, 148—152, 164—165; 180—181, 213—216; № 108. 124—125, 341—343, 747—748; Chl. II. N 37; MM. II. 217.

³⁴См.: MM. IV. 178—181, 273—284. Также см.: Dölger F. Regesten IV. N 2114—2116, 2123.

³⁵О роли чересполосицы в жизни средневековой деревни см.: Серовайский Я.Д., Каняшин Ю.Н. О природе чересполосного землевладения в средние века // СВ. 1990. Вып. 53. С. 87—109.

³⁶См.: Хвостова К.В. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии (XIV—XV вв.). М., 1968. С. 226—227.

³⁷Подробнее см.: Вин Ю.Я. Право предпочтения в поздневизантийской деревне // ВВ. 1984. Т. 45. С. 218—229.

³⁸О долевого землевладении см.: История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1989. Т. 2. С. 200, 314—315, 340, 379, 580 и далее; Полевой Л.Л. Раннефеодальная Молдавия. Кишинев, 1985. С. 47 и далее; Копанев А.И. Крестьяне Русского Севера в XVII в., Л., 1984. С. 102—111. Там же см. основную литературу.

³⁹См.: Iber. RK. 254—259, 274—278, 282—288, 289—293.

⁴⁰О закономерностях социально-экономического расслоения крестьян см.: Хвостова К.В. Количественный подход в средневековой социально-экономической истории. М., С. 68 и след.

⁴¹Ср.: Котельникова Л.А. Крестьянская община... С. 478.

⁴²См.: Laiou-Thomadakis A.E. Peasant Society... P. 200.

Положение крестьянства в поздней Византии в большой степени предопределялось сохранением публично-правовой регламентации и развитой системы налогообложения с очевидной тенденцией к натурализации⁴³. Недаром Георгий Гемист Плифон выступал за введение единого натурального прогрессивного налога⁴⁴. Обложение сельского населения сочетало в себе принципы индивидуальной и коллективной податной ответственности односельчан. Знаменателен коллективный характер большинства государственных платежей и повинностей. В их ряду особое место занимали сторожевая и воинская службы⁴⁵. Господство феодальных отношений не уничтожило ни круговой поруки, ни коллективной податной ответственности крестьянства перед государством. Характер круговой поруки раскрывает решение жителей села Дрианувена уплачивать налог, начисленный на стась Архонтицы, которая была отведена для организации монастыря, распределив подать между собой "по силам каждого"⁴⁶. А сохранение коллективной податной ответственности крестьянства подтверждает обязанность париков метоха Св. Николая в хорионе Комитисса вносить три иперпира за отсутствующих односельчан⁴⁷. Среди членов патронимий и выделявшихся из них малых индивидуальных семей, которые вели общее хозяйство, заметное распространение получает совместная уплата податей. Усиление феодальной эксплуатации благоприятствовало зарождению коллективной податной ответственности крестьянства частноправового характера. На это косвенно указывает коллективная задолженность жителей Вари перед Лемвиотисским монастырем⁴⁸. Итак, общинные связи служили предпосылкой стабильного экономического положения крестьянства, а коллективные формы его эксплуатации способствовали консервации общинных взаимоотношений.

Ключевое место в решении проблемы целостности общины в поздней Византии занимает вопрос о социальной структуре сельского населения⁴⁹. Неоднократно предпринимались попытки доказать сохранение в этот период свободного крестьянства. Несомненно, в поздневизантийской деревне проживали социально разнородные группы населения и основная масса крестьянства находилась в парической зависимости. Наряду с тем, сформировалась прослойка земельных собственников, занимавших промежуточное положение между крестьянской массой и мелкофеодальными вотчинниками. Представителей этой прослойки помимо высоких показателей экономического благосостояния отличали уплата налогов непосредственно государству и свобода передвижения, использование в своих хозяйствах труда обедневших односельчан, а также отсутствие сословных привилегий⁵⁰.

⁴³ См.: Хвостова К. В. Особенности... С. 255; Henty M. F. Studies in the Byzantine Monetary Economy: с. 300—1450. Cambridge, 1985. P. 237, 298.

⁴⁴ См.: PG. 160. 829A, 852D—853AB, 861C.

⁴⁵ См.: Schatz. N 45/6—1.15—16; II.13—15, 18—19; MM. V. 280. Также см.: *Oikonomidès N. A propos des armées des premiers Paléologues et des compagnies de soldats* // TM. 1981. Vol. 8. P. 356—357, 364; Bartusis M. C. The Late Byzantine Army: Arms and Society, 1204—1453. Philadelphia, 1992. P. 69, 213 etc., 240.

⁴⁶ См.: MM. IV. 391—393.

⁴⁷ См.: Iber. A. 279; K. 410; P. 398; V. 229.

⁴⁸ См.: MM. IV. 256.

⁴⁹ См.: Вин Ю. Я. К вопросу о социальной структуре сельской общины в поздней Византии (XIII—XV вв.) // XVIII Международный конгресс византистов: Резюме сообщений. М., 1991. Т. 2. С. 1224—1225.

⁵⁰ Основные принципы изучения мелких земельных собственников разработал А. И. Неусыхин. Его опыт исследования раннесредневековой деревни, на наш взгляд, с необходимыми коррективами приложим и к Византии XI—XV вв. См.: Неусыхин А. И. Возникновение зависимого

Во многих провинциях поздней Византии зажиточных обитателей деревни называли "лучшими" и икодеспотами—"домоправителями". По своему положению они примыкали к феодальным землевладельцам, но отличались от них происхождением и социальным статусом⁵¹. Важным фактором расслоения крестьянства и усиления общественных позиций сельского жителя в поздней Византии являлась принадлежность к духовенству и воинам-стратиотам⁵². Их положение оказывалось почетным, но названные прослойки не были однородны. Среди сельского духовенства немалую долю составляли феодально-зависимые лица, равно к сторожевой и воинской службе нередко привлекались рядовые крестьяне, даже парики⁵³.

От столетия к столетию социально-экономический облик византийского села менялся. Глубокая поляризация его жителей воплотилась в сохраненных актами выразительных противопоставлениях "меньшим" и "малым" "большим" и "лучшим", конечно, подразумевалось зажиточное крестьянство, "лучшие" и икодеспоты, влиятельные священнослужители, а также мелкие вотчинники и стратиоты. Иначе говоря, совокупность обитателей каждого села представляла собой по социальному составу сложное образование со свойственными его членам состояниями зависимости, полувисимости и полусвободы, наконец, свободы⁵⁴. Односельчан объединяло не только расположение их жилищ и земельных владений. Значительную часть жителей села связывало родство и свойство, производственные отношения и проистекающие из них отношения зависимости, подчинение органам управления и принадлежность к церковному приходу. Словом, различные категории крестьян, мелкие земельные собственники и мелкофеодальные вотчинники, приходское духовенство и даже стратиоты, будучи односельчанами, составляли единое целое — общину. Она обладала сложной социальной структурой и выступала в качестве устойчивой формы существования поздневизантийской деревни.

Одним из наилучших подтверждений сказанному является роль в жизни села традиций общинного самоуправления⁵⁵. Прежде всего, речь идет о сельском сходе, социальный состав которого на протяжении X—XV вв. резко сузился. Так, в начале XI в. на сход общины хориона Радохоста собрались "все от мала до велика"⁵⁶. А на сходе жителей хориона Дрианувена, одобравшем продажу стаси Архонтицы и распределившем среди крестьян возложенный на нее налог, присутствовали одни только "лучшие"⁵⁷. Но сход сохранил полномочия в решении поземельных споров и распределении податей. Наиболее отчетливо деятельность сельского самоуправления представлена институтами "местных старцев", "заслуживающих доверия мужей", "бла-

крестьянства в Западной Европе VI—VIII веков. М., 1956. С. 21—22, 66—67, 392; Он же. Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII—XII вв. М., 1964. С. 34—37.

⁵¹ Ср.: MM. IV. 128—129, 147; VI. 153, 187. Zogr. № VII. 50.

⁵² См.: Ферjanчић Б. Оглед с парохијском свештенству у поздној Византији // ЗРВИ. 1983. Т. 22. С. 81 и след.; Idem. Quelques significations du mot stratiote dans les cartes de Basse Byzance // Ibid. 1982. Т. 21. P. 95—102; Bartusis M. C. The Late Byzantine Army... P. 365.

⁵³ См.: Грчке пов. № 21.5—7, 18—24, 34—39.

⁵⁴ Ср.: Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 185 и след.; Bryer A. Rural Society... P. 154; Idem. The Estates of the Empire of Trebizond // АП. 1979. N. 35. P. 414.

⁵⁵ См.: Вин Ю. Я. Эволюция органов самоуправления сельской общины и формирование вотчинной администрации в поздней Византии // ВВ. 1982. Т. 43. С. 201—218.

⁵⁶ См.: Lavra I. N 14.4—12.

⁵⁷ См.: MM. IV. 391—392, 397—398.

городных мужей", "старцев". Они располагали значительными правами в сфере регулирования поземельных отношений и коллективных податных обязанностей жителей села. Традиции сельского самоуправления закреплялись в организации поместного управления и нормах проведения "земельного суда"⁵⁸. В его основе лежат элементы "божьего суда", иначе — ставродиабасии — обход границ земельного участка с принесением клятв, который в редуцированной форме продолжал существовать⁵⁹. Примечательна также роль общинных традиций в социальных движениях поздней Византии. Закономерной признана нерасторжимая связь народных выступлений в городе и деревне⁶⁰. Крестьяне принимали активное участие в городских волнениях, которые в первой половине XIV в. вызвали эхо крестьянских возмущений в селах Македонии и Фракии. Однако движение крестьянства, задавленное злоупотреблениями чиновников и засильем господ, было захлестнуто волной турецкого завоевания⁶¹. Широкая масса сельских жителей оставалась инертна. И все же крестьянство не было лишено собственной социально-политической активности и поздней Византии известны самостоятельные выступления крестьян Вифинии близ Никеи 1262 г. и родопских болгар и влахов 1340-х годов во главе с Момчилом. Можно предполагать, что повстанцы опирались на общинные формы организации. Особо яркое выражение они получали в локальных выступлениях крестьян. Родственные начала, принципы круговой поруки и взаимопомощи, сельского самоуправления придавали антисеньориальному сопротивлению крестьянства сплочение и организованность, стойкость и целенаправленность. Они запечатлены и в рассказе Пахимера о вифинском восстании⁶², и в документальных материалах о сопротивлении Лемвиотисскому монастырю общины хориона Приновари⁶³.

Оценивая уровень развития сельской общины в поздней Византии, было бы неправильно умолчать о значении общинных традиций для формирования духовного и культурного облика сельских жителей, в частности их коллективного самосознания. Оно, как известно, складывается благодаря традициям производственных отношений, в первую очередь в сфере землепользования⁶⁴. В поздневизантийской деревне укореняется в качестве нормы обычного права порядок, по которому владельческие права крестьян на их земельные участки определялись давностью лет держания. Эта традиция прочно утвердилась в сознании крестьянства, сохранялась и в условиях феодальной зависимости. А право близости, или "плисиазма" побуждало рядовых обитателей сел самочинно завладевать и возделывать хорафии соседних монастырей. Оно, по всей видимости, порождало в сознании крестьянства реминисценции права пользования земельными наделами соседей⁶⁵.

⁵⁸Schatz. N 34.18—19; MM.IV. 154.

⁵⁹См.: Chom. ПА'. 353; Kast. N 3.77—79; Chil. N 9.4—7; N 128.16—19; Esph. Appendice E. 12—20; MM. IV. 42, 147—148, 180, 229—230, 279—281; Metéor. N 18.48—50, 95—96. Также см.: Каждан А.П. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952. С. 89.

⁶⁰Каждан А.П. Аграрные отношения... С. 183.

⁶¹Ср.: Сюзюмов М.Я. К вопросу о характере выступления зилотов в 1342—1349 гг. // ВВ. Т. 28. С. 36; Matsche K.-P. Fortschritt und Reaktion in Byzanz im 14. Jahrhundert. B., 1971. S. 246—247.

⁶²См.: Pachymeres III.12 / Ed. A. Failler. Vol. I. P. 259—265.

⁶³См.: MM. IV. 187—189, 225, 256—257, 257—258, 259—260. Об их датировке см.: Ahrweiler H. L'Histoire et la géographie de Smyrne entre les deux occupations turques (1081—1317) particulièrement au XIIIe siècle // TM. 1965. Vol. I. P. 153—154.

⁶⁴См.: Вин Ю.Я. Право... С. 228.

⁶⁵См.: История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М., 1986. Т. I. С. 596, 597, 610 и след.

Неразделенность хозяйствования малых индивидуальных семей, объединенных патронимическими связями, общинный выпас стада, совместная уплата части общинных податей, несение караульной службы цементировали коллективизм жителей села, их круговую поруку. Она опосредовала распределение податей между членами общины "по силам каждого" и общинные формы регулирования продаж, обмеров и межевания земельных участков. Об уровне самосознания жителей поздневизантийской деревни говорят также нормы "божьего суда" и ордалий, сохранявшиеся, правда, в преобразованной воздействием христианской идеологии форме⁶⁶.

Среди идейных посылок становления коллективного самосознания членов общины следует назвать восприятие конфессионального единства в рамках церковного прихода. Косвенным образом оно засвидетельствовано рассказом Димитрия Хоматиана о влахах, родители которых обосновались в хорионе Хотеахобо. Как и родители, так и их дети на протяжении 15 лет посещали местную церковь, соблюдая установленную обрядность⁶⁷. Отчасти осознание единства выражалось в сооружении сельскими жителями приходских храмов. Примерами могут являться морейские хорионы Кипула и Полемиа, где во второй половине XIII в. благодаря рвению односельчан были воздвигнуты скромные по архитектуре храмы. Во главе прихожан хориона Кипула находилось местное духовенство, включая иерея Йораса и его сына анагносты Илью⁶⁸. Жители хориона Полемиа выступали под эгидой кира Георгия Патели — собственника и наследника селения. Он проживал в отдаленном регионе страны, а прихожан возглавляли местные иереи и анагносты⁶⁹. Равно сказывались и пережитки язычества. Они, безусловно, содействовали росту социальной активности общинного крестьянства. Доказательством служат сведения Димитрия Хоматиана о распространении в селах хоры Молиску русалий или брумалий, участники которых по отношению к местным монахам действовали агрессивно⁷⁰.

Проявлениями высшего уровня развития корпоративного самосознания членов общины наполнена социальная борьба сельского населения поздней Византии. Для социальных движений этой эпохи закономерны идеи монархизма и религиозно-еретическая окраска. Вместе с тем, выступления крестьян легко приобретали коллективистские формы и осуществлялись очевидным образом осознанно. Скажем, конфликт жителей Вари с Лемвиотисским монастырем носил заведомо организованный характер, обнаруживавший сознательное стремление общинников к его обострению. Старожилы Вари не только не платили податей сами, но и запрещали это делать "пришедшим с чужбины и здесь осевшим" крестьянам⁷¹. Констатируя коллективизм и зарождение зачатков социального самосознания в среде поздневизантийского крестьянства, уровень их развития в значительной мере можно обусловить степенью сохранения сельской общины, ее обычаев и традиций.

⁶⁶См.: Поляковская М.А., Чекалова А.А. Византия: быт и нравы. Свердловск, 1989. С. 259.

⁶⁷См.: Chom. N 80. 341—343, 349. Также см.: Снегаров И. История на охридската архиепископия. София, 1924. Т. I. С. 245.

⁶⁸См.: Pélop. N 55.2—12.

⁶⁹См.: Ibid. N 57.2—10, 12, 13—25.

⁷⁰См.: Chom. PK'. 509—512. Также см.: Поляковская М.А., Чекалова А.А. Византия... С. 224; Снегаров И. История... С. 254—255; Κουκουλές Φ. Βυζαντινὸν βίος καὶ πολιτισμός. 'Εν Ἀθηναῖς, 1948. Т. В, т. I. С. 29—30.

⁷¹См.: MM. IV. 255—256. Ср.: Dölger F., Wirt P. Regesten III. N 2004a.

Итак, суммированные в очерке наблюдения над общинными связями и традициями сельского населения поздней Византии побуждают к позитивному решению проблемы существования сельской общины в византийской деревне рассматриваемой эпохи. Наряду с тем, изученные сведения наравне с данными об общинном институте других стран позволяют видеть в средневековой сельской общине организацию жителей деревни, объединяющую их на основе родства, свойства и соседства для регулирования социально-экономических, культурно-бытовых, идейно-религиозных отношений своих членов благодаря формированию между ними психологической общности⁷².

М.В. Бибилов

К СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ ПИСЕМ ГРИГОРИЯ КИПРСКОГО: БЕДНОСТЬ, БЕДСТВИЯ, БОЛЕЗНЬ

Данные писем Григория Кипрского, византийского патриарха с 1283 по 1289 гг., его отношения с теми или иными из адресатов, отраженные в переписке, многочисленные высказывания и наблюдения, встречающиеся в ней, дают возможность рассматривать эпистолографическое наследие Григория Кипрского как источник для изучения историко-культурных и социо-психологических условий византийской жизни второй половины XIII в.¹ Эти письма становятся как бы зеркалом общества, в котором отразилась и жизнь двора, и мир высших государственных людей и вместе с тем проблемы, связанные с другими слоями общества, литературная жизнь, деятельность известных духовных лиц, их борьба.

Кроме того, всякое литературное наследие (а таковым является и корпус писем исследуемого автора) интересно и с других точек зрения². Обилие авторских высказываний, выражение мнений по тем или иным вопросам общественной и духовной жизни, сам выбор тех фактов, которые упоминаются в посланиях, дают богатый материал для изучения мировоззрения Григория Кипрского — его социальных взглядов, этических принципов, его интеллектуальных интересов и духовных запросов.

Письма Григория — это и отражение событий общественно-политической и экономической жизни византийского общества, и выражение вкусов и воззрений самого автора, и памятники литературного жанра, отвечающие его принципам.

Бедственное положение государства и личная бедность — темы постоянных рассуждений эпистолографа. Патриарх активно вмешивается в житейские дела своих современников. Так, Григорий Кипрский оказался посредником в ходатайстве братьев аркадца Дионисия перед василевсом. Их просьба — освободить от налогов их землю (181. 9-15). В это время

¹ *Κυρού Γρηγορίου τοῦ Κιπρίου ἐπιστολαί* / Ἐκδ. Σ. Εὐστρατιάδης. // Ἐκκλησιαστικὸς Φάρος. Alexandria, 1908–1910. Т. 1–5. Cf. *Laurent V.* Les Regestes des actes du Patriarcat de Constantinople. P., 1971. Vol. I, fasc. 4. P. 249–336; *Idem.* La chronologie de patriarches de Constantinople au XIIIe siècle (1208–1309) // *REB.* 1969. Т. 27. P. 146–147; *Lameere W.* La tradition manuscrite de la correspondance de Grégoire de Chypre. P., 1937.

² *Сметанин В. А.* Эпистолография. Свердловск, 1970. С. 70–71 и др. Ср.: *Verpeaux J.* Nicéphore Choumnos, homme d'état et humaniste byzantin. P., 1959. P. 63 sq.; *Guilland R.* Essai sur Nicéphore Grégoras (l'homme et l'oeuvre). P., 1926. P. 258–269.

⁷² См.: *Вин Ю. Я.* [Рец.] // *ВИ.* 1994. № 1. С. 184–186. Рец. на кн.: *Л. Женико.* Сельские общины в Западной Европе в период средневековья

Пелопоннес только-только присоединялся к владениям восстанавливающейся Византийской империи.

В письмах Григория содержатся сообщения и о спекуляциях императорской челяди. Люди, следящие за царским скотом и пасущие его на территории от Галлиполи до горы Ганос, получив большое количество хлеба, продают его на рынке по более высоким ценам, чем купили (132. 58-70). Помогают им в этих операциях служащие императорской кухни (132. 71-74). Они не ограничиваются этим. По рассказам Григория, когда василевс остановился в пути около Лампсака, они отправились на Киос, Триглею, Элегмы и там забирали у населения птицу, свиней и другой скот (132. 76-82). Это письмо, по-видимому, написано около января 1285 г. (так датируется письмо № 134). Из другого письма, написанного в это время, мы узнаем о наступившем голоде в Адрамиттии (134. 8-10). Теперь становятся более понятными условия спекуляции хлебом придворной челяди³. Григорий сообщает о том, что наступивший голод был весьма силен (134. 39-41).

В связи с многочисленными конфликтами по вопросу о владении землей, имуществом и проч. встает проблема бедности. Действительно, довольно часто в письмах Григория там, где говорится о спорах по экономическим делам или жалобах, речь идет о бедности. О жителях Бруссы, на которых был наложен штраф, Григорий пишет как о бедных и потому не могущих уплатить его в том размере, в каком требовалось его взыскать (120. 22-25). Людей, пришедших к патриарху из Пелопоннеса, он тоже называет бедными (149. 9-11). О своих соотечественниках-киприотах Григорий говорит, что их — великое множество и все они бедны, ниимущи, лишены даже самого необходимого (136. 44 сл.). В другом случае бедность становится препятствием для заключения брака⁴. В одном из писем допатриаршего периода Григорий ходатайствует перед Иоанном ипертимом мистиком за некоего бедного юношу (8. 29-31). Приходится не в первый раз, как видно из текста, писателю просить великого логофета об одном архиерее. Нищим предводителем нищей церкви характеризует его Григорий (135. 1-4). О бедности упоминает он и в сообщении об иконийском митрополите: тот возвращается в свою бедную церковь (150. 5-8).

Не только о бедности отдельных людей или церквей говорится в письмах Григория Кипрского. Встречаются также замечания о бедственном положении самого патриарха. В том письме, где Григорий сообщает о бедной одинокой каристинке, он пишет, что ему бы следовало предоставить помощь этой женщине, ему бы опекать вместо отца попавших в беду и нуждающихся в помощи; но нет у него того, откуда мог бы он черпать средства для их поддержки (162. 14-17). И далее автор с горечью объясняет, что некогда патриарший дом был для несчастных людей пристанью отрады и успокоения; тогда, разумеется, когда патриарх многим владел. Сейчас же средства его скудны: то, что было, растрчено, и не хватает для бедных, наслышанных о бесчисленных богатствах патриарха. Такое положение многим кажется невероятным, и они не могут в это и поверить (162. 17-27).

³См.: Zakythinos D. Crise monétaire et crise économique à Byzance du XIIIe au XVe siècle. Athènes, 1948; Laiou A. The Provinding of Constantinople during the Winter of 1306-1307 // Byz. 1967. T. 37. P. 94.

⁴См.: Nicol D.M. Mixed Marriages: Byzantium in the Thirteenth Century // Studies in Church History. 1964. Vol. 1. P. 160-172.

Сокращение средств константинопольского патриарха, как известно⁵, повлекло за собой сокращение Афанасием I, активно вмешивавшимся в экономические вопросы⁶, жалованья подчиненным.

Сообщая в одном из писем о своем возвращении в Константинополь с собора в Адрамиттии, Григорий рассказывает о вынужденной задержке в пути, и здесь особенно тяжело было для него стесненное материальное положение (139. 5-8). Такая беспомощность патриарха вызывала насмешки у жителей Галлиполи и у находящихся в пути других людей (139. 20-23).

Сам же Григорий много раз выражает сочувствие бедным и стремится по мере сил им помочь. Как уже говорилось, с таким участием он отнесся к бедной одинокой каристинке (162. 1-4). В другом письме он представляет Феодору Музалону еще одного бедняка-просителя (161. 7-10). Заступается Григорий и за юношу, у которого родственник — Пендэклисиот — отнял имущество, полученное от отца (184. 1-3). Помогает писателю и Ксифилину, потерявшему свой скот (165. 5-8).

Интересным представляется одно высказывание Григория в письме, где речь идет о беспорядках и дебошах в столице, учиненных Франкопулом и его компанией. Говоря о необходимости самыми решительными мерами пресечь такие действия Франкопула и тем самым успокоить жителей Константинополя, патриарх заявляет, что в противном случае даже наибеднейшему человеку, набравшему группу молодцов, не страшась наказания, можно будет поднимать мятежи (166. 74-77). Характерно, что в числе первых потенциальных смутьянов упомянуты бедные.

Неспокойна была жизнь в столице. В одном из писем содержится эмоциональный, полный сострадания к потерпевшим рассказ о бесчинствах Франкопула⁷ в Константинополе. В ночь с субботы на воскресенье этот негодяй, пишет Григорий, собрав вокруг себя молодежь, устроил пирушку. После большой попойки, ночью, когда колокола св. Софии созвали всех на службу, Франкопул вооружился вместе с толпой собутыльников и, выбрав время, когда сакелларий Великой церкви находился в храме, этот корибант устраивает со своими спутниками налет на его дом. Проникнув во внутрь, они с обнаженными мечами врываются в спальню жены и четырех дочерей сакеллария. Три дочери успели вовремя убежать, одна же, которая, как говорили, была самой красивой из них, попала в руки этим разбойникам (166. 18-52). А что случилось потом, устыдился бы рассказать и варвар, — заключает свой трагический рассказ Григорий Кипрский (166. 56-60). Четырех злодеев и самого Франкопула схватили, сообщает он. Четверо же остальных, которые были τζάκωνες⁸, разбежались (166. 60-69). Григорий настаивает на поимке остальных участников этого скандала. Ведь, если оставить это безнаказанным, пишет он, то нельзя будет жителям столицы быть спокойными за своих дочерей и родственников (166. 68-74).

⁵Laurent V. Les Regestes... P. 547.

⁶Guillard R. La correspondance inédite d'Athanase, patriarche de Constantinople (1289-1293; 1304-1310) // Mélanges Ch. Diehl. P., 1930. Vol. 1. P. 121-140; Banescu N. Le patriarche Athanase I-er et Andronic II Paléologue: Etat religieux, politique et social de l'empire // Acad. Roumaine. Bull. de la section Hist. Bucarest, 1942. T. 23. P. 28-56.

⁷Laurent V. Légendes sigillographiques et familles byzantines // Echos d'Orient. 1931. T. 34. P. 469-473; 1932. T. 35. P. 346 sq.

⁸Συμεινιάδης Χ.-Π. Οι Τσάκωνες και η Τσακωνία. Θεσσαλονίκη, 1972; Hatzidakis G. N. Tsavkwne" // BZ. 1927. Bd. 27. S. 321-324; Ahrweiler H. Les termes Τσάκωνες — Τσακωνίαι // REB. 1963. Vol. 21. P. 243-249.

Темы бедности и бедствий близки друг другу в письмах Григория Кипрского. Сообщая о своем возвращении в Константинополь с собора в Адрамитии, патриарх описывает плавание в столицу. Надеясь застать адресата (вдову протопревостария с сестрой) в Галлиполи, он отправился в путь "в Византий морем. По дороге его захватили ветры: в это время года (была ведь поздняя осень — канун зимы) они вытесняют ветры с юга. Из-за этого Григорию пришлось отдалиться ненастью и бурному — во второй день даже очень — морю и, сопротивляясь встречному ветру, плыть в Галлиполи. Никого там не застав, он настолько опечалился, что, казалось, невозможно было вновь пускаться в путь — к Проконнесу, затем в Перинф (Ираклия) и, наконец, к самому "Византию" (158. 49-60).

А в другом письме рассказывает писатель о своих злоключениях в пути. В течение многих дней погода никак не позволяла ему отправиться в путь "к Византию", и он пребывал в тщетных надеждах на обещания проводников возможного скорого отправления. Но только пустившись в дорогу, пришлось претерпеть такое, о чем не говорилось и не предвиделось: ведь время года ненастное, к тому же и запасы всего необходимого скудны (139. 1-6). Вьючные животные, которые были сюда пригнаны, выбились из сил: они голодны, и использовать их невозможно (139. 8-15). И поскольку нельзя на них полагаться в пути, приходится ждать попутного ветра с тем, чтобы лодки выполнили работу мулов (139. 23-25).

"Вот идет шестой день, — пишет Григорий в другом письме. — Вот уже 28 октября, и я кормлюсь водой и тем, что найдется поблизости от нее — плодами граната, винограда, всякой зеленью. Врачи, предписывающие диету, знают и умудренные долгим изучением науки скажут, чем каждый из этих видов питания отличен друг от друга, и все вместе — от воды. Сам же я, предложив им питаться этим, а доводы их рассуждения оставив для самого сообразительного, предпочту молчать, не желая больше вынуждать себя кормиться водой и всяческой сыростью" (140. 5-15). В результате — нездоровье. "Как только добрался я до Константинополя, — начинает Григорий одно из писем к василевсу, — впал в страшное бессилие" (137. 1-3). Указывает Григорий в другом послании, что плавание из столицы в Галлиполи заняло у него два дня (142. 14-17).

Во многих письмах Григория встречаются некоторые заметки о питании. Здесь прежде всего нужно указать благодарственные письма за полученные посылки. Так, в письме Феодосию, монаху из Кизика, Григорий сообщает о полученном вине — сладком и темном, но оно для него — *παχύς* (84. 1-6). Такое вино, не без юмора замечает автор послания, окажет прекрасное действие на кровь и даже на мозг, но тяжело будет для желудка (84. 6-10). В другом письме Григорий благодарит адресата — монаха Иасита — за присланных рыбок, радость получения которых вызвана и тем, что их прислал друг (4. 1-3). Особенно приятно было увидеть здесь голавлей (4. 17-23). Это — одно из ранних писем: Григорий говорит о себе как об "островитянине" (т. е. — киприоте) (4. 17-23).

Другое письмо будущий патриарх отправляет в качестве ответного дара за присланного барана (33. 1-1). Как выражение любви и преданности воспринимает Григорий в другом случае присланных ему рыбок (196. 1-7). В одном из писем Феодоре Раулоне писатель говорит о полученном винограде, который оказался еще незрелым и поэтому несъедобным (188. 6-9). Вспоминая в более позднем письме к ней об этой неудачной посылке, Григорий в несколько

шутливым тоне предвкушает получение новой посылки винограда — спелого и вкусного (189. 8-16).

Выше уже указывалось место одного из писем, в котором Григорий сообщает о своем бедственном положении в долгом пути, сетуя при этом на питание: есть приходится только то, что можно найти вблизи моря — гранат, виноград и т. п. Вообще же говоря в письме к монаху Иаситу о своем характере, Григорий отмечает, что он может жить совсем без излишеств: в питании обходиться без масла и прочего (113. 1-6).

"Любимой" темой писем Григория являются болезни и недуги. Действительно, византийцы вообще много болели. Но здесь замечательна та обстоятельность и подробность рассказа о явлениях своего заболевания, которые создают впечатление какого-то особого любования авторами подобных описаний всех деталей и проявлений болезни.

Достаточно много пишет на эту тему и Григорий Кипрский. Он рассказывает о своем "богатстве" — болезненном состоянии, слабости (74. 1-3). Какому-то знакомому Григорий сообщает о получении им письма от проэдра Смирны; болезнь и бессилие помешали тут же написать ответ (171. 1-6). Плохое самочувствие вызвано у патриарха плаванием по морю: несколько дней он был не совсем здоров, телесные недуги — чуть ли не болезни — одолели его, и он, голодая, должен лежать в постели (146. 34-37). В другом письме (Мелитиниоту) Григорий сообщает, что он испытывает что-то среднее между болезнью и здоровьем: не то, чтобы совсем здоров, но и не настолько болен, чтобы чувствовать себя бессильным что-либо делать (97. 1-8).

Монаху Мефодию Григорий излагает обстоятельства своей болезни души и тела (73. 4-10). Душевные недуги вызывают болезни тела, — пишет он Мелитиниоту (97. 18-20). С другой стороны, и бытовые условия, плохое качество питания и жилища усугубляют болезни, — таков вывод письма к монаху Агафону Кореси (74. 22-23). Здесь же писатель указывает, что причина его явной, видимой болезни духа — в другой, скрытой и давней (74. 12-19).

Подробно описывает Григорий многочисленные симптомы болезни. Ставракию он сообщает о сильном внутреннем жаре, подобном огню геенны. Отсюда и бесконечные болезни — частые и разнообразные, не прекращающиеся, являющиеся ему все, как во сне (77. 8-19). А то с Григорием приключается *οτοράχου κατάρτις* и расстройство желудка, вызывающие слабость (12. 1-3). Совсем замучили его невыносимые для зрелища истечения (слизи, крови и т. п.), — сообщает он Мелитиниоту (88. 9-17). Приступ этих обычных истечений задержал Григория дома (11. 1-2). Такие явления заставляют его сидеть в затворничестве не только из-за боязни ухудшения состояния здоровья, но и чтобы избежать взглядов людей, которые бы увидели эту ужасную картину (88. 17-27). Особенно тягостны потоки изо рта мокроты, заволакивающей все небо, так что больной не в состоянии ничего произнести, вынужден голодать и воздерживаться от питья; к тому же беспокоит частый кашель и удушье (72. 27-37). Причина такого ухудшения — питье воды, вызвавшее простуду и насморк (72. 14-26).

В другом, уже одном из поздних, письме Мелитиниоту патриарх описывает приступы своей болезни: слезотечение из глаз, слабость зубов (чего не было, как замечает автор, раньше), тяжелая голова, потоки мокроты — по горлу (197. 58-64). Истечения жижи вызывают опухоль лица, отеки — в течение пятнадцати дней (103. 21-29). Как правило, эта большая опухоль после прекращения приступов опадала и исчезала; но иногда она не сразу умень-

шалась (197. 40-49). Вместе с выделением мокроты, ощущением влаги во всем теле начинается у Григория и чесотка (72. 5-8).

Нередко Григорий начинает письма со слов: "страдаю". Речь идет о резком обострении болезни (197. 1-4). Такие ухудшения чуть ли не до смерти, изнашивают больного (72. 10-13). Григорию приходится по несколько дней голодать, — пишет он врачу Иоанну Феогносту, сообщая о своих муках (114. 1-5). В таком состоянии Григорий жалок: он лежит — одинокий и беспомощный (197. 4-6). Он страдает один, при этом сам будучи не в состоянии что-либо сделать для облегчения своих мучений (197. 53-58). Скрылся же он от людских глаз преднамеренно: вид его, больного, просто страшен (197. 67-76).

В письме к Мелитиниоту Григорий говорит о лечебном средстве, используемом им, — баня (103. 7-12). Обращаясь к врачу, Григорий Кипрский просит дать совет относительно лечения: не сходить ли в баню?.. (12. 5-6). При этом он пишет о том, что Иоанн Феогност из дружбы лечит его бесплатно (12. 9-13). В другом же случае, где речь идет о больной каристинке, автор укоризненно пишет, что медики, забыв о гуманности своего ремесла, бесчеловечно пренебрегают теми, кто не может им заплатить за лечение (162. 7-10).

Таковы некоторые сведения Григория Кипрского, касающиеся условий быта и жизни.

Оживление интереса в последнее время к эпистолярному наследию Григория Кипрского⁹, думается, позволит по-новому взглянуть на многие стороны византийской раннепалеологовской культуры.

G. Pistarino

CINQUANTACINQUE GIORNI A PERA-GALATA NEL TEMPO DELL'ASSEDIO DI COSTANTINOPOLI (1453)*

L'assedio di Costantinopoli da parte di Maometto II cominciò il 4 aprile 1453, quando l'esercito ottomano, mossosi da Adrianopoli il 26 marzo, giunse nei pressi della capitale greca, accampandosi prima a due miglia e mezza, poi ad un miglio, infine ad un quarto di miglio. Tra il 5 ed 7 aprile si attuarono gli spostamenti successivi²¹.

Per 55 giorni gli abitanti di Pera assistettero dalle loro mura, al di là del Corno d'Oro, alla resistenza della capitale greca, formalmente neutrali, anzi stretti dai patti di amicizia tra la Repubblica di Genova e la Sublime Porta, anche se il comandante supremo delle forze bizantine era un genovese, Giovanni Giustiniani Longo, e genovesi erano le truppe mercenarie che egli aveva condotto con sé, mentre altri genovesi, come Maurizio Cattaneo, con i suoi duecento balestrieri latini e greci, Leonardo di Langasco e Gerolamo Italiano, l'arcivescovo Leonardo di Chio, Lodisio Gattilusio, Giovanni de Fornari, Giovanni del Carretto, o naturalizzati genovesi, come i fratelli Paolo, Troilo ed Antonio Bocchiardi, militavano fra le milizie di Costantino XII²².

"Noi eravamo in pochi — scrive Isidoro di Kiev — e quindi combattemmo finché ci fu possibile, avendo pure l'aiuto dei genovesi che, compiendo ogni sforzo, hanno cercato di difendere la città. E benché esteriormente si mostrassero alleati del Turco e questo loro atteggiamento fosse dovuto ad un deliberato proposito, ciò malgrado essi di nascosto, durante la notte, ci inviavano tutti quegli uomini che potevano e che erano in grado di combattere, partecipavano compatti alle riunioni del Consiglio imperiale e si consigliavano con le altre genti sul modo migliore per difendere l'impero"²³.

Di tutto questo armeggio, di queste provvidenze, che a Pera-Galata si adottano in aiuto della capitale assediata, nulla trapela nel tono della vita che parallelamente si svolge nel borgo genovese, quale ci è attestata dai superstiti atti dei notai che, come Lorenzo di Calvi, rogano nel borgo. Il 6 aprile Costantino XII si trasferisce dal palazzo delle Blacherne alla porta di Charisios, mentre il bailo veneziano, Girolamo Minotto, passa dal palazzo del bailo

* Continuazione. Начало см.: ВВ. Вып. 55 (80). Ч. 2.

²¹ La conquista di Costantinopoli avvenne nel cinquantacinquesimo giorno dell'assedio secondo Isidoro di Kiev: cfr. la lettera al papa del 15 luglio 1453: *Pertusi A. La caduta di Costantinopoli: Le testimonianze dei contemporanei*. Verona, 1976. P. 98.

²² *Olgiati G. Genovesi alla difesa di Costantinopoli // Atti della Accademia ligure di scienze e lettere*. Genova, 1990. XLVI. P. 492—503. I fratelli Bocchiardi, contrariamente a quanto si è sempre ritenuto, erano oriundi veneziani, accasati con donne genovesi.

²³ *Pertusi A. Op. cit.* P. 109.

⁹ *Laiou A. The Correspondence of Gregorios Kyprios as a Source for Social History // Geschichte und Kultur der Palaiologenzeit: Res. des Symposiums zu Ehren Herbert Hungers*. Wien, 1994. S. 15.

al palazzo imperiale. Il medesimo giorno Antonio Pellerano fu Giacomo, *civis* genovese, nella casa in cui abita in Pera, insieme con il fratello Domenico, *in vico recto a logia*, — la quale è di proprietà di Antonio Griffo ed ospita anche la bottega del sarto Antonio *de Mortali*, — detta il proprio testamento, essendo malato nel corpo, ma "sanus mente et intellectu suaque in bona memoria existens atque linguam habens expeditam"²⁴.

Da questo testamento emerge la convinzione dell'interessato che la storia non muterà corso abituale: che Pera resterà genovese e quindi, implicitamente, che Costantinopoli greca non è destinata a soccombere. Il testatore vuole essere sepolto nella cappella dei Flagellanti di Santa Croce in Pera, a cui destina un legato di 10 perperi per le preghiere dei Flagellanti a suffragio della sua anima. Altri 10 perperi lascia al monastero perota di San Benedetto per la celebrazione di 30 messe di San Gregorio²⁵. Ed ancora 10 perperi sono destinati ad Antonio di Castiglione, come risulta dal libro dei conti del Pellerano. I grandi beneficiari dell'eredità sono la moglie Benedetta, a cui viene assicurata la restituzione della dote con la corresponsione dell'antefatto e con un lascito di 100 fiorini; le figlie Perreta a Teodora con un legato di 200 fiorini a testa, i quali, in caso di loro morte prima del matrimonio, passeranno al fratello del *de cuius*, Prospero Pellerano; gli eredi universali, cioè i suoi fratelli Prospero per due terzi e Domenico per un terzo. Sui quali graverà anche l'onere del mantenimento e del vestiario delle due fanciulle sino al loro matrimonio, da addebitarsi all'asse ereditario, essendo nominati i sopradetti tutori e curatori di entrambe.

Un segno di fiducia nel futuro sono il legato di 200 ducati d'oro veneziani per il restauro delle mura di Pera, secondo il giubileo concesso dal papa, e la decima sui legati, destinata all'opera ed alla *palificata* di Pera²⁶. Altrettanto si può dire per quanto disposto a proposito del salario arretrato del giovane di bottega, Giovannetto di Albenga, e per il saldo dei debiti e crediti, segnati nel cartulario del Pellerano, a cui dovranno provvedere i suoi esecutori testamentari ed amministratori *in partibus orientalibus*: Domenico Pellerano, Galvano Mangiafico ed Ambrosio *de Franchis de Burgaro*.

La bottega e la casa del testatore contengono un patrimonio di stoffe, panni, calzature, suppellettili varie, che egli elenca accuratamente, senza darsi pensiero di porne in salvo alcunché, come se in Pera fossere del tutto al sicuro. Tra i testimoni dell'atto notarile figura anche il grosso mercante Aron Maiavello, che noi sappiamo essere riuscito poi ad abbandonare Pera prima della caduta di Costantinopoli²⁷. Figurano altresì Cristoforo *Narixe*, Tommaso *Narixe*, Antonio *de Canali*, Baldassarre Pellerano fu Bartolomeo e Manuele Pellerano, che successivamente più non compaiono in Pera, mentre Cristoforo *Narixe*, Tommaso *Narixe* ed Antonio *de Canali* li si ritrova in Chio nel febbraio-marzo 1454²⁸. Una cassa di Baldassarre Pellerano, contenente beni diversi, tra cui una *carta a navigando*, venne recapitata in Chio ed aperta per ordine del destinatario, Domenico Pellerano, il 15 giugno 1453, alla presenza dei sarti Costa *Filator* e Digitrano Fili, entrambi scampati da Pera²⁹.

L'11 aprile Mehmed mise in posizione le sue bombarde più grosse, la più grande delle quali pare fosse piazzata davanti alla porta di San Romano, difesa da Giovanni Giustiniani

Longo e dai suoi mercenari, più contingenti bizantini³⁰. Tra il 12 ed il 18 aprile si scatenarono i bombardamenti turchi contro le mura, di giorno e di notte, mentre intorno alle mura si svolgevano scaramucce. Il pessimismo cominciò a farsi strada in Pera. Lo rivela il testamento dettato nel borgo da Lorenzo Gattilusio il giorno 17, verso l'ora di compieta³¹.

Il testatore si dichiara "sanus mente et intellectu et corpore validus atque animi et corporis virium omnium compos", ma detta le ultime volontà, "videns et intellegens propter bellum Teucrorum, quod cum Grecis est, nonnullum periculum sibi impendere, cavens ne propter hoc intestatus decedat". Era forse uno di coloro che di nascosto si recavano alla difesa della capitale bizantina?

Il senso della morte domina in tutto il dettato testamentario: Lorenzo prevede infatti, per ogni singola disposizione, chi debba subentrare in caso di decesso del beneficiario. Lorenzo ha ancora la madre, Nicosia, ed ha figli e figlie, una delle quali, Agnese, conta soltanto un anno, mentre la moglie, Caterineta, è in attesa di un altro erede. Una delle maggiori preoccupazioni del testatore è il sostentamento della prole, che resta affidata alla vedova, con disposizioni particolari nel caso ch'ella si risposi. Un'altra riguarda l'impiego dei capitali ereditari, i quali andranno investiti in "loca sive operis Pere sive Caffè sive Ianue" a giudizio degli esecutori testamentari: dove risulta evidente l'incertezza del futuro.

E anche notevole la preoccupazione di Lorenzo per il caso che i suoi fratelli, Percivale, Baldassarre e Lodisio, od i loro figli, o qualcuno dei medesimi, cadano in indigenza e non abbiano di che vivere: nel quale evento saranno a loro devoluti i proventi di 1000 perperi, altrimenti destinati ai Poveri di Cristo. Si prevede persino la possibilità della morte di qualcuno degli esecutori testamentari, i quali sono Baldassarre Gattilusio *de Porta*, fratello del testatore, il cognato Raffaele Vigerio, Angelo di Langasco e Gaspare Spinola. Essi si rivedono invece, tutti, a Chio, nel 1453—54³². Si ritrovano a Chio, nel medesimo tempo, anche due dei testimoni del rogito testamentario, Urbano di San Luca ed il sarto Antonio Guidoto, mentre un altro, il maestro sarto Guidoto di Brabante, risulta presente in Pera ottomana nell'agosto 1453³³.

D'altra parte il medesimo Lorenzo Gattilusio risulta vivo ed operante in Pera turca nell'agosto 1453, quando, a causa della precaria situazione politica, manomette la schiava valacca Sofia, purché ella continui a servirlo per altri tre anni; e, sempre in quel mese, trasferisce su Antonio *de Carmadino* e su Angelo di Langasco il mandato di procura, rilasciatogli il 12 settembre 1452 da Raffaele Vigerio. Ma si tratta d'una sua presenza in Pera del tutto temporanea, poiché già nel giugno del 1453 Lorenzo compare in Chio, dove è poi attivo tra l'ottobre del 1453 ed il gennaio del 1454³⁴.

Comunque, sono notevoli la rapidità e la relativa regolarità con cui poi, alla fine della guerra, riprenderanno i contatti fra Pera turca e Chio genovese. Alla Porta ci si rendeva conto dell'importanza economica dei legami con l'isola della Maona e del vasto settore d'interessi che essa rappresentava, proprio anche in funzione del restauro della capitale bizantina, che il sultano aveva annesso al suo impero, per farne la capitale, mantenendole però la funzione internazionale anche nei rapporti con l'Occidente. Probabilmente nel pensiero politico di Maometto II già si prospettava l'idea di una terza Roma, islamica,

²⁴ Roccatagliata A. Notai genovesi in Oltremare: Atti rogati a Pera e Mitilene. Genova, 1982. Pera, 1408—1490. I. Doc. 37.

²⁵ La devozione delle Messe di San Gregorio, istituita da San Gregorio Magno, consisteva nella celebrazione di 30 messe consecutive in suffragio per i defunti.

²⁶ Sulla *palificata* o *passionata* cf.: Pistarino G. Nota alle fonti sulla caduta di Costantinopoli // Atti della Accademia ligure di scienze e lettere. Genova, 1984. XL. 1983. P. 276—286; *Idem*. Genovesi d'Oriente. Genova, 1990. P. 371—382.

²⁷ Pistarino G. I "Gin" dell'Oltremare. Genova, 1988. Cap. VIII; *Idem*. Genovesi d'Oriente. Cap. V.

²⁸ Roccatagliata A. Notai genovesi in Oltremare // Atti rogati a Chio (1453—1454, 1470—1471). Genova, 1982. Doc. 112, 114, 115, 127.

²⁹ Roccatagliata A. Notai... Chio. Doc. 4.

³⁰ Su Giovanni Giustiniani Longo cf.: Balletto L. Un pirata genovese del XV secolo: Giovanni Giustiniani Longo // "Atti della Accademia ligure di scienze e lettere". Genova, 1984. XL, 1983. PP. 287—292; Olgiati G. Genovesi alla difesa di Costantinopoli. PP. 494—500; Pistarino G. L'ultimo eroe di Costantinopoli: Giovanni Giustiniani Longo // La storia dei Genovesi. Genova, 1992. XII.

³¹ Roccatagliata A. Notai... Pera. Doc. 38.

³² Roccatagliata A. Notai... Chio. Passim.

³³ *Ibid.* Doc. 23, 33; *Ibid.* Notai... Doc. 56.

³⁴ Roccatagliata A. Notai... Doc. 56, 58; *Eadem*. Notai... Doc. 6, 7, 8, 22, 23, 25, 26, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 39, 40, 84, 87.

suggeritagli ed amplificata dai non pochi italiani — fiorentini, veneziani, genovesi — che frequentavano la sua corte. Quanto poi all'isola della Maona, legata a Pera da quasi due secoli di rapporti di ogni specie — economici, sociali, religiosi, culturali — e quindi a Costantinopoli, la conservazione dei rapporti diretti con Galata ed Istanbul diventava un motivo essenziale per la sopravvivenza genovese nell'isola stessa, sia nella sua intera struttura e funzionalità sia nella sua posizione di caposaldo per le comunicazioni con Caffa e Crimea.

Mehmed si comportò abilmente nei riguardi dei Genovesi. Tenendo fede ai patti con loro stipulati o rinnovati dopo la sua assunzione al trono, non incluse nell'assedio anticonstantinopolitano il sobborgo genovese, considerandolo formalmente come entità extraterritoriale nei riguardi dell'impero bizantino, che era pur sempre il detentore del supremo dominio; ignorò, o meglio, finse di ignorare che il comandante delle truppe bizantine era un genovese, vero perno della difesa greca, ed erano genovesi non soltanto altri validissimi capi militari, ma anche modesti uomini di truppa e marinai delle navi rinserate nel Corno d'Oro. Stando al gioco impostato dai Peroti, sostenuti dalla Maona, Chio, dai Gattilusio di Lesbo e d'Enos e, sul versante del Mar Nero, dalla stessa Caffa, il sultano ignorò o, meglio, finse di ignorare che i Genovesi d'Oriente, seppure non consenziente la madre-patria, erano di fatto in guerra contro di lui, rifornivano di uomini e di materiali la capitale assediata, prestavano consigli ed elaboravano piani militari.

Anche Maometto, riprendendo qualche spunto dal padre Murad, seppure in modi tutto originali e consentanei alla sua natura e professione religiosa, contemplò l'idea dell'impero universale, ma non limitato all'epicentro di Costantinopoli, come nuovo *caput mundi* dopo la *translatio* romano, ed ora in mano turca, ma addirittura come futura prossima riconquistatrice della Roma antica, da sottrarre al papa per portarla al Profeta, con la sua inclusione nell'Islam, polietnico, polifideistico, policulturale, ma pur sempre nell'unità, assicurata dalle strutture di un impero che avvolge l'intero mondo. Agli occhi di Mehmed questi bizantini, che popolano l'antica capitale, non sono soltanto nemici politici e militari: sono l'espressione tangibile d'una stirpe che detiene proditoriamente, satanicamente, ciò che non le appartiene: "L'immagine della sposa novella, — scrive Tursun Beg, — la conquista di Costantinopoli, era divenuta la compagna inseparabile delle notti del giovane *pâdishâh*".

«Un mattino il sultano Muhammad Hân, il Ghâzi, concedette udienza alla corte, per fare giungere le sue giustizie a tutti i suoi sudditi a Oriente e ad Occidente. Partecipano ad essa — scrive Tâdji Beg-zâde Ga'fer Celebi — secondo il protocollo, i notabili dello Stato, e cioè gli ufficiali, i ciambellani, gli emiri e gli alti funzionari, i quali occupano i loro seggi a seconda dei gradi e delle dignità. Viene organizzato un banchetto. Dopo la discussione si ritirano nell'edificio del *diwân* [consiglio] per studiare il modo migliore di applicare le direttive sultaniali. Il sultano preannuncia loro di volere discutere un'idea che gli "è apparsa nello specchio dello spirito". I miei padri illustri — egli dice — e i miei antenati [Dio ne illumini le opere] erano intimamente consci del fatto che la felicità di questo mondo non dura; che nessuno è semperiterno nel mondo caduco; che gli istanti dell'uomo sono contati; che le porte dell'eternità gli sono sbarrate. Lo scopo della creazione è che l'uomo conosca l'Unità di Dio altissimo e che, per quanto gli è possibile e fino a quando gli è concesso il tempo, faccia ogni sforzo per avvicinarsi al suo trono. E la migliore maniera di avvicinarsi l'ha indicata Abû Sa'id-al-Hadri (Dio ne sia soddisfatto) tramandando un insegnamento del Profeta: "Il migliore degli uomini è quel credente che prodiga la sua vita e i suoi beni per combattere la guerra di Dio". Ora anch'io voglio agire secondo questa tradizione... e spendere tutte le mie forze per fare trionfare la parola di Dio e fare prosperare la *sunnab*, dell'inviato di Dio, così che i miei sforzi mi assicurino la fama nel mondo e un grande premio nell'aldilà. Or dunque, la buona città di Costantinopoli (...) è celebrata per il suo

nome e per la sua immagine in tutti i paesi, è nominata in tutti i luoghi, è iscritta nei libri di storia. Quale motivo vi sarebbe perché una città così gloriosa, un posto così bello, che si trova nel mezzo del mio Stato, nell'area del mio impero, debba rimanere durante il mio regno un focolare della infedeltà, un covo di empi, un punto di appoggio di ribelli?»³⁵. Il motivo fideistico agisce dunque accanto a quello dell'aumento del potenziale politico, economico, militare nell'intento del sultano che aspira a Costantinopoli.

I Genovesi, che dalle mura di Pera—Galata seguono le vicende dell'assedio, intervenendo il più copertamente possibile, non si rendono conto di quanto sia grande la spinta unitaria che stringe le pur disparate forze del Padiscia, ma che trova il momento di unione nella inflessibile volontà, nella convinzione di Mehmed che un destino immutabile, voluto da Allah, presiede al futuro vittorioso; che sorte della guerra si decide prima ancora sulla linea della fede, od anche del fanatismo, che sulla linea del combattimento. Ed invece nel campo cristiano cattolici ed ortodossi hanno fallito ogni tentativo di unione; si sentono intimamente estranei gli uni agli altri, al di fuori del momento della battaglia, mentre gli orientali sognano l'estremo intervento divino per la loro salvezza e gli occidentali, meno assorbiti in visioni fantastiche o soprannaturali, non sappiamo fino a quale punto combattessero convinti: una battaglia le cui conseguenze storiche sarebbero rimaste valide per oltre cinquecento anni, sino ad oggi. In Giovanni Giustiniani Longo, nei fratelli Bocchiardo od in Andreolo Cattaneo fino a quale punto agiva la coscienza cristiana in senso religioso, e fino a quale la tradizione della invincibile potenza di Genova, degli "dei del mare", come li chiama Francesco Petrarca?

(Окончание следует)

³⁵ Pertusi A. Op.cit. P. 307; *Idem*. La conquista di Costantinopoli. L'eco nel mondo. Verona, 1976. P. 268—279.

Введение

Наша задача заключается в том, чтобы осуществить: а) дипломатическое описание структуры договоров, заключенных Византией с итальянскими городами-республиками; б) описание структуры каждого из трех русско-византийских договоров, чтобы сравнить их затем с договорами итальянскими; в) реконструкцию византийского оригинала, т.е. обратный перевод со старославянского на среднегреческий, чтобы облегчить структурное и текстологическое сравнение с итальянскими договорами.

* Я выражаю сердечную благодарность Игорю Медведеву (С.-Петербург) и Андреасу Шминку (Франкфурт-на-Майне) за прочтение рукописи и ценные замечания.

¹ Они дошли до нас только в старославянском переводе в летописи Нестора под 907, 912, 944 и 971 годами. Для данной работы было использовано издание: *Адрианова-Перец В. П. Повесть временных лет*. М.; Л. 1950. Т. 1: Текст и пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова; Т. 2. Приложения.

При рассмотрении многочисленных работ, посвященных русско-византийским договорам, бросается в глаза преобладание исторических исследований, а филологических, юридических и дипломатических — значительно меньше².

Не сохранилось ни одного документа с текстом международных договоров Византии, который относился бы к концу X в.³ Именно это обстоятельство, т.е. полное отсутствие сравнительного материала для интересующего нас периода, и заставляло сравнивать русские договоры с византийско-персидским договором 562 г. Но и этот договор не сохранился в полном виде, хотя источники донесли описание процедуры⁴, которой следовали при его заключении персы и византийцы. С XIX в. в историографии окончательно утвердилось убеждение, что "русские" договоры заключались точно таким же способом и должны изучаться по аналогии с этим единственным случаем.

Такой подход и завел, на мой взгляд, исследование в тупик: из поля зрения совершенно выпал тот факт, что использованные в 562 г. методы (переговоры через посредников с обеих сторон, вместо ратификации — заявления обоих государств об одобрении заключения договора) — *лишь одна из альтернатив*. По неизвестным нам причинам в данном конкретном случае из множества возможных и одинаково употребительных в византийской дипломатической практике способов ведения переговоров была выбрана именно эта процедура. Вне поля зрения осталось и то, что форма персидско-византийского договора (как она передана у Менандра Протиктора) сложилась в результате совершенно определенной процедуры переговоров и в случае, если бы переговоры велись иначе, как сам ход заключения договора, так и форма и структура документа выглядели бы совершенно иными.

Несмотря на недостаток источников, на мой взгляд, возможно установить, каким образом велись переговоры при заключении трех русских договоров и каковы их внутренние отличительные признаки, если воспользоваться в качестве сравнительного материала другими договорами, дошедшими до нас от тех времен.

Самые ранние внешнеполитические договоры Византии, сохранившиеся дословно, — это, как известно, соглашения, заключенные в XI и XII вв. с ита-

[illegible]

3 Ср.: Dölger F., Karayannopoulos J. Byzantinische Urkundenlehre (Далее: Urkundenlehre). München, 1868. S. 94; Koder J. Das Siegellion von 992 — eine "außenpolitische" Urkunde // BS. 1991. Bd. 52. S. 40—44.

⁴ The History of Menander the Guardsman / Intro., Essay, Text, Transl. and Historiographical Notes by R.C. Blockley. Liverpool, 1985. S. 6.1—3; 54—91; Güterbock K. Byzanz und Persien in ihren diplomatisch-völkerrechtlichen Beziehungen im Zeitalter Justinians, B., 1906.

янскими городами-республиками Пизой, Генуей и Венецией. Они имеют форму *Chrysobulloi Logoi*⁵ и некоторые из них включают в качестве *inseparabiles* встречные документы, т.е. акты, составленные городами-республиками и отправленные византийскому императору. Именно эти встречные документы содержат важнейший сравнительный материал для нашего исследования, поскольку сохранившиеся в летописи Нестора тексты русско-византийских договоров представляют собой не что иное, как встречные документы — это мы постараемся показать в нашей работе.

Сохранившиеся итальянские встречные документы имеют различную структуру, поскольку вырабатывались по-разному⁶. Та или иная форма документирования договора определялась способом, избранным для ведения переговоров, предшествовавших его заключению: на признании этого факта и строится наше исследование. Вот почему сначала мы выделили схемы и основные формулы сохранившихся итальянских встречных договоров, чтобы иметь затем возможность сопоставить их с русскими. В результате этого исследования мы получили не только ряд новых знаний о русских договорах, облегчающих интерпретацию темных мест текста, но и смогли сделать некоторые наблюдения касательно византийской практики заключения договоров в X в.

Заключение договора: непосредственное и сложное

Как известно, дипломатика различает две процедуры, которые предшествовали в средние века заключению договора: *сложную и непосредственную*.

Сложная процедура применялась в тех случаях, когда один из двух государей, участвовавших в переговорах, выступал через своего представителя. В этом случае он принимал участие в выработке договора лишь опосредованно (либо сам византийский император посылал своих посредников к иностранному государю, либо, что случалось чаще, иностранный государь⁷ вступал через своих посредников в контакт с византийским императором в Константинополе)⁸. При такой сложной процедуре сам акт договора складывался из трех взаимообусловленных правовых процессов: а) из передачи посредникам полномочий от представляемого ими государя; б) из заключения договора полномочными посредниками; в) из ратификации

⁵ Об императорских грамотах см.: Dölger F., Karayannopoulos J. *Byzantinische Urkundenlehre*; Dölger F. *Byzantinische Diplomatie*. Ettal, 1956.

⁶ Об итальянских встречных грамотах см.: Heinemeyer W. *Die Verträge zwischen dem oströmischen Reiche und den italienischen Städten Genua, Pisa und Venedig vom 10. bis 12. Jhd.* // *Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde*. (1957). Bd. 3. S. 79—161; *Idem*. *Studien zur Diplomatik mittelalterlicher Verträge, vornehmlich des 13. Jhd.* // *Archiv für Urkundenforschung*. (1936). 14. S. 321—413; Bittner L. *Die Lehre von den völkerrechtlichen Vertragsurkunden*. Stuttgart; Berlin; Leipzig, 1924. S. 4ff.

⁷ Под словом "государь" здесь следует понимать государственную инстанцию, в обязанности которой входило заключение международных договоров.

⁸ Все византийско-итальянские договоры заключались между посредниками с одной стороны и самим государем с другой, хотя Византия, судя по персидско-византийскому договору 562 г., знала и другую процедуру, когда переговоры велись между посредниками с обеих сторон. Разумеется, государь, с которым вступали в контакт посредники другой стороны (как правило, византийский император), лично все время не присутствовал при переговорах. Обычно переговоры вел его чиновник (логофет дрома), но окончательная договорная грамота составлялась от лица императора. Ср.: Dölger F. *Diplomatik*... S. 239.

достигнутых соглашений государями. Только после третьего акта, т.е. *только после ратификации*, договор получал правовую силу.

Таким образом, первый правовой акт сложной процедуры состоял в том, что государь, желавший быть представленным при выработке и заключении международного договора, назначал своих посредников и наделял их полномочиями. Передача полномочий имела форму письма (в дальнейшем: "уполномочивающее послание"), которое вручалось другой договаривающейся стороне. В нем государь сообщал своему партнеру, на что он уполномочил своих представителей, и одновременно обещал признать, т.е. ратифицировать, достигнутые посредниками соглашения⁹.

Полномочия посредников сводились главным образом к тому, чтобы выработать условия договора, заключить его и скрепить клятвой. Случалось, однако, и так, что один посредник участвовал только в выработке договора и заключал его в документальной форме, а другие посредники уполномочивались на то, чтобы принести клятву соблюдать уже выработанный и заключенный их коллегой договор. Именно так заключался договор с Пизой от 1170 г. Полномочия могли ограничиваться только скреплением клятвой договора, особенно в тех случаях, когда речь шла о возобновлении старого договора. Однако нормальным было, по всей очевидности, наделение посредников всеми полномочиями (и для выработки условий договора, и для заключения и скрепления его клятвой), что практически было более целесообразным ввиду плохих условий сообщения между странами. Вторая важная часть уполномочивающего послания — *ратификационное обязательство*, т.е. обещание государя одобрить и поддержать соглашения, к которым пришли его посредники.

До нас дошли два подобных уполномочивающих послания от XIII в. В первом, от 1265 г., венецианский дож сообщает византийскому императору, что он уполномочил двух своих представителей (*ἀνεθέμεθα πληρεστάτην δύναμιν καὶ ἐξουσίαν*) вести переговоры (*τρακταῖσαι*), заключить договор (*ποιῆσαι καὶ ἀναλαβεῖν ὑποσχόμεσι καὶ ὀρκωμῶσιν δι' ἡμᾶς*) и скрепить его клятвой. Дожд и венецианская община обязуются признать, т.е. ратифицировать, результаты переговоров (*ὑποσχόμεθα ἡμεῖς ... ἔχειν εἰς ἡμᾶς τὸ στέρεον καὶ ἀποδεκτέον καὶ στέρεον*)¹⁰. Во втором уполномочивающем послании императору точно так же сообщается, что Венеция поручает (*ἀνατιθέμεν*) двум своим представителям, наделяя их соответствующими полномочиями (*πλήρη δύναμιν καὶ ἐξουσίαν αὐτοῖς διδόμεν*) вести переговоры с императором, заключить с ним соглашение и подкрепить его, т.е. принести клятву (*παρὰ χωρὶς τοῦ τρακταῖσαι, ποιῆσαι καὶ στέρεωσαι τρέβαν μετὰ τοῦ... κυρίου Μιχαήλ*). Ратификационное обязательство этого уполномочивающего послания сформулировано в следующих выражениях: *ὑποσχομένοι... βέλαιον καὶ στέρεον ἔχειν καὶ κρατεῖν πάντα καὶ ἕκαστα ἅτινα οἱ ῥηθέντες εὐγενεῖς... ποιήσουσιν*¹¹. Те же самые или аналогичные формулировки используют и византийские императоры, упоминаемая в хрисовулах уполномочивающие послания представителей своих партнеров. Так, например, в хрисовуле, данном генуэзцам в 1192 г., мы читаем, что их представители получили полномочия заключить с императором соглашение, которое они затем записали в виде документа и подтвердили

⁹ Ср.: Dölger F., Karayannopoulos J. *Urkundenlehre*. S. 96, 99. Они обозначают уполномочивающее послание словом "аккредитив".

¹⁰ MM. 3. 83.11—35. Сохранилось в хрисовуле Михаила VIII для Венеции от 1265 г.

¹¹ Ibid. 85.7—34. Сохранилось в хрисовуле Михаила VIII для Венеции от 1277 г.

клятвой (ἀποκρισιάριοι... τῆς Γενούας... ἐνδεδομένον ἔχοντες συμφωνῆσαι μετὰ τῆς βασιλείας μου... ἃ δῆτα καὶ ἐνετάλθησαν, καὶ μέντοι μετὰ πολλὰ τρακταῖσμον... συνηρέσθησαν εἰς τὰ δηλούμενα ἐν τῷ... ἐγγράφῳ τῷ καὶ ὡμοκῶ ὅρκῳ παρ' αὐτῶν βεβαιωθέντι)¹².

В другом хрисовуле для Генуи от 1170 г. содержание уполномочивающего послания генуэзцев передано таким образом: οἱ... κόνσουλοι... τῆς Γενούας ἐξαποστείλαντες πρὸς τὴν βασιλείαν μου ἀποκρισιάριον... Αἰκίον δὲ Μοῦρην ἐνδεδώκασι τούτῳ τρακταῖσαι καὶ συμφωνῆσαι μετὰ τῆς βασιλείας μου, ὅπως καταλαβῶν... τρακταῖσας ἐποίησε συμφωνίαν... καὶ δι' ὅρκου βεβαιωθεῖσαν¹³.

Второй правовой акт сложной процедуры состоял в том, что посредник фиксировал письменно выработанные материальные пункты соглашения, и изготавлял так называемую посредническую грамоту¹⁴. Она строилась по определенным правилам, о которых ниже. Каждая из сторон подготавливала свой документ, в котором излагала принимаемые ею на себя обязательства в отношении к партнеру. Для большей верности и во избежание споров, которые могли возникнуть в будущем, посредники иногда включали в свою грамоту также целиком или частично и обязательства своего партнера (в данном случае — византийского императора). То же самое делал со своей стороны и император, включая в свой хривосул посредническую грамоту полностью или в выдержках (inserta).

Посредническая грамота склеивалась обыкновенно подписью, печатью и клятвой посредника. Однако его клятва знаменовала не заключение договора в целом, а лишь завершение второго акта сложной процедуры. Клятву посредники приносили от имени того, кто их уполномочил; они обещали, что их государь ратифицирует соглашение, которое они выработали, в той форме, в какой они его записали. Таким образом, они клялись, что и третий акт сложной процедуры также состоится и договор получит правовую силу. Клятва посредника была лишь одной из дополнительных гарантий записанного текста договора; ее никоим образом не следует путать с той клятвой, посредством которой глава государства ратифицировал договор, т.е. "ратификационной клятвой". Клятва посредника приносилась лишь для того, чтобы подтвердить обязательство государя ратифицировать зафиксированные в документе соглашения¹⁵.

Третий правовой акт сложной процедуры — ратификация посреднической грамоты государем, который вел переговоры через посредника¹⁶. Ратификация по определению есть отчетливо выраженное правовое волеизъявление государя, которым он признает соглашения, достигнутые его представителем¹⁷. Только после ратификации соглашения получали правовую силу и договор считался заключенным. Право заключать договор имел лишь государь (в итальянских городах-республиках это могли быть община, консулы или сенаторы); право это не могло передаваться кому бы то ни было.

¹² Ibid. 26.6—15.

¹³ Ibid. 35.3—9. О полномочиях говорится также в послании Исаака I Ангела генуэзским властям от апреля 1192 г., где снова встречаются выражения: ἐνδεδομένον ἔχειν, τρακταῖσμός, ἐγγράφον ποιεῖν.

¹⁴ Ср.: Heinemeyer W. Verträge... S. 97ff.

¹⁵ Heinemeyer W. Studien... S. 387.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Bittner L. Die Lehre... S. 233ff.; Heinemeyer W. Verträge... S. 150ff.; Idem. Studien... S. 388, 405.

Ратифицируя договор, общины (коммун) торжественно и публично объявляли — в форме клятвы — о том, что они признают посредническую грамоту и обещают соблюдать ее условия. Видимо, представители общины в церкви в присутствии представителей византийского императора повторяли вслух все или хотя бы важнейшие обязательства, зафиксированные в договоре, вместе с клятвенной формулой (призывая в свидетели святого, Евангелие или Крест). После этого акта происходил обмен грамотами. Посредническую грамоту, получившую благодаря ратификационному акту силу правового инструмента, получали представители императора, а ратифицировавшим ее членам общины вручался императорский хривосул.

Затем представители византийского императора, принимавшие ратификационную клятву, составляли записку об этом акте, которая должна была служить дома и на будущее время доказательством того, что договор действительно обрел правовую силу. Эта записка (notitia), подтверждавшая факт принесения ратификационной клятвы, составлялась, по всей видимости, объективно и не имела определенной формы, ибо считалась гораздо менее существенной, нежели формальный акт принесения устной клятвы. Лишь позднее сам торжественный акт начинает утрачивать свое значение, и на первый план выдвигается документальная фиксация ратификации и обмен ратификационными грамотами, составляющий и по сей день завершающий акт в процедуре заключения "сложного" международного договора¹⁸.

Три описанные выше правовые акта сложной процедуры находили свое выражение, как мы уже упоминали, в форме определенных документов. Итальянские грамоты, составленные в результате такой процедуры, содержат подтверждение полномочий и ратификационные обещания. Следовательно, это — *посреднические грамоты*, которые еще нуждаются в ратификации государем (в данном случае — всей общиной, т.е. итальянской стороной). Мы рассмотрим их ниже.

Второй способ заключения международного договора — *непосредственная процедура*. При ней государи сами вели переговоры, фиксировали их результаты документально и приносили клятву. Это происходило либо при личной встрече государей, либо, если встрече препятствовала большая удаленность или какие-то иные причины, путем обмена устными или письменными сообщениями через гонцов. Эти гонцы (или послы) не имели никаких полномочий и не могли действовать самостоятельно: они лишь передавали волю своего государя. Когда договаривающиеся стороны достигали соглашения, каждая сторона — в присутствии представителей другой — подтверждала соглашение клятвой и фиксировала его документально (или наоборот: сначала записывала, а потом подтверждала документ клятвой). Этими документами стороны затем обменивались, причем каждая сторона вставляла в свою грамоту в качестве инсерта для большей верности обязательства другой стороны, как мы это видели и в посреднических грамотах.

Таким образом, правовой акт заключения договора непосредственным путем складывался из двух процедур: принесения государем клятвы и

¹⁸ Heinemeyer W. Verträge... S. 150ff.; Idem. Studien... S. 378ff., 388ff.; Bittner L. Die Lehre... S. 4ff.; Seidl E. Der Eid im römisch-ägyptischen Provinzialrecht. München, 1935. Bd. 2. S. 49ff.

документирования договора (или обмена документами). Если и то и другое состоялось, договор считался заключенным и имеющим правовую силу¹⁹.

Документы, фиксирующие соглашения Византии с итальянскими городами-государствами, достигнутые непосредственным путем, не содержат ни уполномочивающих посланий, ни ратификационных обещаний. Они составлены непосредственно от лица государя (т.е. всей общины, а не ее представителей) и подкреплены его клятвой, а потому не нуждаются ни в какой дальнейшей ратификации; их следует поэтому называть *заключительными грамотами*. Они содержат формулы вручения (или обмена), которыми сообщается о факте передачи заключительной грамоты, ибо только после передачи получателю такая заключительная грамота могла считаться доказательством совершения правового действия и заключенный договор обретал силу. (О заключительных грамотах см. ниже.)

Посреднические грамоты городов-республик Пизы, Генуи и Венеции

От XII в. сохранилось шесть грамот, в которых представители итальянских городов-республик Пизы, Генуи и Венеции по окончании переговоров в Константинополе излагают обязательства своих родных городов в отношении византийского императора.

Ни один из этих документов не сохранился в своей первоначальной форме: все они дошли до нас лишь как инсерты в императорских хривосулах (либо в греческом языке, либо в латинском переводе). Один из этих шести документов вставлен в императорский хривосул заведомо не полностью; насколько полно включены остальные пять, также неизвестно. Отсутствие обращения даты в начале и в конце некоторых из них указывает, скорее всего, на то, что они были опущены лишь при включении в императорскую грамоту. Речь идет о следующих посреднических грамотах:

1. Грамота пизанского посредника Альберто от 1170 г. Хотя Пиза отправила в Константинополь трех своих представителей, лишь один из них был уполномочен вести переговоры и заключить договор. Двое других имели право лишь подтвердить клятвой заключенное их коллегой соглашение и потом записали свою клятву в отдельной грамоте²⁰.

2. Грамота пизанских посредников Гаитано и Сигерио от 1192 г. Клятвой, которой они подтверждали составленную ими договорную грамоту, записанную отдельно как самостоятельная грамота²¹.

3. Грамота генуэзского посредника Амико де Мурта от 1169 г. Имеется только в латинском переводе, в двух редакциях²².

4. Грамота того же генуэзского посредника Амико де Мурта от июля-августа 1170 г.²³

5. Грамота генуэзских посредников Торнело и Спинула от 1192 г. Их клятва, как и во второй грамоте, представлена в форме самостоятельного документа²⁴.

6. Грамота венецианских посредников Михаила и Квирина от 1198 г. От этой посреднической грамоты включена в текст хривосула только ее диспозиция. Клятва записана отдельно, как во второй и пятой грамоте. Обе грамоты — и посредническая, и клятвенная — сохранились только в латинском переводе²⁵.

Внутренние признаки посреднических грамот

Под внутренними признаками понимают обычно, с одной стороны, *протокол*, а с другой — *текст с формулами*. К внутренним признакам относятся также порядок расположения формул в грамоте и их словесное выражение²⁶.

I. *Invocatio*. С инвокации начинаются две генуэзские посреднические грамоты; в первой призывается имя Отца и Сына и Св. Духа: (ἐν ὀνόματι τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος); во второй — то же, но в латинском переводе и с "аминь" в конце: in nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti amen²⁷. Такая инвокация с призыванием *Троицы* была обычна в Византии с VIII в.²⁸ В 72 новелле императора Льва VI призывание имени Божьего (вместе со знаком креста) признается необходимым условием, без которого документ не имеет силы. Инвокация и крест рассматривались как обязательные предпосылки правомочности любого документа, что объясняется, вероятно, мыслью, что грамота, которая пишется во имя Господа, не может писаться с дурными намерениями²⁹.

II. *Intitulatio*. В пяти представительских грамотах (в шестой интитуляция опущена) перед именем посредника стоит личное местоимение ἐγώ (я) или ἡμεῖς (мы). После местоимения идет имя или фамилия посредника, который одновременно является и составителем документа. Между местоимением и именем может вставляться титул или название должности составителя; название места, откуда он прибыл, может стоять как впереди, так и позади имени.

III. *Данные о полномочиях*. Здесь нужно отметить следующее: всё, что касается полномочий, должно было содержаться в верительном письме, которое посредники привозили с собой в Константинополь и обязаны были предъявить императору до начала переговоров. Таким образом, в посреднической грамоте более или менее полностью приводится содержание верительного письма; тем самым указывалось еще раз, что посредник действует

¹⁹ Bittner L. Die Lehre... S. 277ff.; Heinemeyer W. Studien... S. 342ff.

²⁰ Посредническая грамота см.: MM. 3. 14.14—15. Отдельная клятвенная грамота см.: MM. 15.4—16. О хривосуле см.: Dölger F. Regesten. N 1499; Heinemeyer W. Verträge, 127ff.; Lilie R.J. Handel und Politik zwischen dem byzantinischen Reich und den italienischen Kommunen Venedig, Pisa und Genua in der Epoche der Komnenen und der Angeloi. Amsterdam, 1984. S. 77.

²¹ Посредническая грамота см.: MM. 3. 5.17—8.11. О договоре см.: Dölger F. Regesten. N 1607; Heinemeyer W. Verträge... S. 98, 128ff.; Lilie R.J. Handel... S. 79ff.

²² Первая редакция см.: Liber iurium Reipublicae Genuensis. T. 1 (= Historiae Patriae Monumenta 7), 1854. P. 252.43—255.40; вторая редакция, цит. нами, см.: JUS. 1. S. 417.18—420.34. О договоре см.: Dölger F. Regesten. N 1488; Heinemeyer W. Verträge... S. 99ff.; Lilie R.J. Handel... S. 87ff.

²³ MM. 3. 33.32—34.35. Dölger F. Regesten. N 1497/98 (Mai 1170); Lilie R.J. Handel... S. 87ff.

²⁴ MM. 3. 26.15—30.25. Cp.: Dölger F. Regesten. N 1610; Heinemeyer W. Verträge... S. 98ff., 128ff. Клятва: MM. 3. 30.26—31.23.

²⁵ JUS. 1. 470.29—474.17. Cp.: Dölger F. Regesten. N 1647; Heinemeyer W. Verträge... S. 90; Lilie R.J. Handel... S. 41ff.

²⁶ Cp.: Redlich O. Einleitung. S. 23; Erben W. Die Kaiser- und Königsurkunden des Mittelalters. München; B., 1907.

²⁷ MM. 3. 33.32; JUS. 1. 417.19. Как уже отмечалось, на вопрос, имелась ли инвокация также и в других посреднических грамотах, ответить мы не можем, хотя это весьма вероятно.

²⁸ Dölger F., Karayannopoulos J. Urkundenlehre... S. 76; Brandt K. Der byzantinische Kaiserbrief aus St. Denis // Archiv für Urkundenforschung. (1908). Bd. 1. S. 33.

²⁹ Медведев И.П. Очерки византийской дипломатики. Л., 1988. С. 53 и след.

по поручению своего государя и является полномочным его представителем. В этой части грамоты могут приводиться следующие данные:

а) Служебное положение составителя грамоты. Обычно посредники называют себя послами (ἀποκρισιάριοι) своих коммун.

б) Названия пославших их органов, иногда и имена должностных лиц, отправивших их с поручением.

в) Имя и титул получателя верительного письма (т.е. императора), с прологами прѳс с винительным падежом или метѳ с родительным. Обычно прибавляется множество украшающих эпитетов, выбор которых, видимо, определялся какими-либо правилами.

г) О наделении полномочиями, в том числе и о конкретных поручениях, а иногда здесь же и о предмете договора сообщается в самых разных выражениях; мы уже упоминали, что устоявшейся терминологии для этого в средние века еще не было. Посол получал "власть и обязанность" заключить и подтвердить клятвой договор ("accipiens potestatem et injunctum ab eis, quicquid juravero et conveniero"...; "λαβὼν ἐξουσίαν καὶ ἐνδόσιμον"). Он лично обязывался неукоснительно следовать данному ему поручению, которое описывалось точно (ἐνδεδομένον ἔχοντες, κατὰ τὸ ἐντεταλμένον ἡμῖν), ли должен был действовать сообразно воле и наставлениям того, кто его отправил (ἐξ ὁρίσμου καὶ θελήσεως, ἐξ ἐντολῆς)³⁰.

С синтаксической точки зрения интитуляция представляет собой подложное того сказуемого, с которого начинается диспозитивная часть грамоты (см. ниже). Данные о полномочиях либо просто вставляются между интитуляцией и глаголом диспозиции, либо образуют вместе с ними сложную синтаксическую конструкцию, как явствует из следующих цитат:

1. Genua 1170: "ἐγὼ ὁ Ἀμίκος δὲ Μούρτα ὁ Γενουῖτης, ἀποσταλεῖς παρὰ τῶν κονσούλων καὶ τῶν συμβούλων πάντων τοῦ κάστρου Γενούας καὶ λαβὼν ἐξουσίαν καὶ ἐνδόσιμον παρ' αὐτῶν, ὡς ἂν ὅπερ ἐπομόσομαι, συμφωνῶν προσώπῳ τῶν Γενουῖτῶν μετὰ τοῦ ὑψηλοτάτου βασιλέως Ῥωμαίων τοῦ πορφυρογεννήτου κύρ Μανουῆλ τοῦ Κομνηνοῦ, στερχθῆ τοῦτο καὶ παρ' αὐτῶν, τὴν παροῦσαν συμφωνίαν ποιῶ καὶ ἐπομνύω"³¹.

2. Genua 1169: "Ego Amicus de Murta, civis Janue, legatus ab Archiepiscopo civitatis Janue et a Consulibus et ab omni Communi civitatis Janue, accipiens potestatem et injunctum ab eis ut, quicquid juravero et conveniero vice Janue cum sanctissimo et excellentissimo Imperatore Romeon Porfirogenito Domino Hemanuele Comino, firmum et ratum erit hoc ab eis: hanc presentem convencionem facio et juro..."³².

3. Genua 1192: "ἡμεῖς οἱ ἀποκρισιάριοι τοῦ κάστρου καὶ τῆς χώρας Γενούας ὁ τε Γιλίελμος καὶ ὁ Γίδος Σπίνουλας, ἀποσταλέντες παρὰ τοῦ ἐξουσιαστοῦ τοῦ κάστρου Γενούας τοῦ Μανετόλδου δὲ Βρέσας καὶ τῶν κονσούλων καὶ συμβούλων καὶ τοῦ λοιποῦ πληρώματος τοῦ κάστρου καὶ τῆς χώρας Γενούας πρὸς τὸν κραταῖον καὶ ἅγιον βασιλέα Ῥωμαίων καὶ αἰεὶ αὐγουστον, κύρ Ἰσαάκιον τὸν Ἀγγελὸν ἐφ' ᾧ κατὰ τὸ ἐντεταλμένον ἡμῖν τὰ συμφέροντα τῇ χώρᾳ ἡμῶν ἀπὸ τῆς ἁγίας αὐτοῦ βασιλείας ζητῆσαι..."³³.

4. Pisa 1170: "ἐγὼ ὁ κόνσουλос τῆς Πίσσης Ἀλпέρτος ἀποσταλεῖς ἀπὸ τῆς χώρας τῆς Πίσσης ἀποκρισιάριος πρὸς τὸν κύριον ἡμῶν, τὸν βασιλέα Κωνσταντίνουπόλεως καὶ πάσης Ῥωμανίας, τὸν πορφυρογέννητον κύρῖν Μανουῆλ τὸν

³⁰ См. выше, с. 68—69.

³¹ MM. 3. 33.33—34.3.

³² JUS. 1. 417.19—25.

³³ MM. 3. 26.15—23.

Κομνηνόν, ὁμνύω ἐξ ὁρίσμου καὶ θελήσεως τοῦ τε ἀρχιεπισκόπου ἡμῶν, τῶν κονσούλων τῶν σενατέρων καὶ τῆς λοιπῆς χώρας τῆς Πίσσης τὸν παρόντα ὄρκον"³⁴.

5. Pisa 1192: "ἡμεῖς οἱ ἀποκρισιάριοι τοῦ κάστρου καὶ τῆς χώρας τῆς Πίσσης, ὁ τε Ραῖνέρης Γαῖτάνος καὶ ὁ κριτῆς Σιγέριος, ἀποσταλέντες παρὰ Τεδιτζίου τοῦ ἐξουσιαστοῦ τοῦ κάστρου καὶ τῆς χώρας τῆς Πίσσης τοῦ υἱοῦ τοῦ κόμητος Οὐγουλίνου καὶ τῶν συμβούλων καὶ τῆς κοινότητος αὐτῆς πρὸς τὸν ὑψηλοτάτον βασιλέα Ῥωμαίων καὶ αἰεὶ αὐγουστον, κύρῖν Ἰσαάκιον τὸν Ἀγγελὸν, καὶ ἐνδεδομένον ἔχοντες παρ' αὐτῶν ζητῆσαι ἀπὸ τοῦ βασιλέως..."³⁵.

IV. Наррация. В двух посреднических грамотах (генуэзской и пизанской — обеих от 1192 г.) изложена предыстория заключения договора. В наррации пизанской грамоты во всех деталях отражен ход переговоров; особенно подробно перечисляются требования пизанцев к византийцам.

V. Диспозиция. Это главная часть грамоты, в которой излагаются результаты усилий, предпринятых посредниками:

а) Вводная формула диспозиции обозначает само действие составителя документа; формула содержит глагол ποιῶ (facio, делаю, осуществляю), ἐκτίθῃ (излагаю) или ὁμνύω, ἐπομνύω (подтверждаю клятвой, обещаю). Глагол может стоять в единственном или во множественном числе в форме настоящего времени и служит сказуемым к подлежащему интитуляции (если она не отделена от диспозиции наррацией), а сам составляемый документ является дополнением к этому сказуемому (συμφωνία, ἐγγραφον, ὄρκος, conventio). К этой же клаузуле, обозначающей сам факт составления и выдачи документа, относятся обозначения гарантий и различных мер, обеспечивающих надежность как материальных договоренностей, так и самого документа, — это клятва, собственноручная подпись и печать посредников.

б) Далее следует еще одна ссылка на органы, по поручению которых совершается юридический акт документирования достигнутых соглашений, т.е. на того, кто дал поручение данному посреднику и наделил его соответствующими полномочиями³⁶.

в) Адресат диспозиции обозначается предлогом πρὸς с винительным падежом или косвенным дополнением в дательном падеже. Адресатом является не только царствующий ныне император, чьи имя и титул названы, но и его наследники и преемники, которых также должен обязывать данный документ:

1. Genua 1169: (Ego) "hanc presentem convencionem facio et juro ex voluntate Archiepiscopi et Consulum et totius Communis civitatis Janue ad sanctissimum Dominum Imperatorem Porfirogenitum Dominum Hemanuelem Cominom et ad omnes heredes et successores Imperii ejus et Romaniam sicut significabitur"³⁷.

2. Genua 1170: (ἐγὼ) "τὴν παροῦσαν συμφωνίαν ποιῶ καὶ ἐπομνύω ἀπὸ θελήσεως πάντων τῶν Γενουῖτῶν πρὸς τὸν κύριον βασιλέα τὸν πορφυρογέννητον

³⁴ Ibid. 1.4—19.

³⁵ Ibid. 5.17—23.

³⁶ Второе упоминание о полномочиях находится в том месте диспозиции, где в византийских частных грамотах стоит обычно так называемая формула добровольности, которой удостоверяется, что данное распоряжение (например, продажа или дарение) совершается распоряжителем добровольно: ἐκουσίως, οἰκειοθελῶς (о частных грамотах см.: Медведев И.П. Очерки... С. 58). Интересно, что в посреднической грамоте генуэзцев от 1192 г. после перечисления подесты, консулов, членов Совета и всего народа Генуи, по поручению которых действуют

³⁷ JUS. 1. 417.25—30.

кῦρ Μανουήλ καὶ πρὸς πάντας τοὺς κληρονόμους καὶ διαδόχους τῆς βασιλείας αὐτοῦ τοὺς μέλλοντας βασιλεύειν καὶ τὴν Ῥωμανίαν, καθὼς δηλωθήσεται"³⁸.

3. Genua 1192: "τὸ παρὸν ἔγγραφον ἐκτιθέμεθα ἐκουσίως καὶ αὐτοθελῶς, δίχα βίας τινός, δι' οὗ καὶ παραδηλοῦμεν, ὅτι ἐξ ἐντολῆς ἐγγράφου τοῦ ἐξουσιαστοῦ καὶ τῶν συμβούλων τοῦ κάστρου καὶ τῆς χώρας ἡμῶν, καταδοχῆς τοῦ λοιποῦ πληρώματος τῆς Γενοῦας κατὰ τὸ ἐνδοθέν ἡμῖν παρ' αὐτῶν τοιαύτας βασιλικὰς φιλοτιμίας παραδεχόμεθα..."³⁹.

4. Pisa 1192: "ἰδοὺ διὰ τοῦ παρόντος ἡμῶν ἐγγράφον βεβαιωθῆναι ὀφείλον καὶ σωματικῶ ὄρκῳ ἡμῶν καὶ ταῖς οἰκειοχείροις ὑπογραφαῖς καὶ ταῖς σφραγίσιν τῶν ἐν τῇ Μεγαλοπόλει Πισσαϊκῶν ἐκκλησιῶν, τοῦ τε κορυφαίου ἀποστόλου Πέτρου καὶ τοῦ ἁγίου Νικολάου, συμφωνοῦμεν πρὸς τὴν βασιλείαν αὐτοῦ, τοὺς κληρονόμους καὶ διαδόχους αὐτοῦ..."⁴⁰.

г) Далее следуют материальные условия договора, к которым при посредники в результате переговоров, т.е. собственно содержание документа. Это может быть компактный, непрерывный текст или же ряд отдельных пунктов, каждый из которых отчетливо ограничен от предыдущего введением "item" (как в венецианской посреднической грамоте 1198 г. на латинском языке)⁴¹. Условия договора могут состоять и из одного-единственного пункта (Пиза 1170). Срок действия достигнутых договоренностей обычно указывается в самом начале; он всегда неограничен: donec mundus steterit (Генуя 1169), "ἀπὸ τοῦ νῦν καὶ εἰς τὸ διηνεκές (Генуя 1170).

VI. *Запрет нарушать договор.* Вслед за материальными условиями и обещание соблюдать их и запрет их нарушать. Иногда оговаривается, что обещание теряет силу, если вторая сторона не будет соблюдать своих обязательств:

1. Генуя 1169: "Hanc conventionem et que in ea scripta sunt capitula omnia debent habitatores totius civitatis Janue a majore usque ad minorem observare domino Imperatore Romeon Porfirigenito domino Hemanueli Comnino et omnibus heredibus et successoribus ejus et Romanie, donec mundus steterit. Et omnes futuri Consules Janue aliter fieri non debent consules, nisi prius juraverint cum consilio et consensu archiepiscopi et nobilium communis totius Janue sacramentum factum in hac conventionem, quatenus observetur in hac conventio rata et inconcussa. Neque unquam Januenses dimittent hanc conventionem, facient contra eam, neque pro ecclesiastica excommunicatione neque pro precepto alicujus hominis coronati vel non coronati, quemadmodum dominus Imperator et heredes ejus successores Imperii sui debent observare semper, que ab Imperio suo per presbiterum crisobulum logon promissa sunt civitati Janue"⁴².

³⁸ MM. 3. 34.3—7

³⁹ Ibid. 29.26—31

⁴⁰ Ibid. 7.30—36. Почти такая же формула имеется в генуэзской грамоте от 1192 г., но только она помещена в конце диспозиции как формула подтверждения (Ibid. 30.20—25).

⁴¹ Эта венецианская посредническая грамота включена в качестве инсерта (частично) в императорский хрисовул (JUS. 1. 471.10—474.17). Хрисовул был составлен в субъективной редакции, а выдержки из него, где перечислены венецианские обязательства, — в объективной. Я предполагаю, что венецианская грамота, как и все прочие, рассматриваемые здесь, посреднические грамоты, первоначально также была составлена от первого лица. Это подтверждается тем фактом, что включенная в тот же хрисовул клятва посредников дана от первого лица. Косвенным образом на то же указывают и два другие места инсерта, где имеется место несомненная непоследовательность в употреблении местоимений. На нее обращает внимание еще К.Нейманн (Neumann K. Über die urkundlichen Quellen zur Geschichte der byzantinisch-venezianischen Beziehungen, vornehmlich im Zeitalter der Komnenen // BZ. 1892. Bd. 1. S. 368ff). Правда, он пришел к несколько иным выводам.

⁴² JUS. 1. 419.15—30

2. Венеция 1198: "Nec autem omnia custodient Venetici bona fide, sine fraude et malo ingenio, quamdiu ab Imperio eorum et Imperatoribus, qui deinceps erunt, integre conservantur, que nobis promissa sunt a sanctissimo Imperatore... per crisobulum Imperii ejus"⁴³.

VII. *Обязательства партнера.* В генуэзской грамоте 1169 г. между запрещением нарушать договор и клятвой посредника перечисляются византийские обязательства. Эта вставка не предваряется ни единым словом и ничем не выделяется из предыдущего и последующего текста, меняется только редакция: весь документ составлен от лица его автора, посредника Амико де Мурта, а вставка безлична; о договаривающихся сторонах в ней говорится объективно, в третьем лице, а посредник не упоминается вовсе.

Еще один пример такой вставки с перечнем византийских обязательств — пизанская посредническая грамота от 1170 г. В ней приводятся сначала обязательства византийцев, затем — пизанцев. Однако здесь субъективная редакция текста (от первого лица) выдержана везде; кроме того, обязательства греков указываются вместе с обязательствами пизанцев, а не особо⁴⁴.

VIII. *Формула подтверждения корроборации.* В конце диспозиции в генуэзской посреднической грамоте 1192 г. есть такое добавление: καὶ ἐπὶ πᾶσι τοῦτοις ἀρεσκόμενοι τὸ παρὸν ἐκτιθέμεθα ἔγγραφον καὶ ὄρκῳ μέλλοντες τοῦτο βεβαιῶσαι καὶ ταῖς οἰκειοχείροις ὑπογραφαῖς καὶ ταῖς συνήθεσι βούλλαις ἡμῶν ὡς κατὰ ἐντολὴν τοῦ ἐξουσιαστοῦ τῆς Γενοῦας ... συμφωνοῦντες καὶ πράττοντες⁴⁵.

IX. *Формула ратификации и клятвы.* Поскольку посредническая грамота есть в собственном смысле лишь свидетельство о завершении переговоров, в ней нет формул, обеспечивающих юридическую обязательность достигнутых договоренностей, но есть формула, гарантирующая будущую ратификацию. Только после нее посредническая грамота получит правовую силу.

Ратификация гарантировалась личными клятвенными заявлениями посредников о том, что договор будет ратифицирован дома теми, кто отправил их на переговоры. Эти последние уполномочивали своих посредников принести клятву, которая должна была "гарантировать" материальное содержание грамоты и обязать представляемое посредником лицо признать достигнутые посредником результаты переговоров в неизменной форме (см. выше).

Клятву посредники произносили в одном из константинопольских храмов, как явствует из пизанской грамоты от 1192 г., и при этом, по-видимому, касались священных предметов, Евангелия или Креста. В некоторых случаях, однако, посредник клялся душою пославшего его государя, как показывают приводимые ниже примеры. Эту клятву посредники упоминают, а иногда и полностью записывают в своих посреднических или клятвенных грамотах. Произносимая же дома ратификационная клятва государя сопровождалась

⁴³ Ibid. 474.13—17

⁴⁴ Таким образом, возникает вопрос, в каких именно случаях изначально субъективная редакция документа изменялась на объективную. Это, несомненно, всегда делалось при включении документа в текст другого (инсерт). Возможно, решающую роль играл характер включения: при включении посреднической грамоты целиком ее оставляли без изменений; если же включались выдержки из нее (как правило, достаточно пространные — все условия договора), их меняли стилистически, переводя первое лицо в третье, чтобы уже по своей редакции обязательства партнера отличались от собственных.

⁴⁵ MM. 3. 30.20—25

также известной формальной процедурой, произносилась она публично торжественно и тоже непременно в храме.

Теперь после предварительных разъяснений понятно значение соответствующих выражений клятвенной формулы.

1. Генуя 1170: "ταῦτα πάντα, ἃ περιέχει ἡ παροῦσα γράφη, ἵνα ὁμόσωσιν κόνσουλοι πάντες τῆς Γενοῦας διατηρῆσαι... καὶ ὡς ὁμνύω ταῦτα χωρὶς δόλου καὶ περινοίας, οὕτως ἵνα μοι βοηθῇ ὁ θεός"⁴⁶, т.е. ратификационное обещание здесь передано в словах: "всё, что содержит настоящая грамота, пусть будут соблюдать все консулы Генуи", а далее следует клятва, в которой посредник облакает обещание: "и как я клянусь в этом без хитрости и заднего умысла, так да поможет мне Бог".

2. Пиза 1170: "τὸν δὲ παρόντα ὄρκον ὀφείλουσι ποιῆσθαι καὶ ἀνακαινίσαι καὶ οἱ κόνσουλοι καὶ οἱ λοιποὶ ἔποικοι τῆς Πίσσης κατὰ τὴν συνήθειαν, καὶ ὁμνύω ταῦτα χωρὶς δόλου καὶ περινοίας, οὕτως ἵνα μοι βοηθῇ ὁ θεός, τὰ αὐτὰ τοῦ θεοῦ εὐαγγέλια καὶ ὁ τίμιος καὶ ζωοποιὸς σταυρός"⁴⁷.

3. Пиза 1192: "αὐθὶς ὁμνύομεν ἐπάνω τῆς ψυχῆς τοῦ ῥηθέντος ἐξουσιαστοῦ, ἵνα καὶ αὐτὸς τὴν δηλωθεῖσαν συμφωνίαν πληρώσῃ καὶ φυλάξῃ καὶ αὐτὸ κοινὸν τοῦ κάστρου... καὶ ὡς ταῦτα ὁμνύομεν μετὰ ἀγαθῆς πίστεως"⁴⁸.

4. Генуя 1192: "αὐθὶς ὁμνύομεν ἐπάνω τῆς ψυχῆς τοῦ ῥηθέντος ἐξουσιαστοῦ ὡς ἵνα τὴν δηλωθεῖσαν συμφωνίαν καὶ ὁ ἐξουσιαστὴς καὶ οἱ κόνσουλοι ὁμόσωσι, πληρώσωσι καὶ φυλάξωσι... εἰς τοὺς αἰῶνας"⁴⁹.

5. Генуя 1169: "Ista omnia in presenti carta significata conventio ego prenominate nuncius civitatis Janue Amicus de Murta et juro sine fraude et malo ingenio, ex precepto voluntate archiepiscopi, consulum et totius communis civitatis Janue confirmari et observari ab eis et jurari et firma et stabilia custodire in sempiternum et semper"⁵⁰.

Клятвой посредника⁵¹ завершался второй правовой акт сложного договорного процесса, но не само заключение договора. Юридическую силу для обеих сторон договор приобретал, как упоминалось, лишь после третьего акта — после ратификации посреднической грамоты государем. Для этого он должен был иметь точное представление о его условиях; поэтому документ письменно фиксировавший результаты договоренностей, имел большое значение. Вероятно, поэтому, помимо клятвы, грамота заверялась также подписанием и печатью посредника. А сама клятва, по крайней мере в трех посреднических грамотах конца XII в., отделена от посреднической грамоты (Пиза 1192, Генуя 1192, Венеция 1198): клятвенная формула вместе с ратификационным обещанием становится предметом самостоятельной, субъективно (т.е. с первого лица) формулируемой грамоты. Она, кажется, не имела специального названия, обозначалась как "ὄρκος ἡμῶν, ὃ ἐπομόσασθαι μέλλομεν"⁵².

Посреднические грамоты обычно не датируются. Только отдельная клятвенная грамота венецианцев от 1198 г. указывает месяц, индикт и год по византийскому летосчислению⁵³: "Nos legati nobilissimi Ducis Venetie et Imperialis

protosevasti Henrici Dandoli, Petrus Michael et Octavianus Quirinus, juramus hac hodierna die, que est vigesima septima presentis mensis Septembris presentis secunde indictionis, sex millesimi septingentesimi septimi anni."

Помимо шести упомянутых посреднических грамот, можно привести еще одну. Она составлена вне Константинополя. Речь идет о посреднической грамоте посланника Мануила I Комнина Димитрия Макремволита, отправленного в Геную в 1155 г. для заключения договора. Его посредническая грамота сохранилась как самостоятельный документ (а не в качестве инсерта в тексте хрисовула) и только на латинском языке⁵⁴.

Начинается она с инвокации: "Во имя Отца и Сына и Святого Духа аминь".

Далее следует имя посредника и данные, удостоверяющие, что он является полномочным послом Мануила I Комнина. От имени императора он обещает (promitto) генуэзцам привилегии, которые перечисляются здесь же, в диспозиции: ego demetrius metropolitans nuncius sanctissimi constantinopolitani imperatoris domini mei emanuelis porfiro genito commino, promitto vobis consulibus ianue, willemo porco, oberto cancellario, iohanni malocello, guilielmo lusio atque populo ianuensi ex parte ipsius domini mei pacem et bonam voluntatem. Далее идут пункты договора, а вслед за ними — заверение посредника о том, что император подтвердит все свои обязательства документом, который будет иметь силу также и для его преемников: de his omnibus faciet ipse vobis dominus meus sanctissimus et excellentissimus imperator cyrographum suo sigillo impressum, quod ipse et heredes eius qui post eum imperatores erunt in perpetuum sic observent⁵⁵. Под документом (cyrographum suo sigillo impressum) подразумевается хрисовул, выдав который, император ратифицирует договор. Указаны место и дата составления посреднической грамоты. Назван год от Рождества Христова, день месяца по Болонскому календарю и индикт: in ciuitate ianue in ecclesia beati laurentii, anno domini millesimo centesimo quinquagesimo quinto duodecima die intrantis octobris indictione tercia⁵⁷. Составлена посредническая грамота от первого лица, к генуэзской стороне Макремволит обращается во втором лице множественного числа, о византийском императоре говорит dominus meus. Документ озаглавлен как promissio nuncii imperatoris, но в самом тексте грамота не обозначена каким-либо специальным названием.

Отличие этой грамоты от других, здесь рассмотренных, состоит прежде всего в наличии датировки (влияние генуэзской канцелярии) и в отсутствии формулы клятвы. Впрочем, не исключено, что она была записана на отдельной грамоте (как в случаях с византийскими договорами с Пизой и Генуей от 1192 г. и с Венецией от 1198 г.). Тот факт, что посредническая грамота составлялась в церкви, позволяет предположить, что составление документа сопровождалось клятвой посредника. Однако в конечном счете этот договор между Византией и Генуей так и не был ратифицирован императором и в окончательной форме не существовал.

⁴⁶ Ibid. 34.32—35.

⁴⁷ Ibid. 14.34—15.3.

⁴⁸ Ibid. 8.34—9.4.

⁴⁹ Ibid. 31.13—19.

⁵⁰ JUS. 1. 420.29—34.

⁵¹ О клятвенных формулах см.: Seidl E. Der Eid. Bd. II. S. 47ff., 128ff.

⁵² Genua 1192 (MM. 3. 30.25); Pisa 1192 (MM. 3. 8.11); Venedig 1198 (JUS. 1. 470.27: juraverunt et etiam sacramentum).

⁵³ JUS. 1. 470.29, lat. Authenticum, s; Dölger F. Regesten. N 1647.

⁵⁴ Цит. по: Liber iurium republicae Genuensis. (Далее: LIRG). Т. 1 (= Historiae Patriae Monumenta 7). Aug. Taurinorum, 1854, S. 184—185. См.: Dölger F. Regesten. N 1402; Dölger F., Karayannopoulos J. Urkundenlehre... S. 98, Anm. 1; Heinemeyer W. Vertäge... S. 125; Lilie R.J. Handel... S. 84ff.

⁵⁵ LIRG. 1. 184.49 — recte: "Makrembolites".

⁵⁶ Ibid. 185.29—33.

⁵⁷ Ibid. 185.34—36.

К сожалению, заключительных грамот сохранилось еще меньше, чем посреднических, и это обстоятельство чрезвычайно затрудняет исследование их формул и структуры. Сохранились в качестве инсертов в императорских хрисовулах лишь две заключительные грамоты итальянских городов:

1. Грамота пизанцев от 1111 г. О том, как заключался этот договор, сообщает императорский хрисовул, в который включена заключительная грамота: послы обеих сторон много раз ездили из Пизы в Константинополь и обратно с письмами и устными поручениями, прежде чем было, наконец, достигнуто соглашение и пизанцы изготовили свою заключительную грамоту. Они подтвердили ее клятвой в присутствии византийского посла и отправили с собственными послами императору. В Константинополе послам в присутствии императора пришлось повторить обещание, что пизанцы будут соблюдать все свои обязательства, изложенные в заключительной грамоте. После этого пизанским послам был вручен императорский хрисовул⁵⁸.

2. Грамота венецианцев от 1187 г. Из нее сохранились лишь выдержки (часть диспозиции), также в виде инсерта, в латинском переводе. Процедура, предшествовавшая ее составлению, была, вероятно, такая же, как у пизанцев; в отрывке из заключительной грамоты и в императорском хрисовуле упомянуто, что венецианский дож уже подтвердил грамоту клятвой⁵⁹.

Внутренние признаки заключительных грамот

I. *Инвокация*. В венецианской грамоте она не сохранилась; в пизанской, в отличие от большинства других, призыв обращен не к Святой Троице, а к Христу: ἐν ὀνόματι τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ἀμήν⁶⁰.

II. *Институция*. Пизанская грамота составлена от лица жителей города и страны Пизы, которые, как явствует из пизанской редакции грамоты, вправе заключать международные договоры: ἡμεῖς πάντες οἱ ἐποικοὶ τοῦ κάστρου καὶ τῆς χώρας Πίσσης⁶¹.

III. *Диспозиция*. Институция непосредственно переходит в диспозицию уже со следующим словом ὑποσχοῦμεθα ("мы обещаем" — явно перевод с латинского promittimus). Далее называются те, перед кем пизанцы принимают на себя обязательства: ὑποσχοῦμεθα σοὶ τῷ ἀγιωτάτῳ βασιλεῖ κυρῷ Ἀλεξίῳ καὶ τῷ κυρῷ Ἰωάννῃ τῷ ἡγαπημένῳ σοῦ υἱῷ καὶ βασιλεῖ τῷ πορφυρογεννήτῳ, ὡς ἡμεῖς ὁ ἅπας Πισσαϊκὸς λαός...⁶². Далее следуют договорные обязательства, в виде компактного текста, без деления на пункты (в пизанской грамоте) или отдельными статьями, каждая из которых начинается с item (в венецианской грамоте). Указание на срок действия договора приводится вначале, в первой статье.

IV. *Запрет нарушения*. Составители грамоты обещают не нарушать данный договор в следующей формуле, которую можно назвать также обещанием соблюдения:

⁵⁸ Заключительная грамота см.: MM. 3. 9.27—10.29; Свидетельство хрисовула: Ibid. 98ff.

⁵⁹ JUS. 1. 448.17—452.6. Dölger F. Regesten. N 1578; Lilie R.J. Handel... S. 24ff.

⁶⁰ MM. 3. 9.27.

⁶¹ Ibid. 9.28; Institutio венецианской грамоты не сохранилась.

⁶² Ibid. 9.29—31; эта часть венецианской грамоты не сохранилась.

1. Пиза 1111: "ταῦτα πάντα τὰ ἀνωτέρω γεγραμμένα φυλάξομεν ἡμεῖς ὁ ἅπας Πισσαϊκὸς λαὸς τοῦ κάστρου καὶ τῆς χώρας Πίσσης σοὶ τε τῷ ἀγιωτάτῳ βασιλεῖ κυρῷ Ἀλεξίῳ καὶ τῷ περιποθήτῳ σοῦ υἱῷ καὶ βασιλεῖ κυρῷ Ἰωάννῃ τῷ πορφυρογεννήτῳ, καθὼς ἀνωτέρω γεγραπται, ἀπαράθραυστα καὶ μετὰ ἀληθινῆς πίστεως ἄνευ δόλου καὶ κακοῦ τρόπου"⁶³.

2. Венеция 1187: Hanc itaque conventionem et sacramentum firmum Venetici observabunt, et neque ob illatam eis iram semper memorandi Imperatoris porphyrogeniti domini Manuelis, neque ob aliquam aliam occasionem eis factam hujusmodi sacramentum infringent, neque ob preceptum vel timorem alicujus coronatorum vel non coronatorum, neque ob ecclesiasticam excommunicationem vel absolutionem alicujus pontificum, aut ipsius pape Romani⁶⁴. К этой формуле непосредственно примыкает указание на условие, при котором договор обретает силу. Пизанцы выражают надежду на то, что император подтвердит своим хрисовулом выраженное им в письме одобрение договора. Таким образом, условие вступления договора в силу — выдача императорского хрисовула. Со своей стороны, венецианцы указывают, что будут соблюдать свои обязательства до тех пор, пока другая сторона будет соблюдать свои: 1. (Пиза 1111) ὑμῶν διὰ χρισοβούλλων βεβαιωσάντων τὰ ἐν τῷ ὑμετέρῳ γράμματι περιεχόμενα, ἵνα φυλάξητε ταῦτα ἡμῖν⁶⁵. 2. (Венеция 1187) Igitur hec omnia Venetici observabunt bona fide et sine fraude, quousque et ab Imperio ejus et futuris Imperatoribus integre conserventur ea, que promittuntur nobis a domino Imperatore Romanorum et semper augusto domino Ysaakyo Angelo per chrysobulum Imperii ejus⁶⁶.

V. *Датировка*. Пизанская заключительная грамота датирована: указаны год от Рождества Христова, месяц и год по Римскому календарю и индикт: τοῦτο γέγονεν ἐν ἔτει τῆς ἐνσαρκώσεως τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ἁριᾶ, τεσσαρεσκαίδεκάτῃ καλανδῶν μαΐου, ἰνδικτιῶνος ιγ'⁶⁷.

VI. *Свидетели*. В пизанской грамоте в качестве свидетелей выступают архиепископ Амальфийский, судья Мосх из Амальфи и консулы Пизы (ἐνώπιον τοῦ ἀρχιεπισκόπου Ἀμάλφης καὶ Μόσχου τοῦ Ἀμάλφης, ἐνώπιον τῶν ὑπάτων τῆς Πίσσης)⁶⁸. Грамота составлена от первого лица множественного числа и обращается к греческому партнеру во втором лице. Напротив, венецианская составлена в объективной редакции: и император, и венецианцы называются в третьем лице. Впрочем, здесь имеются и некоторые отступления: венецианцы вдруг начинают выступать и от первого лица. Подобный случай представлен посреднической грамотой Венеции от 1198 г., так что можно предположить, что и грамота 1187 г. первоначально была составлена от первого лица и "переставлена" в третье при включении в качестве инсерта в хрисовул. Можно предположить также, что стилистическая погрешность и путаница с лицами была допущена в императорской канцелярии при изготовлении хрисовула.

⁶³ Ibid. 10.19—23.

⁶⁴ JUS. 1. 451.38—452.2.

⁶⁵ MM. 3. 10.24.

⁶⁶ JUS. 1. 452.2—6. По всей видимости, переводя текст из субъективной в объективную редакцию, составители забыли изменить соответствующим образом слова nobis и ejus. Аналогичные стилистические ошибки мы уже встречали в венецианской посреднической грамоте от 1198 года. См. примеч. 41.

⁶⁷ MM. 3. 10.25.

⁶⁸ Ibid. 10.27.

Обратимся теперь к русским договорам. Из трех русско-византийских договорных грамот X в. договор между русским князем Игорем и византийским императором Романом I Лакапином от 944 г. представляет собой *посредническую грамоту*. Напротив, оба другие договора: князя Олега со Львом VI от 911 г. и договор от 971 г. между Святославом и Иоанном I Цимисхием — это *заключительные грамоты*.

Договор 944 г. был заключен после похода Игоря на Византию в 941 г., закончившегося сокрушительным разгромом русского флота с помощью греческого огня. По сообщению Несторовой летописи, византийский император Роман I Лакапин отправил тогда послов к Игорю, чтобы выяснить возможности заключения мирного соглашения⁶⁹. Затем и Игорь, в свою очередь, отправил своих людей в Константинополь. В результате в 944 г. был заключен договор о мире и дружбе, многие пункты которого повторяли старый русско-византийский договор 911 г. (см. ниже), хотя в целом договор 944 г. был для русских менее выгоден, чем соглашение 911 г.

Текст, дошедший до нас только в Несторовой летописи в старославянском переводе⁷⁰, содержит все характерные признаки посреднической грамоты: он сформулирован не от лица самого государя, а от лица его послов, которые упоминают о данных им поручениях и обещают, что их государь ратифицирует договор. Таким образом, этот договор был заключен в результате сложного договорного процесса.

Грамота не содержит инвокации. Она начинается с личного местоимения "мы" и интитуляции. Составителями грамоты выступают не одно или два лица, а 51 человек; все они названы по имени, все одного происхождения: "от рода русского"⁷¹, ни один не носит какого-либо титула.

Данные о полномочиях. Из 51 посредника 25 обозначены как послы, а остальные 26 — как купцы. Каждый из послов отправлен определенным лицом, названным по имени, а некоторые — по степени своего родства с князем Игорем. Титулы носят только сам Игорь и его жена. Указано, что все 51 человек "посланы от Игоря, от всей княжеской семьи и от всех людей земли русской". Наделение послов полномочиями обозначено словом "заповѣдано". Этот славянский глагол семантически соответствует греческому *ἐντέλλεσθαι*, к которому относятся существительные *ἐντολή*, *ἐντολμα* — "приказ", "повеление"⁷². В греческом оригинале здесь должно было стоять *τὸ ἐντεταλμένον ἡμῖν* или *ἐξ ἐντολῆς, ἐνδεδομένον ἔχειν*, что соответствовало бы цитированным выше выражениям из итальянских посреднических грамот и императорских хрисовулов⁷³.

⁶⁹ Андрианова-Перец В. П. Повесть... Т. I. С. 34 (под 945 г.): "Роман и Константин и Стефан отправили послов к Игорю, чтобы восстановить прежний мир. А Игорь, переговорив с ними о мире, послал своих людей к Роману." Это известие вполне вероятно: византийские императоры нередко посылали сообщить своим будущим партнерам, что готовы заключить с ними договор. См.: Dölger F. *Diplomatik*... S. 237, Anm. 95. Здесь мы не будем касаться часто обсуждаемого вопроса о том, ходил ли Игорь в 944 г. еще одним походом на Византию.

⁷⁰ Андрианова-Перец В. П. Повесть... Т. I. С. 34—39.

⁷¹ О старославянском слове "род" при переводе греческого *γένος* см.: Besëvliev V. *Die protobulgarischen Inschriften*, B., 1963. S. 287.

⁷² SIS. I. 652ff.

⁷³ Эти выражения, по-видимому, давно и прочно входили в состав византийской юридической терминологии; мы постоянно встречаем их в подобных грамотах, а кроме того, например,

Задачи русских послов и предмет договора обозначены словами: "обновить ветхий мир" и "утвердить любовь межю Греки и Русью". Для понимания этого предложения решающим является выражение "утвердить любовь", которое до сих пор толковалось по-разному⁷⁴. Слово "любовь" передает здесь греческое *ἀγάπη* — очень часто встречающийся в византийских договорах технический термин, означающий "дружбу" или "договор о дружбе". Вот несколько примеров: *τρακταῖσαι περὶ ἀγάπης*⁷⁵; *ἀγάπην ἐπὶ τοῖς κεφαλαίοις τοῖς κατωτέρω ῥηθισομένοις*⁷⁶; *χρυσόβουλλον λόγον τῆς βασιλείας μου κομίσασθαι ὡς ἐκ τῆς χειρὸς βασιλείας μου... καὶ οὕτως αἰώνιαν... ἀγάπην περιποιήσασθαι*⁷⁷. Глаголом "утвердить" переведен здесь греческий глагол *στέργειν* или его синоним *βεβαίουν*. Эти глаголы также технические термины византийской дипломатики, чему есть множество примеров: *τρακταῖσαι, ποιῆσαι καὶ στερῶσαι τρέβαν*⁷⁸; *ὅσα ἐν τῷ παρόντι ὀρκωτοικῶ διαλαμβάνονται, στέρξει καὶ φυλάξει ἡ βασιλεία μου*⁷⁹; *τὰ συμφωνηθέντα καὶ ...σωματικῶ... ὀρκῶ βεβαίω-θέντα*⁸⁰; *τὴν... συμφωνίαν... ἀνακαινίσαι καὶ δι' ὀρκου βεβαίωσαι*⁸¹.

Таким образом, задача послов однозначна: "возобновить заключенный ранее мир и подтвердить мирный договор между Греками и Русью". Это значит, что посредникам было поручено заключить договор в той же форме, в какой он был заключен ранее; кроме того, они были уполномочены скрепить грамоту клятвой. Из трех поручений, о которых мы знаем из итальянских посреднических грамот (проведение переговоров, заключение договора, подтверждение его клятвой), здесь не хватает одного — поручения вести переговоры.

Означает ли это, что послы должны были только возобновить старый договор в его прежней форме? Действительно, договор 944 г. во многих пунктах совпадает с предыдущим договором 911 г., иногда даже дословно. Однако в целом греки предоставляют русским по договору 944 г. менее широкие привилегии, чем в 911 г. Причина, по общему мнению исследователей, в том, что заключению этих договоров предшествовали военные акции русских, имевшие различный исход: договор 911 г. был заключен после успешного похода русских, а договор 944 г. — после их поражения. Это заставляет предположить, что из новой редакции договора 944 г. Константинополь смог вычеркнуть целый ряд уступок, которые был вынужден сделать русским в 911 г. Однако для этого необходимо было получить согласие русских, следовательно, на этот счет должны были вестись переговоры. В таком случае, придется допустить, что русские посредники были все-таки уполномочены вести переговоры, несмотря на отсутствие указания на такие

в письмах императора Исаака I Ангела: *ἡ βασιλεία μου ἐνδεδομένον ἔχειν αὐτοὺς ἐξ ὑμῶν τὸ τρακταῖσαι μετὰ τῆς αὐτῆς τῆς βασιλείας μου* (MM. 3. 24.15); *ὅτι δὲ μὴ τοῦτο ἐνδεδομένον ἔχειν αὐτὸν ἀπὸ τῆς πρὸς τὴν βασιλείαν μου ὑμετέρας γραφῆς κατενοεῖτο* (Ibid. 35).

⁷⁴ Предположение, что слово "любовь" употреблено здесь не как термин, а ради образности, на мой взгляд, не выдерживает критики. См.: Hellmann M. *Die Handelsverträge des 10. Jahrhunderts zwischen Kiev und Byzanz // Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa*. Göttingen, 1987. Bd. IV: *Der Handel der Karolinge- und Wikingerzeit*. S. 657.14.

⁷⁵ MM. 3. 76.29

⁷⁶ Ibid. 77.6

⁷⁷ Ibid. 25.1.11; 68.11; 72.12; 82.28.33; 154.26; 216.26.

⁷⁸ Ibid. 85.16.

⁷⁹ Ibid. 104.6; 104.14; 105.23,32 etc.

⁸⁰ Ibid. 5.6.

⁸¹ Ibid. 6.12; 9.25; 26.15 etc.

полномочия в тексте. Но есть и другая возможность, объясняющая отсутствие такого указания: императорские послы, отправленные к Игорю после его поражения выяснить, нельзя ли заключить мирный договор (о чем сообщает летопись, см. примеч. 69), могли обсудить с ним объем прежних уступок, отмененных в новом договоре. В этом случае 51 человек были отправлены в Константинополь действительно только для составления грамоты и скрепления договора клятвой.

Чтобы иметь возможность сравнить формулу о передаче полномочий посредникам по русскому договору с рассмотренными выше итальянскими посредническими грамотами, нужно перевести ее обратно, на среднегреческий: "Мы от рода рускаго съли и гостье, Иворь, соль Игоревъ, великаго князя рускаго, и обьчии сли: Вуефастъ Святославль, сына Игорева; Искусеви Ольги княгини... послании от Игоря, великаго князя рускаго, и от всякоя князя и от всѣхъ людей Руския земля. И от тѣхъ заповѣдано обновити вѣтъхъ миръ... и утвердити любовь межю Греки и Русью". (Ἡμεῖς ἀπὸ τὸ γένος τῶν Ῥωμαιοῦ ἀποκρισιάριοι καὶ πραγματοῦται, Ἡβωρ, ἀποκρισιάριος Ἰγκωρος, τοῦ περιφανοῦς ἀρχοντος τῶν Ῥωμαιοῦ [προσέτι δὲ] καὶ συνήθεις ἀποκρισιάριοι Βουεφάστ, Σφενδοσθλάβου, τοῦ υἱοῦ τοῦ Ἰγκωρος, Ἰσκούσεβις [ἀποκρισιάριος] "Ὁλγῆς ἀρχοντίσσης... ἀποσταλέντες παρὰ τοῦ Ἰγκωρος, περιφανοῦς ἀρχοντος τῶν Ῥωμαιοῦ καὶ παρὰ τῶν ἀρχόντων πάντων καὶ παρὰ πάντος τοῦ λαοῦ τῆν τῶν Ῥωμαιοῦ χώρα. Καὶ ἐνδεδομένον ἔχοντες ἐξ αὐτῶν τὴν παλαιὰν εἰρήνην ἀνακαινίσασιν... καὶ τὴν ἀγάπην ἀναμεταξὺ τῶν Ῥωμαιοῦ καὶ τῶν Ῥωμαιοῦ βεβαιώσασιν). В формулу о передаче полномочий включено в качестве придаточного предложения общее обоснование заключения договора: "[миръ], ненавидящаго добра и вражда любяща диавола разоренный от многъ лѣтъ". Эта формулировка почти идентична той, которая описывает нарушения мира в императорском хрисовуле генуэзцам от 1193 г.: "ὁ τοῖς ἀγαθοῖς ἀντικείμενος σατὰν καὶ τῆς εἰρήνης πολέμιος"⁸².

Диспозиция русской посреднической грамоты 944 г. содержит следующие данные (все в одном предложении): а) повторное упоминание тех, от чьего лица выступают посредники; б) данные об адресатах, т.е. тех, перед кем принимаются обязательства: называются византийский император Роман Лакапин (11/12 декабря 919 — 16 декабря 944) и два его соправителя, Стефан (25 декабря 924 — 27 января 945) и Константин VII (11/12 декабря 919 — 16 декабря 944); в) диспозитивная клаузула о составлении грамоты, в которой обозначается характер договора: "сътворити любовь" — ἀγάπην ποιεῖν, т.е. заключить договор о дружбе; г) эта же клаузула играет роль (единственного пункта договора с русской стороны, и тут же объявляется срок его действия) "на все времена, доколе светит солнце и стоит мир"⁸³.

Вот оригинальный текст диспозиции: "И великий князь нашъ Игорь, и князи и боляри его, и людье вси рустии послаша ны къ Роману, и к Костянтину и к Стефану, къ великимъ царемъ гречьскимъ, створити любовь съ самѣми царями со всѣмъ болярствомъ и со всѣми людьми гречьскими на вся лѣта, донде жъ съяетъ солнце и весь миръ стоитъ". А вот вероятная реконструкция греческого оригинала: Καὶ ὁ περιφανὴς ἀρχὼν ἡμῶν Ἰγκωρ καὶ οἱ ἅπας ὁ λαὸς τῶν Ῥωμαιοῦ ἀπέστειλαν ἡμᾶς πρὸς Ῥωμανὸν καὶ Κωνσταντῖνον καὶ Στέφανον, τοὺς

μεγάλους βασιλεῖς Ῥωμαίων, εἰς τὸ ποιῆσαι ἀγάπην πρὸς τοὺς αὐτοὺς βασιλεῖς, [προσέτι δὲ] πρὸς ἅπασαν τὴν σύγκλητον καὶ πάντα τὸν λαὸν τῶν Ῥωμαιοῦ εἰς τὸν χρόνον τὸν ἅπαντα, ὅσον ἂν λάμπῃ ὁ ἥλιος ἀπὸ τοῦ νῦν καὶ εἰς τὸ διηνεκές⁸⁴.

Санкция. Санкция следует за диспозицией, которую она должна гарантировать, угрожая наказаниями за неисполнение или нарушение обещанного. Она начинается словами: "И иже помыслить от страны руския разрушити такую любовь" и кончается: "и да будутъ раби въ весь вѣкъ в будущий", заменяя собой простую формулу запрета нарушать договор, какую мы встречали в итальянских посреднических грамотах⁸⁵. Наказание, угрожающее нарушителям мирного договора с русской стороны, неодинаково для всех посредников: христианам грозит возмездие от Всемогущего Господа и вечное проклятие (это sanctio spiritualis), а русских-язычников ожидает телесное наказание или смерть (sanctio saecularis); они лишатся помощи своего бога Перуна, будут побиты своим же собственным оружием и навеки станут рабами.

Далее в тексте, после санкции и вплоть до клятвы русских, идет включение (инсерт) — грамота партнера, т.е. византийского императора. В русскую грамоту из византийской включена диспозиция, т.е. договорные обязательства, а также общие условия, касающиеся составления грамоты и юридической силы договора. Это включение не предваряется ни словом, ни указанием, и по своей редакции не отличается от соседствующего с ним текста русской посреднической грамоты. Большая часть его статей

⁸⁴ Славянское "князь" мы решили передать греческим ἄρχων. Упоминание княжеского титула с определением "великий" во всех трех русско-византийских договорах играло колоссальную роль в советской историографии последних сорока лет, преимущественно в тех исторических работах, которые были посвящены становлению и развитию государственности Киевской Руси. Общепринятое (на мой взгляд, ложное) предположение, что договоры были переведены на славянский сразу же по их заключении, вело к выводу, что титул "великий князь" должен был употребляться на Руси самое позднее с начала X в., до его первого упоминания в договоре. Согласно этой гипотезе, существованию такого титула должно было отвечать и достаточно высокое развитие государства и общества. См.: Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 328—329. Однако никакие другие источники не подтверждают версии о столь раннем утверждении титула "великого князя" на Руси. Напротив, сегодня может считаться доказанным, что этот титул не употреблялся во второй половине XII в. (Poppe A. O tytule wielkoksiążęcym na Rusi // Przegląd historyczny. 1984/3. 75. S. 423—439. Vodoff W. La titulature des princes russes du Xe au début du XIIe s. et les relations extérieures de la Russie kievienne // RES. 1983. T. 55. 139—150). Столь раннее упоминание этого титула и только в этих договорах наводит на мысль, что он служит переводом какого-то выражения из греческого текста договоров. Ценная информация о титулатуре киевских государей содержится в двух сочинениях X в.: "Об управлении империей", гл. 9 и "О церемониях", гл. 15 и 46 Константина Багрянородного. Там управление киевские государи всегда называются ἄρχοντες Ῥωμαιοῦ или ἄρχοντες τῶν Ῥωμαιοῦ. Но определение "великий" там не встречается ни разу, даже применительно к княгине Ольге, посетившей Константинополь два года спустя после смерти своего супруга, "великого" князя Игоря, договор которого мы анализируем. Я полагаю, что словом "великий" был переведен какой-либо греческий почетный эпитет, например, περιφανής, περιφανέστατος, λαμπρός, λαμπρότατος (illustis, illustrissimus, clarus, clarissimus). В договоре от 911 г. "великий князь" чередуется с синонимами "князь светлый" и "наша светлость". Это предположение подтверждается другими примерами из старославянской переводной литературы; так, греческое περιφανής переводилось так как "великий", то как "светлый"; точно так же переводилось и слово λαμπρός, например: ὡς περιφανής καὶ πλούσιος — "велика бе роду и богата", ἐκκλησίαι περιφανείς — "цркви свѣтлы" и т.п. Примеры взяты из хроники Георгия Монаха (греч. текст: ed. C. de Boor. Vol. I. S. 698.17, cf. 9.23; слав. текст: ed. F. Scholz. T. I. S. 449.27, 80.20).

⁸⁵ О формуле санкции византийских императорских грамот см.: Dölger F. Diplomantik... S. 157.18. Новелла Льва VI предписывала включение санкции в частные грамоты (Медведев И. П. Очерки... С. 96). О возникновении и развитии этой формулы см.: Studtmann J. Die Pönformel der mittelalterlichen Urkunden // Archiv für Urkundenforschung. 1932. Bd. 12. S. 251—373.

⁸² Ibid. 40.27.

⁸³ Аналогичные выражения относительно срока действия договора очень часто встречаются в византийско-итальянских грамотах; например: ἐν τῇ νῦν αἰῶνι καὶ τῇ μέλλοντι (MM. 3. 9.6); εἰς τοὺς αἰῶνας (Ibid. 31.19); εἰς τὸν αἰῶνα τὸν ἅπαντα (Ibid. 36.20).

сформулирована во втором лице множественного числа. Самообозначение императора по-гречески должно быть ἡ βασιλεία ἡμῶν или ἡ βασιλεία μου, поскольку по-славянски стоит "царство наше". К русскому князю император обращался, по всей видимости, ὁ ὑμέτερος ἄρχων, ὁ ἄρχων ὑμῶν или ὁ ἄρχων τῶν Ῥώσ. Во всех рукописях, правда, заметна некоторая непоследовательность в употреблении местоимений, например, об императоре говорится "царство ваше", об Игоре "князь наш" и т.п. Объяснить это можно, по-моему, следующим: а) при составлении русской посреднической грамоты инсерт (включение) переводился в объективную форму недостаточно последовательно; б) после перевода на славянский смысл выражения "царство наше" был не совсем понятен; в) позднейшие переписчики летописи поменяли местоимения, не опознав включенный текст византийской грамоты.

Эта стилистическая, а тем самым и содержательная неясность (непонятно, когда кто к кому обращается) и стала, видимо, решающей причиной того, что вставку не признали таковой. Этим и объясняются различия в мнениях относительно того, отражает ли эта часть грамоты (содержащая главным образом юридические определения) византийские или русские правовые нормы X в. Между тем этот вопрос особенно важен для истории русского права, поскольку договоры представляют собой самые древние из сохранившихся русских правовых текстов⁸⁶.

Материальная часть вставки начинается словами: "А великий князь русский и боляре его да посылають въ Греки къ великимъ царемъ гречьскимъ корабли, елико хотять" и кончается: "и оттоле увѣдять ины страны, каку любовь имѣють гръци съ русью." Вслед за материальной частью продолжается вставка со всеми условиями документирования договора и условиями вступления его в силу. Эти данные помещены в конце текста, в заключительной части диспозиции. Условия документирования оговариваются почти в каждой византийской договорной грамоте, составленной в форме хрисовула (что ясно видно из анализа схемы византийских договорных грамот, составлявшихся в Константинополе)⁸⁷.

Рассмотрим соответствующий пассаж в договоре 944 г. Вот что в нем сказано о документировании договора: "Мы же свещание се написахомъ на двою харатью, и едина харатья есть у царства нашего, на ней же есть крестъ и имена наша написана, а на другой послы ваша и гостье ваша". Местоимением "мы" обозначены здесь обе договаривающиеся стороны. Одна "харатья" — это императорская грамота, в начале которой стоит знак креста, символическая

⁸⁶ Относительно правовой системы, отраженной в этих договорах, высказывались различные мнения, которые можно разделить на три главные группы: а) договоры рассматривались как источники для изучения древнейшего русского обычного права; б) поскольку в сфере влияния Византии нельзя ожидать применения какой-либо иной правовой системы, договоры полностью отражают византийское право; в) их нельзя рассматривать как однозначный памятник русского или византийского права в чистом виде; во многих статьях проявляется решающее влияние русского обычного права. Последняя точка зрения представляется наиболее правдоподобной. Там, где различия между русскими правовыми понятиями и более развитой правовой системой византийцев казались непреодолимыми, составители договоров явно стремились к компромиссу, что заметно по некоторым статьям грамот 911 и 944 гг. О правовой системе этих договоров см.: Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949; Мейчик Д.М. Русско-византийские договоры // ЖМНП. 1915. № 57, 59, 60; 1916. № 62, 66; 1917. № 69; Goetz L.R. Das russische Recht. Stuttgart 1911. Bd. II; Geiman W.G. Recht und Gericht. // Geschichte der Kultur der alten Rus'. B. 1962. Bd. 2. S. 27—55; Сергеевич В. Лекции и исследование по древней истории русского права. СПб., 1910 (перевод. The Hague, 1967).

⁸⁷ Dölger F., Karayannopoulos J. Urkundenlehre... S. 99. См. также: Bittner L. Die Lehre 212ff.

инвокация, предпосылка правовой значимости грамоты согласно 72 новелле императора Льва VI. "Имена наша" — это имена византийского императора и его соправителей, от лица которых составлена грамота. Эта императорская "харатья" содержала обязательства византийской стороны, а в виде инсерта в нее было включено обязательство русских хранить мир.

Вторая "харатья" — грамота русской стороны. Она составлена от лица 51 посла и "гостя", т.е. купца. Она содержит обязательство русских соблюдать мир, а в качестве инсерта — договорные обязательства византийцев. Именно она дошла до нас на старославянском языке — это тот самый текст, который мы здесь исследуем. Термин "харатья" означает "грамота", "документ", "подлинная запись", "договорная грамота" и соответствовал бы по своему семантическому содержанию греческим "хрисовуллос логос" или "хрисовуллон сигиллион", которые мы встречали в приведенных выше примерах как родовые обозначения для императорских договорных грамот. Однако форма хрисовула была выработана в основных чертах впервые при императоре Льве VI (886—912) как специальная форма для грамот, которыми даровались привилегии; впоследствии эта форма грамоты стала употребляться и при документировании межгосударственных договоров, впервые — при заключении договора с Венецией в 992 г.⁸⁸

Как выглядели договорные грамоты византийцев до конца X в., мы не знаем, поскольку (за исключением исследуемых нами русских договоров) ни одна из них не сохранилась. Только из нарративных источников нам известны некоторые названия; так например, договоры о мире называются ἑγγράφος εἰρήνης μετ' ὀρκου λόγος; ἑγγράφος λόγος или ἑγγράφος ἀσφάλεια μετὰ μαρτύρων⁸⁹. Поэтому нет ничего удивительного в том, что исследуемый нами инсерт называет императорскую грамоту не "хрисовулом", а так же, как и русскую, "харатьей".

Славянское слово "харатья" служит здесь переводом греческого χάρτης, χάρτος или χάρτιον⁹⁰ (термины не различаются по значению). Согласно Дж.Феррари⁹¹, все это — синонимы к таким словам как γράφή, ἑγγράφον, οὐγγράμμα и ἀσφάλεια; все эти выражения можно объединить общим понятием "документ". Понятие "документ" совершенно точно передает смысл слова "харатья", как оно употреблено в договорах 944, а также 911 и 971 гг. Часто утверждают, что здесь оно означает "копия", но это неверно. "Харатья" — именно подлинный документ, о чем свидетельствует, между прочим, и такой пример: одна надпись из Болгарии передает в сокращении текст мирного договора, заключенного между византийцами и болгарами в 819/820 г. Сохранившаяся часть надписи гласит: ἐπεὶ ἴσαντο ἑγγράφος τὴν ἱρίνιν καὶ ὁμοσαν τὰ [...κεφάλαια τὰ ἀναγραφέντα] ἐν τ(οὺς) χάρτα[ς τοὺς παραλί(λ)ους] — "они письменно заключили мир и подтвердили клятвой записанные в параллельных грамотах — хартиях — пункты договора". Слово χάρτης стоит здесь в том же значении "документ" и "подлинная запись" и на том же месте, что и в тексте договора 944 г., а именно там, где речь идет об условиях документирования болгаро-византийского соглашения⁹².

⁸⁸ Dölger F. Diplomatie... S. 43. Anm. 186.

⁸⁹ Dölger F. Regesten N 239, 260, 257.

⁹⁰ С понятием "харатья" см.: Львов А.С. Лексика "Повести временных лет". М., 1975. С. 327 и след.

⁹¹ Ferrari G. I documenti greci medioevali di diritto privato dell'Italia meridionale e loro attinenze con quelli bizantini d'Oriente e coi papiri greco-egizii // Byzantinisches Archiv. [1910]. 4. S. 23.

⁹² Цит. по: Besëvliev V. Die protobulgarischen Inschriften... S. 209.

Инсерт императорской грамоты в русской посреднической грамоте производится указанием условий, при которых договор обретает силу. Выше мы видели, что в двух грамотах, генуэзской и пизанской, одним из таких условий было соблюдение достигнутых соглашений генуэзцами и пизанцами — только в этом случае император также будет соблюдать свои обязательства. В инсерт нашей грамоты условие, при котором договор вступает в силу, ратификация договора князем Игорем. Здесь же описывается процедура этой ратификации: "А отходяче послом царства нашего да допроводять к великому князю и людемъ его; и ти принимающе харатью, на роту идут хранити истину, яко мы свѣщахомъ, написахомъ на харатью сию, на ней суть имена наша написана."

Таким образом, ратификация — и обретение договором правовой силы — осуществляется следующим образом: а) император отправляет свою "харатью" Игорю и его людям со своими императорскими послами; б) Игорь и его люди приносят ратификационную клятву в присутствии императорских послов; в) после этого послы вручают императорскую "харатью" Игорю (напомним: на ней записаны договорные обязательства греков, а в качестве инсорта — обязательства русских). Ратификация и вручение императорской грамоты обозначены причастием настоящего времени от глагола "принимати", т.е. изображаются как одновременное действие, что совершенно справедливо: с произнесением Игорем ратификационной клятвы и с вручением императорской грамоты заканчивается сложная процедура заключения договора и соглашения получают правовую силу для обеих сторон⁹⁴.

На этом кончается инсерт — вставки из императорской "харатьи" в русскую посредническую грамоту. Далее следуют клятвенная и ратификационная формулы (от "Мы же елико нас хрестилися есмы..." до: "и весь мир стоит в нынешния вѣки и в будущия"). Посредники клянутся по-разному: христиане приносят клятву в часовне Св.Илии⁹⁵; возлагая одну руку на крест, а другую на свою посредническую грамоту, они клянутся не преступать ни одно и

оговоренных в ней условий. Язычники снимают с себя оружие и украшения и клянутся, что Игорь и все прочие, пославшие их, признают все, написанное в грамоте, и будут вечно соблюдать это, ибо нет другого способа князю Игорю добиться мира. Наказания для нарушителей клятвы указываются те же, что и в санкциях.

В последних параграфах посреднической грамоты еще раз повторяется ратификационное обещание, причем в не прямой форме (в других посреднических грамотах такого не встречается). В этой формулировке еще раз повторяется обязательство русской стороны: "Да аще будетъ добръ устроилъ миръ Игорь великий князь, да хранить си любовь правную, да не разрушится, дондеже солнце съет и весь миръ стоять, в нынешния вѣки и в будущая."

Посредническая грамота не датирована. Редакция субъективная: посредники говорят о себе во множественном числе первого лица. О своей стороне договора говорится то субъективно ("наша страна", "наш князь"), то объективно ("страна русская"); о византийском императоре говорится объективно.

Если мы сравним формулы итальянских посреднических грамот с русскими в грамоте 944 г., мы обнаружим, что, во-первых, порядок расположения формул совершенно идентичен. Во-вторых, в самих формулах есть лишь незначительные расхождения: так, в русской грамоте на месте подробной наррации стоит аренда, а на месте простого запрета нарушения стоит более подробная санкция.

(Продолжение следует)

Перевод с немецкого Т.Ю.Бородай.

⁹³ Местоимение "ю" было неправомерно выпущено в издании А.В. Андриановой-Перец, хотя оно есть в большинстве рукописей.

⁹⁴ Эта процедура полностью отвечает дипломатическим обычаям Византийского государства. См.: *Dölger F. Diplomatie...* S. 241 ff; *Heinemeyer W. Verträge...* S. 150.

⁹⁵ Здесь необходимо особо подчеркнуть, что русские послы приносили свою клятву в Константинополе. Об этом свидетельствуют не только данные разбивавшихся нами посреднических грамот и указания в императорских хрисовулах, но и прошедшее время глагола "клясться" в клятвенной формуле русских посредников. Подчеркнуть это обстоятельство я считаю нужным потому, что часто высказывалось мнение, что здесь идет речь о клятве, принесенной в Киеве Игорем и его людьми. См., например: *Димитриу А. К вопросу о договорах русских с греками* // ВВ. 1895. Вып. 2. С. 548. Выше мы уже указывали, как легко спутать посредническую клятву с ратификационной, как это и случилось с Димитриу и другими. Однако здесь в самой клятвенной формуле называется церковь, где приносили клятву крещенные русские посредники в Константинополе: "Мы же, елико нас хрестилися есмы, кляхомъся церковью святаго Ильи въ соборной церкви". В Константинополе действительно была церковь во имя Ильи пророка. Об этом сообщает Продолжатель Феофана. Ее построил Василий I (867—886) с северовосточной стороны императорского дворца. У нее не было своего входа, так как она была пристроена к соборной церкви Богоматери Фаросской, и нужно было сначала войти в нее, чтобы затем, свернув направо, попасть в церковь (или придел) пророка Ильи, чем и объясняется двукратное упоминание церкви в вышеприведенной формуле (в церкви пророка Ильи — в соборной церкви). Константин Багрянородный называет церковь Ильи-пророка как "церковью" (ἐκκλησίαν ὁκός), так и "приделом" (παρεκκλησίον) (*De cerim.* I. P.116). См. о ней: *Ebersolt J. Le Grand Palais de Constantinople.* P., 1910. P. 133, 136ff, 173ff., 187 (*Objekte* Nos 38, 39); *Janin R. La géographie ecclésiastique de l'empire byzantin.* P., 1969. T.III. P.136—137.

Е.А. Мельникова

КУЛЬТ СВ. ОЛАВА В НОВГОРОДЕ И КОНСТАНТИНОПОЛЕ

Основатель единого норвежского государства, христианизатор Норвегии и ее национальный святой патрон, Олав Харальдсон был одной из центральных фигур в истории раннесредневековой Скандинавии¹. Сын правителя Вестфольда, богатой области в юго-восточной Норвегии, родившийся около 995 г., он уже с двенадцатилетнего возраста принимает участие в викингских походах. Около 1009 г. он со своей дружиной оказывается в Восточной Англии в составе войска датчан, возглавляемого Торкелем Длинным, участвует в сражениях с англо-саксами, в том числе в захвате церковного центра Англии Кентерберии. После перехода Торкеля на сторону английского короля Этельреда Олав переносит свою деятельность в Нормандию. Во время службы у герцога Ричарда II в 1013 г. он принимает в Руане крещение и тогда же, видимо, сближается с бежавшим из Англии Этельредом, за которым следует обратно в Англию после смерти Свейна Вилобородого. С началом завоевания Англии Кнудом Великим, летом 1015 г., Олав уезжает в Норвегию и приступает к объединению страны под своей властью². Он отстраивает Нидарос (совр. Тронхейм) как свою столицу и основывает в нем церковь.

Жесткая централизаторская политика, одним из важных элементов которой была насильственная христианизация языческого в своей массе населения, вызвала глубокий внутренний раскол, приведший впоследствии значительную часть родовой знати к союзу с Кнудом. Враждебные отношения с Данией заставляют Олава восстановить мир со Швецией. Он женится на дочери Олава Шётконунга Астрид, сестра которой, Ингигерд, в 1019 г. становится женой Ярослава Мудрого. 1015—1024 гг. отмечены сближением Руси и Дании. Ярослав и Кнут образуют антипольскую (в интересах Руси) и антинорвежскую (в интересах Кнута) коалиции³. Отношения Руси и Норвегии напряжены, и на Руси находят пристанище противники Олава. В середине 1020-х годов, однако, перемены во внутривосточной ситуации на Руси и усиление Кнута на Балтике, видимо, побуждают Ярослава присоединиться к антидатскому шведско-норвежскому союзу. Именно к середине 1020-х годов

можно приурочить заключение русско-норвежского торгового мира⁴. Поэтому не удивительно, что в 1028 г. Олав, потерпев сокрушительное поражение в войне с Кнудом, к которому присоединилось большинство представителей знатных родов, бежит вместе с сыном Магнусом на Русь.

В конце 1029 г. после гибели ярла Хакона из Хладира, посаженного Кнудом в качестве правителя Норвегии, Олав собирает войско при поддержке Ярослава и активном содействии шведского конунга Анунда-Якоба и летом 1030 г. вторгается в Норвегию. 29 июля происходит сражение при Стикластадире, в котором Олав был убит. Правителем Норвегии Кнут посадил своего сына Свейна.

Через год соратник Олава епископ Гримкель осуществляет перенос останков Олава в церковь, основанную Олавом в Нидаросе, и объявляет его святым. Официальная канонизация Олава, а также всех других местных скандинавских святых состоялась в конце XII в.⁵

С самого начала культ Олава был многоплановым, как и его образ в житиях и сагах. Олав-король, объединитель Норвегии, Олав-законодатель, Олав-миссионер, наконец, Олав-мученик — таковы основные слагаемые его образа.

Учреждение его культа в 1031 г. явилось политической акцией датского наместника Свейна, без согласия которого Гримкель не мог осуществить канонизацию. Свейн, очевидно, надеялся, что канонизация Олава укрепит его положение на норвежском троне. По возвращении в Норвегию в 1036 г. Магнус, сын святого, ввел празднование дня св. Олава и упрочил официальный статус культа как государственного, а сам святой стал рассматриваться как покровитель королевской династии⁶. Последующие правители того же королевского рода Инглингов, потомки Харальда Прекрасноволосого, широко использовали это наследие.

Вместе с тем, ближайшие преемники Олава прославились своей не только государственной, но и военной деятельностью, причем сводный брат Олава Харальд был особенно знаменит своими подвигами в Византии. Более того, Олав и сам имел заслуженную славу доблестного воина, деяния которого прославлялись его дружинниками-скальдами. Поэтому не удивительно, что уже в правление Магнуса Доброго (1036—1047 гг.) Олав начинает рассматриваться как покровитель в ратных подвигах, святой патрон норвежских воинов.

К концу XI в. Олав становится и покровителем купцов, ведущих заморскую торговлю⁷. Особенно широко этот культ распространяется в ганзейское время и охватывает огромную территорию от Англии до Риги, где в XIV в. основывается купеческая гильдия св. Олава. Однако в Восточной Балтике упрочение "купеческого" аспекта культа Олава происходит значительно раньше. Уже во второй половине XI в. в Сигтуне строится церковь св. Олава, как предполагается, купеческая. Особое значение приобретает его культ на Готланде. "Сага о гутах" (XIII в.) рассматривает его как христианизатора острова и рассказывает о строительстве часовни в его честь неким Ормикой, обращенным Олавом во время его остановки на Готланде по пути на Русь (по другим источникам Олав находился на Готланде на обратном пути).

¹ Schreiner J. Olav den hellige og Norges samling. Oslo, 1929.

² Lönnroth E. Olav der Heilige als nordeuropäische Erscheinung // St. Olav, seine Zeit und sein Kult. Visby, 1981. S. 9—16.

³ Мельникова Е.А. Скандинавия во внешней политике Древней Руси (до середины XI в.) // Внешняя политика Древней Руси: Тез. докл. М., 1988. С. 45—49.

⁴ Мельникова Е.А. Русско-норвежский торговый мир второй половины 1020-х годов // Новгород и Новгородская земля. Новгород, 1988. С. 75—78.

⁵ Metzler J. Olav Haraldsson // Lexikon für Theologie und Kirche. Freiburg, 1936. Bd. VII. 695 ff.

⁶ Hoffmann E. König Olav Haraldsson als Heiliger des norwegischen Königshauses // St. Olav... S. 35—44.

⁷ Friedland K. Sankt Olav als Schutzpatron nordeuropäischer Kaufleute // St. Olav... S. 17—26.

Источники XVI—XVII вв. говорят о строительстве в Висбю церкви св. Олава датским королем Эйриком Добрым в 1102 г. во время его поездки в Святую Землю через Русь⁸.

Учреждение культа св. Олава вызвало к жизни появление литургических текстов, а также его жития и списка чудес⁹. Первым памятником церковной литературы об Олаве было не дошедшее до нас сочинение "Translatio S. Olavi" — первая письменная фиксация рассказов о знамениях его святости и переносе его останков в Нидарос. Около 1040 г. скальд-дружинник Олава Сигват Тордарссон сочиняет "Поминальную драпу", в которой оговаривает празднование мессы в день святого¹⁰, а в англо-саксонской рукописи ок. 1050 г., подаренной еп. Леофриком собору в Эксетере (Brit. Mus. Harley, 2961), содержится древнейший текст Officium¹¹.

Формирование цикла *miracula* начинается одновременно с канонизацией. Очевидно, уже в Translatio, а также в поэмах Сигвата и Торарина Славослова, скальда Кнута Великого и Свейна, сочинившего еще в правление Свейна (между 1030 и 1035 гг.) песнь об Олаве¹², перечисляются чудеса-знамения (сияние над местом первоначального погребения, колокольный звон, рост волос и ногтей у покойного и т.п.) и чудеса-исцеления (на месте погребения появляется целебный источник, возвращается зрение слепым и речь немым). В дальнейшем число чудес растет, а содержание их становится более разнообразным. Среди нескольких десятков сюжетов, сохранившихся в различных памятниках, присутствуют исцеления (как правило, от немоты и слепоты), спасения при пожарах, помощь в битвах, освобождение пленных. С 1170 г. времени создания архиепископом Эйстейном сочинения "Passio et miracula beati Olavi" (сохранилась в английской рукописи конца XII в.)¹³ происходит постепенная "канонизация" чудес: Эйстейн отбирает 20 сюжетов. Они образуют в дальнейшем основной свод, который с некоторыми сокращениями перерабатывается в "Acta sancti Olavi regis et martyris"¹⁴, а также переводится на норвежский язык в составе "Норвежской книги проповедей" (рубеж XII—XIII в.)¹⁵ и оттуда попадает в многочисленные легендарии и книги проповедей XIII в. и позднее.

Одновременно с церковной в XII в. развивается и светская литература, посвященная Олаву — скальдическая поэзия и саги¹⁶. К первой относится

пространная поэма скальда Эйнара Скуласона "Geisli" ("Луч света", 1152 г.)¹⁷. Ко второй — ряд саг, от древнейшей, которая была написана около 1200 г. (сохранилась во фрагментах) до пространных компиляций Снорри Стурлусона в "Хеймскрингле" и "Большой саги об Олаве" в сборнике "Flateyjarbók" (конец XIV в.)¹⁸. Все они включают чудеса Олава, опираясь, однако, на различные источники и интерпретируя их в зависимости от характера и направленности произведения. Так, Снорри¹⁹ широко использует скальдическую поэзию и основательно перерабатывает церковную традицию, опуская часть "канонических" чудес (например, новеллу о возвращении похищенного — Acta, N XVI) и вводя много иных сюжетов; он свободно изменяет место и время их действия и беллетризует текст^{19а}. "Легендарная сага об Олаве Святом"²⁰, напротив, максимально полно представляет известный "набор" новелл о чудесах святого, совмещая и церковную, и светскую традиции.

Действие подавляющего большинства новелл о чудесах св. Олава локализовано в Норвегии (в "каноническом" своде 14 из 20), значительно реже в других Скандинавских странах, и лишь единицами представлены чудеса, совершенные Олавом в Англии, Ирландии (но героями новелл все равно являются норвежцы). Поэтому особое внимание привлекает группа чудес, где сюжет приурочен к крупнейшим центрам сосредоточения скандинавов в Восточной и Юго-Восточной Европе: Новгороду (4 сюжета) и Константинополю (3 сюжета). Четыре из них (два "русских" и два "византийских") включены в "канонический" свод, три встречаются в сагах и скальдических поэмах. При этом за исключением одного они не переходят из одной традиции в другую, но сохранились в памятниках либо церковных, либо светских.

Группа "русских" чудес состоит из четырех сюжетов, два из которых встречаются только в светской литературе, два — только в "каноническом" своде. Древнейший сюжет упоминается в поэме скальда Сигвата: "Еще сохраняются те волосы, которые росли на его (Олава. — Е.М.) голове и вернули зрение Вальдемару в Гардах" (Ervidrápa, str. 23–26). Этот сюжет, не известный по другим памятникам, тем не менее ясен: прядь волос Олава, либо срезанная им самим во время пребывания на Руси, либо хранящаяся как реликвия, вероятно, у какого-то скандинава (тот же Сигват рассказывает, что епископ Гримкель срезал отросшие волосы Олава при переносе останков святого), излечила от слепоты некоего Вальдемара, русского, судя по имени. Сюжет исцеления слепых едва ли не древнейший среди чудес Олава: Сигват упоминает, что возвращение зрения и речи принадлежит к наиболее частой форме проявления чудотворных способностей Олава (Ibid., str. 24; то же: Glælognskviða, str. 8.); в разных произведениях представлено около десяти новелл на этот сюжет. Упоминание Сигвата не поддается исторической интерпретации, однако показателен сам факт того, что уже в первое десятилетие после смерти Олава в Норвегии становится известен рассказ об оказании помощи русскому с локализацией действия на Руси (в Гардах).

¹⁷Einarr Skúlason. Geisli // Skjaldedigtning. S. 427–445. (Далее: Geisli).

¹⁸Flateyjarbók / Ed. S. Nordal. Acrales, 1944–1945. B. 1–4. (Далее: Flat.).

¹⁹Heimskringla Snorra Sturlusonar / Ed. P. E. Ólason. Reykjavík, 1946. (Далее: Hskr). Рус. пер.: Снорри Стурлусон. Круг земной. М., 1980. (Далее: Круг земной).

^{19а}Whalley D. Heimskringla and its sources. The miracles of Óláfs helgi // The Sixth International Saga Conference. Kbh., 1985. P. 1083–1103.

²⁰Óláfs saga hins helga / Ed. O. A. Johnsen. Kristiania, 1922. (Далее: Leg. ÓSH).

⁸Под фундаментом каменной церкви св. Олава в Висбю (начало XIII в.) найдены остатки более раннего сооружения, время которого, однако, не установлено. См.: Pernler S.-E. Sankt Olav und Gotland // St Olav... S. 101–114.

⁹Holtsmark A. Sankt Olavs liv og mirakler // Norsk litteraturvetenskap i det 20. århundre: Festskrift til Fr. Bull. Oslo, 1938. S. 121–133.

¹⁰Sigvatr Þórðarson. Ervidrápa Óláfs helga, str. 25 // Den norsk-islandske skjaldedigtning / Ed. F. Jónsson. København, 1920. B. I. S. 245. (Далее: Skjaldedigtning). Повторные ссылки на цит. источники приводятся далее в тексте.

¹¹The Leofric Missal / Ed. F. E. Warren. Oxford, 1883. P. 274. См.: Dickens B. The Cult of S. Olav in the British Isles // Saga-Book of the Viking Society. 1939. Vol. XII. P. 53–80.

¹²Þórarin loftunga. Glælognskviða // Skjaldedigtning. S. 300–301.

¹³Passio et miracula beati Olavi / Ed. F. Metcalfe. Oxford, 1881. (Далее: Passio).

¹⁴Acta sancti Olavi regis et martyris // Monumenta historiae Norwegiae / Ed. G. Storm. Kristiania, 1888. S. 125–144. (Далее: Acta).

¹⁵Gammel Norsk Homilieboek // Codex AM 619 quarto. Old Norwegian Book of Homilies containing the Miracles of St. Olaf / Ed. G. T. Flom. // University of Illinois Studies in Language and Literature. Urbana, 1929. Vol. XIV. N 4. P. 159–176. (Далее: Hb).

¹⁶Schreiner J. Tradisjon og saga om Olav den Hellige. Oslo, 1926; Bø O. Heilag Olav i norsk folketradisjon. Oslo, 1955.

Вряд ли такой рассказ мог возникнуть в иной среде, нежели скандинавские поселенцы и путешественники на Руси, которые должны были иметь постоянные и тесные связи с Норвегией, чтобы известие о канонизации Олава (1031 г.) дошло до них и отзвук его в виде рассказа о чуде Олава вернулся на родину к 1040 г.

Второй сюжет, разработанный уже в форме новеллы, сохранился в "Легендарной саге об Олаве святом" (около 1200 г.). В ней речь идет об исцелении мальчика от нарыва в горле, которого местная женщина по совету Ингигерды привела к Олаву, находившемуся в то время на Руси (Leg. ÖSH. Cap. 79. S. 74). Это один из весьма немногих рассказов о "прижизненных" чудесах св. Олава. Особый интерес представляет то, что рассказчик подчеркивает, что о чудотворных способностях Олава знает лишь Ингигерд: "Ты пойдешь, — сказала она, — к конунгу Олаву и попроси у него полезного совета". "Но люди не называют его лекарем". "А ты должна сказать, что слышала это. Если конунг положит медовые соты в рот человеку, то тому человеку станет лучше". Исцеление мальчика выявляет и обнаруживает дотоле скрытую от всех чудотворную силу будущего святого.

Оба эти сюжета носят сугубо бытовой характер и направлены исключительно на прославление самого святого, т.е. принадлежат к наиболее распространенной в светской литературе категории чудес. При этом упоминание Сигвата свидетельствует, что уже к 1040-м годам культ Олава проник в среду находившихся на Руси скандинавов и закрепился в ней.

С этой же средой связано и происхождение "русских" новелл из "канонического" собрания чудес. Первое (Passio. Acta. N XIV. Hb. P. 174) посвящено избавлению Новгорода от пожара, второе (Ibid. N XIX. Hb. P. 178) — исцелению немого юноши-ремесленника. В обеих новеллах нет датирующих реалий, очевидно лишь, что они возникли до 1170 г., когда были включены в Passio. Однако они содержат ряд локальных деталей: имя священника, остановившего пожар, характеристика оружия, изготовлявшегося ремесленником, но в первую очередь — упоминание в обеих церкви св. Олава в Новгороде. Весьма показательно и употребление слова *varingus* (*varingi* в Hb) в значении "скандинав на Руси" в новелле о юноше-ремесленнике, которое не встречается в древнескандинавских письменных источниках: *varingjar sag* и скальдической поэзии — это исключительно те скандинавы, которые находились на военной службе в Константинополе²¹. Своеобразна и латинская форма слова с корнем *-a-*, не соответствующая др.-исл. *-æ-*, объяснить которую, вероятно, можно влиянием др.-рус. "варяг". Все это указывает на то, что и эти новеллы возникли на Руси и их авторами были люди, хорошо знакомые с древнерусскими (новгородскими) реалиями.

Однако эти новеллы, наряду с демонстрацией чудотворной силы святого, содержат еще один и, видимо, принципиально важный для составителя "канонического" свода чудес Эйстейна, мотив: в отличие от двух предшествующих, чудеса здесь происходят только в результате обращения молящего о чуде в церковь св. Олава. В сюжетике чудес св. Олава место действия не играет роли: Олав помогает страждущим, где бы они не находились. Лишь несколько чудес выводят на первый план роль церкви, но связаны они с основанием церквей в честь святого, например, в Стикластадире на месте

²¹ Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Варяги на Руси и в Византии. К истории названия "варяг" // Славяноведение. 1995. № 2. С. 56—68.

первоначального захоронения Олава (Ibid. N XX), и являются "храмовыми", возникшими для доказательства особого значения данной церкви, ее пребывания под специальным покровительством святого. Выдвижение церкви как обязательного посредника между страждущими и Олавом (юноша-ремесленник едет в Новгород, чтобы получить помощь святого) указывает на "храмовый" характер новелл и позволяет предположить, что они возникли в Новгороде в кругу клира и прихожан церкви св. Олава. Именно эта особенность рассматриваемых новелл, очевидно и побудила Эйстейна выбрать их из числа многих и включить в "канонический" свод чудес: они не только демонстрировали мощь святого, но и пропагандировали церковь, патроном которой он был.

Впервые церковь св. Олава в Новгороде²² упоминается в рунической надписи из Шюсты (Упланд, Швеция), высеченной мастером Эпиром, который работал в последних десятилетиях XI в., может быть, и в первом десятилетии XII в. Эта стела установлена в память о некоем Спяльбуди, который умер в Хольмгарде в церкви Олава²³. "Варяжская" церковь (без указания патрона) называется в числе церквей, сгоревших во время пожаров 1152 и 1181 гг.²⁴ В проекте договора Новгорода с немецкими городами (вторая половина XIII в.) указан и святой патрон этой церкви — Олав²⁵. Как явствует из того же документа, церковь св. Олава принадлежала Готскому двору: по договору от налогов освобождаются Готский двор с церковью св. Олава, кладбищем и окрестными лугами. Наконец, о наличии в Новгороде скандинавских священнослужителей свидетельствует "Вопрошание Кирика" (XII в.), которое предусматривает наказание для тех, кто носил "к варяжскому попу дети на молитву"²⁶. Последнее косвенно указывает на определенную популярность церкви св. Олава среди местных жителей — ибо именно на них, а не находившихся в Новгороде скандинавов, распространяется наказание.

Быть может, с расширением культа и популярностью церкви св. Олава в Новгороде связана отличительная особенность трех из четырех "русских" чудес, где молящими о помощи и получающими ее являются местные жители, а не скандинавы. Это несколько противоречит традиции, поскольку в подавляющем большинстве новелл, в том числе и возникших вне Норвегии, Олав оказывает помощь своим соотечественникам.

Посвященная св. Олаву, культ которого как покровителя заморских купцов, обрел в конце XI в. популярность в купеческой среде, церковь в Новгороде стала источником его распространения и среди местного населения. Насколько широко он внедрился в Новгороде, неизвестно, но ясно, что он привлекал какую-то часть населения города. Задачу пропаганды культа и церкви св. Олава и выполняли рассказы о чудесах, совершенных святым для спасения жителей Новгорода.

Возможно, не случайным совпадением является включение имени Олава в литанию "Молитвы св. Троице", которая, как показало ее подробное исследование

²² Мельникова Е.А. Сведения о Древней Руси в двух скандинавских рунических надписях // История СССР. 1974. № 6. С. 176—177; Рыбина Е.А. Иноземные дворы в Новгороде XII—XVII вв. М., 1986. С. 15—23.

²³ Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. М., 1977. № 89.

²⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М., 1950. С. 29 и 215, 37 и 226.

²⁵ Андреевский И.П. О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 г. СПб., 1855. С. 29. Примеч. 33.

²⁶ Русская историческая библиотека. СПб., 1908. Т. VI. Стб. 60.

дование, была составлена неким клириком в середине XII в.²⁷ Наряду с Олавом "Молитва" перечисляет ряд скандинавских святых: Магнуса (убит в 1115 г., канонизирован в 1135 г.), Кнута (убит в 1086 г., канонизирован в 1101 г.), брата Бенедикта, убитого и канонизированного одновременно с ним, Албан, англо-саксонского святого, останки которого были перевезены в Данию св. Кнутом. По мнению Дж. Линда, включение этого перечня святых, представителей королевских династий Дании и Норвегии, отражает влияния, возникшие в результате интенсивных династических связей Дании и Руси в середине XII в., в которых непосредственное участие принимали и представители норвежского правящего дома. Не исключено, что именно к этому времени следует приурочить и распространение культа св. Олава в Новгороде и к элемент его пропаганды возникновение новелл о чудесах, творимых Олавом посредством посвященной ему церкви.

Обратимся теперь к группе из трех "византийских" чудес св. Олава. Сюжетика этих новелл в отличие от "русских" специфически дружинная: освобождение Харальда Сурового из заточения в Константинополе (Haralds saga Harðráða. Cap. XIV — Flat. IV, S. 75; Mork. S. 12—14), помощь отряду вэрингов в сражении с язычниками (Haralds saga Harðráða. Cap. XIII — Flat. IV, S. 64—66; Geisli. V. 51—56; Hskr. Hákonar saga Hedibreids. Cap. XXI; Passio. Acta. N III. H. S. 164—165; Leg. ÖSH. Cap. 105), нахождение меча Олава во время военного похода у одного из вэрингов (Geisli. V. 43—50, Hskr. Hákonar saga Hedibreids. Cap. XX). Во всех этих новеллах Олав выступает главным образом как покровитель вэрингов и в первую очередь Харальда Сурового, своего сводного брата и предводителя скандинавских наемников в Византии. Однако здесь, как и в "русских" "канонических" чудесах, очевидна связь повествователя с церковью св. Олава, которая, согласно авторам этих новелл, существовала в Константинополе: в первой отмечается, что на месте темницы (или вблизи нее) была построена часовня в честь св. Олава, во второй — вэринги обращаются к Олаву за помощью и дают обет построить (и позднее строят) церковь в его честь, в третьей — меч Олава перевозят в Константинополь и помещают над алтарем церкви св. Олава. Таким образом, сюжеты посвящены важнейшим моментам в истории этой церкви: месту и событиям, связанным с ее основанием, и обретению ею реликвии патрона. Поэтому можно предположить, что, как и в случае с "русскими" чудесами, по крайней мере две последние новеллы представляют "храмовые" рассказы, возникшие в среде профессиональных воинов-скандинавов на службе византийских императоров.

Но насколько вообще достоверны сообщения о церкви св. Олава в Константинополе, "которую содержат вэринги" (Hskr. S. 275; Круг земной. С. 551), и что они дают для реконструкции истории этой церкви, если она действительно существовала?

Единственным, хотя и косвенным свидетельством популярности Олава в Константинополе во второй половине XI в. является рассказ Кекавмена (1070-е годы) о Харальде Суровом: "Аральт был сыном василевса Варангии. У него был брат Юлаф (Юулафов), который после смерти своего отца и занял отцовский престол, признав своего брата Аральта вторым после себя лицом в царстве". В конце рассказа он снова говорит о Юлафе, трон которого занял

²⁷ Lind J.H. The Martyria of Odense and a Twelfth-Century Russian Prayer: The Question of Bohemian Influence on Russian Religious Literature // The Slavonic and East European Review. 1990. Vol. 68. № 1. P. 1—21.

Харальд по возвращении в Норвегию²⁸. Византийские авторы знают крайне мало имен скандинавов, причем все это варанги, непосредственно служившие в Константинополе²⁹. Харальд Суровый, проводивший в Византии более 10 лет и участвовавший во многих кампаниях, — один из немногих. Иное дело Олав, который никогда не бывал в Византии. Почему же Кекавмен, писавший через 30 лет после отъезда Харальда, не только сообщает о его высоком статусе на родине, но и называет по имени его брата, короля Норвегии? Что обусловило сохранение этого известия, восходящего, очевидно, к самому Харальду, и, более того, что заставило Кекавмена счесть его заслуживающим упоминания, т.е. актуальным и в его время? Это могло быть только одно — известность имени Олава в Константинополе во время работы Кекавмена. Но для середины — второй половины XI в. имя Олава было значимо прежде всего в контексте его культа и в связи с ним сохранялось и распространялось в среде скандинавов. Благоприятную почву для поддержания культа св. Олава составляли варанги — скандинавские воины на службе императора.

Не случайно в двух последних новеллах император становится одним из активно действующих лиц повествования: во второй новелле он предлагает вэрингам обратиться к св. Олаву, строит или участвует в строительстве церкви, в третьей — выкупает меч у его владельца за тройную цену (или за три меча) и отдает его в церковь св. Олава. Включение византийского императора в рассказ, с одной стороны, отражает привилегированное положение вэрингов в византийской армии, которое они, по их мнению, занимали (что отнюдь не является свидетельством действительного участия василевса в событиях), с другой — используется в престижных соображениях, поскольку повышает статус культа св. Олава, приверженцем которого оказывается сам император.

Именно Харальд, брат Олава и его сторонник, раненный в битве при Стикластадире и затем бежавший в Швецию, на Русь и в Византию, вместе с его окружением был наиболее вероятным источником зарождения культа св. Олава как святого патрона скандинавских воинов в Византии: ведь сам Харальд как брат Олава мог претендовать и претендовал, судя по рассказам саг, на особое покровительство святого. Упоминание Кекавмена, следовательно, можно рассматривать как вероятное свидетельство существования культа св. Олава в среде скандинавских наемников во второй половине XI в.

Значительно сложнее вопрос, существовала ли в Константинополе церковь в его честь? Общеизвестно, что в столице имелась церковь, обслуживавшая варангов³⁰. Однако, по мнению В.Г. Васильевского, разделяемому другими исследователями, это была церковь Богородицы, которая упомянута в одной из редакций чуда о сражении вэрингов с язычниками. Ее помещают у западного фасада св. Софии или просто вблизи Софии³¹. В.Г. Васильевский полагает, что как название, так и местоположение храма, указывают на то, что это была православная, а не латинская церковь, которая принадлежала варангам-русским, а не скандинавам³².

²⁸ Кекавмен. Советы и рассказы / Под ред. Г.Г. Литаврина. М., 1972. С. 282.

²⁹ Blöndal S. Væringjasaga. Reykjavík, 1954; Бибииков М.В. К варяжской просопографии Византии // Scando-Slavica. 1990. Т. 96. С. 161—171.

³⁰ Blöndal S. Op.cit. S. 224 ff.; Ellis Davidson H.R. The Viking Road to Byzantium. L., 1976. P. 206.

³¹ Васильевский В.Г. Труды. СПб., 1908. Т. I. С. 276—277; Blöndal S. Op.cit. S. 299.

³² Васильевский В.Г. Указ.соч. С. 277.

Но и в этом случае остается открытым вопрос, где отправляли кулваранги-скандинавы. Они нуждались в собственной церкви ничуть не менее своих православных братьев, тем более накануне и после раскола церкви в стране, где официальной религией было православие, исповедуемое и варангами-русскими. Ведь практика возведения самостоятельных церквей (часовен) для разноэтнических групп византийского войска действительно существовала. Так, при Алексее I Комнине английские наемники в варяжской гвардии построили для себя церковь св. Николая и св. Августина Кентерберийского³³.

Отвергая существование церкви св. Олава, В.Г.Васильевский использует новеллу о сражении вэрингов с язычниками и приводит в качестве аргументов, во-первых, отсутствие упоминания того, что "храм, построенный в честь Олава, был назван его именем" (В.Г.Васильевский ошибочно ссылается на текст по Нб.; на самом деле этот пропуск имеется в латиноязычном варианте новеллы — в *Passio* и *Acta*), а во-вторых, невероятность признания императором Олава святым, поскольку его канонизация не была утверждена папской курией, что обусловило возникновение рассказа о запрещении императором освятить церковь³⁴.

Обратимся к более подробному анализу упоминаний о церкви Олава и прежде всего к новелле о победе вэрингов над язычниками. Как указано выше новелла сохранилась во многих памятниках, как светских, так и церковных, причем интерпретация ее существенно разнится.

"Сага о Харальде Суровом" по Flat. содержит наиболее развернутый вариант сюжета: в длительном сражении с огромным войском язычников византийцы терпят поражение. Полководец Гюргий (Георгий Маниак), имевший столкновения с Харальдом во время сицилийского похода, предлагает императору Микаэлу Каталакту (Михаил IV Каталакт) ввести в бой отряд вэрингов, но император не хочет рисковать отборной частью войска. Тогда Харальд обращается к своему отряду: «"Теперь я хочу, чтобы мы попросили святого конунга Олава о победе и обещали сделать здесь церковь для прославления его и Бога." С этим все согласились и ударили по рукам и затем по его воле пошли против язычников». В образе всадника на белом коне Олав является слепому предводителю язычников, которые обращаются в бегство. "И получилось так, что вэринги одержали победу и отправились домой после этого с большой победой и уважением и велели там сделать достойную церковь". Когда церковь была построена, Харальд велел устроить большой пир, на котором предполагал освятить церковь, "но из-за разговоров людей конунг (император. — Е.М.) запретил освятить церковь и [давать] дрова для пира и сказал, что конунг (Харальд. — Е.М.) имеет не больше прав [чем раньше], благодаря своей удаче и богатству." Харальд едет к императору и преодолевает его сопротивление, указав, что тот "несправедливо наносит ущерб чести Олава конунга после той чести и чуда, которое он оказал им, и того мира, который он дал его императору". Император приезжает вместе с епископом на пир, устроенный Харальдом: "Теперь церковь была освящена. А конунг отплатил еще большим пиром, и потом была эта церковь освящена и прекрасно увенчана большим колоколом, равного которому не было в Мик-

лагарде"³⁵. В последующем рассказе о языке этого колокола церковь неоднократно называется церковью св. Олава.

Как убедительно показал В.Г.Васильевский, в этой новелле отражено участие Харальда с его дружиной вэрингов в византийско-болгарской войне и осаде Солуни в 1040 г. Само же описание чуда — слепой вождь язычников видит всадника на белом коне — по его мнению, является переработкой Солунского чуда св. Дмитрия³⁶. Сама новелла органично связана с повествованием как один из эпизодов деятельности героя саги в Византии и композиционно продолжает рассказ о походах Харальда. Вместе с тем, основное действие новеллы разворачивается вокруг постройки церкви, а не военных успехов вэрингов — о них говорится довольно кратко и без конкретных деталей — даже противники вэрингов названы просто язычниками (*heidningar*), не приводятся подробности битвы и т.п. Зато обращается особое внимание на обет построить церковь в честь св. Олава, если он поможет. Вторая, и более пространная часть новеллы — это рассказ о преодолении Харальдом противодействия императора освящению церкви. Но и здесь — основное для рассказчика — победа над императором, а не освящение церкви, которое является лишь поводом для проявления выдающихся качеств героя. Именно в этом рассказе В.Г. Васильевский усматривал подтверждение того, что в Константинополе не могло быть церкви св. Олава как местного скандинавского святого, объясняя нежелание императора освятить церковь этой причиной. Однако если за этим сильно беллетризованным с помощью прямой речи, явно тенденциозным (прославляющим Харальда) повествованием и стоит реальное событие — противодействие византийских властей строительству церкви скандинавских варангов, то нет оснований оспаривать указанную в тексте причину этого: недовольство излишней независимостью Харальда, которая, видимо, не раз приводила его к столкновению с властями³⁷.

Но как бы ни рассматривать эпизод с освящением церкви, основная часть рассказа — о сражении с язычниками, обете вэрингов, помощи Олава и построении церкви в его честь, представляется традиционной, органической в повествовании о Харальде Суровом. Это воинское предание, в которое включен мотив чуда, совершенного святым — ближайшим родственником героя и для его блага, и рассказ о построении церкви в честь этого святого — и то, и другое в определенной степени повышает престиж и служит прославлению героя саги, Харальда. Точность содержащихся в рассказе хотя и немногочисленных деталей (имена византийских императоров и полководца),

³⁵ "Nú vil ek, að vér heitum á hinn helga Ólaf konung oss til sigrs og látum gjöra hér kirkju honum til dýrðar með gudi". Þessu játuðu allir og að handfesta milli sín, og síðan með hans vilja fara þeir nú í móti heidningjum... Og lýkr með því, að Væringjar höfðu sigr og sottu síðan heim eftir það með miklum sigri og virding og láta þegar gjöra virðuliga kirkju. En af fyrir tölum manna þá bannar konungur, að kirkjan se vígd... Konungur bannadi þá eldivid til að búa veizluna og kvad konung ekki mega hafa rétt sinn fyrir happi hans og ríkdömi... Og síðan fer Harald nú á konungs fund og tjár fyrir honum, hversu ósannligt er hann lemi nídr að gjöra Óláfi konungi sæmd fyrir þa sæmd og jarteign, er hann gjörði þeim, og fríd þann, er hann gaf ríki hans... Nú var kirkjan vígd, en konungur launadi stormannliga veizluna, og síðan var sú kirkja vígd og fagrlega tignud með mikilli klukku, svó að engi var önnur slik í Miklagardi" (Haralds saga Harðráða. Cap. 13 // Flat. P. 64).

³⁶ Васильевский В.Г. Указ. соч. С. 268—272.

³⁷ Достаточно упомянуть рассказы в этом и других сборниках саг о "состязании" Харальда с Гюргием за лучшее место при стоянке войска, о присвоении большей, нежели полагалось, части добычи, наконец, о его желании жениться на византийской принцессе, результатом чего стало его заключение в тюрьму.

³³ Blöndal S. Op.cit. S. 298—299.

³⁴ Васильевский В.Г. Указ. соч. С. 276.

вероятно, указывает на раннее происхождение рассказа — в середине второй половине XI в.

В двух других памятниках светской литературы, в поэме Эйнара Geisli в "Круге земном" Снорри Стурлусона, сюжет о помощи Олава взрингам в битве с язычниками предстает в ином виде. Снорри рассказывает следующее. После поражения франков и флэмингов византийское войско требует, чтобы в бою были посланы взринги, которыми император Кирьялак не хотел рисковать. Предводитель взрингов Торир Хельсинг выражает готовность вступить в сражение. Тогда «...конунг сказал: "В таком случае молитесь Олаву Святому, вашему конунгу, чтобы он даровал вам успех и победу"³⁸. Взрингов было четыре с половиной сотни. Они ударили по рукам и дали обет построить церковь в Миклагарде на свои средства и с поддержкой добрых людей, посвятить ее святому Олаву конунгу». Слепой вождь язычников видит всадника на белом коне, и язычники обращаются в бегство. "Так христиане овладели лагерем язычников и крепостью из повозок"³⁹.

Эйнара и вслед за ним Снорри прежде всего изменяют атрибуцию события Харальда заменяет Торир Хельсинг, императора Михаила IV Алексей I Комнин (Kijalax). Одновременно они вносят множество конкретизирующих реалий: битва происходит в *Pezinavöllr* ("поле печенегов"), расположенном в *Blökumannaland'e* — "земле сарацин", язычники воздвигают на поле боя "крепость" и высокие повозки и др.

Уже давно обращено внимание на то, что многие детали совпадают с описанием различных эпизодов войны с печенегами 1121—1122 гг. у Киннама и Никиты Хониата, хотя здесь они сведены в рассказ об одном сражении⁴⁰. Это позволило обоснованно считать, что новелла отражает византийско-печенужскую войну при Иоанне II Комнине⁴¹.

В то же время изложение Снорри (но не Эйнара) содержит целый ряд неточностей и противоречий. Во-первых, Алексей I Комнин умер в 1118 г., и его имя здесь (как и в новелле о мече Хнейтире) — явный анахронизм. Во-вторых, следуя за Эйнаром, Снорри сводит две "византийские" новеллы (о мече Хнейтире и о сражении с язычниками) вместе и ставит новеллу о мече на первое место, как бы указывая, что действие в ней произошло раньше битвы с печенегами. Но поскольку он пишет, что Эйндриди непосредственно присутствовал при событиях, связанных с находкой меча, датируя это событие 1123—1150 гг., а сражение с язычниками насыщает известиями о печенужской войне 1121—1122 гг., то порядок следования эпизодов должен был бы

³⁸Ср.: "Доблестный муж (император. — Е.М.) воззвал к оказавшему доверие и могучему Олаву-правителю, когда они устали в битве" (Geisli. V. 54).

³⁹En konungr svarar: "Heitid þér á inn helga Ólaf konung yðam til fulltings ok sigrs yðr". Væringjar höfðu hálf t fimmta hundrad manna. Þa tóku þeir heit sitt með handfesti ok hétu því at reisa kirkju í Miklagardi með sínum kostnadi ok góðra manna stodum ok láta þá kirkju vígja til vegs ok dýrðar inum helga Ólafi konungi... Tóku þá kristnir menn herbúðir heidingja ok vagnborgina" (Hskr. S. 375—376; Круг земной. С. 552).

⁴⁰Мнение о возникновении новеллы на основе рассказов Эйндриди Юного (находился в Византии в 1123—1150 гг.) неверно, поскольку скальд Эйнар, как и Снорри, ссылается на Эйндриди в предыдущей новелле — о мече Хнейтире (Geisli. V. 45, Hskr. S. 275), но не распространяют его авторство на новеллу о битве с язычниками. Вероятно, сведения о войне поступили от самих участников событий, хотя не исключено, что Эйндриди рассказывал о войне со слов своих товарищей-взрингов.

⁴¹Dawkins R.M. An Echo in the Norse Sagas of the Patzinak War of John II Komnenos // *Mélanges Émile Boisacq: Annuaire d'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves*. 1937. T. 5. P. 243—249; Биби-ков М.В. Сведения Ипатьевской летописи о печенегах и торках в свете данных византийских источников XII в. // *Летописи и хроники*. 1980 г. М., 1981. С. 66.

быть обратным. В-третьих, в отличие от Эйнара, рассказ которого не имеет хронологической последовательности, Снорри стремится в целом к временной упорядоченности повествования, но помещает обе новеллы в "Сагу о Харальде Широкоплечем" (сар. XX и XXI), который правил в Норвегии в 1161—1162 гг., т.е. смещает временную отнесенность действий в них на несколько десятков лет. Наконец, обе новеллы выпадают не только из хронологического, но и из содержательного ряда. Они являются неким приложением, помещенным в конце саги и не связанным с ее сюжетом. Все это говорит о весьма вольном обращении Снорри с сюжетом, переработавшим его на основе рассказов о византийско-печенежской войне. При этом, как для Эйнара, так и для Снорри это прежде всего новелла о чуде, совершенном св. Олавом и обеспечившем победу взрингов.

Наконец, новелла содержится и в "каноническом" собрании чудес св. Олава. В ней очень коротко говорится о войне с язычниками и поражении византийцев. "Отчаявшийся император, почти утративший мужество, обратился к божественной помощи, и все воззвали в глубокой нужде со слезами к блаженному мученику, о котором говорили, что, как известно, он часто помогает сражающимся за истину... Они дают обет воздвигнуть в царском городе церковь его имени в честь девы Марии, если при его заступничестве они вновь станут победителями". Слепой вождь язычников видит всадника на белом коне, и язычники бегут. "Император же с победой возвратился в Константинополь и, не забыв обета, который они дали блаженному мученику, построил церковь в честь святой Девы Марии, на сооружение которой тогда было [собрано] охотное и быстрое пожертвование народа, до такой степени обильное, что, по завершении [строительства] церкви совместными усилиями, и, [когда было сделано] все необходимое для ее украшения, у них осталось многое из даров и денег. И поскольку этими и многими другими знаками благодетельный их дух, с покорностью обращенный к блаженному мученику, возвысился, то многие ценности и вещи были отосланы оттуда с почестями туда, где покоится он сам (т.е. Олав. — Е.М.), как свидетельствует церковь"⁴².

"Канонический" текст — это рассказ о построении церкви во исполнение обета, данного взрингами. В нем доминируют агиографические топосы и сведены к минимуму конкретные реалии. В то же время Эйстейн пополняет

⁴²Desolatus imperator, et fere corde dissolutus, ad diuinum se conuertit auxilium, et beati martiris opem profusis implorant omnes pariter lacrimis, quem pro iusticia pugnantis frequenter adesse, fama referente, didicerant. Uouent se sub nomine martiris, et in honore sancte marie uirginis, in urbe regia fabricaturos ecclesiam, si eius interuentu uictores remearent... Imperator igitur cum uictoria constantinopolim regressus, et uoti, quo se apud beatum martirem obligauerant, non immemor, in honore sancte marie uirginis ecclesiam fabricat, ad cuius opus fabricem tam deuota fuit et prompta populi oblatio, quatenus perfecta ecclesia ingenti, et peractus omnibus, que ad eius ornatum erant necessaria, adhuc de pecunia oblata multum superesset. Et quoniam hiis et aliis multis beneficiorum insigniis omnium animus in beati martiris obsequio deuotus extiterat, multarum preciosarum et inde missarum rerum splendore hec, in qua ipse requiescit, testatur ecclesia (Passio. P. 76—77; Acta. S. 135—136). Ср.: "Дали обет ему [Олаву] и святой Марии матери Господа нашего, если он поможет им, сделать для их восхваления и прославления церковь в Миклагарде". После победы "конунг... велел сделать церковь, как он обещал, и посвятить святой Деве Марии и святому Олаву конунгу. И такое количество денег внесли взринги и все воины в это святое дело, что осталось множество даров и имущества, когда церковь была завершена и изукрашена изнутри всеми теми вещами, которые можно сделать, чтобы прославить Господа. Так постоянно посылаются много славных сокровищ из Миклагарда в тот святой город, где он покоится, для его восхваления и прославления за многие милости и помощь, которые он оказывал им каждый раз, когда они обращались к нему за помощью" (Hb. S. 164; Leg. ÖSH. Cap. 105).

повествование новыми известиями церковного характера: о посвящении церкви не только Олаву, но и Деве Марии и об отправке в Нидарос собранных в Константинополе пожертвований на строительство церкви. Эти сообщения бесспорно, принадлежат самому Эйстейну, который в 1161—1188 гг. был архиепископом Нидароса, как никто другой был осведомлен о церковных связях нидаросского собора и проявил особый интерес к культу похороненного в соборе св. Олава.

Однако в рассказе Эйстейна возникают мелкие противоречия: вэринги просят помощи у одного Олава и ждут ее именно от него, но обещают построить церковь в честь Олава и Девы Марии, освящают же церковь только в честь Марии. Переводчик *Passio* на норвежский язык устраняет часть противоречий: обет вэринги дают и Олаву, и Марии, освящают церковь в честь обоих. Наконец, в контексте новеллы в *Passio* выглядит странно сообщение об отправке даров из церкви св. Марии в Нидарос: это было бы более естественным, если бы церковь была посвящена Олаву. Наконец, Эйстейн как бы разделяет посвящение церкви: *sub nomine martiris et in honore sancte Mariæ virginis*.

Таким образом, очевидно, что новелла о битве вэрингов с язычниками обете основать церковь св. Олава существует в трех редакциях, восходящих к разному времени и отражающих разные события. Она возникла во время Харальда Сурового или вскоре после него, в середине — второй половине XI в.⁴³ В этой, первой редакции она была органично связана с повествованием о деятельности Харальда в Византии и отражала представления об особом покровительстве, оказываемом Олавом Харальду. Основанная на реальном событии — победе византийского войска (и в его составе отряда вэрингов) над болгарами под Солунью, эта новелла, как рассказ о чуде, не претендовала на точный отчет о военных действиях и содержала мало реалий.

В 1152 г. скальд Эйнар, составляя прославляющую Олава поэму, связывает битвы с язычниками с рассказами о печенежской войне, которые были еще свежи в памяти, и насытил легенду деталями, заимствованными из этих рассказов. Для него, как и для Снорри, важнейшим элементом повествования был рассказ о доблести вэрингов, которым оказывает помощь Олав. Поэтому оба они подробно описывают саму битву и сохраняют мотив чуда, однако опускают почти все, что касается построения церкви св. Олава, оставляя лишь краткое упоминание о ней.

Третья редакция новеллы, в 1170 г. включенной архиепископом Эйстейном в *Passio*, была составлена в чисто церковных целях: для прославления св. Олава и как рассказ об основании церкви в его честь. Поэтому Эйстейн выдвигает на первый план все, что касается церкви, а также дополняет повествование о ней. Он преобразует воинский рассказ, в котором присутствует мотив чуда, в агиографическое повествование об основании церкви в честь святого, т.е. в "храмовое" предание.

Во всех трех редакциях новеллы речь идет о воздвижении церкви св. Олава, и только Эйстейн (а вслед за ним Acta и *Homliebók*) добавляют упоминание о церкви Девы Марии — и это единственное в древнескандинавских памятниках упоминание о ней. Церковь же св. Олава называется и в ряде

⁴³ Ко времени Харальда относит возникновение новеллы и О. Сандакер, который интерпретирует название *Pezinavellir* как производное от наименования реки Пиния, притока Вардара: *Sandaaker O. Miraklet på Pezina-vollane // Collegium medievale. 1991. Vol. 4, N. 1. P. 85–97.*

других древнескандинавских источников. Во-первых, речь о ней идет в новелле о находке меча Олава, Хнейтира, у Эйнара и Снорри. Меч Олава был взят на поле боя в Стикластадире одним шведским воином, увезен в Швецию и передавался из поколения в поколение, пока не оказался в Византии у одного из вэрингов. Несколько ночей подряд меч, положенный вэрингом под голову, оказывался поутру вдалеке от него, что привлекало внимание императора. Узнав, что меч принадлежал Олаву, император платит за меч тройную цену и возлагает его на алтарь церкви св. Олава в Константинополе⁴⁴. Такого рода сюжет типичен для "храмовых" преданий как рассказ об обретении храмом реликвии (или мощей) святого патрона.

О церкви же св. Олава говорится в "Саге о Харальде Суровом" (имеется во всех ее редакциях) в эпизоде освобождения Харальда Сурового из заточения женщиной, которую исцелил Олав и послал спасти своего брата. Снорри отмечает: "Когда Харри подходил к темнице, ему явился святой Олав конунг и сказал, что поможет ему. На этом месте на улице впоследствии была построена часовня (*capella*), посвященная Олаву конунгу, и с тех пор эта часовня стоит там (*Haralds saga Hadráða. Cap. XIV // Hskr. S. 204; Круг земной. С. 409*)⁴⁵. Указание авторов саги на наличие часовни св. Олава в их время перекликается с рассказами Эйстейна о дарах, посылаемых из Константинополя в Нидарос. Оба эти сообщения вместе могут, по-моему, рассматриваться как убедительное свидетельство существования церкви (часовни) св. Олава в Константинополе во второй половине XII в. — времени пребывания Эйстейна на кафедре в Нидаросе и позднее. Основание же церкви св. Олава в Константинополе, как представляется, допустимо относить ко времени Харальда Сурового⁴⁶.

Существование в Константинополе церкви варангов-скандинавов, посвященной их местному святому (заметим, что и варанги-англичане имели в XII в. церковь, патроном которой был наряду со св. Николаем и их местный святой — Августин Кентерберийский), отнюдь не исключает того, что варанги-русские могли иметь там же свою собственную, православную церковь — Богородицы, на чем настаивал В.Г. Васильевский.

Действительно, в византийских источниках дважды упоминается церковь (монастырь) Богородицы Варангской: в эпиграфическом памятнике из Константинополя, где названа *Παναγία Βαραγγίτισσα*⁴⁷, и в акте константинопольского Синода от февраля 1361 г., где говорится: "И тогда позади священного престола величайшего и божественнейшего храма Святого Слова Софии расположенный монастырь во чтимое имя непорочнейшей Госпожи и Богородицы и именуемой Варяжской"⁴⁸. Однако ни одно из этих упоминаний не содержит прямых свидетельств ни того, что в обоих случаях речь идет об одной и той же церкви, ни того, что она (они или одна из них) принадлежала

⁴⁴ Ср.: "Кейсар велел потом положить меч над украшенным золотом алтарем" (*Geisl. V. 50*); "En konungr lét sverðit bera í Ólafskirkju, þá er Væringjar halda. Var þat þar síðan yfir altera" — "А меч конунг велел отнести в церковь Олава, которую содержат вэринги. Там он всегда и оставался над алтарем" (*Hskr. S. 275; Круг земной. С. 531*).

⁴⁵ Ср.: "И показалось Харальду, что он видит Олава конунга, своего брата, там, где теперь воздвигнута часовня Олава конунга" (*Flat. IV. S. 75*).

⁴⁶ Об этой возможности см. также: *Ciggar K. Harald Hadrada: his expedition against the Pechenegs // Balkan Studies. 1980. Vol. 21, N. 2. P. 385–401.*

⁴⁷ *Васильевский В.Г. Указ. соч. С. 277.*

⁴⁸ *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vindobonae, 1860. T. I. P. 423; Васильевский В. Г. Указ. соч. С. 397.*

варангам-русским. Лишь косвенным подтверждением того, что вторая была православной, может служить ее подчинение константинопольскому Синоду на что указал В.Г.Васильевский. Конфессиональная же принадлежность первой, а также церкви и монастыря Богоматери Варангов, существовавшей в О. Крите в 1230 г.⁴⁹, неизвестна.

Вкупе с сообщением о церкви варангов-англичан все это указывает на то, что разноэтничные группы византийских варангов имели собственные церкви (часовни и монастыри) в Константинополе и в других местах Византийской империи, где находились их гарнизоны. Одной из таких групп могли быть русские. Однако ничего конкретного об их церкви мы не знаем. Но является ли сообщение Эйстейна о церкви "во имя мученика [Олава] и в честь Святой Девы Марии" слабым отголоском двойного патроната церкви и наличия в церкви Богородицы придела св. Олава (или наоборот)? Во второй половине X — первой половине XI в. основной поток скандинавов в Византию шел через Русь и вбирал в себя и славянских воинов. Не был ли этот этнически смешанный контингент, одновременно приобщавшийся к христианству, создателем древнейшей "варяжской" церкви в Константинополе, в которой в середине XI в. был пристроен придел св. Олава?

Случаи двойного подчинения церквей известны. Так, Десятинная церковь Богородицы в Киеве названа Титмаром Мерзебургским церковью св. Климента по приделу св. Климента⁵⁰. Церковь варангов-англичан была посвящена св. Николаю — общехристианскому святому и св. Августину Кентерберийскому — местному англосаксонскому святому. В больших византийских храмах, как правило, имелось несколько приделов со специальными названиями. В этой ситуации крупный церковный деятель, имевший подробную информацию о константинопольской церкви Эйстейн мог стремиться к максимальному точному наименованию ее — поэтому именно в его сочинении появляется двойное обозначение храма. Далекие от церковных тонкостей авторы саг скальды применяли наиболее естественное для них обозначение церкви — по имени популярного скандинавского святого, для византийских же авторов это была привычная для них церковь Богородицы.

⁴⁹"Ecclesiam et claustrum St. Mariae Varangorum positum in insula Creta" (*Blöndal S. Op.cit. S. 298*).

⁵⁰Thietmar. Chronicon. VII. 74. См.: Сverdlov M.B. Латиноязычные источники по истории Древней Руси. М.: Л., 1989. С. 62, 67, примеч. 50.

⁵¹Шестаков С. [Рец.] // ЖМНП. 1908. № 1. С. 240—241. Рец. на: Шахматов А.А. Корсунская легенда о крещении Владимира.

H. Damico

THE VOYAGE TO BYZANTIUM: THE EVIDENCE OF THE SAGAS

I

In Chapter Two of *Haraldar saga Sigurðarsonar*, *Bólverkr Arnórsson*, is moved by the sight spread out before him as he and King Harald's men sail through the mist and rain toward Constantinople. He chants praise for the city that was to render them gold and glory:¹

Hart kníði svol svartan
snekkju brand fyr landi
skúr, en skrautla þöru
skeiðr brynjaðar reiði.
Mætr hilmir sá malma
Miklagarðs fyr barði.
Mörg skriðu beit at borgar
barmfögr höfum armi.

Cool showers strike against the black prow
of the swift sailing ship.
They pressed forward, hard along the coast,
The magnificently rigged war-ship
Covered with coats of mail.
The worthy prince saw before him
The metal of Byzantium:
His fair-brimmed ships glided
Towards the high tower of the stronghold.

Malma Miklagarðs literally means "the metal of the great stronghold", and it is an apt phrase for Constantinople, with its great towering walls and the golden chain that protected its harbor². The metal that *Bólverk's* refers to in this strophe has a layered meaning. The primary referent, of course, is the copper roofs of the city's houses and the gilded onion towers of its edifices³. But the term has a subtextual referent as well. It suggests the

¹Quotations from and references to *Haraldar saga Sigurðarsonar* rely on the text which appears in: *Heimskringla* / Ed. Bjarni Aðalbjarnarson, Íslenzk Fornrit. Reykjavík, 1941—1951). III. P. 26—28, quotation from p. 71 (hereafter cited as: Hkr). Spellings of personal and place names have been modernized in the text, but retain their original form in quotations. The translations from the Old Icelandic are mine. For a translation of the entire saga, the reader may consult the Magnus Magnusson and Hermann Pálsson transl.: *King Harald's Saga*. Harmondsworth, 1966. For a complete translation of *Heimskringla*, see: *Hollander L.M. Heimskringla*, by Snorri Sturluson. Austin, 1964 (the latest of several renderings). The poetry of *HSS* (on which Snorri Sturluson largely based his narrative) may be found in *Jónsson Finnur. Den norsk-islandske skjaldedigtning*. Copenhagen, 1967—1973. 4 Vols. (hereafter cited as: *Skjaldedigtning*).

²Most translators render *Miklagarðr* as Constantinople or Byzantium. I follow this accepted practice and use the terms synonymously. For a description and map of Constantinople, see: *Blöndal Sigfús. The Varangians of Byzantium* / Trans. from *Væringjasaga* Benedikt S. Benediktz. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. 98 and 178 resp. See also: Hkr III: 85. The *Blöndal-Benediktz* text is the most complete examination in English of the Northmen in Byzantium.

³This is Frank's reading; see: *Frank R. Old Norse Court Poetry: The Dróttkvætt Stanza* // *Islandica*. Ithaca, 42. 1978. S. 155.

eagerness with which King Harald'r and his men anticipate the immense amount of treasure and gold — the metal — that they expect to carry away with them from the city of the golden princess Ellisif) was fulfilled. The saga relates that, in addition to the booty he gained from his campaigns in Sicily and elsewhere in the Mediterranean, he (and the Varangians commanded⁴) participated in three palace-plunders as was the custom after the death of Byzantine emperors⁵. Thus, after his years of service with the Emperors, Haraldr escaped from Constantinople with *svá mikit fé, at engi maðr norðr í lönd hafði sét slíkt í eins manna eigu* — 'so much wealth that no one in the northern lands had seen the like of it in a man's possession' (Hkr III: 89; chap. 16).

Haraldr's journey to Byzantium is typical of other voyages to the East that appear in the family and kings' sagas. There are so many similarities in the voyages, that the narrative sequence itself becomes formulaic. For the major characters, the motivation for the journey is either to attain fame or to seek sanctuary. The journey itself is marked by either a narrative movement in two parts or a prolonged elaborate scene, subdivided into small units that cumulatively are meant to intensify the anticipation of the journey's end and to elevate the status of the hero (as, for example, in the *Sigurðar Saga Jónsalafara* and *Orkneyinga Saga* passages discussed below)⁶. While in the East, the hero gains renown, i. e., the recognition and respect of the Emperor, and fortune, i. e., silk and gold, and returns from the East to the North with the aura of a personality that has been touched by the sublime.

Such is the case with Haraldr. The Prince's journey is accomplished in two stages, each with its own motivation. The first stage of the journey brings the Norwegian fugitive to Yaroslav's court (1031—1034). After the defeat and slaughter of St. Óláfr at Stiklarstað, Harald'r, wounded and destitute, escapes from the battlefield where his brother lies dead. He chants as he seeks a route that would lead him to safety, far from those who have slain the king (Hkr III: 69; chap. 1):

⁴ The term *væringjar* 'varangians' commonly refers to Northmen—Swedes, Norwegians, Icelanders, and Englishmen—who made up a select unit of the Byzantine army during the tenth to twelfth centuries. But this is the narrowest of its meanings since the term was used by Greeks and Russians (as well as by Northerners) in other contexts. For a discussion of the term's etymology and meanings (one of which is 'men who plight each other troth, who enter a fellowship'), see: *Blöndal-Benediktz*. P. 1—14, transl. from p. 4. The *væringjar* were in no sense *vikings* 'Vikings', a term that in its most general meaning refers to the plunderers and warriors who ransacked the Anglo-Saxon, Irish, and Frankish lands between the late eighth and eleventh centuries. The term "Vikings" as used in the title of this essay might be interpreted more precisely as "Northerners".

⁵ For a discussion on Haraldr's pillagings of the palace and his possible misappropriation of funds, see: *Blöndal-Benediktz*. P. 80—86; for a discussion of the Byzantine aversion to promoting foreigners to the top ranks, see: *Dawkins R.M. Greeks and Northmen // Custom Is King: Essays Presented to R. R. Marett / Ed. L.H. Dudley Buxton*, 1936. P. 35—47.

⁶ The story of Sigurðr's journey to Byzantium appears in: *Sigurðar saga Jónsalafara* (*Morkinskinna*); and in: *Magnússona saga* (Hkr III: 238—77). Quotations from and references to Sigurðr's journey are to: *Morkinskinna*. Ed. Finnur Jónsson // SUGNL. Copenhagen, 1928—1932. 53. The source of the Sigurðr story appears in: *Theodoricus. Historia de antiquitate regum Norwagiensium* [a work dating from around 1180] // *Monumenta Historica Norvegiae. Latinske Kildeskrifter til Norges historie i middelalderen* / Ed. G. Storm. Oslo, 1880; *Ágrip af Noregs. Konunga Sögum* [dating around 1190] / Ed. Finnur Jónsson // *Altnordische Saga-Bibliothek*. Halle, 1929. 18. *Finnbogi Guðmundsson*. The text for *Orkneyinga Saga* is that edited by: Íslenzk Fornrit. Reykjavík: Hið íslenzka Fornritafélag, 1965. 34 (hereafter cited as: *Orkney*). For a complete translation of Sigurðr's story, the reader may consult Hollander's rendering of *Magnússona Saga* in *Heimskringla* (see above not. 1), although the *Heimskringla* version is plainer and condensed.

For a study of *Sigurðar saga* as an aesthetically constructed work, see: *Kalinke M.E. Sigurðar saga Jónsalafara: The Fictionalization of Facts in Morkinskinna / Scandinavian Studies*. 1984. 56, 2. P. 152—167. Of the four complete translations of *Orkney*, the reader may care to consult the H. Pálsson and P. Edwards rendering: *Orkneyinga Saga*. Harmondsworth: Penguin Books, 1978; or: Taylor A.B. *The Orkneyinga Saga*. Edinburgh, 1938 which contains notes and background material.

Nú lætk skóg af skógi
skreiðask lítills heiðar.
Hverr veit, nema ek verða
viða frægr of síðir?

I steal from wood to wood now,
I crawl with little honor;
Except— who knows— later
I may become famous in many lands.

After four-years of service with Yaroslav, during which time the fugitive prince makes his mark as a man of determination and acumen, he sets out on the second stage of the journey to Byzantium; and, although the saga does not explicitly describe Haraldr's motivation, the implication is that the prince sought gold and fame in order to win Ellisif. In some of the verses that he composed after his campaign in Sicily, for example, there is a bitter refrain about the aloofness of "the ringed-goddess in Garðar" who will not be impressed by his deeds: *pó lætr Gerðr í Gørðum / gollhrings við mér skolla* 'nevertheless, the goddess of golden rings in Garðar keeps herself aloof from me' (Hkr III: 89; chap. 15).

Haraldr's exploits in Constantinople and throughout the Byzantine empire serve as a blueprint for other Northern adventurers, as will be evident from the discussion below. But the prince's fates of valor were not limited to making secure the reign of Emperor Michael IV from enemy attack; he won glory in defense of the heavenly king as well, by purging the road to Jerusalem of bandits. He secured the passageway to the Jordan for himself and his men, swam the width of the holy stream, and returned triumphant first to Byzantium and then to his native land (Hkr III: 83—4; chap. 12). This will be activity repeated by Sigurðr and Rognvalðr. Six poets, in addition to Haraldr himself, composed panegyrics on the King's eastern campaigns. Snorri describes the King at the close of the saga:

Haraldr konungr var fríðr maðr ok tíguligr,
bleikhárr ok bleikt skegg ok langa kanpa,
nokkuru brúnin qnnur ofar en qnnur, miklar
hendr ok foetr ok vel vaxit hvárt tveggja.
Fimm alna er hátt mál hans. Hann var grimmr
óvinum ok refsingasamr um allar mótgørðir...
Haraldr konungr var inn ágjarnasti til
ríkis ok til allra farsælligra eigna. Hann var
störgjöfull við vini sína, þá er honum líkaði
vel við ... Haraldr konungr flýði aldri
ór orrostu Allir menn sögðu þat, þeir
er honum fylgðu forrostu ok hernaði, at þá er
hann varð staddr ímíklum háska ok bar skjótt
at höndum, at þat ráð mundi hann upp taka, sem
allir sá eftir, at vænst hafði fverit, at
hlýða myndi (Hkr III: 198—200; chap. 99).

Haraldr the king was a handsome man, quite
grand, fair haired, with a full fair beard and
long mustache, and one eyebrow somewhat
higher than the other. His hands and feet were
large, and both well-shaped. He was five elles
in height. He was severe to his foes and
punished all offenses harshly... King
Haraldr was most ambitious for power and for
all prosperous possessions. He was munificent
to his friends, those who pleased him....
King Haraldr never fled from battle ...All
the men said, those who followed him in battle
or on a raid, that when he was in great peril
and suddenly overcome, he would decide on a
plan of action which later everyone realized
had been most promising, and would succeed.

Clever, disciplined, relentless in winning plunder for himself and his men, and ever ready to display his superiority as a Northern prince over the easterners, Haraldr remains the prototype Varangian in saga literature⁷.

The Icelandic saga corpus is divided into three or — depending on one's taxonomical bent — four types⁸. The kings' sagas, the group to which *Haraldr Saga Sigurðarsonar*

⁷ King Haraldr's exploits are treated in other medieval Icelandic texts (in: *Morkinskinna*, *Fagskinna*, and in *Flateyjarbók*). The King is mentioned in: *Theodoricus. Historia de antiquitate regum Norwagiensium*; *Adam of Bremen. Gesta Hammaburgensis Ecclesie Pontificum* (ca. 1072). Written evidence on Haraldr's Byzantine enterprises may be found in Danish, Norwegian, Old and Middle English, and Medieval Greek sources. See, the Blöndal-Benedikz discussion on Haraldr's campaigns and on the evidence of the sources (chap. 4, 54—102).

⁸ A useful and, indeed, the only comprehensive critical discussion and guide to the saga corpus in English is found in *Old Norse-Icelandic Literature: A Critical Guide* / Ed. C.J. Clover and J. Lindow // *Islandica*. Cornell, 1985. XLV. See, in particular, the chapters by Andersson T.M. Kings' Sagas (Konungasögur). P. 197—238;

belongs, have been arranged by Theodore Andersson into four historical periods: "earliest lost kings' lives by Sæmundr and Ari from the early twelfth century, the so-called Norwegian synoptics (ca. 1175—1190?), the formative period of the Icelandic kings' sagas proper (1150—1200) [*Orkneyinga Saga* (1189) belongs to this group], and the medieval compendia (*Morkinskinna*, *Fagrskinna*, *Heimskringla*) from 1200—1230⁹. The sagas from the two latter periods — that is, from the late twelfth and early thirteenth centuries — contain material on Byzantium.

The kings' sagas are works with heroes who are pan-Scandinavian—Norwegian, Orkneyan, Faroese, Swedish. On occasion, an Icelander creeps into the plot, but only a subordinate, usually a minor, character. The *Íslendingasögur* 'the sagas of the Icelanders', on the other hand, deal exclusively with matters Icelandic, and, although they are compositions of the late thirteenth and fourteenth centuries, they treat events that too place between the ninth and twelfth. Both the kings' sagas and the family sagas (as the *Íslendingasögur* sometimes are called) have a historical foundation for their plots. In contrast, the *riddarasögur* 'the sagas of knights and courtly matters', sometimes called *lygisögur* 'lying sagas', are fictional works. Composed in the thirteenth and fourteenth centuries, they are somewhat fondly or — depending on one's point of view — pejoratively known, in Frederic Amory's words, as "the escape literature of the Icelandic middle ages". The *riddarasögur* are derivative works: they are either thirteenth-century Norwegian translations of Old French (and some Latin) romances or fourteenth-century indigenous Icelandic imitations of these translations¹¹. An interest in Byzantium is found in all the saga-groups.

The *riddarasögur*, in addition, contain some narrative details that resemble motifs of medieval Greek romances, although Amory cautions against attributing direct influence. In Amory's view, these motifs were introduced into the *riddarasögur* through French romance. After the fourth crusade, France became the literary "clearing house" for "romantic and exotic stuff" in Byzantine, Norwegian, and Icelandic romance¹³.

The concerns of this paper are not taxonomical — should the *riddarasögur* and *fornaldarsögur* be one classification or two, for example — nor do they pertain to source

study. The objective is of a plainer sort: to examine why the Northerners of the sagas made the voyage to Byzantium. In its widest scope, this is not a new question, as a perusal of the bibliographies dealing with the subject quickly reveal. Blöndal and Ellis Davidson, for example, touch upon the topic in their comprehensive surveys of the Northmen's expansion into Russia and the East¹⁴, as have literary scholars — Leach, Schlauch, and Amory, for instance — in their inquiries into the correspondences between Byzantine and Old Icelandic romances¹⁵. That interest in the question — of why the Northerners expanded to the East — has not waned, but is on the increase is substantiated by O. Pritsak's 1981 edition of all Nordic and Anglo-Saxon literary works (excluding the sagas) that deal with the Nordic movement to Russia and the East¹⁶. One of Pritsak's purposes in collecting and analyzing the excerpted skaldic poetry, runic inscriptions, and travelogues — to give but a sampling of the different genres the edition contains — is to promote the thesis that Old Norse and Anglo-Saxon literature is adequate source material for historical study.

This paper cautions against taking such a stance. There is potential danger of using saga literature as hard evidence to prove true a historical thesis, for the "evidence" of literature is of a different order from what brought forth by my colleagues in history, archaeology, and numismatics. The source for literary testimony is the human imagination as manifested in a type of literature that is characterized by a highly traditional, and singularly complex, formalized structure. There is not only a recurring plot from one saga to another — the macrostructure as it is called by Clover — but there is repetition in microstructures as well, as will be evident from discussion which follows¹⁷. Formalized structures occur both in the fictional works and in those sagas that are anchored in history, i. e., the family and kings' sagas. It is with this qualification in mind — that saga literature fondly elaborates upon and reshapes reality — that the "evidence" should be considered.

Instead of using the sagas as hard evidence to validate historical hypotheses, then, we might fare better to investigate the texts as a source for interpreting and understanding common cultural experience, in this instance the medieval Icelander's communal experience of migration¹⁸. To illustrate this point, I will examine a narrow literary topos in the saga which I call the voyage to Byzantium topos. There are about nineteen sagas that contain the matter of Byzantium. Although, I will be referring to most of these, I will be concentrating on only four sagas — *King Harald's Saga*, *Laxdoela Saga*, *Sigurdar saga Jórsalafara*, and *Orkneyinga Saga* — and the exodus portion of the *Prose Edda*. I am interested in discovering not only why the Northerners moved to the East, but what significant meaning the journey might have had in the cultural consciousness. The sagas reveal that the Northerners voyaged to the East for a variety of reasons: for the warrior, to gain fame and fortune; for the pilgrim, to attain salvation and a state of penitence; for the fugitive, to seek sanctuary. But in the construct of the journey to Byzantium topos, the East has symbolic meaning as well. The West represents the beginning and end of a hero's

Clover C.J. Icelandic Family Sagas (*Íslendingasögur*). P. 239—315; Kalinke M. Norse Romance (*Riddarasögur*). P. 316—63. On the generic issues concerning the subdivision of the Romances into *Riddarasögur* and *fornaldarsögur*, see Kalinke M. Norse Romance. esp. P. 320—328. My short survey of saga literature in the text is largely based on these chapters.

⁹ Andersson Th.M. Op. cit. // Old Norse-Icelandic Literature. P. 198.

¹⁰ Although other scholars have made use of this descriptive term, the phrase comes from: Amory F. Things Greek and the *Riddarasögur* // *Speculum*. 1984. 59. P. 509—523, quotation from 509.

¹¹ Amory Fr. Op. cit. P. 509; Kalinke in: Old Norse-Icelandic Literature. P. 317. Kalinke tallies about 50 extant bona-fide medieval *riddarasögur*, excluding the *strengleikar* 'the lays', *Karlamagnús Saga*, and later *þættir* (316—317, 316, nr. 3).

¹² Amory Fr. (509, 514—516) categorizes the common Byzantine features in the medieval Greek and Icelandic romances, some of which are: physical settings in Byzantium; elaborate descriptions of the city, of its edifices and statuary; weddings and musical extravaganzas; the maiden-king character (exemplified by Marmoria, the Byzantine princess of *Partalopa Saga*); and authorial intrusion as a means of authenticating the narrative, as, for example, in the closure of *Konráðs saga Keisararsonar* where the author confides in the reader that the saga reached him via the good graces of a clerk who stumbled onto it in Constantinople (see transl. Zitzelsberger O. // Seminar for Germanic Philology: Yearbook [1980]. S. 38—67).

The standard critical works on the romances in English are: Leach H. *Goddard*. Angevin Britain and Scandinavia // *Harvard Studies in Comparative Literature* (Cambridge: Harvard University Press, 1921. 6) (where the relationships between Byzantine and Icelandic romance were first noted); Schlauch M. *Romance in Iceland*. Princeton: Princeton University Press; N. Y.: American Scandinavian Foundation, 1934 (which elaborates on Leach's observations and suggests Byzantine sources for the *riddarasögur*). Schlauch's thesis, now over fifty-years' old, is rigorously refuted by Fr. Amory in his 1984 *Speculum* article.

¹³ Amory Fr. Op. cit. P. 514.

¹⁴ For Blöndal, see note 2 above; Davidson H.R.E. *The Viking Road to Byzantium*. L. 1976.

¹⁵ For bibliogr. information, see notes 11 and 13.

¹⁶ Pritsak Omeljan. *The Origin of Rus'*. Old Scandinavian Sources Other Than the Sagas. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, for the Harvard Ukrainian Institute Monograph Series, 1981. Vol. I.

¹⁷ Clover (Old Norse-Icelandic Literature. P. 274, 275) uses these terms in her summary discussion of: Andersson Th.M. *The Icelandic Family Saga: An Analytical Reading*. Cambridge: Harvard University Press, 1967; which she rightly describes as the "first systematic piece of saga analysis in the formalist-traditionist mode" (p. 274). Clover discusses formalist and structuralist studies on the family sagas from the mid-1960's to the present (272—294). See also: Clover C.J. *The Medieval Saga*. Ithaca: Cornell University Press, 1982; Eadem. *Scene in Saga Composition* // *Arkiv för nordisk filologi* 89 (1974). P. 57—83.

¹⁸ For an examination of migration as a determinant of cultural identity in Anglo-Saxon England, see: Howe N. *Migration and Mythmaking in Anglo-Saxon England*. New Haven; L.: Yale University Press, 1989.

voyage. The journey East is for the hero a regressive movement — to the past, to that which was ancestral, to a lost paradise.

III

A major motivation which impelled the peripatetic Northerners to attempt the voyage the East was that at journey's end they would be in Byzantium. "Whatever was rich, strange, whatever was fantastic, opulent and colorful, found a fitting home in Byzantium of the Icelander's imagination"¹⁹. Schlauch's statement is an apt description of the hold the city had on the imagination of the Northerner struck with *wanderlust*. At the beginning of *Dámusta Saga*, a "bridalquest" romance and one of the *riddarasögur* whose setting is the East, there is an elaborate description of Constantinople which reflects Icelander's perception of the city²⁰. The emperor of this tale — whose plot contains a thwarted demonic lover, a repentant knight, and a princess resurrected from the dead — resides in a stronghold within which there is the great minster, called Aegisif, the Icelander's name for Hagia Sophia. The narrator describes city walls that rise to such heights that birds might pass over them, and talks about the iron pillars that stand guard at the entrance to the sound. The imperial palace is august; and the narrow strait through which ships enter into the sound is spanned by iron chains that serve to make the city impregnable²¹. It is a landscape artist's paradise.

Descriptions of the imperial palace are no less impressive. Accounts of the Palace of Hugon at Constantinople frequently decorate the *riddarasögur*. In her 1932 *Speculum* article, and later in *Romance in Iceland*, Margaret Schlauch illustrated how the authors of the *riddarasögur* popularized and adapted the Hugon set-piece from the French chanson geste, the *Pèlerinage de Charlemagne*, where it first appeared²². In one form or another, the Hugon set-piece is found in the *Karlamagnús saga ok kappá hans*, in the *þáttir af Sögu Keisara Magnúsar Karls*, and in *Raudulfs þáttir* (in *Flateyjarbók*), where Charlemagne is replaced with St. Óláfr²³. In the scenic description there was always a circular center hall with a vaulted roof, illuminated by a fiery luminous carbuncle suspended from the center of the roof, and adorned with images of two smiling youths, each holding an ivory horn, who apparently acted as weathervanes. There were representations of planets on the roof, and the center of the hall was a luxurious bed, adorned with every imaginable precious gem. Opulence, luxury, and the marvelous characterized Constantinople, whether the descriptions came from firsthand accounts of visitors, travel books, or French romances.

But it is not only the *riddarasögur* that present the East as the place from where all that is marvelous and luxurious derives. The kings' sagas, too, contain descriptions of architectural marvels that astound the visitor to Byzantium. In *Morkinskinna*, which

contains an extended narrative on Sigurdr's voyage to Byzantium, the narrator describes the hippodrome that Sigurdr is to visit as a special guest of Alexius:

þat segja þeir menn er verit hafa í Miklagarði.
at þaðreimr se þa leið gör. at vegr har er
settr vm ein voll at iafna til viðs tvns
cringlotz. oc gradvr vmhverfiz með
steinvegnum. oc sitia menn þar. en leicr er
avellinom. ero þar scrifot margsconar forn
tíþindi. Esir oc Volsvngar. oc vi Givkvngar.
gort af copar oc malmi. með sva miclom
hagleic. at þat þiccir qvict vera... syniz
sem menn rípi í lopti. oc við er oc scotelldr
hafþr. oc svmt af fornescio. þar vi ero hoþf
allzconar songföri. psalterium oc organ.
horpor. gigior oc fiþlor. oc allz konar
strengleicr (*Morkinskinna*. Chap. 47).

They say (those that have been to Miklagarðr) that the hippodrome is made in this fashion: that a high wall is set around a plain, something like a circular wooden enclosure, and set about with a stone wall, on which men sit. The games are held in the plain. Sculpted on the wall are many kinds of events of ages past, about the Æsirs, the Volsungs, and the Gjukungs. Made of copper and other metal, these figures are so skillfully crafted that they seem to be alive... and they seem at times to be riding in the air... There is also shooting fire... all kinds of musical instruments, psalters and an organ, harps, fiddles and all kinds of stringed instruments²⁵.

The magnificence of the city reflected in its pageantry, its technological marvels, and its life-like, gilded statuary must have seemed to the Northerners like an earthly paradise.

The East is treated as a paradise by Snorri Sturluson. In the Prologue to the *Prose Edda*, Snorri identifies the East as the seat of the old gods, and it is paradisiacal²⁶. Near the center of the earth is Troy, in which were built the *hús ok herbergi, er ágætast hefir verit* 'most excellent of edifices and lodgings' (PE. Chap. 1). He describes the city as one that *var miklu meiri görr en aðrir ok með meira hagleik... með kostnaði ok föngum, er þar váru til* 'was more gloriously constructed than any other, and fashioned with more skill of handicraft... both in entertainment and in expense, which was there much of' (PE. Chap. 3). Both the *Prose Edda* and the opening chapters of *Ynglingasaga*, the first saga of *Heimskringla*, identify the East as the home of Óðinn. It is from the East that Óðinn must go into forced exile. Snorri relates that Óðinn, along with his wife Frigg, began

ferð sína af Tyrklandi ok hafði með sér mikinn
fjölda liðs, unga menn ok gamla, karla ok
konur, ok höfðu með sér marga gersemliga
hluti. En hvar sem þeir fóru yfir lönd, þá var
ágæti mikitt frá þeim sagt, svá at þeir þóttu
líkari goðum en mönnum (PE. Chap. 4).

...their journey out of Tyrkland and had with them a great band of people, young and old, men and women, and they carried with them much goods of great price. And wherever they went throughout the land, many glorious tales were told about them, so that they were thought to be more like gods than men.

This attribution of human origins for the Nordic gods is fourth-century Greek euhemerism in the thirteenth-century Iceland. Later in *Ynglingasaga* (chap. 12), the search for the god of poetry was undertaken by a certain Sveigdir (curiously, one of the names of Óðinn) who sets out for Tyrkland 'the land of the Turks' to seek out Óðinn and the home of the gods. Apparently, other Northerners had had the same intention, for during his five-year visit in the East, Sveigdir meets many kinsmen searching for Óðinn.

The East appears as the seat of Óðinn and a place of veneration in Danish literature as well. Saxo, translating Ásgarðr as Byzantium, relates a tale of the Northern kings' sending to Óðinn a ring-bedecked, golden statue, which he caused to speak when a mortal touched

¹⁹ Schlauch M. *Romance in Iceland*. P. 67.

²⁰ The classification is Kalinke's (Op. cit. P. 329); but see also her discussion of more precise classifications for the *riddarasögur* (P. 326—332). Þjalar Jóns Saga [and] Dámusta Saga / Ed. L. F. Tan-Havarhorst. Haarlem 1939, S. 48—108.

²¹ EllisDavidson (Op. cit. P. 274—275) speculates that the source of such descriptions may be guide books for pilgrims to the holy city.

²² Schlauch M. The Palace of Hugon of Constantinople // *Speculum*. 1932. 7; *Eadem*. *Romance in Iceland*. P. 157—161.

²³ Schlauch M. *Romance in Iceland*. P. 158—159. See also: *Karlamagnús saga ok kappá hans* / Ed. Bjarn Vilhjálmsson. Reykjavík, 1950. (Íslendingasagnautgáfan, Haukadalsútgáfan, 1954). For a translation of *Karlamagnús Saga* see: *Karlamagnús Saga: The Saga of Charlemagne and His Heroes*. 3 Vols. / trans. C.B. Hieatt. Toronto: Pontifical Institute of Medieval Studies, 1975—1980.

²⁴ For a comparative examination of the Old Icelandic, Old French, and Medieval Greek versions, see: Schlauch M. *Romance in Iceland*. P. 160—164; *Eadem*. The Palace of Hugon. P. 500 et. passim.

²⁵ On the symbolic significance of the games, see: Davidson E. Op. cit. P. 197—200. Ellis Davidson surmises that the sculpted figures were probably mythological and classical heroes which the Northerners mistook for their own.

²⁶ Edda Snorra Sturlusonar / Ed Finnur Jónsson. Reykjavík: Sigurður Kristjánsson, 1907 (hereafter cited as: PE). For a complete translation of Snorri's work see: *The Prose Edda*, by Snorri Sturluson / Transl. Arthur Gilchrist Brodeur. 1923; N. Y.: American-Scandinavian Foundation, 1916).

it²⁷. Unfortunately, Frigga, greedy for the gold, and wanting to surpass the statue in being stripped the image, stole the bracelets, and then had lover shatter the idol. Saxo's Frigga's action as one cause for Óðinn's wanderings, although Óðinn's exile from Byzantium was caused by the god's own infamous actions (Bk. III. 98). For Snorri and Saxo Óðinn was the old god (even though Saxo treats him with disapprobation), the pagan who was ousted from the East and made to travel to seek a new home in the North. Óðinn's journey to the North — through Gardariki, Saxland, and Denmark — is a duplicate of the routes traveled by the peripatetic Northerners during the tenth and twelfth centuries.

Óðinn's journey out of Turkland to the West has biblical moorings. It is a reflex of expulsion from Paradise and of the forty-year wanderings of the Israelites before they reached the promised land. In the cultural contexts of the medieval Icander, Óðinn's expulsion from Turkland to the West is a paradigm of the central communal experience undertaken by those who would later be called the Icelandic migrating tribes. Expelled from Norway, they were destined to wander across the wilderness of the North Sea, to the West, to Iceland.

Snorri's and Saxo's euhemeristic representations of the Nordic pantheon harmonize with the Christian myth of the East. In the sagas — of the kings', family, and courtly variety — Constantinople with all its marvels and allurements is not the terminal point for the pilgrim anxious to pay homage to the Lord. The end of the pilgrim's journey is Jerusalem. Constantinople is the final port of call for the warrior-adventurer. The city functions as a place for the peripatetic Northerners where they can satisfy their lust for wealth and glory, serve in the imperial guard, and return home laden with gold from the Emperor's coffers, as *þjóðum gylðis góma* 'we redden the wolf's palate', as Rognvaldr put it as he traveled from the Aegean to Byzantium (Orkney. Chap. 88). A desire for wealth and glory is by far the most prevalent motivation for the journey to the East. But there were other motivations. The pilgrimages to the holy land and to Byzantium by King Eiríkr, Sigurdr, Rognvaldr, and countless others were undertaken to pay homage to the Christian God. In the closing episode of *þorvalds þáttur ens Viðförla*, the hero, at the height of his renown, decides to journey to Jerusalem²⁸. *Kristni Saga* and *Stefnis þáttur þorgilssonar* inform us that Þorvaldr was not alone on the journey, but was accompanied by the poet, Stefnir of Kjarlarness. Þorvaldr travelled throughout the Grecian realm, and finally arrived in Miklagard where the Emperor received him with honor (ca. 990). Þorvaldr was a type of evangelist for his time; he preached the faith, and he was duly honored by the bishops of Greece and Syria. His renown was no less in Gardariki, where, on a mission from the Emperor and with ecclesiastical authority over the princes of Russia, he spread the Gospel (*þorvalds þáttur*, Chap. 9). Byzantium, then, because it was Byzantium — the seat of all that was marvelous and divine in pagan and Christian belief — provided sufficient reason for an adventuresome Northerner to make the voyage to the East.

IV

In *Laxdoela Saga*, a migration and conversion saga, the journey to Byzantium is motivated by the desire to meet one's promised destiny in another land. Supposedly the first Icander to make the journey to join the Varangian guard and return home victorious was

²⁷ Saxo Grammaticus. The First Nine Books of the Danish History of Saxo Grammaticus / Trans. O. Elton (Norroena Society; rpt. Nendeln/Liechtnstein: Kraus Reprint, 1967) lx, lxi; Bk. I. 30—31.

²⁸ *Þorvalds þáttur viðförla* Íslendingasagnaútgáfan, 1946. Vol. 7. Chap. 9 and epilogue (459—63) (the series is hereafter cited as: *Íslendinga Sögur*).

²⁹ *Kristni saga // Íslendinga Sögur*. Vol. 1. Chap. 12 (273—274); see also: *Stefnis þáttur þorgilssonar // Íslendinga Sögur*. Vol. 12. Chaps. 1—2 (3 05—3 08).

Bolli Bollason, the proud and open-handed son of Guðrún Osvífisdóttir in *Laxdoela Saga*³⁰. Bolli's journey to the East — like King Harald's described above — was in two stages. The first took him to Norway where he spent some time with St. Óláfr, and the second, through Denmark to Miklagard where he entered the service of the Byzantine emperor, and — the sags reports:

þótti inn hraustasti maðr í öllum mannraunum
ok gekk jafnan næst inum fremstum. þótti
Væringjum mikils vert um Bolli, meðan hann var
í Miklagarði (LS. Chap. 73).

He was thought the most valiant man in every
peril and fought always in the front-line.
Bolli was thought to be of great worth by the
Varangians while he was in Miklagard.

Bolli's motivation for crossing the European continent was not *wanderlust* or, for that matter, the desire for gold, although he took it when it happened to come his way. Rather, the impetus came from his desire for renown: at the outset of his journey, he confided to his father-in-law, Snorri the priest: *þykkir maðr við þat fáviss verða, ef hann kannar ekki viðara en hér Íslandæ* 'A man [he said] is thought to become foolish if he doesn't explore the wider world beyond this land of Iceland' (chap. 72). His reason for leaving St. Óláfr's court was similar, if more intense: *ek hafða þat ætlat... at eigi skyldi at spyrja til mín í öðru húsi* 'I had that in mind [he said] that not only people from just next door would be curious to ask about my affairs' (Chap. 73). Bolli was successful in achieving his objective.

Upon his return to Iceland, Bolli received the epithet of *Bolli inn prúði* 'Bolli the proud', for he had developed a taste for the "ornate" and *hann vildi engi klæði bera nema skarlatksklæði ok pellsklæði, ok öll vápn hafði hann gullbúin* 'he would not wear any clothes except those made of gold-lined costly silk and scarlet cloth, and all the weapons he owned were inlaid with gold' (Chap. 77). The sagaman describes his courtly progress from the ship to his home, and the description brings the opulence of Byzantium to the stark, rocky island in the north:

Bolli ríör frá skipi við tólfta menn... í
skarlatksklæðum ... ríðu í gyltum söðlum;
allir váru þeir listuligir menn, en þó bar
Bolli af. Hann var í pellsklæðum, er
Garðskonungr hafði gefit honum; hann hafði
yzta skarlatkskápu rauða; hann var gyrör
Fótbit, ok váru at honum hjölt gullbúin ok
meðalkaflinn gulli vafiör; hann hafði gyltan
hjálma á höfði ok rauðan skjöld á hlið, ok á
dreginn riddari með gulli. Hann hafði glaðel
í hendi, sem tíft er í útlöndum, ok hvar sem
þeir tóku gistingar, þá gáðu konur engis
annars en horfa á Bolla ok skart hans ok þeira
féлага (LS. Chap. 77).

Bolli rode from the ship with a dozen
companions ... in a scarlet outfit ...
[They] rode on gilded saddles. They were all
handsome men, but Bolli outshone them. He wore
an outfit of gold-lined costly silk which the
King of Byzantium had given him. As an outer
garment, he wore a costly scarlet cape. He was
girt with Leg-Biter, its hilt bound with gold
and the haft gold-embossed. He wore a gilded
helmet on his head and a red shield at his
side on which was drawn a knight in gold. He
carried a sword in his hand, as is usual in
foreign lands. And wherever they took lodgings
for the night, the women heeded to none other
but to turn and behold Bolli and his finery,
and his comrades.

The adulation of Bolli and his men is akin to the adoration that one might render to Óðinn on his journey West, or to a statue of a pagan god.

In the narrative structure of *Laxdoela Saga*, this scene is one of several on the motif of "the parading of the hero and his troops" and occurs twice before. The first episode describes Óláfr Pá (the hero of the first third of the saga) and his seamen in battle-array anchored off the shore of Ireland (LS. Chap. 21). The second describes the progress of

³⁰ *Laxdoela saga* / Ed. Einar Ól. Sveinsson, Íslensk Fornrit, 5 (Reykjavík: Hið Íslenska Fornritafélag, 1934). The date of the voyage is uncertain.

Kjartan (the real hero of the saga) and his men from Hjararðholt to Laugar (LS. Chap. 10). The descriptive language of these episodes is almost identical, with changes occurring in the type of weapon the hero carries in his hand — a barbed spear (Óláfr); a spear with inlaid gold-socket (Kjartan); and a sword for Bolli. There is a difference also in the image embossed on their shields (a lion for Óláfr, the Holy Cross for Kjartan, and — calling to mind the image of a crusader — a knight drawn in gold for Bolli) and in the clothes they wear. It is only Bolli who wears the precious gold-embroidered silk of Byzantium. The scene is meant to elevate the status of Bolli, first, by associating him with Kjartan and, second, illustrating that he has earned that comparison because of the renown he won in Byzantium. Bolli is described as possessing the "two most desired material objects" that a traveler might bring back from Byzantium: money and silk. And if the Emperor himself had given the precious cloth to him as a gift, then it was obviously not silk of an inferior kind — of the commercial variety that other travelers might smuggle out of the holy city³¹. The fact that they were gifts from the Emperor establishes Bolli as a hero comparable to King Haraldr, with whom he served in the Varangian guard; and perhaps as a person who can surpass even Kjartan in renown.

Because of the formulaic handling of Bolli's return, the initial response of the reader is to doubt the historicity of the event itself. The expedition — the hero's voyage out and return — appears several times before this scene, with the two instances cited above: Óláfr's and Kjartan's journeys to foreign lands — having an identical structure. The author of *Laxdoela Saga* handles the passage of Bolli in Byzantium with very broad strokes. Unlike the Byzantine episodes in other sagas, Bolli is not presented in conversation with the Emperor; neither does the author inform the reader in what capacity Bolli served the Emperor nor of his status in the Varangian guard. In addition, there is some uncertainty about the dates of Bolli's trip to Byzantium. If it took place before Snorri's death and before Bolli's marriage to Þórdís (as per *Eyrbyggja Saga* and *Laxdoela Saga*), then the voyage occurred sometime around 1026 or 1027. If, however, one accepts the evidence of *Sneglu-Halla þáttur* (chap. 10), which states that Bolli was one of King Haraldr's Varangians (1035—1044), then the voyage to Byzantium would have taken place after Snorri's death (1031). But despite these uncertainties, Bolli did make a voyage to the East, for as Blöndal argues, there is much external corroborative evidence to support the historicity of Bolli's journey: Haraldr's comments in *Sneglu-Halla þáttur* are one piece of evidence, and the simultaneous service of two of his kinsmen, Úlfr Óspaksson and Halldor Snorrason, in the Varangian guard is another³². In any event, Bolli hardly could have been the first Icelandic man to serve in the Imperial guard or to return from the golden city with treasure and fame. As the author of *Laxdoela Saga* states (chap. 77).

What is reflected in the treatment of the Byzantine topos in *Laxdoela Saga* is the rhetorical embellishment of a historical event, an appropriate story-telling device for saga literature. What the significance of the journey sequence, what its symbolic meaning might be is another matter. As noted above, in the narrative structure of *Laxdoela Saga*, Bolli's journey to Byzantium and back is the culmination of two other major journey sequences: the journey of Óláfr Pá (East to Norway, to Ireland, and East to Norway again) and the journey of Kjartan (East to Norway). In each of the sequences, the East represents

magnificence, prestige, power, and wealth. The hero sets out to the East to find his destined identity — Óláfr discovers he is the grandson of a King; Kjartan, a Christian missionary; and Bolli, a man of renown. On the return to Iceland, each assumes his proper status in society. In this regard, the heroes' journeys exemplify their participation in the communal activity of their forefathers who, through the act of migration from Norway to Iceland, were able to found a nation. As cultural heroes, Óláfr Pá, Kjartan, and Bolli are compelled to experience the condition of exile. Bolli's journey to and from Byzantium encompasses all the past journeys made by his people — Unnr, Ketill and all his ancestors — and exemplifies the psychic condition of the Icelanders as a migrating tribe.

(Окончание следует)

³¹ Davidson E. Op. cit. P. 94, 106, 282. See also: Dodwell C.R. Anglo-Saxon Art: A New Perspective. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1982. P. 149—69, 178—79, 181—84. Dodwell notes the use of Byzantine silk by Anglo-Saxon ecclesiastics in the context of the political and ecclesiastical relationships between Byzantium and Anglo-Saxon England.

³² Davidson E. Op. cit. P. 231; Blöndal-Benediktz (Op. cit. P. 205—209) discuss the chronological inconsistencies as presented in the saga and argue for the historical reliability of the passage: *Sneglu-Halla þáttur* // *Íslendinga Sögur*. Vol. 8.

В.А. Арутюнова-Фиданян

ОБРАЗ ВИЗАНТИИ В АРМЯНСКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XI–XII вв. (Акоб Санаинци, Маттеос Урхаеци)¹

Маттеос Урхаеци (Матфей Эдесский) жил в Эдессе во второй половине XI в. и умер между 1138 и 1144 гг. Его труд состоит из трех частей. Первая часть охватывает события с 952 по 1051 гг., вторая — с 1051 по 1101 гг., третья — с 1101 по 1136/1137 гг., т.е. интересующий нас период времени описан в первой и второй частях его работы, и если для последних лет 2-й и для 3-й части Урхаеци был очевидцем, то для 1-й и большей части 2-й он пользовался какими-то источниками².

Маттеос Урхаеци пишет, что историю событий 951–1051 гг. он изложил на основании "много раньше родившихся очевидцев и свидетелей и читая труды старых историков, бывших очевидцами всех происшествий" (с. 172). До недавнего времени было неясно, какого (или каких) историков он имеет в виду, так как он не использовал ни один из известных нам источников этого периода (Шапух Багратуни, Иоанн Драсханакертци, Асолик, Аристакес Ластивертци). В 1971 г. появилась статья Л. С. Хачикяна, в которой он рассмотрел небольшие фрагменты сочинения "Из хронографии священника Акоба". Хачикян отождествил Акоба с вардапетом Акобом Санаинци и предположил, что именно этот труд являлся главным первоисточником для первой и ряда событий второй части "Хронографии"³. Акоб Санаинци умер в 1085 г. в Эдессе. Соответственно *terminus ante quem* по его работы — 1085 г., т.е. он современник Аристакеса Ластивертци. Акоб Санаинци был крупным ученым, богословом, связанным с известными политическими и церковными деятелями эпохи. Он был близок к католику Диоскору и мог пользоваться архивом Багратидов-католиков. Возможно (и даже вероятно), что не только этот труд лег в основу первой части "Хронографии", но в дальнейшем я буду (чисто условно) пользоваться именем Акоба для обозначения источника (или источников) Маттеоса Урхаеци. Эти источники полностью сочувствуют ромеям, отнимающим у арабов малоазийские территории. Военачальники и императоры удо-

стаиваются восторженных похвал, например, некий паракманос, захвативший Самосату (с. 2). Никифор Фока — "муж добрый, святой и боголюбивый, исполненный всяческих добродетелей и справедливости, победоносный и храбрый во всех сражениях, милостивый ко всем верующим во Христа, попечительный к вдовам и пленным, заступник сирот и бездомных. Он собрал огромное множество воинов и, переправившись через ширь Океана, напал на татчиков, рыча, подобно льву в жестокой битве⁴. Он напал на страну киликийцев и одержал великую победу над прославленным городом Тарсом. Продвинувшись, [он], захватил Адану и Мсис, знаменитую Анаварзу и подверг племя татчиков великой и страшной резне и гнал их до самых ворот города Антиохии. И возвратился царь Никифор с великой победой и бесчисленными пленными, пришел с огромной добычей, вступил в царственную столицу Константинополь. А сыновей Романа Василия и Константина он держал при себе во дворце с великим уважением и славой" (с. 5).

В этом описании сразу жестораживает дихотомия фактов и характеристики, хотя оба эти компонента вполне позитивны и конституируют парадигму⁵. Факты рисуют победоносного императора, а характеристика, поставленная к тому же на первый план, — "мужа святого и добродетельного". Впрочем, хронист далее приводит и факты, обнаруживающие "святость" Никифора: он носил под порфирой власяницу, перед смертью читал "божественные книги", да и сама его смерть — это смерть мученика. Традиция византийской историографии, изображающая Никифора жертвой заговора царицы Феофано, прослеживается и в армянском источнике, так же как и активная роль Цимисхия в убийстве царя (с. 6)⁶. В результате "нечестивый Цимисхий стал владеть Константинополем и подчинил своей власти все пределы страны ромеев". Однако сразу же после столь недвусмысленного обвинения Акоб начинает оправдывать Иоанна: душа его была объята "великой скорбью" после убийства Никифора, он отправил сыновей Романа Василия и Константина к "княгине Спрамик", матери великого Мхитара в Васакаван гавара Анзит, дабы царица не дала им зелье смертоносное, чтобы убить" (с. 7). Автор как будто не знает трех вещей: имени царицы, того, что она — мать Василия и Константина, которой не было резона убивать собственных сыновей, и, наконец, того, что не Василий и Константин, а сама Феофано была изгнана⁷.

Иоанн Цимисхий после поражения Млеха под Амидой выступил в поход против арабов через армянские земли, где его встретили все армянские владетели, собравшиеся вокруг Ашота Багратуни, с которым Цимисхий заключил "мир и любовь" (с. 18). Акоб Санаинци подчеркивает армянское происхождение Цимисхия (с. 19), восхваляет его полководческий талант, подробно описывает блестящий рейд в Киликию и Палестину⁸, союзнические отноше-

⁴ Имеется в виду, очевидно, сражение за Крит.

⁵ Маттеос. С. 2. Доброе отношение Никифора Фоки (а позже Иоанна Цимисхия) к детям Романа II — традиция, общая для византийских и армянских источников в отличие от второстепенных арабских и западных версий о существовании злого умысла Никифора по отношению к пасынкам (Иванов С. А. Полемическая направленность "Истории" Льва Диакона // ВВ. 1982. Т. 43. С. 75–76).

⁶ Scylitz. P. 279–281.

⁷ Ibid. P. 285, 35–41.

⁸ Судя по письму, Цимисхий неукоснительно следовал имперскому, освященному церковью праву, проявляя милосердие к покорившимся и жестоко карая "дерзнувших пойти войной" (с. 25).

¹ Продолжение: Ч. IV. Начало см.: (ч. I — ВВ. 1991. Т. 52. С. 113–126; ч. II — ИФЖ. 1991. № 1. С. 42–56; ч. III — ВВ. 1994. Т. 55. (80), ч. I. С. 146–151).

² Маттеос Урхаеци. Хронография. Вагаршапат, 1898 (на древнеарм. яз.). (Далее: Маттеос. Страницы в тексте указаны по этому изданию).

³ Хачикян Л. С. Акоб Санаинци — хронист XI в. // Вестн. Ереван. ун-та. 1971. № 1. С. 22–48 (на арм. яз.).

"свято и целомудренно прожил жизнь" (с. 55) и заслужил добрую па-
И это — второе оценочное обрамление образа Василия у Акоба Санаинци.

Подбор событий, заполнивших царствование Василия II, разная о-
одних и тех же фактов, наличие или отсутствие авторской характерис-
создают определенную эволюцию образа Василия II в армянской исто-
графии.

Анализируя сочинения армянских историков, можно отметить по ме-
мере три уровня в его оценке: во-первых, Василий II — законно прав-
в Константинополе император (отсюда осуждение мятежей против не-
сюзерен армянских царств и княжеств, почти лишенный, однако, инди-
альности (у Асолика); во-вторых, у Аристакеса (при сохранении вышеуп-
нутых моментов) появляются раскрывающиеся во внешних коллизиях
рактерологические черты деятельного, сурового, а иногда немилостив-
жестокоего императора, близкие к оценке византийских источников; в-т-
их, у Акоба Санаинци наконец сглаживаются негативные черты в харак-
императора, и его решительно сближают с армянским миром, армян-
культурой и даже конфессией.

Все эти наблюдения не столько помогают уточнению реального об-
Василия II, сколько демонстрируют формирование образа византий-
императора периода движения империи на Восток. Образ его резко кон-
тирует с последующими византийскими василевсами, описание кото-
также сближено с оценками византийских источников.

Царь Роман III Аргир Акоба Санаинци совершенно соответствует его
ражению у Михаила Пселла¹¹. Он "нерешителен и слаб, крайне злонравен,
добавляет Акоб, враждебен православной (т.е. монофиситской) вере. Уме-
"из-за коварного заговора своей же царицы" (с. 64). Михаилу IV
приписывает поражение в Болгарии (с. 78) (на самом деле восстание П-
Деляна, о котором, вероятно, говорит Акоб, было подавлено при лич-
участии Михаила).

История воцарения и свержения Михаила у Калафата конспек-
передает сведения византийских и армянских источников, не внося ни-
нового, кроме того, что сильнее акцентируется противостояние Мих-
Константинопольского патриарха (с. 89—90).

Император Константин Мономах слаб и коварен. Он "коварством и к-
вами отнял царство армянское у рода Багратидов" и поэтому "просну-
ниспосланный богом гнев", напали турки-сельджуки, понявшие, "что
страна армян под властью ромеев заброшена и беззащитна, ибо ромеи хра-
и могущественных мужей из армян разбили и изгнали с Востока и стара-
удержать страну армян и все государство восточное с помощью военач-
ников-скопцов" (с. 102).

Отсутствие личного мужества у Константина Мономаха, позорно стру-
шего во время мятежа Торника (с. 101—102), корреспондирует с отсутст-
мужества и у его военачальников. Узы и печенег напали на "окраину цар-
ромеев", а царь "в ужасе не осмелился выйти на бой с ними" (с. 109). Мо-
мах — дурной правитель, слушающий клеветников (с. 110). Все эти качес-
в особенности трусость, формируют антипод идеального правителя. В "Х-

нографии" Акоба главной добродетелью, конституирующей парадигму прави-
теля, является личная храбрость.

Рассказ о торжественной коронации Гагика I, оцениваемой почему-то как
"восстановление престола царского в стране нашей армянской"¹³, — панеги-
рик доблести царя. "И еще более радовались из-за храбрости Гагика, ибо он
был муж могущественный и воинственный. И в тот день был смотр войскам
его, ста тысячам отборных воинов, мужей, прославленных в боевых сражени-
ях и храбрых удальцов, ибо подобно детенышам льва или подобно птенцам
орла ждали они сражения" (с. 4). Отрывок достаточно красноречив по пере-
насыщенности эпитетами, характеризующими мужество и военные таланты
Гагика и его воинов.

У Гагика было два сына, и симпатии Акоба Санаинци целиком на стороне
младшего из наследников, так как старший Иоанн-Смбат был хотя и "мудр и
очень проникателен", но в то же время "неповоротлив, нерешителен и трус-
лив в бою" (с. 7—8). Ашот же, во-первых, "мужествен, храбр и могуч, непобе-
дим и победоносен в бою", а во-вторых — щедр и богобоязнен (с. 8)¹⁴. Акоб
Санаинци прославляет не только полководческие таланты Ашота, но и его
личную храбрость, доблесть могучего воина, который в схватке с абхазским
князем рассек "его окованное железом тело до самой груди" (с. 9). Патриарх
Петрос и армянские князья посадили на престол Ширакского царства Ашота,
оставив Иоанну Смбату только Ани, который также должен был отойти Ашоту
после смерти старшего брата (с. 10). Однако Ашот умер раньше Иоанна-Смбата
и похоронен был в Ани, куда живым не вступал, "ибо очень боялся Иоанн
Ашота, мужа храброго и сильного" (с. 79). Историк прямо связывает гибель
Ашота с моральным упадком армянского войска¹⁵.

В парадигме идеального царя Акоб ставит на первое место мужество, силу,
военные таланты и щедрость и только затем богобоязненность. Даже такие
традиционные добродетели как мудрость и проникательность ском-
прометированы тем, что введены в характеристику "неповоротливого и трус-
ливого" Иоанна-Смбата. Симптоматично, что армянский царь мог быть иде-
альным царем-воином только в том случае, если у него было царство.

Впервые в "Хронографии" Акоба Санаинци мы сталкиваемся с резко
различными (без перехода) характеристиками армянских царей в зависимо-
сти от территориального и социального их положения по отношению
к армяно-византийской контактной зоне. Царь "по эту сторону", т. е. живу-
щий на своей земле, наследственный владетель своего удела — это
аристократ и воин. Царь, находящийся в "земле ромеев", не переставая быть
аристократом, перестает быть воином, во всяком случае, перестает быть
полководцем и нуждается скорее в библейских добродетелях, в том числе и
в смирении.

¹³ Единственное объяснение заключается, по-видимому, в том, что Гагик приравнивается к вос-
становителю армянской государственности Ашоту I Багратуни.

¹⁴ Он принес в дар монастырю св. Знамения Христа 30 тыс. дахеканов арабским золотом (там
же. С. 8).

¹⁵ "И случилось так, что после смерти Ашота войска армянские оробели и возненавидели военное
искусство, подпали под ярмо подданства племени ромеев, принялись пьянствовать,
возлюбили барбют (струнный музыкальный инструмент) и песни гусанов; отошли от едино-
мыслия меж собой и не спешили на помощь друг другу. Они предавались скорби по стране,
преданной мечу, оплакивали конец друг друга и продавали царству греков друг друга на
погибель; и стали они разорителями соплеменников своих и перешли на сторону против-
ников" (с. 79).

¹¹ Михаил Пселл. Хронография / Пер., ст. и примеч. Я. Н. Любарского. М., 1978. С. 22—33.

¹² Любарский Я. Н. Михаил Пселл. Личность и творчество: К истории византийского пред-
низма. М., 1978. С. 222—223.

Атом Арцруни, например, был "исполнен добродетелей и справедливо отличался целомудренным образом жизни... был полон смирения и милосерд к страждущим, попечителен к нищим и очень любим духовенством, строитель церквей и умножитель монастырей" (с. 65). А когда по лживому навету некоего "ишхана из азатов Сенекерима" (т. е. кого-то из вассалов отца) Атом и Абусахл были обвинены в измене, и царь Михаил послал в столицу своего аюла с войском, то сыновья Сенекерима не отозвались на призыв Шапуха решить дело сражением, а отправились в Константинополь перед этим "заплатив большую дань военачальнику", а достигнув Константинополя, сумели поладить с Михаилом миром (с. 83—84).

Гагик II, вступивший на престол 18 лет от роду, был "крайне благочестив, боголюбив и непобедим в сонме мудрецов" (с. 86). В 1045 г. Гагик заманил в Константинополь, а его аюлы прислали ключи от Ани Константину XI Мономаху с сообщением: "Город Ани и весь Восток стали твоими" (с. 95). Мономах отправил войско в Ани, чтобы "вместо могущественного храбреца Гагика поставить стражем страны армянской евнуха" (с. 96).

Резкое различие в наборе добродетелей, конституирующих образ и у Аюба Санаинци, — это прежде всего яркое свидетельство существования армяно-византийской контактной зоны, отличающейся по статусу и от собственно армянских, и от собственно византийских земель, но в то же время это свидетельство начала разрушения этой контактной зоны (в силу того, что переселившиеся в глубь империи армянские цари перестают быть "могущественными храбрецами", утрачивая власть, а их уделами начинают управлять люди, не способные к войне).

Аюб Санаинци (как и Аристакес Ластивертци) демонстрирует не только знание византийских реалий, но и осведомленность в византийской общественно-политической мысли в разных ее аспектах, в частности он постоянно осуждает мятежи, однако, делает исключение для Георгия Маниака, так как "он был исполин и храбр в бою" (с. 93), и для Торника — "могучего и воинственного", который собрал войско со всей восточной страны и осадил Константинополь. Здесь стремление к "безмятежности", видимо, отступает перед одобрением личных качеств претендентов на престол, явно стоящих выше трусливого и неспособного Мономаха. "Патриарх, вся знать и царь" дали ложные клятвы короновать Торника после смерти Мономаха, привезли его в Константинополь, но через несколько дней отпустили от своих клятв, "как это принято у племени ромеев с помощью клятв губить великих мира сего", и ослепили Торника (с. 101—102).

Ромеи впервые осуждаются как представители не только государства, этноса и конфессии. Аюб Санаинци называет их "коварным племенем еретиков" (с. 98), и заявляет в рассказе о сражении ромеев и арабов у Эдессы (1035 г.), что ромеи принесли больше вреда христианам" (с. 66), чем арабы.

* * *

А "Хронография" Маттеоса Урхаеци, которую он писал самостоятельно, полна слов очевидцев, "отцов наших" и по своим собственным впечатлениям в первые десятилетия XII в. (с. 112—113), с самого начала уравнивает ромеев с "нечестивыми турками" по степени бед, которые они принесли армянскому народу (с. 113) (следует рассказ о насильственных обращениях в халкид-

донитское вероисповедание¹⁶, о сожжении сирийского евангелия греческим епископом Антиохии и тут же о возмездии — о землетрясении, которое поглотило епископа, греческие церкви и вообще большую часть Антиохии (1053 г.) (с. 114—117).

Междоусобицы претендентов на византийский престол приносят неисчислимые беды христианам (с. 125). Однако, сражаясь между собой, византийцы совершенно не в состоянии противостоять нашествиям извне. Если Аристакес отмечает, что гарнизон ромейской крепости сразился с сельджуками отрядом, разграбившим Мелитину, то у Маттеоса ромеи даже не посмели вступить в битву с сельджуками, которых позже разгромил храбрый Торник Мамиконян (с. 131). Вслед за рассказом о героическом поведении Торника Маттеос нагнетает ужасы: зверства турок, красный снег, голод, смерть и как логическое завершение обличает причину этих несчастий — вероломное племя ромеев, "которые разрушили стену крепости дома армянского и оставили его открытым для оружия персов [турок-сельджуков]" (с. 136).

"Многие гавары не были готовы [к обороне]", — пишет Маттеос Урхаеци (с. 138), ромейские командиры из-за зависти друг к другу не могли действовать совместно, а значит и успешно, против турок-сельджуков. Так, дука Эдессы Даватанос погиб у Амиды из-за коварства Франкопола (1063 г.) (с. 142—144); Бехт, дука Антиохии, выступил против турок, а помощник ("проксимос") дуки Эдессы Пигонита по его приказу предупредил неприятеля о приближении антиохийских отрядов (1066—1067 гг.) (с. 157—158). В падении Ани (1064 г.) виновны нечестивые ромейские князья (хотя они вовсе не ромеи) (с. 148)¹⁷. Даже если ромейские отряды вступают в сражение с сельджуками, то чаще всего терпят поражение (например, сражение у Кесарии в 1067 г., где потерпел поражение Арвандан, дука Эдессы, — с. 186—188, ср. также о поражении у Севастии, — с. 192). Идеальным правителем Маттеоса Урхаеци следует считать Гагика II Багратуни, законного наследника армянских царей (с. 161), который пользуется огромным авторитетом среди армянских владетелей. Он отважен, Маттеос сравнивает его с орлом (с. 162), "силен в философии и непобедим в ответах" (с. 161). Во всяком случае он достаточно образован, чтобы собственноручно изложить символ армянской веры (с. 163—178) и защитить его в ученом диспуте в святой Софии (с. 161, 179).

И даже решение Гагика обратиться к султану, чтобы вернуть престол, не вызывает осуждения Маттеоса Урхаеци (с. 180). Рядом с Гагиком нельзя поставить ни одного ромейского императора. В этой части лишь два василевса удостоиваются положительных характеристик: Мелиссин, который никогда не сидел на византийском троне — "муж добрый и именитый, созидаящий мир и украшенный разной славой" (с. 123), и Феодора — "целомудренная, добродетельная, милосердная к вдовам и пленным". Она освободила заключенных из столичных тюрем и в их числе армянских ишханов, сыновей Абея (с. 122).

Маттеос рассказывает о гибели Васака Пахлавуни, дуки Антиохии (с. 213), ширакского князя Епихта (Бехта) (с. 214—215), наконец, Гагика II Анийского (с. 219—220) от руки "коварных ромеев". Он с ненавистью пишет об армянах, принявших ромейское вероисповедание (например, о Филарете Варажнуни, —

¹⁶ А в "Хронографии" Аюба Санаинци почти нет антихалкидонитских выпадов.

¹⁷ В противоположность этому суждению, Аристакес Ластивертци винит в падении Ани не византийских наместников, но самих горожан, навлекших на себя гибель малодушием и распрями (с. 135).

с. 206—210). Нет никакой необходимости приводить здесь все высказывания Маттеоса о ромеях. Если в трудах Аристархаса Ластивертци и Акогоба Санаи существует определенная сложность содержания образа Византии и акцентировки, обязывающая к детальному исследованию, то Маттеос Урхаец говорит о ромеях не иначе как в форме обличений и проклятий (например, с. 135—136). Его взгляды в более будничном изложении сводятся к утверждению, что Византия, захватив Восток и в том числе армянские земли, удалила из страны армянское войско, вместо храбрых армянских нов и полководцев поставила трусливых и неспособных, в результате Армения, и все восточные владения империи оказались беззащитными перед сельджуками, захватившими постепенно все эти территории¹⁸.

Третья часть "Хронографии", события которой выходят за рамки рассматриваемого здесь периода, также отмечена резким осуждением ромеев, впрочем, сельджуков и франков. Такая же тенденция прослеживается у продолжателя Маттеоса Григория Монаха, доведшего повествование до 1162/1163 гг. Он считает ромеев главными врагами армян (осуждает и катаносцев, захвативших владения армянских князей). Сведения об интересующих нас событиях в "Хронике" Самвела Анеци, современника Григория Монаха, взяты из вторых рук, очень скупы и отрывочны и не дают возможности выявить отношение автора к событиям¹⁹. Смбат Спарамет, историк XII в., описал в своей "Летописи" события с 951 по 1286 гг. Основной его источник для событий с 951 по 1156 гг. — "Хронография" Маттеоса Урхаеца, и он почти дословно повторяет уничтожающие суждения своего источника о ромеях и об их восточной политике²⁰.

"Образ Византии" в армянской средневековой историографии X—XII вв. явился результатом реальных исторических контактов Армении и Византии, а также итогом взаимодействия армянской общественно-политической мысли с византийскими идеологическими стереотипами. Эволюция образа Византии связана с генезисом и функционированием контактной зоны, а его негативная модификация, перешедшая в новую и новейшую армянскую историографию, связана с ее крушением.

¹⁸ Нельзя сказать, что в "Хронографии", где безоговорочно осуждается восточная политика Византии, нет ни единого доброго слова о ромеях вообще, см., например, похвалы Феодосии, освободившей сыновей Абея (с. 122), Михаилу VII — за благочестие (с. 212), Алексею Комнени (с. 217), армянам-халкидонитам на византийской службе Апокапам (с. 216), однако, подобных высказываний ничтожно.

¹⁹ Самвел Анеци. История. Валаршапат, 1893. С. 100—114 (на древнеарм. яз.).

²⁰ Смбат Спарамет. Хронография. Венеция, 1963 (на древнеарм. яз.).

В.П. Степаненко

ТОРОС II РУБЕНИД И ВИЗАНТИЙСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ РАВНИННОЙ КИЛИКИИ. 1158—1160 гг.

Известно, что Равнинная Киликия стала объектом борьбы Византии и Антиохийского княжества, позже — последнего и княжества Рубенидов Горной Киликии уже с 1097 г. Византийская администрация появилась здесь с 1101 г. и с перерывами существовала до 1108 г., после чего район надолго вошел в состав Антиохийского княжества¹. Лишь Иоанн II Комнин смог не только отвоевать Равнинную Киликию у последнего, но и захватить территорию княжества Рубенидов в 1137 г. В дальнейшем вплоть до 1183 г. Византия достаточно прочно удерживала лишь районы Тарса, Аданы и Мамистры, дважды переходившие под контроль Тороса II и Млеха Рубенидов в 1152—1156 и 1173—1175 гг.²

Византийская администрация Равнинной Киликии исследована Ф. Шаландоном³. Сравнительно недавно список стратиггов Киликии был дополнен А. Бозояном, полагающим, что "после военной экспедиции Мануила Комнина Торос II не только стал вассалом Византийской империи и получил титул протосеаста, но и взял на себя обязанности правителя византийской провинции Киликии". Одним из аргументов в пользу своего постулата автор считает то, что "для этого отрезка времени на территории Киликии имена византийских правителей не упоминаются"⁴. На наш взгляд, в византийских источниках содержатся косвенные данные, дающие возможность несколько по-иному рассмотреть как структуру византийской администрации Равнинной Киликии, так и статус в ней Тороса II. К тому же имена византийских правителей не упоминаются в Киликии и в ряде других периодов, когда существование здесь имперской администрации несомненно.

¹ См.: Степаненко В.П., Шорохов А.В. К хронологии византийско-антиохийской борьбы за Равнинную Киликию. 1098—1108 гг. // Развитие феодализма в Центральной и Юго-Восточной Европе. Свердловск, 1983. С. 139—147.

² См.: Степаненко В.П. Киликийский вопрос в международных отношениях в 50—70-х годах XII в. // ВВ. 1991. Т. 52. С. 127—135. Утверждение о том, что в 1170 г. в Киликию вторгся не Млах, а безымянный вассал Нур ад-дина, нам не принадлежит (см. с. 131) и появилось ошибочно. Речь должна идти о вторжении ранее изгнанного из Киликии Млеха.

³ Chalandon F. Les Comnènes: Études sur l'Empire Byzantin au XI et XII siècles. Jean II Comnène (1118—1143) et Manuel I-er Comnène (1143—1180). P., 1912. P. 526, N. 2.

⁴ См.: Бозоян А. А. Восточная политика Византии и Киликийская Армения в 30—70-е годы XII в. Ереван, 1988. С. 263.

Напомним события, предшествующие возвращению Горной Киликии в власть Византии⁵. После 1137 г. империя недолго удерживала данный район, часть которого в 1138 г. захватил Малик Мухаммед Данышменд. Около 1140 возродилось княжество Рубенидов. При косвенной поддержке князя Антиохии Раймунда де Пуатье Торос овладел Аназарбой, а затем и всей Горной Киликией. В дальнейшем князь предпринял отвоевание у Византии и Равнинной Киликии, решающий этап которого пришелся на 1152—1158 гг.

Попытки Византии использовать против Тороса султана Рума Масуд нового князя Антиохии Райнальда Шатильона были безуспешны. Султан смог принудить князя вернуть императору отвоеванные территории. Князь же Антиохии, преуспев в возвращении спорных крепостей Амана, видимо, Баграса-Гастина и Дарбессака, вскоре вступил в союзные отношения с Торосом, увенчавшиеся совместным набегом на византийский о. Кипр, подвергшийся тотальному разграблению. Все это стало поводом для киликийского похода Мануила Комнина. Осенью 1158 г. византийская армия вступила на территорию Равнинной Киликии и без боя овладела оставленным Торосом II Тарсом, Аданой и Мамистрой. Сам князь увел армию и вывез казну в Горную Киликию и закрепился там, перекрыв ущелья⁶. Расположившись лагерем у Мамистры, Мануил принудил Райнальда Шатильона лично явиться к нему с повинной. Признавший себя вассалом императора князь был пропущен, после чего при посредничестве Райнальда, короля Иерусалима Бодуэна I и тамплиеров Торос II также получил прощение, возможно, пройдя церемонию, подобную той, которую претерпел князь Антиохии⁷. Но как бы ни было, византийские и латинские хронисты единодушно обвиняют Мануила Комнина в том, что он не воспользовался плодами победы и не отнял у Тороса II Горную Киликию. Так, Гийом Тирский считает, что "Мануил хотел захватить его (Тороса. — В. С.) крепости, которые были в горах, но не смог этого сделать⁸. Хониат пишет, что император "не стал по примеру Иоанна II сражаться за обладание всей Арменией. Те же крепости, которые тот покорил силой, он не потребовал и не отнял у владетеля армян"⁹. Киннам сообщает, что Торос "был причислен к ромейским подданным"¹⁰. Таким образом, Торос признал сюзеренитет Мануила, получил византийский сан и сохранил даже крепости, которые он "покорил силой". С этим можно сопоставить сведения Михаила Сирийца, который пишет: "В год 1470 Мануил захватил Табана Аназарбу и другие места. Он оставался там зиму. Король Иерусалима, князь патриарх Антиохии... заключили с ним соглашение. Они примирили его с Торосом, которого они к нему привели. И он сделал его полководцем во главе греческих городов побережья"¹¹.

Таким образом создается впечатление, что Торос получил какие-то военные функции в воссозданной византийской администрации Равнинной Киликии, признав сюзеренитет императора и получив сан. Однако из тек-

Михаила Сирийца отнюдь не следует, что князь стал византийским стратиготом. В 1160 г. Мануил начал военные действия против султана Рума Килич Арслана II, вследствие чего к вассальным владетелям востока и запада были направлены послы с требованиями выполнения ими своих обязанностей перед василевсом — выставить на помощь ему определенное количество войск. Так, Мануил "послал Иоанна Кондостефана в Палестину, чтобы переговорить с королем Бодуэном и привести оттуда войска, которые Бодуэн обещал ему в помощь в случае нужды, и, кроме того, собрать наемное войско"¹². Ранее, принося Мануилу вассальную присягу при Мамистре, Райнальд Шатильон обязался выставить императору определенное количество войск¹³. О том, что это были именно обязательства, связанные с его новым статусом, свидетельствует и последующее развитие событий. Когда антиохийцы узнали об обязательстве князя, они обратились к спешившему на свидание с императором королю Иерусалима с просьбой ходатайствовать перед Мануилом о снижении численности войск, "которыми обязались помогать самодержцу". Показателен ответ Мануила, согласившегося сократить число воинов: "И малое войско есть свидетельство покорности"¹⁴. Кстати, споры о том, признал ли Бодуэн III сюзеренитет Мануила, (это отрицается большинством западноевропейских исследователей истории крестовых походов¹⁵), вряд ли состоятельны уже потому, что и король при Мамистре принял на себя обязательства поставлять императору все то же определенное количество войск, что может быть связано лишь с его вассальным статусом. Вопрос заключается лишь в конкретном определении последнего, так как статусы вассальных владетелей были достаточно индивидуальны. Ранее, признавая сюзеренитет Мануила, жупан Сербии также обязался являться к нему на помощь с войсками. Поэтому император "послал за далматинским архижупаном и его войском"¹⁶. Справедливости ради следует отметить, что рассматриваемая как союзная держава Венгрия в 1176 г. перед Мириокефалом также прислала Мануилу вспомогательные войска. Киннам упоминает "союзных гуннов и ромейских подданных сербов"¹⁷. Наконец, султан Рума Килич Арслан II, признав сюзеренитет Мануила, также обязался "помогать ромеям и являться для этого со всеми силами, где бы ни была война, на востоке или на западе"¹⁸.

Вассальный статус Тороса II также предполагал его обязательства приходить на помощь императору со своим войском. И действительно, в 1160 г. после отправки Кондостефана в Палестину "такое же приказание, т.е. явиться с войсками, было дано и бывшим тогда игемонами Армении Торосу и Тиграну, киликийцу Хрисафию и так называемым Кокковасилиям, которые также командовали военными силами и уже давно добровольно приняли подданство василевса"¹⁹. Недавно на основании сведений Киннама и Хониата В.А. Арутюнова-Фиданян рассмотрела употребление византийскими хро-

⁵ См.: Степаненко В. А. Византия в международных отношениях на Ближнем Востоке. 1076—1176 гг. Свердловск, 1988. С. 128—129, 146—147.

⁶ Willermi Tyrensis Historia rerum in partibus transmarinis gestarum // RHCoc 1844. Т. 1. Р. 835; Маттэос Урхаеци. Хронография. Вагаршапат, 1898. С. 417 (древнеарм.).

⁷ Маттэос Урхаеци. Указ. соч. С. 419—420.

⁸ Willermi Tyrensis. Op. cit. Р. 859.

⁹ Nicetae Choniatae Historia. Berolini et Novi Eboraci, 1975. Р. 102, 90.

¹⁰ Joannis Cinnami Epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum. Bonnæ, 1836. Р. 186. 11—17.

¹¹ Chronique de Michel le Syrien, patriarche Jacobite d'Antioche (1166—1199) / Ed. et trad. par J.-M. Chabot. 1905. Т. 3. Р. 316.

¹² Cin. 198. 12—199. 6.

¹³ Ibid. 185. 20—186. 4.

¹⁴ Ibid., 186. 4—8.

¹⁵ Chalandon F. Op. cit. Т. 2. Р. 447—449; Vasilev A. A. A History of the Byzantine Empire. Oxford; Madison, Vol. 2. 1952. Р. 80—81; Grousset R. Histoire des croisades et du royaume franc de Jerusalem. P., 1935. Т. 2. Р. 407.

¹⁶ Cin. 199. 13—14.

¹⁷ Ibid. 299. 19.

¹⁸ Ibid. 201. 17—18.

¹⁹ Ibid. 199. 7—12.

нистами терминов "Армения" и "Киликия". И хотя не со всеми выводами исследовательницы можно согласиться (она показывает, что употребление данных понятий не было строгим), ее вывод о том, что они "либо определенным образом накладываются друг на друга или соподчиняются"²⁰, вполне доказателен. Существенно то, что используемые византийскими авторами термины "вся Армения", "нижняя Армения" свидетельствуют о том, что существование и даже противопоставление двух Армений было географическим, а после образования княжества Рубенидов и политической реальности. Понятие "Армения" постепенно прилагается к княжеству Рубенидов Горной Киликии и лишь по мере распространения власти последних на равнинную часть страны вся Киликия стала Арменией. Лишь Тарс, Адана и Мопсуэстия дольше всех оставались под властью Византии, назывались "ромейскими городами". Именно в данном аспекте и показателен вышеприведенный отрывок труда Киннама, где наряду с правителями Армении Торосом и Тиграном названы Киликиец Хрисафий и командовавшие имперскими контингентами в Равнинной Киликии Кокковасилии. Торос — это, несомненно, Торос Рубенид. Можно предположительно определить личность Тиграна, названного также игемоном Армении. Как известно, княжество Рубенидов было единственным армянским княжеством Горной Киликии. Известен и другой, в частности с центром в Пракане, расположенной между Селевкией и Корикосом²¹. Одной из причин похода Мануила Комнина против султана Рамасуда был захват последним Праканы (1146), возвращенной императором в 1147 г.²² Около 1152 г. на стороне византийского стратега Равнинной Киликии Андроника Комнина в битве с Торосом II при Мопсуэстии принимали участие армянские князья, признававшие верховную власть василевса и обязанные оказывать военную помощь его наместнику в Равнинной Киликии. Среди попавших в плен к Торосу или погибших упоминаются тэры: Ламброн, Ошин, Паперона — Смба́т, Бардрзберда — Васил, Праканы — Тигран²³. И хотя тождество Тиграна Киннама и хрониста Григора Эреци не может быть доказано, характерно, что еще в 1198 г. Праканой владел Тигран, возможно, названного выше, учитывая, что в нахарарских семьях внуку традиционными давали имя деда²⁴. Таким образом с 1146 по 1160 гг. Пракана оставалась в орбите византийского влияния. В 1160 г. Тигран назван игемоном Армении наряду с Торосом II²⁵. Он — вассал василевса, коим стал и Торос II после признания сюзеренитета Мануила I в 1158 г. Данный статус, а также византийские саны (в частности, у Тороса), предполагали и то, что их носители брали на себя определенные обязательства перед императором.

Упоминание Тороса и Тиграна как игемонов Армении показывает, что они были именно вассальными владетелями. Но тогда Киликиец Хрисафий, судя по имени — грек, мог быть только византийским стратегом Равнинной

Киликии, ибо Киннам четко различает Армению и Киликию. Тем более, что командовавшие размещенными в Равнинной Киликии имперскими контингентами Кокковасилии — это потомки Васи́ла Тга, приемного сына Васи́ла Го́ха, владетеля крупнейшего из армянских княжеств Приевфратья. Около 1115 г. Васил Тга сватался к дочери Левона I Рубенида, сестре Тороса II, во время пребывания в Киликии он был схвачен братом Левона Торосом I и выдан им графу Эдессы Бодуэну Буржскому. Под пытками князь был вынужден сдать свои крепости графу и через Киликию ушел с армией и вассалами в Константинополь²⁶. Если он успел вступить в брак с дочерью Левона, то Кокковасилии Хониата — это родственники Тороса II. Позже в качестве византийских полководцев они принимали участие в войне с Венгрией²⁷. Следовательно, есть все основания предполагать, что Кокковасилии и Хрисафий имели непосредственное отношение к управлению византийской Равнинной Киликией. В этом случае возникает вопрос о функциях Тороса II и Тиграна, раз уж их статусы были тождественны. Были ли они, а не только Торос, как полагает А. Бозоян, византийскими стратигами Равнинной Киликии? На наш взгляд, на данный вопрос следует ответить отрицательно.

В свое время оживленную дискуссию вызвал статус одного из влиятельных политических деятелей Анийского царства Саркиса Хайказна, названного в его надписи 1033 г. в Хцконце антипатом патрикием, вестом и дукой Востока²⁸. К. Н. Юзбашян полагал, что, так как в ряде армянских источников фе́ма Иверия часто называется Востоком, то Саркис был ее стратигом²⁹. Мы сомневались в правомерности данного вывода, предположив, что речь идет о почетном сане, не связанном с выполнением административных функций, приведя в качестве примера эмира Диар Бакра и Апахуника Мерванида Муммахид ад даула Саида³⁰. В 1001 г., будучи независим от империи, при свидании с Василием II на границе своих владений и Византии в Закавказье эмир был вынужден признать сюзеренитет василевса. Яхъя Антиохийский пишет, что "назначил его император магистром и дукой Востока и оказал ему милости"³¹. Это подтверждает и Асолик, сообщающий: "Прибыл в город Еризун перкертский эмир, которого император почтил подарками, пожаловал ему достоинство магистра"³². В своей итоговой работе по истории византийской администрации в Закавказье К. Н. Юзбашян обошел данный вопрос молчанием, хотя параллель статусов Саркиса и Муммахид ад даула Саида очевидна. Признав эмира стратигом Иверии, придется признать, что и сама фе́ма была создана в 1001 г., а не в 1022/23 гг., как полагает исследователь³³. В этой связи показательна реплика В. А. Арутюновой на нашу статью, хотя признание эмира

²⁶ См.: Маттэос Урхаеци. Указ. соч. С. 337.

²⁷ Сin. 271. 7; 272. 16; См. также: Каждан А. П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. Ереван, 1975. С. 43.

²⁸ См.: Овсепян Г. Атлас армянской палеографии // Шогакат. Вагаршапат, 1913. С. 180–181. № 20. Табл. XI.

²⁹ См.: Юзбашян К. Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX–XI вв. М., 1988. С. 161. 184–185.

³⁰ См.: Степаненко В. П. Дука Востока — стратиг Иверии? // Социальное развитие Византии. АДСВ. Свердловск, 1979. С. 32–37.

³¹ Император Василий Болгаробойца: Извлечения из летописи Яхъя Антиохийского В. Р. Розена. СПб., 1883. С. 41.

³² Всеобщая история Степаноса Таронского, Асолика по прозванию, писателя XI столетия / Пер. с арм. и объяснена Н. Эминым. М., 1864. С. 200.

³³ Юзбашян К. Н. Указ. соч. С. 149.

²⁰ Арутюнова-Фиданян В. А. Соотношение терминов "Киликия" и "Армения" в византийских источниках X–XII вв. // ВЕУ. 1985. 2. С. 44–47.

²¹ Ср.: Арутюнова-Фиданян В. А. Армяне-халкедониты на восточных границах Византийской империи: XI в. Ереван, 1980. С. 173 — Паракар.

²² Сin. 271. 7, 272. 16.

²³ Маттэос Урхаеци. Указ. соч. С. 401; La Chronique attribuée au Connétable Smbat / Ed. par G. Dédéyan. P. 1980. P. 50–51.

²⁴ Ibid. P. 78.

²⁵ Арутюнова-Фиданян В. А. Армяне-халкедониты... С. 173. В примеч. 7 она пишет, что в 1160 г. битве принимали участие армянские военачальники Торос, Тигран и Хрисафий-киликеец. Но битвы не было.

стратигом Иверии и подтвердило бы ее гипотезу о создании фемы в 1000 г. «Ни Василий II, ни его преемники, разумеется, не собирались назначать ширакского аристократа Саркиса или эмира курдов ни наместниками каких-либо византийских фем, ни, тем более, главнокомандующими восточными войсками империи. Однако вряд ли прав В.П. Степаненко, считая звание дукса Востока, дарованное Саркису и эмиру, просто "почетным саном". Византия стремилась завербовать союзников, вознаграждая их за прошлые и будущие заслуги дарованием титулов, связанных с получением денежных выдач. Эмператор Манцикерта, в частности, должен был в случае необходимости действовать совместно с войсками фемы Тарон и Четвертой Армении. Византия рассматривала на военные силы Саркиса и Муммахид ад даула Саида, т. е. звание дуки Востока, не будучи целиком равным доместику схол Востока, но все же включает в себя некий оттенок военной (может быть, вассальной) подчиненности империи и, во всяком случае, предполагает совместные военные действия»³⁴.

Действительно, статус Саркиса Хайказна как регента Ширак-Анийского царства в 20–40-х годах XI в. и эмира Диар Бакра может быть осмыслен только в пределах внутривизантийской иерархии санов и должностей, но в рамках отношений василевса как главы ойкумены с его вассалами, отношений Византии и соседних государств, владельцы которых признавали сюзеренитет василевса и, как следствие, принимали на себя определенные военные обязательства, вытекающие из их нового статуса. На наш взгляд, отношения Тороса II Рубенида с Мануилом Комнином могут быть трактованы лишь как таковые. То есть, будучи вассалом василевса ромеев в рамках византийской системы международных отношений Торос, как впрочем и князь Тигран, был обязан защищать границы империи в Киликии и являться на помощь императору с войсками. Как свидетельствуют источники, армянские владельцы Киликии, в частности, Ошиниды Ламброна и Паперона, делали это и ранее с византийскими войсками, размещенными в Равнинной Киликии после 1158 г. командовали братья Кокковасилии, тогда как Хрисафий был ее стратигом, хотя последнее и гипотетично. Ясно лишь, что политическая и военная структура восточной границы Византии на протяжении ста пятидесяти лет в целом не претерпела существенных изменений, хотя между 1071–1097 гг. после натиска сельджуков и рухнула существовавшая в рамках ойкуменистического сообщества система государств-сателлитов или считавшихся таковыми в Константинополе. Власть Византии на Ближнем Востоке — в Сирии, Месопотамии, Малой Азии, в Закавказье — рухнула настолько быстро, что тенденция формирования новой группы буферных государств на ее восточной границе (владений армянских экс-царей в Малой Азии, Филарета Врахамия в Сирии и Месопотамии, позже — армянских княжеств Киликии и Причерноморья) запаздывала по сравнению с темпами перемещения на запад границ Византии³⁵.

Сохранение ойкуменистической доктрины как основы идеологии внешней политики империи, стремление восстановить утраченный ею после 1071 г. статус мировой державы и в итоге воссоздать ойкуменистическое сообщество во как систему вассальных государств во главе с империей ромеев, все это

предопределило и традиционализм, если не консерватизм, внешней политики Византии. События 1158–1160 гг. явились лишь эпизодом этой политики, направленной на установление или восстановление имперского сюзеренитета над государствами, образовавшимися на территории Ближнего Востока после Манцикерта и распада Султаната Великих Сельджукидов³⁶. Отношения между империей и армянскими княжествами Киликии для данного периода аналогичны отношениям Византии с большой группой государств этого региона, как, например, с государствами крестоносцев³⁷.

³⁴См.: Арутюнова В. А. К вопросу о термине "Восток" в конце X–XI вв. // ВО. М., 1982. С. 127–128.

³⁵См.: Степаненко В. П. Государство Филарета Варажнуни. 1071–1086 // АДСВ. Свердловск, 1976. Вып. 12. С. 86–103.

³⁶См. подробнее: Степаненко В. П. Византия в международных отношениях... С. 140–157.

³⁷И, в частности, с Антиохийским княжеством с 1097 г. (когда его будущий владелец Боэмунд Тарентский появился в Константинополе) вплоть до 80-х годов XII в., когда империя утратила все свои позиции в регионе после Мириокефала.

П.И. Жаворонков

ПОЛОЖЕНИЕ И РОЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ НИКЕЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Широкие миграционные процессы и насильственные перемещения населения византийскими императорами в XI—XII вв. как в Малой Азии, так и на Балканах¹ не исчезли и не уменьшились в XIII в. Напротив, раздробление Византийской империи в результате IV крестового похода и образования на ее территории греческих и латинских политических образований вызвало в начале XIII в. новую волну миграции населения, среди которого значительную часть составлял иноземный элемент. Этот процесс не только не обошел территории Никейской империи, но существенно отразился на характере ее создания, расширения и военных успехов.

Тот мощный натиск кочевнических туркменских племен и сельджуков, который был перманентным на протяжении XII в.², не прекратился и в первой половине XIII в., несмотря на то, что после сражения на Меандре в 1211 г. между Никеей и Иконийским султанатом граница между ними определилась и не менялась в течение половины столетия, отношения оставались мирными, а в отдельные периоды даже дружественными и союзническими³. Миграционный поток особенно усилился после поражения Иконии в битве с монголами при Кесе-даге в 1243 г., что дало возможность предводителям кочевников (беям) освободиться от своих обязанностей перед султанатом по охране границ и приступить к созданию собственных бейликов⁴. Поэтому в районах восточной и особенно юго-восточной границы Никейской империи (в долине Меандра) восточный элемент становится преобладающим. К 60-м годам XIII в.

процесс исламизации и изгнания греков из района Меандра и Сангария вступил в завершающую стадию⁵. Многие сельджуки и туркоманы (особенно в 50-е годы) переходили на службу Никеи, получая земли и пастбища в обмен на стратиотские и акритские обязанности по охране границы и комплектованию войска⁶. Часть из них во главе со своими полководцами служила наемниками в никейской армии⁷. Значительное число сельджуков поселилось и на Балканах вместе с нашедшим убежище в Никее султаном Кай-Каусом⁸. Сельджуки и тукроманы, поселенные в качестве стратиотов и акритов вдоль восточной границы империи, а в конце 50-х — начале 60-х годов и на Балканах, составляли существенный элемент никейских войск, особенно с конца 50-х годов. Их участие в сражениях зафиксировано в источниках (Пах. С. 121. 7—8 и др.).

В империи появляются и первые турки-османы в качестве наемников, а затем и приближенных императора. Одним из таких был Никифор Римпса, крещеный турок, который командовал отрядом в битве при Пелагонии (1259 г.)⁹. Эти турки прибыли вместе с Михаилом Палеологом из Иконии, где он находился в 1256—1257 гг., опасаясь преследования со стороны императора Феодора II Ласкариса (1254—1258) (Акроп. С. 134. 7—19; 134. 18—136, 7; Пах. С. 43.6 — 45.12).

Постоянной восточной этнической группой в Византии были армяне, игравшие значительную роль в военной и гражданской администрации при Комнинах¹⁰. В Никее их численность сократилась, а значение и вес упали. В восточных районах империи существовали по крайней мере две колонии армян. Наиболее значительной была колония в долине Скамандра, около Авидоса (ок. 20 тыс.). Армяне, вероятно, были поселены сюда Иоанном II Комнином из восточных районов империи. Они помогали будущему латинскому императору Генриху взять Авидос, когда он осенью 1204 г. вторгся в Малую Азию, и даже защищали город от греков¹¹. Но боясь мести за свое предательство, большая часть армян вместе с Генрихом покинула этот район в начале 1205 г. и переправилась во Фракию. Почти все они были перебиты или пленены ромеями¹².

⁵ Charanis P. Composition... P. 7; Zengines E. Oй "ἐτερόδοχοι" Τουρκομάνοι τῆς Μικρᾶς Ἀσίας // Βαλκανικά Σύμμεκτα. 1989. 3. Σ. 18—22.

⁶ Georges Pachymères. Relations historiques / Ed. par A. Failler. P., 1984. Vol. I. (Далее: Пах.). P. 185. 12—187. 10; Мутафчиев П. Войнишки земи и войници в Византии през XIII—XIV вв. // СБАН. Кн. XXVII. Клон ист.-филол. и философ.-обществен. С., 1923. С. 33—37; Werner E. Akritai and Ghazi // Studia bizantina. Halle. 1966. S. 27—48; Ferjancić D. Quelques significations du mot stratiote dans les chartes de Basse Byzance // ЗРВИ. 1982. Т. 21. P. 95—96.

⁷ Прибывших в империю сельджукских полководцев Али-Бегадур и Огурла в 1259—1260 гг. Михаил Палеолог использовал в дальнейших войнах на Балканах. См.: Пах. С. 185. 12—16; Duda H. W. Die Seltshukengeschichte des Ibn Bibi. Kopenhagen, 1959. S. 284.

⁸ Мутафчиев П. Мнимото преселение на селджушки турци в Добруджа през XIII в. // Он же. Избрани произведения. С., 1973. Т. 2. С. 607—646; Wittek P. Les Gaguzes. Les gens de Kaukas // Rocznik Orientalistyczny. 1951/53. 17. P. 12—24; Zachariadou E. A. Oй χριστιανοί ἀπόγονοι τοῦ ἱζζεδὶν Καϊκάου Β' στὴν Βάρροια // Μακεδονικά. 1964/65. Т. 6. Σ. 62—72; Λακράζας Γ. Η ἔθνογένεση τῶν Γκαγκαούζηδων (Τούρκων) τῆς Βουλγαρίας // Ιχνηετής. 1990. 60—61. Σ. 49—55.

⁹ Georgii Acropolitae Opera/Rec. A. Heisenberg. Lipsiae, 1903. Vol. 1. (Далее: Акроп.). P. 170. 24—171. 1.

¹⁰ Charanis P. The Armenians in the Byzantine Empire // BS. 1961. Т. 22. P. 239.

¹¹ Nicetae Choniatae Historia / Rec. I. A. van Dieten. B.; N.-Y., 1975. P. 602. 87—88; Geoffroi de Ville-Hardouin. Conquête de Constantinople. P., 1874. N 310.

¹² Geoffroi de Ville-Hardouin. Op. cit. N 380, 385; Charanis P. The Armenians... P. 237; Idem. On the Ethnic Composition of Byzantine Asia Minor in the Thirteenth Century // Προσφορά εἰς Στίλωνα Π. Κυριακίδην. Θεσσαλονίκη, 1953. P. 144.

¹ Бартикан Р. М. Миграция армян в XI веке: причины и последствия // XVe Congrès International d'Etudes byzantines: Rapports et co-rapports. Athènes, P. 1976. P. 3—22; Charanis P. Composition and Movement of the Population in the Byzantine World, 1071—1261. A Supplementary report // Ibid. 1976. P. 3—11; Idem. Transfer of Populations as policy in the Byzantine Empire // Comparative Structure in Society and History. 1961. III. 2. P. 148—154; Vryonis Sp. Patterns of Population Movement in Byzantine Asia Minor 1071—1261 // XVe Congrès International d'Etudes byzantines: Rapports et co-rapports. Athènes, 1976. P. 3—19.

² Vryonis Sp. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century. L., 1971. P. 258—285; Idem. Patterns of Population... P. 7—18.

³ См.: Жаворонков П. И. Никейская империя и Восток: (взаимоотношения с Иконийским султанатом, татаро-монголами и Киликийской Арменией в 40—50-е гг. XIII в.) // ВВ. 1978. Вып. 39. С. 93—99.

⁴ Cahen Cl. Notes pour l'histoire des Turcomans d'Asie Mineure au XIIIe siècle // Journal asiatique. 1951. Т. 239. F. 3. P. 335—340; Idem. Pre-Ottoman Turkey: A General Survey of the Material and Spiritual Culture and History (1071—1330). N.-Y., 1968. P. 275—280.; Жуков К. А. Эрейские эмираты в XIV—XV вв. М., 1988. С. 5; Belke K., Mersich N. Phrygien und Pisidien (TIB. Bd. 7). Wien, 1990. S. 120—124.

Другая колония армян в Малой Азии находилась в районе Смирны, вблизи деревни Панаретос (ММ. IV. Р. 79) и восходила, возможно, к армянскому поселению X в. около Приены¹³. Кроме того, на балканской территории Никейской империи существовало несколько компактных поселений армян, куда они либо сами прибыли для торговли, либо были перемещены туда ранее византийскими властями. Армяне жили в Фессалонике и вокруг нее, а также возле Филиппополя и в Македонии¹⁴. Здесь, на реке Вардар, жили так называемые вардариоты, вероятно, эллинизированные сирийцы или арабы, переселенные сюда в 831—832 гг. императором Феофилом¹⁵. Часть армян в Македонии на границе с Эпиром были акритами.

В течение всего существования Никейской империи в источниках не отмечено новой миграции армян. Если и был приток, то только как единичное явление. Многие ранее знатные роды сходят с исторической сцены. Лишь некоторые из них сохранили свое главенствующее положение в общественно-политической жизни империи, о чем мы скажем ниже.

Как и прежде, армяне жили отдельными поселениями, плохо ассимилируясь и эллинизируясь¹⁶. По меткому выражению Ж. Лорана, армяне "вместо того, чтобы эллинизироваться, армянизировали греческую территорию, на которой жили"¹⁷. Между греческим и армянским населением часто сохранялась напряженность и даже враждебность¹⁸. Отзывы современников об армянах не всегда лестные и справедливые. Так, мегадука армянин Иофре в связи с поражением никейского флота характеризуется как чрезвычайно нерадивый военачальник (Акроп. С. 59. 12—14), хотя не он был главным виновником поражения, а неопытные и плохо обученные экипажи (там же. С. 59. 10—11)¹⁹.

Восточный этнический элемент в империи пополнили и куманы, которые принимали активное участие в военных действиях на Балканах в конце XII — первой трети XIII в.²⁰, но под натиском монголов в Северном Причерноморье были вынуждены в 1239 г. покинуть эти места и двинуться за Дунай. Они были расселены с согласия короля Белы IV в Венгрии²¹. Однако после того как хан Котян и многие его полководцы вследствие интриг венгерской знати были перебиты, 40-тысячная орда устремилась на юг. Ватацу удалось "подарками и благодеяниями", как говорит Акрополит, смирить, а затем расселить более 10

¹³Charanis P. The Armenians... P. 237.

¹⁴Ibid. P. 237—238; Prochniak D. Kolonia arméńskie i ich wpływ na sztukę krajów bałkańskich w średniowieczu // Balkanica Posnariensia. 1989. 4. P. 232—256.

¹⁵Janin J. Les Turcs Vardariotes // EO. 1930. N 160. P. 437—438, 440—449.

¹⁶Много мнения придерживается Э. Арвейлер (Ahrweiler H. L'histoire et la géographie de la région de Smyrne entre les deux occupations Turques (1081—1317), particulièrement au XIIIe siècle // TM. 1965. T. I. P. 20), приводя в качестве доказательства высокое положение некоторых армян в государстве. Но это относится только к знати, простое же сельское население строго придерживалось своих обычаев и веры. Армянские общины, как правило, имели свои церкви.

¹⁷Laurent J. Les origines médiévales de la question Arménienne // Revue des Etudes Arméniennes. 1920. T. I. P. 47.

¹⁸Charanis P. The Armenians... P. 238—239.

¹⁹Ahrweiler H. Byzance et la mer. P., 1966. P. 319.

²⁰Из последних работ см.: Павлов Пл. За ролята на куманите в българската военна история (1186—1241) // Военноисторически сборник. 1990. № 6. С. 14—23; Он же. Куманите в общественно-политически живот на средновековна България (1186 — началото на XIV в.) // Исторически преглед. 1990. Кн. 7. С. 16—21.

²¹Paloczi-Horvath A. L'immigration et l'établissement des Comans en Hongrie // Acta Orientalia A.S. Hungaricae. 1975. T. 29. Fasc. 3. P. 313—333.

тыс. куманов во Фракии, Македонии и в районе Меандра (Акроп. С. 59. 22—54. 17; 65. 17—20)²².

Часть никейской армии, так называемый "скитикон" (Акроп. С. 126. 23; 163. 3; Пах. С. 27. 24)²³, состояла в основном из половцев-куман, представляющих собой мобильную ударную силу легковооруженной конницы. Куманы участвовали почти во всех походах и сражениях на Балканах в 1246—1261 гг. (Акроп. С. 65. 16, 25; 120. 24; 139. 6 и др.)²⁴. Их конница имела решающее значение в битве при Пелагонии (Акроп. С. 169. 3; Григ. С. 111). Были они и среди 800 человек отряда Алексея Стратигопула, взявшего Константинополь в 1261 г. (Пах. С. 197. 25).

К этому времени они все были крещены (значительная их часть была крещена по католическому обряду венгерскими доминиканцами в Малой Валахии и Трансильвании) и, по выражению Акрополита, из диких волков превратились в овец Христа²⁵. Жили они обособленно деревнями, посаженные на землю в качестве стратиотов (Акроп. С. 65. 19; 158. 18—21; Григ. С. 37. 5). Они питали склонность к вину (ММ. IV. Р. 166). Греки их не очень любили и называли "собаками" (σκύλος — Акроп. II. С. 24. 20)²⁶, но в случае необходимости прибегали к их помощи, так как вес и сила куманов в округе были значительными. Об этом говорит один документ из монастыря Лемвиотиссы по поводу спора за участок земли, принадлежащий некоему Кутулу, державшему землю от монастыря. Когда эту плодородную землю попытался заполучить соседний владелец земли Кераман, то Кутул обратился к живущему недалеко куману и с его помощью удержал за собой участок (ММ. IV. Р. 167)²⁷.

Некоторые из куманских военачальников стали приближенными императора Феодора II. Одним из них был Клеоп, который вместе с Георгием Нестонгом был послан в 1256 г. против болгар²⁸, а затем как верный человек императора ездил с письмом и устным докладом к Музалону в Никею²⁹. Военачальники-куманы наравне с латинскими полководцами присутствовали на важных советах у императора (Акроп. С. 120. 23—23 и др.).

Западный, или латинский элемент, игравший значительную роль в XI—XII вв., сохранил и даже упрочил свое привилегированное положение в Никее, не являясь при этом самой многочисленной этнической группой. Уже в 1207 г. начинается широкий приток на службу в создаваемую никейскую армию латинских наемников, несмотря на угрозу отлучения их от церкви папою³⁰. В битве при Филадельфии в 1211 г. с султаном Кай-Хюсревом I основу никейского войска (800 из 2 тыс. — Акроп. С. 16. 6—9; Григ. С. 19. 24—20. 13)

²²Nicephori Gregorae Byzantina historia / Ed. J. Schopen. Bonn, 1829. T. I. (Далее: Григ.). P. 37. 4—9.; Σαββίδης Α.Γ.Κ. Οι κομάνοι (κουμάνοι) καὶ τὸ Βυζάντιο (1105—1305 αἰ. Μ.Χ.) // Byzantina. 1985. T. 13. Σ. 949—953; Павлов Пл. По въпроса за заселванията на кумани в България през XIII в. // Втори Международен конгрес по българистика: Доклади. С., 1987. Т. 6. С. 629; Он же. България. Златна Орда и куманите (1242 — около 1274) // Векове. 1989. № 2. С. 31—34.

²³Ahrweiler H. L'histoire... P. 22.

²⁴Angold M. A Byzantine Government in Exile: Government and Society under the Lascaris of Nicaea (1204—1261). L., 1975. P. 152, 188—189.

²⁵Georgii Acropolitae Opera / Rec. A. Heisenberg. Lipsae, 1903. T. 2. P. 24. 18.

²⁶Theodori Ducae Lascaris Epistulae CCXVII / Ed. N. Festa. Firenze, 1898. P. 245, 259.

²⁷Мутафчиев П. Войнишки земи... С. 76—77; Charanis P. On the Ethnic Composition... P. 145.

²⁸Theodori Scutariotae Additamenta // Georgii Acropolitae Opera... T. I. (Далее: Скут.). P. 293. 11—12.

²⁹Theodori Ducae Lascaris ... P. 259.

³⁰Oikonomides N. Cinq actes inédits du patriarche Michael Autoreianos // REB. 1967. T. 25. P. 127.

составляла западная тяжеловооруженная конница. И впоследствии латинские наемники были ударной силой никейской армии, образуя так называемый "латиникон" (Акроп. С. 126. 4—5; 169.4) или, по терминологии Георгия Пахимера, — "италикон" (Пах. С. 27.22; 37.6—7). Они участвовали во многих сражениях на Балканах и в войнах с Латинской империей (Акроп. С. 120.23)³¹. С мнением латинян, как военным, так и политическим, в империи считались. Когда Иоанн II Ватац обвинил великого коноставла Михаила Палеолога в измене, они решительно высказались за его невиновность (Там же. С. 93.3). И в дальнейшем активно поддерживали вместе с половцами-куманами переворот Палеолога в 1258 г. и его избрание императором (Там же. С. 158. 15—21).

Большинство из латинян были выходцами из Франции (ММ. IV. Р. 231, 232, 271; VI. Р. 187), но были и из Испании, Англии и Скандинавии³². Царские сокровища в Магнесии охранялись кельтами (Пах. С. 101.22), под которыми скорее всего следует понимать не норманов-варягов, а датчан и шотландцев³³. Как самое верное войско они составляли императорскую гвардию. Из кельтов-секироносцев состояла и личная охрана императора³⁴.

Новая латинская наемная знать в греческих источниках обозначалась как *λίτζιοι καβαλλάριοι* (преданные рыцари — ММ. IV. Р. 79, 103—104; Пах. С. 119. 11—12). После этого звания шло наименование "Сир" и имя. В полном виде это выглядело так: *λίτζιος καβαλλάριος Syr Adam* (ММ. IV. Р. 38, 41, 60, 61). В обществе они занимали особое место и считались приближенными и верными людьми императора³⁵. Отметим среди них сира Гуйю, Коитеса, Аминселеса, входящих в круг приближенных Феодора II³⁶.

Как правило, за службу латинская знать получала в пронию землю. Наиболее крупными держателями земли в районе Смирны были уже упомянутый сир Адам и сир Гари, имевшие в пронии значительную часть трех деревень (Потамус, Мантайя и Панаретос) и осуществлявшие над ними юридическую и фискальную власть (ММ. IV. Р. 7, 36—42, 61, 79, 81—82, 91—92, 103—104, 135)³⁷. Латинским наемникам рангом несколько ниже были даны стратиотские участки³⁸. Из источников известны сир Гилельмос (ММ. IV. Р. 154, 176—179) и сир Альенос (там же. Р. 94).

Славянский этнос был широко представлен в населении западных районов Никейской империи после завоевания Фракии и Македонии. Прежде всего это болгары и сербы. В источниках зафиксированы славянские поселения в Родопских горах, между реками Стримон и Струмица, около городов Серры, Едесса, Вероя, в долине реки Арда, на севере Афонского полуострова и в других местах) Акроп. С. 108. 2—3; 109. 1—2; Григ. С. 378 и др.)³⁹.

³¹ Против латинского императора Генриха в 1211—1214 гг. воевало более 160 рыцарей. См.: Longnon J. La campagne de Henri Hainaut en Asie Mineure en 1211 // Bulletin de l'Académie royale de Belgique. Bruxelles, 1948. Т. 34, Fasc. 8—9. Р. 448.

³² Blöndal S. The Varangians of Byzantium. Cambridge, 1978. Р. 232.

³³ Андреева М.А. Очерки по культуре византийского двора XIII в. Пр., 1927. С. 50—51.

³⁴ Там же. С. 51; Geanakoplos D. J. The Nicene Revolution of 1258 and the Usurpation of Michael VIII Paleologos // Traditio. 1953. Т. 9. Р. 427. Not. 57.

³⁵ Ahrweiler H. L'histoire... Р. 24.

³⁶ ММ. IV. Р. 231; Theodori Ducae Lascaris... Р. 14, 81, 97.

³⁷ Charanis P. The Aristocracy of Byzantium in the Thirteenth Century // Studies in Roman Economic and Social History in Honor of A.C. Johnson. Princeton, 1951. Р. 341; Angold M. Op. cit. Р. 106, 187—188.

³⁸ О различии между прониаром и стратиотом в поздней Византии см.: Bartusis M.C. On the Status of Stratiotai during the Late Byzantine Period // ЗРВИ. 1982. Т. 21. Р. 56—99.

³⁹ Charanis P. Composition... Р. 11.

Поселения сербов были и на востоке империи, около Никомидии, куда они были переселены при Иоанне II Комнине⁴⁰. Около Эфеса жили болгары⁴¹. В Малой Азии, в районе Риндака (Мизия, Вифиния), вероятно, сохранились эллинизированные потомки славян VII—VIII вв.⁴², часть из которых могла быть акритами⁴³. Правда, последнее утверждение источниками убедительно не подтверждается (Пах. С. 29.16—19; 29.24—31.7; 31.15—20).

Особую группу составляли евреи. Являясь постоянным этническим элементом на протяжении всего существования Византийской империи, они проживали, в основном, в крупных и средних городах, редко образуя большие территориальные общины. Главным их занятием была меновая торговля⁴⁴. Еще при Мануиле I (1143—1180) они были включены в сословие купцов и ремесленников. Хорошее знание иностранных языков позволяло им вести международную торговлю. Евреи удерживали также прочные позиции в медицине⁴⁵.

Положение евреев в Никейской империи уже неоднократно затрагивалось в литературе, ибо факт преследования иудеев не мог пройти мимо внимания ученых, занимающихся этим вопросом⁴⁶. Но чем были вызваны в конце царствования Ватаца (1253—1254) преследования евреев и попытка их поголовного крещения? Такие действия императоров были и ранее известны в Византии, но гонения не возобновлялись со времен Иоанна I Цимисхия (969—976), а насильственные крещения — с правления Льва III Исавра (717—741). Как известно, вначале гонения и конфискации имущества евреев начались не в Никее, а в Эпире, при Феодоре Ангеле в середине 20-х годов XIII в.⁴⁸ В Никее притеснения евреев были ответной реакцией правительства на отказ принять правослаvie⁴⁹. Что побудило Ватаца пойти на эту меру, способствовавшую наряду с другими причинами его последующей канонизации? Источники, в том числе еврейские, не дают ответа на этот вопрос. Можно предположить, что данная мера была вызвана двумя обстоятельствами. Во-первых, высоким подъемом эллинского самосознания при Ласкарисах (особенно при Феодоре II, который продолжил политику преследования евреев), когда в умах никейских интеллектуалов все четче начала оформляться (вызревать) идея

⁴⁰ Vryonis Sp. The Decline... Р. 218.

⁴¹ Ahrweiler H. L'histoire... Р. 21.

⁴² Charanis P. On the Ethnic Composition... Р. 143—144; Idem. The Slavic Element in Byzantine Asia Minor in the Thirteenth Century // Byz. 1946/48. Т. 18. Р. 72.

⁴³ Успенский Ф.И. К истории крестьянского землевладения // ЖМНП. 1883. Ч. 225. С. 322—326, 340—341.

⁴⁴ Kocēv N. The Question of Jews and the So-Called Judaizers in the Balkans from the 9th to the 14th Century // BHR. 1978. Т. 6, N 1. Р. 60.

⁴⁵ Ibid. Р. 61—62.

⁴⁶ Mann J. Une source de l'histoire juive au XIIe siècle // Revue des études juives. 1926. Т. 82. Р. 572—573; Charanis P. The Jews in the Byzantine Empire under the First Paleologi // Speculum. 1947. Т. 22. Р. 75;

⁴⁷ Starr J. Romania: the Jewries of the Levant after the Fourth Crusade. P., 1949. Р. 20—22; Bowman S.B. The Jews of Byzantium (1204—1453). Alabama, 1985. (нам недоступна).

⁴⁸ Ασματική Ακολούθια του αγίου Βασιλέως 'Ιωάννου του Βατάτζη του ἑλεήμονος / Εκδ. Αγαθάνγελους. Κωνσταντ., 1872. Σ. 40; Dölger F. Regesten der Kaiserurkunde des Oströmischen Reiches von 565—1453. Т. 3: Regesten von 1204—1282/ Zweite, erweiterte und verbesserte Auflage bearbeitet von Peter Wirth. München, 1977. (Далее: Regesten III), № 1817.

⁴⁹ Письмо Якоба де Латеа к Пабло Кристиани: Levin L. Eine Notiz zur Geschichte der Juden im byzantinischen Reiche // Monatsschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judentums. Breslau, 1870. Т. XIX. Р. 118; Mann J. Op.cit. Р. 372; Starr J. Op.cit. Р. 20.

⁵⁰ Lewin L. Eine Notiz... Р. 119; Starr J. Op.cit. Р. 20.

⁵¹ Biblioteca Hagiographica graeca. 3 ed. N 933—934.

греко-православной *imperium unicum*⁵¹. Во-вторых, в подтверждение высказанной выше мысли, всех "иноземцев" в Никее императоры пытались крестить с одновременным предоставлением им места жительства. Так поступали не только с куманами, но и сельджуками, туркоманами, турками, принятыми на службу в империю. Поэтому существование иудейской религии среди православного населения империи противоречило идее создания единого греческого православного государства. К тому же полное инкорпорирование в византийское общество должно было включать не только принятие греческого языка, но и обращение в православие и смешанные браки⁵². Последние два обстоятельства среди евреев (в отличие от латинян) не поощрялись. Однако, это не более чем предположение. Симптоматично, однако, что Михаил Палеолог, придя к власти, отвергнул политическую линию Ласкарисов, прекратил он и преследование евреев⁵³.

Мы не можем определить даже приблизительно численность каждой из этнических групп на территории Никейской империи и соотношение иноземного этнического элемента с греческим. Общая численность негреческого населения, вероятно, значительно превышала сто тысяч. Наиболее многочисленными были славянские этносы в балканских провинциях империи, а также восточные (сельджуки, туркоманы-кочевники, куманы). Несколько малочисленнее были выходцы с Запада. Однако о роли той или иной иноземной этнической группы в социально-политической структуре никейского общества можно судить, хотя и опосредовано, по количеству и значению родов от каждой группы, вошедших в ряды византийской знати. Разумеется, при этом необходимо иметь в виду, что новые этносы, влившиеся в никейское общество, не могли соперничать по критерию знатности со старыми. Поэтому куманский элемент мы не будем привлекать к сравнению.

К латиноязычным знатым родам периода Никейской империи, имеющим более одного представителя по мужской линии и зафиксированным на протяжении более одного поколения, принадлежали Раули, Петралифы, Франкопулы и Гиды. Раули к началу XIII в. настолько прочно утвердились среди византийской аристократии, что успели породниться с Комнинами, Ангелами и Дуками. Два наиболее известных представителя рода Раулей в Никее, — Алексей (Акроп. С. 66. 19—20; 92. 18—20; 155.6; Пах. С. 41. 8—9)⁵⁴ и его старший сын Иоанн, женатый на Феодоре, племяннице Михаила VIII Палеолога (Акроп. С. 160. 20—22; 171. 13—17; Пах. С. 117; 153.21—155.5)⁵⁵, — достигли соответственно званий великого доместика и протовестиария, имели большие земельные владения (ММ.IV. Р. 259) и входили в никейскую элиту.

Норманнского происхождения был и род Петралифов, который после 1204 г. (как и Раули) разделился на две ветви: эпирскую (Акроп. С. 39. 12—13; 140. 25—26)⁵⁶ и никейскую. В последней главенствовали Иоанн Петралифа,

великий хартулярий и его сын Феодор, женатый на дочери великого логофета Димитрия Торника (Акроп. С. 39.12; 90.19; 91.6; 166.2—4)⁵⁷. Иоанн Петралифа мужественно защищал в 1239 г. Цурул от латинского войска, участвовал в походе на Фессалонику в 1243 г. и был известен, по словам Акрополита, как "человек храбрый, с детства учившийся военным делам" (Акроп. С. 58. 18—21; 66.19—22; Скут. С. 283.10).

Франкопулы не достигли в Никее⁵⁸ высоких постов и больше известны как гражданские лица: учителя и грамматики. Андроник Франкопул был учителем и корреспондентом Феодора II⁵⁹, а другой Франкопул (имя неизвестно) грамматиком при дворе в Никее (ММ.IV. Р. 9; 232—233)⁶⁰. Гиды при Феодоре I Ласкарисе известны как военачальники, командующие отдельными отрядами⁶¹.

Среди латинской знати, известной в одном поколении, следует отметить три рода: Контофров (Мануил Контофр — дука фемы Фракисион в 1237 и 1240 гг. и командующий никейским флотом в 1239 и 1243 гг. с титулом пансеваст севаст — ММ.IV. Р. 152; 249—250; Акроп. С. 59. 14—21; 66. 13—14)⁶²; Каваллариев⁶³ (Василий Кавалларий был родственником Михаила VIII Палеолога — Пах. С. 55.17—26; 155.6—7), а также Варангопулов (Алексей Варангопул — правитель острова Кос в 1258 г. — ММ.VI. Р. 187)⁶⁴. Таким образом, в Никее было 7 родов латинской знати. Три из них новые.

Многочисленная в XI—XII вв. группа знати армяно-грузинского происхождения сократилась в Никейской империи до нескольких родов. Правда, один из них, — Торники⁶⁵, — входил в никейскую элиту и представлен двумя крупнейшими фигурами этого периода: Димитрием Торником Комнином — высшим гражданским лицом в администрации Феодора I и Иоанна III Ватаца (Акроп. С. 66.15—17; 90.20—24; ММ.IV. Р. 139—145, 220, 240, 241)⁶⁶ и его сыном, севастократором Константином (Акроп. С.114.3—4; 173.7—9; 180.7—9; 5—7; Пах. С.153.12—14), впоследствии главой константинопольской администрации⁶⁷.

Некогда известный армянский род Артаваксов сохранился лишь в лице среднего землевладельца в районе Смирны (ММ.IV. Р. 11,148)⁶⁸. Из рода Таронитов мы знаем только примикирия Константина Таронита, главу вардариотов⁶⁹, — дворцовой стражи. При Феодоре II он участвовал в военных действиях в Македонии (Акроп. С. 131. 26—28).

Western Macedonia after the Fourth Crusade // XV Congrès International d'Etudes byzantines: Rapports et co-rapports Athènes, 1976. P. 5.

⁵⁷ Angold M. Op.cit. P. 25, 286.

⁵⁸ Об эпирской ветви Франкопулов см.: Nicol D. Symbiosis... P. 115—116.

⁵⁹ Theodori Ducae Lascaris... P. 271.

⁶⁰ Laurent V. Legendes sigillographique // EO. 1938. T. 38. P. 471.

⁶¹ Один из них — Андроник — был полководцем никейских войск против Давида Комнина. См.: Nicetae Choniatae Historia... P. 641. 40—47.

⁶² Laurent V. Bulles metriques dans la sigillographie byzantine. Athènes, 1932. N 240. P. 85.

⁶³ Теохаридис считает их по происхождению генуэзцами от Cavallerio. См.: Theocharides G.I. Oï Tçapnλάκωνες // Μακεδονικά. 1961—63. T. V. Σ.118. Not. 25, Σ.175. Not. 3.

⁶⁴ Angold M. Op.cit. P. 249.

⁶⁵ О Торниках конца XII в. см.: Darrouzès J. Notes sur Euthyme Tornikès, Euthyme Malakes et Georges Tornikès // REB. 1965. T. 23. P. 148—167.

⁶⁶ Loenerz R.-J. Le chancelier impérial à Byzance au XIIe et au XIVe siècle // OCP. 1960. T. 26. P. 297—298.

⁶⁷ Guillard R. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin: L'éparque // BS. 1980. T. 41. P. 162.

⁶⁸ О роде см.: Ahrweiler H. L'histoire... P. 168.

⁶⁹ Об их обязанностях см.: Janin R. Les Turcs... P. 438—439.

⁵¹ Brezeanu S. La fonction de l'idée d'IMPERIUM UNICUM chez les byzantins de la première moitié du XIIIe siècle // RESEE. 1978. T. XVI. P. 57—64; Zavoronkov P.I. Les motifs humanistes dans la culture de l'Empire de Nicée // Etudes balkaniques. 1989. N 1. P. 93—95.

⁵² Nicol D. Symbiosis... P. 119.

⁵³ Starr J. Op.cit. P. 21—22.

⁵⁴ Nicol D. Symbiosis... P. 127; Fassoulakis S. The Byzantine Family of Raoul-Ral(l)es. Athens, 1973. N 5. P. 15—16; Χάρτζη Α.Χ. Οἱ Ραούλ, Ράλ, Ράλαι (1080—1800). Kirchhain, 1908. P. 13—15.

⁵⁵ Nicol D. Symbiosis... P. 129; Fassoulakis S. Op.cit. N 6. P. 18—19; Χάρτζη Α.Χ. Op. cit. P. 15—16.

⁵⁶ Polemis D.I. The Doukai: A Contribution to Byzantine Prosopography. L., 1968. N. 160—161. P. 165—166; Nicol D. Symbiosis... P. 133—134; Idem. Refugees, Mixed Population and Local Patriotism in Epiros and

К армянской знати следует отнести еще три рода: Котерцов (Николай Котерц — один из лучших полководцев Ватаца — Там же. С. 51.22—26), Лапардов (Мануил Лапард — предводитель одного из отрядов на Балканах — Там же. С. 146.25—26) и Иофров⁷⁰. Итого шесть армянских родов.

Группа иноземной знати малоазийского происхождения представлена также шестью семьями: Камицами (великий этернарх Иоанн Камица — один из руководителей похода на Адрианополь в 1224 г. — Там же. С. 38. 15—17; 40. 18—20), Гаврами (Иоаникий Гавр, пансеваст севаст — ММ. IV. Р. 291)⁷¹, Фоками⁷² (дядя императора Феодора I паниперсеваст и мегадука Феодот Фока — ММ. VI. Р. 153; Михаил Фока, стратопедарх и дука фемы Фракезион и Филадельфия в 1235 г. — ММ. IV. Р. 232; пансеваст севаст Георгий Фока — ММ. V. Р. 257⁷³), Циками (Иоанн Цика — дука фемы Миласа и Меланудион в 1216 г. — ММ. IV. Р. 291)⁷⁴, Цикандилами (вестиарит Мануил Цикандил)⁷⁵ и Римпсами (Николай Римпса, турок по происхождению, один из никейских полководцев в битве при Пелагонии — *Акроп.* С. 170. 24—171. I). Из шести родов впервые появляются на исторической сцене два — Цики и Римпсы.

Славянский этнос в социально-политической жизни Никейской империи представлен четырьмя семьями. Выделялся среди них многочисленный род Нестонгов⁷⁶, один из крупнейших землевладельцев империи, породнившийся с Ласкарисами и Палеологами. Из шести представителей рода по крайней мере три (среди них Андроник Нестонг, двоюродный брат Ватаца и руководитель заговора против него — Там же. С. 36. 18—20; 37. 17—25) занимали враждебные позиции по отношению к правящей династии Ласкарисов⁷⁷.

К столь же древнему роду относились и Враны, породнившиеся с Комнинами и Палеологами, крупные собственники земли в районе Смирны (*Пах.* С. 137. 24—139. I; ММ. IV. Р. 25, 31, 73, 82, 122, 136, 178, 223, 273)⁷⁸. К славянской знати принадлежал и род Гуделей, представитель которого Тиранн Гудел был командиром отряда в походе против Михаила II Комнина в 1251 г. и также собственник земли в районе Смирны (*Акроп.* С. 90. 6—7; ММ. IV. Р. 8, 175, 287). Представляется, что к этой группе можно отнести и род Хаваронов (Константин Хаварон — стратиг Албании при Феодоре II — *Акроп.* С. 139. 12—13; 140. 23; 164. 16—17).

Таким образом, к иноземной знати Никейской империи можно отнести 23 рода⁷⁹, причем два из них — Раули и Торники — принадлежат к никейской

⁷⁰Один из Иофров (τοῦ Ἰοφρῆ τοῦ Ἀρμενίου) не очень удачно командовал никейским флотом в 1240 г. См.: *Акроп.* С. 59. 12—14.

⁷¹*Regesten*, III. N 1696.

⁷²См. о них: *Ahrweiler H. L'histoire...* Р. 141—142.

⁷³*Regesten*, III. N. 1685, 1687.

⁷⁴*Ibid.* N 1693.

⁷⁵*Laurent V. Les Regestes de 1208 à 1308*, P., 1971. N 1208, 1211.

⁷⁶См. о нем: *Ahrweiler H. L'histoire...* Р. 173.

⁷⁷К заговору присоединился и родной брат Андроника Исаак (*Акроп.* С. 36. 23; 37. 11). При Феодоре II уже другой Исаак Нестонг оказался изменником и перешел на сторону эпирского деспота Михаила II (*Акроп.* С. 158. 8—10). Вероятно, не испытывал любви к императору и племянник Палеолога Михаил Нестонг (*Пах.* С. 155. 17—19).

⁷⁸*Ahrweiler H. L'histoire...* Р. 168—169.

⁷⁹Разумеется, данная цифра не является окончательной. Есть основания предполагать, что к новой иноземной знати относились стратеги Мануил Раматан (*Акроп.* С. 151. 6—7), Константин Маргарита (*Акроп.* С. 123. 11—14), Скутерий Ксилье (*Акроп.* С. 139. 7—10; 141. 14—18) и Пулах (*Акроп.* С. 151. 6—7). Кроме того, здесь не учитываются латинские наемники, проиары района Смирны.

элите, насчитывающей 12 родов⁸⁰. Из 136 родов знати, зафиксированных нами на данный момент, иноземная (часть ее была, конечно, сильно эллинизирована) составляла 17 %, что значительно меньше в процентном отношении, чем при Комнинах и Ангелах (тогда 80 из 340 семей)⁸¹. В то же время сохранилось пропорциональное соотношение семей армяно-малоазийского происхождения (12 из 23 в Никее и 30—40 из 80 в XI—XII вв.). Зато в процентном отношении сильно возросло количество латинских семей (7 из 23 против 11 из 80)⁸².

Безусловно, соотношение выявленных родов различных этносов или групп этносов свидетельствует прежде всего о роли и значении той или иной этнической знати в жизни Никейской империи и очень опосредованно о значении самой этнической группы. Например, куманы, игравшие важную роль в военных победах империи, почти совсем не представлены в рядах знати: лишь один из вождей куманов (Клеон) известен как приближенный Феодора II⁸³. За те двадцать лет нахождения куман на территории Никейской империи из их среды еще не выдвинулись христианизированные представители знати.

Иноземная знать, как показывает ее анализ, не была однородна по своему социальному составу. Можно, по крайней мере, условно выделить три группы: а) высшая знать, давно осевшая в Византии, породнившаяся с императорским домом и византийской аристократией — Раули, Петралифы, Торники, Нестонги, Враны, Камицы, Фоки; б) средняя знать, прибывшая в Византию во второй половине XII в. либо ранее, но в Никее не выдвигавшаяся на высокие посты. Чаще всего это командиры отдельных отрядов в составе никейской армии — Гиды, Гавры, Тарониты, Лапарды, Цикандилы, Котерцы, Гудели; в) низшая знать (возможно, среди них были и наемники), влившаяся в состав господствующего класса Никейской империи и известная всего в одном поколении — Алексей Варангопул, Мануил Контофр, Василий Кавалларий, Иоанн Цика, Константин Хаварон, Николай Римпса, Н. Иофр.

Но независимо от своего социального статуса и веса в империи почти вся иноземная знать владела земельными наделами, причем некоторые очень обширными (Нестонги, Враны, Раули). Отдельные представители этнической знати превращались, по-видимому, в земельную провинциальную аристократию: Артавасды, сир Адам, сир Гари.

По своим социальным функциям иноземная аристократия была за редким исключением (Франкопулы, Торники, Гавры) почти однородна и принадлежала к военной знати. Многие из полководцев командовали отрядами своих соплеменников, освобождая греческие земли и расширяя пределы государства. Именно в этом прежде всего и заключалось значение и роль этнического фактора в Никейской империи.

⁸⁰Жаворонков П. И. Состав и эволюция высшей знати Никейской империи: элита // *ВО.* 1991. С. 83—90.

⁸¹Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI—XII вв. М., 1974. С. 212.

⁸²Там же. С. 212—213.

⁸³См. примеч. 28—29.

С.П. Карпов

ИТАЛЬЯНСКИЕ "БАРОНЫ" ТРАПЕЗУНДСКИХ ИМПЕРАТОРОВ

Слово барон в средние века значило нечто большее, нежели просто дворянский титул. С возникновением ленного строя баронами называли прямых вассалов короны, пэров (Англия, Иерусалимское королевство, Латинская империя и Франкская Греция) или особый слой знати в системе феодальной иерархии (Франция, Сицилийское королевство и др.)¹. В Северной Италии так обозначали представителей аристократии вообще, административной верхушки других государств, включая и византийцев. Термин "барон" в применении к ним, как кажется, был коррелятом греческого архон. Так генуэзцы называли и трапезундскую знать². Трапезундский посол в Геную в 1316 г. "благородный муж" *Affecasendi Doriamica* (видимо, Доранит) был назван там греческим бароном — *grecus baro*³. Еще более высоких титулов удостоился другой трапезундский посол — знаменитый философ и протогграфом было следствием того, что Амирутци носил самый высокий титул в империи из тех, что могли получить лица не царской крови⁴. Как видим, и здесь проявляется западная манера определять греческую аристократию привычными для себя категориями знатности. Также как генуэзцы, мыслили и венецианцы. Один из "мудрых" Сената Фантино Аримондо предлагал в ходе морской экспедиции 1376 г. свергнуть трапезундского василевса Алексея III и заменить его венецианским "ректором", опираясь на местных "баронов", т.е.

¹ Lexicon des Mittelalters. 1980. Bd. 1/8. S. 1476—1484. В Лексиконе, к сожалению, отсутствует характеристика термина для Северной Италии и Латинской Романии. См., в частности: Культура Византии: XIII — первая половина XV в. М., 1991. С. 20—22.

² Desimoni C. Intorno alla impresa di Megollo Lercari in Trebisonda // ASLSP. 1877—1884. T. XIII, fasc. 3. P. 516: "... aliquis baronus vel officialis"; P. 518, 525: "... dominus imperator ratificabit ... in presentia suorum baronum..."

³ Ibid. P. 527.

⁴ См. о нем, например: Карпов С.П. Трапезундский ученый Георгий Амирутци // ВИ. 1991. № 6. С. 195—199.

⁵ Archivio di Stato di Genova. (Далее: ASG). Archivio Segreto. (Далее: AS). 1789. Litterarum, 13, f. 407 (ex 396) v. N 1386: 27/VI 1449; Iorga N. Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle // ROL. 1900. T. VIII. P. 58.

⁶ Ср. трапезундский клеторологий XV в.: *Pseudo-Kodinos. Traité des offices* / Éd. J. Verpeaux. P., 1966. App. V. P. 344 (Доказательства трапезундского происхождения клеторология см.: Bryer A. The Empire of Trebizond and the Pontos. L., 1989. N III. P. 171. Not. 29; NV. P. 140. Not. 109; *Oikonomides N. The Chancery of the Grand Komnenoi: Imperial Tradition and Political Reality* // АП. 1979. Т. 35. P. 311.

архонтов: "cum voluntate baronum dicti loci". Предложение не прошло, но могущество понтийских "баронов", без содействия которых нельзя было достичь желаемого, было известно венецианским сенаторам.⁷ Упоминание об официальном, или бароне императора (official o baron) по имени Aziathim, нанесшего оскорбление венецианскому байло, встречается и в документе Сената 1407 г.⁸

Но иногда в состав господствующего класса Трапезундской империи попадали сами "латиняне". Что происходило тогда с их социальным статусом, насколько органичным было их положение среди инородной элиты, наконец, сохраняли ли они свое прежнее гражданство, становясь подданными греческих василевсов? Решить эти проблемы во всем объеме при скудности имеющейся информации сложно, я попытаюсь лишь обозначить подходы к теме и предложить некоторые предварительные суждения, опираясь в основном на неопубликованные и неизвестные исследователям материалы Генуэзского Секретного архива.

Еще в первом договоре византийского императора Мануила I Комнина с генуэзцами (1155 г.)⁹ было четко оговорено, что генуэзцы в Византии, как и пизанцы, подсудны только своему консулу, но не императорскому суду¹⁰. Позднее было уточнено положение, что византийский император не должен принимать генуэзца или лигурийца в "вассалы". Но под этим, как прямо разъяснено, например, в Хрисовуле 1304 г., понималась лишь все та же подсудность генуэзцев исключительно собственным консулам или официальным и недопустимость нарушения этого правила¹¹, а отнюдь не запрет состоять на службе у иностранных государей. Этот же принцип зафиксирован и в договоре Трапезундской империи с Генуей 1314 г.¹²

Необходимо сразу сделать оговорку. Мы имеем дело с двумя типами отношений "латинян" с двором Великих Комнинов. В одном случае лица, поступаая на службу к императору, наделялись титулами и должностями, натурализовывались в среде греческой знати, в другом — выполняли отдельные, чаще всего — почетные дипломатические поручения василевсов, видимо, не занимая административных постов.

В 1291 г. генуэзец Никколо Дориа стоял во главе монетного двора Трапезунда (либо как назначенный императором чиновник, либо как откупщик)¹³.

⁷ Archivio di Stato di Venezia. (Далее: ASV). Senato, Misti. (Далее: SM), XXXV, f. 100v—102r: 12/III 1376. Публикация части постановления см.: Iorga N. Venetia in Mare Neagra // Analele Academiei Române. Ser. II. 1914. T. XXXVI: Memorie Sec. istorice. P. 1058—1062, особ. см. P. 1062. Об указ. конфликте см.: Карпов С.П. Венецианско-трапезундский конфликт 1374—1376 гг. и неизвестный мирный договор 1376 г. // ВВ. 1978. Т. 39. С. 102—109; *Idem*. The Empire of Trebizond and Venice in 1374—76 (a chrysobull redated) // АП. 1979. Т. 35. P. 290—298.

⁸ ASV. SM. XLVII, f. 127r: 24/VI 1407.

⁹ См. о нем: Balard M. La Romanie Génoise (XIIe-début du XVe siècle). Roma-Genova, 1978. T. I. P. 22—26; Origone S. Bisanzio e Genova. Genova, 1992. P. 87—88, 275.

¹⁰ I Libri Iurium della Repubblica di Genova / A cura di A. Rovere. Genova, 1992. Vol. I/1. P. 264.

¹¹ Liber Iurium Reipublicae Genuensis // Historiae Patriae Monumenta. 1857. T. IX. Col. 443: "Ita quod non recipere debeat de cetero imperium nostrum aliquem lanuensem vel de districtu Ianue in vassalum ita quod eximatur et non esse debeat sub iurisdictione et examine potestatis vel consulis Ianuensis..."

¹² Desimoni C. Intorno... P. 516.

¹³ Cessi R. La tregua fra Venezia e Genova nella seconda metà del sec. XIII // Archivio Veneto-Tridentino. 1923. T. IV. P. 55; Caro G. Genova e la supremazia sul Mediterraneo (1257—1311). Genova, 1975. T. 2. P. 175. Not. 32. P. 391, N 75. В документе положение Никколо отражено достаточно неопределенно — "cuius ceche erat dominus", "dicitur habuisse cecham in dicto loco". К нему обращались также желавшие осуществлять обмен иностранной монеты на трапезундские аспры комнинаты. Г.Брэтиану и М.Балар отождествляют этого Никколо Дориа с владельцем дома в Трапезунде, у которого в 1292 г. английское посольство Дж. Лэнгли оставляло свой багаж: Desimoni C. I conti dell'

Знатные генуэзцы Гавино де'Маре и Сорлеоне Спинола в 1314 г. были послами трапезундского императора Алексея II в Геную¹⁴. Флорентийский нобиль Микеле Алигьери также был официальным представителем трапезундского императора и способствовал заключению договора Давида Великого Комнина с Флоренцией в 1460 г.¹⁵ Он вел переговоры с Бургундским герцогом, принимал участие в так называемом посольстве восточных монархов, возглавленном Лудовико да Болонья, к государям Запада. И хотя в составе посольства были явные мошенники и авантюристы, статус Алигьери как подлинного представителя Трапезундской империи не вызывает сомнений¹⁶. В письме трапезундского императора Давида Бургундскому герцогу Алигьери назван *baron et orator meus*¹⁷. Статус "барона" обеспечил "мессирю Микелью из Трапезунда" и после падения империи в 1461 г. высокую должность советника и шамбеллана Бургундских герцогов Филиппа Доброго и Карла Смелого¹⁸. Как и Никколо Дориа, "рыцарь" (*miles, chevalier*) Алигьери активно занимался торговлей в Каффе, Трапезунде и Синопе¹⁹, получив вместе с сыновьями в 1470 г. от генуэзского Банка Сан Джорджо подорожные и привелегии на 10 лет по ведению дел в черноморских факториях Генуи²⁰. Генуэзец Доменико Д'Аллегро возвысился до положения командующего всего трапезундского флота (протостратора, или, как его называли итальян-

цы, протокапитана). Начало его карьеры не озаменовано слишком благородными деяниями, но, вместе с тем, довольно типично: будучи патроном галеотты, он занимался пиратством (или корсарством), ограбил греческий корабль, перевозивший товары венецианцев, который плыл в Симиссо, и доставил добычу в Каффу²¹. Свой высокий титул протостратора Доменико получил в 1429 г. за то, что вооружил и предоставил в Каффе свой корабль в распоряжение претендента на трапезундский трон. Переворот Иоанна Великого Комнина (1429—1458) завершился успехом, а генуэзец вплоть до смерти этого монарха сохранял его милости и полученную в 1429 г. должность²². Он прочно осел в Трапезунде, являлся попечителем по наследству умершего в Тане торгового партнера Бернабо Бояско, имевшего в Трапезунде собственность, включая корабль²³. Влияние и авторитет Д'Аллегро были столь значительны, что генуэзский дож, желая урегулировать сложные отношения с трапезундским двором, назначил его в 1443 г. генуэзским консулом в городе. Это был невиданный случай, когда генуэзский нобиль являлся одновременно высоким должностным лицом империи и главой итальянской фактории. Дож Раффаэле Адорно имел перед этим долгие беседы с Доменико, в 1442—1444 гг. трапезундским послом, посетившим Флоренцию, Геную и Милан. Именно во время посольства и было отправлено письмо дожа к императору, объявляющее о консульском назначении. Примечательно, что в нем дож подчеркивает как трапезундское подданство Доменико (*maiestatis vestre observantissimus*), так и его принадлежность к генуэзской элите (*nobisque haud mediocriter carus*)²⁴. Интересно сходство социального поведения Д'Аллегро и Микеле Алигьери. Как и Алигьери (с той только разницей, что это произошло до падения Трапезундской империи и даже до взятия Константинополя османами в 1453 г.), Доменико стремится быть причисленным к свите могущественного западного правителя. В 1444 г. по его просьбе миланский герцог включает его в состав своих *familiares*. Быть может, это способствовало политическим целям и торговым занятиям, которые вели посол и его "нунции", добивавшиеся для себя также коммерческих привилегий и подорожных грамот²⁵. Как бы то ни было, с 1444 г. Доменико был прямо связан подданством с тремя разными государствами. Это, впрочем, не избавило его от больших долгов, отраженных в массариях Каффы с 1445 до 1459 г.²⁶

Служба "латинян" у трапезундских императоров не ограничивалась отдельными случайными эпизодами, а была, видимо, довольно распространенным явлением, хотя, конечно, не все генуэзцы достигали столь высоких

- ambasciata al Chan di Persia nel MCCXCII // ASLSP. 1879. T. XIII. P. 614. Ср.: *Bratianu G. Recherches sur le commerce Génois dans la Mer Noire au XIIIe siècle*. P., 1929. P. 174; *Balard M. La Romanie...* T. I. P. 134. Вполне вероятно, что глава монетного двора в 1291 г. то же лицо, что и купец Никколо Дориа, активно торговавший в Трапезунде в 1289/90 гг., в частности, доставляя в Каффу квасцы: *Balard M. Gênes et l'Outre-Mer. I: Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto, 1289—1290*. P., 1973. N. 166, 167, 574; *Idem. La Romanie...* T. 2. P. 775. Если принять обе идентификации (вполне вероятные и по хронологии, и по написанию имени), то будет очевидно, что опыт крупной коммерческой деятельности открыл Никколо доступ к финансово-административной должности в империи. С другой стороны, очевидна прочность обоснования в Трапезунде Никколо, владевшего там недвижимостью.
- ¹⁴ *Desimoni C. Intorno...* P. 513.
- ¹⁵ *Müller G. Documenti sulle relazioni delle città Toscane coll'Oriente cristiano e coi Turchi fino all'anno MDXXXI*. Firenze, 1879. P. 186—187: 14—15/XII 1460.
- ¹⁶ См. подробнее: *Bryer A. Ludovico da Bologna and the Georgian and Anatolian Embassy of 1460—1461 // A. Bryer. The Empire of Trebizond...* N. X. P. 178—198; *Richard J. Louis de Bologne, patriarche d'Antioche, et la politique bourguignonne envers les états de la Méditerranée Orientale // J. Richard. Croisés, missionnaires et voyageurs: les perspectives orientales du monde latin médiéval*. L. N. XXI. P. 63—69; *Карпов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII—XV вв. М., 1981. С. 144, 160—161; Idem. L'impero di Trebisonda, Venezia, Genova e Roma, 1204—1461: Rapporti politici, diplomatici e commerciali*. Roma, 1986. P. 214, 242—244; *Пайчадзе Д. Антиосманская коалиция европейских стран и Грузия в 60-х годах XV в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1984; Michaelsen L. Michael Alighieri, Gesandter Kaiser Davids von Trapezunt, am Hof der Herzöge von Burgund (1461—1470) // AP. 1987. T. 41. P. 175—200.*
- ¹⁷ Публикация текста письма: *Janssens E. Trébizonde en Colchide*. Bruxelles, 1969. P. 147—149. Английский пер. и коммент. с сомнением в подлинности письма см.: *Bryer A. Ludovico...* P. 196—198. Убедительные аргументы в пользу подлинности были сформулированы О. Лампсидисом: *Lampsidis O. Το ἀξιόπιστον τῆς ἐπιστολῆς Δαβὶδ Ἀ' Μεγάλου Κομνηνοῦ καὶ τὸ 'Ευκόμην Τραπεζοῦντος τοῦ Βησσαρίωνος // Byzantiaka*. 1982. T. 2. P. 53—60; *Oikonomides N. The Chancery...* P. 310, 320—321; *Michaelsen L. Michael Alighieri...* P. 176—179.
- ¹⁸ *Taparel H. Notes sur quelques réfugiés Byzantins en Bourgogne après la chute de Constantinople // Balkan Studies*. 1987. T. 28, N 1. P. 56—57; *Michaelsen L. Michael Alighieri...* P. 194—199. Кроме Алигьери, на службу герцога, как показал Тапарель, были приняты грек Георгий и Антоний из Трапезунда.
- ¹⁹ Его пребывание в Синопе отмечено в Постановлении венецианского Совета Двенадцати в этом городе, см.: *Filiati G. Memorie storiche de' Veneti. Venezia, 1797. T. VI, Pt. 2. P. 229. Not. 1 (без указания даты постановления).*
- ²⁰ *Vigna A. Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio (MCCCLIII — MCCCLXXV) // ASLSP. 1871. T. VII, 1. Doc. 907. P. 677: 28/IV 1470.*

- ²¹ *Iorga N. Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au Xe siècle // ROL. 1897. T. V. P. 189—190; Banescu N. Archives d'État de Gênes. Officium Provisionis Romaniae // RESEE. 1967. T. V. N 1/2. P. 245—246: 2/III 1425.*
- ²² *Laonici Chalcocandylae Historiarum demonstrationes / Éd. E. Darkó. Budapestini, 1927. T. 2. P. 219—220; Laurent V. L'assassinat d'Alexis IV, empereur de Trébizonde (+ 1429). Date et circonstances // AP. 1955. T. 20. P. 141—142; Bryer A. "The faithless Kabazitai and Scholarioi" // Maistor. 1984. P. 320; см. также: *Bryer A. Peoples and Settlement in Anatolia and the Caucasus. L., 1988. N VII; Карпов С.П. Трапезундская империя...* С. 108—109, 122—123; *Idem. L'impero di Trebisonda...* P. 159, 164, 175, 187, 191.*
- ²³ *ASV. Cancellaria Inferior. Notai. B. 231. Nicolò de Varsi, f. 2r: 21/V 1436.*
- ²⁴ *ASG. AS. 1788. Litterarum. 12, f. 351 r—v: 15/VI 1443 (краткое изложение: Iorga N. Notes... // ROL. 1899. T. VII. P. 105).*
- ²⁵ *Bognetti G.P. Per la storia dello Stato Visconteo. Un Registro di decreti della Cancellaria di Filippo Maria Visconti // Archivio Storico Lombardo. 1927. T. 54. N 181, 210, 222. P. 323, 327—328.*
- ²⁶ См. указ. на источник: *Карпов С.П. Трапезундская империя...* С. 123; *Idem. L'impero di Trebisonda...* P. 191, Not. 195.

должностей, как Д'Аллегро или Джироламо ди Негро, о котором ниже. На типичность явления указывает его отражение в агиографии и легенде. В Житии св. Иоанна Нового Белгородского, написанном Григорием Цамблком, читаем, например, что генуэзский патрон, выдавший святого неверным ок. 1340 г., похвалялся, что именит и принадлежит к числу "вторых из первых вельмож города Трапезунда"²⁷. В легенде о Меголло Леркари, приведенной сначала гуманистом Бартоломео Сенареггой, а затем и самыми известными генуэзскими историками XVI—XVII вв., во всех версиях подчеркивается то обстоятельство, что храбрый генуэзец был в дружбе с императором, входил в число его familiares, или придворных. Это и вызвало зависть греческого окружения василевса и последующий за тем конфликт²⁸.

Работа в Генуэзском гос. Архиве позволила нам выявить целый комплекс документов, относящихся к истории одного семейства, несколько поколений которого было связано с торговлей в Причерноморье и со службой трапезундским императорам. Речь идет о знатном генуэзском роде ди Негро (де Нигро).

Урбано (ранее 1404 -(+)1468/69	Джироламо (ранее 1404 -(+) ранее 1461)
Маттео Андреа Кристо- форо	Теодоро дочери
дочь+	дочери
Теодоро Фьески	
(+) ранее 1475	
Лука 5 дочерей	Франческо

Ди Негро торговали в Причерноморье и Трапезундской империи еще с XIII в. Андреа (Андреоло) ди Негро в 1289 г. участвовал в торговом обществе, осуществлявшем операции между Каффой и Трапезундом, с такими крупными партнерами, как братья Дзаккариа²⁹. Гальвано ди Негро был примерно в это же время генуэзским консулом в Трапезунде³⁰. Андало ди Негро в 1314 г. заключает договор Генуи с трапезундским императором Алексеем II. "Биографический словарь итальянцев" отождествляет его со знаменитым астрономом, математиком и медиком, учителем Бокаччо и другом просвещенного кипрского короля Гуго IV Лузиньяна, преподававшим затем в Неаполе и умершем в 1334 г.³¹ Может быть, более вероятна идентификация посла

²⁷ Русев П., Давидов А. Григорий Цамблак в Румыния и в старата румынска литература. София, 1966. С. 92—93.

²⁸ Desimoni C. Intorno... P. 505: "inter aulicos primus habitus est"; Bizzari Pietro. Senatus Populique Genuensis Rerum Domi Forisque Gestarum Historiae atque Annales. Antverpiae, 1579. P. 145: "Inter ceteros, que Caphae... varias negotiationes exercebant et propter mercium commutationem sese in caesaris Trapezuntini amicitiam et familiaritatem insinuant, Megolus Lercarius... precipuum locum obtinebat". Бидзари понимал, что положение Леркари при дворе не было чем-то исключительным и указал на связь его возвышения с торговыми занятиями в Каффе и Трапезунде. См. также: Interiano Paolo. Ristretto delle Historie Genovesi. Lucca, 1551. P. 126r—v; Foglietta Oberto. Uberti Folietae Patricii Genuensis Historiae Genuensium Libri XII. Genuae, 1585. P. 159v; Giustiniani Agostino. Annali della Repubblica di Genova. Genova, 1854. T. 2. P. 146: "Era... nella corte dell'imperatore di Trabisonda..." О Меголло Леркари см.: Карпов С.П. Трапезундская империя... С. 99—100; Idem. L'impero di Trebisonda... P. 149—151, 182—183 (с ука. лит. вопроса).

²⁹ Balard M. Gènes et l'Outre-Mer. P., 1973. I. Les actes de Caffa... N 166—167: 9/VI 1289; N 323: 16/VIII 1289; Lopez R. Genova marinara nel Duecento. Benedetto Zaccaria, ammiraglio e mercante. Milano, 1933. P. 47.

³⁰ Cessi R. La tregua... P. 55.

³¹ Desimoni C. Intorno alla impresa... P. 513; Dizionario biografico degli italiani. Roma, 1991. T. 40. P. 126—131.

с одним из двух братьев ди Негро Андало и Карлино, развернувшими бурную предпринимательскую деятельность в Пере и Каффе в к. XIII в. и экспортировавшими квасцы на Запад³². В 1470-х годах на кораблях ди Негро на Хиос и Левант плавал знаменитый Христофор Колумб, начинавший как коммерческий агент этого дома³³. Ди Негро известны как церковные иерархи Латинского Востока. Доминиканский монах из Каффы Агостино ди Негро был в 1432—1456 гг. епископом Солдайи, заслужившим репутацию доброго и справедливого пастыря как у латинян, так и у греков города³⁴.

Впервые упоминание братьев Урбано и Джироламо ди Негро мы встречаем в счетных книгах — массариях Каффы под 1421—1426 гг. В 1421 г. Джироламо ди Негро вместе с компаньонами получил из казны Каффы 100 дукатов на подарки послам из Самсуна, с которыми генуэзские власти вели переговоры в Трапезунде после того, как генуэзская фактория в Самсуне — Симиссо была в 1420 г. захвачена и сожжена турками³⁵. В то время он еще не носил никакого трапезундского титула³⁶. В 1424—1426 гг. Урбано ди Негро, постоянно проживающий тогда в Каффе, выступает доверенным лицом брата Джироламо, которому причиталась уплата 24 200 аспров через массарию Каффы за ущерб, понесенный от "подданных государя трапезундского императора", что было нотариально зафиксировано 27 июля 1424 г. Алексей IV Великий Комнин (1416/7—1429) обязался погасить урон всем генуэзцам (Джироламо был одним из многих) по соглашению с Каффой³⁷. В записях счетов Джироламо назван великим месадзоном (megamesaxius) императора, т.е. он был уже в числе высших придворных чинов, наиболее приближенных к императору³⁸.

Ди Негро были состоятельными людьми. В петиции 1428 г., выступая от имени и по поручению брата, Урбано просит власти Генуи возместить Джироламо долг покойного Вани Монлеоне, избранного консулом в Трапезунд, но скончавшегося по пути к месту назначения во время плавания по Черному морю. Ранее Вани взял в займы у Джироламо 10 тыс. трапезундских аспров, предоставив в залог свое имущество, включая доход от должности консула. Так как по генуэзским статутам наследникам официала, отправлявшегося на Левант и умершего в пути выплачивалась половина оклада, при условии, что он проделал путь далее Неаполя, Урбано просит власти Генуи дать консулу в Трапезунде распоряжение об уплате долга. Губернатор Генуи (находившейся тогда под властью Миланского герцога) и старейшины поручили рассмотрение дела Оффиции Романии³⁹. Ее рекомендации и последующий ход дела нам неизвестны.

В августе 1429 г. губернатор Генуи архиепископ Бартоломео отправил специальное рекомендательное письмо, адресованное трапезундскому императору Иоанну IV, в котором отмечалась знатность рода ди Негро и его

³² Balard M. La Romanie... P. 236, 526—527, 556, 563 not. 115, 866.

³³ См.: Dizionario biografico... T. 27. P. 169; T. 40. P. 121.

³⁴ См.: Loenertz R.-J. La société des frères pègrinants. Études sur l'Orient dominicain. Roma, 1937. I. P. 121—122; Fedalto G. La Chiesa Latina in Oriente. Bologna, 1981. I. P. 564.

³⁵ См.: Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII—XV вв.: проблемы торговли. М., 1990. С. 86—87.

³⁶ ASG, San Giorgio. (Далее. SG). Sala 34. N 590. 1229 (Caffe massaria ad a.1420), f.Lv: 19/V 1421. Мандат консула Каффы — 16/V 1421.

³⁷ Ibid. N 590. 1232 (Caffe massaria ad a.1424), f.CXXXIIv: 14/VIII 1425, 22/VIII 1426; f.CCVv: 14/VIII 1425.

³⁸ О титуле см.: Verpeaux J. Contribution à l'étude de l'administration Byzantine: ὁ μεσάζων // BS. 1955. T. XVI, 2. P. 270—296.

³⁹ ASG. AS. 2024. DF. 4. N 150: 24/III 1428.

заслуги перед Генуей и выражалась надежда на благосклонный прием братьев императором. Одновременно консулу Каффы и подеста Перы поручалось со своей стороны, в случае если император сохранял добрые отношения с генуэзцами и соблюдал договоры, отправить ему письма в поддержку двух ди Негро (в ином случае письмо губернатора Генуи предписывалось сжечь, не передавая василевсу)⁴⁰. Некоторая неопределенность возникала от того, что Генуя, способствуя перевороту Иоанна IV (совершенному только что, в апреле 1429 г.), еще не знала о его позиции по отношению к республике и ее факториям. Письма к императору такого содержания почти не имеют аналогов в генуэзской дипломатической практике. Они были включены в корпус важнейших официальных посланий. Хотя это не выражено явно, видимо, республика желала укрепить свое влияние на Понте, поддерживая своих граждан — императорских чиновников.

Урбано ди Негро осуществлял постоянную связь с властями Генуи и информировал их о положении дел в Причерноморье и, в частности, в Трапезундской империи. В 1438 г. он взял на себя посреднические функции в переговорах трапезундского императора с дожем в сложный для Иоанна IV момент конфликта с братом Александром Великим Комнином, женатом на дочери правителя Митилены генуэзского нобиле Дорино I Гаттилузи. Александр пытался вовлечь в войну с Трапезундской империей как Дорино Гаттилузи, так и Перу с Каффой. Посредничество Урбано ди Негро привело к тому, что дож нейтрализовал эти попытки, запретив властям генуэзских факторий вмешиваться в ссору братьев и рекомендовав Гаттилузи способствовать их примирению. Письмо и позиция дожа Томмазо Кампофрегозо к императору Иоанну основывались и на информации Урбано ди Негро о благорасположении василевса к генуэзцам. Дожд рекомендует императору и далее следовать советам Урбано ди Негро⁴¹.

В 1441 г. Урбано по-прежнему находился в Каффе и был (вместе с компаньонами Паоло Джентиле и Симоне ди Леванто) откупщиком двух крупных налогов. За один из них — новый *drictus* на торговлю с Трапезундом, взятый на 5 лет и 9 месяцев, — он внес в 1441 г. 80 тыс. аспров (вероятно, платеж за 1 год). За второй налог — 11% пошлину (*cabella*) на вино — была уплачена огромная сумма — 173 922 аспра. Вновь Урбано представляет в Каффе интересы брата Джироламо, все также носившего титул великого месадзона⁴².

Джироламо верой и правдой служил императору, даже тогда, когда ему приходилось действовать против соплеменников. В 1437 г. группа генуэзских купцов во главе с жителем Перы Филиппо ди Мелоде (или ди Мероде)⁴³

зафрахтовала наву грузоподъемностью 1200 модиев (337.7.) гражданина Каффы Мервальдо Спинола для перевозки ок. 600 вегет (св. 315 т) разных грузов, в том числе рабов. Корабль прибыл, по-видимому, сначала в Трапезунд, а затем в Ло Вати (Батуми) — порт, принадлежавший тогда Трапезундской империи⁴⁴. Там специально посланные трапезундские военные суда — галера и фусты под командой Джироламо ди Негро — захватили наву Спинолы за какое-то нарушение, судя по одному из документов, за пиратские действия — захват имущества у направлявшегося в Трапезунд купеческого каравана "друзей императора" (скорее всего, подданных князя Гурии, Тимурида Шахруха, хана Ак-Коюнлу или др. правителей Востока, с которыми Трапезунд был связан договорами, в том числе торговыми)⁴⁵. Мервальдо Трапезунд был связан договором, откуда был отпущен лишь при условии выполнения определенных обязательств (*nunc sub certis promissionibus relaxato*). Товары были конфискованы, а захваченная нава Спинолы, натолкнувшись на скалу, затонула в порту. Филиппо ди Мелоде сразу же обратился к консулу Каффы и получил от него письма к императору. Однако император не пожелал его выслушать и даже не прочел этих писем. Тогда Антонио Спинола, родственник Мервальдо и компаньон Филиппо ди Мелоде, имевший от него доверенность, начал ведение судебного дела в Генуе, требуя назначения репрессалий против трапезундского императора. 19 мая 1441 г. им была подана петиция дожу и старейшинам Генуи, которые поручили разбор дела дожу и торговой официи Перы⁴⁶. Видимо, в связи с этой петицией 29 мая 1441 г. дож Генуи Томмазо Кампофрегозо обратился с письмом к трапезундскому императору в поддержку ходатайства консула Каффы и в защиту ди Мелоде и его компаньонов, рекомендуя ему в спорных случаях представить дело в суд и направить его все той же торговой официи Перы⁴⁷. Представление не возымело действия, и 28 марта 1442 г. Антонио Спинола вновь подает петицию, указывая на несерьезные оправдания императора, из-за чего официия Перы приостановила заслушивание свидетелей, и ущерб истцам не был возмещен. Власти Генуи ограничились новым письмом подеста и торговой официи Перы с просьбой разобраться⁴⁸. Без видимых результатов дело тянулось до 1450 г., когда прокураторами Мервальдо Спинолы была подана следующая петиция с подробным изложением дела и требованием применения прав марки, отданная на рассмотрение Официи попечения Романии⁴⁹. Примечательно, что в петиции упомянуто обсуждение дела в Генуе в 1449 г. с трапезундским послом Георгием Амирутци, не завершившееся каким-либо решением (как, впрочем, и все переговоры о компенсации ущерба генуэзцам трапезундской стороной)⁵⁰. Ответчиком по искам пока выступает трапезундский император, но не Джироламо ди Негро.

В 1470 г. ситуация изменилась. Трапезундской империи более не существовало, ущерб по делу ди Мелоде и его компаньонов погашен не был, и истцы

⁴⁰ Ibid. 1799. Litterarum. 3, f. 196r—v (N 445—447); 2/VIII 1429.

⁴¹ Ibid. 1784 Litterarum. 8, f. 165r, N 501 (письмо дожа консулу Каффы и подеста Перы); f. 165v, N 502 (письмо трапезундскому императору: 17/III 1438; f. 168r, N 503 (письмо дожа Дорино Гаттилузи, опубли.: Luxoro A., Pinelli-Gentile G. Documenti riguardanti alcuni dinasti dell'Arcipelago // *Giornale Ligustico*. 1875. T. 2. P. 292—293); 17/III 1438. Об упомянутых событиях см. подробнее: Карпов С.П. Трапезундская империя... С. 110, 121; *Idem*. L'impero di Trebisonda... P. 173—174.

⁴² ASG. SG. Sala 34. N 590. 1233 (Caffe massaria ad a. 1441), f. XLVr: 28/VII 1441; f. CXXXIIv: 27, 31/VII 1441.

⁴³ Филиппо де Мелоде, *burgensis* Перы, упоминается в источниках до 1453 г. См.: *Roccatagliata A.* Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Pera e Mitilene. T. Pera, 1408—1490. Genova, 1982. N 4. P. 48: 10/IX 1442; N 9. P. 57—58: 19/IX 1442 (вел дела также в Адрианополе); *Eadem*. Nuovi documenti su Pera Genovese // *Storia dei Genovesi*. Genova, 1991 T. XI. P. 141—143: 31/I 1453. Примечательно, что и здесь он выступает как душеприказчик представительницы дома Спинола, видимо, постоянных партнеров.

⁴⁴ О принадлежности Вати Трапезундской империи недвусмысленно сказано в источниках: ASG. AS. 3038. N 49: 5/III 1450 — "in partibus Trapesondarum loco"; AS. 3051. N/n 12/X, 19/X 1470.

⁴⁵ Ibid. 3051. N/n — 1470.

⁴⁶ Ibid. 3033. N/n: 19/V 1441.

⁴⁷ Ibid. 1786. Litterarum. 10. f. 429r, N 916. Краткое изложение содержания см.: *Iorga N.* Notes... // ROL. 1899. T. VII. P. 41—42.

⁴⁸ ASG. AS. 3033. N 58 (alias 168).

⁴⁹ Ibid. 3038. N 49: 5/III 1450.

⁵⁰ Карпов С.П. Трапезундская империя... С. 114—119; *Idem*. L'impero di Trebisonda... P. 167—171.

решили действовать против сына покойного Джироламо ди Негро Теодоро, возложив вину за произошедшее на его отца. Сохранился весьма интересный текст петиции и ответ на него Теодоро⁵¹. Петицию подал Бартоломео *de Opiciis* от имени своей жены Изабеллы, дочери и наследницы покойного Антонио ди Ривароло, пострадавшего некогда от нападения в Ло Вати галеры и фуст Джироламо ди Негро. Истец рассматривал известный нам эпизод как морской грабёж и на этом основании обращался к суду вице-губернатора Генуи и старейшин. Последние, однако, сочли такую интерпретацию дела некорректной, а само дело не относящимся к их компетенции и, заслушав ответчика, поручили вести дальнейшее разбирательство специальным судебным магистратам и синдикам Генуи. В петиции можно выявить явные и преднамеренные искажения фактов. Утверждается, например, что Джироламо использовал захваченное на набе имущество по своей воле (хотя, как явствует из всех документов и предыдущих исков, он исполнял приказ императора о конфискации). Сообщается, что Антонио ди Ривароло находился на своей набе, хотя, как мы знаем, ее патроном был Мервальдо Спинола, а большая часть грузов принадлежала Филиппо ди Мелоде. Говорится о том, что Антонио ди Ривароло сразу после этого потрясения скончался, а его дочь, находясь в младенческом возрасте, не могла отстаивать своих прав. Но и это не правда: как нам удалось установить, Антонио ди Ривароло скончался в Трапезунде в 1456 г., т.е. почти через 20 лет после этого происшествия, оставив сыну и наследнику Баттиста имущество в разных портах Черного моря⁵².

Разъяснения Теодоро ди Негро весьма интересны для нашей темы. Разумеется, он обращает внимание властей на то, что иск запоздал почти на 36 лет (тут небольшая неточность — на 33 года) и что ни Мервальдо Спинола, ни другие генуэзцы, постоянно проживавшие в Каффе, не вчиняли иска против Джироламо, имевшего там собственность и прокураторов. Еще важнее, как определяет сын статус своего отца. Джироламо — барон и один из ближайших придворных императора (*baro imperatoris Trapesunde et inter suos primates commoratus*), он подданный (*subditus*) василевса, его чиновник и исполнитель его воли (*minister et executor*), действующий по приказу его господина (*domini sui*). Он укоренился в Трапезунде, имел там собственный дом, где и проживал до самой смерти. И хотя он был исконным генуэзским гражданином (*esset originarius civis Ianue*), власть Генуи не распространялась тогда на него как на слугу императора (*nec eo tempore exercebat nec inclita civitas aliquod imperium in ipsum dominum Hieronimum*), и он не подлежал тем самым генуэзскому суду, подобно лицам, находящимся полностью под юрисдикцией Генуи (*contra eos in quos plenum habet imperium nec inclita civitas*), не говоря уже о том, что он действовал не по своей воле и не в своих интересах. Император же мог по праву действовать против тех, кто нарушал мир и торговлю в его стране (*et iuste potuisset facere prefactus dominus imperator contra turbantes pacem et mercaturas sue regionis*) и тем самым позорил его. Эти аргументы были приняты властями Генуи. Но тогда возникает показательное противоречие: гражданин Генуи, ставший должностным лицом императора, оказывается неподсудным суду метрополии, во всяком случае — по делам его службы. А это явное отступление от прежней практики и основных принципов договорных

отношений Генуи с иностранными государями. Правда, может быть, мотивом, побудившим Геную к таким нарушениям, были услуги, оказываемые братьями ди Негро Республике, в том числе — и информирование ее о намерениях императора. Не случайно и в ответе на петицию истца Теодоро ди Негро подчеркивает, что, когда мог, Джироламо был защитником генуэзцев (*fuit semper eorum protector, ubi potuit*). Еще ранее, в 1449 г. в письме к Джироламо, названному уже протовестиарием (*megavistiarius*) трапезундского императора, дож Лудовико ди Кампофрегозо благодарит его за доброе расположение, о котором ему сообщил посол Амирутци, и рассчитывает на его содействие своим планам⁵³. Таким образом, Джироламо достиг высших титулов, оставаясь по меньшей мере лояльным Генуе.

Сын трапезундского "барона" был свидетелем взятия Трапезунда войсками турецкого султана в 1461 г., потерял все свое имущество, "голым" (*nudus*) добрался до Каффы, тогда как его мать и сестры попали в плен к османцам⁵⁴. Его отец, как отмечалось выше, умер в Трапезунде, вероятно, до 1461 г. (рассказывая о захвате в плен матери и сестер, Теодоро умалчивает об отце — протовестиарии) и, быть может, Теодоро, оставшись в Трапезунде, также служил последним императорам — Иоанну IV и Давиду (1458—1461)?

Примечателен интерес второго поколения рода ди Негро к торговле между Трапезундом и Каффой, что обеспечивалось положением и имуществом Урбано и Джироламо в обоих городах. Однако в условиях кризиса черноморская торговля не приносила больших дивидендов и, напротив, вовлекала партнеров в длительные и малопродуктивные судебные разбирательства по поводу взаимных долгов и обязательств.

Род ди Негро был связан деловыми и родственными отношениями с другим знатным генуэзским семейством — Фьески. Теодоро Фьески, в 1454—1456 гг. один из крупных откупщиков коммеркиев в Каффе⁵⁵, был зятем Урбано ди Негро⁵⁶. Они вместе участвовали в торговом обществе. В одну многостороннюю коммendu ими был инвестирован значительный капитал — 383 312 аспров. Из них 237 872 аспра вложил Теодор Фьески, 24 240 аспров — его родственники Джакомо и Маттео, а 121 200 аспров — Урбано ди Негро и его сын Маттео. Компаньоны торговали зерном, тканями, хлопком в Каффе и на Хиосе, занимались финансовыми операциями⁵⁷. Маттео ди Негро в 1460—1462 гг. вел дела в Трапезунде и в Каффе. В 1460 г. он продал в Трапезунде 1/2 фарделла (ок. 40 кг) шелка Франческо Фьески. Уезжая из Каффы в 1462 г., Маттео поручил брату Андреа (как своему прокуратору) взыскать этот и другие долги с Фьески, но безрезультатно: мы располагаем материалами судебного разбирательства спора между компаньонами в Генуе в мае 1473 г.⁵⁸ Правда, Урбано и Маттео удалось добиться того, что Теодоро Фьески приговорили к уплате 3 600 лир по упомянутой коммende. С него взыскали часть суммы, а за остальную грозила долговая тюрьма. Фьески дважды обращается с петициями в высшие инстанции Генуи, но оба раза

⁵³ ASG. AS. 1794. Litterarum. 17.f182r. N 824: 26/VI 1449.

⁵⁴ Ibid. 3056. N 356: 21/I 1475.

⁵⁵ Balard M. Note sur la fiscalité génoise à Caffa au XVe siècle // Bulletin de la Société Nationale des antiquaires de France. 1993. P. 237.

⁵⁶ ASG. AS. 3051. N (501): 17—19/II 1468.

⁵⁷ См. сохранившийся счет операций торгового общества Теодоро Фьески и его компаньонов в Каффе (представлен в суд по случаю споров с Урбано ди Негро). Ibid. 3049. N 130: 10/II 1466.

⁵⁸ ASG. Notai giudiziali, Antonio de Percifiano, filza 2 (11), prot A,B: 11—14/V 1473.

⁵¹ ASG. AS. 3051. N/n.

⁵² Vigna A. Codice... // ASLSP. 1868. T. VI. Doc. N 317. P. 664: 3/XII 1456.

получал отказ⁵⁹. Сын Теодоро Фьески, Франческо, и в 1475 г. продолжал торговать в Черном море, был банкиром и судовладельцем в Каффе и Пере. Впрочем, фигурирующие в нотариальных актах суммы в десятки (не сотни) тысяч аспров позволяют думать, что он, скорее, был предпринимателем средней руки⁶⁰.

Менее успешной для Маттео ди Негро была тяжба со своим двоюродным братом Теодоро ди Негро. Основанием иска послужило то обстоятельство, что Маттео, будучи прокуратором своего родственника в Каффе, продал там его ценные бумаги, так называемые *лоса Каффы* (доля государственного долга, на которую начислялись проценты), не произведя затем полного расчета с Теодоро, который вернулся в Каффу в 1461 г. из только что взятого турками Трапезунда. Прибыв затем в Геную, Теодоро был изгнан из дома дядей и его сыновьями "аки варвар" и не допущен до отцовского наследия, как он с горечью будет свидетельствовать суду, потеряв средства и не имея возможности, видимо, из-за возраста и болезней (может быть, ран?) потом своим зарабатывать на жизнь (*est etiam non habilis de persona, nec robustus ad victum querendum in sudore suo*). Ему оставалось только прибегнуть к третейскому суду родственников, а затем и государства, ради взыскания долгов⁶¹.

Участь Маттео ди Негро не была более завидной. От долгов и судебного преследования в 1467 г. он бежал на Ривьеру, а затем вернулся в Каффу. Там он владел навой, и в 1469 г. намеревался из Каффы плыть с товарами в Перу — Бруссу — на Хиос. Однако в порту Карпи его корабль потерпел крушение, хотя сам он и экипаж спаслись. Это независимое свидетельство из письма нотариуса Антонио ди Торрилья⁶² подтверждает показания Маттео в суде о том, что он, все потеряв, едва спасся сам, "в одной только рубашке". Но не лукавит ли ответчик, утверждая, что и собранные им солидные доказательства его невиновности погибли во время той же бури, и что влиятельные родственники Теодоро при турецком султানে помешали ему собрать новые в Константинополе? (Теодоро категорически отрицал наличие таких родственников... Правда, как мы помним, сам он признавался, что его сестры оказались в плену в Трапезунде в 1461 г. Они могли вместе со знатыми жительницами Трапезунда попасть в гаремы Стамбула и породниться с турками. Фактически оснований для такого утверждения, однако, нет, если не считать туманного намека Маттео). Так или иначе, Маттео не смог более заниматься мореплаванием и, имея 5 дочерей и сына, впал, как он утверждал, в бедность и 5 лет провел в бесчестящей его долговой тюрьме⁶³.

С другим своим братом, Кристофоро, Маттео, по его словам, также был в ссоре. Теодоро ди Негро, напротив, свидетельствует, что тот был прокуратором Маттео и всегда действовал заодно с ним против Теодоро. Истину выяснить невозможно, но оба заявления в конце концов не опровергают друг друга... Интереснее другое — возможная идентификация

Кристофоро с последним мужественным консулом генуэзской Солдаи (1471—1475)⁶⁴.

Итак, мы проследили историю рода, связавшего свою жизнь и судьбу с Причерноморьем в один из самых драматических периодов его истории. Очевидно, что "натурализация" в Трапезунде Джироламо ди Негро и его потомства не носила устойчивого характера и не привела к появлению нового линияжа трапезундской знати. Но причиной тому было падение империи, а не естественное отторжение чужеземцев местной средой и элитой, с которой он и его семья сосуществовали долгие годы. В статусе иноземного "барона", как мы видели, появились новые черты, не характерные для отношений Генуи с византийским миром до XIV в.

Семейная биография ди Негро показывает довольно типичный путь генуэзского предпринимателя на Леванте в середине XV в.: от торговли к политической деятельности, от разочарования — к надежде, от надежды — к крушению и судорожным попыткам удержаться на плаву в условиях османского господства (вспомним Франческо Фьески, внука Урбано ди Негро). И все же, прочно осевшие когда-то в городах Причерноморья ди Негро возвращались в Геную, неся с собой груз потерь, несбывшихся надежд и непоплаченных долгов.

⁵⁹ ASG. AS. 3050. N (501): 17—19/II 1468; N 128: 5/V 1469.

⁶⁰ *Roccatagliata A. Notai...* N 93—96, 100, 102: акты с его участием составлены в Пере с 25/X по 15/I 1476.

⁶¹ ASG. AS. 3049. N 74: 12—15/VI 1467; AS. 3056. N/n: 21/I 1475; N 356: 21/I 1475.

⁶² *Roccatagliata A. Notai...* N 74. P. 174—177: 27/XI 1469.

⁶³ ASG. AS. 3056. N/n.

⁶⁴ См. о нем: Колли Л.П. Кристофоро ди Негро, последний консул Сольдаи: Последние годы генуэзской Сольдаи. 1469—1475 // ИТУАК. 1905. Т. 38. С. 1—28.

Д.А. Коробейников

ПОНТИЙСКИЕ МИТРОПОЛИИ НА МУСУЛЬМАНСКИХ ЗЕМЛЯХ В XIV в.

Процесс ассимиляции мусульманами православного населения Малой Азии длился столетия, но только в середине XIV в. христиане стали меньшинством на полуострове¹. Впрочем, в некоторых районах Анатолии, в силу тех или иных исторически сложившихся условий, православной церкви удалось сохранить часть своих позиций. Одной из таких областей был понтийский регион. Очевидно, что греки — подданные трапезундских императоров, — до 1461 г. не испытывали воздействия исламизации, но вне границ империи Великих Комнинов также проживало немалое число православных. Они попали под владычество мусульман самое позднее в 20-х годах XIII в.² и тем не менее несколько понтийских митрополий продолжали существовать в XV—XVII вв.³ Что же помогло греческому населению Понта, жившему вне границ Трапезундской империи, выстоять в непростых условиях XIV в.?

Если православное население Понта не находилось под властью своих единоверных государей, именно церковь должна была выступать в качестве силы, способной консолидировать и укрепить христианскую общину. Между тем история православных митрополий Понта в XIII—XV вв. на завоеванных мусульманами территориях еще ни разу не была предметом специального

исследования⁴. Со сравнительной полнотой немногие сохранившиеся документы константинопольской патриархии, относящиеся к Восточной Анатолии XIV в., упоминаются в работах Спироса Вриониса⁵, однако без сопоставления с событиями политической истории и этнической картиной. В результате упущены многие черты, составлявшие своеобразие понтийских митрополий.

Таким образом, в данной статье исследуется история митрополий Амасии⁶, Неокесарии/Никсара⁷, Севастии/Сиваса, Колонии/Шебинкарахисара, Келтницы/Эрзинджана, Камаха/Кемаха. Из них только диоцезы Амасии и Неокесарии были частью на мусульманской, частью на трапезундской территории; остальные митрополии располагались вблизи от рубежей империи Великих Комнинов.

При этом необходимо помнить о некоторых обстоятельствах. Во-первых, нужно учитывать состояние отношений между Константинополем и Трапезундом. После долгого периода конфронтации, когда Давид и Алексей Великие Комнины попытались, подобно правителям Эпира⁸, добиться независимости от Никей в церковных делах⁹, отношения между патриархией и Трапезундом были урегулированы только к 1 января 1261 г.: синодальный акт гласил, что митрополит Трапезунда избирается местным синодом и обладает правом рукополагать своих викарных епископов. Следует подчеркнуть, что эти привилегии были дарованы только Трапезундскому митрополиту¹⁰. Соответственно, в деле выбора и хиротонии других архиереев Понта инициатива принадлежала Константинополю.

Во-вторых, речь идет о мусульманских территориях. Положение христиан

⁴Хорошо изучена история собственно трапезундской церкви: *Χρύσανθος*. Op. cit.; *Janin R.* Les églises et les monastères des grands centres byzantins. P., 1975; *Карпов С.П.* Трапезунд и Константинополь в XIV веке // ВВ. 1974. Т. 36; *Он же*. Трапезундская империя и Афон // ВВ. 1984. Т. 45; *Kislinger E.* Macht und Moixeia am Hof von Trapezunt (zu einem Patriarchalschreiben des Jahres 1340 // JÖB. 1944. Bd. 44. S. 245-253.

⁵*Vryonis Sp.* The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization, from the XIth through the XVth century. Berkeley etc., 1971; *Idem*. Religious Change and Continuity in the Balkans and Anatolia from XIV through XV century // *Islam and Cultural Change in the Middle Ages*. Wiesbaden, 1975. P. 127-140.

⁶Епископства митрополии Амасии (или Еленопонта): Амис/Самсун; Синопа/Синоп; Иворы/Пимолисса/Османджик; Андрапы/Неоклавдиополь/Везиркепрю; Захих/Леонтополь/Алачам; (Зела/Зиле). (Not. 4, 10, 13. P. 223, 315, 357).

⁷Епископства митрополии Неокесарии (или Понта Полемониака): Керасует/Гиресун (с XII в. — митрополия, Not. 14. P. 367, 376); Полемонион/Фатса; Комана Понтика/Гюменек; Алиа; Ризеон/Ризе; Коккос/Ког-Кале (?); Эвникос; Ардаса/Торул; Мартирополь; Иписла (Not. 10. P. 317). Локализация дана по: *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos // DOS. Wash., 1985. XX. Vol. 1. P. 2, 8 (Далее: ВМТР). Иписла находилась возле Керасунта (Ibid. P. 127). Ризеон стал митрополией в конце XIV, а не в XII в., как полагают Брайер и Винфильд (Not. 20. P. 418.18.19 // ММ. Т. II. P. 570-571; ВМТР. P. 332).

⁸*Hussey J.M.* The Orthodox Church in the Byzantine Empire. Oxford, 1990. P. 208-209.

⁹Неизвестный митрополит Керасунта рукоположил — без согласия патриарха Михаила IV Авториана (1208-1214), — митрополитов Неокесарии, Трапезунда и других архиереев Понта и Лазики. Аналогичным образом поступил митрополит Гангр Калигупол (Калогеропул в прочтении Лорана) в отношении митрополитов Ираклии Понтийской и Амастриды. См.: *Васильевский В.Г.* Epirotica saeculi XIII: из переписки Иоанна Навпактского // ВВ. 1896. Т. III. С. 274. 21-27; 290. 15-23; *Les Régestes des actes des patriarches de Constantinople* / Ed. Laurent V. P., 1971. Vol. 1, Fasc. 4. N. 1236. P. 46 (Далее: Régestes).

¹⁰*Petit L.* Acte du patriarche Nicéphore II sur les privilèges du métropolitain de Trébizonde // ИРАИК. 1903. Т. VIII. Вып. 3. С. 170-171; Régestes. P. 153-155.

¹*Vryonis Sp.* Nomadization and Islamization in Asia Minor // *Byzantina kai Metabyzantina: Studies on Byzantium, Seljuks and Ottomans*. Udena, 1981. N IV. P. 59.

²Именно в это время окончательно стабилизируются границы Трапезундской империи.

³Об относительно высокой численности православного населения Северо-Восточной Анатолии, от Синопа и Самсуна до Неокесарии и Севастии, свидетельствуют сообщения путешественников XVII в. См.: *Χρύσανθος*. Н' Εκκλησία Τραπεζούντος // А.П. 1936. Т. 4/5. P. 791-796 (1681 г., сведения патриарха Иерусалима Досифея); Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / Пер. с араб. Г. Муркоса. М., 1900. Вып. 5. С. 114-131 (1659 г.). *Эвлия Челеби*. Книга путешествий (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). М., 1983. Вып. 3. С. 29-30, 69. (1640 г.). О ситуации в XVI в. данных меньше, но исследования Баркана показывают, что из 78 783 христианских дворов в Анатолии 51 662 находились в провинции Рум (Амасья, Шаркикарахисар, Джаник, Трабзун, Малатья, Дивриги, Даренде, Кемах, Байбурт). Правда, в это число включены армяне. В XV в. из 17 уцелевших митрополий Малой Азии 5 (треть от общего числа) составляли митрополии Понта (Неокесария, Трапезунд, Амасия, Керасунт, Ризеон), из трех епископств два — Канин и Офеос, — понтийские. См.: *Darrouzès J.* Notitiae Episcopatus Ecclesiae Constantinopolitanae. P., 1981 (Далее: Not.). Not. 21, P. 419-420; *Barkan Ö.L.* Essai sur les données statistiques de recensement dans l'Empire Ottoman aux XVe et XVIe siècles. // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 1958. N 1. P. 30-35.

зависело как от внешней политики эмиров¹¹, так и от конкретных форм сотрудничества (или вражды) с мусульманами. Великие Комнины в конце XIV в. создали целую систему союзов (подкрепленных династическими браками) с правителями Никсара, Синопа, Эрзинджана, эмирами Ак-коюнлу и Хаджи-мироглу¹². К сожалению, практически не исследовалось, как эти связи повлияли на положение православной церкви Понта¹³. Отчасти это может быть объяснено крайней скудностью источников, особенно для XIII в.¹⁴, но для XIV в. ситуация сложилась иная: дошедший до нас сборник патриарших документов позволяет восстановить обстановку и условия, в которых оказалась православная церковь в этом регионе¹⁵.

Уже один из первых актов, датированный июлем-сентябрем 1315 г.¹⁶, сообщает, что епископу Синопа, который был изгнан из своей епархии¹⁷, синод и патриарх передали на правах *κατ' ἐπίδοσιν*¹⁸ митрополию Сиды и Силея (в Писидии), а также архиепископство Леонтополь¹⁹. Это постановление показывает, что епископ Синопа, скорее всего был лишен возможности получать доходы из своей епархии, поэтому в Константинополе решили передать ему три заведомо несовместимые церкви: одну на Понте, две другие в Писидии, на юге Анатолии. Вероятно, подразумевалось, что епископ Синопа, находясь в Леонтополе, будет получать доходы из Сиды и Силея. Однако митрополит Писидии настоял на том, что, поскольку между этими двумя пунктами (Синопом и Писидией) "расстояние по много дней пути, из-за бесчинствующих

язычников епископ Синопа отдален о вышеупомянутого архиепископства Лентополь и ему (еще) труднее добраться до вышеназванных церквей Сиды и Силея, и там ему нет никакой возможности пребывать"²⁰, необходимо поставить его, Григория, во главе этих кафедр на правах управления ими²¹. Вместе с писидийскими епархиями Григорий также получил Леонтополь; епископу Синопа пообещали дать что-нибудь другое²². Документ не объясняет, почему Гази Челеби, эмир Синопа, выгнал православного епископа. Поводом к этому могла послужить трапезундско-синопская война, шедшая в это время²³. Больше епископы Синопа в актах патриархии не упоминаются.

В это же время Амасийская митрополия претерпевала серьезные изменения: в 1317 г. состоялся перенос резиденции митрополита в Лимнию, которая находилась под властью трапезундского императора.

Началось все с того, что христиане, пребывавшие в Амасийской митрополии, прислали в митрополию письмо, сообщая, что они уже в течение долгого времени лишены собственного архиерея²⁴. Поскольку обстановка в митрополии была тяжелой, доступ к кафедре затруднен, то верующие попросили поставить им в качестве митрополита епископа Зелы²⁵. В Константинополе пошли навстречу просьбе²⁶, но между серединой 1315 и 1317 г. произошло какое-то вторжение в Амасию, не зафиксированное, по-видимому, ни в одном другом источнике²⁷. В результате церковная жизнь была парализована. Патриарх и синод, договорившись с императором Алексеем II Великим Комнином²⁸, добились в июле 1317 г. переноса резиденции митрополита Амасии²⁹ в Лимнию. Интересно, что епископство Лимния объявляется

¹¹ В тех случаях, если греческая деспина — жена мусульманского эмира, — не меняла свою веру и сохраняла полученное при крещении имя, она становилась покровительницей своих единоверцев. Так было с Феодорой Великой Комниной, женой Узуна Хасана (1457-1478), султана Ак-коюнлу. Кроме того, дочери трапезундских и византийских императоров, выходявшие замуж за восточных государей, имели при себе христианскую свиту. См. случай с Марией Палеолог, дочерью Михаила VIII (1259-1282) и женой Ильхана Абаки — она привезла с собой мастера по росписи церкви (Gregory Abu 'l-Faraj known as Bar Hebraeus: *The Chronography / Transl. from the syriac...* by E.A.W. Budge. Amsterdam, 1976. Vol. 1. P. XXVII; *Geanakoplos D.J. Emperor Mihael Palaeologus and the West, 1258-1282. Cambr. (Mass.), 1959. P. 101, Not. 30; Bryer A. Greeks and Türkmens: the Pontic Exception. The Empire of Trebizond and the Pontos. L., 1980. N V. P. 150-151, Not. 146; Kurşanskis M. Auteur de la dernière princesse de Trébizonde: Theodora, fille de Jean IV et épouse d'Uzun Hasan // А.П. 1975/1976. 33. P. 80).*

¹² Bryer A. *Greek and Türkmens...* P. 113-151; Zachariadou E. *Trebizond and the Turks (1352-1402) // Romania and the Turks (c. 1300-1500). L., 1985. N III. P. 333-358; Шукуров Р.М. Трапезундская империя и турецкие эмираты Понта в XIV в. // Причерноморье в средние века. МГУ, 1991. С. 217-255.*

¹³ За исключением отдельных сопоставлений, см.: Bryer A. *Op. cit.* P. 130; ВМТР. P. 72, 98, 107, 352-353.

¹⁴ Фактически единственное, чем мы располагаем для Понта — это подписи членов патриаршего синода в июле 1294 года, где упомянуты митрополит Неокесарии Васой и митрополит Камаха Даниил. См.: *Régestes...* № 1565. P. 325 (акт не издан).

¹⁵ *Registrum Patriarchatus Constantinopolitani. Documenta annorum 1315-1331/* Ed. H. Hunger, O. Kresten. Wien, 1981 (Далее: Регистр). Это издание не закончено, поэтому для остальных документов пришлось пользоваться изданием Миклошича и Мюллера.

¹⁶ Датировка по: *Les Régestes des actes du Patriarcat de Constantinople /* Ed. Darrouzès J. P., 1977. Vol. 1, fasc. 5: *Les Régestes de 1310 à 1376* (Далее: *Régestes*), равно как и продолжение этого изд.: *Régestes de 1377 à 1410. P., 1979. Vol. I, fasc. 6. N 2034. P. 25.*

¹⁷ ММ I. N. XVII. P. 34. Регистр. N 6. P. 146-151. В Сурожском Синаксаре под 1302 г. упоминается епископ Синопа Мелетий, был ли он жив в 1315 году, неизвестно. См.: *Νυσταζοπούλου Μ. Ἡ ἐν τῇ Ταυρικῇ Χερσονήσῃ πόλις Σουγδαία: Αθήνα, 1965. N 115. Σ. 128.*

¹⁸ Постановление *κατ' ἐπίδοσιν* — это временное назначение в пустующую митрополию какого-нибудь митрополита (как правило, из соседних епархий) с тем, чтобы он отправлял священническую службу в этой митрополии до выбора ее собственного архиерея. В Анатолии в условиях турецкого господства эта практика получила особенно широкое распространение.

¹⁹ С кон. XII-нач. XIII в. Леонтополь — автокефальная архиепископия (Not. 14. P.377.74).

²⁰ ММ I. N. XXI. P. 39-41. Регистр. N 24. P. 236-241 (декабрь 1315 г.).

²¹ Он действительно недалеко находился от Сиды и Силея — в Антиохии Писидийской (*Régestes*. N 2051. P. 38).

²² По-видимому, этот епископ все-таки имел возможность исполнять свои пасторские обязанности: Ибн Баттута насчитал 11 греческих деревень недалеко от города. См.: *The Travels of Ibn Battuta. A.D. 1325-1354 /* Trans. by H.A.R. Gibb. Cambridge, 1962. Vol. II. P. 466; *Vryonis Sp. The Decline...* P. 293.

²³ В мае 1313 г. флот Трапезунда атаковал Каффу. Гази Челеби был союзником Алексея II (1297-1330); однако 26 октября 1314 г. император подписывает с генуэзцами мир, что вызывает отрицательную реакцию эмира Синопа и в 1318/1319 г. синопский флот опустошает окрестности Трапезунда. См.: *Μιχαήλ τοῦ Παναρέτου περὶ τῶν Μεγάλων Κορυνηῶν /* 'Εκδ. Ο.Λαψιδής // АП. 1958. 22. P. 63.26-64.1 (Далее: *Панарет*); Карпов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII-XV вв. М., 1981. С. 97. Изгнание православного епископа во время конфликтов с Византией — обычная османская практика. См.: *Ломизе Е.М. Константинопольская патриархия и османская религиозная политика в конце XIV — первой половине XV в. // ВВ. 1992. Т. 53. С. 90.*

²⁴ ММ I. N. XVIII. P. 36. Датировка документа — июль/сентябрь 1315 года (*Régestes*. N 2035. P. 25-26; Регистр. N 7. P. 150-155).

²⁵ Тем более, что этот епископ был местным уроженцем и знаком с обстановкой в Амасии. См.: (Ibid.).

²⁶ Правда, не до конца. Епископ Зелы не был рукоположен в митрополиты и исполнял пастырские обязанности в Амасии по совместительству.

²⁷ В течение продолжительного времени христианское население там сколько оставшихся в живых уцелело и не было уведено в плен вредящими и господствующими язычниками, пребывает (ныне) без епископа, лишенное духовного пастыря и, по этой причине, без наставления и утешения" (ММ I. XXXVIII. P. 70; Регистр. N 49. P. 328. 8-12).

²⁸ Возможно, через посредство Андроника II Старшего (1282-1328), как то предполагает Даррузес (*Régestes*. N 2079. P. 57).

²⁹ На этот случай был избран и рукоположен новый митрополит, которым стал иеромонах Каллист (Ibid.).

принадлежащим митрополиту Амасии³⁰. Возможно, перед нами след предыдущих распоряжений патриархии, поскольку Лимния должна была входить в состав епископства Полемонион³¹.

Если учесть тот факт, что с середины XII века резиденция неокесарийских митрополитов располагалась в Инее³², то после акта 1317 г. кафедры практически всех понтийских архиереев оказались на территории Трапезундской империи. В отношении митрополий Севастии, Колонии, Келтницы и Камаха проводилась несколько иная политика. В 1318 г. Феодору, митрополиту Мелитины/Малатии была передана на правах *κἀτ' ἐπίδοσιν* митрополия Келтцины³³. Следующий акт, датированный этим же временем, передавал митрополиту Мелитины право наблюдения и управления за патриаршим имуществом в митрополиях Неокесарии, Камаха, Келтцины и архиепископства Колонии³⁴. В январе 1327 г. константинопольский патриарх решил передать на правах *κἀτ' ἐπίδοσιν* митрополии Евхаит/Авката³⁵, Севастии, Икония/Коньи, Мокиса и архиепископство Назианз митрополиту Кесарии/Кайсери, экзарху всей Анатолии³⁶.

Эти распоряжения свидетельствуют о нескольких вещах. Во-первых, к началу XIV в. ослабевают связи Константинополя с восточно-анатолийскими митрополиями, в частности с митрополией Мелитины. Если в 1247–1248 гг. митрополит Мелитинский Иоанн участвовал в переговорах, которые происходили между Никеей и Киликийской Арменией, и мог свободно приезжать в свою епархию³⁷, то Феодосий Мелитинский³⁸ практически все время патриаршества Исаяи (1323–1334) провел в Константинополе; он отсутствовал, быть может, между 1319 и 1323, 1326 и 1327 гг.³⁹ По свидетельству Абульфида, христиане и мусульмане Малатии находились в хороших отношениях друг с другом, власть в городе принадлежала наместнику Ильханов⁴⁰. Однако в 715 г. Х. (7 апреля 1315 — 25 марта 1316 г.) этому благоденствию пришел конец: султан Египта ал-Малик ал-Насир ибн Калавун послал большую армию под начальством наиба Дамаска Сейфеддина Денгиза против Малатии. В результате город был сожжен и перешел под власть Египта. Вскоре эта территория стала театром военных действий между Ильханами и мамлюками. Скорее всего, данные события вынудили Феодосия Мелитинского стать титулярным епископом, и патриархии пришлось издать

ряд распоряжений, целью которых было поддержать сан и достоинство находившегося в Константинополе митрополита⁴¹.

Во-вторых, в конце XIII — начале XIV в. политическое сближение между Константинополем и Трапезундом⁴² сопровождалось налаживанием сотрудничества в области церковной политики. Империя Великих Комнинов предоставляет убежище митрополиту Амасии, нередко лица, тесно связанные с Трапезундом, используются патриархией, чтобы стабилизировать положение в отдаленных епархиях: так, в 1305 г. Георгий Хиониад, константинопольский врач, имевший связи с императором Иоанном II и некоторое время живший в Трапезунде, был рукоположен в сан епископа Табриза⁴³. Неокесария, Келтцина, Камах, Колония — в которых должен был исполнять свои обязанности Феодосий, митрополит Мелитины, — располагаются вдоль дороги, ведущей от Инея вглубь восточноанатолийских территорий⁴⁴. Их географическое положение, далекое от Малатии и вблизи от империи Великих Комнинов, показывает, что доходы из Келтцины этот митрополит получал, скорее всего, через Трапезунд⁴⁵.

Однако не следует забывать, что в первой половине XIV в. Трапезундская империя часто воевала со своими мусульманскими соседями. В это время политическая картина Понта меняется: сходит со сцены государство Ильханов, распадается Сельджукский султанат, формируются Сивасская держава и ряд мелких понтийских бейликов, некоторые из которых были основаны предводителями тюркских племен. Скорее всего, с начала XIV в. этническое давление на границах Трапезундской империи возрастает: военные действия против Великих Комнинов учащаются и достигают своего пика в 40-е годы XIV в.

Все это, разумеется, отражалось на делах церкви. Сохранился документ, который гласит, что в августе 1347 г. патриарх Исидор I (1347–1350) передает Иакову, митрополиту Севастии⁴⁶, право наблюдения за патриаршим имуществом в Комане и Докейе/Токате⁴⁷. В восточной Анатолии было две Команы: одна из них являлась викарным епископством Мелитины и располагалась недалеко от г. Сарыз⁴⁸ между реками Сарус/Гёксу и Пирамис/Джейхан. Вторая — Комана Понтийская/Гюменек находится недалеко от Токата, грани-

³⁰ ... 'Επισκοπήν τῶν Λιμνίων, οὐσαν ὑπὸ τῇ τοιαύτῃ μητρόπολιν Ἀμασειᾶς ... (MM I. P. 70; Регистр. N 330.36–37).

³¹ Régestes. N 2079.

³² ВМТР. P. 107. Именно митрополиту Неокесарии адресовал свое исповедание веры Андрей Ливадин. 'Ανδρείου Λιβανίου Βίος καὶ Ἔργα / Ἔκδ. Ὁ Λαμπρινός, Ἀθήναι, 1975. Σ. 88.

³³ MM I. XLI. P. 81–83; Регистр. N 56. P. 360–365.

³⁴ Ibid. P. 83–85. Кроме этих митрополий, синод передал митрополиту Малатии право экзархата над патриаршим монастырем Сирихи в пределах самой Мелитинской митрополии.

³⁵ Идентификация дана по: ВМТР. P. 8.

³⁶ Régestes. N 2133. P. 99–100; MM I. LXV. P. 143–144. Регистр. N 96. P. 542–546.

³⁷ Ibid. P. 83–85. Кроме этих митрополий, синод передал митрополиту Малатии право экзархата над патриаршим монастырем Сирихи в пределах самой Мелитинской митрополии.

³⁸ Впервые появляется при синоде в октябре 1316 г. См.: Régestes. N 2076. P. 2087. P. 54; P. 64.

³⁹ Régestes. N 2087. P. 64.

⁴⁰ Abou'l-Fedâ. Résumé de l'Histoire des Croisades tiré des Annales d' Abou'l-Fedâ // RHC. P., 1872. P. 180. Vol. I; "Malatya" // EI. 2 ed. Vol. VI, fasc. 101–102.

⁴¹ Митрополит Феодосий так и не решился приехать на длительное время в свою епархию: последний раз он упоминается в апреле 1330 г. как проедр Кипселы, т.е. он по-прежнему оставался на Балканах (Régestes. N 2156. P. 116).

⁴² Это потепление отношений было упрочено династическими связями: дочь Михаила VIII Палеолога Евдокия стала женой Иоанна II (1280–1297) Великого Комнина. Подробнее об этом см. Карпов С.П. Трапезунд и Константинополь. С. 84–85.

⁴³ Культура Византии: XII – первая половина XV в. М., 1991 С. 113–114 (там же и лит. по вопросу).

⁴⁴ См. исслед. торговых маршрутов: ВМТР. P. 8.

⁴⁵ Митрополит Феодосий мог между 1319 и 1323 гг. совершить инспекционную поездку во вверенные ему диоцезы скорее всего, не с юга, через далекую Мелитину, а через территорию Понта (предположение высказано Даррузесом, см.: Régestes. P. 64). Митрополит Кесарии, вероятно, не был титулярным епископом и в отличие от Феодосия Мелитинского пребывал на своей кафедре: его подпись на документах патриархии больше не встречается.

⁴⁶ Его подпись в актах — с июля-сентября 1347 г.: Régestes. N 2280. P. 226; N 2289. P. 235; N 2290. P. 236 (= MM I. CXVI. P. 261); N 2291. P. 237 (= MM I. CXX. P. 270).

⁴⁷ Régestes. N 2284. P. 230; MM I. CXII. P. 257–258. Идентификация дана по: Wittek P. Von der Byzantinischen zur Türkischen Toponymie // Byz. 1935. T. 10. P. 53–59. Врионис в своей карте располагает Докею возле Тосьи (Docea = Tosya: d → t, c → s). Но греческое написание требует, чтобы <κ> или <γ/ξ> были переданы и в турецком произношении. С этой точки зрения название "Токат" предпочтительнее.

⁴⁸ Местоположение этой Команы см. карту-вкладыш: Vryonis Sp. The Decline...

чит с митрополией Севастии, так что можно предполагать, что в документе упоминалось именно это епископство Неокесарии. Может быть, Токач также был диоцезом митрополии Понта Полемониака.

Акт 1347 г. не случаен⁴⁹. Дело в том, что в 1347—1348 гг. практически вся территория, на которой располагалась Неокесарийская митрополия, обвита войной. В 1347 г. Иней, резиденция митрополита Неокесарии, и монастырь св. Андрея (мыс Ясон) были захвачены туркменами⁵⁰, предположительно под руководством династии Эмирогуллары⁵¹. До этого в 1341 и 1343 гг. Трапезундской империи пришлось отражать нападение Ак-коюнлу, один раз они даже дошли до столицы⁵². Если верно предположение Брайера, что центром этого племени была Омидия между Пазаром и Гиресуном⁵³, тогда, учитывая их враждебность Трапезунду, следует признать, что все северные епархии Неокесарийской митрополии перестали быть безопасной территорией. Митрополита, скорее всего, не было; доступ к южным диоцезам затруднен. В 1348 г. целая коалиция мусульманских эмиров (Ахи Айна-бей из Эрзинджана, Махмуд Ейектэри (может быть, Мухаммад-рикабдар из Байбурта⁵⁴), Туралибей Ак-коюлу, эмиры боздоган и чепни⁵⁵) атакуют Трапезунд. В этих условиях паралича всяких отношений между империей Великих Комнинов и ее мусульманскими соседями для константинопольской патриархии было естественным передать патриаршее имущество южных диоцезов Неокесарийской митрополии, оставшихся, вероятно, без надзора, в наблюдение севастийскому митрополиту. В целом эта ситуация свидетельствует, что для поддержания православия в исламских землях Константинополь не всегда опирался на митрополитов Понта, пребывавших на территории Трапезундской империи; иногда приходилось использовать энергию и знание ситуации тех митрополитов, чьи кафедры располагались на землях мусульман⁵⁶. Изменения в этой политике наступают только к концу XIV в. и связаны они с так называемым "кризисом Тагариса".

Павел Тагарис — сын Мануила Тагариса, великого стратопедарха Андроника II. Его мачехой была Феодора Асенина Палеолог⁵⁷. Он начал свою церковную карьеру монахом в Палестине, потом отправился в Константинополь и там в 1363 г. попытался выдать одну икону за чудотворную⁵⁸.

⁴⁹ Правда, Даррузес сомневается, зачем понадобился этот документ, составленный очень кратко, без введения, состоящий из распоряжения и канонического формуляра с перечнем обязанностей, в тот период, когда митрополит Севастии пребывал в Константинополе (Régestes. N 2284. P. 230). Однако севастийский митрополит вполне мог отправиться в свою митрополию немного позднее сентября 1347 г.

⁵⁰ Панарет. P. 68.6.

⁵¹ Bryer A. Greeks and Türkmens... P. 130.

⁵² Панарет. P. 66.5, 67.7.

⁵³ Bryer A. Greeks and Türkmens... P. 134.

⁵⁴ Шукуров Р.М. Указ. соч. С. 222.

⁵⁵ Панарет. P. 68. 13-19.

⁵⁶ Таковыми были митрополиты Кесарии в 1327 и в 1365 г. (в это время кесарийский митрополит получил на правах кт' ἐπίδοσις Иконий и Севастию (Régestes. N 2787. P. 407)), митрополит Севастии в 1347 г. и, по замыслу, подобную роль должен был сыграть митрополит Мелитины в 1318 г.

⁵⁷ MM II. P. 224-225; Ioannis Cantacuzeni historiarum libri IV / Ed. L. Schopen. Bonn, 1829-1855. Vol. I. P. 18, 91-93; Nicol D. The Confessions of a bogus Patriarch: Paul Tagaris Palaiologos, orthodox Patriarch of Jerusalem and Catholic Patriarch of Constantinople in the fourteenth century // JEH. 1970. Oct. T. XXI, N 4. P. 290, Not. 2; Vryonis Sp. The Decline... P. 336.

⁵⁸ MM II. P. 225-226; Vryonis Sp. The Decline... P. 336; датировка дана по: Nicol D. Op. cit. P. 290-291.

разразился скандал, Тагарис возвращается обратно в Палестину, где становится приближенным патриарха Иерусалима Лазаря. После низложения последнего Тагарис перебирается в Антиохию, где избранный недавно, в 1368 г., патриарх Михаил I рукополагает его в священники и назначает экзархом⁵⁹. Именно в это время, в 1368—1370 гг., Тагарис вмешивается в дела церкви, подчиненных константинопольскому патриарху⁶⁰. Затем Тагарис отправляется через "Персию" в Грузию, где, как он сам пишет, вмешался в династическую борьбу трех членов царской семьи⁶¹. В 1375 г. Тагарис был рукоположен епископом Тира и Сидона, посланцем патриарха Антиохии, в епископы Иерусалима. Однако в Константинополе заинтересовались его деятельностью и вызвали на судебное расследование. Спасаясь, Тагарис из Трапезунда бежит в Крым, оттуда — в Венгрию. Это произошло в 1376 г., а в 1380 г. мы обнаруживаем этого человека в Риме в качестве латинского патриарха Константинополья, апостольского легата Романии и всех стран к востоку от Дураццо и Адриатического моря⁶².

Деятельность Тагариса в начале-середине 70-х годов XIV в. затронула не только Каппадокию, но также Понт, в частности митрополию Амасии. В 1384 г. патриарх Нил Керамевс (1380—1388) утвердил два постановления. В одном из них было подтверждено назначение Иосифа епископом Лимнии; в другом этот епископ назначался экзархом митрополии Амасии⁶³. "...Явился боговозлюбленный епископ Лимнии, кир Иосиф, сам подвергшийся скитаниям из-за сына погибели, безбожного Тагариса, препятствовавшего ему и из пустыни; ведь издавна архирей Амасии, место это оставив, избрал другую церковь; Тагарис, найдя этого пресвитера (т.е. Иосифа. — Д.К.), рукополагает епископом Лимнии; когда же производивший расследование патриарх Макарий, будучи еще митрополитом Севастии, отправляется в эту его церковь, — ведь он получил тогда посвящения по голосованию святого синода, чтобы он сам рукоположил из других должностей тех людей, которые оказались богобоязненными и (обладали) добродетелью, — из (числа) которых Тагарис рукополагал. Итак, отправившись в пределы Амасии и найдя названного епископа Лимнии, который был рукоположен этим самым наглецом, но о котором было засвидетельствовано ото всех, кто там был и священником, и архонтом, как о смиренном и благоразумном, и миролюбивом (человеке), добывающемся богоугодных управлений и устройства, он (Макарий Севастийский. — Д.К.) рукоположил этого епископа Лимнии..."⁶⁴.

Макарий Севастийский становится патриархом после Филофея Коккина (1353—1354; 1364—1376) в июне 1377 г.⁶⁵; следовательно, его миссия происхо-

⁵⁹ В источнике (MM II. P. 226) не говорится, в какую именно епархию был определен новонспеченный экзарх.

⁶⁰ В ноябре 1370 г. митрополиты Кесарии и Мокиса были направлены в Иконий, чтобы расследовать деятельность Тагариса (он, вероятно, приезжал туда из Антиохии) и совершение им рукоположения отменить. См.: MM I. P. 537-538.

⁶¹ MM II. P. 226-227; Vryonis Sp. The Decline... P. 336-337. Как выяснил Никол (вместе с Брайером), эти заявления Тагариса не находят подтверждения в грузинских источниках. Баграт V правил в согласии вместе со своим старшим сыном Георгием VII. См.: Nicol D. Op. cit. P. 292.

⁶² MM II. P. 227-229; Nicol D. Op. cit. P. 292-293; Vryonis Sp. The Decline... P. 336-337.

⁶³ Régestes. N 2775. P. 84; MM II. P. 64-65; Régestes. N 2776; MM II. CCCLXV. P. 65-66.

⁶⁴ MM II. P. 64.

⁶⁵ Он был патриархом до июля 1379 г.; второй его патриархат длился с 30 июля по конец сентября 1390 г.

дила где-то между 1370 и 1377 гг.⁶⁶ Если признать обоснованным мнение Брайера, что Тагарис рукоположил Иосифа епископом Лимний, сам будучи уже епископом Табриза⁶⁷, то датировку можно сузить: вероятно, в 1375 или 1376 г. митрополит Севастии проводил расследование в Амасийской митрополии.

В Амасии до 1370-х годов кризисных явлений не наблюдается. В 1343 г. митрополит Амасии присутствует в синоде⁶⁸, неизвестный митрополит Амасии ставит свою подпись в 1367 г.⁶⁹ В сентябре 1369 г. синод избирает епископов митрополии Эленопонта, тогда же рукополагается и новый митрополит, Михаил⁷⁰. Он присутствует на заседаниях синода в декабре 1369 г.⁷¹, в январе и, вероятно, в июне 1370 г.⁷² Его положение, как представляется, не было устойчивым: в одном из актов, вопреки иерархии *Notitiae Episcopatum*, подпись митрополита Амасии стоит последней, позади Трапезунда и Созополя⁷³. Потом следы митрополита Михаила теряются, но в марте 1371 г. синод представляет митрополиту Амасии митрополию Неокесарии на правах *κτ' ἐπίδοσις*⁷⁴. Таким образом, этот митрополит мог поехать в Амасию где-то между июнем 1370 и мартом 1371 г. Более того, после этого акта подпись митрополита Михаила появляется на документах только начиная с сентября 1379 г.⁷⁵, следовательно, он пребывал на Понте 8 лет, скорее всего, в Неокесарии или Инее, как это следует из акта 1384 г.⁷⁶ Именно в это время, в начале 70-х годов XIV в., в Амасийской митрополии действует Тагарис, который совершает несколько рукоположений, в том числе Иосифа в качестве епископа Лимнии. Позже митрополит Амасии Михаил появляется в Константинополе в сентябре 1379 г., и с этого времени не выезжает из Византии⁷⁷. Он становится в 1381 г. проэдром Мидии, бывшей епископии Ираклии Фракийской, и в этом качестве ставит свою подпись последней раз в мае 1387 г.⁷⁸

⁶⁶ 1370 г. — дата документально засвидетельствованного начала деятельности Тагариса. Даррузес полагает, что патриархия в конце 1371 или 1372 г. послала Макария Севастийского в Амасийскую митрополию (*Régestes*. N 2642).

⁶⁷ *BMTF*. P. 98; *Bryer A. The Fate of George Komnenos, ruler of Trebizond (1266-1280) // The Empire of Trebizond and the Pontos*. 1980. N IV. P. 337, № 20.

⁶⁸ *Régestes*. N 2244. P. 235-237; *MM I*. CVI. P. 237.

⁶⁹ Апрель 1367 г. См.: *Régestes*. N 2522. Однако датировка сомнительна. См.: *Critique I dans Régestes*. N 2605. P. 510.

⁷⁰ *Régestes*. N 2560. P. 471-472; N 2565. P. 474. Об избрании и хиротонии видно по подписям членов синода, сам акт не сохранился.

⁷¹ *Ibid.* N 2565. P. 474.

⁷² *Ibid.* N 2569. P. 478; *MM I*. CCLXXI (январь). P. 532; *Régestes*. N 2576. P. 486; *MM I*. CCLXI. P. 513 (июль).

⁷³ *Régestes*. N 2569. Амасия в общем списке митрополий устойчиво занимала 12 место, всегда впереди Трапезунда и Созополя. Даже в *Not.* 17 и 18, в которых ранг митрополии Эленопонта понижается до 15 места (р. 393, 406), все равно Амасия стоит выше, чем эти две митрополии (см. также: *Not.* N 15, 16, 19, 20. P. 380, 388, 412, 417). Трапезундский митрополит в 1370 г. не обладал более высоким местом в качестве местоблюстителя.

⁷⁴ *Régestes*. N 2605. P. 510.

⁷⁵ *MM II*. CCCXXXV. P. 10.

⁷⁶ Такой же точки зрения придерживается Даррузес. "Однако, — пишет он, — не полностью исключено, что это (сведение об отказе митрополита Амасии от своей кафедры. — Д.К.) могло применяться по отношению к предшествующему митрополиту, присутствовавшему на синоде в апреле 1367 г. (*Régestes*... P. 510).

⁷⁷ Он был в Константинополе в 1380-1382 гг. (*MM II*. P. 2, 10, 17, 24, 39).

⁷⁸ *Régestes*. N 2696; *MM II*. CCCXCIII. P. 99.

Резиденция амасийского митрополита располагалась в Лимнии. В этой крепости с конца января по конец мая 1369 г. и в октябре 1379 г. пребывал император Алексей II (1349—1390) Великий Комнин⁷⁹. Но между 1369 и 1379 г. Лимния какое-то время не принадлежала Трапезунду, поскольку в хронике Панарета говорится, что в результате брака в октябре 1379 г. между Таджеджином Челеби⁸⁰ и Евдокией, дочерью Алексея III, "василевс овладел Лимнией"⁸¹. Следует ли из этого, что пребывание с марта 1371 по сентябрь 1379 г. Михаила Амасийского в Неокесарии было вызвано возросшей туркменской угрозой и покорением Лимнии эмиратом Таджеджиногуллари? Несомненно, но тогда непонятно, в силу каких причин здесь смог действовать Тагарис, потом проводить расследование Макарий Севастийский и, наконец, постоянно пребывать Иосиф, епископ Лимнии, который, быть может, *de facto* управлял всей митрополией, что *de jure* было признано в 1384 г.

Следует помнить, что в мусульманском обществе митрополит или епископ — глава христианской общины, являющийся её высшим представителем перед мусульманским государем. В этом смысле пребывание митрополита на своей кафедре должно было консолидировать общину⁸². Кроме того, новоизбранному митрополиту, чтобы утвердиться на кафедре, было необходимо знать местную обстановку и условия. Именно поэтому сами верующие просили, чтобы в митрополиты поставили знакомого им епископа или священника; однако патриархия не часто выполняла эту просьбу⁸³. Иногда даже митрополитами становились лица, находившиеся на службе у патриархии и выполнявшие ответственные дипломатические поручения⁸⁴. Они так и остались титулярными епископами, что опять-таки служило причиной конфликтов между ними и паствой⁸⁵. Ослаблением связей между константинопольской патриархией и православными христианами мусульманской Анатолии воспользовался Тагарис, поставляя — с нарушением церковных канонов — подходящих для паствы архиереев. В этом плане примечательно, что епископ Иосиф пользовался стойкой поддержкой архонтов Лимнии⁸⁶.

⁷⁹ *Панарет*. P. 77. 7-9, 79. 10-11; *Bryer A. Greeks and Türkmens*... P. 129.

⁸⁰ Он владел Никсаром, Сонусой, Искефсером. См.: *Шукуров Р.М.* Указ. соч. С. 228.

⁸¹ *Панарет*. P. 79. 10-11; *Bryer A. Op. cit.* P. 129-130.

⁸² Как показывает документ 1401 г., христиане Гангр просили поставить им нового митрополита, чтобы сохранить свою веру и противостоять мусульманскому давлению. (*Régestes*. N 3206. P. 428; *MM II*. DCXLV. P. 491-492; *Vryonis Sp. The Decline*... P. 340).

⁸³ Единственный пример для Северной Анатолии — избрание и рукоположение в мае 1401 г. Германа (Георгия) Контофе, за которого ходатайствовали миряне и клир Гангр (*MM II*. P. 491-492).

⁸⁴ Таким был митрополит Келтцины Дионисий, который в июле 1361 г. был послан в Литву разбирать спор за киевский престол между митрополитом литовским Романом и московским Алексием (*Régestes*. N 2434. P. 360-361; *MM I*. CXXXIII. P. 429; *Régestes*. N 2435. P. 362-363; *MM I*. CLXXXV. P. 435). В конце 1364 г. митрополит Дионисий вновь появляется в Константинополе, при этом синод, объявив его *οχολᾶξων*, т.е. иерархом, который не мог проехать в свою епархию и потому не исполнял своих пастырских обязанностей, решил переместить Дионисия в Ликую, в митрополию Миры. В числе причин, сделавших митрополию Келтцины недоступной для ее архиерея, упоминается не только деятельность "язычников", но также армян, "ненавидящих Господа" (*Régestes*. N 2465. P. 390-391. Акт не издан).

⁸⁵ Например, в 1362 г. синод избрал митрополита Кесарии Мефодия; тот не поехал в свою епархию и в результате под давлением местного населения пришлось в 1370 г. избрать нового митрополита (*Régestes*. N 2446, 2452, 2453, 2596. P. 375, 503).

⁸⁶ Архонты в акте 1384 г. упомянуты дважды: как свидетели при разбирательстве в 1370-х годах, когда приезжал Макарий Севастийский, и как группа мирян, которым надлежало в 1384 г. воздать соответствующие почести епископу Иосифу (*MM II*. P. 64, 66).

Лимния — крайнее владение Великий Комнинов на западе после потери Синопа и Самсуна, — неоднократно упоминается в хронике Панарета⁸⁷. В годы гражданской войны в Трапезунде (1340—1355) Лимния до марта 1344 г. контролировалась великим дукой Иоанном, который, по всей видимости, имел значительное войско⁸⁸. В сентябре 1352 г. Константин Доранит восстал против императора Алексея III. По сообщению Панарета, Доранит был "главенствующим" в Лимнии⁸⁹, Алексею III пришлось посылать туда войско под началом своей матери; военные действия шли три месяца⁹⁰. Наконец, в мае 1355 г. Алексей III осадил Кенхину, в которой заперлись мятежные Схоларии, а потом заключил с ними компромиссный мир, так как пришел с войском из Лимнии поддерживавший Схолариев протовестиарий Василий Хупака⁹¹. В дальнейшем Лимия в хронике Панарета упоминается только в связи с визитами туда Алексея III⁹².

Даже этих сведений достаточно, чтобы увидеть, что Лимния была не только стратегически важной крепостью, — вокруг простиралась территория с греческим населением; это позволяло набирать значительное — по понятиям Панарета, — войско⁹³. Здесь существовал слой местных архонтов, далеко не всегда лояльный трапезундским императорам⁹⁴. Примечательно, что архонты Лимнии упомянуты в патриаршем акте именно под теми годами, когда не ясно, кому же принадлежала крепость: Алексею III или Таджеддину Челеби? Поскольку в документе нет и намека на Великих Комнинов⁹⁵, то весьма возможно, что греческие архонты, оторванные от основной территории империи, признали сюзеренитет мусульманского эмира⁹⁶, однако в ок-

⁸⁷ С 1297 г., когда там скончался император Иоанн II (1285-1297) (Панарет. Р. 63. 3-6).

⁸⁸ Лимния выполняла роль тюрьмы, где окончили жизнь мятежные архонты (Тцанихит и другие), поднявшие восстание против Ирины Палеолог, вдовы Василия I (1332-1340) в июле 1340 г. Дука Иоанн, явившись из Лимнии "с большим войском", освободил императрицу (Панарет. Р. 65. 24-28). Позже в Лимнии в 1341-1344 гг. под присмотром этого же великого дуки Иоанна томился претендент на престол Михаил Великий Комнин (1344-1349). В марте дука Иоанн был убит, и Никита Схоларий привез Михаила из Лимнии в Трапезунд (Ibid. Р. 66. 28-29, 67. 19-22).

⁸⁹ Κεφαλαίτικεωὺν (Панарет. Р. 70. 9-13). У Панарета этот термин обозначает правителя: главу области или даже мусульманского эмира (Там же. Р. 73. 6, 25). Впрочем, это же слово могло прилагаться и к крупному землевладельцу. См.: Bryer A. Rural Society in Matzouka // Peoples and Settlement in Anatolia and the Caucasus (800-1900). L., 1988. N III. Р. 68-75; Stein E. Untersuchungen zur spätbyzantinischen Verfassungs- und Wirtschaftsgeschichte // Mitteilungen zur Osmanischen Geschichte. Wien; Hannover, 1926. Bd. II. N. 3-4. S. 21-23.

⁹⁰ Панарет. Р. 70. 9-13.

⁹¹ Ibid. Р. 71. 12-15.

⁹² В декабре 1356, январе-марте 1357, декабре-марте 1361, январе-мае 1369 и в октябре 1379 г. См.: Bryer A. Greeks and Türkmens... Р. 129.

⁹³ Панарет. Р. 65. 24-28.

⁹⁴ В годы гражданской войны Лимния выступает то на стороне Великих Комнинов, то против них. По хронике Панарета, инициаторами выступлений против трапезундских императоров были именно архонты: Миттоматы, Схоларии, Дораниты, Каватциты (Панарет. Р. 65. 16-23). В сборнике патриарших актов "архонты" употребляются иногда вместо "οἱ λαϊκοί" (миряне) (ММ II. N DXII. Р. 276 (1397 г.)), обозначая в этом смысле "знатных светских лиц, знать". Таким образом, "архонты" в данном случае не являются обозначением церковных должностей. См.: Цыпин В.А. Церковное право. М., 1994. С. 135, 147-148.

⁹⁵ Однако нет и привычных упоминаний о "тирании варваров". Правда, *modus vivendi*, сложившийся в Лимнии, мог отличаться от остальной Анатолии.

⁹⁶ Прецеденты были: упоминает же Клавихо под 1404 г. владельца замка Инея Мелиссина, платившего дань Тимуру. Кроме того, в более позднюю эпоху греческие архонты на Понте сохраняли часть своих владений. См.: Клавихо Рюи Гонсалес. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканде в 1403-1406 гг. / Под ред. И.И.Серебрянского // СОРЯС. 1881. Т. 28. С. 113-114; Bryer A. Rural Society... Р. 68-75.

тябре 1379 г. Алексей III, выдав дочь за Таджеддина Челеби, восстановил свою власть над Лимнией⁹⁷. К 1386 г. эмир Таджеддин вновь владеет этой крепостью⁹⁸.

Неуспех митрополита Михаила был предопределен не только позицией местных архонтов и клира, но также отношением к нему трапезундского императора. Как выяснил С.П.Карпов, именно в 70-е годы XIV в. наступает охлаждение между Трапезундом и Константинополем⁹⁹. В 1362 или 1363 г., в результате посольства Схолария-Панарета было заключено соглашение, чтобы Мануил (будущий император Мануил II Палеолог) получил руку дочери Алексея III¹⁰⁰. Но трапезундцы затягивают практическое осуществление соглашения и одновременно, с 1362 г., ведут переговоры с эмиром Таджед-дином Челеби, обещая ему сосватанную за Мануила деспину Евдокию, которая действительно стала женой этого мусульманского эмира в 1379 г. Если Евдокия, овдовев, впоследствии вышла замуж за Иоанна V Палеолога, который прельстился ее красотой и отобрал у Мануила, то этот брак, скорее всего, произошел в 1386—1391 гг.¹⁰¹

В ноябре 1373 г. Константинополь открыто идет на явно враждебную Великим Комнинам акцию: Михаил, сын Иоанна V, пытается захватить трапезундский престол¹⁰². Эти события можно сопоставить с историей церкви Амасии и Неокесарии. Согласие на брак Таджеддина и Евдокии было дано Алексием к августу 1379 г.: именно в этом месяце император отправился на встречу со своим будущим зятем¹⁰³. В это время, до сентября 1379 г. Михаил, митрополит Амасии и временно исполняющий обязанности митрополита Неокесарии, навсегда покидает свою епархию и становится титулярным епископом. По своей воле? Представляется, что нет. Удаление Михаила выглядит несколько необычным: он уезжает не с враждебной мусульманской территории, а с земель либо трапезундского императора, либо дружественного Алексею III эмира. Сам отъезд митрополита Амасии, по моему мнению, был акцией, направленной против одобрения (хотя бы молчаливого), заключаемого брака. И, напротив, деспина Евдокия должна была стать покровительницей Иосифа, епископа Лимнии¹⁰⁴.

Кроме этого сохранились и другие свидетельства, что после 1373 г. наступило охлаждение в отношениях между Алексеем III и патриархией. Осенью 1382 г. иеромонах Мирон был послан в Трапезунд. Некогда (дата не сообщается) он был обвинен в том, что принимал участие в каких-то интригах в Трапезунде, направленных против церкви. Мирон был осужден, заключен в тюрьму, но потом добился прощения у патриарха, и тот приказал его освободить и даже позволил ему вернуться обратно в Трапезунд. Мирон стал великим протосинкеллом и получил задание не содействовать намерениям императора (в данном случае — Алексея III), направленным "к пагубе церкви", и, более того, противостоять ему, если он будет пытаться самовольно менять

⁹⁷ Панарет. Р. 78. 34-79. 11.

⁹⁸ Ibid. Р. 80. 13.

⁹⁹ Карпов С.П. Трапезунд и Константинополь... С. 93-98.

¹⁰⁰ Панарет. Р. 75. 1-3. Карпов С.П. Трапезунд и Константинополь... С. 91.

¹⁰¹ *Laonici Chalcocandilae Historiarum demonstrationes* / Rec. E.Darcò. Budapestini, 1922-1927. Vol. I. Р. 75-76.

¹⁰² Панарет. Р. 78. 1-7; Schreiner P. Die Byzantinischen Kleinchroniken. Wien, 1975. Bd. I. N 18. S. 182.

¹⁰³ Панарет. Р. 79. 1-3.

¹⁰⁴ Bryer A. Greeks and Türkmens... Р. 130.

ранг митрополии до патриархии или архиепископства¹⁰⁵, или если будет попытка навязывать силой назначение (Мирона) в митрополию¹⁰⁶.

Акт, свидетельствующий о восстановлении доверия в сфере церковных отношений между Константинополем и Трапезундом, принят в 1391 г., уже после смерти Алексея III¹⁰⁷. В нем передается право управления и распоряжения патриаршим имуществом, — как в самом Трапезунде, так и в митрополиях Неокесарии, Колонии, Келтцины, Алании и архиепископстве Ставрополь, — Феодору Панарету, эконому трапезундской церкви. Впервые подобные права передаются лицу трапезундского происхождения¹⁰⁸. В отличие от аналогичного акта 1318 г., пожалованного Феодосию Мелитинскому, распоряжение 1391 г., скорее всего действительно имело целью наладить управление патриаршим имуществом: Феодор Панарет мог спокойно посещать все упомянутые митрополии. С Никсаром у Трапезундской империи дружественные отношения; жена Муттахартана, владыки Эрзинджана, была дочерью трапезундского императора¹⁰⁹. Кроме того, упоминаются архонты, как в акте 1384 г., которые обязаны были воздать почести Феодору Панарету¹¹⁰. Итак, история митрополий Понта в XIV в. четко разделяется на два периода: 1310—1360-е и 1370—1390-е годы. В первой половине XIV в. завершается долгий процесс перемещения кафедр понтийских иерархов на земли Трапезундской империи¹¹¹. Однако патриархия, имевшая по смыслу постановления 1261 г. полный контроль над всеми митрополиями кроме трапезундской, продолжала опираться на ресурсы митрополий Мелитины, Кесарии, Севастии. Политика в отношении понтийских митрополий практически не отличается от остальной Анатолии: нередко назначения титулярных епископов (Феодосий Мелитинский), избрание и хиротиния только для того, чтобы повысить ранг патриаршего епископа (Дионисий Келтцинский) и т.д. К концу XIV в. происходят важные изменения.

Во-первых, в период, когда Великие Комнины становятся родственниками понтийских эмиров, а связи Константинополя с Восточной Анатолией резко ослабевают¹¹², становится возможным использовать трапезундцев для налаживания церковного управления (Феодор Панарет).

Во-вторых, в это время Трапезундская империя теряет ряд западных владений, и Керасунт становится крайним рубежом империи. Иными словами, территория митрополий Амасии и Неокесарии полностью контролируется мусульманами. В Западной Анатолии или на Балканах это быстро привело бы к упадку и даже исчезновению их нотиций¹¹³, однако на Понте этого не происходит¹¹⁴. Упоминание греческих архонтов в патриарших актах 1384 и 1391 гг. может служить указанием на то, что они были широко распространены и на мусульманских землях Понта. Их независимость или полунезависимость (Мелиссин) от мусульманских правителей, а также сохранение значительного греческого населения и, вероятно, договоры Трапезунда с эмирами Понта привели к тому, что положение понтийских иерархов к концу XIV в. не ухудшилось.

В-третьих, судьба Михаила Амасийского позволяет предположить, что со второй половины XIV в. Великие Комнины добиваются, чтобы на понтийских кафедрах пребывали удобные им иерархи¹¹⁵. Разумеется, без согласия светских властей епископу или митрополиту всегда было бы трудно утвердиться на своей кафедре; однако факты, которые свидетельствуют об осуществлении этого обычая трапезундскими императорами, приходится на конец XIV — начало XV в.¹¹⁶ Таким образом, греко-тюркский (православно-мусульманский) симбиоз, исторически сложившийся на Понте, и существование в течение долгого времени связей этого региона с Трапезундской империей способствовали сохранению ряда понтийских митрополий.

¹⁰⁵ Что имеется в виду, сказать трудно. Сведений об участии трапезундских митрополитов в разногласиях между Великими Комнинами и патриархией, у нас нет. См.: Карпов С.П. Трапезунд и Константинополь... С. 92-93.

¹⁰⁶ Régestes. N 2742. P. 57; MM II. CCCLXI. P. 44-45.

¹⁰⁷ MM II. CCCXXIV. P. 154-155.

¹⁰⁸ Карпов С.П. Трапезунд и Константинополь... С. 99.

¹⁰⁹ Правитель Шаркирахисара был вассалом Муттахартана и, можно предполагать, находился в дружественных взаимоотношениях с Трапезундом. См.: Клавихо Р.Г. Дневник... С. 134-135; Шукуров Р.М. Указ. соч. С. 221-222; Bryer A. Greeks and Türkmens... P. 149, Not. 143.

¹¹⁰ MM II. P. 155. Примеры подобных независимых архонтов, которые контролировали горные проходы, сохранились: таковыми были, к слову, Каватциты. См.: Клавихо Р.Г. Дневник... С. 124-129. Bryer A. Rural Society... P. 70-71; Idem. The Faithless Kabazitai and Scholarioi // Maistor: Classical, Byzantine and Renaissance Studies for R. Browning. Canberra, 1984. P. 310. (Byzantina Australiensia, 5.)

¹¹¹ Епископ Саталы/Садака (викарное епископство Севастии), подобно митрополитам Неокесарии и Амасии, нашел прибежище на территории государства Великих Комнинов, в Вазелоне, в 1256 г. См.: ВМТР. P. 353

¹¹² Речь идет не только о внешнеполитических отношениях — последние потомки Сельджукидов и Ильханов (с этими династиями имела договоры Византия) исчезают на Понте к 1320 гг. "Кризис Тагариса" был бы невозможен без ослабления связей с анатолийскими митрополиями и упадка дисциплины. См.: Vryonis Sp. The Decline... P. 334-339.

¹¹³ Ср. с судьбой Ираклии Понтийской, которая была завоевана к 1360 г. (она исчезает из Нотиций) или Андрианополя. См.: Ibid. P. 293-294, 321-323.

¹¹⁴ Митрополии Амасии и Неокесарии не исчезают из Нотиций (Not. 21. P. 419-420), понижение ранга Амасии в Not. 17 с 12 на 15 место (нотиция Андроника II), связано только с повышением рангов Адрианополя, Филадельфии и Фессалоники (P. 393). О Колонии судить трудно: хотя она фигурирует в акте 1391 г., в последний раз в Нотициях упоминается в Not. 19 [нотиция Андроника III (1328-1341)]. P. 431. 75. Келтцина исчезает из Нотиций: рознь с армянами и господство правителей, нередко враждебных Трапезунду, привели к тому, что уже в начале XVI в. в городе не было даже резиденции для митрополита (Феодосию Мелитинскому в качестве места проживания определялся монастырь Богородицы в Ки (соврем. Киги (?)). См.: MM II. P. 81-83; Régestes. N 2465. P. 390-391.

¹¹⁵ Кроме случая с Амасийской митрополией, сохранились свидетельства, что Мануил III (1390-1417), сын Алексея III, настаивал на приемлемых для себя кандидатурах в митрополию Алании. См.: Карпов С.П. Трапезундская империя и русские земли // ВВ. 1977. Т. 38. С. 42; MM II. N 636, 673. P. 483-484, 541-543.

¹¹⁶ Толчком к этому могли послужить договоры с эмиратами и стремление сохранить связи с православным населением понтийских бейликов, еще недавно пребывавшем под властью трапезундских императоров.

К.А. Максимович

КАНОНЫ ТРУЛЛЬСКОГО СОБОРА В ДРЕВНЕЙШЕМ СЛАВЯНСКОМ ПЕРЕВОДЕ ПАНДЕКТОВ НИКОНА ЧЕРНОГОРЦА: ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

Сочинениям Никона — греческого монаха, подвизавшегося в монастырях Черной Горы близ Антиохии (Сирия) во второй половине XI в. — было суждено сыграть в истории русской книжности и культуры значительно более важную роль, чем в истории культуры собственно византийской¹. Так называемые "Пандекты" Никона Черногорца (далее: ПНЧ), написанные им в начале 60-х годов XI в., представляют собой обширный свод цитат из Св. Писания, сочинений отцов церкви, церковного и гражданского законодательства Византии, распределенных тематически по 63 главам. Важнейшая цель этого флорилегия — в условиях экспансии в Малую Азию турок-сельджуков и упадка духовной образованности дать инокам антиохийских монастырей практическое пособие для ориентации в сложных вопросах монашеской аскезы и церковной жизни.

Довольно скоро после создания (видимо, уже в XII в.) ПНЧ были переведены на церковно-славянский (древнерусский?) язык², а в начале XIV в. был сделан болгарский перевод, отредактированный в середине того же века по древнему переводу³. Списки ПНЧ, восходящие к трем славянским редакциям данного памятника⁴, широко распространились в пределах Slavia Orthodoxa, в том числе и на Руси, служа неисчерпаемым источником духовной и юри-

¹ Информацию о Никоне и его сочинениях см.: Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959. S. 600; Doens I. Nicon de la Montagne Noire // Byzantion. 1954. XXIV. P. 131—140; Nasrallah J. Un auteur antiochien du XIe siècle: Nicon de la Montagne Noire (vers 1025-début du XIIe s.) // Proche-Orient Chrétien. 1969. XIX. P. 150—161; Θεωδωρου Ε. Γιάκου. Νίκων ὁ Μαυρορείτης. Βίος — Συγγραφὴ ἔργου — Κανονικὴ διδασκαλία. Θεσσαλονίκη, 1991.

² Древнейшие рукописи перевода (XIII—XIV вв.) — русские, но существует сербский список XIII в. в собрании афонского Хиландарского монастыря. Ср.: Bogdanović D. Katalog ćirilskih rukopisa manastira Hilandara. Beograd, 1978. S. 102, № 175. О языке перевода см. Срезневский И.И. Пандекты Никона Черногорца // Сб. Отд. рус. языка и словесности Имп. Акад. наук. СПб., 1874. Т. 12, № 1. С. 291—293.

³ Ср.: Невоструев К.И., Горский А.В. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1862. II (3). С. 23—26. О болгарском происхождении перевода см.: Павлова Р. О един непознат среднобългарски ръкопис // Език и литература. София, 1983. 5. С. 23.

⁴ Точнее следует говорить о четырех редакциях ПНЧ, относя сюда также особую разновидность сборника "Златая цепь", основу которой составляют ПНЧ, ср.: Крутова М.С. "Златая цепь" как тип сборника // Литература Древней Руси. Источниковедение. Л., 1988. С. 39—62.

дической премудрости⁵. Памятники церковного и гражданского законодательства Византии в составе ПНЧ настолько многочисленны⁶, насколько не исследованы⁷. Между тем, в списках древнейшего перевода они представлены в своеобразной версии, анализ которой может оказаться весьма полезным для изучения рецепции византийского права в Древней Руси, а также для выяснения некоторых проблем, связанных с формированием русской юридической терминологии.

Для предварительного анализа⁸ нами избраны каноны "пято-шестого" Трулльского вселенского собора 691 г., как наиболее полно представленные в ПНЧ по сравнению с канонами других соборов⁹. При этом были использованы следующие рукописи ПНЧ:

- 1) Ярославского Гос. музея-заповедника (ЯГМЗ) № 15583. XIII в. (древнейший из известных списков) (Я1);
- 2) ЯГМЗ № 15606, XIV—XV вв. (Я2);
- 3) ЯГМЗ № 15169, XVI в. (Я3)¹⁰;
- 4) ЯГМЗ № 15248, XVI в. (Я4);
- 5) ЯГМЗ № 14982, конец XVI — начало XVII вв. (Я5);
- 6) ЯГМЗ № 14909, середина XVIII в. (Я6).

Первые три списка (Я1, Я2, Я3) представляют древнейший славянский перевод канонов, последующие три (Я4, Я5, Я6), привлекавшиеся нами для предварительного сравнения — позднюю редакцию болгарского перевода. Кроме этих рукописей мы пользовались изданием избранных канонов ПНЧ, которое осуществил И.И.Срезневский¹¹ по трем древнейшим спискам: Я1, а также Син. № 217(836) ГИМ, XIV в.)¹² и Чуд. № 16 (ГИМ, XIV в.) — все они

⁵ Достаточно отметить, что фрагмент ПНЧ вошел в качестве особой главы в Печатную Кормчую 1650 г. (гл. 71/70. Л. 637—641 об., ср.: Žuzėk P. Kormčaja Kniga: Studies on the Chief Code of the Russian Canon Law. Roma, 1964. P. 99—100).

⁶ Описанию этих текстов посвящена работа: De Clercq C. Les textes juridiques dans les Pandectes de Nicon de la Montagne Noire (Codif. Canon. Orient. Fonti II/XXX). Venezia, 1942.

⁷ Кроме монографии Де Клерка нам известны лишь две-три работы, в которых специально исследуются некоторые юридические тексты в составе ПНЧ: Doens I., Hannick Chr. Das Periorismos-Dekret des Patriarchen Methodios I. gegen die Studiten Naukratios und Athanasios // JÖB. Wien, 1973. XXII. S. 93—102; Thomson Francis J. The Problem of the Reception of the Works of John Ieunator of Constantinople among the Slavs: Nicon of the Black Mount and Ciryus of Novgorod // Paleobulgarica. Sophia, 1987. № XI. P. 23—45. Отметим также каноническую часть работы греческого исследователя, ср.: Θεωδωρου Ε. Ορ. cit.

⁸ Следует сразу оговориться, что ПНЧ (памятник, до сих пор не изданный) представляют собой один из наименее исследованных текстов древнерусской книжности. В условиях полного отсутствия работ, посвященных анализу особенностей перевода, лексик и терминологии ПНЧ, наша работа с неизбежностью будет носить описательный характер, а выводы могут быть лишь предварительными.

⁹ Другая причина — внеучного характера: эта работа написана в преддверии 1300-летнего юбилея Трулльского собора.

¹⁰ Список, известный до сих пор как "сборник слов и поучений ("Пандек Никейский") (ср.: Лукьянов В.В. Краткое описание коллекции рукописей Ярославского областного краеведческого музея. Ярославль, 1958. С. 111), был идентифицирован нами как особая, русская редакция древнейшего перевода ПНЧ во время работы в фондах ЯГМЗ.

¹¹ Срезневский И.И. Указ. соч. С. 252—288.

¹² См.: Невоструев К.И., Горский А.В. Указ. соч. С. 1. Этот список XIV в. восходит к 1296 г. Ср.: Щепкина М.В. и др. Описание пергаменных рукописей Государственного исторического музея // Археологический ежегодник за 1964 г. М., 1965. С. 159—160. Отметим, кстати, неточность, допускаемую авторами в описании Чудовского списка № 16 (Там же. С. 196) — он обрывается не на гл. 60, а на гл. 63, начало которой отсутствует из-за утраты нескольких листов сразу после первых строк гл. 60. Эта неточность перешла и в другое описание: Протасьева Т.Н. Описание рукописей Чудовского собрания. Новосибирск, 1980. С. 127.

представляют древнейший перевод ПНЧ. Греческий текст (также неизданный) цитируется по единственной доступной нам в микрофильме рукописи парижской Национальной библиотеки Coisl. 122 S. Niconis Collectanea (XIV в.).

Юридическая терминология древнейшего перевода ПНЧ в основном характеризуется стабильностью на всем протяжении этого обширного текста — очевидно, это может служить косвенным доказательством того, что перевод был совершен одним лицом. Единство терминологии особенно бросается в глаза при сопоставлении канонов ПНЧ с Ефремовской Кормчей XII в. (ЕК), представляющей южнославянский перевод византийской Синтагмы XIV титулов без толкований 3-й редакции¹³. Отдельные термины используются как в ПНЧ, так и в ЕК, ср.:

Трул. 2: *възграждение*¹⁴ (οἰκοδομή), *утверждение* (ἀσφάλεια), *проявити* (προσηλῶ), *приимати* (παραδέχεσθαι), *начати* (начинати) (ἐπιχειρῶ).

Трул. 3: *служитель* (leitourgos), *непорочнь* (ἄμωμος, тж. Трул. 11), *достойнъ* (ἄξιος, тж. Трул. 16).

Трул. 5: *чинъ* (τάγμα, тж. Трул. 40), *хранити* (τηρέω, παραφυλάττω), *скопъць* (εὐνοῦχος).

Трул. 9: *кърчьмьный храмъ* (κατηλίκον ἐργαστήριον), *извреди ся* (καθαίρεσθαι, тж. Трул. 26).

Трул. 10: *лихъвы* (τόκοι).

Трул. 16: *пришьльць* (προσήλυτος), *санъ* (ἄξιωμα), *поставление* (χειροτονία), *дияконъ* (διάκονος), тж. passim), *общая потреба* (κοινὴ χρεία).

Трул. 19: *люди* (λαός), *прѣстати* (παύομαι).

Трул. 34: *възбраняти ся* (κωλύομαι), *мнихъ* (μοναχός), *отпасти* (ἐκπίπτω) и некоторые другие.

О терминах *клирикъ* (κληρικός), *клирость* (*крилось*) (κλήρος), *канонъ* (κανὼν), *прозвутерь* (προεβύτερος), *прстьць* (λαϊκός) следует сказать особо. В списках древнейшего периода ПНЧ эти термины¹⁵ употребляются регулярно, тогда как с ЕК дело обстоит сложнее. Юридическая терминология в разных ее частях неоднородна, что совместно с различием переводческой техники должно наводить на мысль о нескольких переводчиках¹⁶. Греч. термины κανὼν, κληρικός, κλήρος в ЕК соответствуют заимствованиям *канонъ*, *клирикъ*, *клирость* (в оглавлении XIV титулов и начиная с Трулльских канонов (с. изд. соотв. 152, 157, 158)); *правило*, *причьтьникъ*, *причьть* (в кано-нах св. Апостолов и первых четырех вселенских соборов)¹⁷. термину προεβύτερος соответствует *прозвутерь* (*презвитель*)¹⁸ в оглавлении XIV титулов и начиная со с. изд. 437 — до этого рубежа употребляется термин *попь*. Термин λαϊκός имеет в ЕК следующие варианты перевода: *простъць*, как и в ПНЧ (passim), *люжанинъ* (passim), *людинъ* (с. 65, 75), *бѣльць* (оглавление XIV титулов

и с. 230). Итак, названные термины ПНЧ в славянском переводе аналогичны терминам ЕК, представленным в оглавлении XIV титулов и в отрезке после Трулльских канонов. Можно отметить лишь несколько отклонений в использовании термина *прозвутерь* в ПНЧ, ср.: *попь* (Апост. 44 и Трул. 10), *старецъ* (Трул. 16). Последний пример следует толковать, очевидно, как случай буквального, этимологизирующего перевода, нарушающего единство терминологии¹⁹, а термин *попь* использован в данном контексте, видимо, под влиянием ЕК²⁰. Оба канона, в которых он встретился (Апост. 44 и Трул. 10), трактуют об одном и том же — о недопустимости ростовщичества для священнослужителей — и в ПНЧ они помещены подряд в гл. 20, причем в Я1 Апост. 44 обозначен как Трул. 10 и наоборот (л. 114)²¹.

Для наглядности приведем в алфавитном порядке некоторые употребительные термины византийского канонического права с их славянскими соответствиями²²:

ἀνεπίληπτος "невиновность; безупречность" (Трул. 5): ПНЧ — *безвинно(е)* (с. 261, Я2. л. 84); ЕК — *безазорное* (с. 148); Я4 — *неосуждена* (л. 174);

ἀνύποπτος "находящийся вне подозрений" (там же): ПНЧ — *бестудньмъ* (там же); ЕК — *безазорныхъ* (с. 147); Я4 — *незазорных* (там же);

γνώμη "воля, изволение" (Трул. 31): ПНЧ — *волю* (с. 263); ЕК — *разума* (с. 164); Я4 — *свѣту* (л. 404 об.);

διάκονος "дякон" (passim и Трул. 16): ПНЧ — *дяконъ* (и производные) (с. 262); ЕК — *дияко(ва) слугъ* (с. 155);

ἔθος "обычай" (Трул. 2): ПНЧ — *уставу* (с. 260); ЕК — *обычаю* (с. 144);

ἐπαρχία "епархия, подведомственная епископу территория" (passim): ПНЧ — *епархия* (passim); ЕК — *епархия, область* (passim);

ἐπιτίμιον "епитимья, церковное наказание" (Трул. 2, 61 и passim): ПНЧ — *епитемью* (с. 261, 267); ЕК — *запрѣщение* (с. 144, 182); Я5 — *запрещение* (л. 464 об.);

εὐνοῦχος "евнух, скопец" (Трул. 5): ПНЧ — *скопъ(ц)ии* (с. 261); ЕК — *скопъци* (с. 148); Я4 — *каженицы*²³ (л. 174);

ἱερατικός "относящийся к священству" (Трул. 5, 11): ПНЧ — *сѣнѣмъ* (с. 261), *свѣннаго* (с. 262); ЕК — *чистительскыи* (с. 147), *чистительстѣмъ* (с. 151)²⁴;

Я4 — *сѣенническыи* (л. 174). Следует отметить, что при переводе данного греч. термина в ПНЧ используется также славянский эквивалент *иерѣискыи* (Апост. 8, 17, 18 (с. 252)); II Ник. № (с. 270), 13 (с. 272), *црѣвныи* (Апост. 18 (с. 252));

¹³Ср. в ЕК II Ник. 4 (с. 209): *старѣшинамъ жрьчьскыимъ* (τοῖς ... προεβυτέροις).

²⁰Подробнее о влиянии ЕК на юридические тексты ПНЧ см.: Максимович К.А. Юридические тексты в древнейшем славяно-русском переводе Пандектов Никона Черногорца // XVIII Международный Конгресс византистов. Резюме сообщений. М., 1991. Т. 2. С. 713.

²¹Между прочим, в полном греч. списке ПНЧ Coisl. 122 в этом месте Апост. 44 отсутствует. Можно предположить, что в утраченном оригинале древнейшего перевода эти два канона стояли рядом, и, следовательно, Coisl. 122 не совсем адекватен оригиналу перевода. Это видно также из того факта, что порядок некоторых статей в Я1 и в Coisl. 122 различен: например, в гл. 20 Апост. 59 предшествует Трул. 10 в Я1, а в Coisl. 122 он помещен после Трул. 10. Трул. 100, помещенный в русских списках в гл. 12, отсутствует в Coisl. 122 (ср.: De Clercq. Les textes... Р. 31).

²²Ссылки на ПНЧ даются по изд. избранных канонов И.И.Срезневского (ср. примеч. 11). В ссылках на ЕК и списки позднейшего перевода ПНЧ титла не раскрываются, грамматические формы сохраняются.

²³Этот же славянский эквивалент несколько раз встречается и в ЕК, ср.: *каженикъ* (с. 8, 66, 83), *каженици* (с. 664).

²⁴Заметим, что в ЕК иногда используется, как и в ПНЧ, термин *сѣнническыи* (с. 63, 65), *сѣнныи* (с. 209, 222).

¹³Подробнее см.: Шапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978. С. 40—116. В дальнейшем все цитаты приводятся по изданию: Бенешевич В.Н. Древне-славянская Кормчая XIV титулов без толкований. СПб., 1906. Т. I. Вып. 1—2; СПб., 1907. Вып. 3. Перепеч. в: Subsidia Byzantina Locis Opere Iterata. Leipzig, 1974. Vol. IIb.

¹⁴Древнерусские тексты цитируются в несколько упрощенном и приближенном к современной графике виде.

¹⁵Характерно, что все они, кроме последнего, представляют собой заимствования.

¹⁶Ср.: Jagić V. [Рец.] // Archiv für slavische Philologie. 1914. N 35. S. 303—304.

¹⁷В дальнейшем при обращении к ЕК мы широко используем словоуказатель к ней (к сожалению, неполный), хранящийся в Институте русского языка РАН.

¹⁸Во всей ЕК зарегистрировано 35 случаев употребления этого термина и его производных, ср.: Обнорский С.П. О языке Ефремовской Кормчей XII в. СПб., 1912. С. 11.

ἱερός "священный, святой" (Трул. 2, 26, 40, 61); ПНЧ — сѣхъ (С. 260), сѣны(ихъ) (С. 263), сѣи (С. 264, 267); ЕК — чистая (С. 142), чистууму (С. 161), священни (С. 172, 182); Я4 — сѣенныхъ (Л. 189 об.), сѣенная (Л. 76);

καθαίρουμαι "извергаться из сана": ПНЧ — изметати (ся) (Трул. 62 (С. 267), а также I Ник. 10 (С. 258)), изврещи (ся) (Трул. 9 (С. 261), 31 (С. 264), а также II Ник. 13 (С. 272)); ЕК — те же термины (С. 67, 88, 93, 151) и отъврѣщи (С. 164, 184, 219); Я4 — изврѣжеться (Трул. 9, Л. 176; Трул. 31, Л. 404 об.), измѣтает (Трул. 62, Л. 175);

καθέδρα "епископская кафедра" (Трул. 26); ПНЧ — сѣдѣния (С. 263); ЕК — сѣдалища (С. 161); Я4 — сѣдания (Л. 189 об.);

κανὼν "канон, принятое церковью установление" (Трул. 2, 26, 49, 61); ПНЧ — канонъ (и производные) (С. 260—261, 263, 266, 267), правило (С. 261); ЕК — правило (и производные), канонъ (и производные) (ср. выше, С. 13); Я4 — правилехъ (Трул. 5, 174; Трул. 26, Л. 189 об.—190), правило (Трул. 49, Л. 317 об.), Я5 — правилам, правила (Трул. 61, Л. 464 об.);

κληρικός "клирик, церковнослужитель, не обладающий священным саном": ПНЧ — клирикъ; ЕК — клирикъ, причтьникъ (ср. выше); Я4 — причетники (Трул. 21, Л. 480; Трул. 31, Л. 404 об.);

κλήρος "клир" (Трул. 19 и passim); ПНЧ — крилось (клиросъ) (passim); ЕК — клиросъ (крылось), причть (ср. выше); Я4 — причъта (Л. 130 об. и passim);

κοσμικός "мирской" (Трул. 49 и passim); ПНЧ — мирьским (С. 266); ЕК — мирьскимъ, простымъ (С. 177), Я4 — мирскимъ (Л. 317 об.);

λαϊκός "мирянин";

ПНЧ	ЕК	Я4
Трул. 5 простыци (С. 261)	простыци (С. 148 и passim)	прости люди (Л. 174 об.)
Трул. 11 простецъ (С. 262)	ложанинъ (С. 151)	
Трул. 42 простыми...	простыми (С. 174 и passim)	мирских (Л. 101)
мирьскими (С. 265)		
Трул. 62 простыца (С. 267)	простыць (С. 184)	мирская (Л. 175).

Отметим, что в ПНЧ встречается также вариант мирський (Апост. 24, С. 253), в ЕК в соборных и апостольских канонах до Трулльского собора преобладают термины *ложанинъ* и *простыць*, последний из которых можно считать наиболее употребительным в ЕК в целом.

μονάζων (и подобные) "монах": ПНЧ — мнихъ (и производные) (С. 258, 259, 264, 265, 266, 273 и др.²⁵); ЕК — инокъ (и производные) (всего 9 случаев употребления, из них один — Трул. 40), мнихъ (passim), чьрньцю чьрноризьць (passim); Я4 — иноци (и производные) (Трул. 34, 42, 43 — Л. соотв. 200, 101, 84 об.).

οἰκονομία "домостроительство, устройство человеческого спасения; смягчение" (Трул. 16); ПНЧ — строенье (С. 262); ЕК — сьмотрение (С. 156 и passim).

ὀρίζω "постановлять, решать" (и производные) (Трул. 5, 19, 40, 49 и пр.): ПНЧ — повелѣти (и производные) (С. 258—259, 261, 266, 270), рещи (С. 261), уставъ (С. 259, 262, 264); ЕК — те же термины, а также заповѣди (С. 158, 171), заповѣдати (С. 172, 177, 206); Я4 — глѣмая (Л. 317 об.); Я6 — прѣдель (Л. 75 об.); уставляем (Л. 317 об.); Я6 — прѣдель (Л. 38 об.) и т.д., как и в Я4.

²⁵ Однако в Халк. 4 — пострижение (τὸ μονάζειν) (С. 259), ЕК — чьрньчество (С. 114); II Ник. 20 — чьрньць (1 раз), чьрница (4 раза) (С. 275).

παύομαι "прекратить, перестать (делать что-л. недозволенное)" (Трул. 74 и passim); ПНЧ — престать (С. 269); ЕК — прѣстати (С. 190), остати ся (С. 71, 92, 151)²⁶.

προεβύτερος "пресвитер, священник" — ср. выше.

πρόεδρος "предстоятель, глава (епископии, митрополии)" (Трул. 2, 41); ПНЧ — предпрестольника, престольных (С. 260), первостол(ь)икам (С. 265); ЕК — първонастольницѣ (С. 143), първостольникъ (С. 144), престольниккъмъ (С. 173)²⁷; Я4 — епѣпа (Л. 97).

σκοπός "намерение, цель" (Трул. 41, 43); ПНЧ — дѣло (С. 265), сьмотрении (С. 266); ЕК — сьмотрение (С. 173, 174 и passim, ср. οἰκονομία)²⁸; Я4 — прилежа-ние (Л. 97), воли (Л. 84 об.).

τάγμα "разряд, чин, звание" (Трул. 5, 40); ПНЧ — чинѣ, чину (С. 261, 264); ЕК — чинь, чину (С. 147, 172); Я4 — степень (Л. 76).

χρήματα "деньги" (Трул. 21 и passim); ПНЧ — имѣнии (С. 263, ср. Апост. 29 — имѣниемъ (С. 254)); ЕК — имѣние (С. 60, 67, 71, 112, 211, 637, 777)²⁹; срѣбро (С. 9, 159, 160, 212)³⁰.

Итак, анализ материала, ограниченного на данном этапе текстами Трулльского собора, показывает, что юридическая терминология канонического права в древнейшем периоде ПНЧ характеризуется, во-первых, низкой (по сравнению хотя бы с ЕК) вариативностью, что говорит об относительной стабильности терминологической системы, а во-вторых, своеобразной передачей многих византийских терминов, отличающих ПНЧ в древнейшем переводе от позднейшего перевода и от ЕК. Степень этого своеобразия могла бы стать более ясной в результате реконструкции и широкого сопоставительного изучения систем терминологии в древнейших переводах на древнеславянский язык византийских юридических текстов, прежде всего в кормчих книгах. Сравнительный анализ этих систем мог бы стать важным вкладом в изучение рецепции римско-византийского права на Руси, в историю древнерусской юридической теории и практики.

²⁶ В ЕК есть также два случая перевода этим словом других греческих глаголов с тем же значением, ср.: *остануть ся* (ἀφείσθωσαν) (С. 179), *остати ся* (ἐκνήψαι) (С. 145).

²⁷ Ср. там же термины: *намѣстии* (С. 171), *намѣстникъ* (С. 170—171), а также передачу слова *проедрия* посредством *намѣстие* (Трул. 37, С. 169; Трул. 48, С. 177; II Ник. 14, С. 220).

²⁸ Помимо οἰκονομία и σκοπός слав. *сьмотрение* в ЕК может передавать также греч. ποιότης (С. 203) и οκέψις (С. 251—258).

²⁹ Этим термином в ЕК также передается греч. термины πράγματα (С. 70, 71, 168), οὐσία (С. 113), μασινας (С. 224), ὑπάρχοντα (С. 88).

³⁰ Другие греч. соответствия — ἀργύριον (С. 91, 209, 509, 511, 591, 592, 598, 599, 602 и др.), κέρμα (С. 190).

Л.А. Герд

ВОПРОСЫ ПОКАЯННОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В "ТАКТИКОНЕ" НИКОНА ЧЕРНОГОРЦА

Вопрос о церковных наказаниях за нарушение норм церковной жизни является одним из наиболее запутанных в системе канонического права¹. Поэтому прежде чем обращаться к рассмотрению конкретных случаев согрешений, попытаемся определить границы действия церковных наказаний. В науке издавна ставился вопрос о том, входит ли исповедная и покаянная дисциплина в сферу канонического права. Наиболее близким к решению этого вопроса нам представляется видный отечественный канонист Н.С. Суворов, который подробно анализирует все существовавшие в то время мнения на этот счет². "Можно, — говорит он, — усматривать весьма близкую связь между церковным судом и таинством исповеди, — связь, выражающуюся в том, что церковное наказание, как акт внешнего церковного суда, приводит преступника к духовнику, но в то же время и смешивать эти два понятия, несмотря на их близость, совершенно различные, невозможно"³. Поскольку в православной церкви учение о таинстве покаяния составляет один из догматов веры, то здесь постоянно происходит смешение понятий. Догматическое основание, на котором зиждется учение о богоучрежденности таинства покаяния, переносится в сферу права⁴. Отсюда происходит и неопределенность в терминологии. В русском каноническом праве отсутствует понятие, аналогичное греческому τὸ ποινικὸν δίκαιον или немецкому Strafrecht. При этом традиционным стало определение "покаянная дисциплина", которое охватывает всю совокупность вопросов, связанных с грехом и последующим очищением от него⁵.

В традиции же римско-католического права (в отличие от православного) наблюдается проведение резкой границы между *forum externum*, т.е. церковным судопроизводством и *forum internum* — покаянием на исповеди. Первый

¹ Τρωϊάνος Σ. Παράδοσις ἐκκλησιαστικοῦ δικαίου. Ἀθήνα, 1984. Σ. 413—414.

² Суворов Н.С. О церковных наказаниях: Опыт исследования по церковному праву. СПб., 1876.

³ Там же. С. 7.

⁴ Там же. С. 9.

⁵ От канонической стороны покаянной дисциплины следует отличать ее литургическую сторону, которая, впрочем, тесно связана с первой. По этому вопросу до сих пор самым лучшим пособием является фундаментальный труд А.И. Алмазова. (Алмазов А.И. Тайная исповедь в православной восточной церкви. Одесса, 1894 Т.1—3).

зультате становится возможным наложение отлучения лицом, не имеющим сана⁶.

В дальнейшем исследователи обращали внимание в первую очередь на конкретные случаи преступлений против норм церковной жизни и наказания за них, не задаваясь вопросом о соотношении и связи с наказаниями таинства покаяния. Работ о системе церковных наказаний достаточно много⁷. В последнее время исследователей интересует и взгляд на наказания со стороны светского законодательства⁸.

Несмотря на обилие литературы по системе церковных наказаний в греческой церкви, ни в одной из этих работ не рассматриваются взгляды Никона Черногорца на этот счет, не в последнюю очередь из-за неизданности его трудов. Между тем вопросы покаянной дисциплины — одна из центральных тем в "Тактиконе". Произведение Никона не только отражает мнение канониста касательно ряда наказаний за преступления клириков, но также бросает свет на один из интереснейших в этом отношении памятников — Номоканон Иоанна Постника.

В "Тактиконе" Никона Черногорца, который нами используется по фотографиям В.Н. Бенешевича рукописи Sinaiticus 441, рассматриваются следующие случаи прегрешений духовных лиц: взяточничество при рукоположении, постриге и причастии, прелюбодеяние, блуд и рукоприкладство, а также и связанные с этими грехами наказания.

Вопрос о взятках за рукоположение духовных лиц (симония) неоднократно рассматривался в каноническом праве. По определению П.М.Панайотакиса, симония — это намеренное разрушение церковного порядка, производимое двумя или более клириками и монахами⁹. Как отмечает К.М.Раллис, в середине IV в. говорят о ереси симонии (Иоанн Златоуст в 6-й гомилии на Деяния), т.е. взяточничество в церкви считается одним из самых страшных грехов¹⁰. Преследование взимания денег церковью является исполнением евангельских слов о том, чтобы апостолы не брали с собой в дорогу ни золота, ни серебра, ни меди (Матф. 10б. 8—9), а сам грех называется симонией по имени Симона мага, осужденного апостолом Петром (Деян. 8, 20—21).

Тема взяточничества рано появляется в византийской канонической литературе. Уже в 29-м каноне св. Апостолов говорится, что если епископ, пресвитер или диакон будут поставлены за взятку, то они навсегда лишаются сана, подобно тому как Симон маг лишен сана апостолом Петром¹¹. Второй канон Халкидонского собора развивает эту идею, постановляя, что в случае рукоположения за деньги лишается сана и тот, кто рукополагал, и тот, кого

⁶ Kober J. Der Kirchenbann und seine Folgen. Tübingen, 1863. S.66; Суворов Н.С. Указ. соч. С.9—10.

⁷ Παναγιωτάκου Π.Ι. Σύσταγμα τοῦ ἐκκλησιαστικοῦ δικαίου κατὰ τὴν ἐν Ἑλλάδι ἰσχύον αὐτοῦ. Ἀθήνα, 1962. Τ. 3; Μαντζουνέα Ἐυ.Κ. Κανονικὸς ποινικὸς-ἐπιτιμιακὸς κώδιξ ἐκ τῆς ἁγίας γραφῆς καὶ τῶν ἱερῶν κανόνων. Ἀθήνα, 1973; Ράλλη Κ.Μ. Ποινικὸν δίκαιον τῆς ὀρθόδοξου ἀνατολικῆς ἐκκλησίας. Ἀθήνα, 1907; Τρωϊάνος Σ. Op. cit. Σ. 413—456; Κονιδάρις Ι.Μ. Τινὰ περὶ χάριτος τῶν ἐκκλησιαστικῶν ποινῶν // Ι.Μ. Κονιδάρις. Ζητήματα βυζαντινοῦ καὶ ἐκκλησιαστικοῦ δικαίου. Ἀθήνα, 1990. Σ. 1—18. Там же см. подробную библиогр.

⁸ Troianos S. Die Strafen im Byzantinischen Recht: Eine Übersicht // JÖB. Wien, 1992. Bd.42. S.55—74. Из старых работ см.: Mommsen Th. Römisches Strafrecht. Leipzig, 1899.

⁹ Παναγιωτάκου Π.Ι. Op. cit. Σ. 416—423.Т.3. См. также: Παναγοπούλου Ι. Ἡ σιμωνία. Ἀθήνα, 1946; Τρεμπέλας Π. Ἡ ἔννοια καὶ τὸ κρίμα τῆς σιμωνίας // Ἐκκλησία. 1948. Τ. 20. Σ. 295; Μαντζουνέα Ἐυ.Κ. Op. cit. Σ. 57—64.

¹⁰ Ράλλη Κ.Μ. Op. cit. Σ.327.

¹¹ Funk F.X. Didascalia et constitutiones apostolorum. Paderborn, 1905. T.1. P.572.

рукоположили, в том числе экономы, экдики и другие лица из клира¹². Этот канон предусматривает наказания также и за посредничество в таком деле. Константинопольский патриарх Тарасий в письме к папе Адриану называет симонию более тяжким грехом, чем ереси македонян и духоборцев¹³.

Пятый канон Седьмого собора, по сути, повторяет второй Халкидонского¹⁴. По мнению С. Трояноса, цель собора была назначить наказание за взимание взяток, не отождествляя его, однако, с симонией¹⁵. 19-й канон того же Седьмого собора, опираясь на 2-й Халкидонского, снова обращается к этой проблеме¹⁶. По мнению Вальсамона, 19-й канон является продолжением пятого, а разница между ними состоит в том, что в одном говорится о взятках вообще (19), а в другом — о взятках при рукоположении (5). Этим и объясняется различие в наказаниях. Так, если епископ или игумен берет деньги за рукоположение, то он лишается сана; если же за что-либо другое, то либо прекращает это делать, либо тоже лишается сана¹⁷. Другого мнения придерживается С. Троянос. В 19-м каноне, говорит исследователь, речь идет не об очевидной симонии, т.е. взятке за само таинство рукоположения, а об уплате определенной суммы за включение в клир уже рукоположенного иерея или диакона¹⁸.

Однако, как нам кажется, 19-й канон сформулирован в достаточно общем плане: καὶ διὰ χριστοῦ τὰς εἰσοδοῦς τῶν προσερχομένων τῷ τε ἱερατικῷ τάγματι καὶ τῷ μονήρει βίῳ ποιεῖσθαι. Здесь вполне может иметься в виду и плата за само таинство, и взятка за назначение на должность при введении Вальсамона и, как мы увидим ниже, именно его придерживался Никон Черногорец.

Проблема взятки за рукоположение подробно рассмотрена в работе Э. Папаянни¹⁹. Несмотря на многочисленные статьи светского и церковного законодательства, запрещающие взятки, говорит исследовательница, уже со времени Юстиниана, делались попытки узаконить некоторые их виды. Так, в 56-й новелле император рассматривает тот случай, когда клирики после рукоположения их патриархом приходили в свои церкви, и их собраты требовали от них большие суммы денег. 123-я новелла упорядочивает плату за третью ступень священства по окончании таинства рукоположения.

Интересные сведения о взятках содержатся в решении патриарха Антония III (977 г.). Оно касается суммы, которую платят при рукоположении клирики Св. Софии, а также новоназначенные иподиаконы, диаконы и пресвитеры своим собратям — 24 номисмы и другие 4 за угощение (трапезикон). Эта сумма могла достичь 40 номисм. Антоний постановляет, что плата не должна превышать 28 номисм²⁰. Через 20 лет патриарх Сисиний (996-998) запрещает взятки, которые берут епископы с уже рукоположенных клириков²¹.

¹² Ράλλη Κ., Ποτλή Μ. Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων. Ἀθήναι, 1852—1859. Τ. 2. Σ. 217—218.
¹³ Ibid. Τ. 4. Σ. 376.
¹⁴ Ibid. Τ. 2. Σ. 572—573.

¹⁵ Τρωϊάνου Σ.Ν. Ἡ Ζ' οἰκουμενικὴ Σύνοδος καὶ τὸ νομοθετικὸν αὐτῆς ἔργον. Ἀθήναι, 1989. Σ. 25.
¹⁶ Ράλλη Κ., Ποτλή Μ. Op. cit. Τ. 2. Σ. 630—631.
¹⁷ Ibid. Σ. 632-633.

¹⁸ Τρωϊάνου Σ.Ν. Op. cit. Σ. 54—55.

¹⁹ Παπαγιάννη Ε. Τὰ οἰκονομικὰ τοῦ ἐγγάμου κλήρου στὸ Βυζάντιο. Ἀθήνα, 1988. Σ. 231—246.
²⁰ Σταυρίδου-Ζάφρακα Α. Ἀνέκδοτο ὑπόμνημα τοῦ πατριάρχου Ἀντωνίου Γ' Στουδίτη (974—979) // Βυζαντινά. 1980. Τ. 10. Σ. 184—185.

²¹ Troianos S. Ein Synodalakt des Sisinius zu den bischöflichen Einkünften/Fontes Minores III. S. 211—220.

В XI в. на этот счет появился целый ряд указов. Первый из них — постановление патриарха Алексея Студита (1024-1043), известное по сообщению патриарха Николая III²². В нем взятки ограничиваются одной номисмой за назначение чтецов и по три за каждую из двух более высоких ступеней. Для того чтобы быть рукоположенным из низшего клира в высший, необходимо заплатить 7 золотых номисм. За этим указом следовали хрисовулы Исаака и Алексея Комнинов. Хрисовул Исаака Комнина 1057-1059 гг. постановляет совершать рукоположение иереев согласно старому порядку (т.е. Nov. 123, 16), а за поставление епископов и архиепископов брать не более 7 золотых номисм. За рукоположение иереев и диаконов — по три номисмы²³. Это постановление воспроизводится Вальсамоном в комментарии к Номоканону XIV титулов (1,34)²⁴.

Итак, к XI в. на взятки за рукоположения смотрели как на неизбежное и, более того, вполне законное явление. Все постановления сводятся к ограничению конкретных денежных сумм.

Мнение Никона Черногорца представляет собой резкий контраст по отношению к господствующей в XI в. точке зрения. Вопрос о взятках рассматривается в трех словах "Тактика" (16, 27 и 32). Источники, на которые он при этом опирается, в основном одни и те же: 29-й канон Св. Апостолов, 2-й Халкидонского собора, послания Тарасия к Адриану и 2-й Седьмого собора.

В слове 16, обращенном к монаху Мелетию, Никон дает лишь краткий обзор этих канонов и подробнее останавливается на вопросе о взятках за постриг (л. 132^a—132^b)²⁵. "Ведь, отец мой, ты напомнил мне о дающих и берущих дары за священство и продающих непродаемую благодать, а это является чуждым и страшным согласно всем божественным писаниям. Как ты, отец мой, знаешь, божественные каноны таковых лишают сана и предают анафеме и отсекают от причастия, так говорит и 29-й канон Св. Апостолов, а также и второй Халкидонского собора, что те, кто являются посредниками или сотрудниками в таких делах, будь они клирики, монахи или миряне, равным образом подлежат таковым же (наказаниям. — Л.Г.)" (л. 132^a-^b).

В слове 17 к игумену монастыря Св. Иоанна канонист уточняет свою позицию в вопросе о взятках за рукоположение. Основываясь на втором каноне Халкидонского собора (но не ссылаясь на него), он еще раз подтверждает, что те, кто были посредниками при взятке, также подлежат наказанию (л. 136^a). В слове 27 к лаодикийскому пресвитеру Никон обсуждает проблему взятки в сочетании со смежным вопросом — о протекции мирских лиц при рукоположении.

В 32-м слове, отвечая на вопрос какого-то иерусалимского клирика, канонист дает полное обоснование своей позиции по вопросу о взятках: он точно цитирует 29-й канон Св. Апостолов, 2-й Халкидонского собора, послание Тарасия к Адриану и 19-й Седьмого собора (л. 223^a—224^b). Самое страшное, говорит Никон, это то, что деньги принимаются не только от единоверных, но и от иноверцев: Τὸ δὲ μετὰ χρημάτων καὶ ξενιῶν τὴν ἱεροσύνην λαβεῖν ὡς εἴρηκας. Τὸ χεῖρον δὲ πολλῶ μᾶλλον παρὰ ἀλλοπίστῳ καὶ ἐθνικῷ, τοῦτο φοβερόν καὶ ὅμως τέως εἰς ὁμοπίστους εἶπομεν ὥδε. Σὺ δὲ ἐξέτασε τῶν ὁμοπίστῳ τὸ πόσον κίνδυνον ἔχει, καὶ ἀλλοπίστῳ (л. 223^b). Комментируя послание

²² Ράλλη Κ., Ποτλή Μ. Op. cit. Τ. 5. Σ. 60.

²³ JGR. Bd. 3. S. 322-323.

²⁴ Ράλλη Κ., Ποτλή Μ. Op. cit. Τ. 1. Σ. 74—75.

²⁵ Нумерация листов дается по рукописи Sinait. 441 (шифр фотоснимков в РНБ греч. 879).

патриарха Тарасия к Адриану, Никон подчеркивает, что взяточники подлежат не только тем наказаниям, которые указаны в соответствующих канонах, но еще могут быть осуждены как еретики, ибо Тарасий считает их хуже еретиков — македониан и духоворцов (лл. 223^a—223^b).

Никон не мог не знать о принимавшихся в Константинополе решениях по узаконению взяток, но он, как мы видим, опирается лишь на наиболее крайние постановления по этому вопросу, так как взимание денег от мусульман угрожало полным моральным разложением христианской церкви в завоеванных турками-сельджуками регионах.

Как и многие другие мнения Никона, эти его пассажи не нашли отклика в позднейшее время. Вальсамон говорит о взятках как о традиционном праве и даже как о чем-то обязательном²⁶. Хотя Никита Анкирский напоминает, что рукоположение за деньги карается отлучением²⁷, а патриарх Арсений Авториан (XIII в.) запрещает взятки²⁸, это явление, тем не менее, продолжало существовать. Патриарх Нифонт I попытался примирить реальное положение вещей с запрещением: плата должна производиться только за свечи и угощение того, кто помогает при рукоположении, говорится в его решении²⁹. Николай Кавасила, осуждая взятку, ничего не имеет против угощения³⁰. В XV в. патриарх Геннадий Схоларий сетует на то, что все в церкви продается: ἡ ἀρχιερωσύνη σιμωνιακῇ... ἱεροὶ οἶκοι πιπράσκονται τὰ τῷ Θεῷ ἀφιερωμένα πωλοῦνται³¹.

При монашеском постриге плата также была обыкновенной практикой. Хотя это было запрещено 5-м и 19-м канонами Седьмого собора (предусматривается изгнание игуменов, переселение их в другие монастыри), взятки со стороны настоятелей были обычным явлением. Монастырские типики, по заключению И. Конидариса, редко отрицают приношения. Определенная группа уставов имеет дело со взятием небольшой суммы денег τραπεζιατικόν на угощение братии при постриге³².

По отношению к этому вопросу Никон также занимает крайнюю позицию. В слове 16 к монаху Мелетию он говорит об абсолютной недопустимости продажи божественной благодати. Взимание взяток, говорит автор, "еще более имеет опасность для нас, монахов, как умерших для мира". Поэтому инокам следует быть в этом особенно внимательными, как пришедшим в страну покаяния. "Ибо эта опасность, продажи и купли благодати, лежит и на монахах, дающих и берущих дары для принятия пострига, вопреки словам божественных писаний" (л. 132^b). Далее он цитирует 19-й канон Седьмого собора о наказании, которое следует игумену за такой грех. Замечательно, что Никон предпочитает не рассматривать сложные и сомнительные случаи "добровольных" приношений, а сводит все возможные ситуации к наиболее простой — взятке за постриг как таковой.

Подобную позицию автора мы наблюдаем и при решении вопроса о плате за другие таинства — в данном случае за причастие. Как отмечалось в исследованиях, церковь пыталась брать деньги за причастие, крещение, венчание, а также за составление завещаний³³. Однако здесь, как и в случае с рукоположением и постригом, нет четкой грани между взяткой и добровольным приношением, о чем говорит в своих канонических ответах Симеон Фессалоникский³⁴. В слове 27 Никон не отделяет вопрос о плате за причастие от платы за рукоположение. Он цитирует 23-й канон Трулльского собора, в котором запрещается брать за причастие деньги³⁵. (л. 199^b). В толковании этого постановления Никон придерживается точки зрения, которую через столетие после него повторит Вальсамон: под обоими здесь понимаются не только деньги в собственном смысле слова, но дары вообще: καὶ πάλιν τὸ διὰ δώρων χειροτονεῖν καὶ χειροτωνεῖσθαι καὶ ἄλλα ὅσα (имеются в виду другие таинства) τῇ ἱεροσύνῃν κολύουσιν.

Такую же жесткость Никон проявляет и при решении вопроса о протекции светских лиц. Действительно, 6-й канон Св. Апостолов запрещает клирикам иметь мирские помыслы³⁶, а 30-й говорит о лишении сана тех духовных лиц, которые рукоположены по заступничеству мирян, а также об отлучении всех, содействовавших им в этом³⁷. Третий канон Седьмого собора также возбраняет протекцию мирян при рукоположении³⁸. Зонара в комментарии к этому канону отмечает древность этого греха (παλαιὰ ἢ κακία).

В том же 27-м слове Никон цитирует 30-й канон Св. Апостолов, а также 15-й Седьмого собора, где говорится о священниках, принявших сан по корыстным соображениям³⁹. Десятый канон того же собора, пишет Никон, особо постановляет о священниках, служащих в домах архонтов: там они более всего подвержены житейским помыслам. Если они принимают какие-то дары, то либо должны прекратить, либо лишаются сана. Исключение составляет взимание платы за обучение детей и слуг⁴⁰. Реальное положение вещей отражено в комментарии Вальсамона к 32-му канону Карфагенского собора. Многие клирики, говорит он, до рукоположения не имели никакого имущества, но становились богатыми, работая учителями, каллиграфами и писцами⁴¹.

В XI в. Никон не был единственным, кто придерживался такой точки зрения. Мнению канониста созвучен пассаж из сочинения Анонима. Его автор говорит, что если избрание и рукоположение будут определяться не церковью, а мирянами, то тогда не нужно ни крещения, ни служения литургии, и божественные дела будут делаться так же, как и людские. Такие законы не происходят от духа, а подобны мертвому неродившемуся зародышу⁴². Никита Анкирский, опираясь на Nov. 123, 21—22, говорит, что мирские правители не должны принимать участия в выборах епископов⁴³.

³³ Παπαγιάννη 'Ε. Op. cit. Σ. 225.

³⁴ PG. Vol. 155. Col. 929.

³⁵ Παπαγιάννη 'Ε. Op. cit. Т. 2. Σ. 354—355. См. также 4-й канон Седьмого собора и Номон. XIV (nbn77 II, I; VI, I).

³⁶ Funk F. X. Op. cit. P. 566.

³⁷ Ibid. P. 572.

³⁸ Παπαγιάννη 'Ε. Op. cit. Т. 2. Σ. 564—566.

³⁹ Ibid. Σ. 620.

⁴⁰ Ibid. Σ. 587—588.

⁴¹ Ibid. Т. 3. Σ. 389.

⁴² Darrouzès J. Documents inédits... P. 154.

⁴³ Ibid. P. 246.

²⁶ Ράλλη Κ., Ποτλῆ Μ. Op. cit. Т. 1. Σ. 75.

²⁷ Darrouzès J. Documents inédits d'ecclésiologie Byzantine//Archives de l'Orient chrétien. P., 1966. Vol. 10. P. 228.

²⁸ Ράλλη Κ., Ποτлῆ Μ. Op. cit. Т. 5. Σ. 547—548.

²⁹ Παπαγιάννη 'Ε. Op. cit. Σ. 244.

³⁰ Ibid. P. 245—246.

³¹ Petit L., Siderides X. A., Jugie M. Oeuvres complètes de Gennade Scholarios. P., 1935. Vol. IV. P. 480.

³² Κοινιδάρη I. M. Νομικὴ θεώρηση τῶν μοναστηριακῶν τυπικῶν. Αθήναι, 1985. Σ. 101—104; Σταυρίδου-Ζάφρακα 'Α. Op. cit. Σ. 187—188.

Второй круг вопросов, связанных с покаянной дисциплиной и присутствующих в "Тактиконе" Никона — проблема грехов блуда и прелюбодеяния священников. Такие преступления церковь карает с особенной строгостью⁴⁴. Согласно канону 61-му Св. Апостолов⁴⁵ и 9-му Неокесарийского собора⁴⁶, блуд является препятствием к рукоположению. Это подтверждается комментариями Зонары⁴⁷ и письмом Никифора Хартофилака к монаху Феодосию⁴⁸. Уже рукоположенные клирики в случае этого греха подвергаются лишению сана (25-й и 61-й каноны Св. Апостолов, 9-й Неокесарийского собора, 9-й 1-го Никейского, 36-й Псевдо-Никифора Омологета⁴⁹, комментарии Зонары и Вальсамона к 21-му канону Трулльского собора⁵⁰. Шестой канон Феофила Александрийского не делает исключения в наказании ни для одной из степеней священства, включая чтецов⁵¹. На Константинопольском соборе 360 г. акакия не высказались за изгнание Македония, которого ненавидели за то, что он принял диакона, грешащего блудом⁵².

Церковь карала не только сам блуд, но и попытку его. Согласно 4-му канону Неокесарийского собора за это на клирика налагается епитимья⁵³. Василий Великий постановляет, что тот, кто сблизился с женщиной вплоть до поцелуя, не должен служить литургии⁵⁴.

Вполне естественно, что эти постановления были слишком стеснительны для реальной жизни. 27 слово "Тактикона" построено в виде полемики — ответов на вопросы, которые канонисту задает лаодикийский пресвитер. Может ли быть священником человек, согрешивший до рукоположения? Может ли снова начать служить раскаявшийся священник, согрешивший после принятия сана; каков должен быть для него срок епитимьи? Ведь священник, хотя и должен быть как ангел Божий, но по природе является человеком, и, как и все люди, способен на раскаяние. А что делать стареющему иерею, находящемуся под покаянием, если он не имеет других источников доходов, а у него есть жена и дети? Ведь в монастырь его не принимают (л. 194^в—195^а).

Изложив вкратце содержание письма лаодикийского пресвитера, Никон отвечает на вопросы. Божественные писания, говорит он, за различные грехи предусматривают разные наказания: "Твои ко мне вопросы не имеют одного и определенного ответа. Ибо божественные писания насчет таких падений передают различным образом" (л. 195^в). Если иерей один раз пал, то ему, по мнению Никона, никогда больше нельзя служить. После цитирования 27 канона Карфагенского собора, запрещающего согрешившим иереям служить даже в том случае, если они покаются, Никон говорит: "Даже если и труден для понимания покажется этот канон..., но ведь он указывает в точности на правила, владыко мой, и точно их обнаруживает? Так что даже через покаяние не дается ему возможность быть клириком" (л. 196^а). Как и второе крещение,

второе рукоположение запрещено. Монастыри — это место для истинно желающих спастись; подобным людям там нет места. Такое мнение, говорит Никон, подтверждается книгой Иоанна Постника; Василий Великий в 4-м каноне говорит о том, что диаконы, лишенные сана, не отстраняются от причащения божественных таин, поскольку с этого момента они становятся мирянами⁵⁵. Действительно, Номоканон Иоанна Постника, являющийся основной суждений Никона на этот счет, полностью согласуется с канонами Василия Великого: "Священники и диаконы и в особенности епископы, если как-либо падут и совершат грех с женщиной или с кем-либо, хотя бы то было единожды падение — уже совершенно не священнодействуют, от причастия не отлучаются, так как двойное возмездие одновременно не полагается; приобщаются... и читают, совершая, что свойственно вообще чтецу"⁵⁶.

Интересно, что вопрос о возможности служить для согрешившего иерея, по-видимому, претерпел у Никона некоторую эволюцию в сторону большей строгости: в 3-м слове "Тактикона" (= Пандекты, слово 63) Никон, основываясь на Номоканоне Иоанна Постника, говорит, что такой священник низводится в сан чтеца⁵⁷. В кодексе (л. 53^а) к этому месту есть схождения: это не согласуется с канонами; 8-й Неокес. такого иерея отстраняет полностью.

Этот же вопрос задают афонские монахи патриарху Николаю, ссылаясь на 4-й канон Василия Великого и 9-й Неокесарийского собора, и получают отрицательный ответ (cod. Sinait. 1609, л. 423^а). Димитрий Хоматиан также отрицательно отвечает на вопрос о возможности священства для человека, один раз впавшего в блуд⁵⁸.

В "Тактиконе" (слово 14) говорится и о другом виде согрешений клириков — о рукоприкладстве. В древние времена в монастырях телесные наказания были обычной практикой. По законодательству Юстиниана лжесвидетельствующих клириков вместо бичевания следует отправлять на три года в монастырь (Nov. 123, 20). На Западе телесные наказания продолжали практиковаться и в более позднее время, особенно по отношению к монахам низших степеней за тяжелые грехи (воровство, обхождение с женщинами, действия для личного обогащения, нововведения в монастыре)⁵⁹. В Византии, по свидетельству монастырских типиков, эти наказания сохранились только в виде лишения еды и питья (епитимья ἀβρωσία καὶ ἀτροφία)⁶⁰. Вообще, Восточная церковь запрещала телесные наказания. Номоканон Иоанна Постника, устанавливающий достаточно мягкое и снисходительное отношение духовника к согрешившему человеку, особо подчеркивает, что исповедь у христиан заменила собой все другие виды наказаний, присутствовавших в Ветхом Завете и, в первую очередь, смертную казнь⁶¹. 27-й канон Св. Апостолов наказывает лишением сана пресвитеров и диаконов, бьющих согрешивших верующих⁶². Согласно типичу Св. Саввы, бьющие друг друга монахи

⁴⁴ Ράλλη К.М. Op. cit. Σ. 237—240; Μαντζουρέα Εὐκ. Op. cit. Σ. 325—328; 345—348; Παναγιωτάκου Π.Ι. Op. cit. Σ. 585—594.

⁴⁵ Funk F.X. Op. cit. P. 582.

⁴⁶ Ράλλη К., Ποτλή Μ. Op. cit. Т. 3. Σ. 84—87.

⁴⁷ Ibid. Т. 4. Σ. 85.

⁴⁸ Ibid. Т. 5. Σ. 399.

⁴⁹ Ibid. Т. 4. Σ. 430.

⁵⁰ Ibid. Т. 2. Σ. 352—353.

⁵¹ Ibid. Т. 4. Σ. 346; Т. 6. Σ. 439.

⁵² Ράλλη К.М. Op. cit. Σ. 240.

⁵³ Ράλλη К., Ποτλή Μ. Op. cit. Т. 3. Σ. 75.

⁵⁴ Канон. 70. См.: Ibid. Т. 4. Σ. 228.

⁵⁵ Ράλλη К., Ποτλή Μ. Op. cit. Т. 4. Σ. 102.

⁵⁶ Заозерский Н.А., Хаханов А.С. Номоканон Иоанна Постника. М., 1902. С. 53—54.

⁵⁷ Бенешевич В.Н. Тактикон Никона Черногорца. Вып. 1 // Записки Ист.-фил. фак-та Петроград. ун-та. Пг., 1917. Ч. 139. С. 96.

⁵⁸ Pitra J.B. Analecta sacra et classica Spicilegio solesmensi parata. Roma, 1891. Vol. 6. Col. 711—712.

⁵⁹ Ράλλη К.М. Op. cit. Σ. 82—87.

⁶⁰ Κοινδάρης Т.М. Op. cit. Σ. 235—237.

⁶¹ Заозерский Н.А., Хаханов А.С. Указ. соч. С. 8.

⁶² Funk F.X. Op. cit. P. 570.

подлежат изгнанию из монастыря⁶³. Эта тема присутствует и в канонических сборниках — Номоканоне XIV титулов (IX, 26)⁶⁴ и Синагоге 50 титулов (15)⁶⁵.

Говоря о том, каков должен быть священник, Никон приводит апостольский канон, однако подробно на этом вопросе не останавливается (слово 14; л. 104^в). В слове 17 он снова возвращается к проблеме рукоприкладства, говоря о том, что наказывать следует без гнева (л. 134^а—134^в). Далее он ссылается на Малый и Большой Катехизисы Феодора Студита, где также говорится об этом (л. 135^а)⁶⁶. Как мы видим, в данном вопросе канонист придерживается современного ему взгляда на вещи; очевидно, что эта проблема не играла большой роли для автора "Тактикона".

В целом точка зрения Никона по вопросам симонии, блуда, прелюбодеяния и рукоприкладства не совпадает с господствующей в XI в. и опирается на жесткие правила Вселенских соборов. Только в случае телесных наказаний наблюдается отступление от древних норм. Несомненно, одной из причин подобной суровости канониста явилось наступление турок-сельджуков, когда особенно важной становится нравственная чистота духовенства: ведь ему нужно было своим личным примером удержать верующих от перехода в мусульманство.

Н.Ф. Каврус-Хоффманн

РУКОПИСЬ ДИОСКориДА БИБЛИОТЕКИ ПЬЕРПОНТ МОРГАН М 652 (НЬЮ-ЙОРК): КОДИКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПАЛЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Кодекс М 652, хранящийся в Нью-Йорке, в Библиотеке Пьерпонт Морган, хорошо известен исследователям. Он содержит "De materia medica" и малые произведения Диоскорида, а также парафразы Эвктения "Theriaca", Никандра "Alexipharmaca" и Оппиана "Halieutica". Рукопись иллюминирована 769 миниатюрами и привлекала к себе внимание прежде всего историков искусства. Подробные исследования миниатюр содержатся в работах К. Вейцмана, А. Ван Бурэн и З. Кадара¹. В этих работах имеются также некоторые кодикологические и палеографические сведения о манускрипте. Рукопись кратко описана в каталоге Де Риччи², а также во внутреннем каталоге библиотеки Пьерпонт Морган. Кодекс М 652 включен исследователями в списки рукописей, написанных "алмазным минускулом" (minuscule bouletée)³.

Рукопись М 652 датируется исследователями концом IX — первой половиной X в. Наиболее ранняя датировка содержится во внутреннем каталоге Библиотеки Пьерпонт Морган — последняя четверть IX в. Датировка основана на предположении К. и С. Лейк о сходстве почерка переписчика кодекса М 652 с письмом двух московских кодексов Российского исторического музея (далее: РИМ), датированных 880 и 890 гг. и переписанных соответственно монахом Иоанном и пресвитером Иоанном. По предположению К. и С. Лейк, это один и тот же переписчик. К сожалению, данные, приведенные в каталоге Библиотеки Пьерпонт Морган, ошибочны: в РИМе имеются две датированные рукописи IX в.: РИМ 117 (880 г.) и РИМ 184 (899 г.). Писцы рукописей различны, хотя действительно имеют одинаковое имя, но не Иоанн, а Афанасий. Первый, монах Студийского монастыря Афанасий, переписал в 880 г. Аскетикон Василия Великого — кодекс РИМ 117; второй, пресвитер

¹Weitzmann K. Die byzantinische Buchmalerei des 9. und 10. Jahrhunderts. B., 1935. S. 34; *Idem*. Studies in Classical and Byzantine Manuscript Illumination. Chicago; L., 1971. P. 138—139; Van Buren A. De materia medica of Dioscorides // Illuminated Greek Manuscripts From American Collections. Princeton, 1973. P. 66—69; Kadar Z. Survivals of Greek Zoological Illuminations in Byzantine Manuscripts. Budapest, 1978. P. 52—76.

²De Ricci S. Census of Medieval and Renaissance Manuscripts in the United States and Canada. N.-Y., 1937.

³Irigoin J. Une écriture du Xe siècle: la minuscule bouletée // PGB. P. 191—199; Bernardinello S. Nuovi manoscritti in minuscola "bouletée" // Miscellanea Codicologica F. Masai. Gand, 1979. P. 105—113; Agati M.L. Lista provvisoria dei manoscritti copiati in minuscola "bouletée" // Scriptorium. 1988. 42 (1). P. 104—109; *Eadem*. La minuscola "bouletée". Citta del Vaticano, 1992. P. 270—271.

⁶³См. рец. Э. Курца на: Dmitrievskij A. Die Klosterregeln des hl. Sabbas // BZ. 1894. Bd. 3. S. 169.

⁶⁴Ράλλη Κ., Ποτλή Μ. Op. cit. T. 1. Σ. 200—201.

⁶⁵Pitra J.B. Juris ecclesiastici grecorum historia et monumenta. Roma, 1868. Vol. 2. P. 380.

⁶⁶Cozza-Luri J. Nova patrum bibliotheca. Roma, 1905. IX, I. P. 110—111.

Афанасий переписал в 899 г. Лествицу Иоанна Лествичника — кодекс РИМ 184 не имеющий отношения к Студийскому монастырю⁴. Тип письма, который написан нью-йоркский манускрипт, — минускул *bouletée* первой половины — середины X века, — отличается от "древнего продолговатого минускула" второй половины IX в., к которому можно отнести почерки московских рукописей, так что датировка кодекса Диоскорида М 652 последней четвертью IX в. не может быть обоснована палеографически. В то же время предположение К. и С. Лейк не совсем беспочвенно: как будет видно из последующего палеографического анализа, тип письма, которым написан кодекс М 652, не является "каноническим" и имеет ряд особенностей, характерных для более ранних типов письма.

К. Вейцман датирует нью-йоркский кодекс началом X в. и относит его к продукции императорского скриптория эпохи Македонского ренессанса, связывая научное издание этого популярного в античности и в средние века текста с деятельностью Константина VII Багрянородного по составлению и переписыванию различного рода энциклопедий и компендиумов⁶.

А. Ван Бурэн относит изготовление рукописи Библиотеки Пьерпонт Морган М 652 к середине X в. и также считает, что кодекс был написан в императорском скриптории Константина VII Багрянородного⁷.

Итак, перед нами — интереснейший манускрипт, несомненно заслуживающий детального кодикологического и палеографического анализа. Цель настоящей работы — дать возможно более полное кодикологическое и палеографическое описание нью-йоркского кодекса Диоскорида М 652, выявить рукописи, близкие к нему по своим особенностям и типу письма, уточнить его датировку и попытаться определить место этого кодекса внутри широкого круга рукописей, написанных минускулом *bouletée*.

В рукописи — 383 листа размером 396x280/302 мм. Пергамен — тонкий и средней плотности, мягкий, желтоватый, хорошего и среднего качества, тщательно выделанный. Некоторые листы с "зарезами" и следами щетины. Над манускриптом работал один переписчик, хотя его почерк менялся в процессе работы, о чем более подробно будет сказано ниже. Согласно сигнатурам в рукописи 57 тетрадей. Первые 4 тетради утрачены, во многих тетрадях недостает листов. Целые тетради — кватернионы; они сложены согласно закону Грегори и разлинованы по системе¹⁸. Сохранилась только одна сигнатура, принадлежащая писцу. Она находится в верхнем правом углу первого листа тетради 50 (л. 328), писана унциалом. Большинство тетрадей имеют сигнатуры, проставленные позднее посередине нижнего поля первого листа тетради. Эти сигнатуры писаны минускулом, чернила отличны от чернил основного текста. Площадь текста — 293x202 мм 30 строк на странице. Интервал между строками — 11/12 мм. Размеры полей рукописи: внутреннее — 45 мм, верхнее — 40 мм, внешнее — 55 мм, нижнее — 63/65 мм (рукопись обрезана). Письмо подвешено к линиям разлиновки или пронизывается ими. В рукописи два типа разлиновки: 20C1 и C 20C1a⁹. Направляющие линии для письма

пересекают ограничивающие вертикали и выходят на внешнее поле. Следует отметить, что в лучших образцах рукописей *bouletée* обычные индексы D (для одной колонки) и E (для двух колонок), направляющие линии не выходят на поля рукописи; часто не пересекают поля рукописи и вертикальные линии. Проколы — продолговатые и треугольной формы, крупные. Чернила — бежево-коричневые. Ударения мелкие; придыхания — прямоугольной формы, горизонтальная черточка длиннее вертикальной. Ударения и придыхания проставлены нерегулярно.

Рисунки растений и животных выполнены темно-голубой и коричневой красками, похожими на акварель, цветы — красной, желтой и оранжевой красками. Рядом с каждым рисунком крупным унциалом яркими красными чернилами написано название изображенного. Все названия имеют арабский перевод. К сожалению, арабские надписи пока не датированы. Инициалы вынесены на поля, почти не орнаментированы и писаны теми же красными чернилами, что и названия растений.

Колофона рукопись не имеет.

Сведем основные кодикологические данные исследуемого манускрипта в таблицу:

Размер (мм)	Разлиновка		Число строк	Площадь текста (мм)	Интервал (мм)
	Система	Типы			
396x280/302	1	20C1 C 20C1a	30	293x202	11/12

Обратимся к письму рукописи. Как было сказано выше, исследователи единодушно включают нью-йоркскую рукопись М 652 в списки кодексов, написанных минускулом *bouletée*, хотя Ж. Иригуэн и М.Л. Агати отмечают "неканоничность" почерка писца М 652. Лучшие образцы *bouletée* отличаются вертикальностью, укороченностью выносных линий, широкими буквами, которые можно вписать в круг или квадрат и, как правило, наличием утолщений — "шариков" на концах выносных, откуда этот тип письма и получил свое название. Тип письма *bouletée* отличается статичностью, монументальностью и, как отметила М.Л. Агати, передает в минускульной форме иератическую торжественность унциала¹⁰. Этот тип письма употреблялся в первой половине — середине X века, им написаны преимущественно тексты священного писания и патристические сочинения; несколько рукописей, переписанных минускулом *bouletée*, содержат произведения классических авторов¹¹. Многие рукописи, написанные типом *bouletée*, являются роскошными, богато иллюмированными кодексами высокого качества изготовления, что дало исследователям повод считать манускрипты, написанные этим типом письма, продукцией Императорского скриптория и связать их с "издательской" деятельностью Константина VII Багрянородного¹². Но после обнаружения в различных собраниях много-

⁴ Подробное описание этих двух кодексов см.: Каврус Н.Ф. Студийский скрипторий в IX веке // ВВ. 1983. Вып. 44. С. 98—111.

⁵ Follieri E. La minuscola libraria dei secoli IX—X // PGB. P. 139—153, см. особ. p. 144.

⁶ Weitzmann K. Studies in Classical... P. 138—139.

⁷ Van Buren A. Op.cit. P. 67.

⁸ См.: Leroy J. Quelques systèmes de réglure des manuscrits grecs // Studia codicologica. B., 1977. P. 291—312.

⁹ См.: Leroy J. Les types de réglure de manuscrits grecs. P., 1976.

¹⁰ Agati M.L. Maiuscola e minuscola: indicazioni per l'interpretazione di una minuscola greca del sec. X // Studi di filologia bizantina. 1988. IV. P. 81—96; см. особ. p. 93.

¹¹ О репертуаре рукописей *bouletée* см.: Irigoin J. Op.cit. P. 193—195; Agati M.L. Maiuscola e minuscola... P. 86; Eadem. La minuscola "bouletée"... P. 317—319.

¹² Weitzmann K. Studies in Classical... P. 138—139; Irigoin J. Op. cit. P. 197—198; Каврус Н.Ф. "Алмазное" письмо в греческих рукописях Москвы и Ленинграда // ВВ. 1986. Вып. 47. С. 191—204; Madigan S.P. Three Manuscripts by the "Chrysostom Initialer": The Scribe as Artist in Tenth-Century Constantinople // Scriptorium. 1987. 41 (2). P. 205—220.

численных новых, не известных ранее рукописей *bouletée*, стало очевидным, что некоторые из них имеют, несомненно, провинциальное происхождение, например, кодексы петербургский, Российская Национальная Библиотека (далее: РНБ). СПб ДА 1/5¹³, Hieros., S. Saba, 242¹⁴, Sinait. 417¹⁵ и др.¹⁶

Каковы же палеографические особенности нью-йоркского кодекса Диоскорида. Прежде всего следует отметить неодинаковый размер букв письма. Крупный минускул в начале рукописи постепенно переходит в значительно более мелкий и затем, после л. 29, не изменяется. Поскольку все основные особенности почерка сохраняются, то нет основания говорить о двух переписчиках. Вероятно, писец стремился следовать оригиналу, чтобы избежать путаницы в расположении рисунков, а также сэкономить дорогостоящий пергамен.

Письмо рукописи имеет многие характерные особенности типа *bouletée* — вертикальность, округлость (особенно заметная в крупном варианте почерка), возможность вписать буквы в круг или квадрат, утолщения на концах некоторых выносных, характерное написание отдельных букв (унциальная двухчастная каппа, унциальные ню и лямбда, минускульная эта и др.). В то же время почерк писца М 652 не имеет такой важной особенности типа *bouletée*, как укороченность выносных, и именно это не позволяет считать минускул нью-йоркского кодекса "каноническим" *bouletée*. Напротив, выносные многих букв удлинены и заострены, что создает несколько архаичное впечатление угловатости, удлиненности и заостренности почерка, напоминающее рукописи IX в., написанные "древним удлиненным минускулом". Особенно удлинены выносные *дзеты* и *кси*, минускульной *лямбды*, верхняя выносная лигатуры *эпсилон + йота*, выносная минускульной *дзеты*. Для писца М 652 характерно разнообразие форм *дзеты* и *кси*, а также лигатур *альфа + дзета* или *кси* и *эпсилон + дзета* или *кси*. Некоторые формы *дзеты* и *кси* имеют удлиненный "хвостик", направленный влево — деталь, характерная для "древнего удлиненного минускула IX в. и для архаизированного письма южно-итальянских рукописей X в.: . В других формах тех же букв и лигатур "хвостик" направлен вправо: . Эти формы ближе к "каноническому" *bouletée*, но более архаичны и напоминают минускул рукописей "философской коллекции" (вторая половина IX в.) и рукописей, переписанных для Арефы Кесарийского в конце IX — начале X в.¹⁷ Следует отметить большое разнообразие форм двойной *лямбды*.

В минускуле писца рукописи М 652 имеются унциальные формы многих букв: *бэ́та*, *эпсилон* (но не в лигатуре *эпсилон + йота*), *эта*, *каппа*, *лямбда*, *ню*, *мю*, *сигма*, но процент их употребления невысок. Чаще других букв унциальные формы имеют *лямбда* и *ню*. Иногда союз *ка́ι* пишется в тахиграфической форме.

¹³ Каврус Н.Ф. "Алмазное" письмо... С. 202—203.

¹⁴ Agati M.L. Maiuscola i minuscola... P. 90.

¹⁵ Weitzmann K. Die byzantinische Buchmalerei... S. 84. Taf. XC1, Abb. 575; *Idem*. Illustrated Manuscripts at St. Catherine's Monastery on Mount Sinai. Collegeville (Minnesota), 1973. P. 11, fig. 6, 7; *Idem*. Islamische und Koptische Einflüsse in einer Sinai Handschrift des Ioannes Klimakus // Aus der Welt der islamischen Kunst. B., 1959. S. 297—316; Martin J.R. The Illustration of the Heavenly Ladder of John Climacus. Princeton, 1954. P. 186, pls. 1—5.

¹⁶ См., например, о южноитальянских рукописях *bouletée*: Agati M.L. La minuscola "bouletée"... P. 327—331.

¹⁷ См.: Follieri E. Op.cit. P. 145—146, tav. 6a, b, c; Fonkič B.L. Scriptoria bizantini: Risultati e prospettive della ricerca // RSBN. 1980—82. 17—19. P. 93—108; tavv. 8—17.

Почерк переписчика М 652 близок письму следующих рукописей: петербургской РНБ 53 ("Пурпурное евангелие")¹⁸; балтиморской W 524 (Walters Art Gallery)¹⁹; оксфордской Auct. D.4.1, 951 г.²⁰, а также в какой-то степени иерусалимской Staur. 55, 927 г., (фрагмент хранится в РНБ, греч. 339)²¹ и рукописи Филадельфии Ms. 1 (The Library Company). Минускул этих рукописей характеризуется удлинённостью некоторых выносных, но в отличие от *bouletée élançée*²² имеет архаичные формы некоторых букв, особенно *дзеты*.

Рукописи, написанные минускулом *bouletée*, датируются первой половиной — серединой X в.: именно к этому периоду относятся немногочисленные датированные рукописи, написанные этим типом письма (более поздние образцы, как правило, отличаются от "канонического" *bouletée* и чаще всего являются провинциальным подражанием столичному письму). Небольшое количество датированных рукописей *bouletée* затрудняет более точную датировку этого письма. К тому же, не всегда легко отличить действительно архаические элементы письма от архаизированных. Например, оксфордская рукопись Auct. D. 4.1 нашей группы, датированная 951 г., имеет четко выраженные особенности иллюминации южноитальянского типа. Как известно, южноитальянские кодексы написаны архаизированным письмом, копирующим более древние типы минускула, и кодекс Auct. D.4.1 наглядно демонстрирует это. Рукопись Staur. 55 и ее фрагмент РНБ 339 (927 г.), вероятнее всего, — провинциального происхождения, но точных сведений о происхождении этого манускрипта нет²³. Четвероевангелие W 524 (Балтимор), датируемое первой половиной X в., по мнению Вейцмана, определено провинциального происхождения²⁴. Здесь хотелось бы отметить, что орнамент некоторых П-образных заставок балтиморского евангелия весьма близок орнаменту заставок московского кодекса ГИМ 159 и петербургского кодекса 220²⁵. Эти кодексы написаны иным типом *bouletée*, чем W 524 и М 652; высокое качество изготовления свидетельствует о константинопольском происхождении рукописей ГИМ 159 и РНБ 220. Очень вероятно, что эти рукописи вышли из императорского скриптория.

К сожалению, палеографически наиболее близкий к нью-йоркскому кодексу петербургский манускрипт РНБ 53 ("Пурпурное евангелие") не имеет колофона. Этот кодекс был изготовлен, вероятнее всего, в придворной книгописной мастерской. Об этом свидетельствуют пурпурный пергамен, золотые чернила текста и серебряные — маргинальных схоллий.

¹⁸ Образцы почерка см.: Hatch W.H.P. Facsimiles and Descriptions of Minuscule Manuscripts of the New Testament. Cambridge (Mass.), 1951. Pl. IV; Лихачева В.Д. Византийская миниатюра. М., 1977. Табл. 3, 4. См. особ. формы унциальной *бэ́ты* и *дзеты*.

¹⁹ См.: Hatch W.H.P. Op.cit. Pl. LVI; Vikan G. Op.cit. Fig. 7; Weitzmann K. Byzantine Liturgical Psalters and Gospels. L., 1980. P. 19—38. Pls. 1—8. В этой работе К.Вейцман указывает на сходство почерков рукописей W 524 и Staur. 55.

²⁰ См.: Hutter I. Corpus der byzantinischen Miniaturenhandschriften. Stuttgart, 1977. Vol. I: Oxford Bodleian Library. Fig. 105—108.

²¹ См.: Irigoin J. Op.cit. P. 196, fig. 8; Cereteli G., Sobolevski S. Exempla codicum Graecorum... Mosquae, 1913. Vol. II, tab. 11.

²² См. об этом типе минускула: Agati M.L. Su due manoscritti in bouletée "élançée" / Byz. 1984. 54(2). P. 615—625.

²³ См.: Каврус Н.Ф. "Алмазное" письмо... С. 197.

²⁴ Weitzmann K. Byzantine Liturgical Psalters... P. 19—38. Pls. 1—8.

²⁵ Ср. заставки в указ. выше работе К.Вейцмана с заставками рукописей РИМ 159 и РНБ 220 (рис. 2—6 в работе Н.Ф.Каврус "Алмазное" письмо...). См. особ. античные амфоры в заставках W 524 и РИМ 159.

Т.о. точная датировка нью-йоркского кодекса М 652 и его локализация чрезвычайно затруднены. С одной стороны, мы видим прямое (РНБ 53) и косвенное (РИМ 159 и 220) сходство с константинопольскими рукописями, вышедшими, по всей вероятности из императорского скриптория; с другой — имеется определенное сходство с кодексами предположительно провинциального происхождения (W 524; Staur. 55; Aust. D. 4.1). Вероятно, прав был К. Вейцман, когда писал, что в X в. константинопольский стиль был столь доминирующим, а местные особенности столь слабо выражены, что различие между столицей и провинциями не было столь значительным, как в ранний византийский период²⁶. Имеются несколько косвенных свидетельств того, что манускрипт М 652 мог быть изготовлен в императорском скриптории в Константинополе: 1) по предположению Вейцмана, большая группа рисунков нью-йоркского Диоскорида была скопирована с венского кодекса Med.gr.1, изготовленного, несомненно, в Константинополе около 512 г. для патрицианки Юлианы Аниции²⁷; 2) по предположению Тувейда, ватиканский кодекс Диоскорида gr. 284, написанный в Константинополе в скриптории Ефрема²⁸, был позднее, в XIV в., украшен миниатюрами, которые являются копией миниатюр нью-йоркского Диоскорида²⁹; 3) в XVI в. кодекс М 652 находился в константинопольском собрании рукописей³⁰.

Ван Бурен, изучив историю текста Диоскорида, сделала вывод о том, что нью-йоркский манускрипт М 652 представляет собой новую "ренессансную" (имеется в виду "македонский ренессанс". — Н.К.Х.) редакцию текста Диоскорида, и что иллюстратор текста опирался, по крайней мере, на две древние модели³¹. Такая работа, несомненно, могла быть проделана только в крупнейшем столичном скриптории, каковым являлся скрипторий Константина Багрянородного. Следует отметить, что кодекс М 652 является весьма дорогой рукописью — для его изготовления потребовалось около 400 листов пергамента размером 400x300 мм, т.е. бифолиум размером 600x400 мм мог быть изготовлен только из одной овечьей шкуры³². Роскошь изготовления такой рукописи, очевидно, мог позволить себе далеко не каждый скрипторий.

Подведем итоги. Нью-йоркский кодекс Диоскорида М 652 — рукопись большого формата, хорошего, но не лучшего качества изготовления, написанная особой разновидностью типа *bouletée* с архаичными элементами. Весьма вероятное предположение, что она была изготовлена в императорском скриптории Константина VII Багрянородного, где могли изготавливаться манускрипты не только высшего качества. Архаичные элементы, имеющиеся в минускуле *bouletée* М 652, позволяют выделить его в особую разновидность, для которой мы предлагаем название "архаичное *bouletée*, характеризующееся удлиненными заостренными выносными и особыми формами *дзеты* и *кси*, о которых было сказано выше. Нерегулярность употребления надстрочных знаков свидетельствует о более ранней, чем середина X в., датировке кодекса М 652. Первая треть X в. является, на наш взгляд, наиболее вероятной датой написания исследуемого кодекса.

²⁶Weitzmann K. Studies in Classical... P. 141.

²⁷Ibid. P. 138; Vikan G. Op.cit. P. 68. О Юлиане Аниции см.: Capizzi C.S.J. Anicia Giuliana (462ca—530ca): Ricerche sulla sua familia e la sua vita // RSBN. 1968. N.S. 5 (XV). P. 191—226.

²⁸Irigoin J. Pour une étude des centres de copie byzantins, II // Scriptorium. 1959. 13(2). P. 190.

²⁹Touwaide A. Une recueil grec de Pharmacologie du Xe siècle le illustré au XIVe siècle: Vaticanus gr. 284 // Scriptorium. 1985. 39 (1). P. 13—56.

³⁰См.: Weitzmann K. Die Byzantinische Buchmalerei... S. 34; Vikan G. Op.cit. P. 67.

³¹Vikan G. Op.cit. P. 69.

³²См. о стоимости пергамента: Irigoin J. Les conditions matérielles de la production du livre à Byzance de 1071 à 1261 // XVe Congrès International d'Études Byzantines: Rapports et co-rapports. Athènes, 1976. P.3—4.

Б.Л. Фонкич

О ДАТИРОВКЕ КЕМБРИДЖСКОГО СПИСКА "ЛЕКСИКОНА" ФОТИЯ

Найджелу Вилсону

Кембриджский список "Лексикона" Фотия (Codex Galeanus = Cambridge, Trinity College 1181: 0.3.9/5985), являющийся древнейшим списком этого замечательного памятника византийской лексикографии второй половины IX в., в специальной литературе относится, как правило, к XII столетию¹. Исключением является работа Н. Вилсона, предложившего датировать рукопись серединой XI в.² Нам кажется, что палеографические и кодикологические особенности Кембриджской рукописи позволяют считать временем ее создания серединой — вторую половину X в.³

Кодекс переписан восемью сотрудничавшими друг с другом писцами на отличающемся довольно хорошей обработкой пергамене среднего качества, обычного для "ученых" манускриптов X столетия. Кодикологический анализ рукописи с учетом утрат некоторых ее листов дает возможность сделать вывод о правильном наложении сторон пергамента в пределах каждой тетради. Рукопись разлинована достаточно тонким инструментом и, по-видимому, одним писцом: об этом свидетельствует не только то обстоятельство, что повсюду прослеживается одна и та же система разлиновки (1) и — насколько позволяют это проследить значительно обрезанные верхние, нижние и внешние края листов — один и тот же ее тип (Leroü 11C2b) и одинаковое число строк текста на странице у всех писцов (36—37), но и тот факт, что на протяжении всего манускрипта пространство между двумя столбцами текста остается без изменений (25—26 мм).

Важным кодикологическим признаком для минускульных рукописей IX—X и отчасти XI в., помогающим подтвердить имеющие бесспорный приоритет палеографические наблюдения, является соотношение линии разлиновки

¹См.: Τσαντσάνογλου Κ. Τὸ Λεξικὸν τοῦ Φωτίου. Χρονολόγησις — Χειρόγραφη παράδοσις. Θεσσαλονίκη, 1967. Σ. 36, 38. К. Альперс в своей рецензии работы Цанцаноглу не возражает против этой датировки: BZ. 1971. Bd. 64. S.72. Photii Patriarchae Lexicon / Ed. Chr. Theodoridis. B.; N.Y., 1982. Vol. I. P. XXX; см. также рец.: Alpers K. // JÖB. 1988. Bd. 38. S.457; Theodoridis Chr. Das Lexicon des Patriarchen Photios und das Rhetorikon des Etymologicum Genuinum // JÖB. 1992. Bd. 42. S.140.

²Wilson N. On the Transmission of the Greek Lexica // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1982. Vol. XXIII. N 4. P. 374.

³Сердечно благодарим дирекцию библиотеки Trinity College, Cambridge за предоставление публикуемых здесь фотографий Codex Galeanus и разрешение использовать их в своей работе.

и строк текста рукописи. В Codex Galeanus у пяти писцов из восьми строки текста не только подвешены к линии разлиновки, но часто пронизаны ею, что в "нормальных", регулярно написанных, без спешки и смещения строк текста по отношению к рамке разлиновки⁴, рукописях является указанием на принадлежность манускрипта, как правило, ко времени не позже конца X — начала XI в.

Работа писцов Кембриджского списка "Лексикона" Фотия распределяется следующим образом:

I — л. 1—2 об. Чернила коричневые. Строки текста подвешены к линии разлиновки или пронизаны ею.

II — л. 3—24 об. Чернила коричневые, но более бледного тона, чем у I писца. Строки текста = показателям I писца.

III — л. 25—52 об. Чернила коричневые хорошего, "глубокого" оттенка. Строки текста подвешены к линии разлиновки.

IV — л. 53—69 об. Чернила коричневые. Строки текста = показателям I и II писцов.

V — л. 69 об., 85 — 92 об., 101—102. Другие показатели = показателям IV писца.

VI — л. 70—84 об. Чернила коричневые более бледного оттенка, чем у IV и V писцов. Строки текста = показателям I, II, IV и V писцов.

VII — л. 93—100 об., 102 об. — 116 об. Чернила коричневые. Строки текста подвешены к линии разлиновки.

VIII — л. 117—149 об. Другие показатели приблизительно одинаковы с показателями VII писца.

Из-за сильного обреза листов первоначальные сигнатуры (иногда — только их небольшие части) можно обнаружить лишь изредка — они расположены в нижнем левом углу первого листа тетради, несколько выше нижней горизонтали (см., например, л. 25, 33, 45, 101, 117, 133).

При изучении Кембриджской рукописи бросается в глаза архаичность как некоторых элементов отдельных почерков, "притягивающих" рукопись к середине X в. (см. особенно вытянутую, восходящую к унциалу форму β у VI и VII писцов, ζ у VII писца, ξ у VI писца, ϕ у VIII писца), так и в целом почерка III писца, с которым можно сближать почерк Стилиана рукописи Paris. gr. 781, относящейся к 939 г.⁵, а также письмо Псалтири РГБ из собрания А.С. Норова, переписанной полуунциалом, несомненно, в первой половине X в.⁶ Вместе с тем, особенности большинства почерков (особенно II писца), по-видимому, более обычны для второй половины X в. Все это, как сказано выше, позволяет относить время создания Codex Galeanus к середине — второй половине X в.

4. Такое смещение мы наблюдаем, например, у иверского писца Феофана в первой четверти XI в.: См.: Фонкич Б.Л. Переводческая деятельность Евфимия Святогорца и библиотека Иверского монастыря на Афоне в начале XI в. // Палестинский сб. 1969. Вып. 19(82). С. 168—170; Каврус Н.Ф. Манускрипты иверского писца Феофана (начало XI в.) // ВВ. 1989. Т. 50. С. 166—170.

5. Gamillscheg E., Harlfinger D. Repertorium der griechischen Kopisten 800—1600. Wien, 1989. Teil 2: Handschriften aus Bibliotheken Frankreichs. Taf. 291.

6. Российская гос. библиотека. Ф. 201. № 18(2). Псалтирь приобретена Норовым в Каире в декабре 1834 г. Подробнее см.: Фонкич Б.Л. Греческие рукописи А.С. Норова (в печати).

рукописей Российской национальной библиотеки (С.-Петербург), содержится относящийся к этому делу первичный документ, который мы считаем уместным опубликовать здесь (РНБ. Ф. 250. Ед. хр. 34):

16 августа 1828
№ 3917

В Правительственный Сенат из
Государственной Коллегии
Иностранных дел
Донесение.

В исполнение указа Правительствующего Сената от 8 августа под № 1477. Коллегия имеет честь донести оному, что присланные в 1826 году при Указе 2 Департамента Правительствующего Сената книги Арменопула и Доница на греческом и молдавском языках, препровождены были из Коллегии для перевода на Русский язык в Азиатский Департамент Министерства Иностранных Дел, которому ныне сообщено и о предписании Правительствующего Сената, доставить в Межевой онаго Департамент один экземпляр помянутых книг на Российском языке вместе с экземпляром Устава образования Бессарабской области, буде сей последний был переведен и напечатан от Азиатского Департамента, ибо таковой Устав в Коллегии переводим и печатан не был. Причем Коллегия предоставила Азиатскому Департаменту донести о последующем прямо от себя Межевому Правительствующего Сената Департаменту.

Павел Дивов (указан еще секретарь Юкин с непонятной датой "Августа 14 дня 1828 года").

На сей раз дело было доведено до конца, в 1831 г. в Сенатской Типографии были отпечатаны русские переводы (без указания переводчиков) как "Шестикнижия" (в 2-х частях), так и "Краткого собрания законов" Андронаки Доница, переплетенные, как кажется, в одном томе⁴ и в количестве 30 экземпляров "высланные из Петербурга для нужд присутственных мест Бессарабии"⁵. Кто был переводчиком сборника Доница, сказать трудно; что же касается Шестикнижия, то переводил его, по-видимому, все тот же Спиридон Дестунис, о чем сообщается в его некрологе, подписанном Д. Палеологом⁶, но действительным автором которого является сын Спиридона Дестуниса — Гавриил (1818—1895)⁷. На титульном листе обозначено, что перевод сделан "с издания,

⁴ "Перевод Ручной книги законов, или так называемого шестикнижия, собранного отовсюду и сокращенного достопочтенным номофилактом и судьей в Фессалонике Константином Арменопуломж при чем прилагается и ручная книга о браках, сочиненная Алексеем Спаном. Ч. I (264 стр.) и II (273 стр.). С издания, печатанного в Венеции в 1766 году. Печатано при Сенатской Типографии в 1831 году" + (в том же томе) "Краткое собрание законов, извлеченных из царских книг для руководства обучающихся оным, с указанием на Книгу, Титул, Главу и параграфы Царских законов. В первый раз напечатанное, с дозволения Его Светлости Господаря и Владетеля Молдавии, Скарлата Александровича Калимахи Воеводы, с благословения Высокопреосвященнейшего Митрополита Молдавии, Господина Вениамина, трудами и усердием Молдавского Боярина Андронакия Доница изданное. Яссы 1814 года. Печатано при Сенатской Типографии в 1831 году".

⁵ Слуту К.Я. Перевод на русский язык, издание и распространение юридических книг Молдавии // 3-я Всесоюзная научная конференция "Книга в России до середины XIX века". Тез. докл. Л., 1985. С. 96. Собственно говоря, автор имеет в виду лишь сочинение Доница, но поскольку Арменопул и Дониц оказались волею судеб объединенными в одном томе, то эти сведения, по-видимому, относятся и к "Шестикнижию". Неизвестно, каким был совокупный тираж этого сборника, наверняка ничтожный. Один экземпляр его мне удалось найти лишь в Российской Национальной библиотеке (шифр: 18. 101. 1. 123).

⁶ Записки Одесского Общества истории и древностей. 1850. Т. 2. С. 798-804. Ср.: Papastathis Ch. K. Zur Verbreitung der "Hexabiblos" des Harmenopoulos im slawischen Raum // Balkan Studies. 1976. Т. 17 (1). Р. 75 (здесь же указ. греч. лит. о Дестунисе).

⁷ Рукопись некролога (автограф Г.С. Дестуниса) хранится в Российской Национальной библиотеке (Ф. 250. Ед. хр. 240). Именно констатация этого факта, а также сообщение А. Шукуровой о том, что ею найден в Москве в Архиве Министерства Иностранных дел фрагмент рукописи русского перевода Шестикнижия, которая по почерку может быть атрибутирована Спиридону

печатанного в Венеции в 1766 году", но в переиздании 1854 г. (также в Санкт-Петербурге) на с. XI содержится важное примечание о том, что "По переводе сей книги на русский язык Государственная Коллегия Иностранных дел (в лице переводчика Дестуниса? — И.М.) сличала оный с вытребованным из ИПБ экземпляром на древне-греческом языке. Вследствие сего сличения в некоторых местах оказалось несогласие между подлинником и новогреческим переводом". Автором примечания был, скорее всего, Гавриил Дестунис⁸. Куда при этом делась таинственная рукопись Шестикнижия, "вытребованная" из Императорской Публичной библиотеки, остается до сих пор загадкой; в Отдел рукописей этой библиотеки (ныне Российская Национальная библиотека, Санкт-Петербург) она, во всяком случае, не возвращалась⁹.

Оправдало ли возлагавшиеся на него надежды издание "Русского Арменопула"? Судя по неоднократным переизданиям (кроме указанных изданий 1831 и 1854 гг., следует упомянуть еще перепечатки в 1850 г. в Кишиневе у Акимы Попова, в 1904 г. в "Местных законах Бессарабии" у Гроссмана, в 1908 г. в "Местных законах Бессарабии" у С.Р. Буковского и Л.В. Стамерова, г. Одесса), дело обстояло как будто именно так. Есть, однако, архивный документ, происходящий из Бессарабии тех времен, который отражает, по-видимому, сугубо негативную реакцию местных практиков-юристов на введение в Бессарабии "Русского Арменопула" в качестве юридического руководства.

Речь идет о докладной записке коллежского ассесора Ивана Танского от 4 февраля 1850 г. (г. Кишинев) о необходимости пересмотра местных законов, действующих в Бессарабии, Председателю Департамента законов Государственного Совета, Главноуправляющему II Отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии, статс-секретарю, графу Дмитрию Николаевичу Блудову (хранится в Российском Государственном историческом архиве в Петербурге)¹⁰. По мнению автора, поводом частых тяжб в Бессарабии служат "некоторые несообразности и противоречия в местных законах", убедительным доказательством чему "многие места из книг собрания законов Арменопула и Доница". "В этих-то законах, — говорит Иван Танский, — тяжущиеся извлекают для себя обильный источник неосновательных и несообразных с Русскими законами споров, споров для них же самих разорительных", и, "что всего неприятнее, эти споры часто бывают направлены против актов, освященных формами, обрядами и самим временем, с намерением придать часто ничтожным своим домашним бумагам силу и важность актов достоверных" (Л. 4 об.).

Дестунису (см.: Архивы русских византистов в С.-Петербурге / Под ред. И. П. Медведева. С.-Петербург, 1995. С. 34—35), заставили меня отбросить появившиеся было у меня сомнения в принадлежности русского перевода Шестикнижия Спиридону Дестунису.

⁸ Среди бумаг Фонда Дестунисов Российской Национальной библиотеки (Ф. 250. Ед. хр. 34) хранится листок с собственноручным наброском указанного примечания (ср. также упоминание этого факта колляции с греческой рукописью в вышеназванном некрологе: (Ф. 250. Ед. хр. 240. Л. 20). Очевидно, переиздание 1854 г. осуществлялось под редакцией Гавриила Дестуниса, хотя это нигде не отмечено.

⁹ Проблемой исчезновения рукописи Шестикнижия занимался В.Н. Бенешевич (1874—1938), который в своем машинописном "Предисловии к каталогу греческих рукописей ГПБ" (Греч. 893) высказал предположение, что Шестикнижия "застряло где-то в министерстве иностранных дел" (Л. 13). Но пока все наши поиски не дали результата.

¹⁰ РГИА. Ф. 1261. Оп. 1, 1840. Ед. хр. № 156. Л. 4—26. По-видимому, именно Иван Танский упомянут как выпускник Ришельевского лицея в 1841 г., см.: Егоров А. Д. Лицеи России: опыт исторической хронологии. Кн. I: Иваново, 1993. Ришельевский лицей. С. 166.

Обильно цитируя русский перевод Шестикнижия именно в издании 1831 г. (редко указываются книги и титулы, чаще всего — просто страницы), Иван Танский подчеркивает устарелость многих положений, содержащихся в этой, как он считает, плохой компиляции, непонятность для русских должностных лиц и ненужную сложность некоторых разделов гражданского права. Особо выделено три уровня несообразностей: во-первых, в вопросах права на получение и возврат приданого, когда выходит, что "по одному только голословному показанию жены о принесении ею мужу своему приданого, собственность последнего должна подвергаться ответственности за оное, предпочтительно перед всеми законными кредиторами, не взирая даже на сомнительность прав, выставляемых женою" (Л. 8); во-вторых, в вопросах нравственной стороны законов Арменопула, когда "древние постановления, в них содержащиеся (касающиеся, например, конкубината. — И.М.), несообразны ни с духом настоящего времени, ни с степенью нашего образования", и когда "не принося собою никакой пользы, а иногда существенный вред для нравственности, многие примеры или правила, содержащиеся в законах Арменопула, не соответствуют также и духу Нашей Православной Церкви" (Л. 19 об.); в-третьих, в вопросах залогового права, когда "законодатель сначала предоставляет заимодавцам получить в уплату долга из имущества должника такую часть, которая лучше и которая более нравится, потом дает четырехмесячный срок на выплату долга, а наконец устанавливает, что этим сроком могут воспользоваться только богатые, но не бедные, между тем как всякий произвол заимодавца, какой бы он ни был в имуществе должника, не может почитаться действием справедливым и безобидным, и как покровительством закона равно должны пользоваться богатые и бедные" (Л. 23). Именно поэтому Иван Танский умоляет графа Блудова, "остановив просвященное внимание хотя на несколько часов на законах Арменопула, Донича, Спано и соборной грамоты Маврокордато, действующих в Бессарабии... испросить у Государя Императора разрешение о пересмотре всех этих законов во II Отделении собственной Его Императорского Величества канцелярии и о сведении всего из них полезного и необходимого или в отдельный местный свод, подобно тому, как это сделано для остзейского края или в общий свод Российской Империи, как этим уже воспользовалась Малороссия" (Л. 24 об.).

Во всем этом еще надо разобраться, и, в частности, в том, насколько эта критика относится не к "русскому", а к подлинному византийскому Арменопулу. Но и сейчас мы вправе, как мне кажется, сделать вывод о том, что и в этом уголке Юго-Восточной Европы в XIX в. в области права происходили процессы, характерные для всего этого региона и для этой эпохи: наблюдается ярко выраженный кризис византийской правовой традиции, осознается непригодность того же "Шестикнижия" для решения актуальных проблем в области гражданского права, его историческое несоответствие духу эпохи и народа, — аргументы, которые в это же время и почти в тех же самых выражениях высказываются правоведом и интеллектуалами других стран Юго-Восточной Европы (например, возродившейся Греции)¹¹, но которые именно в записке Ивана Танского получают наиболее адекватную

¹¹ См., например, *Argyriadis Ch. Armenopoulos und der Zeitgeist des 19. Jahrhunderts // Rechtshistorisches Journal. 1984. Bd. 3. P. 243—251; Troianos Sp. N. Von der Hexabiblos zu den Basiliken // Subseciva Groningana. 1989. T. 3. P. 127—141.*

и профессионально выраженную формулировку. Разумеется, вытеснение средневекового византийского права современным западноевропейским не означало окончательного изгнания его со сцены истории хотя бы потому, что, как это справедливо отмечает проф. Джорджеско, "одной из исторических составляющих западной рецепции византийская рецепция являлась через посредство латиноязычного римского права, что и позволило ей выжить и внести свой вклад в строительство оригинального национального права народов Юго-Восточной Европы"¹².
Приводим текст записки Ивана Танского полностью (РГИА. Ф. 1261. Оп. 1. 1840. Ед. хр. № 156. Л. 4—26)¹³.

Л. 4

Записка о необходимости пересмотра местных законов, действующих в Бессарабии Его Сиятельству Председателю Департамента законов Государственного Совета, главноуправляющему II Отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии, Статс-Секретарю Его Императорского Величества, господину Действительному Тайному Советнику и кавалеру Графу Димитрию Николаевичу Блудову. 4 февраля 1850-го г. Кишинев.

Л. 4 об.

Поводом частых тяжб в Бессарабии служат некоторые несообразности и противоречия в местных законах. Убедительным тому доказательством могут служить многие места из книг собрания законов Арменопула и Донича. В этих то // законах тяжущиеся извлекают для себя обильный источник неосновательных и несообразных с Русскими законами споров, споров для них же самих разорительных. Что всего неприятнее, эти споры часто бывают направлены против актов, освященных формами, обрядами и самим временем, с намерением придать часто ничтожным своим домашним бумагам силу и важность актов достоверных. Такие многочисленные споры о предметах вполне разрешаемых Русскими законами, часто бывают или следствием неправильных понятий, или влекут за собою // своекорыстные толкования. Из этих понятий и толкований родилось общее мнение, что обязательства, заключаемые в Бессарабии, не могут почитаться ни твердыми, ни самостоятельными, по крайней мере в применении к ним молдавских законов, не могущих сделать их ни теми, ни другими. Такое вредное направление понятий о тяжбах, возникающих в Бессарабии, вполне порождено местными законами. Для примера представлю Вашему Сиятельству некоторые из этих законов как более способствующие к разрушению общественного доверия, от // времени до времени, ощутительно упадающего в Бессарабии, по мере возникновения тяжб с каждым годом, все в больших и больших размерах. Между этими тяжбами, которые более всего поддерживаются местными законами, первое место занимают тяжбы и споры о праве на получение в возврат приданого, не только предпочтительно перед частными лицами, отыскивающими удовлетворения на законных актах, но и перед самою казною. Эти споры и тяжбы большею частью сопровождаются ссылкой на приданные регистры, составленные частным образом, на лоскутках // бумаги, а также и на записи, никаким присутственным местом на утвержденных. Этого мало — нередко случается, что в спорах и тяжбах о приданом вместо письменных доказательств за невозможностью их представить ссылаются на свидетельства лиц, от коих возвращение приданого отыскивается, или от коих оно получе-

¹² *Georgesco V. A. L'originalité... P. 49.*

¹³ Записка писана каллиграфическим канцелярским почерком на одной (правой) половине каждого из листов. На л. 4 внизу карандашом помета: "Записка эта возвращена от А.М. Плавского по упразднении Кодификационной Комиссии Цар. Польского". Старинную орфографию меняю в публикации на современную.

- но; ссылаются также на родственников или свойственников. Все эти свои ссылки тяжущиеся подтверждают местными законами, которые в одном и том же предмете, крайне разнообразны и не положительны, как // этому вполне можно убедиться из V кни<ги> VIII титула на страницах 94 и 95 Арменопула¹⁴. В этих постановлениях (Арм. кн. I. тит. XV ст. 94)¹⁵ законодатель имеет великое попечение о безопасности приданого. Во многих случаях закон защищает приданое даже против самой точности правосудия. В законе именно говорится: "что если приданое будет обеспечено, то и браки будут заключаться, а от браков размножается род человеческий, а этого хочет и законодатель". Таким образом под словами "в сомнительных случаях отвечаем за приданое" законодатель разумеет сле//дующее¹⁶: если возникнет сомнение касательно приданого и чего-либо другого, то приданое предпочитается всему. Следующий пример объясняет это обстоятельство. Женщина, имеющая более или менее 12 лет от роду, вышла замуж и принесла супругу приданое; потом сей обеднел и задолжал. Жена искала быть удовлетворенною, в предпочтении другим заимодавцам, ибо требовала своего приданого, а заимодавцы оспаривали ее права требовать приданое, представляя, что брак не существовал; ибо она не достигла совершенного возраста, определенного законом, то есть, 12 лет. // Так как дело было сомнительно и ни та ни другая сторона не могли представить свидетелей в доказательство, закон определил, чтобы жена получила приданое, преимущественно пред другими заимодавцами; ибо в случае сомнения о том, было ли приданое или нет и недостатка свидетелей для доказательства, должно полагать, что приданое было". Далее следует: "сомнительную купчую должно толковать против продающего вещь, а сомнительный иск о вещи не вредит истцу".
- Из этого следует, что по одному только голословн//му показанию жены о принесении ею мужу своему приданого собственность последнего должна подвергаться ответственности за оное предпочтительно перед всеми законными кредиторами, не взирая даже на сомнительность прав, выставляемых женою. Этого мало — одно безосновательное притязание жены, часто уничтожает формальные долговые акты мужа, совершенные при соблюдении всех узаконенных обрядов. Это тем более существует так на самом деле, что даже бездоказательность иска жены о приданом не только // ей не вредит, но еще и помогает. Все то, о чем сейчас было говорено, никак не согласуется с справедливостью, долженствующею всегда и во всех находить себе защиту особенно в законах. И что же? Сии самые законы, вместо того, чтобы покровительствовать справедливости, охотно склоняются на сторону сомнительную, а истина, которую сопровождают акты, признаваемые Правительством за действительные, не находит себе никакого покровительства в этих законах, одобряющих, без всякого законного права, посягательство на чужую собственность. Это тем более // неприятно, что тяжущиеся в Бессарабии освобождены от всякого штрафа за неправильность затеваемых ими тяжб. Таким образом, пользуясь этими законами, неблагонамеренные супруги, обременив должника имение, принадлежащее мужу, во избежание справедливой за это ответственности могут сговориться между собою и действовать заодно в обиду законных своих кредиторов под предлогом иска жены к имению мужа, обремененному долгами, о ее приданом. Для того, чтобы сохранить это имение в целости, не дав из него ничего кредито//рам, муж всегда будет утверждать, что обеспечивает им приданое жены. Когда же это показание мужа сверх того подкрепится подготовленною им женою и ее родственниками или только одною женою (хотя бы с ее стороны не было представлено никаких доказательств в справедливости своего показания), тогда по смыслу вышеприведенного закона, самый даже несправедливый иск о приданом получает силу законного права, — права, которое подвергает законных кредиторов разорению и отклоняет в пользу их удовлетворение по заемным обязательствам, если не совершенно то по крайней мере // на неопределенное время.

¹⁴ Имеется в виду II часть русского издания "Шестикинижия".

¹⁵ Имеется в виду I часть.

¹⁶ Следующая цитата не отличается точностью: ср. стр. 96 I части русского издания.

- Подобных постановлений о приданом, несообразных с Русскими законами еще много находится в законах Арменопула, а именно во II части Армен<опула>. Титул<а> VIII (книги IV. — И.М.) на странице 41 говорится: оцененное приданое лежит на ответственности мужа, то есть: ежели в приданом, состоящем из животных, платьев или других вещей и оцененном в деньги, впоследствии убыток, как-то: ежели животные пропадут, или платья изнаются женою, таковой убыток относится к мужу, который платит (sic!) цену потраченного. На 43: муж, получая приданое, не дает поручительства // в целости оного: ибо никогда не дается порука в женином приданом. На 44: если кто на словах токмо или по условию обещал приданое, то не менее обязан выдать оное. Отец, хотя бы он только на словах обещал приданое дочери своей) обязан выдать оное. На 46: если во время существующего брака муж займет у кого денег для покупки домов, и в купчей и в обязательстве напишет, что на его деньги купит те дома, после же расторжения брака жена востребует приданое, то жена предпочитается заимодавцу и берет себе дома: ибо хотя в купчей и написано, что дома куплены на деньги, занятые у такого-то, од//нако закон не принимает сего во уважение, взирая на злоумышление мужчин противу прав и преимуществ женщин. На 48: жена имеет право собственности не только на имение, которое муж имел прежде брака по наследству, например, или по отказу. На 49: жена и во время существующего брака, ежели заметит, что муж ее приходит в бедность, может удержать его имущество в обеспечение приданого, как равно предбрачных даров и других вещей, приобретенных ею кроме приданого, дабы он их не истратил: в таком // случае, если муж принесет жалобу на нее, он теряет, если она будет просить на мужа, то выиграет, несмотря на продолжение брака. Таким образом она берет немедленно все следующее ей, как будто бы она взыскивала приданое по разводе с мужем, а заимодавцы, ежели имеют какое-либо требование, должны судиться с ним и ежели найдут имение после того им приобретенное, берут оное. Жена в сем случае не может // отчуждать недвижимого имения; но из движимого в случае необходимости, может продавать и отчуждать вещи для доставления потребного себе и детям своим. Если же жена отчуждает недвижимое имение, то муж имеет право просить на покупателя, а после смерти мужа, жена не может уничтожить продажи. На 50-й: если муж отдал свое имение заимодавцам в залог, то приданое, хотя бы вещи жены были истрачены и она не имела бы детей, предпочитается прежним займам, невзирая на закладную, разве когда есть прежнее приданое от // первой жены, тогда оно предпочитается. Все сие относить должно к приданому, а не к предбрачному дару, ибо женщинам помогаем для отвращения от них убытка, а не для доставления им прибыли. На 53-й: когда дочь умрет, приданое возвращается отцу, давшему оное и если те, коим было более 25-ти лет, при даче приданого были обмануты, то закон помогает им; ибо справедливость требует, чтобы никто не пользовался во вред другому, или понес убыток для чужой прибыли. На 55-й: муж имеет право и по смерти жены в течении десяти годов требовать назначенное ему приданое. Одна жена, во // время существующего супружества, учинила розыск о приданом своим, и нашед, что муж ее продал имение принадлежащее приданому, принесла жалобу, судья отдал ей проданное имение, а покупателя осудил не только лишиться цены онаго, но еще и заплатить то, что в оном убавилось. На 57: приданое можно вечно взыскивать и давность времени не прекращает иска. Вещей, принадлежащих предбрачному дару или приданому, нельзя ни отчуждать ни закладывать даже с согласия жены, разве когда она о сем вторично условится и объявит свое согласие по прошествии двух лет и то, еже//ли она может из других вещей получить ей принадлежащее; по сей причине, кто не приняв означенной нами предосторожности, купит таковые вещи, к тому относится убыток, и жене никакого вреда не последует. На странице 58: если муж истратит вещи, данные женою сверх приданного, то ежели жена подарила ему оные, наследники его отвечают только в той мере, как он обогатился от них, а ежели он истратит те вещи без согласия жены, то обязан заплатить за них сполна, ибо жена имеет на оные право закладное, как и на приданое — жена имеет // полную волю распоряжаться (sic!) как хочет отказанными ей вещами и другими данными сверх при-

даного, дарить их и отказывать. Выше было сказано, что муж осуждается возвратить из приданого сколько состояние позволяет ему: ибо закон не допускает до нищеты того, кто прежде был Господином жены; но вещи, данные жене сверх приданого, муж обязан выплатить сполна. Вещи, данные жене сверх приданого, не служат для надобностей мужа и мать не отвечает за оные.

- Содержание сих постановлений служит достаточным доказательством их несо-
- л. 14 об. об//разности ни с духом настоящего времени, ни с общепринятыми правилами предосторожности при укреплении чьих бы то ни было прав собственности на имущество. Как же эти постановления довольно противоречивы, сбивчивы и более склоняются на сторону сомнительную, то оне только полезны для людей неблагонамеренных: ибо ни один благонамеренный, справедливый закон не может допустить по одному предмету столько противоречащих и неудобнопонятных суждений, сколько их находится в законах Арменопула. Уже это одно имеет в Бессарабии заметно вредное влияние на тяжу//щихся, что в собрании законов Арменопула для их прихотливых и затейливых исков представляется верная приманка. Все неблагонамеренные тяжущиеся льстят себя надеждою (которые впрочем редко их обманывают), что все их извороты и вымыслы (каким бы косвенным образом не были изобретены) в законах Арменопула непременно найдут для себя покровительствующее применение. Вот доказательства: А) Эти законы с одной стороны относят к ответственности мужа все принесенное ему женою приданое, не только ценное, но и самое незначительное, состоящее из вещей и платьев, подвержен//ных тлению самым временем, с другой стороны они же освобождают мужа от всякого обеспечения целостности приданого, предоставляя ему таким образом все средства для сокрытия, лежащего на имении обеспечения по предмету приданого и для вступления в долговые с посторонними лицами обязательства. Что из этого следует? Что мужу предоставляется возможность по всем его долговым обязательствам, — не отвечать вовсе, под предлогом отыскивания женою мнимого ее приданого, на пополнение коего она имеет преимущество пред всеми кредиторами. Б) Давая полное вероятие од//ному только словесному обещанию приданого, а также показание жены о действительности ее приданого, Арменопул вместе с тем лишает публичные акты надлежащей достоверности, акты, доказывающие приобретение мужем какого-либо имущества на деньги им позайствованные, или другими законными способами. Все это для того, чтобы и отдельное от жены имение мужа обратить на удовлетворение приданого: поводом сего постановления, какое-то предупреждение законодателя в злоумышлениях мужчин, противу прав и преимуществ жен//ского пола. В) Предоставляя женам требовать от мужей в возврат приданое, даже во время существующего брака, законодатель неизбежно поселяет между ними раздор в супружеской жизни, сверх того унижает мужа и в глазах жены и в глазах общества, лишая его доверия, каким он должен пользоваться как глава семейства. Г) Воспрещая отчуждать и закладывать кому бы то ни было вещи, составляющие приданое и по предбрачному дару принадлежащие жене, даже с ее согласия, законодатель вслед за тем (стр. 58. час<ть> II) дает жене полную волю распоряжаться (sic!) всем, что ей дано сверх при//даного, как то: дарить и отказывать; наконец осуждает мужа платить жене за все полученное ею сверх приданого. Этим самым Арменопул поставляет мужа в такое положение пред женою, что он со всем принадлежащим ему имуществом представляет собою лице бесприкословного (sic!) ответчика. Муж обязан всегдашнюю ответственность пред женою и в том случае, когда приданое и все что только ею принесено (по собственному ее показанию) при выходе замуж потерпит изменение или уменьшение, даже по действиям, собственно предпринятым женою.
- л. 17 об. Несмотря на то, что // самый закон предоставляет жене полное право расточать свое имущество по своему произволу, не испрашивая на это согласия от мужа, невзирая и на то обстоятельство, что жена уже неоднократно, по своему произволу, расточала имение, законодатель обязывает мужа всегда дополнять оное, как бы не подлежащее от времени и обстоятельств ни тлению, ни уменьшению, ни изменению и дает совершенную свободу мужу и жене в совокупности, скрыв лежащее на имении сего послед-

л. 18

него обеспечение приданого, действовать заодно во вред законных кредиторов мужа или жены. Д) Законодатель предо//ставляет жене, совершившей с мужем какое-либо условие, оспорить и уничтожить все то, что он в продолжение двух лет на основании такового условия сделает. Этим самым постановления противоречат общегосударственным законам, по силе коих всякое лице (sic!) может иметь, приобретать и сохранять отдельное свое имущество, а также входить в обязательства и непременно отвечать по оным собственным достоянием, — законам, по коим жена по всяком положении мужа, обязана разделять и носить наравне с ним все его тягости, как

л. 18 об.

неразрывный член одного священного с мужем союза и Е) Присвоив без//молвное закладное право на имение мужем для обеспечения приданого жены и другого ее имущества, законодатель сам предоставляет полную возможность скрывать от всеобщего сведения существующее на этом имении тайное запрещение и ввергать таким образом без всякой вины в потерю собственности множества невинных людей, которые с мужем как с действительным владельцем своего имущества входили или входят в разные законами дозволенные обязательства. Этот безмолвный залог, означающий, при всем уважении к неприкосновенности приданого, одно лишь хитрое и тайное посягательство на чужое // достояние не может быть обязательным даже для частных лиц, тем более для присутственных мест, которым известны одне только публичные по закладам запрещения, совершенные в установленном порядке и которым на основании 602 и последующих статей X тома св. зак. гражд. (sic!) не предоставляется никакого права входить при совершении крепостных актов в какие-либо розыскания о том, не состоит ли перекрепляемое имущество в безмолвном закладе у жены или другого кого либо.

л. 19

л. 19 об.

Не исчерпав и сотой доли противоречий, замечаемых в законах Арменопула, // не исчерпав всех противоречий и по одному только приданому, я с полным глубокого благоговения к величию Вашего Сиятельства, приемлю смелость доложить о нравственной стороне законов Арменопула. Древние постановления, в них содержащиеся, несообразны ни с духом настоящего времени, ни с степенью нашего образования. Не принося собою никакой пользы, а иногда существенный вред для нравственности, многие примеры или правила, содержащиеся в законах Арменопула, не соответствующи также и духу Нашей Православной Церкви. Этому доказательства следующие

л. 20

л. 20 об.

выдержки из II част<и> Арменопула // на странице 15: если кто обыкновенно ходит к вольной женщине, которая не блудница, и обходится с нею плотски, то она не почитается наложницею, но женою его. Сына, подвластного отцу и ведущего распутную жизнь, принуждают вступить в брак и поневоле. На стр. 27: Кто похитит девицу или вдову или невесту, тот не может жениться на ней, хотя бы отец ее простил и согласился на брак их; похититель наказывается вместе с своими помощниками. Если же увезенная девица захочет сочетаться с ним, приживет с ним детей, а потом он умрет, // то хотя бы он в завещании назначил ее своею наследницею, она не может ему наследовать. Если же она не сочеталась с ним, то берет его имущество. На 39-ой: закон, запрещающий вступающей во 2-ой брак жене брать что-либо из вещей подаренных ей мужем, не запретил того прелюбодейке. На 61-ой: Дар между супругами не имеет законной силы 1-е: ради супружеской любви, 2-е: чтобы не думали разводиться за то, что один не делает другому подарков, 3-е: чтобы богатый супруг, не сделался чрез сие бедным, а бедный богатым. Не только в законных, но и в запрещенных браках, дары между супругами // не позволены. Мужу запрещено давать подарки жене, но он может дарить своей наложнице. На странице 109: Жена сенатора или другой особы важного достоинства не может ничего подарить побочным своим детям ни при жизни, ни при смерти, ниже учредить их наследниками по завещанию вместе с законнорожденными своими детьми. Вольная же и благородная, имеющая побочного сына, может учредить его наследником, ибо и сама наследует ему, разве когда он ею прижит от запрещенного брака (или нефария). Побочные дети, родившиеся от разных

л. 21

л. 21 об.

налож//ниц, не наследуют отцу, когда он имеет законнорожденных, или жену, или других наследников, но только получают сколько-нибудь на пропитание от наследующих отцу, когда он умер без завещания. Побочному не наследуют родственники

- его по отцу, ибо отец его не известен, только мать и братья матери наследуют ему. На странице 110: Рожденные от блудниц наследуют и бабке своей по матери, если она умрет без завещания. Если кто умрет без завещания и оставит после себя побочных и усыновленных детей, то он все вместе наравне наследует¹⁷.
- л. 22 Из вышедоложенного усма//тривается: а) что наложница предпочитается законной жене, ибо она может пользоваться подарками от мужчины, к ней привязанного, а жена лишена этого права, то есть пользоваться подарками от своего мужа, в) девица, увезенная тайным образом мужчиною и соединившаяся с ним браком, даже и после прощения такового поступка родителями, не может ему наследовать. Но это право наследования предоставляется ей только в таком разе, когда она с мужчиною, ее уведшим, будет вести блудную жизнь и с) дети, рожденные от блудной или прелюбодейной жизни, признаются за//конными наследниками в имуществе их родителей; тогда как и отечественные законы, и церковные постановления предоставляют эти права только законным детям и притом рожденным в законном браке, преследуя в то же время нарушителей брачного союза.
- л. 22 об. Кроме несообразностей, противоречий и отсутствия нравственного характера в законах Арменопула, многие постановления, содержащиеся в них, даже стеснительны как для присутственных мест, так равно и для тяжущихся. Вот тому доказательства: в I части собрания законов (на стран. 237 и 47, 236) // законодатель сначала предоставляет заимодавцам получить в уплату долга из имения должника такую часть, которая лучше, и которая более нравится (sic!), потом он дает четырехмесячный срок на выплату долга, а наконец устанавливает, что этим сроком могут воспользоваться только богатые, но не бедные; между тем, как всякий произвол заимодавца, какой бы он ни был в имуществе должника, не может почитаться действием справедливым и безобидным, и как покровительством закона равно должны пользоваться богатые и бедные. В одном месте // (стр. 55 1-й части) законодатель отвергает показания свидетелей, не достигших 25-ти летнего возраста; в другом же месте (ст. 60) таковое свидетельство допускает и признает действительною присягу людей всякого пола и возраста, даже малолетних; — приписывает вероятие договорам написанным, словесным (стр. 63—70), а лишает достоверности договоров письменных (стр. 44 II части). Это противоречие формально заключенным актам посредством явного им предпочтения частных бумаг порождает недоверчивость к публичным актам и расстраивает благосостояние // людей, вверяющих свое достояние покровительству такого рода законов, которые, не сообразуясь с общепринятыми Русскими законами, противоречат между собою, запечатлены характером безнравственности и стеснительны своим применением, как для присутственных мест, так равно и для тяжущихся. По этим одним только доводам, я решился докладывать Вашему Сиятельству о местных законах, действующих в Бессарабии.
- л. 23 л. 23 об. л. 24 л. 24 об. л. 25 Быть может, несообразности, противоречия и неудобства, встречаемые при применении законов, обратят на себя внимание Вашего Сиятельства. Быть может, // оставив просвященное внимание хотя на несколько часов, на законах Арменопула, Доница, Спано и соборной грамоты Маврокордато, действующих в Бессарабии, Ваше Сиятельство из любви к справедливости, испросит у Государя Императора разрешение о пересмотре всех этих законов во II Отделении собственной Его Императорского Величества канцелярии и о сведении всего из них полезного и необходимого или в отдельный местный свод, подобно тому, как это сделано для Остзейского края или в общий свод Российской Империи, как этим уже воспользовалась Малороссия. Чудная, дивная судьба, двух дивных мужей России, призванных ее // Великим Самодержцем на славу Русского законодательства! На долю незабвенного Графа Михаила Михайловича Сперанского выпало издание полного собрания и свода законов Российской Империи. Не менее завидная доля и Вашего Сиятельства быть составителем местных сводов, общих для Империи и отдельных для Царства Польского уложений. Блестящее начало, ознаменованное изданием уложения о наказаниях.

л. 25 об. неразлучного с именем Вашего Сиятельства, вполне ручается, что и будущие уложения Русские также займут первое место между всеми доселе изданными, как Россия бесспор//но заняла и занимает первое место в кругу Держав Европейских. Да продлит Небо драгоценные дни обожаемого нами Монарха и Его достойного сподвижника в деле великом, на многие и многие лета!.. Русское сердце преисполнено святых упований на благость провидения. Бог любит Царя, Бог любит Россию; Россия любит своего возлюбленного Царя, Царь любит возлюбленную Им Россию; и православный Царь и Святая Россия, равно любят Бога. В этом тройственном, Священном союзе любви, мы смело глядим в будущее: оно кажется нам и светлым, и отрадным, и прекрасным, и великим! Только на этот // раз, я позволю себе быть пророком, и пророком верным своему слову.

л. 26

Коллежский Ассесор Иван Танский.

¹⁷ В издании: "то оне все вместе наравне наследуют".

З.Г. Самодурова

К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ МОНАСТЫРСКИХ ШКОЛ В ВИЗАНТИИ VIII-XII вв.

Вопрос о наличии общеобразовательных школ при монастырях Византии VIII-XII вв. вызывает среди исследователей острые дискуссии. Одни (Ф. Фукс, П. Лемерль) категорически отвергают их существование; другие (Хр. Лопарев, А. П. Рудаков, Д. Баклер, Л. Брейе, Р. Гийан) напротив, столь же категорически утверждают, что такие учебные заведения функционировали при обителях; третьи (А. П. Каждан, Н. Д. Вильсон) допускают их существование, но не во всех монастырях.

Какие же доводы приводит каждый из названных ученых, используя фактически одни и те же источники и располагая по существу одним и тем же объемом информации?

Ф. Фукс считает, что о монастырских школах, размещенных внутри обители, с полным правом можно говорить только со времен Максима Плануда, основавшего учебное заведение в одном из монастырей в Вифинии. Таким образом, он относит их возникновение к XIII в.¹

П. Лемерль в своем исследовании о так называемом первом византийском гуманизме указывает на отсутствие в источниках данных о монастырских школах, за исключением сообщений житий Феодора и Николая Студитов и предписаний, приписываемых первому, где идет речь о расположенном вне стен монастыря приюте для детей, из которых собирались сделать монахов. Их обучали грамматике, пению, церковной поэзии и элементам философии с тем, чтобы они могли опровергать еретиков "силлогизмами истины"². Казалось бы, источники свидетельствуют о школе при обители, в которой учились дети. Однако это не убеждает ученого. Он отказывается сравнивать ее с аналогичными учебными заведениями Запада, открытыми для занятий и будущим монахам, и светским лицам. Студийское учреждение, очень скромное по размеру, по мнению П. Лемерля, не является ни общественной школой, находящейся на содержании монахов, ни монастырской школой, открытой для мирян³.

Противники рассмотренной точки зрения в общем-то оперировали теми же источниками и тем не менее пришли к противоположным результатам.

В своем исследовании агиографических памятников VIII-IX вв. Хр. Лопарев, характеризуя их литературные достоинства и выясняя достоверность их сообщений, старается доказать наличие школ при монастырях, о которых говорится в анализируемых им житиях. Хотя этих данных, как он сам признает, недостаточно, тем не менее он утверждает, что во всех упоминаемых в агиографических сочинениях обителях, обучали всех вступающих в монашеское братство, если они были неграмотными, духовным и общеобразовательным наукам. Почти в каждой из них, полагает он, находился довольно образованный инок, который преподавал как предметы общего курса (ἐκκλῆσιος παιδεία), так и духовную грамоту⁴. Особое внимание Хр. Лопарев уделил институту так называемых "монастырских детенышей", с которыми, считает ученый, читатели агиографических произведений встречаются в Студийском монастыре. Характеристика указанного явления дана Хр. Лопаревым по сообщению "Жития" Николая Студита, в котором о них впервые говорится. В других агиографических памятниках об этом нет никаких сведений. Тем не менее, сравнивая данный институт с "монастырскими детенышами", жившими при русских монастырях, ученый допускает его существование и в других византийских монастырях. Он утверждает, что это были расадники монашества, которые заботились о духовно-религиозном воспитании юношества, наряду с общеобразовательным обучением⁵.

А. П. Рудаков в своем капитальном труде "Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии", основываясь на данных Житий Феодора⁶ и Николая Студитов⁷, Феодора и Феофана Начертанных⁸, Павла Латрского⁹, Лазаря Галесийского¹⁰, приходит к выводу о существовании монастырских школ, где мальчикам преподавали грамоту и где они получали преимущественно духовное образование¹¹.

Положительно решает вопрос о монастырских школах Л. Брейе. Опираясь на сообщения агиографических памятников, он не сомневается, что они существовали. Главной задачей их наряду с подготовкой своих питомцев к будущей аскетической жизни было преподавание им богословия. Поэтому программа обучения в них, по его мнению, сильно отличалась от планов и целей светских учебных учреждений больших городов, особенно Константинополя¹².

В разделе "Византийское воспитание", подготовленном для сборника "Византия. Введение в восточно-римскую цивилизацию", его автор Дж. Баклер выделяет три типа учебных заведений: светский университет Константинополя, Патриаршую Академию, также расположенную в столице, и школы,

⁴ Лопарев Хр. Византийские жития святых VIII-IX веков // ВВ. 1911. Т. XVII. С. 56, 120, 149-150, 213, 215; 1913. Т. XVIII. С. 1, 46; 1915. Т. XIX. С. 72-76, 87-90, 98-101.

⁵ Лопарев Хр. Византийские жития... // ВВ. 1911. Т. XVII. С. 146-150, 172-173, 185-188.

⁶ PG. T. 99. Col. 273 B—C.

⁷ Ibid. T. 105. Col. 869.

⁸ Ibid. T. 115. Col. 657.

⁹ AB. XI. P. 21.

¹⁰ AASS. Nov. III. P. 510.

¹¹ Рудаков А. П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917. С. 99.

¹² Bréhier L. Les populations rurales au IX-e siècle d'après l'hagiographie byzantine // Byz. 1924. Т. I. P. 189; Idem. Notes sur l'histoire de l'enseignement supérieur à Constantinople // Byz. 1927. Т. 3. P. 86-87; 1929. Т. 4. P. 24.

¹ Fuchs F. Die höheren Schulen von Konstantinopel im Mittelalter. (BA. H. 8). Leipzig; B., 1926. S. 59.

² PG. T. 99. Col. 168 A—B, 273 B—C; Latyschev B. Vita S. Theodori Studitae in codice Mosquensi musei Rumianzoviani N 520 // ВВ. 1914. Т. 21. С. 273-274; PG. T. 105. Col. 869; T. 99. Col. 1745 B—C.

³ Lemerle P. Le premier humanisme byzantin. P., 1971. P. 103-104, 124-127.

прикрепленные к монастырям. Английская исследовательница не сомневается в факте их существования и только подчеркивает различия между византийскими и западными монастырскими школами. Последние, по ее словам, посещали все желающие, в том числе и светские лица. На Востоке эти учреждения в VIII-XII вв. были закрытого типа. В них могли обучаться только дети, собирающиеся в будущем постричься в монахи, поскольку продолжало действовать постановление Халкидонского собора, запрещающее обучать в монастырских школах детей-мирян, не желающих связывать свою судьбу с жизнью церкви. Только в XIII в. Максим Плануд нарушил это правило и стал готовить своих учеников не только к церковной деятельности, но и для гражданской карьеры: к службе в канцеляриях, армии, медицинских учреждениях и т. п.¹³

В своем кратком очерке "Школьная жизнь в Византии" Р. Гийан без каких-либо ссылок на источники говорит о наличии школ в каждом византийском монастыре, в которых учились дети, собирающиеся в будущем стать монахами. В них они получали общее образование (ἐγκύκλιος παιδεία) под руководством общего наставника (κοινὸς καθηγητής), а затем приступали к изучению Священного Писания, трудов отцов церкви, житий святых, а также произведений морально-нравственного содержания. Подобные учебные заведения, по его словам, должны были давать христианское воспитание и готовить истинных ревнителей православия. Поэтому из программы были исключены все произведения античных писателей, кроме пособий по грамматике и риторике. Таким методом, по мнению Р. Гийана, старались уничтожить любое напоминание о языческом эллинизме и способствовали возникновению и расцвету мистицизма¹⁴.

Не отрицает факт существования монастырских школ А. П. Каждан в своей монографии "Византийская культура". Правда, он оговаривается, что они были сравнительно редки и, как правило, были предназначены для тех, кто намеревался постричься в монахи того монастыря, где находилось данное учреждение¹⁵.

Н. Д. Вильсон также допускает существование школ в монастырях, предназначенных для тех, кто хотел стать монахом, и недоступных светским лицам. Эти учебные заведения он характеризует как школы закрытого типа¹⁶.

Как видим, исследователи, занимающиеся историей образования в Византийской империи VIII-XII вв., опирались в своих изысканиях на одни и те же источники, а именно, на жития святых. Однако выводы, к которым они пришли, оказались диаметрально противоположными.

Поскольку сведения, которыми оперировали историки-византилисты, были извлечены главным образом из агиографических сочинений, нам, чтобы ответить на вопрос о существовании школ при монастырях, необходимо расширить источниковую базу и обратиться к другим видам источников, таким как исторические и хронографические произведения, актовый материал. Изучение их показывает, что содержащиеся в них известия, позволяють по-новому осветить спорную проблему. Нам следует как можно больше собрать сообщений о всех лицах, получивших образование при обителях, проанализировать

их, выяснить, кто же все-таки обучался при монастырях, что им преподавали, и решить, наконец, можно ли называть занятиями в школе, если на них присутствовало всего два-три человека. При этом один из них передавал свои знания, другой или другие воспринимали их. Наша задача усложняется тем, что византийские авторы мало внимания уделяли данной проблематике. Подобный феномен можно объяснить либо тем, что в обителях действительно отсутствовали школы, либо тем, что это было обычным явлением, которое не требовало никакого особого пояснения.

Анализ сигнатур в актах Ивирского монастыря, относящихся ко второй половине X-XII в., показывает, что среди иноков было довольно много грамотных. Из 205 свидетелей-монахов, присутствующих при заключении тех или иных сделок, только восемь человек оказались неграмотными, начертавшими собственной рукой лишь крест¹⁷. Остальные 197 человек смогли написать, хотя и с отдельными ошибками, свои имена и название монастырей и указать свой статус¹⁸. Некоторые из этих грамотных иноков, как Феофан, Ксенофонт, Феодул, Филон, Феодул из Ватопеда, подписывали документы за своих необразованных собратьев, начертавших собственной рукой только крест, да нацарапавших свое имя унциальными буквами¹⁹. Находим среди свидетелей, удостоверяющих сделки между Ивирской обителью и соседними монастырями, врачей: монахов Тимофея и Игнатия²⁰, и даже людей, обладавших определенными юридическими познаниями, как монах, священник и игумен Иаков²¹. Были среди них и высококвалифицированные копиисты, такие как иноки: Евфимий, Иоанн, Василий²², монахи и священники Феофан и Иаков²³, монах и игумен Фантин²⁴, монах и пресвитер Никон²⁵, архидиакон Константин²⁶, архидиакон и номик Константин²⁷, настоятели монастырей: Сава и Ксенофонт²⁸, игумен и грамматик Иоанн²⁹, монах, священник и грамматик Иоанн³⁰ и др. Их рукой были написаны следующие акты Ивирской обители: № 3, 6, 7, 11-14, 15, 18, 20-25.

Возникает вопрос: где они могли получить образование, в стенах монастырей или в каких-то других учебных учреждениях? Чтобы ответить на него, необходимо рассмотреть весь накопленный материал.

Одним из главных наших источников, из которых были почерпнуты сведения о монастырской школе, являются Жития Феодора и Николая Студитов.

¹⁷ Actes d'Ivireon: T. I. Des origines au milieu du XI-e siècle / Ed. J. Lefort, N. Oikonomidès, D. Papachryssanthou avec la collaboration d'H. Métrévélis. P., 1985. P. 174-175, 182-185, 206-208, 212, 214-216, 220, 228, 231-232, 233, 239; T. II. Du milieu du XI-e siècle à 1204 / Ed. J. Lefort, N. Oikonomidès, D. Papachryssanthou avec la collaboration de V. Kravari et d'H. Métrévélis. P., 1990. P. 135, 140-141, 145.

¹⁸ Actes d'Ivireon. I. P. 116, 128-129, 134, 139-140, 148, 151, 175, 178-179, 182, 185, 189, 192, 205-206, 207, 214-215, 220-221, 224, 227, 232-233, 239, 243, 246-247, 250, 261; Ibid. II. P. 80, 117-118, 128, 140, 145, 166-167, 192-193.

¹⁹ Ibid. I. P. 175, 185, 207, 239; II. P. 140.

²⁰ Ibid. I. P. 174-175, 185, 250.

²¹ Ibid. P. 236-237.

²² Ibid. P. 114, 116, 136, 139, 183, 185, 249, 250.

²³ Ibid. P. 35, 42, 234, 236-237, 239.

²⁴ Ibid. P. 143, 150-151.

²⁵ Ibid. P. 173, 175.

²⁶ Ibid. P. 176, 178.

²⁷ Ibid. P. 180, 182, 190, 192.

²⁸ Ibid. P. 202, 205, 209, 214, 222, 224.

²⁹ Ibid. P. 217, 220.

³⁰ Ibid. P. 229, 232.

¹³ Buckler G. Byzantine Education // Byzantium. An Introduction to East Roman Civilization / Ed. N. H. Baynes, H. St. Moss. Oxford, 1948. P. 215-216.

¹⁴ Guillard R. La vie scolaire à Byzance // Bulletin de l'association G. Budé. 1953. 3 sér. N I (mars). P. 82.

¹⁵ Каждан А. П. Византийская культура. М., 1968. С. 66.

¹⁶ Wilson N. G. Scholars of Byzantium. Baltimore, 1983. P. 69.

Именно авторы названных сочинений впервые познакомили нас с учебным заведением при Студийском монастыре, существование которого ни у кого не вызывает сомнения. По данным упомянутых памятников в Студийской обители, вне ее стен находился дом-приют, в который помещали прибывающих детей, собирающихся в будущем стать монахами. Их селили отдельно от взрослых иноков с тем, чтобы они не смущали покой последних. В этом доме-приюте и была организована школа, где обучали мальчиков, чтобы они не оставались несведущими в словесных науках, но занимались изучением грамматики, при посредстве которой учатся правильно писать и приобретают навыки к чтению, а также философскими упражнениями и заучиванием наизусть отеческих мыслей, при помощи которых они могли опровергать пустословные нелепости всякой ереси, составляли истинные суждения и умозаключения. Из них, по словам биографа Феодора Студита, выходили "очень мудрые каллиграфы и церковные певчие, творцы кондаков и составители песнопений, поэты и отличнейшие чтецы, знатоки напевов и писатели стихир о Христе"³¹. Т. е. детей учили чтению, письму, грамматике, церковной поэзии и даже элементам философии. Их знакомили с наставлениями отцов церкви, основополагающие мысли которых они должны были заучивать наизусть, чтобы иметь возможность опровергать еретиков. Как видим, программа их обучения была довольно сложной. Вряд ли можно рассматривать данную школу как элементарную, как делает это П. Лемерль³². Скорее можно согласиться с Дж. да Коста-Луийе, считавшей ее школой второй ступени³³.

Задачи, стоящие перед учебным учреждением Студийской обители, были весьма сложными. Требования, предъявляемые к школярам, были довольно высокими. При этом надо учитывать разный уровень образованности прибывающих в монастырь. Естественно и подход к ним был разным.

Так, Николай Студит, приехавший с острова Крит, был уже обучен основам грамоты родителями, отправившими его в "школу благочестия", т. е. Студийский монастырь. Тем не менее и здесь он изучал вступительные науки, в совершенстве овладел грамматикой и стал выдающимся каллиграфом. До нас дошли блестящие образцы его работы: четвероевангелие Успенского (ГПБ, греч. 219) и один из парижских манускриптов, частично им переписанный (Cod. Paris. Coisl. gr. 269, f. 97-286). Преподаватель общего знания (κοινὸς καθηγητής), как говорит агиограф, обучал его заповедям и благочестию в храме, куда Николай приходил первым, а уходил последним, он внимательно слушал повествования об отцах церкви и сам перечитывал их жития³⁴.

К сыновьям патрикия и великого доместика схол Востока, Мануила Комнина, будущему императору Исааку I и его младшему брату Иоанну, отцу Алексея I, отданным в Студийский монастырь на воспитание Василием II, относились по-другому. Их обучали, вероятно, основам грамоты³⁵. В обители

они получили надлежащее образование. Что скрывается под этим стереотипным выражением, раскрыл Михаил Пселл в своей "Хронографии". Характеризуя Исаака I Комнина, он пишет, что василевс был малообразованным, не обладал достаточными познаниями ни в грамматике, ни в юриспруденции. Однако к ученым он относился доброжелательно и охотно принимал их при своем дворе³⁶. По словам Продолжателя Скилицы, он был привержен наукам³⁷.

Таким образом, недостаточно образованных или совершенно неграмотных вначале обучали элементарной грамотности. Им прививали навыки чтения и письма. Затем переходили к преподаванию грамматики, церковного песнопения, элементов философии (вероятно, под этим агиографы подразумевали богословие), знакомили с трудами отцов церкви. Нам кажется, права А. Моффэт, которая полагает, что Студийская школа совмещала программы первоначального и вторичного обучения³⁸, поскольку уровень подготовки мальчиков, прибывавших в монастырь из всех регионов империи, был различным.

В правилах Студийской обители были определены и обязанности наставников, обучающих детей. Им был один из монахов, который должен был прежде всего заботиться о благочестивом обучении своих юных питомцев и относиться к ним по-отечески. В противном случае его ждало суровое наказание: 100 поклонов, постная пища и недельное отлучение³⁹.

Как долго просуществовало данное учебное учреждение при Студийском монастыре, сказать трудно. В XI в. оно еще функционировало. Ведь туда были отданы на воспитание Василием II малолетние сироты Исаак и Иоанн Комнины.

Возможно, аналогичное учреждение существовало и в Ивирской обители, хотя в нашем распоряжении имеются лишь глухие намеки на это. Известно, что монахи, желавшие быть принятыми в состав клира монастыря, прибывали на Афон в сопровождении своих юных родственников. Последних селили вне монастырских стен, в одном из метох, где эконом обучал их религии и мастерству. В источнике ничего не говорится, чем они конкретно занимались. В обитель же их принимали после достижения юношеского возраста, когда, по словам агиографа, у них вырастала борода⁴⁰.

Сюда же, в Ивирскую обитель, во второй половине XI в. Георгий Агиорит вез из Грузии 80 сирот, родители которых погибли во время нашествия сельджуков. Он доставил их в Константинополь, где Константин X Дука возместил понесенные им расходы. После смерти Георгия в византийской столице помощь детям оказал священник Петр. В хрисовуле, опубликованном по этому поводу, император приказал воспитывать их в монастыре, запретил выгонять их и вообще причинять им какой-нибудь вред⁴¹. Вероятно, им должны были преподавать основы грамоты. Наше предположение, что в Ивирском монастыре детей обучали навыкам чтения и письма, находит подтверждение в том, что среди монахов-свидетелей, собственноручно подписавших акты, было довольно много представителей данной обители⁴².

³⁶ Mich. Ps. II. P. 113—122.

³⁷ Ioan. Scylitz. Cont. P. 100.

³⁸ Moffatt A. Op. cit. P. 88.

³⁹ PG. T. 99. Col. 1745; Лопарев Хр. Византийские жития... // ВВ. 1911. Т. XVII. С. 172-173; Lemerle P. Op. cit. P. 102-104, 124, 127; Moffatt A. Op. cit. P. 87-88.

⁴⁰ Actes d'Iviron. I. P. 70.

⁴¹ Ibid. II. P. 20.

⁴² Ibid. I. P. 224, 250.

³¹ PG. T. 99. Col. 168 A—B, 273 B—C; T. 105. Col. 865—869, 872; Latyshev B. Vita S. Theodori Studitae... P. 273-274; Лопарев Хр. Византийские жития... // ВВ. 1911. Т. XVII. С. 172-173.

³² Lemerle P. Op. cit. P. 103.

³³ Da Costa-Louillet G. Saints de Constantinople aux VIII-e, IX-e et X-e siècles // Byz. 1955—1957. Т. 25—27. P. 796.

³⁴ PG. T. 105. Col. 864, 869—872; Лопарев Хр. Византийские жития... // ВВ. 1911. Т. XVII. С. 187—188; Рудаков А. П. Указ. соч. С. 99-100, 251; Buckler G. Op. cit. P. 204; Lemerle P. Op. cit. P. 99—100, 102—103, 129; Moffatt A. Schooling in the Iconoclast Centuries // Iconoclasm / Ed. A. Bryer, J. Herrin. Birmingham, 1977. P. 87—88.

³⁵ Скабаланович Н. Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884. С. 81; Он же. Византийская наука и школы в XI веке // Христианское чтение. 1884. № 5-6. С. 733.

Ее настоятели, начиная с первого Иоанна Ивира, всегда имели учеников. Причем не только у игуменов были воспитанники, но и у монахов, живших в отдаленных кельях. Правда, число питомцев последних было ограничено. Им разрешалось иметь только 6-10 учеников⁴³.

Из "Жития" Стефана Нового мы узнаем об учреждении школы в середине VIII в. в греческом женском монастыре в Италии, переданном папой Захарием монахиням, переселившимся из Византии в иконоборческий период⁴⁴.

В Телайском монастыре (τῶν Τελαίων) на Олимпе проходил курс вступительных наук (τὴν τῶν ὑπαρχόντων εἰσαγωγήν) Иоанникий Великий (754-846 гг.). В детстве он не получил никакого образования. Прослужив 24 года в войске эскувитов императора Феофила, Иоанникий сначала удалился в Агаврскую обитель, а затем перешел в Телайский монастырь, где он и приобщился к элементам знания. В Антидиевой обители, куда Иоанникий переселился, он изучил подвиги святых отцов и около 30 псалмов. Вероятно, в обоих последних монастырях подвизались образованные монахи, которые могли обучить вновь вступивших в обители неграмотных иноков основам знания, т. е. прививали им навыки чтения и письма⁴⁵.

В монастыре Савы Освященного близ Иерусалима Михаил Синкелл, монах названной обители, занимался с Феодором и Феофаном Начертанными (конец VIII — первая половина IX в.). Он преподавал им грамматику, философию, поэтику⁴⁶.

Только в монастыре научился читать и писать Евфимий Новый (X в.), уроженец деревни, расположенной в окрестностях Анкиры в Галатии. В детстве ему не пришлось посещать школу. Будучи сыном названного в житии "эвпатридом" крестьянина-стратиота, обязанного нести наследственную военную службу, он был зачислен в армию императора Феофила. После окончания срока службы он удалился от мира, принял схиму и поселился в обители, где и овладел основами грамоты⁴⁷.

Будущий Константинопольский патриарх Антоний II Кавлея (893-901 гг.) в пятилетнем возрасте под руководством своего отца начал учиться читать Псалтирь, ставшую настольной учебной книгой еще со времен Георгия Хировоска⁴⁸. В двенадцатилетнем возрасте он вступил в монастырь, игумен которого стал преподавать ему предметы общеобразовательного курса (ἐγκύκλιον παιδείου). Чтобы ни у кого не было сомнений в правоверии и

⁴³ Ibid. P. 8, 6, 10, 34, 68-70, 184, 193-195, 197, 206.

⁴⁴ Васильевский В. Г. Житие Стефана Нового // Труды. СПб., 1909. Т. II. Вып. 2. С. 304; Лопарев Хр. Византийские жития... // ВВ. 1911. Т. XVII. С. 120; Липшиц Е. Э. Очерки истории византийского общества и культуры (VIII— первая половина IX в.). М.; Л., 1961. С. 337.

⁴⁵ AASS. Nov. 1894. II. 1. P. 333, 386; PG. T. 116. Col. 37; Лопарев Хр. Византийские жития... // ВВ. 1915. Т. XIX. С. 72-75; Рудаков А. П. Указ. соч. С. 98, 182, 240; Bréhier L. Les populations rurales au IXe siècle... P. 189; Buckler G. Op. cit. P. 201; Moffatt A. Op. cit. P. 85-86.

⁴⁶ PG. T. 115. Col. 653-660; Жизнь, деяния и подвиги св. Отца нашего и Исповедника Михаила, пресвитера и Синкелла града Иерусалима // Византийские легенды / Изд. подгот. С. В. Полякова. Л., 1972 (перепеч. М., 1994). С. 116-117; Лопарев Хр. Византийские жития... // ВВ. 1911. Т. XVII. С. 215; Рудаков А. П. Указ. соч. С. 100, 261; Beck H. G. Bildung und Theologie im frühmittelalterlichen Byzanz // Polychronion. Festschrift Fr. Dölger zum 75. Geburtstag / Hrsg. P. Wirth. Heidelberg, 1966. S. 79; Lemerle P. Op. cit. P. 103; Ševčenko I. Hagiography of the Iconoclast Period // Iconoclasm. P. 116-117, 119; Moffatt A. Op. cit. P. 90-91.

⁴⁷ Petit L. Vie et office de Saint-Euthyme le Jeune // ROCh. 1903. Т. 8. P. 155-205; Лопарев Хр. Византийские жития... // ВВ. 1915. Т. XIX. С. 99-100; Рудаков А. П. Указ. соч. С. 197, 238; Bréhier L. Les populations rurales au IX-e siècle... P. 183, 189; Buckler G. Op. cit. P. 201.

⁴⁸ Κουκουλές Φ. Βυζαντινῶν βίος καὶ πολιτισμός. Αθήναι, 1948. Т. Α'. Σ. 63; Beck H. G. Op. cit. S. 74.

наставника, и воспитанника, агиограф подчеркивает, что в основу обучения было положено Священное Писание, а светские предметы были исключены⁴⁹.

Завершил свое образование в Псамафийском монастыре под руководством Никиты Пафлагонского анонимный автор "Жития патриарха Евфимия", представляющего собой скорее историческое повествование о событиях, в которых большая роль, и поэтому названного А. П. Кажданом хроникой⁵⁰. Обучался в монастырской школе Латрской обители сын одного из командиров флота, Павел, где, по словам агиографа, получил преимущественно духовное образование⁵¹. Антоний, будущий Солунский архиепископ, постригся в монахи и, находясь в монастыре, старался усвоить не только духовную, но и светскую мудрость, а также науки, входившие в круг общего образования. Но больше всего он уделял внимание изучению религиозных сочинений, прежде всего Ветхого и Нового Завета⁵².

Учебное учреждение, вероятно, функционировало и при Лавре св. Афанасия на Афоне. Ее основатель и игумен в прошлом, до своего пострижения в монахи, был руководителем и учителем в одной из школ Константинополя, где он преподавал своим студентам "внешнюю мудрость", т.е. светские науки⁵³. После его поселения на Афоне к нему, в Лавру, стали съезжаться ученики со всех концов империи и из соседних государств: из Рима и Италии, Калабрии и Амальфи, Грузии и Армении и еще более отдаленных стран⁵⁴. По всей вероятности, как и в столице, Афанасий продолжал обучать прибывающих к нему школьным дисциплинам. Именно к нему в Лавру пришли Иоанн Ивир и его сын Евфимий вместе со своими спутниками. Они поселились здесь и стали его учениками⁵⁵. Наличие школы при Лавре св. Афанасия подтверждается довольно большим числом грамотных иноков-свидетелей, лавриотов, которые собственноручно удостоверяли заключаемые договоры⁵⁶.

До своего появления на Афоне Иоанн Ивир подвизался в одном из монастырей Олимпа. Сюда он привез Евфимия, находившегося в Константинополе в качестве заложника вместе с детьми других знатных грузин. Именно здесь отец стал обучать своего отпрыска сначала грузинскому, а затем и греческому языкам. У Иоанна Ивира на Олимпе были и другие ученики. Вполне возможно, что он обучал их, как и своего сына, чтению и письму. Иоанн Ивир хотел, чтобы Евфимий овладел всеми науками греков. Их знание позволило бы ему свободно переводить на родной язык византийскую религиозную литературу, столь необходимую грузинской церкви. Евфимий действительно стал первоклассным переводчиком. Правда, его биограф Георгий Агиорит не

⁴⁹ Пападопуло-Керамевс А. И. Сборник греческих и латинских памятников, касающихся Фотия патриарха. СПб., 1899. Т. I. С. 6-7; Лопарев Хр. Византийские жития... // ВВ. 1911. Т. XVII. С. 148-150; Рудаков А. П. Указ. соч. С. 299; Dvornik F. Les légendes de Constantin et de Méthode vues de Byzance. Pr., 1933. P. 26-27; Beck H. G. Op. cit. S. 81; Moffat A. Op. cit. P. 91.

⁵⁰ Псамафийская хроника // Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы / Пред., пер. и коммент. А. П. Каждана. М., 1959. С. 9-10, 19.

⁵¹ Рудаков А. П. Указ. соч. С. 100, 253.

⁵² Лопарев Хр. Византийские жития... // ВВ. 1915. Т. XIX. С. 89.

⁵³ Lemerle P. Op. cit. P. 257-260; Mango C. Byzantium: The Empire of New Rome. L., 1980. P. 141-142; Wilson N. G. Op. cit. P. 141-142; Самодурова З. Г. Школы и образование // Культура Византии. Вторая половина VII-XII в. М., 1989. С. 391.

⁵⁴ Actes de Lavra. T. I. // Ed. P. Lemerle, N. Svoronos, A. Guillou, D. Papachryssanthou. P., 1970. P. 41-42; Actes du Protaton / Ed. D. Papachryssanthou. P., 1975. P. 83-84; Actes d'Iviron. I. P. 20.

⁵⁵ Actes d'Iviron. I. P. 20, 135-136.

⁵⁶ Ibid. P. 136, 139-140, 209-210, 214, 220.

говорит, где именно он учился. Можно только предположить, что на Афоне Афанасий мог преподавать ему эти знания. Ведь и отец, Иоанн Ивир, и сын, Евфимий, стали учениками основателя Лавры⁵⁷.

В школе при монастыре учился и Лазарь Галисийский (X-XI вв.), сын бедных родителей, происходивший из окрестностей Магнезии. Первоначально он вступил в одну из иерусалимских обителей, а затем перешел в монастырь в Галисии около Милета⁵⁸.

Начальную школу, функционировавшую при небольшом Нарсийском монастыре в Константинополе, в XI в. посещал юный Михаил Пселл. В более поздние годы в письме к судье фемы Эгейское море он называет упомянутую обитель своим отчеством и говорит, что около нее он родился и там учился⁵⁹. Эта элементарная школа продолжала существовать и в следующем, XII столетии. О ней пишет в своем послании монах Иерофей⁶⁰.

Возможно предположить, что имела школа и при монастыре Пантократора в Константинополе, где в носоконии при этой обители учились дети обслуживающего персонала (врачей и ассистентов) и где Михаил Италик читал лекции не только по теории медицины, но и преподавал предметы тривиума и квадривиума: грамматику, риторику, диалектику, арифметику, геометрию, музыку, астрономию, а также физику, механику, оптику и философию⁶¹. Несколько позднее вел занятия в монастыре Пантократора за стол и квартиру известный профессор Иоанн Цец, поселившийся здесь после того, как перестал заниматься обучением детей в аристократических семьях⁶².

Известно еще одно учебное заведение, функционировавшее в Константинополе в XII в. при монастыре св. Евфимии. В нем получили начальное образование Евстафий Солунский и его сверстник и друг, Евфимий Малаки, который в своем надгробном слове при прощании с Евстафием говорил, что они были соучениками и вместе приобщались к наукам и всю свою юность прожили вместе. Учились в этой школе и другие клирики упомянутой обители, которых Евстафий Солунский называет своими соучениками⁶³.

Итак, на основании рассмотренных данных с уверенностью можно утверждать, что в Студийском, Ивирском, греческом женском монастырях, Лавре св. Афанасия на Афоне и в обители св. Евфимии действительно функциониро-

вали учебные заведения, в которых обучались не единицы, а многочисленные ученики, являвшиеся монахами упомянутых монастырей. В остальных случаях речь шла о небольшом числе воспитанников, чаще всего об одном или двух. Имеем ли мы право говорить, что и здесь существовали школы? Вероятно, можем, потому что происходит процесс обучения, процесс передачи знания одного другому. И неважно, сколько человек находилось в классной комнате. Главное присутствовали две ключевые фигуры: передающий знания и воспринимающий их. Важно также, что вновь вступающих в монастырь, если они были неграмотными, обучали элементам знания, прививали им навыки чтения и письма. Существенно, что в обителях находились образованные монахи, которые могли обучать вновь вступающих неграмотных братьев. Это тем более было важно, что в стране было много необразованных. Вероятно, хотя и с большим допущением, можно назвать данные учреждения начальной общеобразовательной школой, где преподавали основы грамоты: чтение и письмо. Это было необходимо прежде всего самой церкви, поскольку христианство, будучи религией, где чтению священных книг было отведено большое место, не могло обходиться без минимума письменной культуры. Чужны были грамотные священники и монахи для выполнения церковных служб. Поэтому в монастырях заботились не только о моральном обучении, об обучении добродетели, т. е. о духовном воспитании, но и об обучении чтению и письму, грамматике, элементам богословия и даже философии. Верные приверженцы православия должны были защищать учение церкви от нападков со стороны разного рода еретиков, что они могли сделать лишь в том случае, если бы они были знакомы с трудами и подвигами отцов церкви, основами богословия. В обителях, наиболее крупных из них, всему этому уделяли большое внимание и указанные предметы были включены в программу преподавания в монастырских учебных заведениях.

В ряде житийных памятников наряду с указанием имен наиболее прославленных воспитанников героев повествования (как правило, игумена) сообщается о большом числе учеников, не названных поименно. Так, в "Житии Михаила Синкелла" говорится о многочисленных его учениках, когда он был настоятелем Хорского монастыря в Константинополе. Анализ этих данных приводит Хр. Лопарева к выводу о существовании при упомянутой обители школы, из которой вышло много писателей — составителей житий выдающихся деятелей Хорского монастыря: прежде всего его основателя св. Феодора, Михаила Синкелла и др. Правда, по мнению ученого, авторы агиографических сочинений не были достаточно подготовленными и не отличались литературным дарованием⁶⁴.

В свою очередь Н. Скабаланович только на том основании, что Никита Стифат обращается к Симеону Новому Богослову, настоятелю монастыря св. Мамонта Ксилокерского, как к дидакалу, высказывает предположение о наличии школы в данной обители⁶⁵.

Все сказанное заставляет нас присоединиться к мнению тех исследователей, которые отстаивали точку зрения о функционировании учебных учреждений при монастырях. Они создавались вокруг одной личности, преподававшей группировавшимся около нее ученикам в зависимости от уровня образованности либо первоначальную грамоту, либо предметы более

⁵⁷ Ibid. P. 19-20, 34-37, 135-136, 138.

⁵⁸ AASS. Nov. III. 1910. P. 508-509; Рудаков А. П. Указ. соч. С. 99, 245.

⁵⁹ MB. V. P. 378; Joannou P. Psellos et le monastère Ta Narsou // BZ. 1951. Bd. 44. S. 283-290; Gautier P. Le Synode des Blachernes // REB. 1971. T. 29. P. 220; Idem. Un chrysobulle de confirmation rédigée par Michel Psellos // REB. 1976. T. 34. P. 79-99; Idem. Précisions historiques sur le monastère de Ta Narsou // Ibid. P. 101-110; Lemerle P. "Le gouvernement des philosophes": Notes et remarques sur l'enseignement, les écoles, la culture // Cinq études sur le XI-e siècle byzantin. P., 1977. P. 212-214; Любарский Я. Н. Михаил Пселл. Личность и творчество: К истории византийского предгуманизма. М., 1978. С. 22-23; Wilson N. G. Op. cit. P. 149.

⁶⁰ Darrouzès J. Un recueil épistolaire du XII-e siècle, Académie roumaine Cod. gr. 508 // REB. 1972. T. 30. P. 199-229.

⁶¹ Treu M. Michael Italicos // BZ. 1895. Bd. 4. S. 1-22; Пападимитриу С. Д. Феодор Продром: Историко-литературное исследование. Одесса, 1905. С. 162; Fuchs F. Op. cit. S. 37-39; Browning R. The Patriarchal School at Constantinople in the Twelfth Century // Byz. 1962. T. 32. P. 194-197; Каждан А. П. Книга и писатель в Византии. М., 1973. С. 68; Miller T. S. Byzantine Hospitals // DOP. 1984. N 38. P. 55.

⁶² Wilson N. G. Op. cit. P. 190-196.

⁶³ Μρόνης Κ. Γ. Εὐθυμίου τοῦ Μαλάκῃ μητροπολίτου Νέων Πατρῶν (Υπάτης) τὰ ὁμιλούμενα. Ἀθῆναι, 1937. Σ. 83; Eustathii metropolitae Thessalonicensis opuscula / Ed. Th. L. F. Tafel. Francofurti a. M., 1832. P. 337; Hussey J. M. Church and Learning in the Byzantine Empire 867-1185. Oxford; L., 1937. P. 107-108; Browning R. Op. cit. P. 186-193; Каждан А. П. Византийский публицист XII в. Евстафий Солунский // ВВ. 1967. Т. 27. С. 89-90.

⁶⁴ Лопарев Хр. Византийские жития... // ВВ. 1911. Т. XVII. С. 212-213.

⁶⁵ Скабаланович Н. Византийская наука... С. 733.

сложного курса. Фактически это была школа одного учителя, которая или переставала действовать после смерти своего основателя, или переходила под управление другого человека. Наставниками в подобных учебных заведениях были люди, связанные с монастырями: либо настоятели их, либо образованные члены клира.

Воспитанниками в них, как правило, были или монахи, или те, кто собирался постричься. Наряду с этим в некоторых из монастырских школ обучались и светские лица, такие как Исаак и Иоанн Комнины, направленные на воспитание в Студийскую обитель императором Василием II, и Михаил Пселл, посещавший школу при Нарсийском монастыре столицы.

Рассмотренные примеры показывают, что почти все обучающиеся в монастырских школах, известные нам, за исключением трех последних, становились либо монахами, как Иоанникий Великий, Николай Студит, Евфимий Новый, Феодор и Феофан Начертанные, Евфимий Ивир, Павел Латрский, Лазарь Галисийский и др., либо видными деятелями церкви, как Антоний Кавлея, Антоний Солунский, Евстафий Солунский, Евфимий Малаки.

Следовательно, с полным правом можно утверждать, что византийские монастырские школы в большинстве своем были закрытыми, предназначенными обучать только будущих монахов и клириков церкви. Однако, несмотря на строгое соблюдение канонов Халкидонского собора, запрещающих принимать в учебные заведения при обителях мирян, тем не менее в Византии VIII–XII вв. занятия в монастырских школах посещали не только будущие инок и церковные иерархи, но и дети, которые не собирались связывать свою судьбу с церковной деятельностью.

Е.В. Герцман

К ЗАГАДКАМ НАСЛЕДИЯ ПРОТОПСАЛТА ИОАННА ГЛИКИ

Среди многих еще нераскрытых тайн византийской истории музыки, существует одна, связанная с личностью выдающегося создателя целой серии знаменитых церковных песнопений — Иоанна Глики. Даже о времени его жизни еще сравнительно недавно не было полного единодушия. Так, несмотря на то, что большинство источников упоминает Иоанна Глику в качестве наставника таких выдающихся мастеров, как Иоанн Кукузель и Ксена Корона, и потому называет его διδάσκαλος διδασκάλων, иногда деятельность Иоанна Глики относили к X в.¹ Подобные казусы в значительной степени были обусловлены тем, что и время жизни Иоанна Кукузеля длительный период переносили на самые различные эпохи (от VIII до XVI вв.).² Но теперь принято считать, что Иоанн Глика жил на рубеже XIII–XIV вв., а его выдающиеся ученики развили свою деятельность в первой половине XIV столетия.

В свете византийских музыкально-исторических свидетельств Иоанн Глика предстает неким продолжателем новаторских устремлений, начатых в области жанра "икоса" (οἶκος) Михаилом Анеотом (или Ананеотом), от творчества которого сохранилось крайне мало³. По мнению последнего выдающегося византийского мелурга Мануила Хрисафа, Иоанн Глика был "подражателем" Анеота: "Τῶν οἰκῶν δὲ πρῶτος ποιητὴς ὁ Ἀνεώτης ὑπῆρξε καὶ δεύτερος ὁ Γλυκὺς, τὸν Ἀνεώτην μιμούμενος"⁴. Совершенно очевидно, что participium μιμούμενος нужно трактовать не негативно, как некое эпигонство, а как указание на личность творчески развивающую художественные принципы. Другой значительный византийский мелург Григорий Алиат представляет Иоанна Глику в начале своего кондакаря Codex Sinaiticus 1262 (1437 г.) уже

¹ Παναγιωτόπουλος Δ. Θεωρία καὶ πράξις τῆς Βυζαντινῆς Εκκλησιαστικῆς μουσικῆς. Ἀθήναι, 1982. Σ. 33.

² Подробнее об этом см.: Герцман Е. Византийское музыкознание. Л., 1988. С. 148. Примеч. 92.

³ Чтобы составить представление о том, чем располагает современное музыкознание из наследия Михаила Анеота, достаточно посмотреть описания нескольких рукописей в замечательных каталогах Григория Статиса и Маноласа Хадзигиакумиса: Στάθης Γρ. Τὰ Χειρόγραφα Βυζαντινῆς Μουσικῆς // Ἅγιον Ὅρος, Κατάλογος περιγραφικὸς τῶν χειρογράφων κωδίκων Βυζαντινῆς Μουσικῆς τῶν ἀποκειμένων ἐν ταῖς Βιβλιοθήκαις τῶν ἱερῶν Μονῶν καὶ Σκητῶν τοῦ Ἁγίου Ὁρους. Ἀθήναι, 1975. Τ. Α'. Σ. 110, 288, 391, 401; Ἀθήναι, 1976. Τ. Β'. Σ. 220, 244; Χατζηγιακουμῆς Μ. Μουσικὰ Χειρόγραφα Τουρκοκρατίας. 1453—1832. Ἀθήναι, 1975. Τ. Α. Σ. 264—265.

⁴ Codex Iberonus 1120, fol. 16 // The Treatise of Manuel Chrysaphes, the Lampadarios: On the Theory of the Art of Chanting and on Certain Erroneous Views That Some Hold About it / Text, transl. and comment. by Dimitri E. Conomos. Wien, 1985. P. 44.

в самом процессе претворения заветов Анеота, приводя песнопение, созданное им и "аранжированное" Иоанном Гликой: "Ἐποίηθησαν μὲν παρὰ τοῦ δομέστικου ἐκείνου κυροῦ Μιχαὴλ Ἀνεώτου· ἐκαλλωπίσθησαν δὲ παρὰ τοῦ πρωτοψάλτου κυροῦ Ἰωάννου τοῦ Γλυκέως"⁵.

Однако помещение Иоанна Глики на его "новое" место (рубеж XIII—XIV вв.) еще больше запутало дело, так как здесь исследователей ожидала новая загадка: являлись ли протопсалт Иоанн Глика и византийский патриарх Иоанн XIII Глика (1315—1320) одним и тем же лицом или это два разных человека, волею судьбы и обстоятельств носивших одно и то же имя, прозвище и живших в одно и то же время?

Естественно, сразу же возникла мысль о том, что протопсалт и патриарх — одно и то же лицо. Такому заключению способствовали наблюдения над некоторыми сторонами жизни византийского общества. Его история дает достаточно много примеров того, как константинопольские патриархи своим творчеством самым активным образом участвовали в поэтическом и музыкальном оформлении богослужений. Именно в таком аспекте церковная традиция называет имена патриархов Германа I (715—730), Тарасия (784—806), Мефодия I (843—847), Игнатия (847—858), Фотия (858—867, 877—885). Сюда же следует добавить аналогичные сведения о византийских императорах Феофиле (829—842), Василии I (867—886), Льве IV Мудром (886—912), Константине VII Багрянородном (913—959)⁶. Действительно, довольно обширный ряд свидетельств подтверждает, что многие высшие церковные иерархи и венценосные монархи стремились внести свой посильный творческий вклад в литургическое действо. Хотя вопрос об авторстве музыки, приписывающихся им песнопений в настоящее время должен остаться открытым (ибо его решение связано со многими, пока непреодолимыми трудностями), в церковной традиции все эти деятели запечатлены как ὑμνογράφοι — в понятии, которое не только не подразделяло авторов текста и музыки, а, наоборот, затемняло эту дифференциацию. Поэтому в обычном сознании византийцев создателями текстов и музыки духовных песнопений нередко выступали иерархи церкви и императоры.

С этой точки зрения отождествление обоих Иоаннов Глик не противоречит тенденциям византийской общественной жизни и находится в их русле. В самом деле, представляется вполне оправданным и допустимым, что при определенной политической ситуации протопсалт главного константинопольского храма святой Софии мог быть возведен на патриарший трон⁷ и сохранить свое прозвище, полученное, возможно, за "сладость" μέλη, созданных им в период служения протопсалтом. Как видно, такой логики придерживался Карл Крumbахер, ибо в "Register der Personen und Sachen" своей знаменитой книги в рубрику "Glykus Johannes, patriarch von Kpel, Homiliter und Grammatiker" он включил не только страницы, посвященные патриарху Иоанну

⁵ Бенешевич В. Описание греческих рукописей монастыря святой Екатерины на Синае. СПб., 1911. Т. I. С. 139. Я прекрасно сознаю, что содержание, вкладываемое в термин "аранжировка" намного уже и примитивнее того, что понималось под καλλωπισμός. Однако среди существующих ныне специальных терминов он, кажется, единственный, который в какой-то степени способен отразить многоплановую переработку музыкального материала подразумеваемую под понятием καλλωπισμός.

⁶ Подробнее об этом см.: Παλαδόπουλος Γ. Συμβολαὶ εἰς τὴν ἱστορίαν τῆς παρ' ἡμῖν ἐκκλησιαστικῆς Μουσικῆς. Ἀθῆναι, 1890. Σ. 231—260.

⁷ Конечно, анализ такой ситуации должен осуществить не историк византийской музыки.

Гликe⁸, но и содержащие перечисление знаменитых мелургов: Иоанна Глику, Мануила Хрисафа, Иоанна Кукузеля и других⁹. Такого отождествления придерживаются и некоторые современные историки византийской музыки¹⁰.

Однако с подобной трактовкой не согласуется рукописная традиция. Дело в том, что абсолютно во всех известных нотных рукописях, излагающих сочинения протопсалта Иоанна Глики, никогда (!) не упоминается патриарх Иоанн Глика. Так, известны кодексы, где его песнопения представлены просто как τοῦ Γλυκέως¹¹, в других — как Ἰωάννου Γλυκέως¹², в третьих — κυρίου Ἰωάννου τοῦ Γλυκέως¹³, в четвертых — τοῦ πρωτοψάλτου κυριοῦ Ἰωάννου τοῦ Γλυκέως¹⁴, в пятых — κυρίου Ἰωάννου τοῦ Γλυκέως καὶ πρωτοψάλτου τῆς ἀγίας Σοφίας¹⁵. Вместе с тем, нигде до сих пор не зафиксировано авторство Πατριάρχου Ἰωάννου τοῦ Γλυκέως¹⁶.

Весьма знаменательно и другое обстоятельство, также связанное с рукописной традицией, имеющей непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу.

Не будет преувеличением сказать, что самое знаменитое и популярное произведение протопсалта Иоанна Глики — одиннадцать утренних стихир (Ἑωθινά), написанных на слова Льва Мудрого. Редко можно встретить нотную рукопись, использовавшуюся в церковном обиходе, в которой не излагалось бы это сочинение, так как оно на протяжении длительного исторического периода являлось неотъемлемой частью богослужений. Так вот, абсолютно во всех зарегистрированных рукописях авторы этого песнопения представлены однотипно: "Ἑωθινά, ἅπερ τὰ μὲν γράμματα (или οἱ μὲν λόγοι) εἰσὶν Λέοντος τοῦ σοφωτάτου (а иногда и τοῦ εὐσεβοῦς) Βασιλέως καὶ αὐτοκράτορος Ρωμαίων, τὸ δὲ μέλος κυρίου Ἰωάννου τοῦ Γλυκέως καὶ πρωτοψάλτου τῆς Ἀγίας Σοφίας"¹⁷. А ведь для всякого создателя нотной рукописи было весьма заманчиво объявить авторами столь популярного песнопения не только императора Льва, но и патриарха Иоанна. Вспомним, что смена должностей церковных музыкантов (от доместика или ламбадария к протопсалту)

⁸ Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur von Justinian bis zum ende des oströmischen Reiches (527—1453). München, 1897. S. 174, 175, 293, 387, 481, 483, 484, 589, 599.

⁹ Ibid. S. 678.

¹⁰ См., например: Conomos D. Byzantine Trisagion and Cheroubika of the Fourteenth and Fifteenth Centuries: A Study of Late Byzantine Liturgical Chant. Thessaloniki, 1974. P. 65—66; Idem. The late Byzantine and Slavonic Communion Cycle: Liturgy and Music. Wash., 1985. P. 76—77; Χατζηγηακουμής Μ. Op.cit. P. 279. Автор этих строк раньше также следовал той же точке зрения, см.: Герцман Е. Указ. соч. С. 149; Он же. Музыкальная культура поздней Византии // Культура Византии. XIII — первая половина XV в. М., 1991. С. 537. Как покажет материал настоящей статьи, ныне прежняя уверенность в ее справедливости не столь непоколебима.

¹¹ Cod. Docheiarius 379 (первая половина XVII в.). Fol. 60v., см.: Σταθης Γρ. Op.cit. Vol. I. P. 527.

¹² Cod. Docheiarius 372 (первая половина XVIII в.). Fol. 118; Σταθης Γρ. Op.cit. Vol. I. P. 509.

¹³ Cod. Docheiarius 386 (середина XVII в.). Fol. 230v.; Σταθης Γρ. Op.cit. Vol. I. P. 554.

¹⁴ Cod. Constamonitis 86 (первая половина XV в.). Fol. 88; Σταθης Γρ. Op.cit. Vol. I. P. 660.

¹⁵ Cod. Docheiarius 353 (начало XIX в.). Fol. 175v.; Σταθης Γρ. Op.cit. Vol. I. P. 455.

¹⁶ Правда, по свидетельству Димитрия Кономоса (Conomos D. Byzantine Trisagion... P. 65—66) многие рукописи XIV в. приписывают Τρισάγιον, содержащееся в Cod. Atheniensis 2622 (fol. 331) "патриарху Иоанну". К сожалению, Д. Кономос не указывает ни одной из них. Если я не заблуждаюсь, речь идет о Τρισάγιον, зачастую излагающееся в литургии Василия Великого в ἥχος β'. Но в фундаментальном каталоге Григория Статиса описана целая серия таких рукописей из различных афонских монастырей, и ни в одной из них нет упоминания о "патриархе Иоанне", а во всех случаях сочинение приписывается протопсалту Иоанну Глике. См.: Σταθης Γρ. Op.cit. Vol. I. P. 154, 165, 255, 353, 501, 521, 631; Vol. II. P. 185, 218, 272, 281, 318, 328, 366, 424, 668, 729.

¹⁷ См.: Σταθης Γρ. Op.cit. Vol. II. P. 60, 118, 213, 274, 278, 286—287, 352, 353, 421, 429, 542—543, 628, 876.

не оставалась незамеченной для рукописной традиции и тем более не мог бы остаться без внимания такой важный шаг, как восхождение по иерархической лестнице от протопсалта к патриаршему служению. Поэтому не было бы ничего удивительного, если бы в какой-то рукописи бывший протопсалт стал именоваться патриархом. А в таком творческом союзе императора Льва Мудрого и патриарха Иоанна Глики легко могло усматриваться отражение высокого союза церковной и государственной власти. Однако, ничего подобного невозможно обнаружить, и все рукописи единодушно называют автором музыки утренних стихир протопсалта Иоанна Глику.

Скорее всего это обстоятельство заставило некоторых исследователей осторожно подходить к отождествлению протопсалта и патриарха и говорить о последнем лишь как о любителе искусств¹⁸. А сейчас иногда даже высказывается мнение, что патриарх Глика и музыкант Глика — два различных человека, живших в одно время¹⁹.

Однако проблема "протопсалт—патриарх" — не единственная, способствующая тому, что личность мелурга Иоанна Глики не может пока выйти "из тени веков". Существуют и другие обстоятельства, не позволяющие достаточно определенно понять его вклад в развитие византийской музыки. Для подтверждения этого приведу лишь один пример.

Абсолютное большинство рукописей приписывает Иоанну Кукузелю, знаменитому ученику протопсалта Иоанна Глики, песнопение, называемое "ἡ βουλγάρα" ("Καὶ τὸ μνημόσυνόν σου"). Исследователи даже не без оснований считают это произведение "автобиографическим" для Иоанна Кукузеля, так как оно достаточно естественно вписывается в сюжет его "Жития"²⁰ и трактуется как сочинение, посвященное матери великого мастера, которая, согласно преданию, была болгарского происхождения. Вместе с тем в Codex Xeropotamus 273 (вторая половина XVI в.) на fol. 35v. мы читаем: "Τοῦ Γλυκέως λεγόμενον ἡ βουλγάρα" "Καὶ τὸ μνημόσυνόν σου"²¹. Более того, есть все основания предполагать, что это далеко не единственная рукопись, в которой утверждается авторство Иоанна Глики, так как имеется целый ряд кодексов, свидетельствующих о существовании двух точек зрения на этот вопрос в византийской музыкальной практике. Так, Codex Xeropotamus 317 (начало XVIII в.) зафиксировал (fol. 37v.): "Ἡ καλούμενη βουλγάρα, Ἰωάννου τοῦ Γλυκέως ἄλλοι λέγουσι τοῦ Μαῖστορος [scilicet Ἰωάννου Κουκουζέλη]"²². Аналогичные сообщения встречаются и в других рукописях²³.

Следовательно, достаточно противоречивыми являются свидетельства, связанные не только с личностью Иоанна Глики, но и с его творчеством. Все это делает его фигуру еще более таинственной.

Не менее загадочно обстоит дело и с наследием Иоанна Глики как педагога и музыкального теоретика. Хорошо известно, что эти две сферы деятельности византийских музыкантов были самым тесным образом взаимосвязаны. Ведь,

педагогическая работа по образованию и воспитанию учащихся не могла осуществляться без постоянных раздумий над важнейшими явлениями музыкальной практики, без ее теоретического осмысления и особенно такой важной ее сферы, как нотация. Без знания системы нотации певчий вообще не мог состояться. Поэтому византийские протопсалты и доместики основное внимание уделяли усвоению учащимися нотографии. Для этого они создавали самые различные "методы", которые должны были облегчить путь в овладении ею. В истории византийской музыкальной педагогики прославился так называемый "Μέγα Ἰσον" Иоанна Кукузеля — учебное песнопение, текстом которого служили наименования нотных знаков ("Ἰσον, ὀλίγον, ὀξεῖα, πεταστή ..."), а музыкальным материалом — мелодические движения, обозначаемые теми же нотными знаками²⁴. Благодаря выучиванию и частому исполнению такого песнопения, учащиеся запоминали не только наименования неум, но и их музыкальное значение.

Известно, что некоторые рукописи приписывают создание такого же ин-структивного песнопения Иоанну Глике. Так, Codex Constamonitus 86 (первая половина XV в.) сообщает (fol. 13v.): "ποίηθέντα παρὰ τοῦ πρωτοψάλτου κυροῦ Ἰωάννου τοῦ Γλυκέως ἡχος α': Ἰσον, ὀλίγον, ὀξεῖα, πεταστή, βαρεῖα"²⁵. Судя по всему, это сочинение активно использовалось в византийской и поствизантийской музыкальной педагогике на протяжении длительного времени. В Российской Национальной библиотеке в Петербурге хранится фрагмент Иерусалимского каллофонора из собрания Порфирия Успенского (всего 14 листов размером 210 x 160) — Codex Petropolitanus Graecus 498 (XVI в.)²⁶, в котором после изложения соответствующего музыкально-теоретического материала дано в "особой орфографии" следующее заглавие и соответствующий комментарий к нему (л. 4, стк. 5—9):

ἑτέρα προπέδια (ε)ποὶ οἰθείσαν
παρὰ κυροῦ Ἰω(άννου) τοῦ Γλυκαίως
ἀπου τὴν δη ἀβάση εἰνε (δι)δάσκα-
λος μέγας· καὶ εἰ τῆς δὲν τι διαβά-
ση· οὐταὶ γηνόσκη αὐτόν· "
(=ἑτέρα προπαιδεία ἐπολήθησαν
παρὰ κυροῦ Ἰωάννου τοῦ Γλυκέως
ὅπου τὴν διαβάσει εἶναι διδάσκα-
λος μέγας καὶ εἴ τις δὲν τι διαβά-
σει οὔτε γινώσκει αὐτόν)²⁷

А далее излагается серия неум с названиями нотных знаков (согласно орфографии рукописи: οξηα, παρὰκλητηκα, πεταστή, δηπλη, κρατима, κουφισμα, κρατимокуфисма). Однако, как можно судить по неуменному ряду, это не песнопение в полном смысле слова, подобное "Большому исону" Иоанна

¹⁸См., например: Γεδεών Μ. Πατριαρχικοὶ Πίνακες. Κων/πολις, 1890. Σ. 415.

¹⁹Κουρουσής Στ. 'Ο λόγιος Οἰκουμενικὸς Πατριάρχης Ἰωάννης II' ὁ Γλυκός // 'Επετηρίς Ἐταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν. 1974. 41. Σ. 298—302.

²⁰Перечень рукописей, излагающих "Житие Иоанна Кукузеля" см. в дис.: Williams Ed. John Koukouzeles' Reform of Byzantine Chanting for Great Vespers in the Fourteenth Century. Yale University, PhD, 1968 (машинопись). Р. 322.

²¹Στάθης Γρ. Op.cit. Vol. I. Р. 32.

²²Ibid. Р. 138.

²³Ibid. Р. 384; Vol. II. Р. 259. Χατζηγκακουμής Μ. Op.cit. Р. 280 и др.

²⁴Анализ и транскрипцию "Большого исона" см.: Devai G. The Musical Study of Cucuzeles in a Manuscript of Debrecen // Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. 1955. 3. Р. 151—179. Idem. The Musical Study of Koukouzeles in 14th Century Manuscript // Ibid. 1958. 6. Р. 213—234.

²⁵Στάθης Γρ. Op.cit. Vol. I. Р. 656.

²⁶Филигрены по типу тех, которые зарегистрированы в изд.: Лихачев Н.П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Т. 2. № 3422 (1538 г.); Т. 3. № 618 (1552 г.), 3425 (1561 г.). Подробный анализ этой рукописи см. в кн.: Герцман Е. Петербургский теоретикон. Одесса, 1994. С. 129—190.

²⁷Другой учебник был создан господином Иоанном Гликой. Тот, кто прочтет [его] — великий учитель, а если кто-либо не прочтет, тот не узнает его".

Кукузеля, а скорее новая теоретическая ступень в освоении нотации, где каждая невма дается в сочетании с другими знаками, чтобы ученик научился воспринимать их в соединениях и понимать интервальное значение таких знаковых комбинаций. В будущем сравнительный анализ Codex Constamonitus 86, Codex Petropolitanus Graecus 498 и других рукописей, содержащих это сочинение Иоанна Глики, покажет, что в них общего, а что различного. Но уже сейчас не трудно заметить, что даже последовательность знаков в них не одна и та же.

Все эти существенные разночтения в источниках, излагающих известный теоретический опус Иоанна Глики, также создают довольно сложную проблему, ибо без реконструкции музыкального материала в том виде, в котором он был создан византийским мелургом, невозможно установить авторский текст, а следовательно трудно оценить подлинный облик музыканта и педагога.

Но если столь сложно обстоит дело с известной, в принципе, частью наследия, то несравненно больше вопросов возникает при обнаружении источников, приписывающих Иоанну Глике такие сочинения, которые, насколько мне известно, до сих пор никогда не связывались с именем διδάσκαλος διδασκάλων. На одном таком источнике я позволю себе остановиться более подробно, так как именно знакомство с ним послужило главным толчком к созданию настоящей статьи.

В рукописном фонде Российской Национальной библиотеки в Петербурге имеется Codex Petropolitanus Graecus 782, датируемый XVII в. и содержащий всего 18 листов (31,4 x 22), лишенных водяных знаков. Он попал в библиотеку вместе с коллекцией Порфирия Успенского и на л. 18 хранит карандашную запись своего владельца: "1862 г., 6 октября, читал, А. Порфирий". Кажется именно об этой рукописи упоминает первый глава Русской Православной Миссии в Иерусалиме в одной из своих публикаций: "Этот сборник на лощеной бумаге в лист, написанный красивым и четким почерком в XVII веке, подарен мне ватопедскими старцами"²⁸.

Рукопись содержит интереснейшие работы по византийской и поствизантийской музыкальной теории:

- Fol.1.** Τοῦ ὁσίου π(α)τρ(ὸ)ς ἡμῶν Ἰωάννου τοῦ Δαμασκηνοῦ ἐρωταποκρίσεις τῆς παπαδικῆς τέχνης ...
Fol.5. Ἑρμηνεῖα ἕτερα. Ἑτεραι χειρονομίαι διάφοροι ἐν τῇ χειρονομίᾳ ...²⁹
Fol.6. Ἑτέραι ἐρμηνεῖαι τοῦ αὐτοῦ. Ἐκ τῶν τοιούτων οὖν σημαδίων ἀφώνων τε καὶ ἐμφώνων ...
Fol.7. Διαίρεσις τῆς μουσικῆς.
Fol.8. Ἀρχὴ σὺν Θεῷ τῶν ποικιλοτέρων ἡχημάτων, ζητεῖ ἔμπροσθεν καὶ ἀρχὴ τῆς διπλοφωνίας ...
 — " — Ἑρωταποκρίσεις τῆς ἀπορρόης.
Fol.8v. Τοῦ πρωτοψάλτου Ἰωάννου τοῦ Γλυκέως
Fol.9. Κύρ Μανουὴλ τοῦ Χρυσάφη "Περὶ φθорῶν".
Fol.13. Ἑρωταποκρίσεις περὶ τοῦ τί ἐστὶ χειρονομία.

²⁸ Порфирий Успенский. Стихирарные пииты. Сочинители церковной музыки греческой. Отрывок из путешествия епископа Порфирия Успенского по Афону в 1864 году // Тр. Киев. Дух. Акад. Киев, 1878. Кн. VII. С. 69.

²⁹ Здесь на полях более поздним почерком и другими чернилами ошибочно написано "Εμμανουὴλ Χρυσάφου, тогда как в действительности фрагмент трактата Мануила Хрисафа начинается с л. 9.

Fol.14v. Ἑρμηνεῖα τῆς παραλλαγῆς τοῦ Κουκουζέλη τοῦ τροχοῦ³⁰

Fol.15. Περὶ τῆς ἀπορρόης

— " — Μέθοδος εἰς μαθητὴν ὀφελιμοτάτη.

— " — Εἵδησις τῆς παραλλαγῆς (для всех ихосов)

Fol.16. Διάκρισις περὶ τῶν κυρίων ἤχων, μέσων τε καὶ τριφώνων καὶ πλαγίων.

Fol.16v. Ἑρμηνεῖα τῶν φθорῶν ὁ ποῦ εἶναι εἰς τοὺς οἰκοὺς καὶ εἰς τοῖς δοχαῖς καὶ ἄλλα τινά.

Fol.17v. Τὰ προκείμενα τῆς ὅλης ἐβδομάδος.

Совершенно очевидно, что содержание большей части рукописи аналогично собранию византийских музыкально-теоретических работ, известных по другим кодексам³¹. Однако три раздела порфирьевской рукописи представляют собой нечто новое для подобных сборников: часть, приписываемая Иоанну Глике (fol. 8v.—9), а также два заключительных эссе (fol. 16v.—17v.). Ближайшее знакомство с материалом показывает, что последние листы рукописи излагают небольшие трактаты, рожденные уже поствизантийской музыкально-теоретической мыслью. Это явно не столько по их содержанию, сколько по тексту, обладающему уже почти всеми признаками того языка, который принято именовать новогреческим.

Нас же особенно должно заинтересовать сочинение, приписываемое Иоанну Глике. Насколько я могу судить, в научной литературе не зарегистрировано ни одной рукописи, указывающей на Иоанна Глику как на автора подобного трактата.

Прежде чем привести его текст, необходимо отметить, что в кодексе отсутствует название сочинения. Однако с полным правом его можно толковать как "Ἑρμηνεῖα". Действительно, нетрудно увидеть, что в Codex Petropolitanus Graecus 782, частью которого является интересующий нас опус, используются чаще всего два названия: Ἑρωταποκρίσεις (fol. 1, 8, 13) и Ἑρμηνεῖα (fol. 5, 6, 14, 16). Они же являлись наиболее распространенными заглавиями для аналогичных сочинений, в которых обсуждались проблемы византийской musica practica. Форма же изложения трактата, приписываемого протопсалту Иоанну Глике, лишена вопросов и ответов. Поэтому нет никаких оснований предполагать, что его заглавием могло быть "Ἑρωταποκρίσεις". Уверенность в этом не может поколебать даже то обстоятельство, что в рассматриваемой рукописи сочинение Иоанна Глики излагается вслед за разделом, называемым "Ἑρωταποκρίσεις τῆς ἀπορρόης" (fol. 8.), что при упрощенно-механической реконструкции заглавия, якобы связанного с предшествующей работой, дает повод для иного толкования: "[Ἑρωταποκρίσεις] τοῦ πρωτοψάλτου Ἰωάννου τοῦ Γλυκέως. Ведь хорошо известно, что такие собрания тоψάλτου Ἰωάννου τοῦ Γλυκέως. Ведь хорошо известно, что такие собрания теоретических работ, как Codex Petropolitanus Graecus 782 создавались либо путем копирования отдельных сочинений из различных источников, либо из одного, представлявшего собой антологию трактатов, собранных в один кодекс ранее. Поэтому заглавия сочинений, попавших в общий свод, не зависели от их расположения в новом сборнике. Вместе с тем, форма не только данного сочинения, но и других работ, посвященных аналогичным или близким темам, вынуждают прийти к выводу, что в качестве заглавия

³⁰ Почти половина этого листа оставлена чистой. Как видно, переписчик сохранил место для схемы "колеса Кукузеля".

³¹ См., например: Tardo I. L'antica melurgia bizantina. Grottaferrata, 1938. P. 207—243.

более правдоподобно — "Ερμηνεία". Вспомним хотя бы "Η ἑρμηνεία καὶ παραλλαγή τῆς μουσικῆς" Ιωάννα Λασκαρίσα (конец XIV — начало XV в.) из Codex Atheniensis 2401 (fol. 223)³² или "Ερμηνεία εἰς τὴν μουσικὴν" Παχομίου Русана (1470—1553)³³.

Текст обнаруженного трактата таков:

Fol.8v. [Ερμηνεία] τοῦ πρωτοψάλτου Ἰωάννου τοῦ Γλυκέως·

Ἰσθι ὦ φιλότης, ὅτι κυρίως ἦχοι εἰσι δ', οἵτινες ἔχουσι καὶ δπλαγίους·

ὁ μὲν α^{-ος}, τὸν πλάγιον α'. ὁ β^{-ος} τὸν πλάγιον δευτέρου· ὁ γ^{-ος}, τὸν

ὁ δ^{-ος} τὸν πλάγιον δ'. ἕκαστος δὲ τούτων ἔχει μέσους ἦχους δύο, κύριον

5. πλάγιον ἕτερον· εὐρίσκονται δὲ χωρὶς μέλους, δι() ἀριθμητικοῦ λόγου

οὕτως· εἰ μὲν ἐν τοῖς κυρίοις ἦχοις βούλει εὐρεῖν μέσον κύριον ἦχον, ἀνάβηθι δύο

εὐρήσεις αὐτόν· εἰ δὲ πλάγιον μέσον κυρίου ἦχου ζητεῖς, κατὰβηθι δύο,

σεις ὁμοίως αὐτόν· ἔστω τοίνυν ἀντὶ μὲν τοῦ α^{-ου} ἦχου ἡ μονάς,

β^{-ου} ἡ δυάς, ἀντὶ δὲ τοῦ γ^{-ου} ἡ τριάς, καὶ ἀντὶ τοῦ τετάρτου ἡ τετράς·

10. ζητῶ ἴσθι τοῦ ἦχου, τίς ἐστὶν ἐν τοῖς κυρίοις ὁ τούτου μέσος; συντίθημι

νυν δυάδα τῇ μονάδι, καὶ ποιῶ τρίτον, τρίτος ἄρα ἦχος ἐστὶν ὁ τούτου

ζητῶ ὁμοίως καὶ ἐν τοῖς πλαγίοις, ποῖός ἐστιν ὁ τούτου μέσος; καὶ ἐπειδὴ

αἱ ἀνιούσαι φωναὶ τέσσαρες εἰσι, καὶ αἱ κατιούσαι τέσσαρες ὁμοίως, καὶ

τούτων προχωροῦσιν εἰς πλαγίους· τὰς μὲν τέσσαρας ἀνιούσας φωνὰς

15. εἶναι τοὺς κυρίους τέσσαρας· τὰς δὲ κατιούσας, ὁμοίως τοὺς πλαγίους δ'.

ὑφείλε οὖν ἀπὸ τῆς μονάδος δυάδα, καὶ εἰ οὐ δύνη, δάνεισον τούτου

τέσσαρας, καὶ γίνονται ὁμοῦ ε' ἂν οὖν ἐξέλης ἀπὸ τῶν ε' δυάδα, καταλι-

μπάνονται γ', καὶ ἐστὶ μέσος α^{-ος} ἐν τοῖς πλαγίοις ὁ γ' τῶν πλαγί-

20. ὁ τούτου μέσος ἐν τοῖς κυρίοις, ἵνα διὰ πλείονος πείρας εἰσῶμαι τοῦτον,

προστίθημι (sic) ὡς ἀνωτέρῳ δεδήλωται τῷ τρίτῳ δευτέρῳ, καὶ ποιῶ ε'

ἀπὸ τοῦ ε' τὸν δ^{-ον}, ἐπειδὴ ὑπερβαίνει τὸν δ^{-ον}, καὶ ἐναπελειφθῇ μονάς,

ἥτις ἐτάχθη ἀντὶ τοῦ α^{-ου} ἦχου· ὁ πρῶτος ἄρα ἦχος ἐστὶ μέσος τοῦ γ^{-ου}

25. νάς· ζητῶ ποῖός ἐστι πρῶτος ἐν τοῖς πλαγίοις, καὶ εὐρίσκω τὸν πλάγιον

καὶ ἀπλῶς εἰπεῖν διὰ τοῦ τοιούτου λόγου καταλαμβάνονται πάντες·

τῶς καὶ ἐν τοῖς πλαγίοις τὸ αὐτὸ συμβαίνει, πάλιν ἀντιστρόφως· ἔστω δὲ

ὑποδείγματος, ζητῶ ἴσθι τοῦ πλ.β', ποῖός ἐστιν ὁ τούτου μέσος ἐν τοῖς

καὶ ποιῶ οὕτω· προστίθημι τῷ δευτέρῳ δυάδα, καὶ γίνεται δ'. ζητῶ ἐν τοῖς

30. τίς ἐστὶν ὁ δ', καὶ εὐρίσκω τὸν δ'. ἐπειδὴ πρὸς ἀνάβασιν ἐστὶν ὁ

λόγος· ἀφαιρῶ ὁμοίως β' ἀπὸ τὸν β', καὶ καταντῶ αὐθις εἰς τὸν δ'· ζητῶ

πλαγίοις, καὶ εὐρίσκω τὸν τοῦ δ^{-ου} πλάγιον· ὁ πλάγιος δ' ἦχος μέσος ἄρα

πλαγίοις τῷ πλαγίῳ β'· καὶ οὕτως ἐν ἅπασιν γίνεται· ἐὰν δὲ ἐρῇ σοὶ τις, ὅτι

35. ἦσον πάλιν οὕτως, συντίθει τῷ β^{-ψ} γ', καὶ ποιεῖ ε', ἀφαιρεῖ ἐκ τοῦ ε' τὸν δ',

ἐπειδὴ πάντες οἱ ἦχοι τέσσαρες εἰσι, καὶ οἱ κύριοι, καὶ οἱ πλαγιοί, καὶ

μονάς, ἣν δὲ λογίζομαι ἀντὶ τοῦ α^{-ου} ἦχου· καὶ λέγε ὅτι ἐὰν ἐξέλθω ἀπὸ

φωνὰς ἀνιούσας τρεῖς, εὐρίσκω κύριον ἦχον πρῶτον· εἰ δὲ τὸ ἀνάπαλιν

κατέλθω ἀπὸ τοῦ β^{-ου} φωνὰς τρεῖς κατιούσας, εὐρίσκω τὸν βαρύν· καὶ

40. ὅπως ἐξόπισθεν μετρούμενος, οὕτως εὐρίσκεται· ὕφειλον γ' ἀπὸ τοῦ

Fol.9. ἀληθέστατον, καὶ βέβαιον. μέσος α^{-ος}, γ', καὶ βαρύν· μέσος β',

δ' καὶ πλ.δ'. μέσος γ', α' καὶ πλ.α'. μέσος δ', β' καὶ πλ.β' μέσος πλ.α' γ' καὶ

βαρύν· μέσος πλ.β', δ' καὶ πλ.δ' μέσος βαρύν, α' καὶ πλ.α' μέσος πλ.δ', β'

Εὐρέθησαν οἱ ἦχοι ἐκ τῶν σειρηνίων μελῶν, καὶ ἡριθμήθησαν ἕως τοῦ

5. καὶ ἐκ τούτων οἱ ἕτεροι· τέσσαρες γὰρ ὄντες τὴν τέχνην μεταλικοὶ (sic), ὅ,

δωριος, καὶ λύδιος, καὶ φρύγιος, καὶ μιξολύδιος, ἐπονομάζονται τὰ

των ἐκ τῆς αὐτῶν ἐπιστήμης· καὶ μιᾷ κατασκευάσαντες σωλίνους, ὁ μὲν

χρυσοῦν καὶ ἐκ πηλοῦ διὰ τοῦ πυρός (συνίσταται)³⁴, καὶ ὁ μὲν ἀργυροῦν

³²См.: Bantas Ch. The Treatise on Music by John Laskaris // Studies in Eastern Chant. 1966. Vol. II. P. 22—23.

³³См.: Βαμβουδάκης Εμμ. Συμβολὴ εἰς τὴν σπουδὴν τῆς παρασημαντικῆς Βυζαντινῆς Μουσικῆς. Σάμος, 1938. Τ. Α'. Σ. 46—53.

³⁴Скобки поставлены переписчиком.

- ξύλου, ὁ δὲ χαλκοῦν καὶ μολύβδινον, καὶ ὁ ἕτερος κασιτέρινον (sic) καὶ σιδηροῦν,
10. καὶ στήσαντες αὐτὰ κατὰ τοῦ ἀνέμου, ἐξῆλθεν ἐκ τοῦ χρυσοῦ ὁ α⁻ος, καὶ ἐκ τοῦ πηλοῦ ὁ πλάγιος αὐτοῦ, διὰ τοῦτο ὠνομάσθη, καὶ ὑποδώ-
ριος ὁ αὐτοῦ πλάγιος· ὁ δεῦτερος ἐκ τοῦ ἀργυροῦ, καὶ ὁ τούτου πλά-
γιος ἐκ τοῦ ξύλου· καὶ διὰ τούτου ὠνομάσθη φρύγιος, καὶ ὁ αὐτοῦ πλάγιος υ-
ποφρύγιος· καὶ ὁ τρίτος ἐκ τοῦ χαλκοῦ, καὶ ὁ πλάγιος αὐτοῦ ἐκ τοῦ μο-
15. λύβδου· καὶ διὰ τούτου ὠνομάσθη λύβδιος, καὶ ὁ αὐτοῦ πλάγιος ὑπολύβδιος· καὶ ὁ δ' ἐκ τοῦ κασιτέρου (sic), καὶ ὁ πλάγιος αὐτοῦ ἐκ τοῦ σιδήρου· καὶ διὰ τοῦ-
το ὠνομάσθη μιξολύβδιος, καὶ ὁ αὐτοῦ πλάγιος ὑπομιξολύβδιος· καὶ οὕτως ἐτελέσθησαν οἱ ὀκτὼ ἦχοι.

Перевод ³⁵

“[Объяснение] протопсалта Иоанна Глики.

Знай, друг, что существует 4 основных ихоса³⁶, которые имеют и 4 плагальных, то есть первый [ихос имеет] первый плагальный³⁷, второй — плагальный второго, третий — низкий, четвертый — четвертый плагальный. Каждый из них имеет два срединных ихоса: один — основной, а другой — плагальный³⁸. Они обнаруживаются без мелоса, [а] посредством арифметического исчисления следующим образом.

Если ты хочешь обнаружить срединный основной ихос среди основных ихосов, то поднимись на 2 фони³⁹ и ты обнаружишь его. Если ты ищешь срединный плагальный основного ихоса⁴⁰, то опустишься на 2 [фони] и ты обнаружишь его аналогичным образом.

Итак, пусть вместо первого ихоса существует единица, вместо второго — двойка, вместо третьего — тройка, вместо четвертого — четверка. Так вот, знай, что я ищу: какой является срединным среди основных [для первого основного] ихоса? Тогда я складываю двойку с единицей и получаю тройку. Стало быть, срединным является третий ихос. Точно так же я ищу [и далее]: какой является его срединным среди плагальных [ихосов]? Так как существует всего 4 восходящие и также 4 нисходящие фони⁴¹ и по этим [нисходящим] двигаются к плагальным, то знай, что 4 восходящие фони — суть четыре основных [ихоса], а нисходящие, сходным образом, — четыре плагальных. Следовательно, отними от единицы двойку, а если ты не можешь, то

³⁵ Совершенно очевидно, что отдельные фрагменты приведенного греческого текста испорчены. Его детальная реконструкция — дело будущего. Поэтому в “темных местах” предлагаемый перевод следует не столько за грамматической конструкцией конкретного отрывка, сколько за общим направлением его содержания.

³⁶ Безусловно, рукописное *kurios* требует исправления на *kyrioi*. Я сознательно даю транслитерацию греческого *ἦχος* и не использую “глас”. Конечно, термин средневековой русской музыки “глас” возник как перевод *ἦχος*. Однако пути исторического развития “гласа” и “ихоса” оказались различными и их отождествление всегда чревато серьезными недоразумениями.

³⁷ Византийские теоретики музыки в таких случаях чаще всего применяли *genetivus possessivus*: *τὸν πλάγιον τοῦ πρώτου* — так, как изложена следующая фраза текста.

³⁸ То есть один срединный находится среди основных ихосов, а другой — среди плагальных.

³⁹ Термин *φωνή* в византийской музыкальной теории имел много значений. В данном случае он используется для обозначения интервала между двумя последовательными ступенями звукоряда. Повышение или понижение на два таких интервала независимо от их акустической величины приводило к основному звуку срединного ихоса.

⁴⁰ Иными словами: срединный ихос плагального, но находящийся среди основных ихосов.

⁴¹ Согласно положениям византийской теории музыки система октоиха состояла из 4 основных (*kyrioi*) и четырех плагальных (*plagioi*). Начальные звуки первых возникали при постепенном движении вверх, а вторых — при аналогичном движении вниз.

приращением собрания, Н. П. Лихачев договорился с монахами Пантелеймоновского монастыря о покупке для него икон в соответствии с данной им инструкцией. Прекрасной иллюстрацией служит письмо иеродьяконов Димитрия и Гавриила, которые уточняли — приобретать ли им, кроме икон Богоматери, образа святых и каких именно³⁴. К сожалению, сегодня документально подтверждается афонское происхождение только трех памятников: Богоматерь Одигитрия, Иверская Богоматерь и болгарский триптих тряпвенской школы³⁵. Значительную финансовую помощь в собирании коллекций исследователю оказывала его теща — Анна Карпова. По этому поводу уместно привести малоизвестную особенность этой помощи. Н. П. Лихачева нередко обвиняли в том, что он стремился сделать карьеру и получить орден или другой отличительный знак. Часто видели, как он расстраивался, если не получал отличий. Но мало кто знал, что его теща, происходившая из знаменитого купеческого рода Морозовых и обладавшая миллионами, поставила условие: за каждый орден либо отличие она выдавала миллионы, поставила условие: за каждый орден либо отличие она выдавала зятю 10 тыс. рублей на пополнение коллекций. Более того, если покупки превышали эту сумму, а Н. П. Лихачев в подобных случаях покупал на 20 тыс. рублей, она благосклонно оплачивала и эту разницу³⁶. Н. П. Лихачеву удалось собрать лучшее из того, что появлялось на антикварном рынке, поскольку в конце XIX — начале XX в. европейские ученые и коллекционеры мало интересовались поствизантийскими произведениями. С собиранием русского ученого в начале XX в. не могла соперничать ни одна музейная или частная коллекция в мире. Даже сегодня, благодаря этим памятникам, Эрмитаж, где хранится поствизантийский раздел собрания Н. П. Лихачева, остается одним из крупнейших мировых хранилищ поствизантийской живописи. Однако заслуга Н. П. Лихачева не только в том, что он собрал уникальную коллекцию, он предпринял ее научную обработку и публикацию. Практически наш соотечественник первый поставил вопрос об исторической и художественной ценности поствизантийского искусства. В 1906 г. вышли три тома атласа “Материалы для истории русского иконописания”³⁷. В одном из них были собраны византийские и поствизантийские произведения, большей частью из коллекции автора. К сожалению, намечавшееся в дополнение к этому атласу фундаментальное исследование по иконописи, некогда заказанное А. А. Назаровым, так и не было осуществлено. Лишь часть этого труда увидела свет в 1911 г.³⁸

Среди более 270 нерусских произведений коллекции собственно византийских памятников было немного, и они, конечно, не отражали всего многообразия византийского художественного творчества. Наиболее древней иконой XI—XII вв. является св. Стефан в рост, относящаяся по своим художественным особенностям к провинциальному кругу³⁹. Много споров и противоречивых атрибуций вызывает другой образ св. Стефана — поясной. Разнохарактерность живописи ликов и одежд пытаются объяснить то антикварными чинками или записями, то стилистическими особенностями провинциальной

³⁴ Архив АН СССР. Ф. 246 Оп. 3. Д. 146. Л. 1—2.

³⁵ Пятницкий Ю. А. О происхождении некоторых икон... С. 136—137.

³⁶ Боровкова-Майкова М. С. Мои воспоминания об академиках Н. К. Никольском и Н. П. Лихачеве // Архив АН СССР. Ф. 738. Оп. 3. Л. 26.

³⁷ Лихачев Н. П. Материалы для истории русского иконописания. СПб., 1906. Т. I—II.

³⁸ Лихачев Н. П. Историческое значение итапо-греческой иконописи. СПб., 1911.

³⁹ Искусство Византии в собраниях СССР. Вып. 2. № 467.

византийской живописи рубежа XIV—XV вв.⁴⁰ Ярким примером техники и художественных приемов греческой иконописи XIV в. может служить створка складня с изображением Иоанна Предтечи. Особое место занимает византийская мозаичная икона Четыре святителя в живописной раме с частицами мощей представленных на раме святых. Мозаика рассматривается как константинопольская работа первой половины XIV в. Высокий уровень живописи обрамления позволяет отнести ее также к столичной школе, хотя, возможно, оно было выполнено несколько позднее мозаики, но, несомненно, в пределах XIV в.⁴¹

Памятники XV—XIX вв. дают представление о всех ведущих направлениях поствизантийской живописи. Наиболее тщательно и полно подобраны итало-греческие иконы. Особую ценность коллекции придают датированные и подписанные произведения: Анджело Бизамани, Николая Зафури, Эммануила Лампардоса, Эммануила Тзанеса, Марка, Якова Дарона, Ильи Мосхоса, Виктора и других мастеров. Многие иконы еще остаются под записями и их дальнейшее изучение несомненно откроет новые подписные и датированные памятники. Такие произведения служат своеобразными вехами в построении истории поствизантийской живописи. Менее обширны, но не менее значительны по ценности, комплексы афонских, славянских, собственно греческих икон. Даже первичные шаги по систематическому изучению коллекции, предпринятые в последние годы, показывают, что она обладает огромным научным потенциалом. Приходится лишь восхититься прозорливости и научному чутью Н. П. Лихачева, еще в конце XIX в. оценившего значение этого материала для раскрытия культуры Средиземноморья и обогатившего русскую науку прекрасно подобранной и высокоценной коллекцией. Уникальность и разносторонность личности Н. П. Лихачева наиболее наглядно была продемонстрирована на фундаментальной выставке, подготовленной ленинградскими музеями и архивами и посвященной коллекционерской деятельности ученого⁴².

В XX столетие Россия вступила с общепризнанным приоритетом в изучении средневековой культуры. Всему научному миру были известны имена Н. П. Лихачева, Н. П. Кондакова, Д. В. Айналова, Я. И. Смирнова. Многие зарубежные византилисты специально изучали русский язык, чтобы знакомиться с выходившими в России книгами и статьями. В немалой степени бурное развитие искусствознания в нашей стране было обусловлено богатейшим фондом византийских, поствизантийских и древнерусских памятников, накопленных в государственных и частных музеях. Однако размеренное и спокойное изучение иконописи пересеклось с эстетикой художественных течений начала XX в. Полихромная красочность иконы, освобожденная из-под потемневшей олифы, внешне была созвучна новейшему искусству Запада. Восторженные отзывы о русской иконописи Анри Матисса, посетившего

в 1911 г. Россию, еще более способствовали попыткам сопоставить эти столь чуждые по своей сути явления художественной культуры. В искусствоведении появился новый так называемый "эстетический" подход в оценке средневековой живописи. Выразителями этого нового течения стали, в основном, московские художники и искусствоведы: Н. П. Муратов, Н. М. Щекотов, А. А. Грищенко, И. Э. Грабарь, И. С. Остроухов и другие, к которым примкнул петербургский художник Н. К. Рерих. В своей основе это было декадентское направление, без достаточного научного багажа. Его сущность наиболее четко сформулировал в 1914 г. П. П. Муратов. "Древнерусская иконопись, — писал он, — искусство для художника и для собирателя. Качества его понятны немногим. [...] Древнерусская иконопись обращается к артистической восприимчивости, превышающей средний уровень ее в людях. От нехудожника нельзя требовать ответа на внушения этого искусства, почти исключаяющего возможность всякого иного подхода, кроме строго и чисто эстетического"⁴³. Ко всему, что было сделано в русской науке до 1910-х годов это новое направление отнеслось отрицательно, подвергнув грубому огульному осуждению и насмешке своих предшественников. В полемическом азарте Н. К. Рерих даже написал: "Слушая мертвую речь о прекрасных живописных изображениях, часто думалось, не лучше ли творениям этим погибнуть, нежели вызывать суждения столь далекие от творчества, от красоты!"⁴⁴ Это направление, метко названное искусствоведом А. И. Некрасовым "эстетствующей журналистикой", заняло ведущее место в русском искусствознании предреволюционной поры. Оно имело большое влияние на широкую публику. Однако отвергая и осмеивая представителей старой школы, "эстетствующая журналистика" не создала науки о средневековой живописи. Изысканность вкуса и артистичность души не могут заменить знаний и научной методологии⁴⁵. В результате поэзия заменила науку. Эти новые тенденции отразились и на коллекционировании иконописи. Собирать древние иконы стало престижно и модно. Восхищение иконой свидетельствовало о тонкой изысканности вкуса и известном патриотизме. Многие коллекционеры обязательно желали иметь среди своих раритетов произведения иконописи. Особенно ярко это проявилось в купеческой Москве. Именно в это время к иконе обратился А. В. Морозов, славившийся своими уникальными коллекциями фарфора и табакерок⁴⁶. Л. К. Зубалов объединил иконы с картинами старых мастеров, гобеленами, фарфором и драгоценностями. Практически он скупил для своей коллекции большую часть византийских и поствизантийских произведений, имевшихся у московских торговцев-антикваров. В. И. Антонова приводит сведения, что иконы скупались им оптом, в отличных дубовых, окованных медью витринах⁴⁷. В этих самых рамках-витринах многие иконы хранились до недавнего времени в Историческом музее в Москве. Среди них следует выделить житийный образ

⁴⁰ Кондаков Н. П. Русская икона. Пр., 1931. Т. 3. Часть I. С. 98—99; Смирнов А. П. Памятники византийской живописи. Государственный Русский музей. Л., 1925. С. 11, 27; Искусство Византии в собраниях СССР. Вып. 2. № 466; Этингер О. Е. Икона "Первомученик Стефан" // Сообщения ГЭ. 1982. Вып. XLVII. С. 71—73.

⁴¹ Искусство Византии в собраниях СССР. Вып. 3. № 932, 942, 943; Банк А. В. Мозаичная икона из собрания Н. П. Лихачева // Из истории русского и западноевропейского искусства. М., 1960. С. 185—193; Пятницкий Ю. А. Византийская и поствизантийская иконопись // Из коллекций академика Н. П. Лихачева. Каталог выставки. СПб., 1993. С. 77—127.

⁴² Из коллекций академика Н. П. Лихачева: Каталог выставки. СПб., 1993. С. 77—127.

⁴³ Муратов П. П. Древнерусская иконопись в собрании И. С. Остроухова. М., 1914. С. 1.

⁴⁴ Рерих Н. Письмо художника // Русская икона. СПб., 1914. Сб. I. С. 14.

⁴⁵ Пятницкий Ю. А. Доклад Н. П. Лихачева "Об иконе Владимирской Божией Матери" // ВДИ (в печати).

⁴⁶ Каталог древнерусской живописи / Сост. В. И. Антонова, Н. Е. Мнева. М., 1963. Т. I. С. 23; Лазаревский Ив. Собрание фарфора А. В. Морозова // Столица и усадьба. Пг., 1916. № 64—65. С. 8—11; Среди коллекционеров. М., 1922. № 5. С. 59—60; Самецкая Е. Б. А. В. Морозов и создание Государственного музея керамики // Музей. 1986. № 6. С. 159—165.

⁴⁷ Каталог древнерусской живописи. 1963. Т. I. С. 24; Музей. 1982. № 3. С. 26.

Св. Феодосия Великого XVI в.; Св. Георгия с отсеченной головой (датована Е. С. Овчинниковой XV—XVI вв.); Богоматерь с младенцем на троне (XV—XVI вв.; ранее — у Н. П. Постникова); Двойное чудо Св. Георгия (датована Е. С. Овчинниковой XVI — началом XVII в.); Успение Богородицы и Иоанн Предтеча — ангел пустыни (обе ранее у братьев Чириковых); парные подписные Христос Великий Архирей и Богоматерь Страстная (работы мастера начала XVII в. Иеремии Критянина); несколько Мадонн и изумительной сохранности триптих⁴⁸. Из коллекции Л. К. Зубалова происходит уникальный образ Св. Григория Паламы конца XIV в.⁴⁹

Небольшое собрание итало-греческих икон имел художник В. М. Васнецов. На выставке 1911—1912 гг. по случаю Первого Всероссийского съезда художников он показал парные греческие иконы апостолов Петра и Павла XV в., Богоматерь Млекопитательницу и Св. Георгия XVI—XVII вв.⁵⁰

С московскими собраниями С. П. Рябушинского и И. С. Остроухова часто связывают "подлинное открытие красоты" древней иконы. Однако оба собрания сложились довольно поздно и хотя действительно обладали прекрасными памятниками, но по своему значению далеко уступали коллекциям П. И. Севастьянова и Н. П. Лихачева. В 1905 г. в России было официально разрешено старообрядческое вероисповедание. Открытие новых старообрядческих церквей повлекло к активизации иконной торговли, поскольку старообрядцы украшали свои храмы исключительно древними образами. В 1911 г. С. П. Рябушинский украсил старыми иконами Покровско-Успенский храм в Москве. Одновременно у него стала складываться личная коллекция икон. Неограниченные финансовые возможности позволили ему в короткое время собрать целый музей иконописи⁵¹. Наряду с русскими памятниками у С. П. Рябушинского были болгарский образ Иоанна Предтечи — ангела пустыни с житийными сценами, датированный 1596 г.⁵²; Иоанн Златоуст XIV в. Последняя икона, хотя и относилась исследователями к московской школе, но отмечена сильным византийским влиянием, не исключено, что она является работой греческого либо балканского мастера на Руси⁵³.

Илья Семенович Остроухов (1858—1929) соединял в себе черты типичного именитого московского купца и художника-живописца. Происходя из торговой среды, он женился на богатейшей невесте Москвы — Надежде Боткиной и постепенно забросил художественное творчество. Коллекционировал он бестолково и по-любительски прихотливо. Долгое время он относился к иконописи равнодушно и откровенно признавался, что икона ему ничего не говорит. Начало новой иконной коллекции было положено лишь

в ноябре 1909 г. А. Н. Бенуа приводит любопытный рассказ об этом: «...началось это с того, что друзья подарили ему (И. С. Остроухову. — П. Ю.) на рождение прекрасную икону XV в. "его" святого — Ильи Пророка, и тут, не то благодаря тому сильному впечатлению он прозрел, не то своим нюхом торгового человека почуял какие-то чрезвычайные возможности, ведь затрачивая не очень высокие суммы, он мог обзавестись величайшими редкостями, которые могли ему принести не только коллекционерский гонорар, но и создать себе нечто вроде патристического ореола. Благодаря ряду необычайно удачных приобретений, делавшихся обыкновенно через посредство его приятеля, хранителя Третьяковской галереи Н. Н. Черногоубова (человека тончайшего вкуса, понаторевшего в коллекционерских комбинациях и лукавствах), он добился того, что имя его стало синонимом самого передового, самого просвещенного собирателя, к тому же оказавшего бесценные услуги русской культуре»⁵⁴. Не обладая особыми познаниями в иконописи, И. С. Остроухов постоянно консультировался по вопросам атрибуции с Н. П. Лихачевым⁵⁵, палеографом А. И. Соболевским⁵⁶, позднее П. П. Муратовым⁵⁷. Особый восторг коллекционера, как можно судить по его переписке с графом Д. И. Толстым, вызывал процесс расчистки памятника, освобождение "красоты" из-под записей и олифы⁵⁸. Нередко в угоду "эстетике" собирателя реставраторы сознательно искажали древнее произведение, очищая авторскую живопись и изменяя фон⁵⁹. Греческие памятники были представлены в коллекции И. С. Остроухова единичными, но исключительными по достоинству образцами. Царские двери второй четверти XV в. с изображением Благовещения и евангелистов относятся к тем греческим произведениям, которые, по-видимому, были созданы непосредственно на Руси⁶⁰.

В 1912 г. И. С. Остроухов приобрел одну из лучших икон собрания И. П. Носова — Богоматерь с младенцем XV в. (?). Оригинальная иконография и поразительно изысканный колорит, построенный на тончайших цветовых оттенках, отличают это замечательное произведение⁶¹. Благодаря дружеским отношениям с петербургским антикваром М. М. Савостиным коллекция пополнилась монументальным, прекрасной сохранности Пантократором, привезенным в феврале 1914 г. из Константинополя. В том же году И. С. Остроухов достался образ св. Пантелеймона, происходящий из окрестностей Адрианополя в Турции⁶². Хотя атрибуция обоих памятников довольно сложна и датировка неустойчива, они бесспорно относятся к интереснейшим

⁵⁴ Бенуа А. Н. Мои воспоминания. М., 1990. Кн. IV. С. 363.

⁵⁵ ЦГАЛИ. Ф. 822. Оп. I. Д. 1041. Л. 1—2 (осмотр икон Н. П. Лихачевым 17 марта 1910 г.).

⁵⁶ ЦГАЛИ. Ф. 822. Оп. I. Д. 40. Л. 36 (осмотр икон А. И. Соболевским 29 мая 1912 г.).

⁵⁷ Муратов П. П. Древнерусская иконопись в собрании И. С. Остроухова. М., 1914.

⁵⁸ ЦГИА СССР. Ф. 696. Оп. I. Д. 477.

⁵⁹ Никифорова Н. А. Об изменении композиции иконы "Чудо Георгия о змие" // Памятники культуры: Исследование и реставрация. М.; Л., 1963. Т. I. С. 144—147; Бобров Ю. Г. История реставрации древнерусской живописи. Л., 1987. С. 38—39.

⁶⁰ Смирнова Э. С. Указ. соч. № 111, 112.

⁶¹ Кондаков Н. П. Иконография Богоматери: Связи греческой и русской иконописи с итальянской живописью Раннего Возрождения. СПб., 1911. С. 74, рис. 62; Каталог древнерусской живописи. Т. I. № 339.

⁶² Воспоминания антиквара М. М. Савостина // ГРМ, сектор рукописей. Ф. 131. Д. 1. Л. 134; Переписка И. С. Остроухова с Н. П. Кондаковым // Архив АН СССР. Ф. 115. Оп. 2. Д. 283. Л. 2—4; Искусство Византии в собраниях СССР. Вып. 2, № 465; Вып. 3, № 948; Эттингер О. Е. Икона "Первомученик Стефан" // Сообщения ГЭ. 1982. Вып. XLVII. С. 72.

⁴⁸ Овчинникова Е. С. Житийная икона Феодосия Великого. // Культура и искусство Византии. Тезисы докладов научной конференции. Л., 1975. С. 36—37; Она же. Икона "Георгий с отсеченной головой" в собрании Московского Исторического музея // Византия. Южные славяне и древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура. М., 1973. С. 164—171; Она же. Вновь открытый памятник станковой живописи из собрания Государственного Исторического музея // ВВ. 1976. Т. 37. С. 229—234; Искусство Византии в собраниях СССР. Вып. 3. № 979, 984; Кызласова И. Л. Русская икона XIV—XVI веков. Л., 1988. № 104, 109—111.

⁴⁹ Искусство Византии в собраниях СССР. Вып. 3. № 949.

⁵⁰ Георгиевский В. Т. Обзор выставки древнерусской иконописи. СПб., 1915. Табл. I—IV.

⁵¹ Пунин Н. Эллинизм и Восток в иконописи: По поводу собрания икон И. С. Остроухова и С. П. Рябушинского // Русская икона. СПб., 1914. Т. III. С. 180—197.

⁵² Кызласова И. Л. Русская икона XIV—XVI веков. № 112, 113.

⁵³ Смирнова Э. С. Московская икона XIV—XVII вв. № 66, 67.

произведениям византийского (или поствизантийского) искусства в собраниях быв. Советского Союза.

В 1910-х годах, при всеобщем интересе к иконописи, киевские коллекционеры В. Н. и Б. И. Ханенко пополнили свои собрания образцами италийской живописи. У римского антиквара Тирони были куплены два подписных произведения мастера XVII в. Феодора Пулакиса: О тебе радуется и Страшный суд. В 1914 г. в Париже, на аукционе А. Самбона была приобретена Богоматерь Одигитрия XV в.⁶³

Повышение спроса на византийскую и поствизантийскую иконопись вызвало интересное, новое для России явление. Для удовлетворения спроса русские торговцы-антиквары начали скупать древние памятники на аукционах Западной Европы, а также предпринимали специальные поездки по Средиземноморью, всеми правдами и неправдами добывая интересные произведения. О таких поездках перед первой мировой войной писал в своих мемуарах антиквар М. М. Савостин⁶⁴.

1917 год резко изменил жизнь России. Коренные изменения произошли и в судьбе византийских и поствизантийских памятников, хранившихся в нашей стране. Октябрьские события 1917 г. сопровождалась, как и любая революция, массовой гибелью памятников культуры: волна грабежей, пожаров, вандализма, спекуляции и вывоза художественных сокровищ за границу захлестнула Россию. Малоэффективны, особенно в провинции, были и первые шаги новой власти по сохранению культурного наследия. 4(17) ноября 1917 г. появилось Воззвание к гражданам России, которое призывало: "Граждане, не трогайте ни одного камня, охраняйте памятники, здания, старые вещи, документы — все это ваша история, ваша гордость"⁶⁵. В сентябре 1918 г. был утвержден декрет, запрещающий вывоз и продажу за границу художественных и исторических ценностей. В октябре 1918 г. вышел декрет "О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины". Эти декреты, конечно, сыграли положительную, стабилизирующую роль в охваченной революционным порывом, а затем гражданской войной стране. Особенно действенным они оказались в крупных центрах, где были сосредоточены основные художественные коллекции. Однако, на наш взгляд, не менее важную роль сыграл естественный процесс концентрации частных коллекций в государственных хранилищах. Еще в 1914 г. после начала первой мировой войны, некоторые владельцы передали свои коллекции во временное пользование или на хранение в музеи. В беспокоеное предреволюционное время и особенно в 1917—1918 гг. подобная практика получила широкое распространение. Так были в это время сохранены, к примеру, собрания князей Мещерских, С. Н. Китаева, Н. В. Баснина, Л. К. Зубалова — в Москве; Боткиных, Олив, князей Мекленбург-Стрелицких, Ф. П. Толстого, П. А. Голубина, Д. С. Большакова — в Петербурге. Крупнейшие частные собрания получили статус государственных музеев. Дом И. С. Остроухова стал филиалом Третьяковской галереи, собрание А. В. Морозова превратилось в Музей русской художественной старины. Музеями стали дворцы Юсуповых, Шереметевых, Шуваловых, Строгановых в Петербурге. В то же время отдель-

ные ценные предметы и целые коллекции концентрировались в специально созданном Государственном музейном фонде, откуда уже распределялись в центральные и периферийные музеи, а также в фирму "Антиквариат" для продажи за границу. В этой деятельности по сохранению и дальнейшему перераспределению художественных сокровищ были свои как положительные, так и отрицательные стороны. Многие расхищались, продавались за бесценок, нередко истинная значимость редкой вещи не была понята и ее следы терялись. Разрушались исторически сложившиеся комплексы и коллекции. Но одновременно представилась уникальная возможность пополнить центральные музеи именно теми произведениями или разделами, которые не были в них представлены. Практически именно в послереволюционные годы в России сформировался новый тип музея, в котором нашло отражение единство процесса развития мировой культуры. Свое достойное место в таком музее заняла византийская, поствизантийская и древнерусская живопись⁶⁶. Следует отметить, что печально известная кампания по продаже и вывозу из России художественных ценностей, к счастью, почти не коснулась фондов византийской и поствизантийской иконописи.

Русская революция 1917 г. впервые дала ученым возможность исследования и научной реставрации наиболее древних и, как правило, наиболее почитаемых икон, хранившихся в храмах России. В июне 1918 г. была создана Всероссийская Комиссия по раскрытию памятников искусства при Отделе по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса, позднее реорганизованная в Центральные государственные реставрационные мастерские (ЦГРМ). Возглавил ее И. Э. Грабарь. В первые же годы своей работы Комиссия организовала экспедиции во Владимир, Суздаль, Тверь, Новгород, Псков, Рязань, Ростов Великий, Архангельск, Вологду, две поездки по волжским городам; раскрыла из-под записей многие памятники Московского Кремля, обследовала храмы Подмоскovie и таким образом спасла для потомков десятки шедевров средневекового искусства. Именно после революции были расчищены Владимирская Богоматерь, Боголюбская, Максимова, Троица Андрея Рублева, Звенигородский чин, Ярославская Оранта, Устюжское Благовещение, Димитрий Солунский, иконы Толгской Богоматери и множество других, составивших основу научной разработки истории византийской и древнерусской живописи. Сегодня, по прошествии десятков лет, обладая запасом новых, неизвестных в 1920—1930-е годы фактов и раскрытых византийских и древнерусских произведений, применяя новейшие

⁶³ Из обширной литературы можно выделить: *Троицкая Н.* Музейное строительство и революция // Наука и искусство. М.; Л., 1926. № 1. С. 29—53; *Каргер М.* Паспортизация памятников старины, искусства и революционного движения // Сообщения ГАИМК. Л., 1932. № 1—2. С. 69—70; *Зыбковец В. Ф.* Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917—1921 гг.). М., 1975; *Шербина В. Р.* Ленинские принципы охраны историко-культурного наследия // Памятники Отечества. М., 1980. № 1 (1). С. 17—22; *Шаронов Ф. И., Печерский М. Д.* Из истории охраны памятников в РСФСР // Памятники Отечества. М., 1983. № 1 (7). С. 148—152; *Грубачева М. С.* Из истории охраны памятников в первые годы советской власти: Комиссия по охране памятников старины и искусства Троице-Сергиевой Лавры 1918—1925 годов // Музей. М., 1984. № 5. С. 152—165; *Горелова С.* Мероприятия советского правительства по охране памятников искусства (1917—1941) // Искусство. 1987. № 8. С. 37—42; Из истории охраны памятников культуры (1918—1920 гг.) / Публ. подгот. И. А. Маркиной // Советские архивы. 1987. № 6. С. 52—55; *Кашеева Е. В.* Практические меры Советской власти по сохранению музейных собраний (Москва, Петроград, 1917—1921) // ВМУ. Серия история. 1987. № 5. С. 38—49; Культурное строительство в СССР 1917—1927: Разработка единой государственной политики в области культуры: Документы и материалы. М., 1989.

⁶⁴ Киевский государственный музей западного и восточного искусства: Каталог западноевропейской живописи и скульптуры. М., 1961. С. 24—25; *Акинша К.* Забытый меценат // Наше наследие. 1989. № V (11). С. 28—38.

⁶⁵ ГРМ, сектор рукописей. Ф. 131. Д. 1.

⁶⁶ Известия ЦИК. 1917. 4(17) ноября.

технические достижения легко можно было бы найти множество недостатков в работах того периода. Но в условиях сметающих все на своем пути пожара революции и гражданской войны, голода, массового психоза антирелигиозной пропаганды и борьбы с социально чуждыми элементами — деятельность ученых, реставраторов, музейщиков тех лет является подвигом⁶⁷.

В конце 1920-х и середине 1930-х годов иконы из ЦГРМ были переданы в центральные хранилища: Третьяковскую галерею и Исторический музей в Москве, Русский музей в Ленинграде. В 1934 г. секция древнерусской живописи ЦГРМ была переведена в Третьяковскую галерею, к которой перешли и функции по планомерному обследованию древнерусских центров и отбору памятников иконописи⁶⁸. В музейном деле в эти годы наблюдаются активные поиски новых подходов в экспонировании произведений, создании комплексных экспозиций. Наиболее удачным и ярким примером могла бы служить новая развеска древнерусских, византийских и поствизантийских произведений в залах Русского музея в Ленинграде в 1928 г. Здесь была сделана попытка дать представление о взаимосвязи, общей направленности в развитии и специфических особенностях православной иконописи. Но одновременно отражены наиболее типичные, отличительные черты различных школ и направлений⁶⁹. Поиски новых решений сопровождались бурной деятельностью по перераспределению музейных фондов. К 1941 г. основные фонды иконописи крупнейших музеев страны были сформированы практически в том виде, в котором они дошли до сегодняшнего дня.

На данный момент главные хранилища византийских и поствизантийских икон находятся в Москве, С.-Петербурге, Киеве, хотя отдельные произведения хранятся во многих провинциальных музеях и даже действующих храмах. Большинство московских музеев обладает византийскими или поствизантийскими памятниками. Прекрасные, но немногочисленные образцы есть в Третьяковской галерее, Музее изобразительных искусств, музее имени Андрея Рублева, церковно-археологическом кабинете Московской Духовной Академии, музеях Московского Кремля. Однако ни в одном из этих музеев они не отражают ни всего многообразия византийской и поствизантийской живописи, ни истории бытования памятников этой живописи в России. Происходящие из разных собраний и хранилищ, они были смешаны и перераспределены, т.е. искусственно вырваны из своей исторической среды. В несколько лучшем положении находится Исторический музей. Здесь сохранилась практически в полной целостности коллекция поствизантийских икон графа А. С. Уварова, сформированная в середине XIX в. Московская часть собрания П. И. Севастьянова, некогда завещанная им Румянцевскому и Публичному музеям, хотя и лишилась нескольких первоклассных образцов византийской живописи, но в своем основном объеме также находится в Историческом музее. Здесь же мы можем видеть и большую часть произведений из коллекции Л. К. Зубалова.

Совсем иная ситуация сложилась в С.-Петербурге. Основным хранилищем здесь выступает Эрмитаж, куда в 1930-е годы почти полностью поступили иконы, собранные во время афонских экспедиций П. И. Севастьянова, греческая часть коллекции Н. П. Лихачева, собрания музея Русского Археологиче-

ского института в Константинополе и храма-памятника 300-летия Дома Романовых в Тярлево, а также небольшие коллекции В. В. Шереметева, Н. Ф. Селиванова, Н. П. Кондакова и греческие иконы из музеев различных Петербургских обществ и учреждений. Таким образом была сохранена историческая целостность формирований, позволяющая проследить историю бытования, а подчас и происхождения отдельных памятников⁷⁰.

В Русском музее находится незначительное количество византийских и поствизантийских произведений. Они были оставлены здесь в 1930-х годах и исторически, конечно, связаны с иконами, хранящимися ныне в Эрмитаже. Однако это дробление, на наш взгляд, серьезно не нарушило исторической целостности собраний.

Киевские музеи серьезно пострадали во время второй мировой войны. Особенно значительный урон был нанесен византийским и поствизантийским произведениям. Сегодня Киевский музей западного и восточного искусства хранит лишь энкаустичные иконы из коллекции архимандрита Порфирия Успенского, византийскую портативную мозаику и несколько итало-греческих икон из собрания В. И. и Б. Н. Ханенко. Остальная часть, некогда богатейшего фонда, числится пропавшим.

Византийские иконы Советских хранилищ благодаря трудам В. Н. Лазарева, В. И. Антоновой, Н. Е. Мневой, А. В. Банк и других исследователей в значительной своей части получили известность. Большую роль сыграла фундаментальная выставка византийского искусства в Ленинграде и Москве в 1975—1977 гг. Поствизантийские же произведения остались практически не исследованными и не введенными в научный оборот. Лишь в последние годы, при возросшем интересе к культуре Византии и Древней Руси началось освоение этого материала. Несколько крупных выставок в Москве и С.-Петербурге, проведенных к Международному конгрессу византистов, можно рассматривать как первые шаги к созданию фундаментальных корпусов византийской и поствизантийской иконы в России.

⁶⁷ Вздорнов Г. И. Комиссия по сохранению и раскрытию памятников древней живописи в России. 1918—1924 // Советское искусствознание '80. М., 1981. Вып. 2. С. 306—331.

⁶⁸ Каталог древнерусской живописи. Т. I. С. 34—35.

⁶⁹ Смирнов А. П. Памятники византийской живописи: Государственный Русский музей. Л., 1928.

⁷⁰ Пятницкий Ю. А. О происхождении некоторых икон из собрания Эрмитажа... С. 126—140; Он же. Происхождение икон с Афона... С. 42—44.

В.Г. Пуцко

ВИЗАНТИЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ИСКУССТВЕ МОСКОВСКОЙ РУСИ **(“СПАС В СИЛАХ” В РУССКОЙ ЖИВОПИСИ XIV–XV вв.)**

Распространение иконографической композиции, известной в специальной литературе под названием “Спас в силах”, имеет свою сложную предысторию. Она возникла в восточнохристианском искусстве раннего средневековья и затем сделалась весьма популярной на Западе. В Византии, и особенно в Константинополе, эта тема развития не получила: известные нам памятники можно рассматривать не иначе, как ряд эпизодических разрозненных явлений.

Вопросы генезиса иконографической схемы икон “Спас в силах” не служили предметом специальных разысканий¹. Между тем их освещение проливает свет как на непосредственные источники иконографии московского искусства XIV–XV вв., так и на методы их усвоения и разработки. Для уяснения эволюции интересующей нас иконографической схемы необходимо хотя бы в самых общих чертах представить развитие композиции *Maiestas Domini* — изображений Христа во славе с поклоняющимися ему четырьмя живыми существами.

* * *

В основе изображений Христа во славе находится обобщенный образ, созданный под воздействием библейских текстов, описывающих видения пророков Исаии, Иезекииля и Даниила, дополненных концепцией апокалиптического видения Иоанна Богослова². На формирование иконографии Христа-Царя сильнейшее влияние оказала идеология Римской империи и

¹ В основе ст. текст нашего докл.: “Спас в силах” в русской живописи конца XIV – начала XV в. (Конф. “Искусство и культура эпохи Куликовской битвы”, М., 24–25 сентября, 1980). Замечания о структуре иконографической схемы и её истоках см.: Буслаев Ф.И. Русский лицевой Апокалипсис. М., 1984. С. 79, 191–204, 299; *Didron M.* Iconographie chrétienne. P., 1843. P. 117–119; *Scheffer N.* Symbolis of the Russian Icon // *Gazette des beaux-arts*, 1944. N 1. P. 82–84, fig. 9; *Ouspensky L., Lossky V.* The Meaning of Icon. Olten; Boston, 1952. P. 73–74; Каталог древнерусской живописи / Антонова В.И., Мнева К.Е. М., 1963. Т. 1. С. 229; *Алпатов М.* Андрей Рублев. М., 1972. С. 155–156; *Пуцко М.Н., Пуцко В.Г.* Zwei Denkmäler der rostover Ikonenmalerei des 16. Jahrhunderts // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. B., 1975. Bd. 21. S. 7–11. Abb. 1, 2.

² Основы композиции и ее иконографическая традиция наиболее тщательно прослежены в исслед.: *Dobrzaniecki T.* *Maiestas Domini w zabytkach polskich i obcych z Polska zwiazanych* // *Rocznik Muzeum Narodowego w Warszawie*. 1973. T. XVII; 1974. T. XVIII; 1975. T. XIX.

особенно императорская иконография с её многочисленными атрибутами. Литургия, совершавшаяся в базилике в присутствии невидимого Царя Славы и по своей торжественности приближавшаяся к придворному церемониалу, во многих отношениях обусловила характер изображений Христа и их связь с программой росписей алтарной апсиды. Один из самых ранних примеров — мозаика в римском храме св. Пуденцианы (402—417). Здесь наряду с изображением тронного Христа среди апостолов присутствует мотив из Апокалипсиса: среди города вознесен утвержденный на горе большой геммированный крест, а по его сторонам представлены четыре живых существа³. Таким образом, уже на ранней стадии развития иконографии композиции заметно органическое соединение античной схемы, теофании, описанной пророками Исаией и Иезекиилем, и апокалиптических видений.

На христианском Востоке наиболее раннее аллегорическое истолкование четырех живых существ в христологическом смысле было предложено Ефремом Сирином (ум. 343 г.), интерпретировавшим сидящего на троне в видении Иезекииля как Христа и, соответственно, ассоциировавшим их с колесницей херувимов⁴. На Западе символическое объяснение живых существ видения Иезекииля первым дал Ириней, епископ Лиона (ум. около 202 г.), согласно которому лев символизирует Христа как царя, телец — его жертвенность, человек — воплощение, а орел — присутствие Св. Духа. Одновременно Ириней Лионский связал эти аллегории с четырьмя евангелистами, причем лев был воспринят как символ Иоанна, телец — Луки, человек — Матвея, а орел — Марка⁵. Существует четыре варианта истолкования указанных символов, выражающие мнения Ириней, Епифания Кипрского (около 315—403), Псевдо-Афанасия и Ипполита Римского⁶. Наиболее устойчивой является версия, идентифицирующая человека с Матфеем, льва с Марком, тельца с Лукой, а орла с Иоанном. Однако все эти варианты, хотя и в неодинаковой мере, получили отражение в изобразительном искусстве, в основном в иллюстрациях византийских рукописей Четвероевангелия.

Одним из древнейших памятников, представляющих композицию *Maiestas Domini* в той редакции, которая обнаруживает наиболее явную связь с описанием теофании в книге пророка Иезекииля (I. 1—28)⁷, является абсидальная мозаика церкви Хозиос Давид в Салониках, датируемая V в.⁸ В круглом ареоле на радуге изображен юный Христос в пурпурном одеянии, с поднятой правой

³ *Ibid.* 1973. T. XVII. S. 29–32. II. 6.

⁴ *Cramer W.* Die Engelvorstellungen bei Ephräm dem Syrer. Roma, 1965. S. 99–107.

⁵ *Dobrzaniecki T.* Op. cit. 1973. T. XVII. S. 35–38.

⁶ Подробнее см.: *Galavaris G.* The Illustrations of the Prefaces in Byzantine Gospels. Wien, 1979. P. 36–49; *Nelson R.S.* The Iconography of Preface and Miniature in the Byzantine Gospel Book. N. Y., 1980. P. 15–53.

⁷ Лучший анализ этого текста см.: *Скабалланович М.Н.* Первая глава книги пророка Иезекииля: Опыт изъяснения. Мариуполь, 1904; Он же. Комментарий на книгу пророка Иезекииля. СПб., 1909.

⁸ Композиция солунской мозаики имеет несколько позднейших реплик. Одной из них является миниатюра греческого Четвероевангелия XII в. в библиотеке Марциана в Венеции, № 540 (*Galavaris G.* The Illustrations... P. 101–102. Fig. 79; *Nelson R.S.* Op. cit. P. 63. Fig. 42). Наиболее близко основная схема воспроизведена в иконе конца XIV в. из Погановского монастыря (*Gerasimov T.* L' icône bilatérale de Poganovo au Musée archéologique de Sophia // *Cahiers archéologiques*. P., 1959. T. X. P. 279–288. Fig. 1–7; *Grabar A.* A propos d' une icône byzantine du XIVe siècle au Musée de Sophia // *Ibid.* P. 289–304. Fig. 1–3; *Xyngopoulos A.* Sur l' icône bilatérale de Poganovo // *Ibid.* 1962. T. XII. P. 341–350; *Grabar A.* Sur les sources des peintures byzantines des XIIIe–XIVe siècles // *Ibid.* P. 363–372). Эта иконографическая схема использована также в иллюстрации второго Слова Григория Назианзина, изображающей видение пророка Аввакума (*Galavaris G.* The Illustrations of the Liturgical Homilies of Gregory Nazianzenus. Princeton, 1969. P. 120–122. Fig. 379).

рукой, держащий в левой раскрытый свиток с текстом, представляющим парафраз цитаты из книги пророка Исаии (XXV.9); из ореола выходят четыре живых существа, держащие книги: человек и лев с правой стороны от Христа и телец с орлом — с левой, имеющие покрытые глазами крылья. Внизу открывается панорамный пейзаж с возвышающейся посередине горкой с текущими четырьмя ручьями; слева фигура Иезекииля, справа — сидящего пророка Исаии. Благодаря тексту на свитке эту композицию рассматривают не только как иллюстрацию ветхозаветной теофании и отражение относящихся к этой тематике библейских текстов, но и как связанную с эсхатологическим пророчеством⁹. Следовательно, мысль о втором пришествии Христа, красной нитью проходящая через раннехристианские апсидальные композиции¹⁰, здесь находит свое яркое выражение. Солунскую мозаику нельзя с полной определенностью отнести ни к Риму, ни к восточнохристианскому кругу памятников, поскольку ее иконография и художественные формы сочетают элементы различных традиций. Кроме того к числу ее литературных источников принадлежит наряду с ветхозаветными книгами Апокалипсис — книга, которая на Востоке редко признавалась канонической и, как известно, в православной церкви не была введена в литургическую практику наравне с Деяниями и Посланиями апостольскими.

Для понимания новых мотивов, вошедших в иконографию раннесредневековых памятников восточнохристианского происхождения, изображающих Христа во славе, важна концепция Ефрема Сирина, которая, однако, не имеет непосредственных оснований в библейских текстах. Она в качестве одного из назначений херувимов предусматривает возношение Христа, хотя этот элемент ветхозаветной теофании не упомянут в повествовании о вознесении-восхождении (Деян. I.9-10)¹¹. Между тем ее отражение налицо уже в миниатюре с изображением Вознесения в сирийском Евангелии Рабулы, переписанном в 586 г. в месопотамском монастыре Загба¹². Связь видения Иезекииля с Вознесением определяет также основную иконографическую схему росписей в алтарных нишах капелл VI в. коптского монастыря в Бауте¹³. Композиция в капелле XXVI представляет окруженного светлым ореолом круглой формы юного Христа, сидящего на геммированном троне, с раскрытым кодексом в левой руке; из ореола выходят четыре живых существа, внизу — колеса¹⁴. В деталях баутские фрески лишены абсолютного иконографического соответствия. Если сопоставить фреску капеллы XVII¹⁵, росписи капелл XLVI и XLV¹⁶, в которых изображение Христа во славе включено в иконографическую схему Вознесения, с фреской капеллы XXVI,

можно заметить, что здесь варьируются несколько вариантов. Особенностью одного из них являются колеса под мандорлой (ореолом), как это имеет место и в фрагментарно сохранившейся росписи капеллы LI¹⁷, тогда как для другого характерно колесовидное представление многоочитых тел животных с маленькими головами. Здесь также введены фланкирующие композицию фигуры ангелов. В фреске капеллы VI, кроме того, надо отметить изображение тронного Христа в "историческом типе", а в нижнем регистре — тронную Богородицу с младенцем, среди апостолов¹⁸, как и в капелле XLII, где Богородица лишь в ином иконографическом типе¹⁹. Эти примеры отражают различные тенденции в развитии изображений Христа во славе в том варианте, который получил отражение и на иерусалимских ампулах, хранящихся в Монце и Боббио²⁰. К указанным схемам в сущности немного нового может прибавить фреска VII в. в Латмосе близ Гераклеи, с возносящими ореол с тронным Христом ангелами²¹. Однако она вместе с ее грузинским вариантом (в алтарной апсиде пещерного храма Додо в Давид-Герезде)²², а также с позднейшими малоазийскими²³, дает представление о различных национальных вариантах в широких рамках восточнохристианского искусства. Армянская апсидальная фреска VII в. церкви св. Степаноса в Лмбате, на которой композиция "Христос во славе" объединена с Вознесением и также инспирирована ветхозаветными текстами книг Исаии и Иезекииля, равно как и Апокалипсисом (изображение радуги, на которой утверждён трон)²⁴.

Названные памятники свидетельствуют о том, что сирийцы и копты на основе литературного источника — видения Иезекииля — работали наиболее ранние формы изображения Христа, носимого четырьмя живыми существами. Х.П. Л'Оранж проследил генезис колесницы, выводя её непрерывающиеся традиции из искусства Древнего Востока²⁵. Основные мотивы трона — живые существа и круги — составляют неотъемлемый элемент сидящего на престоле Христа²⁶. Из искусства Римской империи мотив медальона с изображением императора переходит в христианское искусство, трансформируясь в образ Христа, помещаемый в перекрестье креста. Этот мотив после победы иконопочитателей над иконоборцами в Византии в 843 г. как выражающий двойственность и взаимоподобие Христа и императора становится излюбленным в византийской иконографии²⁷. Крест с *Imago Clipeata* Христа уже в раннехристианский период приходит в искусство средиземноморских

¹⁷Ibid. S. 204-205. Taf. XIV, 1.

¹⁸Ibid. S. 200-201. Taf. XXV, 1.

¹⁹Ibid. S. 203-204. Taf. XXV, 2.

²⁰Grabar A. Les ampoules de Terre Sainte: Monza-Bobbio. P., 1958. Pl. III, XIX, XXVII, XXIX, XLIV; Weitzmann K. "Loca Sancta" and Representational Arts of Palestine // DOP. 1974. Vol. 28. P. 42-44.

²¹Rademacher F. Der thronende Christus der Chorschranken aus Gustorf. Köln; Graz, 1963. S. 85-86, Abb. 49.

²²Аминашвили Ш.Я. История грузинской монументальной живописи. Тбилиси, 1957. Т. I. С. 30-35. Табл. 18-23.

²³Lafontain-Dosogne J. Théophanies-visions auxquelles participent les prophètes dans l'art byzantin après la restauration des images // Synthronon: Art et archéologie de la fin de l'antiquité et du Moyen âge. P., 1968. P. 68-74. Fig. 1-3.

²⁴Пуцко В.Г. Иконографические схемы армянских алтарных росписей VII века (истоки и параллели) // Ист.-филолог. журн. 1980. № 3. С. 141-150. Рис. 1-3; см. также: Пуцко В.Г. Das Apsisfresko der Karmavor-Kirche in Astarak (Armenien) // BZ. 1984. Bd. 77. S. 38-41.

²⁵L'Orange H.P. Studies on the Iconography of Cosmic Kingship in the Ancient World. Oslo, 1953. P. 124-133.

²⁶Подробнее см.: Dobrzeniecki T. Op. cit. 1973. T. XVII. S. 47-51.

²⁷Deer J. Das Kaiserbild im Kreuz: Ein Beitrag zur politischen Theologie des früheren Mittelalters // Schweizer Beiträge zur allgemeinen Geschichte. 1955. Bd. XIII. S. 48-110.

⁹Dobrzeniecki T. Op. cit. 1973. T. XVII. S. 38-45 (с указ. обширной лит. и с изложением взглядов различных исследователей на содержание мозаики). См. также: Ihm C. Die Programme der christlichen Apsismalerei vom vierten Jahrhundert bis zur Mitte des achten Jahrhunderts. Wiesbaden, 1960. S. 182-184. Taf. XIII.

¹⁰Ibid. S. 5 ff.; Van Der Meer F. Majestas Domini: Théophanies de l'Apocalypse dans l'art chrétien. Roma; P., 1938. P. 255 ff.; Christie Y. Apocalypse et interprétation iconographique: Quelques remarques préliminaires sur les images du Règne de Dieu et de l'Eglise à l'époque paléo-chrétienne // BZ. 1974. Bd. 67. P. 92-100.

¹¹См.: Жебелёв С. Иконографические схемы Вознесения Христова и источники их возникновения // Сб. ст., посвященных пам. Н.П.Кондакова. Пр., 1926. С. 1-14.

¹²Cecchelli C., Furnani I., Salmi M. The Rabbula Gospels. Olten; Lausanne, 1959. P. 78. Fig. f. 13b.

¹³Grabar A. Martyrium. P., 1946. T. II. P. 129-233; Sauer J. Bawit // Lexicon für Theologie und Kirche. Bd. II. Col. 58-59.

¹⁴Ihm C. Op. cit. S. 202-203. Taf. XIII, 2.

¹⁵Ibid. S. 201. Taf. XXIII, 1.

¹⁶Ibid. S. 204. Taf. XXIV, 1-2.

стран, о чем свидетельствует миниатюра сирийского Евангелия, датированного 634 г.²⁸ Позднее указанный мотив переходит в иллюминацию латинских рукописей²⁹. Его византийскую рецепцию представляет миниатюра первой четверти XIII в. в греческом кодексе Нового Завета с Псалтирью в парижской Национальной библиотеке (Suppl. 1335)³⁰.

Весь длительный предшествующий этап развития композиции *Maiestas Domini* позволяет понять элементы её иконографии в сложившемся виде, когда фигура Христа окружена мандорлой, имеющей геометрическую форму круга, овала, квадрата, ромба; иногда она миндалевидная³¹. Этот светящийся ореол, символизирующий славу Христа, появляется уже в изображении олицетворяющего Логос ангела на мозаике главного нефа римского храма Санта Мария Маджоре (начало V в.)³². На Востоке мандорла (глория) круглой либо овальной формы прослеживается с VI в. (Евангелие Рабулы, палестинские ампулы). Со временем представление славы с тронным Христом — этот восточный по своему происхождению мотив, предполагающий также присутствие двух или четырех поддерживающих мандорлу ангелов, получает широкое распространение на Западе, где начинают изображать и геммированный трон с подножием. Византийское искусство, усвоившее многие восточнохристианские схемы, заимствовало и известное по ранним коптским памятникам представление Христа сидящего на усыпанном драгоценными камнями престоле, и мотив, который объединяет элементы, почерпнутые из ветхозаветных теофаний (видения Исайи и Даниила) и Апокалипсиса, что можно видеть уже на иконе VII в. с изображением Христа-Эммануила в образе Ветхого Деня, в монастыре св. Екатерины на Синае³³. Этот вариант композиции положен в основу многочисленных западных памятников, среди которых наиболее ранней является миниатюра Комментария диакона Павла на Устав св. Бенедикта, выполненного в Капуе (915—934)³⁴.

Начиная с XI в. мотив арки как трона становится повсеместно распространенной особенностью композиции *Maiestas Domini* в искусстве Запады³⁵. Новые иконографические типы, получающие распространение в искусстве Каролингов, не могли совершенно вытеснить меровингскую иконографическую схему, которая продолжала существовать и в IX в., а в наиболее консервативных западноевропейских художественных центрах и длительное время спустя³⁶. Между тем в каролинских скрипториях в ходе копирования восточных оригиналов происходит соединение элементов восточнохристианской иконографии Христа во славе с западными, приведшее к образованию нового иконографического типа, положенного затем в основу программы,

выработанной в аббатстве Сен-Дени³⁷. Лишь на последней стадии эволюции мандорлы-сферы в Сен-Дени была найдена её окончательная форма (пересечение сферы с мандорлой). Отсюда оставался один шаг до схемы, предполагающей изображение тронного Христа, вписанное в глорию миндалевидной формы, в сопровождении четырех живых существ. Средневековым мастерам, по-видимому, было нелегко отрешиться от усложненной различными символами композиции и найти ясную форму выражения. Эта задача была решена в конце X в., о чем говорит рельеф из слоновой кости, украшающий переплет Евангелия в Библиотеке Моргана в Нью-Йорке (№ 319)³⁸.

Начиная с XI в. указанная схема, уже в книжной миниатюре, сосуществует со старыми, о чем дают представление Эммерамское Евангелие в Кракове (XI в.)³⁹, Сакраментарий в Галерее Уолтерса в Балтиморе (XII в.)⁴⁰, Миссал № 193 в Муниципальной библиотеке в Туре (1183 г.)⁴¹, Вестминстерская Псалтирь в Британском музее в Лондоне (около 1200 г.)⁴². Последняя миниатюра (рис. 1) почти вплотную подводит к наиболее раннему варианту композиции "Спас в силах", представленному изображением конца XIV в. в Четвероевангелии из Переславля-Залесского⁴³ (рис. 4).

В миниатюрах с изображением Христа во славе, украшающих средневековые латинские рукописи, преобладает иконографический тип юного Христа, благословляющего отведенной в сторону рукой, и только к XII в. "исторический тип" получает большее распространение, чем в предшествующий период. Связь композиции *maiestas Domini* с программой апсидальных росписей, наметившаяся на христианском Востоке уже в период раннего средневековья, становится характерной для романского храма⁴⁴. Её своеобразной проекцией в ключиных и норбертанских храмах служат рельефы тимпанов⁴⁵. Следует заметить, что в фресках капелл Бауита нет явно обозначенного различия между двумя иконографическими образами Христа. Но в миниатюрах византийских рукописей XII—XIII вв. оно уже существует, причем окруженная мандорлой фигура юного Христа встречается преимущественно в иллюстрациях ветхозаветной теофании. Кроме выходной миниатюры греческого Четвероевангелия в венецианской библиотеке Марциана (№ 540), служащей репликой солунской мозаики V в., следует упомянуть миниатюру в греческом Четвероевангелии рубежа XI—XII вв. в библиотеке Лауренциана во Флоренции (Plut. VI.32), с изображением Христа в миндалевидной мандорле⁴⁶ (рис. 1), а также уже названную миниатюру парижского кодекса, содержащего Новый Завет с Псалтирью⁴⁷. Особенностью двух последних памятников книжного искусства служит дополнение изображения

²⁸ Dobrzeniecki T. Op. cit. 1974. T. XVIII. S. 227. II. 1.

²⁹ Ibid. S. 231, 236. II. 7, 8.

³⁰ Galavaris G. The Illustrations... P. 126. Fig. 101.

³¹ Brendel O. Origin and Meaning of the Mandorla // Gazette des beaux-arts. 1944. № 1. P. 5-24; Dobrzeniecki T. Op. cit. 1975. T. XIX. S. 9-74; Cp.: Messerer W. Mandorla // Lexikon der christlichen Ikonographie. 1971. Bd. 3. S. 147-149.

³² Oakeshott W. Die Mosaiken von Rom vom dritten bis zum vierzehnten Jahrhundert. Leipzig, 1967. S. 36. Taf. 24.

³³ Weitzmann K. The Monastery of Saint Catherine at Mount Sinai: The Icons. Princeton, 1976. Vol. 1. Pl. XII.

³⁴ Dobrzeniecki T. Op. cit. 1975. T. XIX. S. 31. II. 22.

³⁵ Van Der Meer F. *Maiestas Domini* // Lexikon der christlichen Ikonographie. 1971. Bd. 3. S. 136-142; *Maiestas Domini* // Lexikon christlicher Kunst: Themen-Gestalten-Symbole. Freiburg, 1980. S. 211-212; Onasch K. Liturgie und Kunst der Ostkirche in Stichworten. Leipzig, 1981. S. 255.

³⁶ Dobrzeniecki T. Op. cit. 1975. T. XIX. S. 37-45.

³⁷ Ibid. S. 48-63.

³⁸ Swarzenski H. Monuments of Romanesque Art. Chicago, 1954. Fig. 122.

³⁹ Malik-Guminska B. Kodeks emmeramski // Folia historiae artium. Kraków, 1972. T. VIII. S. 5-40. II. 6.

⁴⁰ Wixom W.D. Treasures from Medieval France. Cleveland, 1967. P. 86-87.

⁴¹ The Year 1200. N. Y., 1970. Vol. II. Fig. 181.

⁴² Ibid. Fig. 177.

⁴³ Пуцко В. *Maiestas Domini* в русской миниатюре конца XIV века // BS. 1979. Т. XL. S. 199-203; Вздорнов Г.И. Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV веков. М., 1980. С. 116-117. Описание, № 86.

⁴⁴ Demus O. Romanische Wandmalerei. München, 1968. Taf. 84-85, 127, 132, 133, 149, 158, 162-163, 167, 176, 195, 199, 207, 213, 222; Abb. 27.

⁴⁵ Baum J. Romanische Baukunst in Frankreich. Stuttgart, 1910. Taf. 11, 55, 78, 80, 87-89, 149. См. также: Christe Y. Les grands portails romans. Études sur l'iconologie des théophanies romanes. Genève, 1969.

⁴⁶ Galavaris G. The Illustration... P. 125. Fig. 99; Nelson R.S. Op. cit. P. 66. Fig. 46-47.

⁴⁷ Galavaris G. The Illustrations... Fig. 100-101.

Христа во славе фигурой Моисея, получающего Закон⁴⁸. В сочетании обоих сюжетов сказывается воздействие евангельского текста, говорящего о том, что "закон дан через Моисея: благодать же и истина произошли через Иисуса Христа" (Ин. I, № 17)⁴⁹. Разворот с двумя заглавными миниатюрами Никомидийского Четвероевангелия, рубежа XII—XIII вв. (Киев, Библиотека АН Украины, № ДА 25 л.)⁵⁰, имеет ту особенность, что объединяет изображения Христа во славе и Богоматери с младенцем, сидящей на троне, служа репликой росписей алтарных ниш в капеллах Бауита⁵¹. Отмеченные реминисценции раннесредневековых моделей в византийской книжной иллюстрации находят объяснение в характерной для европейского искусства рубежа XII—XIII вв. в целом известной ориентации на раннехристианское наследие, преимущественно в плане иконографии. В частности, это явление оставило свои следы и в искусстве Древней Руси⁵².

Исследуя иконографическую традицию *Maiestas Domini* в средневековом искусстве Запада, Т. Добженецкий различает 18 схем с разнообразным расположением живых существ⁵³. Византийская иконография более стабильна: большинство композиций относится к первому типу, предполагающему помещение человека и льва слева, а орла и тельца — справа (как и на русских иконах "Спаса в силах"), хотя встречаются и иные варианты. Вообще же число известных византийских памятников с изображением Христа во славе в сопровождении символов евангелистов количественно невелико. Еще меньше примеров, когда общая иконографическая схема соответствует русским иконам "Спаса в силах".

* * *

Крайне ограниченный и случайный материал, на основании которого приходится характеризовать древнейший период истории русского искусства, в основном на протяжении длительного периода рассматривали изолированно от культуры европейского средневековья. Лишь В.Н. Лазарев впервые объективно определил отношение искусства средневековой Руси к Византии и Западу⁵⁴. Спорадически проникавшие в архитектуру и монументальную живопись западные влияния, как выясняется, коснулись также иконописи⁵⁵.

Среди обращавшихся на Руси произведений западного художественного ремесла выделяются высоким уровнем исполнения украшенные выемчатой эмалью, гравировкой и позолотой шесть медных досок книжных складов

⁴⁸В некоторых рукописях представлено Отослание учеников на проповедь.
⁴⁹Galavaris G. The Illustrations... P. 124-127.

⁵⁰Петров Н.И. Миниатюры и заставки греческого Евангелия XIII века // Искусство. [Киев], 1911. № 1. С. 117-130, Рис. 1-2.

⁵¹Ihm C. Op. cit. Taf. XXV, 1-2.

⁵²См.: Вагнер Г.К. Древние черты во владими́ро-суздальской скульптуре XIII века как элементы нового стиля // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 162-197.

⁵³Dobrzaniecki T. Op. cit. 1975. T. XIX. S. 92-101.

⁵⁴См.: Лазарев В.Н. Византийское и древнерусское искусство: Ст. и мат. М., 1978. С. 211-296.

⁵⁵Pucko W. O tendencjach zachodnich w malarstwie ikonowym Rusi XII-XIII w. // Biuletyn historii sztuki. 1979. Pr. XLI. S. 327-336; Он же. Крестоносцы и западные тенденции в искусстве Руси XII — начала XIV в. // Actes du XVe Congrès international d'études byzantines. Athènes - 1976. Athènes, 1981. T. II. P. 953-972.

с изображениями Распятия и Христа во славе лиможского происхождения середины XIII в.⁵⁶ Нашли ли отклик в искусстве новгородских мастеров иконографические черты последней композиции, представленной на хранящихся в ризнице Антониева монастыря окладах, — остается неизвестным. Но подобная композиция, необычная для росписей алтарной апсиды в Византии и на Руси, оказалась в фресках церкви Благовещения на Мячине близ Новгорода, выполненных в 1189 г.⁵⁷ В пространстве между верхним и нижним окнами представлен тронный Христос в голубой мандорле с выходящими из нее четырьмя живыми существами, держащими кодексы: по сторонам были изображены херувимы⁵⁸. Христос правой рукой благословляет, левой поддерживает стоящий на колене кодекс Евангелия. Отличительной чертой композиции является ее соединение с процессиями святителей, держащих в руках раскрытые свитки, как в "Поклонении жертве"⁵⁹. Мандорла миндалевидной формы типична для монументального искусства Запада. Однако на рубеже XII—XIII вв. она проникает и в византийское, и в древнерусское искусство, доказательством чего служит изображение Христа в композиции "Страшный суд" на западной стене новгородской церкви Спаса на Нередице (1199 г.)⁶⁰.

В отличие от романских памятников, в программу которых входит занимающая конху апсиды композиция *Maiestas Domini*, новгородская церковь Благовещения на Мячине не обнаруживает черт преемственности по отношению к росписям ранних восточнохристианских храмов. В последних ведь изображение Христа во славе, инспирированное ветхозаветной теофанией, чаще всего представлено в соединении с Вознесением, что вызвано трактовкой последнего как прообраза Второго пришествия. Иконографическая схема изображения Христа во славе новгородской фрески принципиально сопоставима с росписями некоторых каппадокийских пещерных храмов⁶¹, прежде всего с фреской в церкви Трех Крестов в Güllü Dere, несмотря на то, что последняя обнаруживает несоответствия в деталях⁶². В данном случае важным является сходство общего решения. В стилистическом отношении фрески церкви Благовещения на Мячине из всех новгородских стенописей XII в. наиболее близки романским и не исключено даже участие в их выполнении западных мастеров⁶³.

В византийской живописи комниновского периода известен лишь единственный случай представления Христа во славе с четырьмя живыми существами (символами евангелистов) и херувимами в иконописи: на обрамлении иконы

⁵⁶Даркевич В.П. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.). М., 1966. С. 31-32. Табл. 23.

⁵⁷Бутхель Г.С. Новые данные о фресках церкви Благовещения на Мячине близ Новгорода // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. С. 252-253, схема на С. 246; Лазарев В.Н. Древнерусские мозаики и фрески. XI-XV вв. М., 1973. С. 47. Ил. 231. По предположению Г.С. Бутхеля, Христос был представлен в образе Эммануила, по новым наблюдениям — в типе средовека.

⁵⁸В схеме Г.С. Бахтея есть неточность: справа внизу вместо льва изображен орел.

⁵⁹См.: Бабин Г. Христолошке распре у XII веку и појава нових сцена у апсидалном декору византијских црква // Зборник заликовне уметности. Нови Сад, 1966. Књ. 2. С. 9-29. Сл. 1-15.

⁶⁰Фрески Спаса-Нередицы. Л., 1925. Табл. LXVII-LXVIII.

⁶¹Lafontaine-Dosogne J. Théophanies-visions... P. 138-143.

⁶²Idem. L'église aux Trois-Croix de Güllü Dere en Cappadoce, et le problème du passage du décor "iconoclaste" au décor figuré // Byz. 1965. T. XXXV. P. 175-207.

⁶³Подробнее см.: Пуцко В. Новгородские фрески XII-XIII вв. // Wandmalerei des Hochfeudalismus im europäisch-byzantinischen Spannungsfeld (12. und 13. Jahrhundert). Halle, 1983. С. 200-201.

Богоматери с младенцем и пророками на полях и в монастыре св. Екатерины на Синае⁶⁴. Эта изящная икона, как и широко известный панагиар из афонского монастыря св. Пантелеймона с именем императора Алексея Комнина Ангела (1195—1203)⁶⁵, изображает Богоматерь с младенцем в окружении пророков, и, следовательно, образ Христа во славе здесь непосредственно связан с темой ветхозаветных теофаний. Окружающий фигуру Христа круглый ореол с мотивом арки или радуги сочетает элементы восточно-христианской и западной схем, которые на рубеже XII—XIII вв. все активнее проникают и в византийскую миниатюру. Все это, думается, не позволяет трактовать новгородскую фреску 1189 г. исключительно как отражение западной модели, отрицая тем самым роль получивших окцидентальную окраску византийских образов.

Сопоставляя византийскую миниатюру, украшающую Четвероевангелие в флорентийской библиотеке Лауренциана (рис. 1), и миниатюру латинской Вестминстерской Псалтири в Британском музее в Лондоне (рис. 2), невозможно не заметить сходства их композиционной схемы. Но в то же время прослеживаются различия, как не подлежащие строгой регламентации, так и имеющие более принципиальное значение. Мандорла в обоих случаях миндалевидной формы, кроме того, она с декоративным оформлением. Византийские художники чаще всего представляют тронного Христа с благословляющей рукой на уровне груди, тогда как в западной традиции более обычен жест поднятой, либо отведенной руки. Существенно положение изображений четырех живых существ, трактованных как символы евангелистов: об этом в греческом кодексе говорят сопроводительные надписи, а на миниатюре Вестминстерской Псалтири — тексты на свитках у орла, льва и тельца. Поскольку западная иконография, как было уже сказано, знает большее число типов размещения символов и отсутствует их унификация в практике византийских мастеров, — нет смысла обсуждать этот вопрос и применительно к отмеченным миниатюрам. Но в том и другом случаях в расположении символов евангелистов существует определенная закономерность: в византийском памятнике они выходят лишь наполовину из ореола (согласно ранней восточнохристианской традиции), тогда как на Западе уже с каролингской эпохи широко распространены известные и ранее символы евангелистов "сопровождающие" мандорлу. Это различие устойчиво удерживается на протяжении всего средневекового периода, даже тогда, когда композиция с явными признаками византийского стиля, ярким примером чего служит небольшая икона с *Maiestas Domini* в монастыре св. Екатерины на Синае⁶⁶ (рис. 3). Ее происхождение связано с деятельностью греческих живописцев, обслуживавших крестоносцев. Изображая тронного Христа по византийскому обычаю, художник XIII в., как это было принято на Западе, представляет живые существа с заполненными латинскими надписями свит-

ками (с именами евангелистов), "сопровождающие" миндалевидную мандорлу с орнаментированным бордюром. Уделить внимание указанной синайской иконе было необходимо, поскольку ее общее композиционное построение находит отголоски в иконографии Переяславского Евангелия (С.-Петербург, РНБ. Ф. № I 21).

Происхождение этого кодекса Четвероевангелия удостоверяет запись писца, диакона Зиновия, переписавшего книгу по распоряжению игумена переяславского монастыря Введения Саввы, в годы княжения Василия Дмитриевича (1389—1425). Вследствие этого, датировка рукописи, принятая в литературе, оказывается слишком широкой, может быть, даже несколько неоправданно. Заглавная миниатюра с изображением Христа во славе занимает лицевую сторону л. 6 (рис. 4). Изображению предшествует толкование Феофилакта, архиепископа Болгарского, разъясняющее символику композиции, а, соответственно, и животных из видения Иезекииля. В сущности, это изложение толкования Иринея Лионского⁶⁷.

Христос на миниатюре Переяславского Евангелия представлен одетым в синий хитон и оливково-коричневый гиматий, сидящим на престоле с высокой закругленной спинкой. Хитон почти черный в тенях, а его освещенные места имеют вид небольших светло-синих пятен; на плече золотой клав, разделенный тонкими продольными линиями черного цвета на три равные части. Гиматий собран в дробящиеся складки, переданные тонкими белильными движками, нанесенными по еще непросохшему основному тону, отчего они приобрели нежный зеленовато-фишашковый оттенок. Мелкие паутинообразные линии имитируют ассист. Расположение этих тончайших пробелов подчинено определенной схеме: они то проходят параллельно, местами сливаясь друг с другом, то образуют острые углы либо небольшие светлые пятна, то в беспокойном движении переходят в изломы. Хитон, в отличие от гиматия, передан более плоскостно, причем конец его подола низко свисает. Трон, на котором восседает Вседержитель, с резными ножками. Его цвет не везде одинаков и зависит от колорита составных частей ореола, окружающего фигуру Христа. К иконографическим особенностям композиции относится тускло-красный ромб с вогнутыми сторонами: он не равнобедренный, как в позднейших иконах "Спаса в силах", но с более протяженными нижними сторонами. Миндалевидная, стрельчатая мандорла, в которую вписан ромб, — явление достаточно редкое в византийской иконографии, где примеры этого единичны. Заполнение внешней сферы мандорлы изображениями бесплотных Сил и глубинно-изумрудная зелень пространства усиливают цветовое звучание более ярких деталей, в том числе и выступающих острых углов большого четырехугольника с сильно вогнутыми боковыми гранями. В этих углах, залитых яркой киноварью, помещены символы евангелистов, выполненные черной графической линией, а выпуклые части изображений обозначены легкими белильными движками. Нимбы золотые, у Христа с обычным крестчатым делением. Обрамление киноварного четырехугольника прорезает изумрудно-зеленую мандорлу. Вся композиция вписана в синее обрамление с зеленоватым оттенком, не совсем аккуратно, и в этом явно сказывается непривычность иконографической схемы для выполнившего ми-

⁶⁴ Sotiriou G. et M. *Icones du Mont Sinai*. Athènes, 1956. T. I. Fig. 54; 1958. T. II. P. 73-75; *Der Nersessian S. Program and Iconography of the Frescoes of the Paraclesion // The Kariye Djami*. Princeton, 1975. Vol. 4. P. 313. Fig. 1.

⁶⁵ Айналов Д. Византийские памятники Афона // ВВ. 1899. Т. VI. С. 73-75, Табл. X; Кондаков Н.П. Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902. С. 222-225. Табл. XXXI; *Kalavrezou-Maxeiner I. Byzantine Icons in Steatite*. Wien, 1985. P. 83-84 206-208. Pl. 65 (N 132).

⁶⁶ Wietzmann K. Four Icons on Mount Sinai: New Aspects in Crusader Art // *JÖB*. 1972. Bd. 21. P. 291. Fig. 11. Исследователь справедливо сопоставляет этот памятник с фрагментом Деисуса в том же монастыре.

⁶⁷ Текст приведен в нашей статье об этой миниатюре (см. примеч. 43). Ср.: Творения св. Иринея, епископа Лионского. М., 1871. С. 311-313.

названными произведениями, разделенными слишком большими временем и пространством, должны были существовать соединительные звенья, роль которых естественнее всего приписать византийским изображениям эпохи Палеологов. Однако обосновать этот тезис пока можно лишь отчасти, опираясь на миниатюру ватиканского кодекса Псалтири с Новым Заветом (гр. 1210), добавленную в XIV—XV вв.⁷²

Вопрос о художнике миниатюры Переяславского Евангелия и её отношении к памятникам московской живописи раннего XV в. занимал различных исследователей. В.И. Антонова полагала, что изображение создано под непосредственным влиянием произведений Феофана Грека, исполненных в Переяславле-Залесском в 1403 г.⁷³ Ю.А. Лебедева пыталась приписать миниатюру кисти Андрея Рублева⁷⁴. Г.И. Вздорнов справедливо подчеркивает, что иконографической близости миниатюры с работами Феофана Грека и Андрея Рублева недостаточно, чтобы делать выводы о зависимости от них переяславского мастера, поскольку "здесь очевидны вялость формы, беспомощное расположение складок, недооценка плавного контура, неумение придать образу духовную содержательность"⁷⁵. По мнению того же автора, "миниатюра — вещь не первого сорта, и прямой связи с искусством Феофана и Рублева она не имеет", но большие иконы с изображением Спаса первой четверти XV в. мастер знал⁷⁶. На этом основании Г.И. Вздорнов решается отнести появление миниатюры ко времени не ранее чем к 1399—1405 гг. и не позднее чем к 1425 г.⁷⁷ Мы склоняемся к датированию временем около 1400 г. на том основании, что в иконографии миниатюры более явно проступают рудименты византийско-западного источника: слишком неестественно предполагать их в творчестве провинциального миниатюриста уже видевшего произведения двух прославленных мастеров, создавших столь гармоничные композиции. Характерно, что дальнейшее развитие изображения "Спаса в силах" пошло именно по тому пути, который намечен произведением Феофана Грека.

(Окончание следует)

Рис. 1. Христос во славе. Миниатюра греческого Четвероевангелия. Флоренция, Лауренциана.

⁷²Galavaris G. The Illustrations... P. 103-107. Fig. 82; Nelson R.S. Op. cit. P. 64, 66. Fig. 43.

⁷³Антонова В.И. О Феофане Греке в Коломне, в Переяславле-Залесском и Серпухове // Гос. Третьяковская галерея: Материалы и исследования. М., 1958. Т. II. С. 25. Примеч. 6.

⁷⁴Lebedewa J.A. Andrej Rubljow und seine Zeitgenossen. Dresden, 1962. S. 38-39.

⁷⁵Вздорнов Г.И. Искусство книги в Древней Руси. С. 117.

⁷⁶Как считает И.А. Кочетков, любезно ознакомивший меня со своей статьей: "Спас в силах": развитие иконографии и смысл, когда эта работа уже находилась в печати, миндалевидная форма мандорлы могла появиться в результате упрощения формы овала. Автор предполагает воздействие на миниатюриста иконы Феофана, в частности в приемах письма.

⁷⁷Вздорнов Г.И. Искусство книги в Древней Руси. С. 117.

Рис. 4. Спас в силах. Миниатюра Четвероевангелия из Переславля-Залесского. С.-Петербург, Российская Национальная библиотека.

О.Е. Этингоф

СТВОРКА ТРИПТИХА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ В.С. ГОЛЕНИЩЕВА

В Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина в Москве хранится небольшая икона с изображением двух евангельских сцен "Рождества" и "Крещения"¹. Она происходит из собрания знаменитого русского египтолога В.С. Голенищева и была привезена им из Египта. Более детальных сведений об обстоятельствах приобретения памятника до нас не дошло. В соответствии с происхождением икона почти единодушно считалась исследователями коптской. Так полагали Д.В. Айналов, Й. Стржиговский, Н.П. Лихачев, О. Вульф, М. Алпатов, А. Стрелков, А.Я. Каковкин и др.² Лишь В.Н. Лазарев высказался в пользу ее сирийского происхождения³. Датировали икону различно: от VI—VII до X—XI вв. Общепринятой в литературе стала датировка В.Н. Лазарева VI—VII вв.⁴

Нам представляется, что эта датировка может быть пересмотрена и уточнена, икону следует отнести к искусству эпохи иконоборчества и датировать VIII — началом IX в. Кроме того, иконография, стиль и структура памятника несут на себе отпечаток палестинской художественной традиции, что ставит под сомнение его связь с египетским искусством. И, наконец, форма и иконография иконы дают пищу для литургической интерпретации и предположительной реконструкции всего памятника.

¹ ГМИИ им. А.С.Пушкина. № 1, 1а 5975. Темпера, позолота, левкас, дерево, размер: 27х6, 8х0,9. Утраты дерева, красочного слоя, восполнение воском, потертость, трещины, загрязнение. Поступила в Музей в 1911 г. из петербургского собрания В.С.Голенищева.

² Айналов Д.В. Пластина от коптского триптиха из собрания В.С.Голенищева // ВВ. 1898. Т. V, № 2. С. 181-186, табл. II; Bauer A., Strzygowski J. Eine Alexandrinische Weltchronik, Text und Miniaturen eines griechischen Papyrus der Sammlung W. Goleniščev. Wien, 1905. S. 199, Fig. 36; Лихачев Н.П. Историческое значение итало-греческой иконописи. Изображение Богоматери в произведениях итало-греческих иконописцев и их влияние на композиции некоторых прославленных русских икон. СПб., 1911. Табл. 436; Wulff O., Alpatoff M. Denkmäler der Ikonenmalerei in Kunstgeschichtlicher Folge. Dresden, 1925. S. 32-33, 259, Abb. 13; Стрелков А. Фаюмский портрет. М., 1936. С. 82, 88, 91 (датировка X-XI вв.); Каковкин А.Я. Поздний памятник коптской живописи из собрания Эрмитажа // Кавказ и Византия. Ереван, 1984. Вып. 4. С. 218.

³ Лазарев В.Н. История византийской живописи. М., 1947/48. Т. 1/2. С. 61; Lazarev V. Storia della pittura bizantina. Torino, 1967. P. 93; Лазарев В.Н. История византийской живописи. М., 1986. Т. 1-2. С. 52.

⁴ Искусство Византии в собраниях СССР: Каталог выставки. М., 1977. Т. 1. С. 87, № 112.

Икона представляет собой левую створку, происходящую от триптиха с циклом евангельских сцен. Композиции расположены в два яруса по вертикали — вверху "Рождество", внизу — "Крещение". Иконография "Рождества" дана в сокращенном варианте: она включает Марию на ложе, сидящего Иосифа и младенца с нагнувшимися над ним ослом и быком. Младенец при этом изображен лежащим на плоском возвышении. По-видимому, это изображение кубического каменного алтаря, заменившего ясли, деревянную кормушку, где лежал Христос (в соответствии с евангельским текстом). Подобная замена в ранней палестинской иконографии "Рождества" проанализирована К. Вейцманом⁵. На многих памятниках доиконоборческой эпохи и периода иконоборчества встречается изображение алтаря — святыни из крипты Рождественской церкви в Вифлееме. Это массивный каменный куб с нишей для реликвий в центре⁶. Кроме того, на московской иконе сохранились и очертания пещеры, в которую помещено изображение алтаря. Пещера также связана с указанием на Святое место⁷. Подобная иконография, воспроизводящая Святое место Рождественской базилики в Вифлееме, особенно широко распространена именно в палестинских памятниках, ее иерусалимское происхождение несомненно. Однако она встречается и за пределами Палестины, в константинопольских, коптских, нубийских произведениях⁸.

Подобным образом алтарь (внутри пещеры и вне) изображен на крышке реликвария VI в. из капеллы Санкта Санкторум (ныне в Ватикане), который происходит из Иерусалима, в Евангелии Равуллы VI в., на двух палестинских иконах VIII—IX вв. из монастыря Св. Екатерины на Синае, пластинках слоновой кости VI в. из Манчестера и Равенны (с кресла Максимиана), и VII—VIII вв. из собрания Дамбартон Оукс, на сирийской ткани VIII—IX вв. из капеллы Санкта Санкторум (ныне в Ватикане) и других⁹.

Особенно близка "Рождеству" на московской иконе общая схема этой сцены, изображенной на крышке реликвария из капеллы Санкта Санкторум¹⁰. Совпадает расположение основных элементов, включающих очертания сферической пещеры, высокого алтаря с младенцем, ложа Марии слева и сидящего Иосифа справа. В обеих иконах выделены три крупных золотых нимба всех персонажей. Однако композиция московской створки, вписанная в узкое поле клейма, сокращена настолько, что ложе Марии, расположенное по диагонали, ориентировано почти вертикально, а фигура Иосифа оказывается позади него. Сама поза Марии, почти сидящей на ложе с благословляющим жестом правой руки перед грудью и левой рукой, перекинутой вправо, сходна с изображением на миниатюре Евангелия Равуллы¹¹.

Сцена "Крещения" также дана в сокращенном иконографическом изводе. Она включает трех персонажей: Христа, Иоанна Крестителя и лишь одного ангела. При этом фигура Христа погружена в воды Иордана, так что он изображен погрудно, стоящий на берегу Иоанн склоняется, положив правую

руку ему на голову. Другой рукой Иоанн, опираясь на левое колено, придерживает свой плащ. Ангел стоит с поднятыми руками, покровенными тканью, в которую он должен принять Христа из Иордана. Вверху схематически представлен голубь — символ Св. Духа. Этот тип иконографии с тремя фигурами и образом Христа, глубоко погруженного в реку, встречается именно в палестинской иконографии. Таким же образом изображена эта сцена на ампуле из Святой земли VI в., хранящейся в Монце¹². Еще более краткий вариант сцены без ангела представлен на миниатюре сирийского Евангелия Равуллы¹³. Близкая, хотя и более развернутая схема (с двумя ангелами и двумя персонажами, стоящими за спиной Иоанна), использована на крышке реликвария из капеллы Санкта Санкторум¹⁴. Аналогичная иконография распространилась в ранневизантийском искусстве и за пределы сиро-палестинского круга. Она встречается с некоторыми дополнительными деталями на пластинках слоновой кости из Египта (Британский музей), Восточной Галии (Лион, Городской музей), на кресле Максимиана, предположительно, константинопольской работы (Равенна)¹⁵. Но особенно близок лаконичной композиции на московской створке медальон на ампуле из Святой земли, хранящейся в Монце¹⁶. Аналогичны симметричная композиция, позы фигур Иоанна и ангела, отчетливо склонившиеся к голове Христа в центре, расположение нимбов всех трех персонажей. Иконография известных коптских изображений этой сцены отличается от палестинской. Иоанн и ангел обычно представлены стоящими в рост прямо,

Рис. 1. Створка триптиха из коллекции В.С. Голенничева

⁵ Weitzmann K. Loca Sancta and Representational Arts of Palestine // DOP. 1974. 28. P. 36-39, ill. 5-16. = repr. in: Weitzmann K. Studies in the Arts at Sinai. Princeton, 1982. N. 11. P. 22-65, ill. 5-16.

⁶ Ibid. III. 7.

⁷ Ibid. P. 36-39.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid. III. 6, 9-16; Splendori di Bisanzio. Testimonianze e riflessi d' arte e Cultura Bisantina nelle chiese d'Italia. Milano, 1990. P. 152-153, N 57.

¹⁰ Ibid. P. 140-141, N 52.

¹¹ Weitzmann K. Loca Sancta... III. 9.

¹² Grabar A. Ampoules de terre sainte. P., 1958. Pl. V.

¹³ Schiller G. Iconography of Christian Art. L., 1971. Vol. 1. Pl. 356.

¹⁴ Splendori di Bisanzio. P. 140-141, N 52.

¹⁵ Schiller G. Op. cit. Pl. 358-360.

¹⁶ Grabar A. Op. cit. Pl. V.

например, как на браслете из коллекции Фуке в Каире VI—VII вв., в росписях XVII капеллы монастыря в Бауте, на фрагменте завесы X—XI вв. из Гос. Эрмитажа¹⁷.

Иконографический извод "Рождества" на московской створке столь лаконичен, что детали трактовки кубического алтаря, на котором лежит младенец, не конкретизированы. Помещение Христа на алтарь вместо яслей, по-видимому, связано не только с воспроизведением Святого места, но и с евхаристической символикой. Это особенно наглядно проявляется благодаря тому, что не только голова Христа окружена золотым нимбом, но и пелены его написаны золотом. Вероятно, это образ, предшествующий *amnos* или *melismos* позднейшего периода¹⁸. Изображение алтаря уже могло быть достаточным для указания на евхаристический смысл в сцене "Рождества". Так, по толкованию отцов церкви, дискос для евхаристического хлеба, использовавшийся в литургии, символизировал одновременно ясли, в которых лежал младенец Христос, и одр, на котором покоилось Его Тело, снятое с креста. Приготовление святого хлеба в проскомидии символизировало зачатие и рождение Иисуса Христа.

Литургические акценты в иконографии московской створки можно усмотреть и в других деталях. В той же сцене Богоматерь выдвинута на передний план, занимая основное поле композиции. По-видимому, это связано с уподоблением самой персоны Богоматери жертвеннику, трапезе и даже просфоре, известными по святоотеческим текстам. Символическое отождествление Девы и просфоры наглядно осуществлялось в проскомидийском акте извлечения агнца копьем из просфоры, т.е. плоти Христа из плоти Богоматери. Литургический смысл подобной ранней иконографии "Рождества" особенно подчеркнут на пластинках из слоновой кости VI в. Так, на фрагменте диптиха из Манчестера "Рождество" с младенцем на алтаре расположено на фризе в нижнем регистре, а в верхнем — волхвы подносят Богоматери на убрусах свои дары как святые дары в литургии на алтарных покровах¹⁹. На фрагменте палестинского диптиха из Британского музея не только представлен вариант той же иконографии, но ложе Марии изображено в виде круглой розетки, которая, по-видимому, связана с формой просфоры²⁰. Подобная аллюзия очевидна и в палестинских иконах VIII—IX вв. с изображением "Рождества", где ложе Богоматери покрыто тканью, словно имитирующей алтарный покров²¹.

Крещение рассматривалось в православной традиции как второе рождение Христа в Св. Духе. Иоанн Предтеча, как и Богоматерь, подготовил Христу пути земного служения через проповедь и крещение. Поэтому в святоотеческой традиции образ Иоанна Крестителя мог уподобляться дьякону или даже священнику, начинающему литургию, который совершал на проскомидии акт приношения вещества. Это символическое отождествление основывалось на связи слов проповеди Иоанна "Вот Агнец Божий, который берет на себя

грех мира" (Ин, гл. I, ст. 29) и извлечении агнца из просфоры²². В лаконичной композиции "Крещение" на московской створке можно усмотреть уподобление образа Иоанна, готовящего Тело Господне, и ангела с тканью, словно готового принять Святые дары на алтарный покров, — двум дьяконам.

Расположение двух сцен на иконе из Пушкинского музея точно соответствует порядку размещения сцен в нижнем регистре крышки реликвария из капеллы Санкта Санкторум²³. Центр ее занят "Распятием", а верхний регистр — сценами "Жены у гроба" и "Вознесение". Состав композиций этой крышки в пяти частях охватывает всю историю спасения. Вместе с тем, этот цикл с отчетливо выделенным в центре "Распятием" есть некая литургическая последовательность образов, поскольку обряды литургии также видимо представляли историю земной жизни Спасителя. Этот цикл на крышке реликвария развивается от предуготовления Тела Христова к жертве ("Рождество" и "Крещение"), т.е. приготовления святого хлеба в проскомидии и извлечения агнца из просфоры. Затем второй этап цикла — страдания Христа на кресте ("Распятие"), т.е. прободение агнца копьем и вливание растворения в потир, а также и приобщение жертве в литургии. И, наконец, воскресение и переход на небеса ("Жены у гроба" и "Вознесение") — в литургии воскресению Христа соответствует соединение хлеба и вина, а вознесению — возвращение Святых даров в жертвенник. Малый вход в Святая Святых также мог интерпретироваться как вознесение. Подобный литургический смысл не случаен в этом палестинском памятнике. Во-первых, иконография почти всех его сцен связана с воспоминанием о Святых местах Палестины. Это касается всех сцен кроме "Крещения"²⁴. Во-вторых, это не просто икона, но крышка реликвария, в котором хранились реликвии из Святой земли, что уже могло ассоциироваться с храмовым престолом, в который вкладывали кусочки мощей мучеников. Данный обычай восходит к традиции мартириев — ранних храмов-усыпальниц, где в качестве алтаря использовались гробницы мучеников. Тем самым функция этой иконы (покрова реликвий и реликвии, фиксирующей Святые места) есть постоянное воспоминание об искупительной жертве. Литургическая программа ее иконографического цикла — совершенно естественное следствие подобной функции.

Такая пятичастная композиция вызывает ассоциации с пятичастной структурой триптиха, включающего "Распятие" в центре и четыре евангельские сцены на створках. Есть основания полагать, что крышка реликвария со сценой "Распятия" вдвое большей по размеру, чем остальные композиции, воспроизводила какой-то чтимый палестинский триптих. К сожалению, до нас не дошли живописные триптихи подобного состава. Однако известно несколько триптихов слоновой кости X в. с "Распятием" в среднике, на сохра-

¹⁷ Vikan G. Art, Medicine and Magic in Early Byzantium // DOP. 1984. 38. P. 74 ff.; Clédat J. Le monastère et la nécropole de Baouit. Le Caire, 1904. Pl. XLX; Каковкин А.Я. Указ. соч. С. 218–223, рис

¹⁸ Weitzmann K. Loca Sancta... P. 37.

¹⁹ Ibid. Pl. 13.

²⁰ Kitzinger E. Early Medieval Art in the British Museum and British Library: The Trustees of the British Museum. 1987. Fig. 13. P. 38.

²¹ Weitzmann K. The Monastery of Saint Catherine at Mount Sinai: The Icons. Princeton, 1976. Vol. I. P. 68–69, 73–76, pl. XXVII, XXX, XCV, XCIX, C. CI; B. 41, 45.

²² В такой интерпретации есть доля условности, поскольку подробно это изложено в более позднем литургическом толковании — Протерии Николая Андидского середины XI в. (Bornert R. Les commentaires byzantins de la liturgie du VIIe au XVe siècle / АОС.Р., 1966. Vol. 9, P. 191–196). В русском переводе приписываемом Федору Андидскому и датированном XII в. См.: Красносельцев Н.Ф. Объяснение литургии, составленной Феодором, епископом Андидским (Памятник византийской духовной литературы XII в.). // Православный собеседник. 1884. Т. I, март–апрель С. 370–415; Р.С. Т. 140. P. 413, 425, 429, 432.

²³ Splendori di Bisanzio. P. 140–141, N 52.

²⁴ Weitzmann K. Loca Sancta... P. 33–55.

нившихся створках изображены различные святые²⁵. Кроме того, в Синайском монастыре известны две створки триптиха с образами Богородицы и Иоанна Богослова, предстоящих распятому Спасителю. Средник этого триптиха и заключал утраченное изображение "Распятия"²⁶. А на одной из створок VI—VII вв. того же собрания сохранилось изображение молящегося монаха и пастухов из "Рождества"²⁷. Средником такого триптиха также могло быть "Распятие". Подобные портативные триптихи, служившие для частного поклонения как бы являли собой храмовые святилища в миниатюре, поэтому их программа включала в себя основные элементы иконографической и литургической программы храмов. К. Вейцман сравнивает открытие створок триптиха с открытием царских врат иконостаса²⁸. Это не просто образное сравнение: среди палестинских триптихов Синайского монастыря сохранились две створки с изображением Архангела Гавриила и Марии, составлявших "Благовещение", как на царских вратах церковного иконостаса²⁹. На створках палестинских складней изображались также отцы церкви и апостолы, как и в храмовой декорации³⁰.

Мы не случайно акцентировали литургические ассоциации в иконографии московской створки. Можно предположить, что триптих, частью которого является эта иконка, и составляет цикл, аналогичный крышке из капеллы Санта Санкторум с "Распятием" в среднике и четырьмя евангельскими сценами на створках: "Рождеством", "Крещением", "Женами у гроба" и "Вознесением"³¹.

Предположительная реконструкция триптиха

"Рождество"	"Распятие"	"Жены у гроба"
"Крещение"		"Вознесение"

²⁵ Goldschmidt A., Weitzmann K. Die byzantinischen Elfenbeinskulpturen des X-XII Jahrhunderts. B., 1934. Bd. II. Taf. II, 6; VIII, 25-27; IX, 28a; XV, 38a; XVI, 39; XVII, 40; XXXIII, 83; XXXIX, 101-102; XL, 103-108; LIV, 155a, 156; LVIII, 172; LXIV, 194.

²⁶ Weitzmann K. The Monastery... P. 60-61, pl. LXXXVIII, B. 34, 35.

²⁷ Ibid. P. 47, pl. LXX-LXXI, B. 22.

²⁸ Ibid. P. 8-9.

²⁹ Ibid. P. 44-45, pl. LXVI-LXVIII, B. 19-20.

³⁰ Ibid. P. 48-49, 58-59, pl. XX, LXXII-LXXIII, XXIV, LXXXV-LXXXVII, B. 24, 33.

³¹ Речь предположительно идет о пятичастном цикле, в его составе возможны и другие варианты. О составе праздничных сцен в более обширных циклах на паломнических реликвиях Святой земли и других предметах (крестах, ампулах Монцы и Боббио, браслетах, кольцах и проч.) см.: Kitzinger E. Reflections on the Feast Cycle in Byzantine Art // Cah. Arch. 1988, Vol. 36, P. 51-73.

Тип створки из собрания В.С. Голенищева, ее форма, размеры и пропорции также находят близкие аналогии среди палестинских икон собрания Синайского монастыря, где хранятся многочисленные складни прямоугольной формы с двумя узкими вертикальными створками и их фрагментами VII—X вв.³² На некоторых из них хорошо сохранились шипы для крепления в пазы складня, совершенно аналогичные московской иконе³³. Близка также толщина дощечек створок подобного формата, которая колеблется от 0,5 до 1,2 см. Одна из створок VII в. имеет толщину 0,9 см, идентичную московской иконе³⁴: известный с древности способ монтажа и крепления этой группы палестинских триптихов использовался также в креплении складней слоновой кости X в.³⁵ В среднике сверху и снизу просверливались отверстия, на которых укреплялась рама. К раме же крепились обрамления для боковых створок, в пазы которых вставлялись их шипы. Не только форма, размеры створок и характер их крепления в палестинских триптихах VI—IX вв. сходны с московской иконой, аналогичны также тип членения и обрамления композиций красной лентой, орнамент, пропорция сцен, вписанных в узкое поле доски³⁶.

И, наконец, стиль московского памятника также имеет отчетливое сходство с произведениями палестинской художественной традиции. Прежде всего в этой маленькой иконке обращает на себя внимание широкое использование золота. Крупные золотые нимбы персонажей занимают значительное место. Но кроме нимбов все тело младенца Христа написана золотом так, что оно сливается с нимбом. Позднеантичная традиция применения золота была унаследована доиконоборческим искусством. Интенсивное использование золота — прием стиля, создающего спиритуалистические эффекты и подчеркивающего святость персонажа, это не стилистический провинциализм. Но драпировки и одежды, написанные золотом, известны именно по памятникам сиро-палестинского круга. Золотые одежды Христа встречаются в рукописях VI в.: Россанском Евангелии и Синопском фрагменте³⁷. Золотой терновый венец на голове Христа и золотые ромбы на его хитоне изображены на иконе "Распятие" VIII в. из Синайского монастыря³⁸. Особенно широко золото использовано в рукописи Сакра Параллела, созданной в Палестине в первой половине IX в. Таким образом, применение золота в Палестине было, по-видимому, не эпизодическим, но традиционным с VI по IX вв.³⁹ В коптских памятниках такие приемы не встречаются.

Типы ликов в московской иконе подчинены единообразной системе. Все лики изображены с огромными бровями и ресницами, срезанными носами. Прически Иоанна Крестителя и Христа с симметрично разделенными надвое волосами трактованы почти одинаково как и острые бороды Иоанна и Иосифа. Подобная типизация и сходная трактовка ликов встречается в палестинских произведениях VIII — начала IX в. — в иконах "Св. Павел, Петр, Николай,

³² Ibid. B. 13, 17-20, 22, 26, 33-35, 37, 43-44, 46-47.

³³ Ibid. P. 42-43, 48, pl. XIX, LIXIV, LXX, B. 17, 23.

³⁴ Ibid. P. 50, pl. LXXIV, B. 26.

³⁵ Goldschmidt A., Weitzmann K. Op. cit. Taf. XIII, 33; XXVIII, 72a-b; LIV, 155a; LXIV, 195; Weitzmann K. The Monastery... P. 9.

³⁶ Ibid. P. 48-49, 64-65, pl. XX, XXVI, LXXII-LXXIII, XCI, B. 24, 37.

³⁷ Weitzmann K. The Miniatures of the Sacra Parallela Parisinus Graecus 923. / Studies in Manuscript Illumination. Princeton, Vol. 8. 1979. P. 17.

³⁸ Weitzmann K. The Monastery... P. 61, pl. XXV, LXXXIX, XC.

³⁹ Weitzmann K. The Miniatures... P. 17.

Иоанн Златоуст", "Распятие", "Свв. Харитон и Феодосий" и в миниатюрах Сакра Параллела⁴⁰.

Существенной чертой стиля является отчетливая тенденция к линейной трактовке. Фигуры написаны плоскостно, живопись лишь местами сохраняет полутона, притенения и градации цветов. В целом же преобладает обобщенная комбинация локальных пятен. Подобная тенденция также очевидна в упомянутых палестинских иконах. Так, трактовка абриса лица, волос и бороды Иосифа на московской створке близка иконе "Св. Харитон и Феодосий" VIII — начала IX в.⁴¹ В иконе из собрания В.С. Голенищева используются двойные линии не только для обозначения бровей и ресниц вокруг глаз, но и для других деталей, в частности для складок на драпировках. Этот прием известен в искусстве VIII—IX вв., и он является одной из основных характеристик стиля палестинских икон второй половины VIII — раннего IX в. и миниатюр Сакра Параллела⁴². Колорит иконы, сумрачный и сдержанный, построен на сочетании золотых акцентов с различными оттенками охры, коричневых и красноватых, зеленого санкирия и черного, особенно в контурах. Подобное колористическое сочетание обычно для палестинских памятников, начиная с VI и кончая IX в. Оно встречается на крышке реликвария из капеллы Санкта Санкторум, в "Распятии" VIII в. из Синайского монастыря, в миниатюрах Сакра Параллела⁴³. Вместе с тем в московской иконе сохраняется экспрессия образов, гибкость поз, живость ликов, волнообразность контуров, унаследованные от эллинистической традиции доиконоборческого искусства. Эти качества сохранились именно в палестинском кругу памятников в отличие от коптской живописи той же эпохи, гораздо более отвлеченного и абстрактного характера. Все это позволяет отнести памятник из Пушкинского музея к палестинской традиции.

Если попытаться определить дату московской иконы, то, к сожалению, в Палестине этой эпохи нет в нашем распоряжении точно датированных произведений живописи. Их относительная хронология основана преимущественно на представлении о постепенной эволюции от стиля классически живописного к более линейному и схематичному. Однако памятники, либо имеющие точные даты, либо связанные с определенными историческими событиями, сохранились за пределами Палестины. Речь идет о фрагменте росписи капеллы Феодотуса с "Распятием" в церкви Санта Мария Антиква в Риме середины VIII в. времени Папы Захария I, написанной под значительным палестинским влиянием, римских мозаиках раннего IX в. в церкви Санта Мария Доменика времени Папы Паскаля I (817—824 гг.) и капеллы Св. Зенона в Санта Прасседа первой четверти IX в., а также в рельефе слоновой кости из Берлина с изображением коронации Льва V, который К.Вейцман датировал 813 г.⁴⁴ При различиях в местных традициях в московской иконе видятся

параллели со многими деталями в этих памятниках. Так, тип Иоанна Крестителя сходен с образом Предтечи в мозаиках Санта Мария Доменика, вытянутый лик Богоматери, срезанные носы всех персонажей и трактовка жестов благословляющих рук — с рельефом из Берлина, на котором изображена коронация Льва V⁴⁵. Но особенно много общего у створки из собрания В.С. Голенищева с иконами "Распятие" и "Свв. Харитон и Феодосий", а также миниатюрами Сакра Параллела — палестинскими памятниками второй половины VIII — раннего IX в.⁴⁶ По-видимому, ее можно датировать именно в этом интервале — от середины VIII до начала IX в.

В Палестине под мусульманским владычеством в период иконоборчества художественная традиция не была прервана. Константинопольские декреты иконоборцев на этих территориях не имели силы. Под покровительством халифов процветала как мусульманская, так и христианская культура. Иоанн Дамаскин мог быть логофетом при дворе Омейядов в Дамаске, прежде чем он уединился в монастыре Саввы близ Иерусалима. Именно в этом монастыре, предположительно, и была создана роскошно иллюстрированная рукопись Сакра Параллела, текст которой был составлен самим отцом Иоанном⁴⁷. Можно допустить, что столь отчетливая литургическая символика иконографии московской створки обусловлена полемическим пафосом иконофильской православной среды эпохи иконоборчества. В таком случае это может служить еще одним доводом в пользу предложенной нами датировки.

⁴⁰ Weitzmann K. The Monastery... P. 58-59, 61, 64-65, pl. XXIV-XXVI, LXXXIV-LXXXVII, XC-XCI, B. 33, 36-37; Weitzmann K. The Miniatures...

⁴¹ Weitzmann K. The Monastery... P. 64-65, pl. XXV, XCI, B. 37.

⁴² Weitzmann K. The Ivories of the So-called Grado Chair. // DOP. 1972. 26. P. 74-77, ill. 1-62 = repr. in: Weitzmann K. Studies in the Arts at Sinai. N VI. P. 148-151, ill. 1-62; Weitzmann K. The Miniatures... P. 17 ff.

⁴³ Splendori di Bisanzio. P. 140-141. N 52; Weitzmann K. The Monastery... P. 61, pl. XXV; Weitzmann K. The Miniatures... Color pl.

⁴⁴ Wilpert J. Die römischen Mosaiken und Malereien der kirchlichen Bauten vom IV bis XIII Jahrhunderts. Freiburg, 1916. Bd. II. S. 679, Bd. IV. P. 163; Weitzmann K. The Ivories... P. 65-73, ill. 45-48, 55; Weitzmann K. The Miniatures... P. 23-25; Oakeschott W. Mozaici Rima. Beograd, 1977. P. 190-200; pl. 114-125, XX-XXII.

⁴⁵ Oakeschott W. Op. cit. Pl 119; Weitzmann K. The Ivories... P. 48, 55.

⁴⁶ Weitzmann K. The Monastery... P. 61, 64-65, pl. XXV-XXVI, LXXXIX, XC-XCI; Weitzmann K. The Miniatures... pl. VI, 13; VII, 23; LXXXVI, 338, 340; LXXXIX, 411.

⁴⁷ Ibid. P. 8-11, 20-23.

А.Я. Каковкин

КОПТСКАЯ ТКАНЬ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ "СУДА СОЛОМОНА"

В 1932 г. Анна Апостолаки издала каталог тканой продукции из христианских захоронений в Египте, хранившейся в музее прикладных искусств в Афинах¹. По тем временам это было вполне образцовое издание². Среди в большинстве случаев впервые обнаруженных тканей было несколько редких и даже уникальных образцов. В разделе тканей с христианскими сюжетами (в их числе были: эпизоды истории патриарха Иосифа, "Даниил во рву львином", "Встреча Марии с Елизаветой", "Рождество Христово" и др) наше внимание привлекла ткань с инвентарным номером 1382³.

Она представляла собой вотканый в полотно неплохой сохранности медальон (диам. 19 см.), на котором на основе из белого льна выткана в гобеленовой технике разноцветными шерстяными нитями многофигурная сцена: справа на троне восседает в трехчетвертном обороте бородатый мужчина в дорогих одеждах, с нимбом, с небольшой короной на голове. Его размеры, превышающие размеры всех остальных изображенных лиц, и трон, на котором он сидит, выделяют его как главного персонажа, подчеркивая его высокое достоинство. Поза мужчины выражает задумчивость: его правая рука поднесена ко рту, левая протянута перед собой по направлению к стоящему рядом с ним молодому мужчине. Его голова тоже окружена нимбом. На отставленной в сторону правой руке он держит небольшую человеческую фигурку, а в левой руке меч. По сторонам головы сидящего мужчины изображено по крохотной человеческой фигурке (та, что вверху, с нимбом), а за спиной стоит, протянув вперед левую руку фигура женщины. В фоне ткани несколько растительных побегов и вытканых белыми нитками значков, имитирующих греческие (или коптские) буквы. Обрамляет медальон двухрядная полоса: внутренняя широкая представляет собою чередующиеся растительные побеги, внешняя узкая состоит из разноцветных прямоугольников (рис. 1). Цветовая гамма довольно насыщена: красный, желтый, синий, коричневый, черный, белый.

¹ *Ἀποστολάκη Α.* Τα κοπτικά ὑφάσματα τοῦ ἐν Ἀθήναις Μουσείου τῶν κοσμητικῶν τεχνῶν. Ἐν Ἀθήναις. 1932.

² См. рец. на нее: BZ. 19355. Bd. 35. S. 141-144.

³ *Ἀποστολάκη Α.* Op. cit. N 1382. Рис. 119. А. Апостолаки на с. 152 указывает, что аналогом этой ткани является медальон того же музея (инв. № 1379). Обе ткани воспроизведены в диссертации Л. Абдел-Малек (Abdel-Malek L.N. Joseph Tapestries and related Coptic Textiles. Ann Arbor, 1980. P. 230. Cat. N 71, fig. 76 (N 1382); P. 230. Cat. N 71, fig. 71 (N 1379).

Рис. 1. Суд Соломона. Многоцветная ткань VIII-IX вв. Афины, Музей прикладных искусств (воспроизведена в каталоге А. Апостолаки, 1932 г.)

А. Апостолаки отнесла эту ткань к VI—VII вв. и определила сюжет как "Избиение вифлеемских младенцев" — событие, отмеченное из синоптиков лишь в Евангелии от Матфея. В стихе 16 гл. II-ой рассказывается как, узнав от волхвов о рождении Иисуса Христа, "... Ирод ... весьма разгневался и послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже по времени...". Согласно церковной традиции, по приказу Ирода умерщвлено было 14 тыс. младенцев. Такой жестокой мерой он думал погубить Иисуса.

По мнению А. Апостолаки, сидящая фигура представляет Ирода Великого, отдающего распоряжение умертвить младенцев, дабы не оставить в живых Спасителя мира. Молодой воин расправляется с ребенком, две другие маленькие фигурки обозначают умерщвленных детей. Стоящая за Иродом фигурка представляет одну из матерей, олицетворяющей убитых горем других несчастных женщин.

В качестве сюжетной и иконографической аналогии тканому изображению А. Апостолаки привела сцену в росписи скальной церкви монастыря св. Иоанна (Дейр Абу Хиннис) близ Антинополиса (рис. 2)⁴. Предположения

⁴ Апостолаки А. Указ. соч. С. 152. Перв. публ. этой сцены см.: Бок В.Г. Материалы по археологии христианского Египта. СПб., 1901. С. 84. Табл. XXXIII.

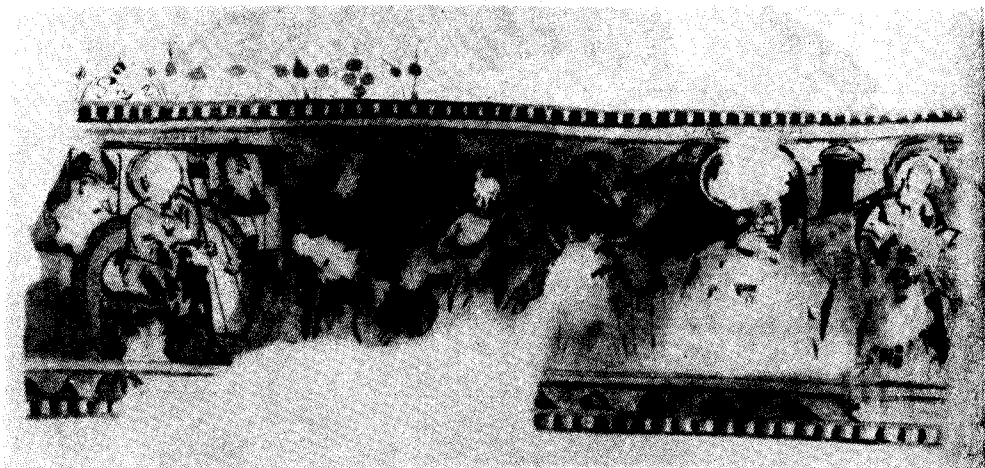

Рис. 2. Избиение младенцев.

Роспись (копия) пещерной церкви монастыря св. Иоанна (Деир Абу Иннис) близ Антинополиса

А. Апостолаки очень интересны, поскольку это евангельское событие не нашло широкого отражения в коптском искусстве. П. дю Бурге в помещенной в "Коптской энциклопедии" статье "Избиение младенцев" приводит лишь два памятника с этой сценой — упомянутую роспись в Деир Абу Хиннис и роспись в 30-й часовне обители апы Аполлона близ Бауита⁵. На наш взгляд, к росписям следовало бы добавить и миниатюры⁶. Уместно отметить, что высказано и предположение, что сцена избиения представлена на двух медальонах фрагментированной завесы из собрания Кеворкяна⁷. На всех этих памятниках (кроме завесы) сцены многолюдны и эмоционально накалены. Естественно, что в силу ряда причин объективного характера, обусловленных самой техникой ткачества, в ткани сцену в таком виде, как в росписе или миниатюре, представить невозможно: ткач вынужден упрощать изобразительный строй композиции, сокращать число действующих лиц, опускать детали. Именно в таком варианте сцена представлена на афинской ткани. Удивляет в ней одна странная особенность: почти все персонажи на ней представлены

левшами. Если это не технический типографский брак (фото при воспроизведении представили в другую сторону — "зеркалка"), то промах ткача, который, используя образец, по-видимому, прорись, положил ее обратной стороной⁸. Если представить ткань в обратном изображении (рис. 3), все встает на свои места. Но не это главное. Нас не убеждает предложенная А. Апостолаки интерпретация сцены. Основной смысл уловлен ею верно — раправа над младенцем, но сюжетная основа сцены другая. Нам кажется, что уместнее видеть на афинской ткани не евангельский эпизод (между прочим, проходной, зафиксированный только у Матфея⁹, и, по правде говоря, только косвенно коснувшийся Иисуса Христа), а библейский, отстоящий от евангельского на несколько столетий. Речь, скорее всего, может идти об эпизоде, связанным с царем Соломоном, и получившим название "Суд Соломона". Этот эпизод породил утвердившийся за молодым царем эпитет "мудрого".

Рис. 3. Прорисовка афинской ткани в верном воспроизведении

⁵ Boourget P. du. Massacre of the Innocents // The Coptic Encyclopedia. N.Y., Toronto etc. 1991. Т. 2. Р. 533-534. О росписи этой часовни подробно см.: Clédar J. Notes archéologiques et philologiques // Bulletin de l'Institut Français d'archéologie orientale. Le Caire, 1902. Vol. 2. Р. 44-54. Pl. I-V.

⁶ Leroy J. Les manuscrits coptes et coptes-arabes illustrés. P., 1974. P. 117, 118, 159. Pl. 45, 1; 77.

⁷ Эта завеса впервые фигурировала на выставке в Бруклинском музее весной 1941 г. (Pagan and Christian Egypt, Egyptian Art from the first to the tenth century A.D. N.Y., 1941. Р. 74. № 234). Устроители выставки видели в этой сцене "римского солдата, участвующего в акте избиения". В сообщении об этой выставке С. Тер Нерсесян (The Art Bulletin. June 1941. Vol. XXIII. N 2. Р. 167) в предположительной форме высказалась о возможности видеть здесь "Избиение вифлеемских младенцев". Нам кажется, что в этой сцене вполне можно видеть изображение мученичества христиан. Факт сам по себе весьма примечательный, если учесть, что у коптов (ведущих свое летоисчисление по собственной "эре мучеников" — с момента воцарения Диоклетиана) почти нет сцен мучений. А если и попадают, то трактуются и понимаются как акт триумфа мучеников (см., например, сцены мучений св. Фёклы в скульптуре, керамике и ткачестве).

⁸ В своей практике ткачи очень широко пользовались всевозможными образцами, часто комбинируя сцены из разных источников, что иногда приводило к несуразностям и композиционным, и логическим. В том, что мастер использовал прорись-образец, сомнений быть не может. Две представленные на афинской ткани фигуры находят без труда свои прототипы-аналоги в нескольких коптских тканях с изображениями эпизодов патриарха Иосифа: Соломон представлен в типе Иакова, посылающего Иосифа в Дагон проведать братьев; стоящая за спиной царя женщина повторяет фигуру одного из братьев Иосифа (см.: Nauwerth C. Die Josephgeschichte auf koptischen Stoffen // Enchoria. 1978. Т. VII, N 2. 105-113. Taf. 27-31, 33; Каковкин А. Я. Эпизоды "Истории Иосифа" на коптских тканях Эрмитажа // Кавказ и Византия. Ереван, 1980. Вып. 2. С. 116-142. Рис. 1-6).

⁹ Подробно, с широким привлечением источников и художественных памятников, эпизод с избиением младенцев рассмотрен Н.В. Покровским (Евангелие в памятниках иконографии преимущественно византийских и русских. СПб., 1892. С. 145-151). См. также: Kötzche-Breitenbruch L. Ikonographie des Bethlehemischen Kindermords // Jahrbuch für Antike und Christentum. 1968/69. Bd. 11/12. S. 104-115.

В стихах 16—28, гл. III в III кн. Царств рассказывается о том, как однажды к Соломону явились две женщины с тем, чтобы царь разрешил их спор. Эти женщины-соседки имели по ребенку-одногодку. У одной из них неожиданно умер ребенок, она подложила его соседке и забрала у той спящей живого мальчика. Решить, чей ребенок и предстояло Соломону. Он распорядился разрубить малыша и передать женщинам по половинке тельца. Та, у которой умер ребенок, согласилась на это. Другая отказалась от прав на ребенка, хотя и была его матерью. Царь признал в ней истинную мать.

Попытаемся обосновать наши предположения. В сцене представлено шесть персонажей. Четверо из них определяются довольно легко. Это — Соломон; воин, готовый разрубить ребенка; стоящая за спиной царя мать малыша, готовая уступить своего сына другой женщине, лишь бы сохранить ему жизнь. В полуфигуре, представленной между стоящей женщиной и головой Соломона, можно признать другую женщину (Такой условный прием должен представлять женщин, стоящих по сторонам царского трона. Отсутствие места вынудило ткача прибегнуть к такому варианту). Фигурку наверху можно принять за умершего младенца, представленного в горнем мире (недаром он с нимбом). Кстати, о нимбах. У Соломона он является атрибутом его высокого, царского достоинства. У воина, вероятно, по ошибке (ткач воспроизвел его с образца, на котором воин был с нимбом — в коптском ткачестве подобные промахи в порядке вещей). В пользу наших предположений, как кажется, свидетельствует и еще одно обстоятельство.

Допустим, что А. Апостолаки была права, посчитав, что на ткани представлено избивание вифлеемских младенцев. Это была бы еще одна из сравнительно немногочисленных в коптском искусстве евангельских сцен, призванная, в данном случае, проиллюстрировать жестокость Ирода. Если же согласиться, что перед нами суд Соломона, то смысл сцены становится более весомым: своим решением мудрый царь спас невинное дитя. Сцена убедительно символизирует идею спасения, ту самую идею, которой отвечает большинство изображений на коптских тканях, будь это изображения из христианской мифологии или из искусства древнего Египта, Греции, Рима, Персии¹⁰.

Обратимся к датировке афинской ткани. А. Апостолаки отнесла её к VI—VII вв. На наш взгляд, её следует датировать VIII—IX вв. По-видимому, в какой-то степени отнести ткань к VI—VII вв. А. Апостолаки "вынудила" датировка росписей в Деир Абу Хиннис, которые в те годы обычно приписывали очень раннему времени — IV—VI вв.¹¹ В вопросе датировок росписей мы разделяем точку зрения Д. В. Айналова, который в рецензии на "Материалы по археологии христианского Египта" В. Г. Бока отмечал, что росписи Деир Абу Хеннис относятся "к более позднему времени, во всяком случае, аналоги они имеют в памятниках IX—XII вв."¹² Несомненно не столь ранние и росписи Баута, как обычно фигурирует в литературе. Примечательна и такая подроб-

¹⁰ Каковкин А. Я. Изображения на коптских тканях: украшения или символы? // Восточное Средиземноморье и Кавказ IV—XVI вв. Сб. ст. Л., 1988. С. 37—66. Этот тезис завоевывает все большее число приверженцев. Например, он доминирует в комментариях к памятникам, фигурировавшим на выставке "После фараонов". См.: Beyond the Pharaons: Egypt and the Copts in the 2nd to the 7th centuries A.D. / Ed. F. D. Friedman // Museum of Arts: Rhode Island School of Design. 1989. См. также: Maguire H. Garments Pleasing to God: the significance of Domestic Textile Designs in the Early Byzantine Period // DOP. 1990. Т. 44. P. 215—224 (особенно четко — P. 223—224).

¹¹ Основные точки зрения на этот вопрос см.: Grüneisen W. de. Les caractéristiques de l'art copte. Florence, 1992. P. 96.

¹² ВВ. 1902. Т. 9. С. 189.

ность — бордюр афинской ткани повторяется на значительной группе тканей с библейскими сюжетами (в частности, на образцах с эпизодами истории Иосифа и Давида¹³), которые ныне все чаще относят к VIII—IX, а порой и к X в.¹⁴ Не исключено, что вся эта продукция вышла из одной мастерской, которая, судя по фиксированному месту происхождения некоторых из этих тканей, вполне могла находиться в Ахмиме.

Афинская ткань примечательна не только тем, что на ней изображен один из ветхозаветных сюжетов¹⁵, не столь уж редких в коптском искусстве, как полагали некоторые ученые¹⁶. Эта ткань, наряду с другими коптскими памятниками с библейской тематикой, создана в сравнительно позднюю коптскую эпоху, во всяком случае, через полтора-два столетия после подчинения Египта арабами. В это время и в последующие несколько столетий заметен рост числа памятников с христианской тематикой. Все чаще живописцы (фрескисты и миниатюристы), скульпторы, резчики по кости, ткачи, а также создатели памятников письменности¹⁷ обращались к образам своего прошлого. На наш взгляд, это примечательное в истории культуры христианского Египта явление можно объяснить реакцией на усиливавшееся с каждым десятилетием стремление арабов исламизировать страну¹⁸. Обращением к своему прошлому (а местные жители, похоже, понимали под "своим прошлым" и мотивы, и символы древнего Египта, героев греко-римской мифологии и литературы и конечно же образы христианской мифологии) они морально утверждали его культурную и историческую ценность. Вероятно, приверженность большинства коптов к монофизитской доктрине обусловила более широкое использование коптскими мастерами ветхозаветной тематики, чем евангельской. Со временем, когда догматические расхождения в христианской среде стали сглаживаться, широко стали использоваться и евангельские сюжеты. Убедительные примеры этому дают иллюстрации коптских и коптско-арабских рукописей, украшать которые сюжетными изображениями, по существу, стали лишь с начала второго тысячелетия¹⁹.

В заключение можно отметить, что заинтересовавшая нас афинская ткань с уникальным изображением "Суда Соломона" позволила сделать далеко идущие выводы, раскрыть некоторые особенности социальной, религиозной и художественной жизни коптов в последние полтора-два века первого тысячелетия.

¹³ К литературе в примеч. 8 следует добавить: Каковкин А. Я. Две коптские ткани с изображением Давида из собрания Эрмитажа // ВВ. 1983. Т. 44. С. 182—185. Рис. 1, 2; Nauerth C. Evidence for a David Cycle on Coptic Textiles // Coptic Studies. Acts of the 3rd International Congress of Coptic Studies. Warsaw. 20—25 August 1984. Varsovie, 1990. P. 285—297. Fig. 1—4, 6, 8, 12.

¹⁴ The Coptic Encyclopedia. 1991. Т. 2. P. 388.

¹⁵ Эта проблема рассмотрена мною в ст. "Ветхозаветная тематика в коптском искусстве" (ПС. 1993. Вып. 93).

¹⁶ Leroy J. Op. cit. P. 208; Le Monde copte. 1988. N 14—15. P. 38.

¹⁷ Еланская А. И. Коптская литература // История всемирной литературы. М., 1984. Т. 2. С. 362—364.

¹⁸ Этому вопросу посвящена моя работа "Египет в XI веке: некоторые аспекты социально-политической, религиозной и культурной жизни христианского населения страны" (в печати).

¹⁹ Наглядно это продемонстрировано Жюлем Леруа, в цит. кн. которого на с. 218—219 перечислены евангельские эпизоды, проиллюстрированные коптскими миниатюрами.

А.И. Романчук

ЗАМЕТКИ К ИСТОРИИ ХЕРСОНЕСА XIV в.

На протяжении всего античного и средневекового периодов Таврика являлась контактной зоной цивилизаций. Здесь происходило столкновение и взаимопроникновение с одной стороны греко-римско-византийской культуры, с другой — культуры "варварских народов", обитавших в данном регионе в древности или появившихся в результате ряда переселенческих волн. Носителем более высоких достижений культуры являлся город, поэтому проблема этнической истории Крыма связана с судьбами городских центров, среди которых одним из наиболее крупных для Юго-Западной Таврики был Херсонес-Херсон.

Традиционно XI—XIII вв. характеризуются как период постепенной стабилизации, временного подъема экономического и политического значения Херсона накануне его исчезновения с политической карты Крыма. В течение последнего периода, по мнению А.Л.Якобсона, вызревали предпосылки упадка Херсона как города в XIV в.¹ Как полагают, в значительной мере они были связаны с двумя основными внешнеполитическими факторами: проникновением в Северное Причерноморье итальянского купечества и усилением во второй половине XIII в. золотоордынской активности, завершившейся серией походов на Херсон — в 1299 г. Ногай, в конце XIV в. разгромом города войском Тимура. Основной же причиной развития негативных процессов явилось, с точки зрения крупнейшего исследователя Таврики А.Л.Якобсона, то, что Херсон вступил в XIV в. экономически ослабленным вследствие перемещения торговых путей в восточные районы Таврики (Судак, Каффа); проникновение генуэзцев в Северное Причерноморье привело к вытеснению греческого торгового элемента, что отрицательно сказалось на ремесленной и торговой деятельности херсонитов². В значительной мере этот вывод являлся отражением господствовавшего в византиноведении тезиса о постепенном упадке Византийской империи, который продолжался в течение последнего столетия ее истории³.

Комплексное изучение источников рядом исследователей, предпринятое в последние годы, позволило проследить, что наблюдаемый в XIV в. упадок не был односторонним явлением, наряду с ним имело место и прогрессивное

развитие как в духовной, так и в социально-экономической сферах, хотя это и не привело к кардинальному изменению ситуации⁴. Обоснованный пересмотр концепции о том, что итальянская предпринимательская деятельность разрушила византийскую торговлю и города, наметился в конце 70-х годов С.П.Карпов показал, что доля византийских предпринимателей, ведущих торговлю в Черноморском бассейне в поздневизантийский период не уменьшилась⁵. Стагнация была вызвана тем, что византийская торговля не опиралась на солидный базис ремесленных цехов и потому все более ориентировалась на сбыт сельскохозяйственной продукции и посредническую торговлю⁶. В то же время следует отметить, что несмотря на переживаемые городами экономические трудности, в них существовало достаточно развитое ремесло. Так, на основании изучения писем В.А.Сметанин насчитывает 88 категорий ремесленников, выделяет наличие не менее 20 отраслей ремесел⁷. Но поскольку в письмах в основном характеризуется жизнь столичного населения, они не могут дать представления о ремесленной деятельности жителей средних и небольших городских центров, для внутренней истории которых источники чрезвычайно малочисленны.

История Херсона в данном плане не отличается от других провинциальных центров Византии. Вместе с тем, накануне дней, когда городу было суждено исчезнуть с исторической арены, он в течение нескольких лет находился в центре территориальных споров, которые вели иерархи Таврики. Самой беспокойной и настойчивой стороной среди тех, кто выставлял свои притязания на ряд населенных пунктов по южному берегу Крыма, являлся Херсонский митрополит. Борьба велась между Херсонской и Готской церковью за Кинсанус с другими приморскими местечками, расположенными около него, и с Сугдейской за Элисс с окрестными деревнями⁸. Напряженность этой борьбы достаточно наглядно рисуют послания патриарха митрополитам Таврики⁹. Отдельные выражения их, в частности изложенные здесь жалобы Херсонского иерарха на бедность его церкви, неоднократно использовались как доказательство "отчаянного положения, в котором очутился Херсон во второй половине XIV в.", и в качестве одного из главных аргументов для вывода о том, что "история Херсона XIV в. — это история постепенного угасания города"¹⁰. Обусловлены же были приходящиеся на начало XIV в. изменения отрицательными последствиями появления в Крыму

⁴ Matschke P.-K. Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz: Studien zur spätbyzantinischen Geschichte zwischen 1402 und 1422. Weimar, 1982. S. 270.

⁵ Карпов С.П. Особенности развития поздневизантийского города-эмпория (Трапезунд в XIII—XV вв.) // ВО. 1977. С. 79—106. Он же. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII—XV вв. М., 1981. С. 167.

⁶ Карпов С.П. [Рец.] // ВВ. 1984. Т. 45. С. 249—251. Рец. на: Laiou-Thomodakis A.E. The Byzantine Economy in the Mediterranean Trade System, Thirteenth—Fifteenth centuries // DOP. 1980/1981. Vol. 34/35.

⁷ Сметанин В.А. Византийское общество XIII—XIV веков по данным эпистографии. Свердловск, 1987. С. 181.

⁸ Отдельные эпизоды этой борьбы рассмотрены мною. См.: Романчук А.И. Материалы к истории Херсонеса XIV—XV вв. // Византия и ее провинции. Свердловск, 1982. С. 91; Она же. Херсонес XII—XIV вв.: Историческая топография. Красноярск, 1986. С. 174—176. На некоторых перипетиях споров крымских иерархов останавливалась Н.М.Богданова. См.: Богданова Н.М. Акты Константинопольского патриархата XIV века как источник по истории Херсона // Проблемы социальной истории и культуры средних веков. Л., 1986. С. 90—91.

⁹ Древнейшие акты Константинопольского патриархата, относящиеся к Новороссийскому краю // ЗОИИД. 1867. Т. 6. Отд. II.

¹⁰ Якобсон А.Л. Средневековый Херсон... С. 41.

¹ Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес: XII—XIV вв. // МИА. 1950. № 17. С. 40—41.

² Там же. С. 41.

³ Курбатов Г.Л. История Византии: Историография. Л., 1975. С. 36.

новых этносов, их военно-политическим и экономическим противостоянием. Насколько существенными были данные факторы, позволяет проследить история Херсонеса поздневизантийского периода, который благодаря слоям разрушения в большей мере оснащен археологическими материалами, играющими первостепенное значение при ограниченности сведений письменных источников.

В то же время необходимо подчеркнуть, что в отношении датировки последнего слоя разрушения на Херсонесском городище нет единого мнения, и даже в одном районе его относят то к середине—концу XIII в.¹¹, то к XIV в.¹² В значительной мере это связано с малочисленностью находок монет, которые могут быть достаточно четко датированы, преобладанием в верхних слоях городища монет с монограммой "ро", в отношении выпуска которых имеются существенные разногласия. Эта одна из причин суммарных характеристик других материалов Херсонеса. Кроме того сами по себе находки монет чрезвычайно важны для оценки торговых связей этого города. Так, например, Н.М. Богданова пишет, что об активном участии Херсона в торговле Северного Причерноморья во второй половине XIII—XIV в. свидетельствуют находки монет, в частности, монет Золотой Орды¹³. К сожалению, полностью согласиться с таким выводом не позволяет демонстрируемый в таблицах материал: к XIV в. из 120 монет крымских ханов и Золотой Орды относятся только 16.¹⁴ Это обстоятельство порождает сомнение в правильности вывода, хотя он вполне правомерен. Все дело в том, что не учтен значительный круг материалов, которые подтверждают данный тезис. Прежде всего — находки, характеризующие стратиграфически отличающиеся слои разрушения поздневизантийского периода и время обращения монет с монограммой "ро".

В.А. Анохин считает, что эмиссия монет с изображением "ро" началась при императоре Романе III (1028—1034), существовала при Романе IV (1067—1071) и после 1071 г. продолжалась в течение 30—40 лет¹⁵. Несколько иной точки зрения придерживается И.В. Соколова, отметившая, что выпуск монет с монограммой "ро" начинается только в конце XII в. и является характерным для XIII в. Исследовательница полагает также, что один из выпусков таких монет, являвшихся подражаниями монетам XIII в., мог иметь место и в первой половине XIV в.¹⁶

Монеты с монограммой "ро" являются наиболее массовыми в поздневизантийских слоях Херсонеса. В процессе изучения интенсивности торговых связей города необходимо учитывать не только время их выпуска, но и период обращения. Говорить о последнем позволяет анализ нумизматических находок из слоев разрушения. Рассмотрим два комплекса из портового квартала 2 Херсонесского городища, которые были расположены в непосредственной близости друг от друга.

В 1987 г. в портовом квартале 2 была раскопана усадьба, в состав которой входило два помещения — пом. 37 и 38, где были выявлены следы двух-

кратных разрушений. Наиболее четко был представлен верхний слой разрушения, характеризующийся скоплением черепицы — упавшая кровля дома, под которой лежали остатки сгоревших балок, а на полу — различные сосуды. Ниже находилась засыпь, состоявшая из земли и бутового камня, а также фрагменты сосудов. Эта засыпь перекрывала подошву с остатками угля, локальными скоплениями керамики.

Остановимся на нумизматических находках, обнаруженных на полах помещений этой усадьбы¹⁷. В верхнем слое разрушения в помещении 38 присутствовали следующие монеты: с монограммой "ро" — выпуск времени правления императора Романа IV, по определению В.А. Анохина¹⁸, варианты монет, которые были выпущены несколько позднее — в конце XI — первой четверти XII в.¹⁹ На выявленной ниже подошве, кроме монет с монограммой, была обнаружена восточная монета, определить которую в пределах узкого хронологического периода не представилось возможным, — монета XIII—XIV вв.²⁰

В помещении 37 на подошве нижнего слоя разрушения помимо разрозненных лежащих монет с монограммой обнаружено две группы монет. Пять монет найдены на фрагменте калиптера. Все они имели на оборотной стороне изображение креста — выпуск времени Романа IV²¹. Вторая группа из 17 монет, находившихся рядом в северном углу помещения, также относилась к выпуску Романа IV²², две из этих монет были вогнутыми. В верхнем слое разрушения под черепицей упавшей кровли встречены аналогичные монеты, в том числе с гладкой оборотной стороной, одна восточная (возможно, Джучиды XIII—XIV вв.) и византийская монета Алексея I Комнина (1081—1118).

В расположенном к северо-востоку комплексе через улицу от описанной выше усадьбы выявлена несколько отличающаяся ситуация. Здесь открыта усадьба, пристроенная к оборонительной стене, которая, вероятно, до XI в. отделяла гавань от жилых домов. Начало стены, пристроенной к куртине 18, было открыто еще во время раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича, продолжение — во время наших раскопок в 1983, 1988 гг.

В усадьбе, примыкавшей к оборонительной стене, которая к началу строительства жилого комплекса утратила свое боевое значение, обнаружено несколько строительных периодов, кроме того, не все помещения здесь были сооружены одновременно. Возможно, в ходе перестроек и был уничтожен нижний слой разрушения. Следует также отметить, что были открыты следы строительства, производившегося после последнего пожара. Помимо других, прежде всего керамических находок, интерес в этом комплексе представляет нумизматическая коллекция. В слое разрушения, на полу помещений, было найдено значительное количество монет с монограммой "ро", которые В.А. Анохин считает чеканом времени Романа III, Романа IV и выпущенных херсонским монетным двором в 30—40-летний период после 1071 г. Из 29 монет с монограммой к таким монетам относятся 12 экземпляров. Встречены

¹¹ Рыжов С.Г. Раскопки в северном районе Херсонеса // АО, 1984. М., 1986. С. 299.

¹² Рыжов С.Г. Раскопки девятого квартала Херсонеса // АО, 1983. М., 1985. С. 350.

¹³ Богданова Н.М. Херсон в X—XV вв.: Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. М., 1991. С. 70.

¹⁴ Там же. С. 163.

¹⁵ Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 123—124.

¹⁶ Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. С. 56—62.

¹⁷ Более подробное описание комплекса приведено в отчете раскопок экспедиции Уральского университета за 1987 г.

¹⁸ Анохин В.А. Указ. соч. Тип. XXX, 453.

¹⁹ Там же. Тип. XXXI, 465—471.

²⁰ Определение монет произведено Т.И. Костромичевой.

²¹ Анохин В.А. Указ. соч. Тип. 456—460.

²² Там же. Тип. 457.

были здесь также монеты седьмого типа, который И.В. Соколова склонна датировать второй половиной XIII в.²³

Не останавливаясь в данном случае на тонкостях нумизматического анализа и логике доказательств оппонентов в отношении периодизации чекана данного вида херсонских монет, отмечу, что наряду с ними, как в слое разрушения, так и в перекрывавшей его засыпи, имелись восточные монеты. Так, в слое разрушения найдены две монеты Тохты (1290—1313), а в засыпи, перекрывавшей его — Узбека (1313—1339) и Джанибека (1339—1357). Все это, без сомнения, позволяет говорить о том, что пожар, приведший к разрушению усадьбы, имел место не ранее 60-х годов XIV в.

В свою очередь, соотношение монет с монограммой "ро" и восточных является свидетельством того, что в денежном обращении Херсона XIV в. использовались монеты с монограммой вне зависимости от того, к какой хронологической группе они относились.

Различия в составе монетных находок в двух расположенных рядом комплексах (для первого уточнить время выпуска восточных монет не представлялось возможным) ставит еще один принципиальный вопрос: надежность выводов на основании раскопок отдельных комплексов, что как раз и порождает разночтения в определении времени последнего разрушения Херсона.

В данном случае пример нумизматических находок из раскопок портового квартала 2 показывает, что последний век истории Херсона, считающийся временем упадка и деградации торговли, не был безмонетным периодом.

Для того, чтобы избежать обвинения в том, что приведенные данные характерны только для одного квартала, обратимся к материалам портового квартала 1. Для него отмечено (как и для портового квартала 2) сочетание находок монет с монограммой "ро" с восточными и византийскими. Во время раскопок 1963 г. в верхнем слое кроме 22 экземпляров монет с монограммой встречены монеты Джучидов XIII—XIV вв. и Михаила VIII (1261—1282). В лежащих ниже слоях (2-м и 3-м) найдены трапезундские, джучидские монеты и с монограммой "ро"²⁴. Повторяемость ситуации в двух кварталах Херсонеса не может не являться проявлением некоторой закономерности. Таким образом, нумизматические находки показывают наличие торговых связей Херсона и Золотой Орды²⁵ и обращение в этот период на местном денежном рынке монет с монограммой "ро", что вряд ли согласуется с той негативной оценкой развития города, которая была дана последнему веку его истории А.Л.Якобсоном²⁶.

²³Соколова И.В. Монеты и печати... С. 62.

²⁴Гилевич А.М. Монеты из раскопок портового района Херсонеса в 1963—1964 гг. // АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 76.

²⁵В данном плане следует учитывать, что во второй половине XIII в. в Золотой Орде возникало и развивалось собственное ремесло, появлялись города, что способствовало переходу от прямого ограбления соседних территорий к экономическим связям. См.: Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 1985. С. 140. Безусловно, это не означало, что не существовали периоды конфронтации и прямых военных столкновений.

²⁶Более того, некоторые исследователи считают, что Херсон существовал как город еще и в XV в. (Богданова Н.М. Херсон в X—XV вв. ...). На Херсонесском городище были обнаружены монеты XV в. Правда, они найдены в засыпи, перекрывающей последний слой разрушения (XIV в.), и связать их с уверенностью, за небольшим исключением, с тем или иным комплексом не представляется возможным. См.: Романчук А.И. Материалы к истории... С. 93.

Так каким же был Херсон в XIV в.? Одна из наиболее ранних характеристик Херсона этого времени принадлежит К.К.Косцюшко-Валюжиничу: "Улицы на этом участке, как и во всех ранее исследованных местах, проведены параллельно и их легко проследить через все городище до самого моря. А тот город, который обнаруживается на ничтожной глубине с правильными, узкими улицами, водостоками, домами без дворов и множеством часовен, построен одновременно, наскоро, но по строго определенному плану", — писал исследователь в 1895 г.²⁷

Определить последовательность застройки на всей территории Херсонесского городища, значительная часть которой была раскопана в конце XIX — начале XX в. без должного стратиграфического анализа и детальной фиксации материалов, сложно. Но отдельные указания на достаточно позднее строительство имеются²⁸. Удачным примером является сочетание археологических наблюдений и радиоуглеродных анализов в одном из районов городища — "театральном участке". В результате оказалось, что дерево для изготовления балок перекрытий дома было срублено не ранее 1071 г., для конька кровли использованы балки, которые датируются 1085 ± 12 , плахи — 1220 ± 50 , уголь, собранный около очага, дает дату — 1370 ± 5 . Таким образом, мы видим пример строительства и достаточно длительного существования дома, гибель которого относится ко времени не ранее 1375 г.²⁹

Для характеристики материальной культуры Херсона последнего периода жизни можно рассмотреть одну из усадеб, раскопанную в 1986—1988 гг. в портовом квартале 2. Усадьба состояла из двухэтажного дома с черепичной кровлей и обширного двора. Жилые помещения располагались на втором этаже (площадь их 46,5 кв. м.). Стены были сложены из бутового камня. Они возводились с соблюдением порядовки в двухпанцирной технике кладки. На каждый ряд сверху наносился слой земли, замешанный на воде. Такая кладка являлась достаточно прочной, земля между рядами могла играть антисейсмическую роль. Фасад дома украшали полуциркульные арки оконных и дверных проемов, блоки карнизов, расписанные охрой. Оконный проем имел высоту 1,45 м., ширину — 0,95 м. На блоках арок оконного проема сохранились вбитые в них железные штыри, на которых удерживались ставни.

В слое разрушения, наряду с архитектурными деталями, бытовыми предметами (ножи, замки, посуда), встречены рыболовные крючки и деревянные поплавки, несколько энколпионов. Посуда представлена глазурованными блюдами, сделанными из красной глины, и белоглиняными кувшинами, покрытыми зеленой глазурью. Во время пожара в доме находилось 16 белоглинянных кувшинов и один из красной глины, расписанный ангобом. Блюда и миски (всего 11 экземпляров) были покрыты светло-желтой глазурью с пятнами зеленого и коричневого цветов по гравированному орнаменту³⁰. Здесь же находились монохромные сосуды с гравированным орнаментом, покрытые глазурью различных оттенков желтого цвета³¹.

²⁷ОАК за 1895 г. СПб., 1897. С. 90—91.

²⁸См. об этом подробнее: Романчук А.И. Херсонес XII—XIV вв.

²⁹Фирсов Л.В. Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса Таврического. Новосибирск, 1976. С. 145.

³⁰Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979. Рис. 84. 86.

³¹Там же. Рис. 83.

В слое разрушения более раннего времени сочетание глазурованной керамики несколько иное. Для него характерны красноглиняные массивные блюда большого диаметра, блюда, украшенные сюжетными рисунками, выполненными тонкой линией гравировки с подцветкой по рисунку коричневым, и белоглиняные сосуды с акварельной росписью³².

Можно было бы упомянуть и другие дома, которые не имеют принципиальных отличий от описанного выше ни в технике строительства, ни в наборе инвентаря³³.

Архитектурный облик Херсонеса поздневизантийского времени — это одна из сторон его истории. Другая — производственные занятия и торговые связи херсонитов. Судить об уровне развития ремесел Херсонеса, его торговле в XIV в. мы можем в основном по находкам керамики. В этом плане можно отметить, что большая часть сосудов, обнаруженных в слоях пожара, является изделиями местных мастеров, которые снабжали своей продукцией и ближайшую округу³⁴. Но, безусловно, имелись и привозные изделия, как, например, резко отличающиеся по качеству покрытия и характеру орнаментации кувшины с геометрическим орнаментом в технике "шамплеве". Они имеют достаточно широкий ареал³⁵, возможно, они попали в Херсон в связи с генуэзской торговлей в черноморском бассейне.

В целом, проведенные в течение последних лет раскопки достаточно убедительно свидетельствуют о несоответствии вывода о том, что Херсон накануне своей гибели имел "полудеревенский облик застройки, на улицу выходили глухие ограды усадеб, небольшие одноэтажные дома располагались в глубине двора... Второй этаж чаще всего сооружался из деревянного каркаса с саманным заполнением"³⁶.

³² Якобсон А. Л. Керамика... Рис. 77—78, 80, 92.

³³ Один из домов портового квартала 1 описывает В. Н. Даниленко. См.: Даниленко В. Н. Жилые дома Херсонеса XIII—XIV вв. // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С. 62—66. Близок набор находок в домах северного района Херсонеса. См.: Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 году // ХСБ. 1959. Вып. 5. С. 38—49.

³⁴ Сельские поселения Юго-Западного Крыма данного времени изучены недостаточно, что не позволяет выявить значимость торговых связей между Херсоном и окрестными деревнями. Но на некоторых известных в настоящее время сельских поселениях XIII—XIV вв. встречаются глазурованные сосуды, аналогичные херсонесским. См.: Романчук А. И. Раскопки сельского поселения в низовьях реки Бельбек // АДСВ. 1976. Вып. 13. С. 20—21. Ср.: Паршина Е. А. Средневековая керамика южной Таврики (По материалам раскопок и разведок 1965—1969 гг.) // Феодальная Таврика. Киев, 1974. С. 79.

³⁵ Velkov V., Ognenova-Marinova L., Chimbouleva Zh. Mesambria—Mesembria—Nessebur. Sofia, 1986. Fig. 113—114.

³⁶ Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес... С. 86—87.

И. П. Соколова

МОНЕТЫ ПЕРЕЩЕПИНСКОГО КЛАДА. КАТАЛОГ*

Таблица 1

Каталог монет из клада Малое Перещепино

№ с индек- сом М	Лицевая сторона	Оборотная сторона	Вес	Диаметр	Ште- пели	Инвен- тарный №	Дата Литература
1	2	3	4	5	6	7	8
Маврикий (582-602) Солиды							
1	DNMAVRIC TIVCPPAVC Погрудное изобра- жение императора в па- лудаменте, в шлеме с плюмажем; в пра- вой руке — держава DNM.....E[P]PA	VICTORIA AVCC Виктория в рост, анфас с хризмокре- стом в правой руке, в левой — держава. В обресе — CONOB [V]ICTORI AAVCCC	7,39 с гнез- дами	23	✦	1930/26	583-602 г. DOC. I. 296. N 5; MIB. 2. Pr. t. VI. N 11E
Фока (602-610) Солиды							
2	DNFOCAS PEPAVC Погрудное изобра- жение императора в плаще, плоской короне с крестом на полусфере, в правой руке крест ...P CRPAVG	VICTORIA AVCC или VICTORIA AVGY Виктория в рост, анфас, с хризмокре- стом в правой руке, с державой — в левой. В обресе — CONOB VICT...AVCCB	7,30 с гнез- дами	21	✦	1930/25	503-607 г. DOC. II. 1. 153. N 5b MIB. 2. Pr. t. X. 7.

* Окончание. Начало см.: ВВ. 1993. Т. 54. С. 145-152.

1	2	3	4	5	6	7	8
3	DNFOCAS... Крест отделен от руки	VICTORIAAVGYI В обрзе CON..	3,56	20	↓	1930/22	607-609 г. DOC.II.1.157. N 10j3; MI.2. Pr.t. N 9
Ираклий (610-641) Ираклий и Ираклий Константин							
	DNHERACLIVSE- ThERACON Ираклий с длинной бородой и большими усами и Ираклий Константин с корот- кой бородой погруд- но, анфас. Одеты в хламида, короны с крестом на полу- сфере	VICTORIA AVGY Крест на трех сту- пенях. В обрзе — CONOB					629-632 гг. DOC.II.1.254. класс III
Медальоны							
4	Общий штемпель с № 5	В конце надписи S Общий штемпель с № 5	11,12	26	↓	1930/19	
5	Надпись заплыла Общий штемпель с № 4	Общий штемпель с № 4	11,18	27	↓	1930/20	
Солиды							
		а) без зна-ков в поле					
6		В конце надписи Г	4,44	20,5	↓	1930/22	DOC.II.1. 255. N 26
7		В конце надписи Θ	4,41	20,5	↓	1930/22	MIB.3.Pr.t.I. № 29
		б) в поле справа К					
8		В конце надписи Δ Общий штемпель с № 9	6,49 с гнез- дами	24	↓	1930/25	DOC.II.1. 256. № 30
9	Перечеканка	Общий штемпель с № 8	7,14 с гнез- дами	23	↓	1930/25	MIB.3.Pr.t.I. № 37
Ираклий, Ираклий Константин и Ираклеон Солиды							
	Ираклий, Ираклий Константин и Ирак- леон стоят в рост, анфас, в коронах и хламидах, с держава- ми в правых руках	VICTORIAAVGU Крест на трех ступенях. В поле слева h, справа — ε В обрзе — CONOB					DOC.II.1. 262. N 44; MIB.3.Pr.t.I. N 53

1	2	3	4	5	6	7	8
10		В конце надписи S		20	↓	1930/23	
Легкие солиды в 20 карат							
	То же	То же, но в поле справа Δ, в обрзе BOXX					637/638? DOC.II.1. 263. № (47); MIB.3.Pr.t. I. № 66
11	Общий шт. с № 12-29	В конце надписи ε	3,70	19	↗	1930/21	
12	Общий шт. с № 11-29	Общий шт. с № 13 Двойной удар	3,68	21	↗	1930/22	
13	Общий шт. с № 11-29	Общий шт. с № 12	3,74	21	↗	1930/22	
14	Общий шт. с № 11-29	Общий шт. с № 15-22	3,73	20,5	↗	1930/22	
15	Общий шт. с № 11-29	Общий шт. с № 14-22	3,71	20	↗	1930/22	
16	Общий шт. с № 11-29	Общий шт. с № 14-22	3,76	21	↗	1920/22	
17	Общий шт. с № 11-29	общий шт. с № 14-22	3,71	20	↗	1930/22	
18	Общий шт. с № 11-29	общий шт. с № 14-22	3,72	20,5	↗	1930/22	
19	Общий шт. с № 11-29	Общий шт. с № 14-22	3,72	20	↗	1930/22	
20	Общий шт. с № 11-29	Общий шт. с № 14-22	3,71	19,5	↗	1930/22	
21	Общий шт. с № 11-29	Общий шт. с № 14-22	3,75	19,5	↗	1930/22	
22	Общий шт. с № 11-29	Общий шт. с № 14-21	3,73	20,5	↗	1930/22	
23	Общий шт. с № 11-29	Общий шт. с № 24	3,72	21	↗	1930/22	
24	Общий шт. с № 11-29	Общий шт. с № 23	3,71	21,5	↗	1930/22	
25	Общий шт. с № 11-29		3,74	20	↗	1930/22	
26	Общий шт. с № 11-29		3,72	19,5	↗	1930/22	
27	Общий шт. с № 11-29	Общий шт. с № 28		19,5	↗	1930/22	
28	Общий шт. с № 11-29	Общий шт. с № 27	3,71	19,5	↗	1930/22	
29	Общий шт. с № 11-28			20,5	↗	1930/23	
30	Общий шт. с № 31-36	Общий шт. с № 14-22, 31-34	4,37 с гнез- дом	20	↗	1930/24	
31	Общий шт. с № 30-36	Общий шт. с № 14-22, 30-34	4,19 с гнез- дом	19,5	↗	1930/24	
32	Общий шт. с № 30-36	Общий шт. с № 14-22, 30-34	4,25 с гнез- дом	19	↗	1930/24	

1	2	3	4	5	6	7	8
33	Общий шт. с № 30-36	Общий шт. с № 14-22, 30-34		19	↓	1930/184	
34	Общий шт. с № 30-36?	Общий шт. с № 14-22, 30-33		19	↗	1930/184	
35	Общий шт. с № 30-36	Общий шт. с № 36	4,22 с гнездом	20,5	↓	1930/24	
36	Общий шт. с № 30-35	Общий шт. с № 35		19,5	↓	1930/24	
37		Общий шт. с № 14-22, 30-34?		20	↓	1930/184	
38		Общий шт. с № 39	3,73	21	↓	1930/22	
39		Общий шт. с № 38	3,73	21	↓	1930/22	
40	То же	То же, но в обресе — BOXX+		20	↓	1930/184	DOC.II.1. 263. № (48); MIB.3.Pr.t.I. N 67
41	Общий шт. с № 42	Общий шт. с № 42-48	3,71	19,5	↗	1930/22	
42	Общий шт. с № 41	Общий шт. с № 41-48	3,72	21,5	↗	1930/22	
43	Общий шт. с № 44	Общий шт. с № 41-48	3,71	20	↗	1930/22	
44	Общий шт. с № 43	Общий шт. с № 41-48	3,76	20,5	↗	1930/22	
45	Общий шт. с № 46-48	Общий шт. с № 41-48	4,51 с гнездом	19	↗	1930/22	
46	Общий шт. с № 45-48	Общий шт. с № 41-48	4,56 с гнездом	19	↗	1930/24	
47	Общий шт. с № 45-48	Общий шт. с № 41-48		20	↗	1930/24	
48	Общий шт. с № 45-47	Общий шт. с № 41-47		19	↗	1930/184	
49				19	↗	1930/22	
50				19	↗	1930/24	
Констант II (642-668) Легкие солиды в 20 карат							
	DNCONSTAN TINVSPAN Император погрудно анфас, в плоской короне с крестом, в хламиде, с держа- вой в правой руке	VICTORIA AVGU / Крест на трех ступе- нях, в обресе — OBXX					

1	2	3	4	5	6	7	8
51	Изображение мелкое То же, но изображе- ние крупное	В конце легенды Є То же	3,67	20	↗	1930/22	642 г. Тип: DOC.II.2. 395. N 1; MIB.3. Pr.t. V. N 3a 642-646 гг. DOC.II.2; 423. N 10; MIB.3.Pr.t. V. N 48b
52		В конце легенды θ		19,5	↓	1930/184	
53	Общий шт. с № 54	В конце легенды I, Общий шт. с № 54	3,73	19	↓	1930/22	
54	Общий шт. с № 53	Общий шт. с № 53	3,73	19,5	↓	1930/22	
55	Общий шт. с № 56-58	Общий шт. с № 56-60	3,70	20	↗	1930/22	
56	Общий шт. с № 56-58	Общий шт. с № 55-60	3,70	21	↗	1930/22	
57	Общий шт. с № 55-58	Общий шт. с № 55-60	3,72	19,5	↓	1930/22	
58	Общий шт. с № 55-57	Общий шт. с № 55-60	3,72	20,5	↓	1930/22	
59	Общий шт. с № 60	Общий шт. с № 55-60		20	↓	1930/24	
60	Общий шт. с № 59	Общий шт. с № 55-59		18	↓	1930/184	
61	Общий шт. с № 62-65	Общий шт. с № 62-66, 68		19	↓	1930/24	
62	Общий шт. с № 61-65	Общий шт. с № 61-66, 68		19	↓	1930/24	
63	Общий шт. с № 61-65	Общий шт. с № 61-66, 68		19	↓	1930/24	
64	Общий шт. с № 61-65	Общий шт. с № 61-66, 68	4,11 с гнездом	19,5	↓	1930/24	
65	Общий шт. с № 61-64	Общий шт. с № 61-66, 68	4,40 с гнездом	19,5	↓	1930/24	
66	Общий шт. с № 67	Общий шт. с № 61-65, 68	4,35 с гнездом	22	↓	1930/24	
67	Общий шт. с № 66	Общий шт. с № 61-66		19,5	↓	1930/24	
68				19,5	↓	1930/24	
69				19,5	↓	1930/184	

Штемпельные связи монет клада Малое Перещепино

Ираклий		Констант II	
4	35	38	60
5	36	39	59
	30		58
8	31	41	57
9	32	42	56
	33	43	55
	34	44	
	14	45	54
	15	46	53
	16	47	
	17	48	61
	18		62
	19		63
	20		64
	21		65
	22		66
	23		67
	24		68
	25		
	26		
	27		
	28		
	29		
	12		
	13		
	11		

Замечания к каталогу монет

Поскольку инвентарный номер монет объединяет группу монет одинакового типа украшений, в описании не упоминается индивидуально при каждом солиде способ его использования.

Повторим значение инвентарных номеров:

1930/19 и 1930/20 — два медальона весом в 2,5 солида (№ 4, 5).

1930/21 — одна монета без следов использования ее в качестве украшения (№ 11, Ираклий с сыновьями, 20 карат).

1930/22 — монеты со сквозными отверстиями. За исключением монеты № 22, которая имеет одно отверстие в центре и в древности, может быть, являлась частью украшения с шариком, все они имеют по два отверстия, расположенных на концах диаметра: № 3 (Фока), 6, 7 (Ираклий и Ираклий Константин); 12-29, 38, 39, 41-44, 49 (Ираклий с сыновьями); 51, 53, 58 (Констант II).

1930/23 — монеты, соединенные с пастовыми шариками, обтянутые золотом. Они взвешивались вместе с шариками и индивидуального веса не имеют: № 10 (Ираклий с сыновьями, полный весный солид), 29 (Ираклий с сыновьями, 20 карат).

Таблица

1930/24 — монеты с напаянным на лицевой стороне одним гнездом для вставки пасты или камней: № 30-32, 35, 36, 45-47, 50 (Ираклий с сыновьями), 59, 61, 68 (Констант II). Соединенные в цепочку, не имеют индивидуальных весов.

1930/25 — монеты с пятью напаянными на лицевой стороне гнездами: № 2 (Фока), 8, 9 (Ираклий и Ираклий Константин).

1930/26 — монеты с пятью напаянными гнездами, в одном из которых сохранилась паста: № 1 (Маврикий).

1930/184 — цепочка из монет с одним напаянным на лицевой стороне гнездом: № 33, 34, 37, 40, 48 (Ираклий с сыновьями), 52, 60, 69 (Констант II).

Индивидуальный вес монет, соединенных в цепочки, не мог быть дан, поэтому он отсутствует в графе "вес". Монеты с напаянными гнездами, естественно, не могли быть даны с чистым весом, поэтому они не могут быть использованы в метрологических исследованиях. Из-за гнезд, закрывающих большую часть изображения лицевой стороны, не всегда было возможно точно установить штемпельную связь, в этих случаях общие штемпели не указываются.

Таблица 3

Соотношение номеров монет в настоящей публикации и на таблицах в издании Кротопкина "Клады"

Кротопкин	Настоящая публикация		
	№	Инвентарный №	Определение
1	2	3	4
Табл. 15			
1. Маврикий	1	1930/26	Маврикий
2. Маврикий	2	1930/25	Фока
3. Фока	3	1930/22	Фока
4. Ираклий и Ираклий Константин, солид	4	1930/19	Ираклий и Ираклий Константин, медальон
5. " " " "	9	1930/22	Ираклий и Ираклий Константин, солид
6. " " " "	8	1930/25	" "
7. " " " "	7	1930/25	" "
8. " " " "	6	1930/22	" "
9. " " " "	5	1930/20	" " медальон
10. Ираклий, Ираклий Константин и Ираклион	12	1930/22	Ираклий, Ираклий Константин и Ираклион, легкий солид
11. " " " "	27	1930/22	" "
12. " " " "	43	1930/22	" "
13. " " " "	16	1930/22	" "
14. " " " "	49	1930/22	" "
15. " " " "	38	1930/22	" "
16. " " " "	19	1930/22	" "

1	2	3	4
17. "-"-"-"-"	21	1930/22	"-
18. Ираклий, Ираклий Константин и Ираклион, солид	26	1930/22	Ираклий, Ираклий Константин и Ираклион, легкий солид
19. "-"-"-"-"	10	1930/23	солид
20. "-"-"-"-"	17	1930/22	легкий солид
21. "-"-"-"-"	41	1930/22	"-
22. "-"-"-"-"	22	1930/22	"-
23. "-"-"-"-"	15	1930/22	"-
24. "-"-"-"-"	11	1930/21	"-
25. "-"-"-"-"	25	1930/22	"-
26. "-"-"-"-"	23	1930/22	"-
27. "-"-"-"-"	44	1930/22	"-
28. "-"-"-"-"	28	1930/22	"-
29. "-"-"-"-"	42	1930/22	"-
Табл. 16			
1. "-"-"-"-"	13	1930/22	"-
2. "-"-"-"-"	24	1930/22	"-
3. "-"-"-"-"	20	1930/22	"-
4. "-"-"-"-"	21	1930/24	"-
5. "-"-"-"-"	35	1930/24	"-
6. "-"-"-"-"	14	1930/22	"-
7. "-"-"-"-"	30	1930/24	"-
8. "-"-"-"-"	40	1930/184	"-
9. "-"-"-"-"	50	1930/24	"-
10. "-"-"-"-"	47	1930/24	"-
11. "-"-"-"-"	18	1930/22	"-
12. "-"-"-"-"	39	1930/22	"-
13. "-"-"-"-"	29	1930/23	"-
14. Констант II, солид	61	1930/24	Констант II, легкий солид
15. "-"-"-"-"	62	1930/24	"-
16. Ираклий, Ираклий Константин и Ираклион, солид	46	1930/24	Ираклий, Ираклий Константин и Ираклион, легкий солид

1	2	3	4
17. Констант II, солид	63	1930/24	Констант II, легкий солид
18. Ираклий, Ираклий Константин, Ираклион, солид	36	1930/24	Ираклий, Ираклий Константин и Ираклион, легкий солид
19. Констант II, солид	66	1930/24	Констант II, легкий солид
20. "-"-"-"-"	64	1930/24	"-
21. "-"-"-"-"	67	1930/24	"-
22. "-"-"-"-"	68	1930/24	"-
23. "-"-"-"-"	65	1930/24	"-
24. "-"-"-"-"	45	1930/24	Ираклий, Ираклий Константин и Ираклион, легкий солид
25. "-"-"-"-"	59	1930/24	Констант II, легкий солид
26. "-"-"-"-"	55	1930/22	"-
27. "-"-"-"-"	56	1930/22	"-
28. "-"-"-"-"	57	1930/22	"-
29. "-"-"-"-"	58	1930/22	"-
30. "-"-"-"-"	54	1930/22	"-
31. "-"-"-"-"	53	1930/22	"-
32. "-"-"-"-"	51	1930/22	"-

ПУБЛИКАЦИИ

ОБ ОДНОМ НЕОСУЩЕСТВЛЕННОМ ПРОЕКТЕ ИЗДАНИЯ В 30-е годы РУССКОГО ПЕРЕВОДА "ТАЙНОЙ ИСТОРИИ" ПРОКОПИЯ КЕСАРИЙСКОГО: НЕИЗВЕСТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

(Публикацию подготовил И.П. Медведев)

Только что появившееся в свет издание трудов одного из самых знаменитых историков Византии VI в. — Прокопия Кесарийского — в новом переводе на русский язык¹ дает нам повод вспомнить о любопытной, самой первой и еще совсем неизвестной ученой публике страничке из истории создания "русского Прокопия", о неосуществившейся, к сожалению, попытке издать в 30-е годы нашего столетия первый русский перевод его "Тайной истории". Как и многие другие византиноведческие проекты этого времени (1933-1939): одни — частично осуществленные (например, пространный византийский раздел изданной в 1939 г. под редакцией Н.П. Грацианского и С.Д. Сказкина "Хрестоматии по истории средних веков", в котором были опубликованы добротные переводы целого корпуса преимущественно законодательных памятников — Земледельческий закон, "Клиторологий" Филофея, отрывки из "Эпанагоги", Книги Епарха, Кекавмена и др.²), другие — по разным причинам не доведенные до конца (например, перевод текстов по теме "Из истории византийской агротехники" и, в частности, "Геопоники" для Института истории науки и техники³), — данный проект также был связан с именем выдающегося отечественного историка-византиниста Владимира Николаевича Бенешевича (1874-1938).

Известный прежде всего своими фундаментальными исследованиями в области церковно-канонического (византийского, древнерусского, древнеславянского, грузинского и армянского) права⁴, В.Н. Бенешевич отнюдь не замыкался в рамках канонистики, обладая необычайной широтой интересов в самых различных областях истории византийской цивилизации⁵. Конечно, обнаруженные нами материалы мало что добавляют к богатейшей традиции изучения сочинений Прокопия Кесарийского, но они добавляют еще один штрих в палитру научных интересов Бенешевича.

Сама история этого несостоявшегося проекта проста и незамысловата: от Мечислава Ильича Бурского (1903-1944), заведующего Секцией истории агрикультуры ИИНИТ'а, с которым собирався сотрудничать В.Н. Бенешевич, последний узнал о намерении Алексея Максимовича Горького,

с 1927 г. возглавлявшего редакционный совет издательства Academia⁶, издать труд о положении женщины в Византии (в рамках особой серии о положении женщины у разных народов и в разные эпохи⁷), и предложил в качестве "живой иллюстрации" к этой теме опубликовать русский перевод "Тайной истории" Прокопия, высказав при этом ряд любопытных соображений на этот счет. Горький передал письмо Бенешевича заведующему издательством Academia (небезызвестному в нашей истории) Льву Борисовичу Каменеву, который в письме от 15 февраля 1934 г. и в последующих письмах предложил Бенешевичу или самому осуществить этот замысел, или возглавить созданную им группу переводчиков в качестве ответственного редактора. Уточнение деталей этого проекта и составляет существо завязавшейся переписки. Особый интерес вызывают, конечно, имена двух названных Бенешевичем сотрудников-переводчиков "Тайной истории": выдающегося антиковеда Марии Ефимовны Сергеевны (1891-1987), широко известной прежде всего своими замечательными переводами образцов латинской литературы⁸, и не менее известного филолога-классика историка античной литературы Александра Васильевича Болдырева (1895-1941), переводчика Платона, античного романа (в содружестве АБДЕМ), немецких романтиков, одного из авторов (вместе с Я.М. Боровским) книги "Латинский язык", впоследствии неоднократно переиздававшейся. В начале 30-х годов А.В. Болдырев провел несколько лет в ссылке, умер в Ленинградскую блокаду⁹.

Остается пожалеть, что по каким-то причинам (не из-за ареста ли Л.Б. Каменева, последовавшего 16 января 1935 г.?) этот интересный проект заглох, так, вероятно, и не начавши реализовываться¹⁰. Приводим текст переписки (к сожалению, письма В.Н. Бенешевича воспроизводятся по его черновикам, которые не все сохранились. Судьба отосланных подлинников нам неизвестна).

И.П. Медведев

1. В.Н. Бенешевич — А.М. Горькому

[1934 г.?]

Многоуважаемый Алексей Макс[имович],

М.И. Бурский сообщил мне о Вашем начинании, для которого Вам нужны материалы из истории Византии о положении женщины. Чрезвычайно хороша Ваша мысль и в отношении истории виз[антийской] культуры обещает особенно важные результаты, т.к. тут есть громадный материал, еще очень мало освещенный исследованиями, но уже успевший обрости (sic!) предрассудками

⁶ Об этом см.: Крылов В.В. Издательство Academia — бесценный вклад в духовную культуру // Вестник РАН. 1993. Т. 63, № 4. С. 348-357.

⁷ Например, в 1930 г. в издательстве Academia была выпущена книга Г.И. Серебряковой "Женщины эпохи французских революций".

⁸ О ней см. в последнее время замечательный очерк: Гаврилов А.К., Казанский Н.Н. К 100-летию М.Е. Сергеевны // ВИД. 1993. Т. 24. С. 316-328. Кстати, упоминание имени М.Е. Сергеевны в планах Бенешевича — единственное, если не ошибаюсь, известное свидетельство того, что их пути пересеклись, хотя некоторые такие "точки пересечения" могли бы быть вычислены и теоретически, например, дом Ивана Ивановича Толстого, куда оба были вхожи, или сотрудничество их в секции агрикультуры ИИНИТ'а.

⁹ За предоставленные мне сведения об А.В. Болдыреве сердечно благодарю А.К. Гаврилова. От себя добавлю, что имя А.В. Болдырева мелькает и на страницах следственного "академического" дела. На одном из допросов В.Н. Бенешевич показал, что тот два раза заходил к нему на квартиру "не для разговоров, а для расплаты за фотографии с латинских рукописей Парижской Национальной Библиотеки, сделанные мною (во время заграничной командировки 1927 г. — И.М.) по его просьбе с труда Исидора Севильского".

¹⁰ Даже в вышеупомянутой хрестоматии Бенешевич дал лишь один небольшой фрагмент своего перевода "Тайной истории", уделив, правда, большее внимание другим сочинениям Прокопия. См.: Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. Н.П. Грацианского и С.Д. Сказкина. М., 1939. Т. 1. С. 197.

¹ Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер., ст. и коммент. А.А. Чекаловой. М.: Наука, 1993. 570 с.

² См.: Медведев И.П. Об авторстве византийского раздела "Хрестоматии по истории средних веков" (1939 г.): В.Н. Бенешевич // Вспомогат. ист. дисциплины: высшая школа, исслед. деятельность, обществ. организации. Тез. докл. и сообщ. научн. конф. М., 1994. С. 99-100.

³ О договоре В.Н. Бенешевича с ИИНИТ'ом и о переписке их по этому поводу см.: ПФА РАН. Ф. 192. Оп. 3. Д. 62. Л. 1-9.

⁴ О нем в этом качестве см.: Гранстрем Е.Э. Владимир Николаевич Бенешевич (к 100-летию со дня рождения) // ВВ. 1973. Т. 35. С. 235-243; Шапов Я.Н. Сборники византийского права в исследованиях и изданиях проф. В. Бенешевича // Klio. 1979. Bd. 61, N 1. S. 235-242; B(urgmann) L. Hommage à Vladimir Nikolaevic Benesevic // RJ. 1988. Bd. 7. S. 3-12.

⁵ См., например: Медведев И.П. Неожиданный Бенешевич: заметки по материалам архива ученого // ВВ. 1994. Т. 55 (80). С. 27-32.

и елейностью. На пространстве 1000-летия можно проследить с любой для отдельных частей империи и отдельных эпох положение женщины и составить ряд очень живых иллюстраций к изложению, которое и само по себе выйдет полным движения и разнообразия. Под иллюстрациями я разумею, например, в первую голову такую вещь, как т. наз. "Тайная история" Прокопия Кесарийского, которую необходимо перевести даже и с чисто литературной точки зрения в серии Academia. История права, церкви, литературы, искусства дает для Византии такую массу материала, что надо было бы образовать для разработки Вашей темы особую секцию в составе какого-нибудь Института Византинистов, и надо желать, чтобы АН СССР взяла в свои руки образование такого Института.

Пишу Вам, как человек, причастный к изучению Византийской истории и потому горячо сочувствующий всякому серьезному проявлению интереса к ней и готовый по мере сил помочь осуществлению Вашей прекрасной мысли. Конечно, силы мои слабые и раздербанные, притом живу в условиях для научной работы крайне тягостных, но все же чем-нибудь могу быть полезен.

ПФА РАН. Ф. 192. Оп. 2. Ед. хр. 19. Л. 25.
Черновик. Фиолетовые чернила. Без даты (1934 г.?)

С глубоким уважением В.Б.

2. Л.Б. Каменев — В.Н. Бенешевичу

15 февраля 1934 г.

Уважаемый Владимир Николаевич!

Алексей Максимович Горький передал мне Ваше предложение об издании "Тайной истории" Прокопия. Я издавна полагал, что Academia следует ввести в свои планы нескольких представителей Византийской литературы. Я полный профан в последней, но по отрывочным сведениям, имеющимся у меня, мне представляется, что "Тайная история" будет интересным началом подобной серии.

Прошу Вас в связи с этим сообщить мне о размерах предполагаемой книги, объеме и характере необходимых примечаний и вводных статей, о возможных сроках представления этой работы. Получив эти сведения, мы сможем уже приблизиться к решению вопроса.

Не укажете ли Вы материал, по которому можно было бы составить более или менее точное представление о "Тайной истории"? Не переведена ли она, хотя бы в отрывках, по-русски? Быть может, существует французский или английский перевод, которым можно было бы воспользоваться для самого общего ознакомления с этой работой.

Зав. Издательством
Л. Каменев

ПФА РАН. Ф. 192. Оп. 3. Ед. хр. 95. Л. 114.
Подлинник, машинопись. На бланке
издательства "Academia". С пометами
Бенешевича: "Получ. 17/II-34 г. Отвеч. 20/II-34 г."

3. В.Н. Бенешевич — Л.Б. Каменеву

20 февраля 1934 г.

В Редакционный сектор издательства "Academia"

Многоуважаемый Лев Борисович,

Действительно, для начала "Тайная история" Прокопия была бы очень подходящим представителем византийской литературы в изданиях "Academia". Точное представление о ней Вы можете получить при помощи переводов: неважный французский (Anecdota ou Hist. secrète de Justinien trad. de Procope avec notice sur l'aut. et notes philol. et hist. par Isambert. Paris, 1856), английский (Procopius with an Engl. Transl. In seven vols. By H.B. Derwing. Lond. - N.-York, W. Heinemann - G.P. Putnam's Sons. 1920-е гг. в серии Loeb Class. Libr.), итальянский (Proc. di Cesar., Le Inedite, libro nono delle Istorie. Testo gr. con trad. ital. a cura di D. Comparetti. Roma 1928. 8°. LXXX + 367, в серии Fonti per la Storia d'Italia public. dall'Istituto Stor. Ital. Scrittori, Sec. VI). А если не найдутся в Москве новые английский и итальянский переводы, как не имею я их в Ленинграде, тогда можно воспользоваться старыми переводами итальянским Compagnoni (Milano 1830), английским 1674 (London) и немецким J.P. Reinhard (Erl. — Leipzig 1753). По-русски можно выдержки читать и представления получить о произведении легче всего у Б.А. Панченко. О "Т.И." Прокопия (Виз. Врем., 1895, т. II) или в русском переводе книги Ш. Диль, Юстиниан.

Размер книги можно представить себе на основании размеров текста и существующих переводов¹¹. В издании М.Н. Крашенинникова (Юрьев 1899) текст занимает 142 стр., причем на критический аппарат падает около 1/3; значит, текста около 100 стр. К тексту необходимы примечания как в виде кратких объяснений слов, дат, событий и т.п. под строкой, так и в виде кратких экскурсов позади текста, дающих связанное изображение отдельных сторон быта и строя эпохи Юстиниана. Вводная статья об авторе и его труде могла бы¹² занять не больше двух лл.; на¹³ все это надо отвести¹⁴ около 4 лл. Затем необходимы иллюстрации к тексту¹⁵ (фототипии и автотипии), географическая карта (схематическая) империи, приуроченная к тексту, и план Константинополя VI века; все заканчиваться должно указателями¹⁶ имен и предметов.

В общем должен получиться изящный том около 250—300 страниц, содержащий первую попытку русского перевода одного из замечательнейших произведений не только византийской, но и мировой литературы. Мне кажется, что эта книга не залежалась бы, но при условии надлежащего выполнения всей работы. С трудностями этой работы я хорошо ознакомился, так как давно уже носился с мыслью дать перевод, а после 1917 г. даже и начал уже переводить, еще в голодные годы, для собственного удовольствия и утешения. Боюсь сказать, сколько времени понадобилось бы для выполнения этой работы. Конечно, взявшись за дело вплотную, можно, пожалуй¹⁷,

¹¹ Следует зачеркнутое: В основание перевода следовало бы положить издание М.Н. Крашенинникова, как более удачное, чем издание J. Naugy.

¹² Следует зачеркнутое: быть очень небольшая, м.б.

¹³ Следует зачеркнутое: экскурсии же

¹⁴ Следует зачеркнутое: не менее 3

¹⁵ Следует зачеркнутое: в количестве приблизительно 5 табл.

¹⁶ Следует зачеркнутое: собств.

¹⁷ Следует вычеркнутое: при помощи новейших англ. и итал. переводов.

закончить года в два¹⁸. Comparetti сидел за работой много лет, и после него можно что-то скомпилировать приличное, для чего понадобилось бы даже, пожалуй, не менее двух лет человеку резвому и привычному к переводам¹⁹. Много зависит от условий работы, и я, напр[имер], просто лишен возм[ожности] взяться за такое дело из-за крайне тягостн[ого] положения с жилплощадью, моими материалами и книгами и из-за отсутствия нов[ейшей] литературы; проявлять же резвость в компиляции мне не к лицу и не в моих нравах.

Добавлю еще кстати, что стоило бы и ряд других виз[антийских] произведений вывести на свет в хорошем виде. В М[оскве] у Вас есть для совета такой выд[ающийся] знат[ок] и виз[антийской] лит[ературы], как акад. М.Н. Сперанский. В чем смогу, и я готов от души Вам быть полезным.

С соверш[енным] уваж[ением] В.Б.
20/II 34.

ПФА РАН. Ф. 192. Оп. 3. Ед. хр. 95. Л. 115-118.
Черновик, фиолетовые чернила.

4. Л.Б. Каменев — В.Н. Бенешевичу

3 марта 1934 г.

Уважаемый Владимир Николаевич,

Очень благодарен Вам за сведения о Прокопии. К сожалению, из Вашего письма я усматриваю, что Вы колеблетесь принять лично на себя подготовку этого издания. Указанный Вами срок нас не смущает, мы могли бы выпустить Прокопия не раньше конца 36 года, для чего он должен был бы быть сдан в производство в конце 35 года. Это оставляет для подготовки рукописи приблизительно те два года, на которые указываете и Вы.

Мне хотелось бы получить от Вас более точное указание на счет того, возьмете ли Вы на себя при этом сроке эту работу и если нет, то считаете ли Вы целесообразным, если я обращусь с подобным же предложением к указан-

¹⁸ Следует вычеркнутое: но это уже при очень большом напряжении и при благоприятных условиях работы: ведь эти переводы все-таки не избавляют от необходимости проработать весь греч. текст самостоятельно в интересах точности и литературности русск[ого] перевода, и, пожалуй, без них было бы даже удобнее или как-то проще и короче дело.

¹⁹ Следует вычеркнутое: Естественно предположить, что Вы рассчитываете возложить на меня выполнение перевода, и потому считаю долгом немедленно осведомить Вас о моем отношении к Вашей мысли. Я считаю перевод таким важным, большим и трудным делом, что с величайшей радостью взялся бы за работу. Но мое положение в настоящее время чрезвычайно неблагоприятно для научной работы: 1) из прежней квартиры в 4 комн[аты] для 4 взрослых и работающих для науки членов моей семьи после того, как моя жена и брат прошли через тюрьму и ссылку, осталась только одна комната в 30 кв.м., в которой теперь живем четверо и рояль (я с женой и два сына), а брат мой — пятый жилец — выселился временно в гостиницу; 2) мои материалы и книги, результат напряженной 30-летней работы, были вывезены совершенно зря следователем ОГПУ в Библиотеку АН, приведены в полное разстройство и не могут быть перевезены обратно ко мне из-за полного отсутствия места. Я твердо уверен в том, что все будет приведено со временем в порядок при помощи надлежащих органов общественности и власти, но в настоящее время помощи мне еще не оказано; мне поэтому невозможно брать на себя ответственную работу, и я даже уже был вынужден отказаться от двух работ. Если бы даже, однако, все было в порядке, то осталось бы еще одно громадное препятствие, а именно отсутствие в моем распоряжении указ[анных] выше новейших переводов (англ. и итал.).

ному в Вашем письме М.Н. Сперанскому. Или, быть может, существуют молодые византиологи (sic!), которые взяли бы на себя черновую работу перевода под Вашим руководством и редакцией?

С искренним уважением
Зав. Издательством Л. Каменев

ПФА РАН. Ф. 192. Оп. 3. Ед. хр. 95. Л. 97.
Подлинник. Машинопись на бланке
издательства "Academia". Пометы
Бенешевича: "Получ. 5/III. Ответ. 6/III 34".

5. В.Н. Бенешевич — Л.Б. Каменеву

6. III. 1934.

Л.Б. Каменеву. Academia

Многоува[ажаемый] Лев Бор[исович],

На Ваш зап[рос] от 3. III. отвечаю, что препятствия для принятию мною на себя работы над "Т[айной] И[сторией]" Прокопия, точно и ясно указ[анные] мною в предыд[ущем] письме, остаются, к сожал[ению], в силе на неопред[еленное] и продолж[ительное] время, а срок играет роль совершенно второстеп[енную]. Меня очень огорчает то, что я вынужд[ен] отказ[аться] от такой увлекат[ельной] и важной работы, пока мое положение не изменится к лучшему.

Принять на себя руководство и ред[актирование] в отношении перевода я не могу по свойствам своего характера: кончилось бы тем, что перевел бы почти все сам вновь! Да и для всякого другого переводчика обладание новейшей литературой в миним[альном] указ[анном] мною объеме так же необходимо, как и мне в качестве редактора перевода.

Обращение к М.Н. Сперанскому я считал бы весьма целесообр[азным], т[ак] к[ак] он может указать Вам и подход[ящее] лицо (вместо зачеркнутого "сотрудника". — И.М.) в Москве, если сам не возьмется.

С своей стороны я постараюсь заинтересовать работой кого-нибудь из здешних эллинистов. Хорошо было бы знать предлагаемые Вами условия оплаты труда.

С глубоким уважением В.Б.

ПФА РАН. Ф. 192. Оп. 3. Ед. хр. 95. Л. 96.
Черновик. Фиолетовые чернила.

6. Л.Б. Каменев — В.Н. Бенешевичу

21 апреля 1934 г.

Уважаемый Владимир Николаевич,

Письмо Ваше получено. Двухлетний срок работы, который Вы определяете, позволяет нам предложить Вам заключение договора на декабрь 1934 г. с тем,

что настоящее письмо служит гарантией того, что договор будет заключен и таким образом может служить основанием для приступа Ваших сотрудников немедленно же к работе.

Условия работы — согласно Колдоговору Издательства и его сотрудников, следующие: перевод с редакцией — 200 р. за авт. л. (40.000 знаков); комментарии — 400 р. лист, статья, если она не превысит разм. 1-го листа — 400 руб., если выше — 300 руб. за лист.

Мы полагаем, что перевод будет полный, а поэтому оплату за сокращение и редактирование основного, оригинального текста мы не предусматриваем. Если же такая работа будет иметь место, то она, конечно, будет оплачена. При заключении договора уплачивается 25%, при одобрении рукописи — 35%, при подписании к печати — остальные 40%.

Зав. Издательством Л. Каменев
Зам. Рук. Редсектора Эльсберг

ПФА РАН. Ф. 192. Оп. 3. Ед. хр. 95. Л. 95 об.

Подлинник. Машинопись на бланке
издательства "Academia".

7. В.Н. Бенешевич — Л.Б. Каменеву

26.IV.1934

Многоуважаемый Лев Борисович,

Ни один из моих сотрудников по переводу "Т.И." Прокопия не считает для себя возможным заняться этим переводом до заключения договора, так у всякого есть работа, дающая заработок немедленно. О себе скажу, что и я взял уже работу, о которой Вам писал, и вообще я считал, что оставление моих писем без немедленного или скорого ответа ясно показывает, что "Т.И." не пользуется вниманием; притом же и указанные мною пункты оставлены без ответа. Поэтому, если Вы пожелаете возобновить разговор о "Т.И." в декабре, то все примет надлежащий вид.

С совершенным уважением В.Б.

ПФА РАН. Ф. 192. Оп. 3. Ед. хр. 95. Л. 95.

Черновик (на обороте письма Л.Б. Каменева
от 21 апреля 1934 г.). Фиолетовые чернила.

8. Л.Б. Каменев — В.Н. Бенешевичу

29 апреля 1934 г.

Уважаемый Владимир Николаевич,

Вы напрасно думаете, что "Тайная история" не пользуется вниманием издательства. Мы только обязаны были сочетать новое предложение с давно

выработанными нами планами изданий. Так как наш договорный портфель до декабря 34 года уже заполнен, то отсюда и вытекло наше предложение о заключении договора с Вами и Вашими сотрудниками на декабрь 34 года. Нам казалось естественным, что на предложения, поступающие позже других, и договор заключается в порядке очередности. Во всяком случае, Прокопий внесен в наш план, в декабре месяце мы можем заключить на него договор и оплатить соответствующий аванс. А предыдущее наше письмо сохраняет силу гарантии того, что эти предположения рассматриваются нами как обязательство с нашей стороны. В этом же письме указаны условия оплаты, и я не догадываюсь, что именно из Ваших вопросов "оставлено без ответа", как пишете Вы в письме от 26 апреля.

Английский перевод "Тайной истории" будет нами выписан.

С уважением
Зав. Издательством Л. Каменев

ПФА РАН. Ф. 192. Оп. 3. Ед. хр. 95. Л. 113.

Подлинник. Машинопись на бланке издательства "Academia". Помета Бенешевича:
получ. } 6.V.34.
ответ.

9. В.Н. Бенешевич — Л.Б. Каменеву

6 мая 1934 г.

(черновик не сохранился)

10. Л.Б. Каменев — В.Н. Бенешевичу

9 мая 1934 г.

Уважаемый Владимир Николаевич,

Ваше письмо от 6 мая я получил и принял к сведению как резюме положения дела с переводом Прокопия на нынешний день. Фактически, значит, дело сводится к тому, что приступ к работе откладывается до декабря.

Что касается поставленных Вами вопросов, то, по-видимому, отсутствие ответов на них вызвано исключительно бесспорностью возможного решения этих вопросов: конечно, нужны экскурсы обобщающего характера для объяснения текста и понимания эпохи, конечно, нужна карта Византийской империи эпохи Юстиниана, конечно, нужна карта Константинополя в VI веке, конечно, нужны указатели именной и предметный, конечно, нужны иллюстрации (и чем больше, тем лучше), а о размере предисловия лучше всего судить редактору книги. Издательство не может быть затруднено ни двумя, ни тремя, ни даже 4-мя листами предисловия, но нуждается ли книга в предисло-

вии размером в 2 листа, в 3 или 4 — об этом, по моему невежеству, судить я не могу и предоставляю решение вопроса в этих пределах всецело Вашей компетенции.

Зав. Издательством Л. Каменев

ПФА РАН. Ф. 192. Оп. 3. Ед. хр. 95. Л. 112.
Подлинник. Машинопись на бланке
издательства "Academia". Помета
Бенешевича: "получ. 12/V 34".

11. Редакционный сектор — В.Н. Бенешевичу

27 мая 1934 г.

Уважаемый Владимир Николаевич,

Для того, чтобы выписать из-за границы перевод Derwing'a "Тайной истории" Прокопия, нам необходимо знать совершенно точное название, место и по возможности год издания книги. Просим нам срочно сообщить эти сведения.

Зам. руков. редсектора Эльсберг
Секретарь Антокольская

ПФА РАН. Ф. 192. Оп. 3. Ед. хр. 95. Л. 111.
Подлинник. Машинопись на бланке
издательства "Academia". Помета
Бенешевича: *получ.*
отвеч. 29/V 1934".

12. Редакционный сектор — В.Н. Бенешевичу

28 ноября 1934 г.

Уважаемый Владимир Николаевич!

Для составления договора с Вами на "Тайную историю" Прокопия нужно получить от Вас окончательный и детальный план издания с указанием размеров отдельно каждой его части (текст, статья, комментарии и указатель).

Просим сообщить нам эти сведения. Срок сдачи при условии заключения договора в декабре будет проставлен в договоре 1 января 1937 г.

Зам. Рук. Редсектора Эльсберг
Секретарь Антокольская

ПФА РАН. Ф. 192. Оп. 3. Ед. хр. 95. Л. 110.
Подлинник. Машинопись на бланке
издательства "Academia". Пометы
Бенешевича: "получ. 3/XII 34, отв. 6/XII 34".

13. В.Н. Бенешевич — Издательству "Academia"

(дата?)

(Письмо содержало, очевидно, подробный план издания. Черновик не сохранился. Сохранность и местонахождение подлинника нам неизвестны).

14. Редакционный совет — В.Н. Бенешевичу

9 декабря 1934 г.

Уважаемый Владимир Николаевич,

Ваше письмо получили. С содержанием тома "Тайная история" Прокопия мы согласны. Сообщаем Вам гонорар, из которого Вам нужно будет исходить при распределении перевода: 200 руб. за п. л. перевода. За введение — 400 руб. за п. л. За комментарии и указатель — 400 руб. п. л., за редактирование перевода — 50 руб. п. л.

За подбор карт и таблиц к тому же мы заключим с Вами особое соглашение.

Укажите нам точно фамилии и адреса переводчиков, с которыми будут заключены договоры.

Просимые Вами книги мы выпишем. Вы нам сообщили, что итальянский перевод Вам обещал прислать из Рима В[аш] знакомый. Если Вы его достать не сможете, выпишем и его.

Зам. руков. редсектора Эльсберг
Секретарь Ческис

ПФА РАН. Ф. 192. Оп. 3. Ед. хр. 95. Л. 109.
Подлинник. Машинопись на бланке
издательства "Academia". Помета
Бенешевича: "Получ. 11/XII 34".

15. В.Н. Бенешевич — Издательству

(18 декабря 1934 г.)

В изд-во "Academia"

Сотрудниками по переводу Т[айной] И[стории] Прокопия будут:

1) Сергеенко Мария Ефим[овна]. П[е]троградская С[торона] 136, Гейслер пер., 7, кв. 13. Тел. В-4-22-48,

2) Болдырев Александр Вас[ильевич], Загор[одный] просп., 28, кв. 9а. Тел. А-6-34-08,

с которыми и прошу заключить договор на условиях, мне Вами сообщенных в письме от 9 дек[абря].

О необходимости выписки англ[ийского] и итал[ьянского] переводов мною было заявлено Вам в моем письме от 29 мая, немедленно по получении мною Вашего запроса о точном заглавии этих переводов, я был уверен, что книги

уже выписаны. Подтверждаю, что необходимы оба перевода, причем обращаю внимание на то, что из издания Comparetti нужен только том III, т[ак] к[ак] I и II вышли давно и есть в здешних библиотеках.

Добавлю, что на редактирование текста перевода Прокопия уйдет времени очень немало, так как и работа нелегкая да еще должна быть сопоставлена с существующими переводами. Не менее месяца упорной работы потребуется на это дело, если ничем больше не заниматься. Поэтому считаю гонорар в 50 р. за лист недостаточным: ведь за 6 листов получится только 300 р.

Важно знать, как обстоит дело с перепиской текста на машинке. Было бы удобнее всего, если бы эта переписка могла быть произведена здесь под моим наблюдением.

С совершенным уважением
проф. В. Бенешевич

18/XII 34.

ПФА РАН. Ф. 192. Оп. 3. Ед. хр. 95. Л. 108.

Черновик, простой карандаш.

16. Редакционный совет — В.Н. Бенешевичу

5 января 1935 г.

Уважаемый Владимир Николаевич,

Посылаем Вам договор на ст[атью], комментарии и редактирование перевода Прокопия "Тайная история". Просим его подписать и прислать нам.

Секретарь Редсектора
Л. Ческис — подпись

ПФА РАН. Ф. 192. Оп. 3. Ед. хр. 95. Л. 139 об.

Подлинник. Машинопись на бланке издательства
"Academia".

17. В.Н. Бенешевич — Издательству "Academia"

15.I.1935

В издательство "Academia"

Только 15 янв[аря] удалось собраться всем участникам перевода "Т.И.", и я теперь посылаю подписанный договор с твердой уверенностью в том, что к 1 янв[аря] 1937 г. все будет готово, а может быть, удастся еще и значительно раньше закончить дело²⁰.

²⁰ Следует вычеркнутое: Если издательство заинтересовано в ускорении работы, то прошу указать мне, чем это ускорение может быть стимулировано со стороны издательства. Возможно, конечно, что издательству важно только получить все в назнач[енный] срок, чтобы не выходить из рамок своих кредитов.

Предоставление издательством в мое распоряжение итал[ьянского] и англ[ийского] переводов, мне иначе не доступных, является одним из основных условий успешности и быстроты работы, как я уже писал об этом в издательство.

С совершенным уважением

В. Бенешевич

ПФА РАН. Ф. 192. Оп. 3. Ед. хр. 95. Л. 139.

Черновик, на оборотной стороне письма
издательства от 2 января 1935 г.

18. Редакционный Совет — В.Н. Бенешевичу

20 января 1935

Уважаемый Владимир Николаевич,

Подписанный Вами договор на редакцию перевода, статью и примечаний к Прокопию мы получили. Договор этот, согласно Вашему письму, вступит в силу только тогда, когда будут получены из-за границы выписанные итальянск[ий] и англ[ийский] переводы Прокопия.

Секретарь Редсектора Л. Ческис

ПФА РАН. Ф. 192. Оп. 3. Ед. хр. 95. Л. 138.

Подлинник. Машинопись на бланке издательства
"Academia". Помета Бенешевича:
"Получ. 23/1 35".

К НАУЧНОМУ НАСЛЕДИЮ В.Е. ВАЛЬДЕНБЕРГА

(Публикацию подготовил С.А. Иванов)

Владимир Евграфович Вальденберг родился 23 декабря 1871 г. В 1896 г. поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского Университета, где специализировался по истории философии права; одновременно он слушал курсы и на историко-филологическом факультете. В 1894 г. Вальденберг оставлен при кафедре и в 1900 г. защитил диссертацию "Законы и право в философии Гоббса". С 1901 г. он был приват-доцентом Санкт-Петербургского Университета, с 18-го по 24-й год заведовал университетским архивом, с 24-го по 28-й — был Ученым секретарем БАН. В 1928 г. Вальденберга арестовали, но времена были еще "аркадские" — и в 34-м он опять "возобновил занятия в Библиотеке АН"¹. Умер Вальденберг в 1941 г. в Ленинграде.

В.Е. Вальденберг получил известность как специалист по истории политических учений и до революции 1917 г. Византией не интересовался. Однако потом, как пишет он в своей автобиографии, "обратившись с целью лучшего освещения русских политических учений к византийской литературе, я постепенно сделал ее предметом своих особых занятий"². Статьи Вальденберга о политических воззрениях Фемистия, Петра Патрикия, Агапита, Никулицы, Акрополита,

¹ ЛО ААН. Ф. 346. Оп. 1. Ед. хр. 44. Лл. 2-3.

² Там же. Л. 5.

Прокопия из Газы, Менандра (и опубликованная уже после его смерти статья о Пселле) снижали ему репутацию крупнейшего специалиста в области византийской политической философии³. Но все эти статьи суть лишь главы колоссальной монографии "История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и государственного устройства"⁴, которая, к сожалению, так и осталась неопубликованной.

Вот как выглядит оглавление этого труда: ВВЕДЕНИЕ. 1. Об изучении византийской политической литературы; 2. Общий взгляд на развитие философских идей в Византии; 3. Связь политической литературы с государственным строем. ГЛАВА I. РАННИЙ ВИЗАНТИНИЗМ IV—V вв.: 1. Философские направления (Дионисий Ареопagit, Немесий, Эней Газский); 2. Фемистий; 3. Синезий. ГЛАВА II. ДО ИСАВРИЙСКОЙ ДИНАСТИИ (717 г.) VI—VII вв.: 1. Философские направления (Леонтий Византийский, Иоанн Филопон, Максим Исповедник); 2. Законодательство и наука права; 3. Прокопий Газский; 4. Агапит, Георгий Пизид; 5. Петр Патрикий; 6. Менандр; 7. Анастасий Синаит. ГЛАВА III. ДО ИОАННА ЦИМИСХИЯ (976). VIII—X вв.: 1. Философские направления. Иоанн Дамаскин; 2. Законодательство и наука права; 3. Патриарх Фотий; 4. Василий Македонянин; 5. Константин Багрянородный. ГЛАВА IV. ДО ДИНАСТИИ ПАЛЕОЛОГОВ (1261). XI—XIII вв.: 1. Философские направления (Пселл, Итал, Евстратий, Влеммид, Федор Ласкар); 2. Законодательство и наука права; 3. Никулица; 4. Пселл; 5. Феофилакт Болгарский; 6. Евстафий Солунский и его время (Михаил Ритор, Георгий Торник, Сергей Колива); 7. Никифор Влеммид; 8. Иоанн Акоминат и Георгий Акрополит. ГЛАВА V. ВРЕМЯ ПАЛЕОЛОГОВ (1261—1453): 1. Философские направления (Хуми, Иосиф, Холобол, Пахимер, Акиндин, Палама, Кидонис, Григора, Метохит, Кавасил, Плитон); 2. Наука права; 3. Феодор Метохит; 4. Фома Магистр; 5. Мануил Палеолог; 6. Георгий Плитон; 7. Политическая риторика (Георгий Кипрский, Федор Хиртакин, Никифор Хуми, Дмитрий Кидон).⁵

Монография не утратила научной актуальности еще и сегодня. Ниже публикуется одна из глав этого труда, но прежде следует сказать несколько слов о том, что привело Вальденберга к занятиям Византией. Древняя империя так захватила его потому, что он усмотрел в ней прообраз того политического устройства, которое хотел видеть в СССР и которое назвал "народной монархией". Свое представление об этом строе Вальденберг развил в другой, также неопубликованной работе "Государственное устройство Византии до конца VII в."⁶. "Византия — монархия демократическая, видящая свое основание в власти народа"⁶; "Даже если допустить, что не всегда исход дела зависел фактически от населения, все-таки нельзя отрицать того, что выступление представителей населения с речами и возгласами символизировало его активное участие, т.е. что с правовой точки зрения это участие ... считалось необходимым"⁷; народ обращался к правителю с наказами, "имевшими для императора если не юридическую, то во всяком случае нравственную обязательность"⁸; "мы можем говорить о *самоограничении* императорской власти в Византии"⁹; "в основу деятельности государства кладется промышление о подданных, забота о них; ... все это ... клало известный отпечаток на власть, на ее отношение к народу, сообщало тому и другому определенный характер... Это укрепляет за ней (Византией) характер *народной* или демократической монархии"¹⁰. Что все эти построения были навеяны мыслями о современности, доказывается сохранившейся в архиве Вальденберга копия письма, которое он послал властям. В нем исследователь утверждает: "Пример... Юстиниана и Василия II в Византии, Ивана Грозного и других, которые боролись с эксплуататорскими стремлениями высших классов", доказывает, что "народная монархия не есть только мечта, но при благоприятных обстоятельствах может стать действительностью"¹¹.

Но при всем этом Вальденберг не был конъюнктурщиком — например, ему дважды предлагали баллотироваться членом-корреспондентом АН, но он "оба раза отказывался...: как человек вполне цельного характера, он считал возможным быть в составе только такой организации, основные принципы которой он всецело разделяет"¹²; да и в цитированном послании он без экивоков заявляет: "многое в политике советской власти я не одобряю"¹³. Чтобы написать такое

³ См.: Вуз. 1924. Т. 1. Р. 727; 1929. Т. 4. Р. 500.

⁴ ЛО ААН. Ф. 346. Оп. 1. Ед.хр. 1. Рукопись, 1140 с. Лишь ничтожная часть этого материала была опубликована в виде статей.

⁵ Там же. Оп. 1. Ед.хр. 2, 74 л.

⁶ Там же. Л. 28.

⁷ Там же. Л. 42-42 об.

⁸ Там же. Л. 43.

⁹ Там же. Л. 56.

¹⁰ Там же. Л. 60-61. Ср. Л. 74.

¹¹ Там же. Ф. 345. Оп. 1. Ед.хр. 44. Л. 11 — написано 2 марта 1929 г.

¹² Там же. Л. 4.

¹³ Там же. Л. 11.

после ареста, пусть и недолгого, требовалась недюжинная храбрость. Но еще важнее другое: письмо властям никоим образом не соответствовало тогдашней идеологической установке — самому-то Сталину лишь через десять лет предстояло вспомнить про Ивана Грозного; только с конца 30-х годов византийская топика стала осторожно осваиваться кремлевскими идеологами, так что Вальденберг не дожил до "народной монархии" во всем ее блеске.

В.Е. Вальденберг

АНАСТАСИЙ СИНАИТ (VI—VII вв.)¹

Из числа писателей VI—VII вв., которые в своих сочинениях касались вопросов нравственной и политической философии, заслуживает упоминания Анастасий Синаит. Вопрос, когда он жил и какие ему следует приписывать произведения, затрудняется тем, что было два Анастасия, которые носили одно и то же прозвище. Один из них жил во времена Юстиниана и с 559 г. был патриархом Антиохии. Он выступал против монофизитов, с 570 г. был в ссылке и умер в 599 г. Другой Анастасий жил в VII в., носил еще прозвище "новый Моисей" и также занимал кафедру в Антиохии с 677 по 686 г. По мнению Фабрици, обширное литературное наследие, обычно соединяемое с именем Анастасия, принадлежит второму из этих лиц². В этом наследии едва ли не самым главным является *οδῦγός* ("Путеводитель жизни"), направленный против монофизитов. Для характеристики нравственных и политических воззрений Анастасия Синаита особенно важно другое сочинение, известное под названием "Вопросы и ответы" (*Ερωτήσεις καὶ ἀποκρίσεις*), в котором автор проявляет не слишком обычную для Византии смелость.

В области нравственной Анастасий, правда, особой оригинальности не показывает. Он ставит, например, вопрос: если с кем-нибудь случается несчастье, если кто-нибудь становится жертвой стихийных сил природы — можно ли считать, что это происходит всегда по велению Божию для наказания данного лица? Анастасий отвечает утвердительно. Пути Господни неисповедимы. Даже праведников часто настигает насильственная смерть или другое несчастье — по особому, скрытому от нас суду Божию³. Во всяком случае, он решительно восстает против признания судьбы как какой-то силы, действующей наряду с Богом и от него независимой. Христианину, говорит он, совершенно непозволительно верить в судьбу⁴.

Анастасий ставит также любопытный вопрос, насколько личные интересы и заботы века сего совместимы с исполнением нравственных заповедей. Многочисленными ссылками на книги Ветхого Завета и апостольские послания он доказывает, что семейная жизнь и вообще жизнь мирская не мешают исполнять все требования христианства. Ветхозаветные патриархи, говорит Анастасий, угодили Богу⁵... своими детьми. Не мешает также благочестивой

¹ ЛО ААН. Ф. 7346. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 223-225 об.

² Bibl. graec. T. X. P. 541. Ср.: *Krumbacher*. 56-60, 64-66.

³ Вопрос 18. PG. 89. Col. 499-514.

⁴ Col. 513-518.

⁵ Вопрос 15. Col. 468.

жизни материальный достаток и даже богатство. Нужно только, чтобы они были добыты праведными путями (πλοῦτος ᾧ μὴ ἔστιν ἀμαρτία). Этот вопрос и его решение сами собой приводили к очень важной теме о сравнительной оценке монашеской и мирской жизни. Но Анастасий так далеко не идет. Зато он ставит вопрос о возможности общественной жизни; правда не прямо, а путем обсуждения евангельской заповеди "не судите, да судимы не будете". Если бы Анастасий придавал этим словам безусловное значение, то есть понимал бы их так, что никто ни при каких обстоятельствах не должен никого судить, то этим самым он пришел бы к отрицанию общественной жизни, которая без суда невозможна. Но именно такого прямолинейного понимания заповеди у Анастасия нет. Он находит, что она вовсе никому не запрещает судить, а только требует, чтобы нам при этом были известны все обстоятельства дела. Если оно нам не все известно, если есть обстоятельства, от нас скрытые, то судить не следует⁶. Таким толкованием Анастасий оправдывает одновременно и государственный суд, и суждение людей друг о друге.

Более же всего представляют интерес мысли Анастасия, относящиеся к политической философии. Он решительно ставит вопрос, который издавна привлекал к себе многих христианских мыслителей, но в Византии, как кажется, никем до него не был еще выдвинут, по крайней мере — так определенно. "Всякая ли власть поставлена от Бога", спрашивает Анастасий, причем любопытно, что он понимает здесь не только светскую власть, но и духовную: ἄρα λοιπὸν πᾶν ἄρχων βασιλεὺς καὶ ἐπίσκοπος ὑπὸ Θεοῦ προχειρίζεται. Для разрешения этого вопроса в отношении светской власти он ссылается на Второзаконие⁷, иными словами — признает всякую власть от Бога — с тем только отличием, что дурные цари поставляются от Бога в наказание за грехи народа. Чрезвычайно любопытно видеть, что для Анастасия это — не какие-нибудь отвлеченные категории, а совершенно реальные, жизненные понятия.

Установив общий принцип, он сейчас же прилагает его к византийской истории, причем берет пример из недалекого прошлого. А именно, он говорит об узурпаторе Фоке, занимавшем византийский престол с 602 по 610 г., то есть в детство Анастасия. Он прямо называет его тираном и описывает его царствование самыми мрачными красками. Но поставленный вопрос он решает не так, как некоторые из католических направлений, утверждающие, что от Бога только праведный царь, а неправедный — от дьявола. Анастасий рассказывает о некоем благочестивом монахе, жившем во времена Фоки, который обратился с вопросом к Богу, почему он поставил такого злого царя, и получил ответ: "Потому что не нашел хуже"⁸. Таким образом, решение, предлагаемое Анастасием, вовсе не отличается радикальным характером. Но надо все же признать, что сама постановка подобного вопроса показывает некоторую смелость мысли, так как вполне ортодоксальным считалось, конечно, в Византии учение, согласное с известным текстом из послания апостола Павла. Такую же форму и такой смысл имеет у него учение о поставлении злых епископов⁹.

В связи с этим Анастасий подымает вопрос о молитве за нечестивого царя

⁶ Вопрос 70. Col. 695.

⁷ Вопрос 16. Col. 476.

⁸ Там же.

⁹ Col. 477.

и решает его в утвердительном смысле, основываясь на учения апостола о молитве за всякое начальство¹⁰.

Этим не ограничивается отношение Анастасия к вопросам политики. Он затрагивает также область международных столкновений. Вопрос, который его интересует, есть вопрос о том, существует ли какая-нибудь правда в этих отношениях, или, как формулирует его Анастасий, все ли зло, которое нам делают другие народы, всякое угнетение и все насилие можно объяснить велением Божиим и, следовательно, можно оправдать? И этот вопрос он решает утвердительно: Бог часто предаёт нас врагам не для того, чтобы нас погубить, а только для наказания за грехи¹¹. Прямого вывода в смысле ли отрицания международного права или в каком-нибудь другом смысле мы у Анастасия не находим.

Из вопросов, относящихся к другим областям, которых касается Анастасий, любопытно обратить внимание еще на вопрос, могущий интересовать теоретиков государственного права. В чем различие, спрашивает Анастасий, между *законом и повелением*¹². Почему он этот вопрос выдвинул, что привело его к нему — читателю неясно. А разрешает он его чрезвычайно просто: закон имеет общее применение (ὁ καθόλου), а повеление относится к частному случаю (κατὰ μέρος). Любопытно было бы выяснить, в каком отношении находится мысль Анастасия к соответственным определениям действовавшего в его время законодательства, и чем вызвана постановка этого вопроса. Пока следует отметить, что такую же формулировку можно найти в теориях более позднего времени.

¹⁰ Col. 763-764: ὅτι γὰρ ἔγραψεν ὁ Ἀπόστολος προσεύχεσθαι ὑπὲρ βασιλέων καὶ πάντων τῶν ἐν ὑπερροῇ ὄντων... Подобным же образом здесь решается вопрос, можно ли молиться за царей, если они иудеи, или неверные, или еретики.

¹¹ Col. 483-500.

¹² τίς ἡ διαφορά τοῦ νόμου καὶ ἐντολῆς; Coll. 609-612.

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

Свод древнейших письменных известий о славянах / Отв. ред. Л.А. Гиндин. Г.Г. Литаврин, М., 1991. Т. I (I–VI вв.). 472 с., карта.

Одним из показателей зрелости любой отрасли гуманитарного знания является непредвзятое и критическое отношение к собственным фундаментальным основам — к фактологической базе, к основополагающим концептуальным положениям, к оценке наследия своих "отцов-основоучителей" и классиков. Славяноведение — относительно молодая научная дисциплина, которая в то же время явно отягощена не вполне корректными гипотезами и сделанными в пылу полемики конъюнктурными выводами. К сожалению, таковыми изобилует как давно находящаяся в научном обороте, так и вновь выпускаемая в свет славистическая литература. Поэтому обращение к проблеме этногенеза и ранней истории славян, без преувеличений являющейся центральной в славистике со времени ее зарождения, не только своевременно и актуально, но и свидетельствует о научной смелости задумавших и осуществивших рецензируемый труд ученых.

Издание, предпринятое специалистами из Москвы, С.-Петербурга и Волгограда, является важной вехой в развитии отечественного и мирового славяноведения. Впервые в один корпус сводятся все известные на настоящий день науке памятники о древнейшем прошлом славян, включая спорные тексты, относимые историографической традицией к свидетельствам ранней славянской истории. В первый том свода составители (Л.А. Гиндин, С.А. Иванов и Г.Г. Литаврин) включили тексты 19 памятников. Источники изданы в извлечениях из оригинальных латинских, греческих и сирийских текстов с параллельным переводом на русский язык, с подробными филологическими и историческими комментариями, с обширными библиографическими отсылками¹.

Для слависта или византиниста, не связанных непосредственно научными интересами с изучением этногенеза и древнейшей

истории славян, это издание представляет интерес прежде всего возможностями использования приводимых текстов и комментариев к ним для формирования и коррекции общих представлений о средневековой славянской истории, о корнях традиций политической, социальной и духовной жизни славян, об их месте среди народов и государств раннесредневековой Европы и прилегающих областей Востока. Этот подход и определяет характер настоящей рецензии.

Первый том свода охватывает свидетельства I—VI вв., причем эти хронологические рамки относятся не к событийному ряду славянской истории, а ко времени создания памятников, содержащих приводимые свидетельства. Тексты выстроены в последовательности их создания, насколько таковую оказалось возможным определить. Каждое письменное известие предваряется введением, трактующим проблемы авторства, текстологии, истории изучения и издания памятников. Чаще всего (за исключением экскерптов из Плиния, Псевдо-Кесария и Иоанна Зфесского) во введении или в непосредственно предпосылаемых тексту примечаниях в скобках раскрывается контекст, в котором находятся в оригинале публикуемые сведения. Текстологические экскурсы (к сожалению, не везде) завершаются стеммами, отражающими рукописную традицию издаваемых памятников. Особого упоминания заслуживают публикуемые под линией разночтения по всем известным на настоящий день рукописям, что дает читателю возможность самостоятельно оценить точность прочтения текста. Параллельные переводы на русский язык, сделанные заново, позволяют и неспециалистам самим судить о достоверности некоторых слишком вольных интерпретаций, которыми нередко грешат общие и популярные работы о древнейшем прошлом славян.

Универсальный и комплексный характер издания подчеркивает и объединение филологического и исторического комментариев, носящих как уточняющий, так и концептуальный характер.

¹ См. дополнения к библиогр.: Бибииков М.В., Петрухин В.Я. [Рец.] // Советское славяноведение. 1992. № 5. С. 118—119. Рец. на: Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991. Т. I.

В связи с последним обстоятельством выглядит совершенно оправданным главный принцип издания — объединение в нем результатов творческих усилий специалистов, наиболее глубоко и всесторонне знакомых с публикуемыми источниками в их конкретно-текстологическом, историческом и общекультурном контекстах, вне зависимости от мест работы исследователей, их концептуальных подходов или мнений по конкретным вопросам, вызывающим в современной науке острые дискуссии. Это делает свод не столько результатом коллективной работы в том значении, которое обычно придается последней, сколько плодом объединения индивидуальных усилий наиболее компетентных специалистов, отражающих современное состояние научных дискуссий о древнейшем периоде славянской истории. На наш взгляд, это с лихвой окупает неизбежные при таком подходе издержки — некоторый композиционный разнород и наличие отдельных противоречащих друг другу мнений.

Особое место в томе занимает первый раздел — "К предистории славянства", включающий прежде всего переведенные и прокомментированные Ф.В. Шеловым-Коведяевым отрывки из Плиния, Тацита и Птолемея о венедах. Как убедительно показывает ученый, этот древнейший комплекс сведений римских авторов I—II вв. восходит не к современной им этнографической реальности, а к античным традициям описания малоизвестных народов. Те же традиции продолжили и сведения римских итинерариев, сохранившиеся в поздней версии Левитингеровой карты (изд. и коммент. А.В. Подосинова). Завершают раздел эксперты из "Истории" Приска Панийского (пер. и коммент. Л.А. Гиндина и А.Б. Иванчика). Оправданные сомнения ученых в славянской принадлежности некоторых топонимов Левитингерова итинерария и предметного репертуара сочинения Приска (просо, лодки-однодревки, напиток-медос) вкупе с анализом "венедских" экскурсов римских авторов основательно корректируют ставшие хрестоматийными представления о начале славянской истории, выводя из числа бесспорных даже для многих новейших исследователей² свидетельства о ранних славянах все известные на сей день тексты первой половины I тыс. н.э.

Столь ответственные выводы, органически вписавшиеся в острую дискуссию о начале этнической истории славян³, представляются нам фундаментально обоснованными и весьма

полезными для дальнейшего развития славистических исследований. Искусственное удравление истории славянства, ставшее, к сожалению, не только общим местом учебной, популярной и отчасти научной литературы, но и профессиональным занятием некоторых маститых ученых, наносит ощутимый вред как всей концепции ранней и средневековой истории славян, так и авторитету славяноведения как науки. Естественно, отсутствие неоспоримых ранних свидетельств не может быть основанием и для противоположных по содержанию, но адекватных по тенденциозности попыток сдвигать на вторую половину I тыс. н.э. начало славянского этногенеза. На наш взгляд, прав С.А. Иванов, связывая начало собственно славянской истории со складыванием на достаточно продвинутом этапе этногенеза славян их этнического самосознания, зафиксированного письменными источниками через самоназвание "славяне" в начале VI в.⁴ Сопоставляя результаты вышеупомянутой дискуссии с материалами рецензируемого тома, можно отметить, что важнейший вклад последнего состоит в проведении четкой грани между источниками, бесспорно отражающими самостоятельное бытование славян в Европе, и сведениями, привлечение которых к реконструкции ранней славянской истории требует серьезного дополнительного обоснования, невозможного при современном состоянии источниковой базы.

Второй раздел тома — "Склавины и анты" — открывает подборка эксперптов из "Геттики" Иордана, замещающая давно устаревшее, хотя и сыгравшее большую роль в славистических исследованиях издание Е.Ч.Скржинской. Помимо современного научного издания текста и точного перевода, исправляющих ряд общепринятых чтений, эта часть свода ценна пространным комментарием (с. 127—138), имеющим самостоятельное научное значение и веско обосновывающим в развитие "венедских" экскурсов первого раздела тома тезис о том, что и готский историк вслед за Кассиодором использовал все тот же круг сведений о венедах, что был доступен Тациту. Таким образом, корни отождествления славян с венедами восходят к построениям Кассиодора, воспринятым Иорданом и являются не отражением этнической реальности середины I тыс. н.э., а гипотезой одного из первых европейских историков, в чье поле зрения попали славяне.

² См.: *Tyszkiewicz L. Słowianie w historiografii antycznej do połowy VI wieku.* Wrocław, 1990.

³ Иванов С.А. Откуда начинать этническую историю славян: (По поводу нового труда польских исследователей) // Советское славяноведение. 1991. № 5.

С. 3—13; Васильев М.А. Следует ли начинать этническую историю славян с 512 г.? // Там же. 1992. № 2. С. 3—20. Продолжение дискуссии см.: Там же. 1993. № 2. С. 3—26.

⁴ Иванов С.И. Славянская этническая проблема // Славяноведение. 1993. № 2. С. 23—26.

Очень важна проводимая А.Н. Анфертьевым реконструкция основного источника Иордана в этой части "Гетики" — труда Кассиодора — и для уточнения ареала проживания ранних славян, особенно его западной границы (с. 136). Немало нового дает эта публикация и для уточнения представлений о хозяйственных занятиях славян и характере их поселений. Важная коррекция делается автором в отношении так называемой "державы Германариха", в состав которой, по мнению ряда ученых, входили и славяне. Убедителен А.Н. Анфертьев и в отрицании связи со славянами известия о роде Росомонов (с. 113, 155). Несколько менее самостоятелен и информативен его комментарий к знаменитому экскурсу о победе остготов над антским королем Бозом. Возможно, автор прав в желании избежать опасных предположений, в которых не испытывает недостатка историография этого отрывка труда Иордана.

Отдельно издан и прокомментирован Л.А. Гиндиным и Ф.В. Шеловым-Коведяевым отрывок "Гетики" о похоронах Аттилы, восходящий к помещенным выше сочинениям Приска и содержащий термин "страва". Всесторонний критический анализ, которому подвергают ученые данный отрывок, сам термин, как и приводимые на его счет авторитетные мнения убеждают в высокой степени вероятности славянского происхождения "стравы". В сочетании со сведениями, сохранившимися в дошедших до нас отрывках трудов Приска, данный экскурс Иордана является веским свидетельством в пользу "гуннско-славянского симбиоза" (с. 167) в V в. н.э.

Тексты из Прокопия Кесарийского — основного источника по истории славян в VI в. — представлены в своде С.А. Ивановым, Л.А. Гиндиным и В.Л. Цымбурским. Это 12 отрывков из "Истории войн", три — из "Тайной истории" и два — из трактата "О постройках". Выверенный по сравнению с ранее предпринимавшимися изданиями текст, уточненный русский перевод и, в особенности, пространные комментарии дают возможность сделать несколько важных коррекций. Во-первых, это касается существенных дополнений к сведениям Прокопия, содержащихся в приводимых в комментарии новеллах Юстиниана (с. 216, 217). Во-вторых, кардинальной коррекции подвергнуто традиционное чтение пассажа о религии славян. Убедительно обосновывается перевод "один из богов" вместо хрестоматийного "один только бог" (с. 183, 221), что значительно изменяет представления о состоянии славянского языческого пантеона во времена Прокопия. Важны и иные коррекции перевода, касающиеся отношений славян с Византией (с. 185—186) и их статуса на территории империи, хронологии славянских нападений на Византию (с. 197, 201, 240—242, 245—246).

Отрывок из позже других вошедшего в научный оборот сочинения Псевдо-Кесария, представленный С.А. Ивановым, содержит интересный и противоречивый материал об обычаях древних славян, породивший значительную литературу. Для его правильной интерпретации весьма важно наблюдение автора, что в тексте Псевдо-Кесария описание славян служило моделью для составления "от противного" образа полумифических фисонитов. В то же время, описания и тех, и других, отражают не столько реальность VI в., сколько представления византийцев той эпохи о живущих на периферии империи варварах.

Новацей по сравнению с ранее издававшимися сводами сведений о ранней славянской истории является включение в том упоминаний об антах в титулатуре византийских императоров VI — начале VII в. (пер. и комментарий С.А. Иванова). Эта формула восходит к обновленному императорскому титулу Юстиниана, что согласуется с другими источниками, впервые упоминающими об антах в это время.

Отрывок из хроники Иоанна Малалы, представленный Г.Г. Литавриным, содержит уникальное и, как доказывает ученый, достоверное свидетельство об участии славян в грандиозном походе на Константинополь вождя племени кутригуров Забергана (ок. 559 г.).

Единственный восточный источник, включенный в первый том свода — хроника Иоанна Эфесского (пер. и комментарий Н.И. Серикова). Составители свода правомерно оставили за его пределами упоминание Захарии Ритора о народе "рос", которое долгое время относилось к числу древнейших упоминаний о славянах из-за некорректного сопоставления Н.В. Пигулевской, широко использованного Б.Н. Рыбаковым. Перевод пассажа Иоанна Эфесского о славянском походе во Фракию в 581 г. дополнен четырьмя другими фрагментами его труда, сохранившимися в переложении хрониста XII в. Михаила Сирийца. Однако, Н.И. Серикова, прекрасно проделавшего сложную работу по сверке, переводу и публикации текста, можно упрекнуть в излишней лаконичности и фрагментарности комментария.

Отрывки из Агафия Миринейского и Меландра Протиктора — основных источников о славянах на византийской службе, славяно-византийских и славяно-аварских отношениях второй половины VI в. представлены И.А. Левинской и С.Р. Тохтасьевым. Углубленный анализ ими антропонимов, относящихся к упоминаемым здесь антам, приводит к вескому предостережению, что из пяти (включая Боза у Иордана, описывающего антов IV в.) антских имен, известных по источникам, ни одно не получило "достоверной славянской этимологии" (с. 355).

С важной коррекцией датировки (558 г.) С.А. Иванов приводит мало использованную учеными эпитафию Мартина Бракарского св. Мартину Турскому.

С.А. Иванов и В.В. Кучма представляют отрывки из двух военных трактатов — анонимного сочинения конца VI в. и "Стратегикона", уверенно датированного В.В.Кучмой концом VI в. и атрибутируемого императору Маврикию. Возможные и в том, и в другом случаях сдвиги *terminus postquem* на первые годы VII в. не противоречат принципу хронологической последовательности сведений в томе, так как замыкающий его отрывок из Хроники Иоанна Бикларского также датируется самым концом VI или первыми годами VII вв. Помимо сведений о военных обычаях славян военные трактаты содержат, как известно, и информацию о хозяйственной и социальной жизни, но их объем и характер не позволяют интерпре-

тировать их слишком конкретно, как это не раз делалось.

С выходом первого тома "Свода" отечественная историография ранней истории славян пополнилась трудом, отвечающим самым современным требованиям как с точки зрения издания исторических источников, так и в плане их всесторонней и критической интерпретации. Мы надеемся, что несколько затянувшаяся в силу понятных причин пауза между первым и вторым томами (думается, прежде всего она послужила препятствием для появления большего числа откликов на вышедшую книгу) вскоре закончится, и научная общественность получит возможность целиком и по достоинству оценить выдающийся труд, несомненно, принадлежащий к числу высших достижений отечественной медиевистики.

Д.И. Польшинский

Глушанин Е.П. Военная знать ранней Византии. Барнаул: Алтайское книжное изд-во, 1991. 243 с.

Монография Е.П. Глушанина посвящена чрезвычайно сложному и важному с точки зрения назревания форм византийской государственности периоду — III—VI векам: именно здесь кроются истоки фантастического "долговечия" империи, ее удивительной политической стабильности и живучести. Не менее важен (и мало изучен) предмет исследования — военная знать как особая социально-политическая категория господствующего класса империи, ее роль в становлении византийской государственности. Зарождение и оформление военной знати изучается в книге Е.П. Глушанина методом поэтапного анализа, в строгой хронологической последовательности рассматриваемых событий. Несмотря на свой относительно незначительный объем (ок. 14 печ. листов), монография производит весьма солидное впечатление, отличается исключительной обстоятельностью, емкостью и, я бы сказал, "интенсивностью" изложения материала, в сжатой форме заключает в себе богатейшую информацию, почерпнутую автором как непосредственно из источников, так и из специальной литературы. Автор демонстрирует превосходное знание богатейшей историографической традиции (что значит пару лет поработать над темой в немецких библиотеках!), умение ориентироваться в ней и критически анализировать труды своих предшественников, проявляя при этом мастерство

самостоятельного и скрупулезного аналитического разбора источников.

Автору удалось весьма наглядно воспроизвести атмосферу почти непрерывного кадрового и административного "экспериментирования" императоров в военной сфере (справедливо подчеркивается особая роль Константина Великого, заложившего основы эффективно действовавших административных структур — с. 50), при налаживании системы правительственного контроля за формированием "армейской верхушки" и средних армейских постов, борьбы (с переменным успехом) зарождавшегося "династизма" с квазиконституционными принципами так называемой "политической адаптации". В книге — масса частных наблюдений, уточнений и исправлений, пересмотр некоторых традиционных точек зрения. Убедительны соображения автора о времени учреждения института магистров армии (с. 52—53), об отсутствии (вопреки мнению некоторых исследователей) у Гайны частного войска-свиты (с. 91) и о легенде приглашения им целого народа (с. 92), о причинах передачи должностей *laterculum minus* квестору дворца (с. 101), о мифе об Аспоридах (с. 113—115), о надуманности тезиса некоторых ученых о борьбе за своего кандидата на престол между готско-аланским и исаврийским "лобби" в столице (с. 117), о сомнительной историчности свидетельства Теодориха об

отказе Аспара от императорской власти (с. 122), об антицизме Прокопия, избегавшего новшеств в терминологии (с. 216). Обращают на себя внимание своей убедительностью реконструкции автором событий, связанных с государственной изменой Ардабура (с. 127 и след.), его комментарий к мятежу Маркиана (с. 146), критика концепции американского ученого Кэги относительно "военной смуты" на Балканах (с. 167) и т.д.

Считаю в достаточной степени обоснованным и главный (хотя и парадоксально негативный) вывод исследователя о том, что византийской военной знати как таковой, т.е. как "наследственно-стабильного, замкнутого слоя, состоящего из породненных между собой магистров войск, императоров и варварских вождей в эпоху Диоклетиана и до Юстиниана включительно, и особенно на территории ранней Византии в 364—565 гг., не существовало" (с. 229); что военная элита Империи периодически и практически полностью обновлялась (с. 149, 153, 159 и др.). Фактически речь идет о том, что в ранней Византии отсутствовали те специфические условия, которые на Западе привели к зарождению протофеодальных структур. На мой взгляд, это наложило свой отпечаток на всю последующую историю Византии, лишая ее тех многих черт, которые необходимы были для того, чтобы общество смогло "структурироваться" в качестве истинно феодального.

Не могу не выказать в адрес автора монографии ряд замечаний. К сожалению, все внимание Евгения Павловича сконцентрировано на "верхних эшелонах" военной власти, практически — на магистрии, военная же иерархия в целом как таковая, на мой взгляд, в книге отсутствует. Недостаточно внимания уделено проблеме рекрутского набора, комплектования армии и ее снабжения (помимо "аннوي донативов", существовали еще такие виды солдатского довольствия как *polveraticum*, *stipendium*, *canonis vestium*, *equorum collatio* и др.). Весьма ошутим в книге дефицит обобщений: ценные остротки "теоретической" мысли буквально тонут в море фактов и фактиков, дотошного прослеживания отдельных военных карьер, изложения событий.

Так, Евгений Павлович неоднократно упоминает об "имперской конституции", о "новой Константиновой конституции", о "базовых конституционных принципах" (например, с. 232, 236), о "неконституционных методах" Аспаридов (с. 133), о "стратегиях-автократиях" как "неконституционных структурах" (с. 188), и в общем можно догадаться, что он имеет при этом в виду, но все же жаль, что он не делает попытки суммировать свои наблюдения в этой области и внести свой "теоретический" вклад в эту жгучую проблему византийской

государственности. Сказанное относится и к принципу разделения властей, этому важному достижению римско-византийской политической идеологии. Кстати, Глушанин всегда имеет в виду разделение властей военной и гражданской (правда, на с. 188 он бросает важную мысль о существовании параллельных командных систем как одной из гарантий политической стабильности), но этот принцип распространялся и на другие сферы власти, в частности, на законодательную и исполнительную. Принимая во внимание скорее негативный результат постановки вопроса о военной знати как таковой, я бы вообще озаглавил работу "военная власть в ранней Византии" и усилил бы этот "конституционный" аспект.

Автору удивляет отсутствие в источниках данных о приобретении крупных земельных имуществ высшим генералитетом (например, дуксами) по месту их службы. Он считает, что в их глазах такие приобретения были "непривлекательными" вследствие "слабых возможностей контролирования их хозяйственного функционирования в случае назначения их в новые, более удаленные от прежних, дукаты" (с. 77). Но ведь, если не ошибаюсь, им это было запрещено законом, причем, этот запрет распространялся не только на генералитет, но и на средний и низший офицерский состав, а также вообще на всех воинов (см., например, Dig. 49.16.13: *milites agrum comprare prohibentur in ea provincia, in qua bellica opera peragunt*; Dig. 49.16.9: *militis prohibetur praedia comprare in his provinciis, in quibus militavit*).

Непонятно, что имеет в виду автор, говоря о "параметрах восточноримских традиций престолонаследия" (с. 134), да и существовали ли такие "параметры" в столь раннюю эпоху? (Это опять же к вопросу о дефиците специальных разработок, в данном случае обычая престолонаследия — ибо закона не было! Не очень убедителен Евгений Павлович и там, где он считает неправомерным встречающееся в литературе отождествление "подданных" (*υἱῶκοοι*) из свидетельства Кандида Исавра с "народом столиц" (с. 137—138), тем более что сам он не предлагает никакого альтернативного варианта (с данными Комита Марцеллиана это свидетельство ведь можно и не увязывать, суть остается прежней). Жестковато и не очень-то доказано, на мой взгляд, звучит вывод автора о том, что "Юстиниан с трудом представлял себе будущую префектуру Италии" и что все, что тот по этому поводу говорил, является "образцом пропагандистской риторики" (с. 211). Наконец, не совсем понимаю, почему "неверно" искать мотивацию новой волны фамильной политики Юстиниана в династическом факторе и стремлении престарелого императора обеспечить престолонасле-

дие (с. 226). Одно другому не мешает, если "появление родственников Юстиниана на ряде высших военных должностей в 562—565 гг. обусловилось не столько династийной политикой, сколько естественным ходом их служебного роста и смены поколений в военной элите". И совсем уж неправдоподобно звучит вывод о том, что "Юстиниан безучастно относился к вопросу о престолонаследии, понимая, что оставлял после себя запрограммированный конфликт" (с. 227). Вообще, для лучшего освещения проблем правления Юстиниана (и, в частности его политики в военно-административной сфере) следовало бы учесть результаты целого цикла исследований греческого ученого Лунгиса, а также крупную работу итальянца Каими, посвященную анализу трактата Иоанна Лиды "De Magistratibus".

Текст книги Е.П. Глушанина страдает, мне кажется, чрезмерной "герметичностью" (главы, по моему, следовало бы разбить на подразделы, язык нарочито утяжеленный (уж не влияние ли немецкой школы?), перенасыщенный иностран-

ной лексикой и технической терминологией. Читателю нужно быть весьма "подкованным" в этой области, иначе он вряд ли поймет, что означают избыточные в тексте "адоптации", "адэрация", "конскрипция", "идиосинкразия" и т.п., тем более, что термины эти не только не переводятся, но и не разъясняются. Весьма затрудняет работу с книгой отсутствие каких бы то ни было указателей.

Тем не менее, несмотря на высказанные замечания (с которыми автор вправе и не согласиться), я в высшей степени положительно оцениваю рецензируемое издание. Прделана огромная исследовательская работа, достигнут общезначимый результат, заполнена еще одна лакуна и по существу открыто новое направление в нашей отечественной историографии, а в лице Е.П. Глушанина мы приобретаем уникального специалиста по одной из наиболее сложных и ключевых эпох в истории римско-византийской государственности.

И.П. Медведев

Krumeich Ch. Hieronymus und die christlichen *feminae clarissimae*// Habelts Dissertationsdrucke. Reihe Alte Geschichte. Bonn, 1993. Н. 36. XII, 408 S.

Объемная, насыщенная фактическим материалом монография Х. Крумайх, ученицы известного западногерманского антиковеда И. Штрауба, является переработанным вариантом диссертации, защищенной летом 1992 г. в Боннском университете. В наиболее общем виде цель работы формулируется скромно — определить "значимость христианок из разряда *feminae clarissimae* в истории IV в." (с.381). Особое внимание при раскрытии проблемы, считает исследовательница, должно уделяться "миссионерской задаче", которую ставили перед собой и выполняли знатные римлянки-христианки и их *spiritus rectores* Иероним Стридонский. Отмечу сразу, что одним из важнейших способов достижения цели работы оказывается анализ примечательной методики, примененной Иеронимом в его трудах: прославляемые в Библии *sanctae mulieres* коррелируются им со значительными *gentiles feminae* из греко-римского прошлого, позитивные качества которых (избирательно адаптированные христианством) унаследованы, по мнению Стридонца, принявшими истинную веру *feminae clarissimae*. Неоспоримо владея *privilegium generis*, последние призваны в качестве *nobiles genere, nobiliores sanctitatis* подавать пример сенаторской аристократии, заботившейся о *priscus mos*, и способствовать ее *converso perfecta*. Тем самым открывается подлинная цель для *via naturalis*, базирующейся на *mos maiorum*.

Уже отсюда видно, что разрабатываемые Крумайх сюжеты далеко выходят за рамки собственно "иеронимоведения" и даже истории феминизма в доиндустриальных обществах. В первых, речь идет о рассмотрении на первый взгляд узкой проблемы "Иероним и *feminae clarissimae*" в контексте довольно широкого спектра общественных и ментальных феноменов поздней античности вообще. Недаром исследование взаимоотношений Стридонца с кружком Марцеллы, с Павлой и ее семьей предваряется обстоятельным разбором таких тем, как "Иероним — христианин, римлянин, цicerонианец", "Иероним и *epistulae ad clarissimas feminas*", "Иероним — *vir bonus dicendi peritus*". Здесь же рассматривается положение папского престола при Дамасе, покровителе Стридонца, состояние в IV в. мужского и женского *clarissimae*, дается очерк положения римлянки в обществе и т.д. Во второй части монографии исследованию конкретной практической деятельности знатных христианок IV в. предшествует анализ некоторых аспектов позиции Иеронима в полемике между язычеством и христианством, разбор состояния женской образованности и ее оценок позднеантичными авторами, изучение имущественного положения аристократок.

Во-вторых, через всю монографию объективно проходит проблема характера усвоения патристикой античного наследия. Характер

этот, в частности, подчеркнут довольно весомым тезисом: "Иероним пытается связать обращение в новую веру людей с обращением в нее культуры" (с.6). Что же до названной проблемы, то во многом специфика ее видения в монографии определяется фигурой самого Иеронима, ярко отразившего, кроме всего прочего, в своем качестве наставника и корреспондента римских аристократок неординарную монашескую ученость, базирующуюся на значительной степени на античной классике. Труды Иеронима, считает Крумайх, свидетельствуют, что он не только никогда не отрекался от своей образованности, но и брал сокровища античной культуры под христианскую опеку, обеспечивая им преемственность, — что делали и его знатные ученицы, "когда придавали зеркалу староримских незапятнанных добродетелей новый христианский блеск" (с. 203).

И, наконец, приведенный Крумайх богатейший фактический материал (сам по себе очередной раз демонстрирующий неисчерпаемость трудов Иеронима как источника) и множество сделанных ею наблюдений показывают, насколько важно и антиковеду, и медиевисту учитывать довольно-таки устойчивый универсализм общества IV в. Сама Крумайх эту мысль в качестве отдельной темы специально не развивает, но как византиновед я не могу не обратить внимание на следующее.

Одна из тем трудов Стридонца (как и его современников вообще) — спасение Вечного Рима. Развивая ряд наблюдений И.Штрауба и С.Зугано¹, Крумайх по сути дела подтверждает, что зачастую Иероним, наряду с иными интеллектуалами того времени, понимает под Римом всю империю. Выход Рима из кризиса — в духовном обновлении империи в лоне христианства, и огромная роль в этом процессе, по Иерониму, отводится женщинам из сенаторского сословия. Крумайх убедительно показывает, что названное обновление прежде всего мыслилось как обновление всего римского образованного общества, в сенаторских фамилиях которого продолжали жить *exempla* прошлого империи (с. 76). Но важно, что практическая деятельность *feminae clarissimae* (в том числе — попечение о бедных и больных, основание монастырей и управление ими, вклад в функционирование странноприимных домов и церквей) приходится во многом не только на Рим, на Италию, на Африку, но и на Восточную империю. Соответствующий материал велик, предельно четко систематизирован

(см., например, с. 108-188), и приводимые в книге факты свидетельствуют не только о духовном тяготении аристократок к посещению на Востоке святых мест. Примечательны имущественные вклады знатных христианок в тамошние церкви и другие учреждения. Например, Мелания Младшая через далматинского священника Павла направляет в Египет и Фиваиду 10 тыс. золотых солидов, по столько же — в Антиохию, ее округу и на острова (Эгеиды?), 15 тыс. — в Палестину (с. 117, 364). Бросается в глаза, что такие же суммы (а отнюдь не большие) она жертвует церквям Запада. Яркую параллель действиям Мелании можно усмотреть в поведении Олимпиады, подопечной Иоанна Златоуста (см. с. 284-285). И хотя только немногие из аристократок меняют римские дворцы на хижин Вифлеема (с. 108), Иероним не устал в своих письмах из Святой Земли рекомендовать женам и дочерям сенаторских фамилий примкнуть к монашеским сообществам (с. 153). Крумайх обстоятельно перечисляет тех женщин, которые ответили на призыв, выявляет все относящиеся к ним источники данные. Более того, исследовательница считает возможным говорить о привнесении на Восток богатыми, образованными христианками (и вообще массой западных паломников) *Romanitas*, понимаемой как богатство латинского, т.е. западного культурного менталитета и мышления. Одна из форм подобной трансляции культуры — как раз постройка определенных церквей и монастырей, принимавших множество разного люда (с. 362).

Примечателен анализ известий о крупных сенаторских имуществях, которыми владели аристократки (с. 234-241). Соответствующие сведения, относящиеся к Западу, опять-таки корректно дополняются фактами из социально-экономической сферы Восточной империи (сообщения Иоанна Златоуста, Палладия и др.). Очень скрупулезен в связи с этим разбор данных латинской и греческой версий "Жития" Мелании Младшей. Хотя в книге и нет сравнения размеров владений представителей сенаторского сословия Запада и ранней Византии, зато наглядно продемонстрировано негативное отношение римского сената к ликвидации благочестивыми собственниками своих имуществ. Крумайх, видимо, справедливо полагает, что со стороны сената это была не языческая реакция² на действия, соответствующие евангельскому призыву раздать свое богатство бедным, а рефлексия сословия, вызванная "дезертирством" его видных представителей.

¹ Отмечу попутно, что Крумайх, как и Зугано (См.: *Sugano S.K. Das Rombild des Hieronymus // Europäische Hochschulschriften, Frankfurt/M., 1983. Reihe 15. Bd. 25*), подчеркивает значительную близость Иеронима и Аммиана Марцеллина в освещении теневых сторон жизни Рима-города.

² Исследовательница вслед за Р.Ван-Хэлингом полагает, что в конце IV в. по крайней мере 50 % населения Рима еще были язычниками (с.31).

Материал темы Крумаых зачастую задает тон используемой в книге методике. Например — исследование начинается с подробного анализа ситуации в Риме накануне прибытия туда Иеронима в 382 г., хотя прожил Стридонца в столице империи недолго — до августа 385 г. Подход к теме по-своему верный: именно в Риме у Иеронима завязываются тесные долговременные отношения с христианками-аристократками, — отношения, во многом повлиявшие на его жизненный путь и творчество. Но несмотря на романоцентризм и неустанно подчеркиваемый Стридонцем его римский патриотизм (по сути совпадающий с имперским, — с. 7, 10, 30-32 и др.), большую часть своей жизни он провел на Востоке, и приводимый в монографии материал прямо-таки приводит к выводу, что ситуация в Византии в значительной мере определяла его труд и мысли. В Риме он во многом держался покровительством папы Дамаса; видимо даже аристократки, чьим наставником он был, не могли эффективно защитить его (см. с. 1 04). Примечательны недоверие римлян к практикуемой и пропагандируемой Иеронимом восточно-римской аскезе, раздражение римской толпы самым видом темного монашеского одеяния, оскорбительные выкрики в адрес Стридонца: "Обманщик, грек!" (*Hieronim*. Ep. 38.5; 39.6). Не случайно в оценке Иеронимом своей отчужденности по отношению к Риму, данной в 385 г., Крумаых находит параллели в "анти-западных" реминисценциях Григория Назианского (PG. T. 37. Col. 1155). Отмечаемые в литературе специфические черты восточно-римской аскезы³, воплотившись в практике Иеронима, ставшем в среде западного монашества первым, по мысли Крумаых, воплощением синтеза аскезы и учености (с. 303), скорее всего еще не воспринимались массовым сознанием Рима как позитивная данность. Видимо тенденция к унификации религиозной культуры в христианской среде развивалась отнюдь не гладко. И если даже полагать, что в своем отшельничестве в Халкидской пустыне Иероним был ein rechter Okzidentale, ein Römer (с. 26), — тогда как другие здешние анахореты почти все были восточного происхождения, — то вряд ли достаточным аргументом в пользу "истинного западничества" Стридонца является повышенный в то время спрос на его латиноязычные сочинения (*Ibid.*).

³ См., например: Heussi K. *Der Ursprung des christlichen Mönchtums*. Tübingen, 1936. S. 287-291; Vööbus A. *A History of Asceticism in the Syrian Orient // Corpus scriptorum christianorum orientalium*. Louvain, 1958. N 184. P. 158; Аверинцев С.С. Судьба европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к средневековью // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1978. С. 35-36; Frend W.H.C. *The Rise of Christianity*. Philadelphia, 1984. P. 567-569, 576-579.

Э.Кларк видимо поставила точки над "i" в вопросе о том, что аскетическое движение в Риме середины IV в. было гораздо моложе малоазийского и египетского⁴. Приводимые Крумаых соображения Иеронима о генезисе римского аскетизма в 340 г. (когда аристократка Марцелла узнала от Афанасия и его спутников о святых пустынножителях Востока) возможно и не лишены основания, но надо признать, что исследовательница не постулирует глубину проникновения восточно-римской аскезы в италийское общество IV в. (Хотя и полагает достоверным сообщение Афанасия о письмах Константина I и его сыновей святому Антонию). Поэтому приезды Афанасия и его сопровождающих в Рим, Трир и Аквилею, деятельность в Риме самого Иеронима (явившегося туда с Павлином Антиохийским и Епифанием Саламинским) и иные подобного рода визиты с Востока, затрагивая прежде всего западную знать, вряд ли сами по себе способствовали широкому внедрению восточного аскетизма в менталитет Запада.

Крумаых доказывает, что в Риме наиболее восприимчивыми к такому типу аскетизма оказались женщины, причем именно из сенаторского сословия. Изучение их аристократического круга ведется в форме добротного просопографического описания. Кроме того составлены генеалогические таблицы связанных с Иеронимом *feminae clarissimae*. Развитие подобных сюжетов безусловно дополняет наши знания истории господствующего класса поздней античности. Но я думаю, что для византиста здесь более важны иные наблюдения.

В частности, анализируя состояние поздне-римского общества и положение в нем женщин, Крумаых называет три причины увеличения безбрачия в IV в.: усиление аскетических идеалов, пропагандирующих анахоретис и киновитство; подъем мариологии, прославлявшей *virginitas perpetua*; тяжелое экономическое и политическое положение империи, частую вызывающее бегство от мира и недоверие к государству и имперской церкви (с. 69). Преобладающий в монографии западноримский материал, иллюстрирующий эти тезисы, дополняется менее объемными, но достаточно репрезентативными наблюдениями, сделанными на материале византийском.

Действительно в ранней Византии мы также видим рядом с авторитетными отцами церкви яркие женские личности, в основном из числа

⁴ Clark E. *The Life of Melania Younger*. N.-Y., 1984. P. 201. Справедливости ради отмечу, что еще А.Гарнак фиксировал поворот западноримской аристократии к "серьезной христианской жизни" только применительно к последней четверти IV в. См.: Harnack A. *Die Mission und Ausbreitung des Christentums in der ersten drei Jahrhunderten*. Leipzig, 1924. Bd. 2. S. 559 u. folg.

знати. Исследовательница привлекает данные о Макрине, сестре Василия и Григория Нисского, об Олимпиаде, ставшей диакониссой церкви Св. Софии ("Житие" которой дает для темы материал не менее выразительный, чем "Житие" Мелании Младшей), о Нонне, матери Григория Назианского, и об его сестре Гонории (с. 284-287). Я полагаю, что знатные христианки ранней Византии, как и западные аристократки, полностью вписываются в позитивную "феминистскую" схему Иеронима, в которой, как показывает Крумайтх, наблюдается следующий дуализм. С одной стороны, считается, что заключение брака важно для сохранения *gens* и человечества в целом; оно определяет величину и качество *civitas* (чисто античная позиция!)⁵. С другой стороны, аристократки IV в., в отличие от образцовых римских матрон прошлого, отказываются от брака и семьи и, сохраняя экономическую самостоятельность и социальный престиж, принимают идеал *virginitas*. По мнению Крумайтх, только церковь могла связать с теологией дух этих образованных женщин, а их хозяйственную активность — направить на *caritas* и основание монастырей (с. 323).

Исследовательница, склоняясь к мысли о повышении общественной роли женщины в поздней античности, совершенно логично обращает внимание на то, что Иероним не только неустанно повторяет тезис о равенстве мужчин и женщин перед Богом; в духе новозаветной традиции он награждает женщин почетным званием *apostolae apostolorum* (с.337-343). В результате возникает возможность выхода женщины за пределы частной сферы — в сферу общественной жизни, — если она ступает на путь апостолов и евангелистов. Важно отметить, что к аналогичным выводам в Византии приходит Иоанн Златоуст (PG. T. 60. Col. 669-672). Иоанн даже накладывает ограничение на запрет женщинам учить в церкви слову Божьему: они лишь не должны руково-

дить богослужением и собором и выступать в качестве *didaskaloí* перед общественностью (Ibid. Col. 669). Роль же женщины в распространении учения поистине колоссальна; христианка делает это, уже воспитывая детей и обращая в истинную веру членов своей семьи (Ibid.). В монографии превосходно преподнесены примеры занятия женщинами в IV-V вв. видных церковных и монастырских постов. Отмечу, что Крумайтх считает возможным существование диаконисс на Западе в 40-е годы V в. (с. 278), и это, разумеется, не крайнее отрицательно воспринимаемое ортодоксией священнослужительницы присциллиан и монтанистов, способные занять даже должность пресвитера и епископа.

И еще одно замечание. Крумайтх отводит вифлеемскому периоду жизни Иеронима громадную роль: Стридопец становится на Востоке центральной фигурой в распространении "христианского латинского знания"; *Romanitas* его образования и трудов ставит его, по мнению исследовательницы, рядом с Афанасием, "по следам которого он идет" (что верно отнюдь не всегда! — А.К.), рядом с Василием Великим, Григорием Нисским, Григорием Назианским и Иоанном Златоустом (с.362). Думаю, такая оценка излишне прямолинейна: *Romanitas* Иеронима, когда дело касается его богословских сочинений, все-таки очень бедна философским содержанием — в отличие от трудов представителей каппадокийской школы.

В заключение отмечу, что капитальная, легко написанная монография Крумайтх — не только весомый вклад в "иеронимоведение". Изучая положение женщин в эпоху ломки античного менталитета, она открывает много новых граней и возможностей исследования позднеантичной и раннесредневековой цивилизации. Я же счел нужным указать только те из них, которые наверняка заслуживают внимания византинистов.

А.С. Козлов

Кривушин И.В. История и народ в церковной историографии V в. Иваново, 1994.

В исследовании И.В. Кривушина впервые в византиноведении на монографическом уровне исследуется восприятие народа и его исторической роли в мировоззрении церковных историков эпохи патристики. Автор тщательно анализирует представления о народе Евсевия Кесарийского, Сократа Схоластика, Эрмия Созомена и Феодорита Киррского. Анализируемая книга соответственно делится на четыре главы, каждая из которых посвящена тому или иному историку церкви. При этом

в каждом случае характеризуются его общие исторические взгляды, место категории "народ" в его менталитете и, наконец, терминология, используемая в его сочинении, когда речь идет о народе.

⁵ Это тем более примечательно, что принявшие христианство *feminae clarissimae* представляли перед Иеронимом *civitas Romana* и одновременно предуготовливают христианству путь к *civitas caelestis* (с.378).

И.В. Кривушин подчеркивает принципиальные отличия раннехристианской историографии от историографии античной, которые выражаются, в частности, в разных трактовках понятия "народ": для древних авторов это, как правило, "толпа" — носительница иррационального деструктивного начала; для авторов христианских, развивавших идеи Священного Писания, народ самоценен как совокупность лиц — "образов Божьих" и как главный субъект движения мира по пути реализации божественных предначертаний. Такой народ является общностью, в первую очередь, религиозной. Это — народ Божий, совокупность избранных, верных, отмеченных Господом. На этой основе Евсевий Памфил формирует свою концепцию "третьего народа" в отличие от двух первых — иудеев и эллинов, народа, равнозначного христианской общине, равнозначного церкви, народа не этнического, а конфессионального (с. 13). Этому народу принадлежит значительное место в исторической концепции Евсевия. К нему применяется Господом "божественная педагогика". Бог опекает свой народ и отвращает его от зла, преподавая ему необходимые уроки. В философском плане "третий народ" пассивен; он — лишь объект приложения божественных усилий. В реальном историческом пространстве это, конечно, не совсем так, однако Евсевий нарочито сужает поле активности народных масс при описании конкретных событий. Христианский народ у Евсевия — прежде всего паства и в этом качестве зависит от своих пастырей. Более активным выглядит иной, нехристианский народ, сочувствующий христианам и готовый принять новую веру. Это — резерв христианства, христианство в потенции, историзм мышления Евсевия проявляется здесь в попытке показать народ в становлении, в процессе, в развитии. Наконец, Евсевий знает и еще один, безбожный и безумный народ, толпу язычников — гонителей христианства. Это антипод народа христианского, причем различие здесь даже терминологическое: христианский народ, как правило, обозначается словом *λαός*, языческий — словом *ἔθνος*. Для характеристики промежуточного, "становящегося" состояния народа используется термин *πλῆθος* (с. 18).

Продолжателями Евсевия стали три других церковных историка V в. — Сократ, Созомен и Феодорит. Каждый из них пытался по-своему развить идеи предшественника и в итоге создал собственную концепцию исторического процесса, включавшую в себя особый взгляд на роль народа в истории. Сократ Схоластик исходил в своих размышлениях из двух предпосылок (с. 22). С одной стороны, он принимал характерную для Евсевия позицию христианского исторического оптимизма и был убежден в конечном торжестве христи-

анства, предопределенном Господом. С другой стороны, он вполне рационалистически истолковывал конкретную историю церкви как историю ересей и смут, обусловленных чисто человеческими заблуждениями, а зачастую и личными интересами их инициаторов — честолюбивых и завистливых церковных пастырей. Христианский народ, по мнению Сократа, изначально ориентирован на поддержание социальной гармонии в церкви. Он является одним из элементов схемы "идеальный народ — идеальный пастырь — идеальный император". Реальный, исторический народ заинтересован в реализации идеала и более всего страдает от раздоров не соответствующих идеалу вождей. Народ в целом — носитель позитивного начала; он стремится к справедливости и противостоит анархии. Термины, используемые Сократом для обозначения народа, — те же, что у Евсевия. Однако в понятие *πλῆθος* им внесены новые краски. У Сократа — это христианский народ, активно действующий, народ в движении, народ, защищающий идеальный порядок (с. 43-44). И.В. Кривушин видит главную заслугу Сократа Схоластика в том, что он "синтезировал достижения христианской и античной мысли, соединив евсевийанскую концепцию положительного христианского народа и классическую теорию субстанциональности толпы" (с. 47).

Если "Церковная история" Сократа Схоластика более демократична и социальна, чем сочинение Евсевия, то другой продолжатель последнего, Эрмий Созомен, выступает как теолог-государственник. Церковная история, одушевленная, конечно, Божьим промыслом, на практике движется активностью императоров, образы которых имеют для Созомена концептуальное значение. Именно поэтому Созомен сравнительно немного говорит о народе, и роль народа в свершении истории, в глазах Созомена, минимальна. При этом Созомен возвращается к евсевийанской идее трех одновременно существующих общностей: у Евсевия — христианский, предхристианский, языческий народы; у Созомена — ортодоксальный, еретический, языческий народы. На уровне терминов первый, *λαός*, противостоит третьему, *ἔθνος*. *Πλῆθος* у Созомена — народ, активный и даже мятежный, причем часто — в позитивном смысле (с. 68-69). Для Созомена мир и порядок не являются абсолютными ценностями в той мере, в какой это характерно для Сократа Схоластика.

Еще более жесткий, авторитарный вариант церковной истории предлагает Феодорит Киррский. Он нарочито отделяет церковь от остального общества и государства. Церковь для него самоценна и самоцельна, она противоположна всему, что не готово жить по ее законам. Отсюда — особая роль христианского

народа, идеальной пасты, для которой окружающий Божий мир предстает как церковь (с. 85). Этот народ однозначно положителен, однозначно ортодоксален, и в общем, пассивен. Этот народ, *πλήθος*, трактуемый как народ Божий, привносит в историю идеальное начало.

И.В. Кривушин отмечает, что Сократ, Созомен и Феодорит "выступают как выразители трех разных течений христианской мысли V века, первое из которых ориентируется на идею сближения церкви и общества (Сократ), второе — на идею государственного руководства церковной жизнью (Созомен) и третье — на

идею независимой от мира церкви (Феодорит)" (с. 96). Автору аннотируемой монографии удалось выявить специфику интерпретации исторической роли народа в каждом из названных историографических направлений, на примере их первых крупных представлений. Следует отметить как положительный, и тот факт, что аннотируемая работа — первая (и надеюсь, не последняя) книга по истории Византии, подготовленная в Ивановском университете и опубликованная в городе Иванове.

О.Р. Бородин

Soustal P. *Thrakien (Thrakē, Rhodopē und Haiminontos) // Tabula Imperii Byzantini. Wien, 1991. Bd. 6. 580 S. 2 Kart.*

Капитальный труд австрийского византиста П.Сусталь тематически продолжает историко-географическую серию, публикуемую в рамках проекта "Tabula Imperii Byzantini" (ТИБ) с начала 70-х годов. В "Византийском временнике" уже давалась весьма положительная оценка как принципов составления этого сериала, так и содержания нескольких его книг¹. Поэтому при анализе монографии о византийской Фракии попутно сделаем некоторые наблюдения, которые, на наш взгляд, подкрепляют подобную оценку.

В соответствии с принципами издания, композиция книги не отличается от построения предшествующих выпусков ТИБ, — за исключением того, что здесь не приложены фотографии или планы исторических памятников, описываемых в леммах (как это сделано в других томах сериала²). Однако данное обстоятельство вполне объяснимо трудностями, с которыми автору пришлось иметь дело при работе на местах расположения объектов (см. с. 7).

Предмет историко-географических штудий Сусталь — территория, охватывавшая в ранневизантийский период провинции Родопа, Фракия и Эмимонт (названия которых в средне- и поздневизантийское время отразились и в местном церковно-территориальном делении). Провинция Европа (юго-восток бывшей римской провинции Фракия) будет рассматриваться в выпуске ТИБ, посвященном региону Мраморного моря (с. 47). В соответствии с принципами сериала фиксируются границы исследуемой области, дается анализ применявшейся для ее

обозначения терминологии (фактически — со времен Гомера). Характерная для Сусталь осторожность в работе с источниками и литературой проявляется и здесь. Не ставятся, например, точки над "i" в определении границ учрежденной к концу VII в. фемы Фракия и организованной на рубеже VIII-IX вв. фемы Македония. Очень корректно отношение к данным о военно-административных реалиях изучаемого периода, содержащиеся в "Тактикон" Икономидиса (ср. с. 50, 92-93, 162-163, 203 и др.) и т.д. Отметим также, что аналогичен подход и к сведениям о церковном делении Фракии X-XII вв. (с. 127). Историко-географические реалии, имеющие место в очерках, предваряющих *Lemmata*, очень жестко скоррелированы с аналогичным материалом самих лемм.

Периодизация "исторического и административного развития" Фракии в монографии (глава С) достаточно традиционна. Отметим, что Сусталь счел нужным констатировать два обстоятельства, очень важных для характеристики римского периода истории страны, — сохранение прежней системы управления сельским хозяйством при организации провинции *Thracia* и независимость некоторых стратегий (как сельских территориальных единиц) от урбанизации даже во II в. (с. 61). Эти факты — несомненное свидетельство о мощи местных общинников.

Весьма четко обрисована в разделе, посвященном позднеантичному периоду в истории региона, картина конфронтации между Византией и варварами — готами, гуннами, булгарами, славянами, аварами, кутригурами и утигурами. Уточним здесь лишь данные о первом появлении булгар в Византии. Согласно глоссе к тексту болгарского перевода "Хроники" Константина Манасси, булгары появились на Дунае в 475 г., перешли реку у Видина и начали занимать землю Охридскую, а затем

и остальную³. Булгары эти были приглашены Византией для борьбы с остготами⁴. Сусталь же (применительно к данному сюжету) лишь четко датирует использование булгар против готов зимой 480-481 гг. (с. 68). 493-м годом датирует Сусталь и вторжение булгар во фракийский диоцез, когда они убили магистра войск Юлиана; но в литературе есть и иная дата — 491 г.⁵

В разделе III главы С кратко изложена история Фракии от вторжения славян до христианизации Болгарии, в том числе — основные этапы славянских вторжений на Балканы, образование славиний, формирование Первого Болгарского царства и его отношения с Византией до Василия I. Судьбы собственно Фракии, в частности, церковная организация Эмимонта по нотциям соборов 680-681 и 691-692 гг. (с. 81) здесь — на втором плане. В разделе IV (с. 86-95) автор столь же сжато излагает политическую историю Фракии от крещения Болгарии до падения Первого Болгарского царства. Основная тема раздела — Фракия как болгаро-византийское пограничье и изменения границ двух государств в данном районе в зависимости от исхода очередного этапа византийско-болгарских войн IX — начала XI в. В этом контексте как самостоятельный вопрос рассматривается и структура византийской провинциальной администрации на территории Фракии по "Тактикону" Икономидиса (с. 82-83).

Раздел V целиком посвящен проблемам истории византийской администрации на территории Фракии после падения столицы державы Охриды и реформ Василия II. Автор отмечает восстановление старых и появление новых фем — Паристриона (возникшего еще в X в. в результате войн Цимисхия), Болгарии (с центром в Скопье), Сирмия, Македонии (с центром в Филиппополе), Смолена, Валерона. Для более позднего времени, когда Балканы стали ареной действий византийцев против печенегов, узов, куманов, Сусталь намечает наиболее существенные этапы этих войн (применительно к Фракии). Отметим, что в данном разделе не использована достаточно авторитетная работа П. Диакону, посвященная именно отношениям между Византией и печенегами⁶.

Раздел VI хронологически охватывает события, происходившие во Фракии накануне возникновения Второго Болгарского царства

и вплоть до гибели Латинской империи (с. 99-109). География византийской части Фракии характеризуется по хрисовулу Алексея III Ангела, данного Венеции (1198 г.). Заслуживают внимания наблюдения Сусталь над судьбами Фракии в контексте *Partitio Imperii Romanie* и поедиющей борьбы за передел византийского наследия между Болгарией, Фессалоникским королевством и Латинской империей. Аналогичен характер изложения материала в разделе VII, где рассматриваются отношения Болгарии, Сербии и Византии на фоне усиливающихся ордынских вторжений во Фракию, а также судьбы образовавшихся на византийско-болгарском пограничье буферных, преимущественно болгарских владений (Мицо, Смилеца, Войсила и др.). Сусталь достаточно обоснованно дает демаркацию византийско-болгарской границы во Фракии в правление Михаила Шишмана и Ивана Александра (с. 109-117).

Наконец в последнем, восьмом разделе главы С автор излагает хронологию османского завоевания Фракии с участием турецких отрядов в гражданской войне Иоанна IV Кантакузина и Иоанна V Палеолога до взятия Цимпе османскими войсками. Последующая история Фракии — это история османской экспансии в регионе до падения Адрианополя в 1363 г. и утраты Византией ее последних владений на Балканах (с. 117-124).

В главе D дана история церковных епархий на территории византийской Фракии, приведен их список (с. 127). Здесь же перечислены известные монастыри региона. Бросается в глаза однозначность тезиса автора относительно судеб Бачкова монастыря: "По воле основателя монастырь был предназначен исключительно для его грузинских соотечественников. Бачков монастырь, ставший значительным центром грузинской культуры, долгое время оставался населенным только грузинами, и лишь в XIV в. там расцвела византийская и болгарская культура" (с. 129). В данном случае Сусталь, естественно, не мог вдаваться в полемику относительно соотношения греческой, грузинской и армянской версий типика монастыря, как, впрочем, и этнической принадлежности его основателя. Но указать на точки зрения (Р.М.Бартияна, В.А.Арутюновой), не совпадающие с авторской интерпретацией данных моментов, было бы желательно хотя бы в рамках соответствующей леммы (с. 475-477)⁷.

⁷ Ср.: Шанидзе А.Г. Грузинский монастырь в Болгарии и его типик. Грузинская редакция типика. Тбилиси, 1971; Типик Григория Пакуриана / Введ., пер. и коммент. В.А. Арутюновой-Фиданян. Ереван, 1978; Бартияна Р.М. Об армянской памятной записи в грузинской рукописи, содержащей типик Григория Пакуриана // ВОН АН Арм.ССРС. С. 97-101; Ломоури Н.Ю. К истории грузинского Петричинского монастыря. Тбилиси, 1981.

¹ См. рецензии М.В.Бибикова и В.П.Степаненко (ВВ. 1993. Т. 54. С. 200-206)

² См., например: Hild F., Hellenkemper H. Kilikien und Isaurien // TIB. Wien, 1990. Bd. 5. Т. 1-2; Belke K., Mersich N. Phrygien und Pisidien // TIB. Wien, 1990. Bd. 7.

³ См.: Сиротенко В.Т. Две болгарские глоссы в свете письменных источников // УЗ Перм. Гос. ун-та. 1964. № 117. С. 77, 88, 91; Он же. История международных отношений во второй половине IV — начале VI в. Пермь, 1975. С. 228.

⁴ Joh. Ant. Fragm. 211 (4) // Fragmenta Historiorum Graecorum. T. IV. P. 619.

⁵ Сиротенко В.Т. История международных отношений... С. 245.

⁶ Diaconu P. Les Petchenegues du Bas-Danube. Bucurest, 1970.

Крайне интересен очерк истории дорожной сети Фракии. Здесь отмечено несколько направлений дорог, в частности — (А) диагональный маршрут Сердика — Константинополь; (В) юго-запад — северо-восток (дороги, связывающие Филиппополь с другими районами Фракии); (С) запад—восток, т.е. от Сердики к черноморским портам; (D) север — юг (наиболее густая сеть дорог, ведущая через территорию Фракий к проливам). Показательно, что автор специально оговаривает невозможность (на сегодняшний день) точного представления о сети сухопутных коммуникаций в изучаемой зоне в рамках IV—XIV вв., что полностью отражается в зачастую гипотетических локализациях путей, горных проходов и т.п., разбираемых в Lemmata. Кстати говоря, в основу схемы сухопутных коммуникаций Фракии положены принципы, разработанные Ф. Хильдом применительно к системе дорог средневековой Каппадокии⁸.

Очерк экономической жизни (с. 149–155) наглядно демонстрирует относительную скудость сведений письменных источников о сельскохозяйственном, ремесленном и торговом развитии средневековой Фракии. Однако вслед за рядом исследователей Сусталь уверенно называет земледельцев страны ранневизантийского времени свободными, отводя роль колонов представителям пришлого населения (с. 149). Думается, что это — явно упрощенный взгляд⁹. Отрадно, что наблюдения О. Дэвиса относительно горнорудных центров Фракии и развития ее металлургии скорректированы в рецензируемой книге выводами новейшей литературы и данными средне- и поздневизантийского периодов. Однако трудно понять, почему очерк о состоянии фракийского ремесла в IV—XIV в. вместился в девять строк и включил в себя лишь реалии записей Антония Барберия (60-е годы XIV в.). И это — при наличии массы археологических и разрозненных письменных данных о тамошнем ремесленном производстве, приведенных прежде всего в болгарской литературе, которую исследователь хорошо изучил и на которую ссылается по иным поводам в других разделах книги¹⁰.

⁸ Hild F. Das byzantinische Straßensystem in Kappadokien. Wien, 1977.

⁹ Тем самым мы, однако не оспариваем наличия во Фракии ранневизантийского времени мощного слоя свободного крестьянства. Показательно, что очерк истории развития здесь монастырской жизни (процесс, сигнализирующий наряду с прочим о неблагоприятии в положении общинников) Сусталь начинает с материалов 40-х годов IX в. (с. 128). Как известно, с середины IX в. в Византии начался бурный рост светского и церковного землевладения.

¹⁰ См., например, работы Д. Кончева, С.Г. Георгиевой.

Вместе с тем работы Сусталья и его коллег вряд ли следует называть просто "атласами-каталогами"¹¹. 845 скрупулезно выполненных лемм, играющих роль комментариев к картам (составление которых в конечном счете — главная цель проекта ТИВ) и занимающих наибольший объем издания, несмотря на подчеркнуто справочную форму, в своем содержании и в способе корреляции с картами содержат серьезный анализ собранного материала.

Простейший пример: топонимы, исторически раскрываемые в леммах, только тогда заносятся на тематическую карту, если месторасположение объектов (городов, монастырей, троп и т.п.) фиксируется абсолютно точно или с высокой степенью вероятности. Надо сказать, что при составлении лемм Сусталь столкнулся со значительными трудностями, так как топонимы Фракии неоднократно меняли свои собственно фракийские значения на греческие, позже — латинские, вновь греческие, болгарские, византийские и турецкие и, после обретения Болгарии и Грецией независимости, вновь болгарские и турецкие. Значительная часть болгарской топонимики изменилась после 1945 г. Продолжается ее изменение и в наши дни. Как следствие, само название леммы определяется прежде всего состоянием топонима в источниках византийского времени, причем греческому (в основном средневизантийскому) названию историко-географического объекта отдается предпочтение перед славянским, арабским, тюркским или западным. В конструировании леммы в некоторых случаях можно усмотреть неопределенности. Так, например, средневизантийское наименование "клизур" Св. Василия" (данное в заглавии леммы) наверное окончательно сложилось не ранее X в., а поздние названия Траяновых Врат — Succī, Σουκις — четко фиксируется до последней четверти IV в. (с. 190). Топоним Σουκις в латинской транскрипции стоит в титуле леммы за топонимом Succī. Отчего так? И можно ли относить оба топонима к истории Византии? Ответ очевидно надо искать в том, что Сусталь (как и его коллеги по проекту ТИВ) называет период IV—VI вв. "позднеантичным и ранневизантийским временем" (с. 62). С другой стороны, венецианский топоним Ρεπιτεοριον в терминологической расшифровке титула леммы "Περὶ τῆς ὁδοῦ" вообще отсутствует (в отличие от именования "Bugu Kale") — видимо потому, что крайне редко встречается в источниках (фактический материал на этот счет приведен Сусталем тщательно) (с. 394). То же самое происходит с венецианским топонимом Mesembre (ср. с. 355–

Д. Аладжова, Ж. Вахаровой, Д. Димитровой, Б. Димитрова, Ж. Попова.

¹¹ См.: ВВ. 1993. Т. 54. С. 200.

356). Примеры можно множить, но главное, что вариантов такого рода "неопределенностей" наверное столько же, сколько трудностей в обработке каждой группы топонимов, соотносимых с конкретным объектом. Состояние же подобной группы, в свою очередь, определяется состоянием источников.

Уже на этом примере (касающемся только композиции титула леммы) видно, какую гигантскую исследовательскую работу проделал Сусталь, если учесть, что материал, приводимый в каждой лемме и анализируемый в ней, варьируется от трех-четырёх строк (см., например, "Iskrica" или "Kutson" — с. 399–404) до нескольких страниц ("Adrianupolis" — с. 161–167, "Philippopolis" — с. 399–404). К тому же многие пункты известны лишь по нарративным источникам и не могут быть локализованы, как, например, Гетринас (с. 267), Александрополь (с. 174), Анагон (с. 175). С другой стороны, во Фракии сохранилось много городищ, названия которых давно утрачены. В этих случаях Сусталь локализирует их относительно современных населенных пунктов, как, например, Бистреч-Биок-Бинар, Ботево, Бранеполь, Цар Асен (см. с. 207, 217, 218, 227).

Как и другие выпуски серии ТИВ, книга Сусталья содержит как бы два уровня библиографии. Первый — это основные работы,

Laiou A.E. Mariage, amour et parenté à Byzance aux XIe—XIIIe siècles. [Travaux et Mémoires du Centre de recherche d'histoire et civilisation de Byzance, Collège de France. Monographies 7]. P.: De Boccard, 1992. 209 p.

В новой работе известной исследовательницы А. Лайу семья рассматривается не как автономная биологическая единица, предназначенная для воспроизводства рода человеческого, а как социальный феномен, институт, создающий новые социальные группы и обеспечивающий социальную и политическую консолидацию различных слоев общества, в первую очередь господствующего класса. Автор подчеркивает, что родственные связи, возникавшие в результате нового брачного союза, задевали, как правило, интересы семей родственников новой супружеской четы, а когда речь шла об аристократии, — всего этого класса в целом (с. 9). Именно поэтому государство и церковь стремились контролировать матримониальные связи и именно поэтому матримониальная политика различных слоев византийского общества, особенно знати, попытки церкви и государства оказать давление на эту политику, а также стремление аристократии оказывать активное противодействие законодательным властям находятся в центре внимания этой столь важной и интересной

список которых помещен в начале тома. Второй — работы, посвященные какому-либо вопросу, имеющему отношение к конкретному историко-географическому объекту (тогда работа указана в примечании к лемме) или вопросу, составляющему содержание какого-то очерка, расположенного перед Lemmata. Общая библиография очень внушительна, но сам исследователь не всегда обращается к перечисленным в ней работам. Так, в списке фигурирует работа Г.Г. Литаврина "Болгария и Византия в X—XII вв. М., 1960", тогда как в дальнейшем ссылок на нее нет.

К тому приложены две карты: Фракия в составе Болгарии, Греции и Турции; византийские памятники на территории Фракии. Судя по картам, в настоящее время в наибольшей степени изучена болгарская часть Фракии, тогда как турецкая и греческая части страны исследованы мало.

Для работы коллектива ТИВ в целом и трудов Сусталья в частности показательно возрастание объема выпускаемых ими томов. Излишне повторять, что вся эта серия является для историко-географических штудий вообще изданием эталонным, и рассматриваемая нами книга лишь подтверждает данную точку зрения.

А.С. Козлов, В.П. Степаненко

работы А. Лайу. Исследовательницу интересуют не столько способы приспособления византийцев к правовым нормам, касающимся брака, сколько противоречия между этими нормами и реальной действительностью.

Хронологические рамки работы — XI—XIII вв., однако отрадно отметить, что она написана с учетом предшествующей и последующей эволюции брачных отношений в Византии, так что она имеет важное значение для изучения матримониальных связей в Византии вообще.

Источниковая база монографии необычайно широка. Это — законодательные памятники и сочинения юридического характера, постановления церковных соборов, данные сигиллографии, нарративные и агнографические памятники, письма, литература и т. д.

Книга состоит из введения, пяти глав, библиографии и индекса.

Глава I "Контроль над браком: аристократия и кровосмешение" (с. 21–66) посвящена изучению выработки новых правовых норм в отношении брачных союзов в XI—XII вв.

и сложной игре, ставкой в которой была разветвленная сеть родственных связей, между знатью, церковью и государством. Матримониальная политика аристократии, отмечено в работе, находила свое проявление, во-первых, в ранних браках; во-вторых, в расторжении семейных уз, утративших свою полезность; в-третьих, в эндогамии, т. е. сети брачных союзов, заключавшихся между представителями одних и тех же семей, в результате чего аристократии удалось найти мощное орудие для расширения и укрепления своей политической власти (с. 21—23).

Именно поэтому с XI в. законодательные власти, как показано в монографии, проявляют особый интерес к самому акту бракосочетания и расширению системы запретов на заключение брака под предлогом кровосмешения. Новатором здесь выступает церковь, законодательные функции которой со временем заметно увеличиваются. Как событие особой важности рассматривается в работе издание в 997 г. "Том" патриарха Сисинния, запрещавшего заключение брака между родственниками в четвертом колене (с. 13—15). Поскольку же создание системы родства играло особую значимость для знати, краеугольным камнем политики церкви по отношению к браку стало ее стремление ограничить именно эту сторону матримониальной стратегии аристократии (с. 29). Этими факторами объясняет исследовательница интерес самих византийцев к проблеме родства и кровосмешения (с. 47—50), а также горячую полемику относительно легитимности брака между родственниками в седьмом колене (с. 29—58).

Проанализировав имеющиеся в ее распоряжении данные источников и сделав статистическую обработку материалов касательно бракоразводных процессов, итоги которой представлены в таблице на страницах 59—66, А. Лайу пришла к любопытному выводу, суть которого сводится к следующему: в XI в. матримониальные отношения находились под контролем аристократии, которая использовала в своих интересах (для расторжения ставших негодными брачных союзов) даже запреты церкви на заключение браков по причине кровосмешения (с. 30—31); с конца XI и в XII в. контрольную функцию в области семейных уз берет на себя государство, деятельность которого отличается двойственностью: с одной стороны, будучи связан родственными узами с аристократией, император осуществляет на практике ту же политику, что и знать, с другой стороны, олицетворяя самое государство, глава империи в своей законодательной политике консолидируется с церковью, укрепляя тем самым ее позиции; XIII век становится свидетелем возрастания роли церкви в матримониальной сфере, между тем

как значение государственной власти в этой области заметно падает (с. 58). Это заключение автора представляется особенно важным, если учесть ставшую уже традиционной точку зрения относительно особой роли государства в Византии и подчиненного положения по отношению к нему церкви.

В главах II и III ("Влечение, любовь и страсть: сексуальные отношения в представлении византийцев" (с. 67—89) и "Единая плоть: отношения между супругами в XI—XII вв." (с. 91—111)) А. Лайу поставила целью рассмотреть, как реализовывали себя в браке секс и любовь. Отметив, что согласие на брак жениха и невесты и, соответственно, любовь предполагались естественной предпосылкой для создания семьи, исследовательница, вместе с тем, приходит к убедительному выводу, что в реальной практике и в представлении византийцев не они служили основным критерием для создания и существования нормального брака. Заключаемый при согласии родителей молодых (более необходимым, чем согласие самих брачующихся) семейный союз считался счастливым, если жених и невеста подходили друг другу по своему происхождению и физической красоте (каноны которой были различны для мужчин и женщин), а также если их союз способствовал увенчанию появлением на свет множества детей. Мужчине, кроме того, подобало быть храбрым и мужественным, а женщине — добродетельной (с. 91—97).

В самой семейной жизни большее значение придавалось привязанности супругов друг к другу, сердечному согласию (при подчиненности жены мужу), нежели любви (с. 97—100), особенно любви страстной, которая рассматривалась скорее как негативное явление, присущее более адюльтеру, нежели законному браку. Более того, страсть в представлении византийцев, показано в монографии, была сродни отклонению от нормальных отношений между полами, своего рода дьявольским наваждением (с. 80—84, 102—111).

Дилемма брак и любовь, считает А. Лайу, поднималась лишь в литературе, и счастливое сочетание любви и брака являлось ни чем иным, как плодом фантазии поэтов и писателей. Контроль над браком осуществлялся очень строго, а страстная любовь была, по канонам византийского общества, чем-то беспокойным, опасным, причем не столько с точки зрения спасения души, сколько с точки зрения сохранения социального порядка (с. 111).

Сексуальное влечение признавалось византийцами как вполне естественное явление, но только в том случае, если оно реализовывало себя в браке, поддавалось контролю и не переходило известных границ (с. 68—70). Отклонения от нормальной супружеской жизни, были, по представлению византийцев, двух

видов: естественные (развращенность и адюльтер) (с. 71—74) и неестественные, т. е. относящиеся к разряду сексуальных извращений (гомогенуальность, общение с животными и т. д.) (с. 71, 74—80). Автор тонко подмечает, что ни известная распушенность нравов, особенно характерная для верхушки византийского общества XII в., ни сексуальные предпочтения, противные природе, не были предметом особого осуждения византийцев. То, что действительно их заботило — это строгость, проявляемая при заключении брака, ибо только это гарантировало соблюдение существующего социального порядка, в частности имущественных прав законных наследников (с. 88—89).

В главе IV "Брак и постриг" (с. 113—136) рассматривается проблема пострижения в сан одного из супругов (чаще всего женщин) как формы расторжения брака. Особенности матримониальных отношений в XI—XIII вв. сказались, по мнению А. Лайу, и в этой сфере, ибо в эту эпоху принудительное пострижение в сани заключение в монастырь являлось одним из проявлений матримониальной стратегии, позволявшей осуществлять контроль над брачными союзами (с. 129).

Глава V "Родство и имущество" (с. 137—185) посвящена проблеме наследования семейной собственности. Автор показывает здесь, что в Византии круг наследников пытались сузить, ограничив его в большинстве случаев правами родственников в четвертом колене (подобно

тому, как патриарх Сисинний рассматривал легитимность брачного союза). Вместе с тем известны случаи, когда права наследования распространялись и на более дальних родственников вплоть до седьмого колена. Иными словами, подчеркивает исследовательница, матримониальная стратегия знати и право наследования находились в очень тесной связи. Политика заключения нескольких браков между представителями одних и тех же семей приводила к укреплению не только социально-политического статуса, но и экономического положения отдельных аристократических кланов, против чего и была направлена деятельность церкви, стремившейся запретить браки между родственниками вплоть до седьмого колена (с. 170—171).

Нельзя не отметить высокую научную значимость содержащихся в приложении к этой главе монографии (с. 172—185) новых публикаций А. Лайу 81 и 84-го постановлений Димитрия Хоматяна, а также ее издания Комментария к Новелле Романа Лакапина о праве первенства при покупке, находящегося в кодексе Paris. Gr. 1355.

Свободное владение материалом источников и литературы вопроса в сочетании с оригинальностью подхода к теме и своеобразием метода исследования помогло создать А. Лайу труд, который, несомненно, явится важным вкладом в изучение проблемы семьи и собственности в Византии.

А.А. Чекалова

Ilieva A. Frankish Morea. (1205-1262). Socio-cultural Interaction between the Franks and the Local Population. Athens: Historical Publications S.D.Basilopoulos, 1991. 309 pp.

История крестовых походов вот уже два столетия привлекает внимание исследователей. Деяния крестоносцев вдохновляли многих средневековых хронистов, философов, поэтов. Удивительным магнетизмом эта эпоха наполнена и поныне. И по сей день исследователи продолжают обращаться к истории крестовых походов и открывать все новые ее страницы. Несмотря на то, что историография крестовых походов весьма обширна, эта тема отнюдь не исчерпана. Первостепенная задача современных исследователей — изучение государств, созданных крестоносцами на Востоке, их места и роли в самобытной и совершенно непохожей на европейскую обстановке Ближнего Востока и Византии. Так или иначе крестоносцы оставили большой след на византийской земле и многое принесли оттуда в Европу. Может быть поэтому история

крестовых походов, овеянная романтическими легендами и воспетая трубадурами, открывающая по сути новую эпоху в истории самой Европы, столь привлекательна и для современного человека.

В этой связи примечательно появление монографии болгарской исследовательницы А. Илиевой "Франкская Морей: социо-культурное взаимодействие между франками и местным населением", в которой изучается история одного из основных государств крестоносцев — Морейского княжества в 1205—1262 гг. Хронологически исследование охватывает период от начала истории государства (осень 1204 г.) до момента возвращения на Пелопоннес византийцев (1262 г.), а не всю историю Морейского княжества (1204—1432). Именно к середине XIII в. Морейское государство достигло зенита своего развития. Сосуществование на

полуострове двух различных государственных структур: византийской и франкской, — делает, по мнению автора, случай Мореи особенно интересным (с. 26-27).

Работа состоит из введения, трех глав, заключения, снабжена библиографическим указателем и индексом имен. Имеется также краткое изложение содержания книги на греческом языке.

Встреча франкского и местного населения после осени 1204 г. рассматривается в работе под различными углами зрения: борьба греков против завоевателей и их сосуществование, взаимодействие цивилизаций и неприятие культуры и конфессии друг друга, экономико-административное сотрудничество и конфискация земли и имущества у прежних византийских магнатов и монастырей, адаптация завоевателей в новых природно-климатических и геополитических условиях и создание на византийской земле "Новой Франции". Отправными точками исследования являются две: 1) интерес к так называемому "озападниванию" Византии в XII в.; 2) стремление приблизиться к объяснению Палеологовского Ренессанса в Мореи, рассматривая его не только во времени, но и в пространстве (с. 9). Особое внимание уделяется рассмотрению дефиниций между категориями: "общество—культура", "человек—природа—общество", "культура и цивилизация". Учитываются "возможности антропологического подхода к средневековой культуре и применение к ней методов социальной психологии и лингвистики" (с. 10).

Во введении А. Илиева ставит не только задачи исследования, но и подробно объясняет методы и подходы к их решению. Проблема исследования формулируется как "социокультурное взаимодействие между франками и местным населением", а не как "адаптация" франков в пелопонесской среде. Причины такой формулировки объясняются тем, что "природа адаптации представляет собой приспособление общества как живого организма к среде обитания с целью самосохранения; следовательно, адаптация является первой и основной функцией культуры" (с. 44-45). Категория "взаимодействие" рассматривается именно как "социо-культурная", а не как "взаимодействие цивилизаций, культур, обществ, сообществ и т.д." Этот подход, с точки зрения автора, наиболее оправдан. На первый план выдвигается случай "взаимодействия" между франками и местным населением в условиях почти доминирующего информационного непонимания, при наличии различных христианских информационных систем, основанных на церковной службе, ритуале, рукописной традиции. В данной связи для автора сильно возрастает значение фольклорных, устных информационных систем. А. Илиева считает,

что диалог проходил не между культурами и цивилизациями, а между субъектами культуры и, более того, между особыми социальными структурами, реализованными через культуру. Автор пытается выявить объективные и субъективные аспекты социо-культурного взаимодействия между франкскими рыцарями и византийцами. Завоевание создало самое широкое поле общения, которое должно изучаться с двух сторон: 1) горизонтально, т.е. во временном отношении и "событийном измерении" и 2) вертикально, т.е. это поведение завоевателей и побежденных (с. 45-48).

В главе I "Византийский Пелопоннес в XII в." автор подчеркивает, что человек живет в определенной среде, в определенных природных и климатических условиях, которые влияют на его поведение и характер. Поэтому исследование начинается с изучения природных и географических особенностей Пелопоннеса в целом и каждого отдельного его региона в частности. Поднимаются проблемы исторической географии и "антропо-географических особенностей" полуострова. Автор отмечает, что до 1204 г. Пелопоннес был фактически неведомой для европейцев страной. Единственными портами, куда до этого времени заходили европейские корабли, где можно было встретить латинское население, были Модон и Корон. Именно эти города европейские купцы называют первыми среди тех, которые они посещали в Греции. Это приводит автора к заключению, что до 1204 г. европейцы не обладали детальной информацией о полуострове (с. 76-77). Таким образом, франки по существу открыли Пелопоннес для Западной Европы.

Далее А. Илиева концентрирует внимание читателей на характере и поведении пелопоннесцев во время франкского завоевания. Рассуждая о "воинственности" либо отсутствии таковой у пелопоннесцев, А. Илиева приходит к заключению, что каждый регион имел свои традиции, и в значительной степени "воинственность" местного населения зависела от географической среды и наличия фортификационной системы (с. 79-80). Последнее утверждение однако не кажется бесспорным. К моменту франкского завоевания в Византии, и особенно на Пелопоннесе, фактически отсутствовала центральная власть, способная организовать сопротивление завоевателям. Этот момент сама исследовательница прекрасно доказывает. Константинополю, занятому проблемами престолонаследия, раздираемому придворными интригами и дипломатическими играми то с папской курией, то с германским императором и Филиппом Швабским, то с крестоносцами, задуманному финансовыми трудностями и долгами крестоносцам, было не до провинций. Ни военные, ни гражданские

власти, назначенные императором на Пелопоннесе, не могли в таких условиях исполнять свои функции и проводить политику центральной власти. Что касается фортификационной системы, то малопроезжимые и совершенно незнакомые завоевателям горные районы сами могли сыграть роль естественных фортификаций. Как представляется, проблема заключалась не столько в наличии или отсутствии "воинственного духа" у пелопоннесцев, сколько в отсутствии лидера и боеспособного, сплоченного войска, которое можно было бы противопоставить завоевателям. Неудивительно, что последние в 1204—1205 гг. фактически не встретили никакого сопротивления со стороны местного населения, а точнее было бы сказать, со стороны местной власти, и без особого труда покорили полуостров. Горный же ландшафт Пелопоннеса скорее препятствовал, чем способствовал франкскому завоеванию.

В первой главе А. Илиева затрагивает также историю церковной организации Пелопоннеса. Однако эта проблема подробно рассматривается также во второй и третьей главах (с. 145-147; 213-227). Пассажи о церковной организации из двух первых глав, как нам кажется, более органично вписались бы в контекст третьей главы.

Невозможно, на наш взгляд, не согласиться с мнением автора о положительном в целом влиянии венецианской торговли на византийскую, и в частности на пелопоннесскую экономику, особенно в аграрной области. Спрос венецианцев на зерно, оливковое масло, лен и другие товары стимулировал сельскохозяйственную активность на полуострове. Венецианские купцы стали своеобразным катализатором для местного крестьянства (с. 101-102). А. Илиева, в то же время, предостерегает от переоценки роли венецианцев в экономической истории полуострова. Они играли существенную, но не доминирующую роль в местной торговле, и контролировали лишь крупную коммерцию с Западом (с. 101). Несомненно, итальянское купечество ориентировало местное сельское хозяйство и производство на спрос международного рынка, что в свою очередь вело к расширению местного рынка и способствовало значительно большей товарности местного хозяйства. Негативные последствия итальянская торговля могла иметь только в случае отсутствия контроля за ней со стороны местной власти, неспособности последней ею управлять. Это правило четко действовало не только в Мореи, но и в других районах Латинской Романии.

С точки зрения автора, поворотным моментом в истории Византии стало правление Мануила I Комнина (1143—1180). Именно в это время происходит серьезная эволюция прони (с. 88-90), отмечаются очевидные изменения

в сознании византийцев. Византийская знать стала все более и более смотреть в сторону Запада. Рыцарское поведение, или рыцарский дух, стали визитными карточками для вхождения в аристократическое общество. Сам Мануил был более похож на рыцаря, чем на императора ромеев. Однако автор отмечает и разногласия, которые возникли в византийском обществе по отношению к западноевропейцам, и открытую враждебность византийцев к иностранцам-европейцам (с. 21-22). По исследованию А. Илиевой остается впечатление, что именно в это время произошел раскол византийского общества на сторонников унии с Западом и партию, ориентированную на союз с сельджуками, которых предпочитали латинянам. Возможно, в это время действительно появляются первые симптомы такого деления, которые, однако, дадут о себе знать позднее: непосредственно перед Четвертым крестовым походом и особенно после восстановления Византии в 1261 г. На наш взгляд, несколько преувеличенно усматривать в Мануиле I Комнине и в византийском обществе западные черты и начинать процесс "озападнивания" с середины XII в. Мануил I Комнин — яркая личность, бесстрашный воин (может быть, в этом проявлялся его рыцарский дух?) мечтал о воссоздании великой империи с великим и единственным императором и единой церковью. Но не имеет ли эта универсалистская идея чисто византийские корни? Против утверждения о повороте Византии лицом к Западу говорит и тот факт, что империя ромеев осталась совершенно безучастной и даже враждебной крестоносному движению. А. Илиева также подчеркивает это обстоятельство (с. 23-24).

Во второй главе "Политическое и административное развитие франкской Мореи (1204—1262)" на первый план выходят последствия процесса децентрализации, усилившегося в конце XII в. А. Илиева ясно показывает, что Пелопоннес к моменту франкского завоевания являлся фактически самостоятельной от Константинополя областью, которую реально контролировало не византийское правительство, а семьи Сгуров и Хамаретов (с. 107-125, 135-137). Именно эта особенность политического развития Пелопоннеса, разобщенность и замкнутость местных правителей во многом облегчили задачу крестоносцев — завоевание полуострова (что мы уже отмечали выше). Однако нельзя не признать, что оправившись от первых ударов крестоносцев и от шока, вызванного завоеванием Константинополя, именно местные правители стали организаторами сопротивления завоевателям. Именно поэтому процесс завоевания Пелопоннеса был очень сложным и длительным. А. Илиева выделяет в нем несколько этапов: 1) осень 1204 — весна

1205 г. — подчинение Западного Пелопоннеса; 2) 1206—1212 — завоевание опорных крепостей Сгуров и Центрального Пелопоннеса; 3) 1213—1224 — подчинение Лаконии и ослабление позиций Эпира на Пелопоннесе; 4) 1246 — начало последней стадии завоевания, связанной со взятием Монемвасии. Автор высказывает предположение, что осада Монемвасии продолжалась в течение 7 лет и закончилась не в 1248 г., как принято считать, а лишь в 1252 г. (с. 125-141).

Со временем Морей становится "сердцем Романии", а князь Ахейский самым могущественным вассалом Латинской империи, получив титул "сенешаля Романии". В данной связи однако мы не можем не заметить некоторое противоречие в контексте автора. А. Илиева пишет, что Виллардуэн стал прямым вассалом Латинского императора. И здесь же замечается, что признание правителя Морей вассалом Венеции было чисто теоретическим. В конце 1209 — начале 1210 г. Виллардуэн был официально титулован "принцем Ахейским". "Так появилось сравнительно независимое по отношению к его сюзеренам государство, — пишет А. Илиева, — которое просуществовало до середины 1260-х годов." Под чьим же все-таки сюзеренитетом находилась Морей? Или имел место двойной сюзеренитет? Далее автор исследует особенности вассально-ленной системы в Морее (с. 142-144) и вопрос раздела земель византийской церкви (с. 144-145). Здесь исследовательница замечает, что латинская архиепископия впервые была учреждена в Патрах. Возглавлял ее бургундец Антельм между 1207 и 1241/13 гг. (с. 145). Последняя цифра кажется несколько странной. Конечно, мы видим опечатку, которая привносит в текст фактографическую ошибку. Качественно новый период в истории Морейского государства, по мнению А. Илиевой, начинается после битвы при Пелагонии в 1259 г., когда франкское войско было разбито Михаилом VIII Палеологом. Поэтому особое внимание в исследовании уделяется истории битвы при Пелагонии и ее последствиям.

Наиболее интересным и оригинальным исследованием является глава III "Франки и местное население", в которой по-существу и решаются задачи, поставленные во введении. Именно в этой части работы четко представлена проблема взаимодействия между франками и византийцами, поведение тех и других в новых условиях, демографический потенциал франкских поселений на Пелопоннесе, земельные отношения, церковная организация и роль духовно-рыцарских орденов в становлении власти завоевателей, наконец, особенности культуры и языка в Морейском княжестве. Проблема греко-латинского симбиоза в государствах Латинской Романии является

достаточно новой в историографии, и исследование А. Илиевой стало весомым вкладом в ее разработку.

Начинается глава с анализа причин успеха крестоносцев во время четвертого крестового похода. Среди них немалое место занимало воспитание детей, ставших в начале XIII в. крестоносцами. Автор подчеркивает, что в XII столетии во многих западноевропейских семьях бережно хранили традиции крестовых походов; в литературе воспевались слава и героизм античных героев, особенно троянцев. Возникло желание им подражать. Рыцарь как бы получал возможность реализовать это желание, приняв участие в крестовом походе. Подобные представления сильно влияли на формирование сознания человека. Психологически западноевропейский рыцарь был готов стать крестоносцем. С точки зрения психологии и менталитета оправданным оказывается и взятие Константинополя крестоносцами в 1204 г., ибо это не было завоевание христианского города, а лишь наказание греков и их расплата за беззаконие и вероломство, которое они допустили по отношению к троянцам (с. 155-164).

Исследуя проблемы демографии, А. Илиева отмечает, что в среднем на 1 км² приходилось по одному франку. Самая высокая плотность франкского населения наблюдается в Элисе и наиболее крупных городах полуострова. Причину же стойкости франкской элиты автор видит в ее сильной сплоченности и корпоративности (с. 169-170).

Другой не менее важной проблемой, которую поднимает Илиева, является исследование условий встречи завоевателей и побежденных, форм протеста завоевателям и сотрудничества с ними, ибо именно последнее могло вызвать к жизни процесс взаимодействия между ними. А. Илиева отмечает, что после завоевания у византийцев появляется новое понимание свободы. Если в предшествующий период "свобода" рассматривалась главным образом как фискальная привилегия, в чем А. Илиева солидаризируется с мнением А.П. Каждана, то в XIII в. она понималась как освобождение византийской земли и спасение византийцев от латинян. Однако исследовательница не склонна видеть в Сгурах, Хамаретах, Михаиле Дукке "лидеров греческой национальной партии", которые бы способствовали "подъему национального самосознания". В работе подчеркивается, что до сих пор не найдено ни одного подтверждения их "эллинистического патриотизма" (с. 182). Интересно, что сопротивление само по себе признается формой контакта с завоевателями. Оно не было обусловлено существованием патристических чувств или национальным самосознанием у пелопоннесских магнатов и архонтов. А. Илиева замечает

тем не менее генезис подобных настроений в более низких социальных группах (с. 185). Сотрудничество греков и франков, по мнению исследовательницы, проявлялось в двух основных формах, граница между которыми сильно размыта: 1) передача информации, которая в значительной степени помогла завоевателям; 2) вступление в армию франков и участие в разделе земли (с. 204-213). Нельзя забывать, что население Пелопоннеса представлено различными социальными группами, поэтому А. Илиева прослеживает самые разные реакции на завоевание: от ужаса и открытой борьбы до пассивного сопротивления и постоянной кооперации (с. 185-190).

Оценивая политику франков, А. Илиева обращает особое внимание на инструменты, которые обеспечивали эффективность новой власти. Это механизмы принятия решений, распределения ресурсов и ценностей, принуждения и дисциплины. Тем не менее, устные увещания признаются менее эффективными по сравнению с мечом. Исследовательница показывает, как франкам удалось приспособить свою тактику к географическим и фортификационным особенностям полуострова, как умело они использовали флот в ходе завоевания, как привлекали на свою сторону местное население, как с его помощью строили новые крепости, ставшие настоящими творениями франкской культуры, как учитывали требования материальной среды и местной традиции на всех социальных уровнях (с. 190-

204). Огромное значение для утверждения власти франков имела интеграция греческих архонтов в господствующий класс франков (с. 204-207). Автор признает городской характер франкской "колонизации", что имеет под собой, помимо всего, и психологические основы: завоеватели в меньшинстве и чувствуют себя в безопасности лишь за прочными крепостными стенами (с. 227). Экономическому симбиозу между франками и греками способствовало также развитие международной торговли, пути которой пролегли через территорию Морей (с. 230-232). Далее А. Илиева приходит к выводу, что наиболее активными в процессе "взаимодействия" оказались средние городские слои Пелопоннеса. Крестьянство в целом осталось за рамками этого процесса. Высшая светская и духовная аристократия также по существу была вытеснена из него прежде всего из-за собственного амбициозного поведения (с. 239).

В заключение хотелось бы в высшей степени положительно оценить труд болгарской исследовательницы. Некоторые противоречия и спорные моменты никоим образом не снижают достоинства работы, которая существенно расширила и систематизировала наши знания об одном из основных государств крестоносцев — Франкской Морее. Кроме того, работа глубоко психологична и написана столь ярко и образно, что может быть интересна не только для специалистов-медиевистов, но и для самого широкого круга читателей.

С.В. Близнюк

Карпов С.П. Путиями средневековых мореходов: Черноморская навигация Венецианской республики в XIII—XV вв. М.: Изд. фирма "Восточная литература", 1994. 158 с.

Недавно вышла в свет новая монография известного российского ученого-византиста С.П. Карпова. Можно сказать, что книга является продолжением его предшествующей работы "Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII—XV вв.: проблемы торговли" (М., 1990). В то же время новая монография — самостоятельное, оригинальное исследование, конкретизирующее одну из самых важных сторон коммерческой деятельности итальянских морских республик в Черноморском бассейне, а именно: их навигационную практику. Наибольшее внимание уделяется изучению навигации Венеции, ибо именно эта республика "создала своеобразную и образцовую для своего времени систему навигации" (с. 7).

Монография состоит из введения, шести глав и заключения. Изучение названной темы

является насущной научной задачей по той причине, что развитие мореплавания в значительной степени предопределило и способствовало успешному ведению торговли в XIII—XIV вв. Техническая сторона венецианской навигации достаточно изучена. В связи с этим С.П. Карпов счел необходимым обратиться прежде всего к исследованию ее экономической стороны (с. 8). Обобщающий труд по истории венецианской навигации в Черном море еще не написан. С.П. Карпов поставил перед собой цель восполнить названную лаку и представить на основе архивных материалов и опубликованных источников основные линии развития венецианского мореплавания в Черноморье в XIII—XV вв. (с. 9).

В главе I очень подробно объясняются типы венецианских, генуэзских, византийских кораблей XIV—XV вв., даются их технические

характеристики, размеры, грузоподъемность. Автор выделяет легкие суда (легкие галей, фусты, галеотты, сайеты, панфили в Венеции; дромоны, гриппарии, катергоны, параскалмии в Византии); тяжелые и круглые суда, как больших, так и малых размеров (тяжелые галей, кокки, навы, барки, мараны, шаланды); промежуточный тип судов представлен таридами и лигниями. С.П. Карпов подчеркивает, что государства Причерноморья использовали главным образом те же корабли, что и Венеция (с. 22). Во внутричерноморской торговле предпочтение отдавалось судам средней грузоподъемности: лигниями и таридам. Любопытно рассуждение автора о редком упоминании в источниках барок. Этот факт объясняется не малочисленностью судов этого типа, а необязательностью составления нотариального контракта при их фрахте. Продажа барок, продолжает автор, также могла осуществляться без фиксации у нотариуса из-за их невысокой стоимости. Однако тот факт, что барки были основным средством перевозок на небольшие расстояния, кажется автору очевидным (с. 23). В целом не возможно не согласиться с доводами С.П. Карпова. Действительно барка, будучи небольшим судном, предназначено скорее для перевозок небольших партий товаров на незначительные расстояния вдоль побережья, вряд ли часто использовалась итальянскими предпринимателями в крупной, пусть даже и внутричерноморской, торговле. Это судно, по существу большая лодка, было необходимо в повседневной жизни прежде всего местных жителей. Наверное, именно они на своих барках и осуществляли связь между небольшими населенными пунктами прибрежной полосы, недоступными для крупных итальянских кораблей. Может быть, именно поэтому барки не попадают в документы итальянских нотариусов, которые обычно фиксируют предпринимательство купцов, связанных с крупной международной торговлей. Купля-продажа барок также, как представляется, могла осуществляться прежде всего местными жителями, для которых она, судя по всему, должна была быть основным средством передвижения по морю. Договоры подобного рода, вероятно, зачастую остаются вне поля деятельности итальянских нотариусов.

Стабильная и прямая навигация генуэзских судов в черноморские порты начинается не ранее конца XIII в. Далее автор доказывает, что в XV в. в черноморской навигации происходят серьезные изменения, и связаны они в значительной мере с генуэзской торговлей, ориентированной на "тяжелые товары" собственно черноморского происхождения, которые перевозились прежде всего на "круглых судах". Изменение структуры черноморской торговли, более низкий фрахт "круглых судов", рост их

водоизмещения и улучшение технических характеристик, ускорение ритма навигации способствовали постепенному вытеснению галей "круглыми судами". Однако автор обращает внимание читателей, что изменения не коснулись навигации венецианских галей "линии", посылавшихся в далекие путешествия за дорогими товарами, в том числе и в бассейн Черного моря (с. 25-26).

В главе II С.П. Карпов тщательно исследует условия навигации. В первую очередь определяются оптимальные сроки ее проведения. Для выяснения этого вопроса автор привлекает множество юридических и нарративных источников. Особенно интересны в этой связи высказывания и замечания византийских писателей, которые более отражают реалии и нарушения генуэзцами и венецианцами условий навигации, чем предписания Большого Совета Венеции или статуты Генуи. Выделяются несколько "факторов риска" во время навигации: 1) независимые от деятельности человека — природно-климатические условия, болезни, эпидемии; 2) риск, созданный самими мореплавателями. Время навигации генуэзских и венецианских судов приблизительно совпадало и приходилось на период от марта до середины октября-ноября. Неоправданный риск владельцев судов мог привести к очень плачевным последствиям — кораблекрушениям. С.П. Карпов приводит не один очень характерный и яркий пример не слишком серьезного отношения к морю. Однако в целом, нельзя не отдать должного и мастерству мореходов, так как гибель судов все же была относительно редким явлением (с. 33). С.П. Карпов обращает особое внимание читателей, что далеко не всегда в трудностях навигации была виновата природа. Иногда итальянские мореплаватели сами создавали себе проблемы и делали путешествие небезопасным. Виною тому вечный антагонизм генуэзских и венецианских купцов, которые зачастую были отнюдь не против при "благоприятных условиях" нанести ущерб своим конкурентам. Нередко Черное море, впрочем как и Средиземное, оказывается для генуэзцев и венецианцев слишком маленьким, чтобы в нем мирно сосуществовать и тем более сотрудничать. Другую "внешнюю" угрозу судоходству составляли нападения османского и синопского флотов на итальянские корабли и фактории. Автор приводит немало примеров подобных неприятностей, постигших итальянских купцов во время путешествия в черноморские порты. При этом отмечается, что генуэзские купцы были защищены чуть лучше других, ибо Республика создала в Черном море разветвленную сеть факторий, построила ряд мощных крепостей, превратив "Великое море" в известной степени в свой "внутренний бассейн" (с. 35-36). Наиболее интересным в этой главе

представляется исследование о пиратах и корсарах, создававших немало препятствий для судоходства. Прежде всего, С.П. Карпов объясняет, чем отличается пиратство от корсарства. Пираты, с точки зрения автора, действовали по собственной инициативе с целью личного обогащения. Корсары нападали на "врагов своего государства, дававшего санкции и средства на организацию предприятия и присваивавшего долю добычи" (с. 36). Однако это скорее теоретическое понимание корсарства. На многих любопытных примерах С.П. Карпов показывает насколько тонкой, подчас невидимой, была грань между пиратами и корсарами, как часто последние переходили эту грань и становились самыми обыкновенными морскими разбойниками. Не случайно в руки исследователя попадают дела — судебные разбирательства действий корсаров, нарушивших предписания своего государства и пустившихся на грабежи без всяких на то государственных санкций. Кроме того, государство, как правило, запрещало нападать на потенциальных союзников и на тех, с кем хотело бы сохранить дружественные отношения. Все остальные, не входившие в группу "застрахованных" государственной властью счастливиц, вероятно, подвергались нападению корсаров, действовавших по собственному усмотрению. Корсары ли они в таком случае? Или уже пираты? Нам кажется не совсем оправданным относить к "факторам риска" в навигации "кражи" — в том числе на борту судов, бывшие, вероятно, распространённым явлением" (с. 40). Конечно, само по себе это явление неприятное, но вряд ли оно сильно и непосредственно отражалось на проведении самой навигации. В таком случае к этой же группе условий навигации нужно отнести всевозможные ссоры, драки, скандалы, разногласия, без которых, конечно же, не проходило ни одно длительное путешествие. Скорее это относится к сфере отношений между людьми. Впрочем, эти сюжеты могли бы стать предметом самостоятельного исследования.

В главе III "Венецианские галей в Черном море" Карпов объясняет суть системы плаванья галей "линии". Одной из ее составных частей было введение практики аренды государственных галей частными лицами, патронами. В связи с ней в Венеции появляется термин "инканто". Разъяснению данного термина, под которым подразумевается откуп галей с аукциона и сумма платежа, и посвящена по существу третья глава исследования. Читателю сразу же становится понятно, что инканто представляет собой очень сложную систему, связанную с организацией государственной власти аукционов галей, снаряжением и отправкой галей "линии" в Черноморский регион. Необходимо отметить, что только в данной

главе читатель может найти объяснение выражению «галей "линии"» и понять, что под ними подразумевается конвой или караван специально оснащенных, вооруженных и защищенных галей, осуществлявший навигацию по строго определенным Сенатом Венеции правилам (с. 50). Однако, как нам кажется, это объяснение необходимо было дать в самом начале книги, так как это выражение употребляется автором и в предыдущих главах и остается для читателя непонятным, ибо является итальянской калькой, не имеющей эквивалента в русском языке. Несмотря на то, что подзаголовки главы звучат "Что такое инканто?", автор обращается к анализу величины сумм инканто, которая "отражает степень заинтересованности патрона галей в проведении навигации и зависит от величины ожидаемой им прибыли", только на с. 66. Может быть было бы более логично совместить эту часть исследования с объяснением термина "инканто" и изучением истории проводившихся в Венеции аукционов галей, где и определялась величина инканто и становилась очевидной степень заинтересованности патронов галей в проведении навигации по тому или иному маршруту. Невозможно не согласиться с мнением автора, что колебания цен на аукционах зависели от экономических, навигационных и военно-политических факторов (с. 66). Далее названные факторы прекрасно раскрываются и доказываются на многих конкретных примерах. Причем, наибольшее влияние на судоходство галей "линии" и величину сумм инканто оказывали экономические факторы, прежде всего ситуация на рынке. Система организации и отправки караванов галей снижала риск навигации, поэтому именно она выдвигается на первый план в венецианской черноморской торговле. Автор однако отмечает, что продолжает существовать частная навигация парусных невооруженных судов, но транспортировка на них дорогих товаров запрещалась. Венецианцы, к сожалению, не смогли перестроиться на торговлю товарами черноморского бассейна, как это сделали генуэзцы, и даже в периоды кризисов продолжали ориентироваться на торговлю дорогими товарами. Между тем, в условиях кризиса система отправки галей "линии" оказывается не всегда выгодной: при нехватке товаров и высоких накладных расходах приходилось сокращать численность посылаемых в Черное море судов, заменять галей судами большей грузоподъемности и даже приостанавливать навигацию (с. 75). С.П. Карпов обращает внимание читателей на еще один важнейший показатель, который отражает состояние и интенсивность торговли в том или ином порту. Это сроки стоянки в портах кораблей: сроки вырабатывавшиеся длительной навигационной практикой. Боль-

шой интерес представляют собой данные таблицы о сроках стоянки венецианских галей в черноморских портах (с. 64-65). Оказывается, невозможно выделить хотя бы непродолжительные периоды стабилизации сроков стоянки в том или ином порту. Однако отклонения, как правило, были незначительными. Для каждого порта характерны свои данные и средние показатели. Так например, если в Тане или Трапезунде корабли находились 5-15 дней, то в других гаванях, которые являлись всего лишь местом кратковременной стоянки, обычно 1-2 дня.

В главе IV «Галей "линии": патроны и экипажи» тщательно исследуются проблемы формирования экипажа, оплата капитанов галей, патронов и членов команды, регламентация норм взимания фрахта, прибыли и расходы патронов галей, функции, права и обязанности патронов, капитанов и других лиц, связанных с навигацией, формирование административного совета галей, вооружение экипажа. Отмечается роль капитана галей Романини, которому вверено общее руководство караваном судов. Любопытно, что требования и предписания Сената капитану галей практически не менялись и являлись фактически типовым формуляром (с. 86). Во время плавания капитан обладал правами венецианского консула или "ректора" (с. 91). Особенно интересными нам показались исследования о рационе питания венецианских моряков и командиров кораблей, а также о системе снабжения команды продуктами, которое, как и все, проходило под неустанным наблюдением Сената. Вместе с тем, в связи с этой частью исследования, хотелось бы высказать некоторые сомнения. На страницах 101 и 102 приводится дневной рацион гребца галей. В ряду обычных продуктов питания: сыра, бобов, солонины, вина, которые исчисляются в граммах, — названы в первом случае 711 сухарей, во втором — 713 сухарей в день на человека. Последние цифры, однако, представляются либо ошибкой источника, либо неправильным его прочтением, либо просто опечаткой. Если предположить, что человек ест один сухарь хотя бы 2 минуты, то ему потребуется 23,7 часа, чтобы съесть все 713 сухарей. Судя по всему, на человека приходилось 7-13 сухарей в день. На странице 102 С.П. Карпов приводит цифры, которые позволяют сделать некоторые расчеты: 1) на один день приходилось 3 кантара сухарей на команду корабля, состоявшую из 220 человек. 1 кантар = 52,268 кг. 3 кантара = 156,8 кг. 2) следовательно, на одного человека приходится 0,7 кг сухарей в день. Если каждый сухарь весит около 100 гр, то один человек получал в день 7-13 сухарей.

В главе V «Галей "линии": регламентация перевозок и фрахт» С.П. Карпов исследует сис-

тему и последовательность погрузки товаров, взимание государством налогов при фрахте корабля. Благодаря фактам и доказательствам, приведенным в данной главе, читателю становится известно, что венецианское правительство запрещало патронам галей самим взимать деньги за фрахт и тратить их во время плавания. Прибыль за фрахт корабля по пути его следования собирал капитан каравана галей, а по прибытию в Венецию он представлял экстраординарию республики подробный финансовый отчет (с. 122). Условия распределения фрахта, отмечает автор, определяли условия инканто (с. 122). Для исчисления уплаты фрахта весь маршрут галей делился на отрезки. Интересно, что не существовало зависимости фрахта от длины отрезка (с. 124). В Венеции действовали две основные системы исчисления фрахта: в процентах от стоимости товара и на единицу веса (с. 127). Далее в работе подробно рассматриваются случаи взимания фрахта при погрузке тех или иных товаров. Погодные результаты исследования о взимании фрахта с товаров на различных участках следования галей сведены в таблицы (с. 129, 130, 132-133). Интересно, что в постановлениях Сената фиксировался в основном фрахт от Константинополя до Таны и Трапезунда, а от Венеции до Константинополя он устанавливался на основании обычая. Это касается прежде всего перевозки тканей, которые являлись основным товарным покрытием экспортных товаров с Востока вещей (с. 131).

В последней главе монографии С.П. Карпов исследует навигацию венецианских невооруженных судов, на которых перевозилась, вероятно, значительная часть грузов. Автор отмечает, что численное превосходство невооруженных судов над галейми "линии" является доказательным фактом. Однако нет основания противопоставлять частную навигацию, также находившуюся под контролем государства, и навигацию вооруженных галей. Обе системы взаимодополняли друг друга и "зачастую их различие заключалось в широте и направленности регламентации" (с. 144). Источники, касающиеся частной навигации, — отмечает автор, — малочисленны и не позволяют провести ее всеобъемлющее исследование. Основные сведения о ней содержатся в регламентационных нормах Сената. Опираясь главным образом на эти постановления, автор пытается нарисовать общую картину частной венецианской навигации. Регламентационные нормы и маршруты, установленные для частных судов, удивительно совпадают с нормами, существовавшими для вооруженных галей "линии". Однако необходимо отметить, что невооруженным судам принадлежало первенство на промежуточных маршрутах, во внутричерноморской навигации (с. 149).

Несколько странным показалось нам приведенное автором в заключении рассуждение о флорентийской навигационной практике, о которой фактически не идет речь в монографии, и которое скорее можно считать началом нового исследования. Впрочем, здесь присутствует не только упоминание самой проблемы и сравнение венецианской и флорентийской навигационной практики, но и приводится ряд фактических примеров из истории последней.

Хотелось бы высказать также несколько мелких замечаний и собраний, которые ни в коей мере не умаляют достоинств работы и никак не могут повлиять на общее впечатление. Тем не менее, в некоторых случаях хотелось бы видеть более четкие объяснения терминов. Так, на с. 6 читатель встречает слово "банка". Конечно, человеку, владеющему латинским или итальянским языком, нетрудно догадаться, что имеется в виду лавка, на которой размещались гребцы галей. Между тем, широкому кругу читателей это слово может остаться непонятным. Вообще, как представляется, если термину есть эквивалент в русском языке, то было бы правильно употреблять в тексте русское значение слова. На с. 91 появляется термин "галера", под которым понимается боевой патрульный корабль. В первой главе, в которой, как мы видели, представлены типы кораблей, не объясняется однако разница между галерой и галеей. У читателя может возникнуть впечатление, что это разные типы кораблей. Вероятно, следовало пояснить, что это разные названия одного и того же корабля, выполняющего несколько различных функций: термин "галей" употребляется главным образом по отношению к вооруженным торговым судам, которые при необходимости могут быть и боевыми, что прекрасно доказано и проиллюстрировано всем исследованием С.П. Карпова; "галерой" называли, вероятно, боевые и охран-

ные корабли того же типа, которые, наверное, при необходимости могут использоваться как торговые. Иногда автор для доказательства и аргументации своих выводов приводит факты, связанные с торговлей Венеции на Леванте (с. 7, 61). Создается впечатление, что Черное море также входило в понятие "Левант". Например, на с. 61 С.П. Карпов пишет, что на венецианской ярмарке в июле "можно было с большой выгодой приобрести западноевропейские товары, прежде всего ткани, для торговли на "Леванте". Должно ли понимать, что эта торговля распространяется также на черноморский рынок, или имеются в виду только рынки Восточного Средиземноморья, которое обычно и ассоциируется с понятием "Леванта"? С нашей точки зрения, это два разных географических региона, мало связанных между собой даже в коммерческом отношении. Вероятно, не следует смешивать их друг с другом.

В целом же невозможно не отметить высокое качество представляемой работы, скрупулезную выверенность фактов, основанную на огромном комплексе источников, многие из которых являются архивными документами, прежде всего малоизвестными или вовсе неизвестными. Отечественная и мировая историческая наука пополнились многосторонним исследованием истории венецианской навигации в Черном море. Задача, поставленная С.П. Карповым в самом начале работы, восполнить лауну в историографии и представить основные линии развития венецианского мореплавания в Черном море, успешно решена. В монографии приведены многочисленные, очень подробные и наглядные таблицы, которые сами могут служить источниками, являясь аргументами и доказательствами многих выводов автора. Столь тщательное сведение материала в подобные таблицы также является несомненной заслугой автора.

С.В. Близинок

Gjuzelev V. Bulgarien zwischen Orient und Okzident. Die Grundlagen seiner geistigen Kultur vom 13. bis zum 16. Jahrhundert. Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag, 1993. 311 S.

Новая книга профессора Софийского университета В. Гюзелева, увидевшая свет в издательстве "Бёлау", по сути синтезирует историю духовного развития Болгарии за три драматических столетия ее истории. Автору удалось собрать многочисленные рассеянные свидетельства некогда богатого духовного патримония своей родины, показать истоки и традиции болгарской культуры в ее связях с Византией, славянским и латинским миром. В меньшей степени в ней раскрыты контакты

с Востоком, отразившиеся и в языке, и во многих традициях народа.

Главной и несомненной заслугой автора является изучение большого корпуса славянских рукописей, хранящихся во многих библиотеках мира. Именно они служат основой построения автора, позволяют ему сделать более масштабные и убедительные выводы, нежели его многочисленные предшественники. Фотографии книжных миниатюр, грамот, фресок и икон, печатей, надписей, карт, выпол-

ненные на высоком полиграфическом уровне, сопровождают всю книгу и дают живой образ эпохи и мира культуры.

Книгу открывает четкое изложение политического, религиозного и этнического развития страны в XIII–XV вв. Автор справедливо выделяет эпоху первых Асеев не только как период наибольшего укрепления II Болгарского царства, роста его международного престижа, но и как время формирования некоего культурного образца, имперской идеологии "царства болгар и греков". Континуитет византийских традиций определял тип культуры, фактическое двуязычие образования, укреплял интегрированность Болгарии в системе международных связей Византии и Латинской Романии. Однако он был характерен не только для II Болгарского царства, но и для государств, возникавших в период политической децентрализации (которым в книге уделено меньше места), в частности — для "деспотата" Добротицы, приводя к широкому участию болгарских правителей во внутривизантийских расприх, конфликтах Палеологов с трапезундскими Великими Комнинами¹ и т.д.

Признавая роль византийских корней, В. Гюзелев, вместе с тем, решительно выступает против представления о Болгарии как о "малой Византии". По его мнению, синтезная по природе, "болгарская модель духовного развития была перенята сербами, русскими, валахами и молдаванами" (с. 54). Отдавая должное действительно выдающейся роли болгар и Болгарии в духовном просвещении Руси/России и других православных народов, нельзя не отметить, что она до сих пор не изучена в комплексе, во всей конкретике проявлений и по всем известным источникам.

Большое место В. Гюзелев уделяет школьному образованию и его ступеням, демонстрируя его церковный характер в Болгарии. Он неправ лишь в том, что распространяет положение о монополизации церковью образования на все средневековые государства (с. 56), как бы забывая о существовании городской светской культуры Западной Европы, да и Византии. Впрочем, это скорее оговорка или дань изжитому уже стереотипу...

Характеризуя образование, автор как бы выстраивает ступени постижения и профессионализма: писец—каллиграф—грамматик—философ (с. 68). Он выделяет также особую учительную роль "старцев" и показывает глубину и многогранность этого именованного (с. 70). Особая проблема — степень грамотности населения — искусно решается путем привлечения

различных надписей — от граффити на стенах до печаток и ремесленных изделий.

Изучая скриптории, В. Гюзелев выделяет те из них, что определяли основные тенденции развития письма (Тырново, Афон), те, что находились вне страны, но влияли существенным образом на болгарское книгописание (константинопольские, иерусалимские, сирийские и др.) и собственно болгарские центры, главным образом — при монастырях. Интересны наблюдения автора (за ними стоят многие десятки изученных рукописей) о писцах и заказчиках рукописей, о составе библиотек и о мобильности книжных собраний, о перемещении манускриптов из одних монастырей в другие (напр., с. 215). Автор воссоздает по сути историю ряда крупнейших средневековых библиотек Болгарии. К их числу он относит собрания монастырей Бачково, Элеусы (Струмица), св. Иоанна Предчети (Созополь), Зографа, Рилы и царскую библиотеку в Велико Тырново (с. 260–262).

В хорошо написанной синтетической работе есть немногие спорные места и неточности. Вряд ли правомерно, например, Монахостро (Моврокастрон, Белгород Днепровский, Аккерман) причислять к болгарским городам (с. 94). Данные о крещении восьмью францисканцами 200 000 болгар за 50 дней после захвата Бдинского царства (1365–1369) венграм — скорее риторическая гипербола, содержащаяся в письме папы Урбана V, чем исторический факт. Тем более на этом основании нельзя делать вывод о численности населения Болгарии (с. 32–33, 37). Слабость проявлений латинской культуры на болгарских землях (отмеченная автором на с. 94) легко объяснима спецификой итальянской колонизации Причерноморья и ее направленностью. Западное Причерноморье в тот период не имело для генуэзцев того экономического и политического значения, что Северное и Южное, к тому же, как известно, длительная вражда Добротицы с генуэзцами мешала образованию фактории на его землях. Может быть, новой темой в этой связи станет история и культура болгарского населения в Латинской Романии (в частности, на Крите). Сведения о нем мы находим прежде всего в генуэзских и венецианских нотариальных актах.

Книга В. Гюзелева легко и хорошо написана, оформлена с изяществом и элегантностью. Она доступна широкому читателю. Вместе с тем, это серьезный комплексный труд. Он подводит итог изучения болгарской культуры, полезен как справочник и является отправным пунктом будущих исследований.

С.П. Карпов

Schreiner P. Texte zur spätbyzantinischen Finanz- und Wirtschaftsgeschichte in Handschriften der Biblioteca Vaticana. Città del Vaticano, 1991. (Studi e Testi, 344). 529 p.

Значение осуществленного профессором Кельнского университета П. Шрайнером издания трудно переоценить. По сути, он ввел в науку новый неизвестный тип источника — греческие счетные книги. Давно и хорошо были известны счетные книги итальянских купцов, в том числе — торговавших на византийской территории¹. Но о существовании подобных средневековых греческих финансовых источников до их обнаружения П. Шрайнером и появления его первых исследований на эту тему² почти ничего не было известно.

Перед нами плод большого труда, начатого еще в 1978 г., когда немецкий исследователь, составляя каталог части рукописей Ватиканской библиотеки, обнаружил в манускрипте Vat. gr. 1325. F. 316–324 большой фрагмент первой книги счетов. Дальнейший поиск и тотальный просмотр почти 5000 ватиканских рукописей привел к обнаружению около сотни текстов финансового делопроизводства, все они (88), кроме нечитаемых фрагментов изданы, переведены и тщательно прокомментированы Шрайнером. В Приложении к ним изданы также 8 аналогичных текстов из других собраний (Парижа, Вены, Вольфенбюттеля, Генуи, Венеции).

За небольшим исключением, опубликованы тексты, относящиеся к периоду с конца XIII в. до 1453 г. В редких специально оговоренных случаях издатель выходит за эти пределы (например, для книги греческой колонии в Венеции 1471 г., N 4; App. VII). Однако подчас отнести книгу к доосманскому или раннеосманскому периоду оказывалось сложно, и некоторые атрибуции XV в. условны (например, N 18, 24, 25, 37, 54a, 57, 61, App. I).

Так как средневековые составители крайне редко определяют тип своих записей (иногда книга счетов именуется катахисом, а счет на первое лицо — λογαριασμός (S. 385)), классификация источников предложена издателем, который выделяет: 1) счетные книги в собственном смысле (N 1–10), 2) краткие записи счетов (N 11–21), 3) пометы о товарных сделках (N 22–36), 4) приходные счета (N 37–54a), 5) расходные счета (N 57–66), 6) счета различных денежных операций, кредитных и иных (N 67–84), 7) тексты неясного содержания. Почти всегда мы имеем дело с фрагментарными

записями, а не полными торговыми книгами. Это существенно затрудняет анализ отдельных текстов, их датировку и локализацию, да и изучение характера поздневизантийского финансового делопроизводства в целом. Плохая сохранность счетных книг византийских торговцев объясняется Шрайнером, помимо общеизвестной трагической судьбы византийских архивов, сугубой утилитарностью и конфиденциальностью записей (S. 394–396).

Местами составления финансовых записей были Константинополь, Причерноморье, Греция, Фракия и Македония, острова Эгейды (Родос, Лесбос и др.), венецианские владения (Корон/Модон), Италия (Венеция, Отранто и Равенна). По сути, это различные территории Византии и венецианской Романии.

Одним из наиболее значительных текстов является часть счетной книги в упомянутом выше манускрипте Vat. gr. 1325, которую Шрайнер относит к 1357 или 1363 г. и локализует в Юго-Западном Причерноморье, предположительно — в Ираклии Понтийской. Прямого указания на какие-либо города Пафлагонии или Понта в книге нет. Есть лишь упоминания Константинополя в традиционной форме πόλις и Ператии, скорее всего — Крыма, как места доставки некоторых товаров. Шрайнер приводит следующие основания для локализации. Характерными продуктами, которые сбывал купец, были икра, орехи и каштаны, что позволяет думать о Понте. Основные контрагенты купца — греки. Однако денежный счет ведется не на трапезундские аспры³, а на византийские номисмы или, реже — венецианские дукаты. При том, что неоднократно делаются ссылки на венецианцев, венецианские и критские товары, нет упоминаний о генуэзских, как известно, господствовавших в Северном Причерноморье

³ Замечание Шрайнера о том, что трапезундская монетная чеканка неисследована (S. 34–35, Anm. 8) вряд ли вполне основательно. См. особ.: Retowski O. Die Münzen der Komnenen von Trapezunt // Нумизматический сб. М., 1911. Т. 1. С. 113–302; Kursanskis M. Monnaies divisionnaires en argent de l'Empire de Trébizonde // Revue Numismatique. 1977. N 19. P. 103–108; Соколова И.В. Трапезундские аспры и кирманеулы с именами Мануила I и Иоанна II Комнинов // Нумизматика и Эпиграфика. 1974. Т. XI. С. 129–143; Она же. Медные монеты Трапезундской империи из собрания Эрмитажа // Там же. 1984. Т. XIV. С. 61–75; Абрамишвили Т.Я. Каталог трапезундских аспров и западногрузинских монет (кирманеулы) Государственного музея Грузии. Тбилиси, 1984; Hendy M.F. Studies in the Byzantine Monetary Economy c. 300–1450. Cambridge, 1985. P. 522–523 и др.

¹ Из последних работ об этом см., например: Билярски И. Деспот Йоан Тертер (40-е — 90-е години XIV столетие) // Исторически Преглед. 1992. N 10. С. 3–23.

и имевших крупные фактории и на южном берегу — в Трапезунде, Амастриде (Самастро) и, добавим, Синопе. Утверждение о том, что Аμισ (Симиссо, Самсун) с 1289 г. был исключительно генуэзским поселением и потому не мог быть местом составления книги (S. 35), неточно. Там греческий и турецкий город соседствовал с генуэзской факторией⁴. Разумеется, Аμισ маловероятен как место, где могла возникнуть данная книга: присутствие генуэзцев было там слишком заметно, а денежные и метрологические системы отличны. Остается зона вне Трапезундской империи и турецких эмиратов, недалеко от Константинополя, связанная как с Крымом и Таной (торговля икрой), так и с Венецией. Поскольку речь должна идти о заметном городе, то скорее — это Понтираклия. Шрайнера не смущает то обстоятельство, что 15 июля 1360 г., т.е. как раз в период составления книги, Понтираклия перешла из рук византийцев под власть эмирата Джандаров. Турки, конечно, не сразу меняли финансовую и административную системы (S. 34-36). И все же захват города и его фактическая отрезанность турецкими владениями не могли не отразиться на характере торговли, вполне мирной и ритмичной, с местным кредитованием и минимальной предоплатой, что не характерно для экстремальных ситуаций. Это замечание не отменяет теоретической возможности составления книги в Пафлагонии, где, кроме Понтираклии, были такие небольшие города, как Карпи, Инеболу/Ионополь и др.

Признавая справедливость аргументации Шрайнера, что составитель книги писал недалеко от Константинополя, в греческой по преимуществу среде (среди его контрагентов 93 носителя греческих имен, 9 — мусульманских, 1 славянского и 1 итальянского имен; этническая принадлежность 11 человек не может быть достоверно установлена), но не на Понте или в Крыму, мы не можем исключить и другого предположения — о том, что записи делались на Фракийском побережье Черного моря, в непосредственной близости от византийской столицы, или на Пропонтиде, в традиционной зоне венецианских интересов. В качестве контрагентов купца в книге названы Бор(с) (Борис, S. 38.19), возможно, славянин, болгарин, пусть даже давно натурализовавшийся (см. S. 399, 418)⁵, выходцы из Дидимотики Коста и Иоанн Димотихиты (S. 38.24, 26; 41.109), из Визы — Михаил Визиот (S. 39.44, 41.104), из Силимври — архонт Силивритиан

(S. 37.12), из Мидии (S. 37.13), из Дарицы на Никомидийском заливе (S. 40.72 и S. 60). Каждый из этих примеров по отдельности не имеет силы доказательства, но в совокупности вырисовывается определенный ареал Фракии — Пропонтиды. Скорее — Фракии, ибо Ператия — "Заморье" для причерноморского региона (как Южного, так и Западного), но не для городов на Мраморном море. Имена контрагентов, среди которых много возможных представителей византийской знати (Агалианы, Ангелы, Гавры, Гудели, Кондестефаны, Ласкари, Скутариоты, Сиропулы) также указывают на близость к Константинополю.

Предложим некоторые поправки к изданию и комментариям. На с. 42.117 упоминается привоз икры $\acute{\alpha}\lambda\theta\acute{o}$ Βενετ(ί)ας. Предположение о том, что икра могла ввозиться в Причерноморье из Венеции абсурдно, и Шрайнер выходит из затруднения, полагая, что составитель книги имел в виду венецианские области Причерноморья (т.е. Тану, S. 62). Это кажется натяжкой. Быть может, более уместна конъектура $\acute{\alpha}\lambda\theta\acute{o}$ Βενετ(ί)ων, т.е., что икра привезена венецианцами?

На с. 42.118 упоминается икра $\kappa\omicron\upsilon\lambda\acute{o}\tau\iota\kappa\omicron\nu$. Шрайнер не сомневается в том, что это — икра из Ло Копы в устье Кубани (S. 62). В греческих портуланах XVI в. местечко Копы называется как \acute{o} Κουλας так и \acute{o} Κολός⁶. Но нельзя исключить и другую возможность: что термин происходит от лат. сира, бочка (ср., напр., словарь Софоклиса на слово $\kappa\omicron\upsilon\lambda\acute{o}$) и тогда, видимо, речь идет о бочковой икре?

Ἀταλίωτης (39.69) — Аталиот, Ataliothes, а не Atalates, как в переводе на S. 49. Некоторые сложности для локализации представляет и текст N 67, первая часть которого — фрагмент приходной книги, вторая — список должников. Издатель, опираясь на упоминание соммов (татарско-генуэзских счетных денежных и весовых единиц) и металлических слитков относит ее к Каффе или Тане (S. 289, 292, 353). Метрологические данные позволяют более определенно отнести текст к Тане. Танский сомм составлял 45 экзавиев (саджо). Перепры/безанты также являлись в Тане (в отличие от Каффы) счетной денежной единицей⁷. Учитывая, что Тана была разрушена в 1395 г. Тамерланом, вновь остроена и вновь подверглась татарским набегам в 1410 и 1418 гг., время составления записей (в рамках выделенного Шрайнером на основе кодикологических на-

блюдений периода 1396-1414 гг.) вполне может быть отнесено к 1400-1410 г.

Вторая часть книги П. Шрайнера посвящена анализу торговых реалий. Автор детально, с большим знанием дела, разбирает проблемы метрологии и денежного обращения. Ему принадлежит ряд важных заключений, например, о венецианском происхождении греческой меры $\mu\iota\tau\iota\upsilon\lambda\iota\omicron\nu$, равной 1/18 модия (S. 341-342). Широко используя для сопоставлений материал Афонских актов, Шрайнер существенно дополняет и уточняет данные Э. Шильбаха⁸. Он устанавливает меры сыпучих тел $\tau\alpha\gamma\alpha\iota\omicron\nu$ = 1/8 karta = 1/32 торгового модия (S. 343-344). Такие примеры можно было бы продолжить. Далее столь же успешно исследуется номенклатура товаров и товарооборот, цены. Шрайнер сетует на отсутствие сводных работ по ценам в Византии и публикаций источников. Некоторые дополнительные возможности тут, впрочем, у автора имелись. Упомянул хотя бы Вазелонские акты или счета английского посольства 1292 г. долгое время пребывавшего в Константинополе и Трапезунде. Попытки анализа цен предпринимались и в историко-графии⁹.

Специальный раздел посвящен методам ведения счетных книг. Византийские купцы, замечает Шрайнер, не обучались специально финансовому делопроизводству, а руководствовались практикой и следовали традиции. Для установления истоков традиции Шрайнер обращается к ранневизантийским папирусам, выделяя как общие места в типе документа, так и отличия (S. 391-393). Поздневизантийские купцы графически выделяли актив и пассив, движение денег и товаров, вели счета в хронологической последовательности, отмечали вычеркиванием погашенные счета. Сравнительно скромные суммы, фигурирующие в книгах, позволяли сильно индивидуализировать записи (S. 386). Некоторые тексты, записанные в две колонки (например, N 9-10) Шрайнер относит к системе записи *alla Veneziana* или даже к двойной бухгалтерии, полагая, что византийская методика делопроизводства не отставала от современной ей западной (S. 386-387, 393). С последними выводами трудно согласиться, так как система двойной бухгалтерии, помимо двухколоночной записи типа *dare* и *avere*, предусматривает и много других параметров — от обязательной фиксации каждой сделки дважды в графах дебета и кредита, взаимо-

проверяемости и равенства дебета и кредита и итоговых сумм, до стройной унификации мер и денежных единиц. Не всегда эта система выдерживалась и в развитом делопроизводстве Италии второй половины XIV-XV вв. и других стран Западной Европы, вплоть до XVIII столетия¹⁰. Тем меньше оснований рассматривать фрагменты греческих торговых книг как использовавшие систему двойной бухгалтерии. Для ее установления нужен анализ большего объема текстов и перекрестное исследование счетов. Опубликованные тексты не позволяют этого сделать. Более того, даже такой формальный показатель, как единство денежных единиц в наиболее "развитых" записях (как, например, N 1) отсутствует.

Немецкий ученый с успехом разбирает социальный и этнический состав купечества, состав капиталов и характер налогов. Несомненным шагом вперед в византиноведении является анализ П. Шрайнером типов купеческих организаций как корпоративных структур. Изданные им тексты позволили выделить договорные соглашения купцов ($\sigma\upsilon\mu\phi\omega\nu\iota\alpha$) и соглашения ради достижения одной определенной коммерческой цели, более краткосрочного характера ($\sigma\upsilon\nu\tau\rho\omicron\phi\iota\alpha$) типологически близкие к итальянской *societas* (S. 403-406, 431-433).

Ценны кодикологические и лингвистические наблюдения над текстами. Несмотря на встречающиеся ошибки писцов, беглое письмо и навыки составления счетов еще раз свидетельствуют о высоком уровне грамотности в Византии не только знати, но и "среднего слоя" (S. 445). Фотографии 10 страниц важнейших текстов, превосходные индексы реалий, персоналий и использованных рукописей завершают публикацию.

Не сомневаюсь, что этому образцовому изданию суждена долгая жизнь в науке. Изучение экономической истории Палеологовской Византии вряд ли будет возможно впредь без использования труда П. Шрайнера.

С.П. Карпов

⁶ Delatte A. Les Portulans grecs. P., 1947. P. 236.3; 290.13.

⁷ См.: Федоров-Давыдов Г.А. Денежно-весовые единицы Таны в начале XIV в. (по данным Франческо Пеголотти) // СА. 1958. N 3. С. 65-72; Карпов С.П. Документы по истории венецианской фактории Тана во второй половине XIV в. // Причерноморье в средние века. М., 1991. С. 195.

⁸ Schilbach E. Byzantinische Metrologie. München, 1970. I.

⁹ Desimoni C. I conti dell'ambasciata al Chan di Persia nel MCCXCII // ASLSP. 1879. T. XIII. P. 537-698; Bryer A. The Estates of the Empire of Trebizond // АП. 1979. P. 374-391; Paviot J. Le séjour de l'ambassade de Geoffroy de Langley à Trébizonde at à Constantinople en 1292 // Médiévales. 1987. N 12. P. 47-54; Карпов С.П. Итальянские морские публикации. С. 109-175.

¹⁰ См., например: Yamey B.S. Bookkeeping and Accounts, 1200-1800 // L'Impresa, Industria, Commercio, Banca. Secc. XIII-XVIII. Ist. int. di Storia Economica "F. Datini". Prato. Atti della XXIIa Settimana di Studi. Firenze, 1991. P. 163-187.

До недавних пор были известны пять рукописей, принадлежавших Антонию Малакису, архиепископу Веррии последней четверти XIII в.: 1) Милан, Biblioteca Ambrosiana, ms. F 104 sup., 1286/7 г. (Толкования Феофилакта Болгарского на Деяния апостолов и Послания апостола Павла); 2) Геттинген, Universitätsbibliothek, cod. Theol. 28, 1289/90 г. (Четвероевангелие); 3) Венеция, Istituto Ellenico di Studi Bizantini e Postbizantini, ms. N 2, вторая половина XI в. (Евангелие-апракос); 4) Афины, Benaki-Museum, vitr. 34/4, последняя треть XIII в. (Четвероевангелие); 5) Ann Arbor, University of Michigan, ms. 34, последняя треть XIII в. (Деяния и Послания апостолов).¹

В 1992 г. в сборнике в честь М.Хадзидакиса была опубликована статья с описанием еще одной, до настоящего времени не известной, рукописи А. Малакиса, хранящейся в Афинской Национальной библиотеке (№ 308, "Лествица" Иоанна Лествичника)². В конце XIX в. Саккеллион относил эту рукопись к X в. Авторы рецензируемой статьи полагают, что кодекс писан архаизирующим письмом XIII в., которое принадлежит к типу Fettaugenmode³. Анализируя почерки основного текста рукописи и владельческой записи Антония Малакиса на л. 317, А. Марави-Хадзиниколау и Х. Туфeksi-Пасху приходят к заключению об их идентичности и считают А. Малакиса писцом Афинского списка "Лествицы" № 308⁴. Более того, опираясь на верное наблюдение Р. Нельсона о тождестве почерков рукописей Benaki-Museum vitr. 34/4 и University of Michigan ms. 34, а также основываясь на общих, по их представлению, кодикологических показателях (качество пергамента, характер расположения текста, обильное использование в заставках, инициалах и тексте золота), авторы делают вывод о том, что и эти две рукописи вышли из-под пера Антония Малакиса⁵. Таким образом, по их мнению, из шести выявленных к настоящему времени кодексов, принадлежавших архиепископу Веррии в конце XIII в., три писаны его собственной рукой.

Выводы статьи греческих авторов нам представляются ошибочными. Прежде всего, неверной является датировка Афинской руко-

писи № 308: непосредственное знакомство с рукописью, а также имеющиеся в нашем распоряжении изображения фрагментов кодекса⁶ позволяют сделать вывод, что его письмо не имеет ничего общего с почерками Fettaugenmode, но весьма типично для рукописей высокого качества последней трети XI в.; Антонию Малакису, помимо записи на л. 317, принадлежит лишь наведение черными чернилами отдельных мест основного текста, пострадавших к концу XIII в. (см. лл. 1-3, 4об.-6, 317). Во-вторых, ошибочным является заключение о тождестве почерков Афинской (Benaki-Museum) и Мичиганской рукописей и владельческих записей Антония Малакиса: каллиграфический, высокопрофессиональный почерк двух указанных рукописей принадлежит к школе письма, представленной почерками писцов, работавших в Константинополе в конце XIII — начале XIV в. прежде всего для Феодоры Раулени⁷, тогда как весьма неумелое, неустойчивое письмо записей Антония Малакиса является лишь слабым подражанием почеркам такого типа — не более того.

Итак, по нашему мнению, ни одна из шести известных теперь рукописей Антония Малакиса не является его автографом. Новонайденный манускрипт из коллекции этого церковного деятеля конца XIII в. представляет собой роскошный кодекс конца XI в. несомненно константинопольского происхождения, примыкающий по своему характеру к Евангелиарию Греческого института в Венеции: в отличие от четырех других рукописей, созданных, по-видимому, по заказу Антония Малакиса, два манускрипта конца XI в. попали к этому собирателю книг эпохи ранних Палеологов из каких-то прежних столичных библиотек.

Б.Л. Фонкич

Agati M.L. La minuscola "bouletée". [Littera Antiqua 9,2]. Città del Vaticano: Scuola Vaticana di Paleografia Diplomatica e Archivistica, 1992. Vol. 1. 368 p.; Vol. 2. 220 tav.

Двухтомный труд М.Л. Агати можно без преувеличения назвать уникальным и важным явлением в греческой палеографии: впервые специальная монография посвящена большой группе рукописей, написанных одним типом письма — минускулом "bouletée". Изучение типов византийского минускула представляется весьма перспективным направлением в современной науке, изучающей средневековое греческое письмо. Когда мы говорим об определенном типе письма, мы имеем в виду не только характер написания отдельных букв или лигатур, который иногда мало менялся в течение нескольких веков, но прежде всего об определенной совокупности буквенных форм, а также об особенностях письма в целом — его беглости или статичности, естественности или нарочитой искусственности, угловатости или округлости, удлиненности или укороченности выносных и т.п. Отнесение того или иного почерка к определенному типу позволяет исследователю объединять кодексы в группы и благодаря этому с большой точностью датировать и локализовать манускрипты, не имеющие колофона. Хотя отдельные типы греческого минускула (например, Perlschrift, литургический минускул, Fettaugenmode, и многие другие) были выделены и описаны исследователями сравнительно давно, до сих пор не существовало специальных работ, в которых типы письма изучались бы глубоко, последовательно и на большом количестве материала. Первой такой работой и является рецензируемая монография Агати.

Первый том монографии содержит подробное описание минускула "bouletée" и его классификацию; выполненное на уровне современных требований описание 230 рукописей, написанных этим типом письма, и сравнительный анализ кодикологических особенностей и иллюминации рукописей "bouletée". В первом томе находятся также обширная библиография и семь индексов, которые значительно облегчают работу с монографией. Второй том содержит 220 таблиц с образцами почерков почти всех описанных в монографии рукописей.

Агати группирует рукописи согласно ее собственной классификации минускула "bouletée". Она выделяет собственно "bouletée" (каноническое и с некоторыми особенностями), "вытянутое" ("bouletée élargie"), наклонное ("bouletée italique"), оригинальные почерки и почерки, близкие к минускулу "bouletée". Эта часть исследования Агати представляется особенно интересной и ценной, так как среди рукописей, написанных типом "bouletée", нет абсолютного единообразия. Выделение нескольких подти-

пов позволит исследователям включать вновь обнаруженные рукописи "bouletée" в определенные подгруппы и, следовательно, более надежно датировать и локализовать кодексы. Классификация минускула "bouletée", предложенная Агати, может быть принята за основу для дальнейшего изучения этого типа письма. Здесь хотелось бы высказать некоторые соображения по поводу данной классификации:

— в отдельную группу можно выделить небольших размеров вертикальный или с легким наклоном влево тип "bouletée", многие буквы которого имеют квадратные, а не округлые формы: РНМ 159 и РНБ гр. 220¹; Oxford, Christ Church College, gr. 67 (Tav. 133. Здесь и далее — номера таблиц рецензируемой монографии); Paris. Suppl. gr. 607A (Tav. 215); Vindobon. Suppl. gr. 177 (Tav. 100);

— особую группу составляют, на мой взгляд, рукописи, написанные крупным или средним размером "bouletée", некоторые буквы которого, в отличие от канонического типа, имеют удлиненные выносные, из-за чего письмо выглядит несколько архаичным, например, письмо рукописей New York. Pierpont Morgan Libr. M 652²; Hierosol. S. Crucis 55³; РНБ гр. 53⁴;

— рукописи, написанные "bouletée italique", т.е. "bouletée" с явно выраженным наклоном вправо, не образуют, как мне кажется, гомогенной группы и могут быть объединены с другими группами, например, кодекс Vat. Arch. S. Pietro B 59 (Tav. 165) — с кодексами, написанными каноническим "bouletée", а Paris. gr. 115 (Tav. 167) — с "bouletée", имеющим удлиненные выносные.

Важной и интересной частью исследования Агати являются отождествления писцов. Многие рукописи, разбросанные по различным музеям и библиотекам мира, оказались "близкими родственниками", написанными в одно время и в одном месте. Хотя большинство писцов, к сожалению, анонимны и часто в рукописях нет указания на скриптории, в котором та или иная рукопись была написана, объединение кодексов в группы на основании тождества почерков — важная и необходимая работа, помогающая воссоздать картину деятельности византийских скрипториев.

¹ Подробно см.: Nelson R.S. The Manuscripts of Antonios Malakes and the Collecting and Appreciation of illuminated Books in the early Palaeologan Period // JÖB. 1986. Bd. 36. S. 229-254. 12 pl.

² Μαραβή-Χατζηνικόλαου Α., Τουφέξη-Πάσχου Χ. "Αγώστο χειρόγραφο τοῦ Ἀντωνίου Μάλακη // Εὐφρόσυνον. Ἀφιέρωμα στὸν Μακάριον Χατζηδάκη. Ἀθήνα, 1992. Σ. 742-748, Πίν. 399-405.

³ Ibid. Σ. 742.

⁴ Ibid. Σ. 744.

⁵ Ibid. Σ. 744-745; ср.: Nelson R.S. Op. cit. P. 239-240.

⁶ См.: Πίν. 399-405 рецензируемой работы.

⁷ См.: Buchthal H., Belting H. Patronage in thirteenth century Constantinople: An Atelier of late byzantine Book Illumination and Calligraphy. Wash. (D.C.), 1978.

¹ Каврус Н.Ф. "Алмазное" письмо в греческих рукописях Москвы и Ленинграда // ВВ. 1986. Вып. 47. Рис. 2, 3, 4, 5а, б и 6 а, б.

² Каврус Н.Ф. Рукопись Диоскорида Библиотеки Пьерпонт Морган М 652 (Нью Йорк) // ВВ 55 (80). Рис. 1.

³ Lake K. and S. Dated Greek Minuscule Manuscripts to the Year 1200. Boston (Mass.), 1934-35. I Pl. 3-6.

⁴ Лихачева В.Д. Византийская миниатюра. М., 1977. Табл. 3, 4.

Большая часть отождествлений Агати не вызывает возражений. Хотелось бы сделать лишь несколько замечаний и дополнений:

— Агати считает, что рукописи Vat. gr. 807, Vat. gr. 1990 и ГИМ Влад. 104 написаны одним копистом (писец К). Это отождествление не кажется мне очевидным — можно указать на различие в написании таких букв, как унциальные дзета, каппа и лямбда, кси, фи и др.;

— писец рукописи ГИМ 99 вряд ли может быть отождествлен с писцом А: см. различное написание букв дзета, кси, лигатуры эпсилон + кси, тахиграфического сокращения καί;

— хотя Агати не согласна с моим отождествлением переписчика Берлинского кодекса Phillips 1538, Hippiatrica с писцом А1, письмо которого, без сомнения, является лучшим образцом "boulétée élancée", тождество почерков кажется мне очевидным⁵. К сожалению, этот замечательный кодекс, хотя и упоминается в монографии дважды, не получил отдельного описания и не проиллюстрирован в таблицах;

— сходство почерков писца V (кодексы Paris. Coisl. 44; Vat. gr. 560 и Vat. gr. 1920) и писца Михаила (кодексы Basel. Universitätsbibl. O.11.27; Paris. gr. 598 и Vat. gr. 1680) позволяют, на мой взгляд, говорить об их идентичности, а не только об их происхождении из одного скриптория. Этот почерк, близкий к письму Стилиана, написавшего кодекс ГИМ Влад. 231 для Арефы Кесарийского, является, скорее, разновидностью книжного курсива, широко употреблявшегося в первой половине X в. наряду с минускулом "boulétée". Хотя курсивные почерки этого времени содержат ряд элементов минускула "boulétée", было бы правомерным рассматривать их как отдельный тип книжного минускула;

— писец кодекса Hierosol. Panag. Taph. 13, написанного в Студийском монастыре, может быть отождествлен с писцом Сергием рукописей Paris. gr. 1431 и Vat. gr. 2564. Таким образом, полустертое в колофоне имя писца следует восстановить как [Σερ]γίω, а не [Εὐθ]ίω;

— петербургский кодекс РНБ ДА Б 1/5 (1985 г.) вряд ли является образцом канонического "boulétée". Его место, скорее, в разделе "оригинальные почерки".

Наконец, следует отметить неточности, неизбежные при работе со столь обширным материалом, разбросанным по многим странам и коллекциям:

— в описании рукописи ГИМ Влад. 104 не сделана ссылка на образец почерка: рис. 15 в ст.: Каврус Н.Ф. "Алмазное" письмо в греческих

рукописях Москвы и Ленинграда // ВВ. 1986. Вып. 47;

— в описании петербургского кодекса РНБ ДА Б 1/5 неточно даны размер кодекса и тип разлиновки. Размер манускрипта — 258/264х180/185 мм; тип разлиновки — С 02D2а;

— в описании рукописи Метеоро-Преображенского монастыря 573 не указано, что рукопись написана двумя переписчиками, рукой одного из которых написан петербургский фрагмент этой рукописи РНБ гр. 383. Фрагмент написан мелким каллиграфическим минускулом "pre-boulétée"⁶, близким к почеркам "философской коллекции". Фрагмент датирован автором данной рецензии концом IX в. и предположительно связан с деятельностью скриптория патриарха Фотия⁷. Агати отмечает архаичность "boulétée" другого писца рукописи 573. Возможно, перед нами один из самых ранних образцов минускула "boulétée", являющегося связующим звеном между "философской коллекцией" и рукописями "boulétée" и проливающего свет на происхождение этого типа письма.

В целом, монография М. Агати заслуживает самой высокой оценки и дает исследователям обширный, малоизвестный, а иногда и недоступный материал для дальнейших исследований. Монография открывает новое направление, связанное с изучением типов византийского минускула, и несомненно, войдет в историю греческой палеографии.

Н.Ф. Каврус-Хоффманн

ХРОНИКА

Юбилей И.П. Медведева

Коллектив ВВ сердечно поздравляет с 60-летием Игоря Павловича Медведева!

Он встречает свой юбилей в расцвете творческих сил, ученым, достигшим всемирного признания, автором огромного числа замечательных книг и статей. Работы Игоря Павловича важны для всех византистов, неозлинистов, историков западного средневековья и России. Разнообразие его специальных интересов, бесконечная преданность науке, необыкновенное трудолюбие, неумная страсть постижения новых разделов знания, лингвистический дар вызывают восхищение у его коллег.

Человеческие и профессиональные качества Игоря Павловича сделали его естественным главой петербургского византиноведения, сплотили вокруг него и признанных специалистов, и молодое поколение. В союзе со своими коллегами и учениками И.П. Медведев разрабатывает огромный пласт нетронутых архивных материалов выдающихся представителей русского византиноведения — и недавно вышедший первый том исследований и публикаций в этой области — не только прекрасный итог большой работы, но и многообещающее начало целого научного направления.

И.П. Медведев — украшение всякой научной встречи — от международного конгресса до небольшого коллоквиума узкого круга специалистов. Его все любят и ценят!

Желаем дорогому Игорю Павловичу прекрасного здоровья, неиссякаемой энергии в осуществлении его планов, счастья и радости!

Ваши друзья и коллеги

Международная научная конференция, посвященная 550-летию Битвы при Варне

2–3 июля 1994 г. в Варне проходила научная конференция "Культурные, исторические и этнополитические отношения между христианством и исламом на Балканах в XIV–XV вв." Она проводилась в рамках Дней Европы в Болгарии и была приурочена к юбилею Битвы при Варне (1444). Организаторами конференции были Община г. Варны, Болгарская Академия наук, Софийский университет "Св. Климент Охридский" и Союз ученых Болгарии.

Оргкомитет возглавляли проф. В. Мутафчиева (председатель), проф. Д. Овчаров и Д. Васильева. На заседании были прослушаны и обсуждены 30 докладов ученых из 8 стран, в том числе:

Т. Василевский (посол Польши в Болгарии): "Международное значение Битвы при Варне в 1444 г."; И. Божилков (София): "Культурная идентичность Второго Болгарского царства"; Р. Радич (Белград): "Турецкая опасность и православные государства в первой половине XIV в."; С. Карнов (Москва): "Причерноморье в первой половине XV в. в свете новооткрытых архивных документов"; Л. Горина (Москва): "Накануне трагедии. Поход графа Амедея VI Савойского в 60-е годы XIV в. против Болгарии и Варна"; Н. Овчаров (София): "Болгарский царь Иван-Асен V и его смерть в сражении с турками ок. 1371 г."; В. фон Штример (Альтдорф, ФРГ): "Антиосманские союзы императора Сигизмунда"; Д. Овчаров (София): "Генезис османской культовой архитектуры в болгарских землях в XV в."; В. Гюзелев (София): "XV век в Европе и Балканы"; Л. Веспери (Будапешт): "Турки в латиноязычных исторических произведениях в Венгрии в XIV–XV вв."; Э. Бассо (Генуя): "Генуя и турки в Балкано-Эгейском регионе. Между дипломатией и шпионажем"; Л. Балетто, Дж. Пистарино (Генуя): "Генуэзцы в Константинополе. От византийской Перы — к турецкой Галате"; Д. Колоджийчик (Варшава): "Польша и Битва при Варне 1444 г."

Участники конференции посетили Аладжа монастырь, Историко-археологический музей и музей Владислава Варненчика в Варне.

⁶ Термин принадлежит Э.Фоллиери. См.: Follieri E. La minuscola libraria dei secoli IX e X // La paléographie grecque et byzantine: Colloque international sur la paléographie grecque et byzantine. P., 1977. P. 146.

⁷ Каврус Н.Ф. Ленинградский фрагмент Метеоропской рукописи конца IX в. // ВВ. 1982. Вып. 43. С. 241–244 и рис. 1.

⁵ См. образцы почерка: Froehner R. Die Berliner Prachthandschrift der griechischen Hippiatrica // 80 Jahre H. Haupt. B., Solingen, 1937.

Программа греческих исследований и Центр исторических исследований Принстонского университета США провели 11–12 ноября 1994 г. Международную научную конференцию, посвященную торговле и предпринимательству в драматическую эпоху османской экспансии и падения Византии. Оргкомитет конференции возглавляли Д. Гондикас, М. Грин и Дж. Херрин.

На конференции были заслушаны и обсуждены следующие доклады:

С. Фароки (Мюнхенский университет): "Практика торговли в Бурсе в конце XV в."; Дж. Кафадар (Гарвардский университет): "Государственный надзор над рыночным местом: сравнение византийской Книги эпарха и османских ихтисабов"; Дж. Хэлдон (Бирмингемский университет): "Купцы и Византийское государство: противоречия, конкуренция или взаимодополнение?"; Р. Нельсон (Чикагский университет): "Византийское искусство, купцы и династы: искусство и социальная структура поздней империи"; М. Вассилаки (Критский университет/Музей Бенаки, Афины): "Торговля иконами на венецианском Крите"; Дж. Раби (Оксфордский университет): "Гордыня после падения: трансформация османского искусства"; К.-П. Мачке (Лейпцигский университет): "Купеческие семейства Константинополя до, во время и после падения Города"; К. Оттен-Фру (Второй Университет Страсбурга): "Отношения генуэзцев к туркам на Леванте в XV в."; Э. Захариаду (Критский Институт Средиземноморских исследований): "Богатые греки и Константинопольский патриархат ок. 1453"; М. Грин (Принстонский университет): "Торговые институты в Восточном Средиземноморье"; К. Флит (Кембриджский университет): "Влияние падения Константинополя на османско-генуэзские торговые отношения"; С.П. Карпов (Московский Гос. университет): "Итальянские предприниматели в Причерноморье: экономические реалии и политические амбиции (ок. 1420–1453)"; Н. Неджипоглу (Босфорский университет, Стамбул): "Византийские купцы накануне падения Константинополя и проблема их отношений к османам и итальянцам".

В оживленных дискуссиях по докладам, помимо участников, выступали видные медиевисты, византинисты и османисты У. Джордан, О. Грабар, Т. Стоянович, Х. Лаури, Дж. Херрин, М. Делилбаш и др.

По случаю конференции в помещении Джозеф Хенри Хауза была открыта выставка "Раннеосманское общество. Гравюры и печатные издания из собрания Музея Бенаки, Афины".

С.П. Карпов

Выставки к XVIII Международному Конгрессу византинистов

Летом 1991 г. в Москве и Ленинграде специально к XVIII Международному Конгрессу византинистов был открыт целый цикл замечательных выставок средневекового — византийского и русского — наследия из собраний тогдашнего Советского Союза. Это удалось осуществить в год путча только благодаря исключительному энтузиазму музейных и научных сотрудников и их самоотверженности. В условиях чудовищной разрухи и развала страны даже элементарные нужды в оборудовании и техническом обеспечении экспозиций в музеях двух столиц были громадной проблемой. К сожалению, в условиях этой разрухи удалось издать лишь небольшую часть каталогов, подготовленных к выставкам. Большинство экспозиций были итогом многолетней исследовательской работы. Выставки поражали, прежде всего, необычайным богатством коллекций, которые в России до сих пор мало известны даже специалистам. И та небольшая часть гигантского культурного наследия православной страны, собранного на протяжении многих столетий, которая была показана в это лето, превзошла все ожидания. Эти богатства сопоставимы по масштабам лишь с наследием музеев и монастырей Греции. В Российских музеях счастливо соединились древние средневековые сокровища митрополичьих собраний, монастырских ризниц, храмовые святыни, государственная и царская собственность, частные коллекции ученых и путешественников нового времени, особенно XIX—XX вв., а также археологические находки на юге России, Украине и в Закавказье. Описать все выставки сразу не представляется возможным, мы выбрали пять самых грандиозных московских экспозиций памятников искусства. Кроме них в Москве были показаны прекрасные выставки историко-культурного и археологического характера: "Византийский Херсонес" в помещении Новодевичьего монастыря, "Греческо-русские связи середины XVI — начала XVIII в. Греческие документы московских хранилищ" и "Археология

Крыма" в Музее древнерусского искусства им. Андрея Рублева. Еще три интереснейшие выставки были открыты в Ленинграде (ныне Санкт-Петербурге): "Византия и византийские традиции" в Гос. Эрмитаже, "Из коллекций Н.П.Лихачева" в Гос. Русском музее и "Византийские рукописи" в Гос. Публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Крупнейшей выставкой иконописи явилась экспозиция Гос. Третьяковской галереи "Византия. Балканы. Русь. Иконы второй половины XIII — первой половины XVв." Выставка носила концепционный характер, в задачу ее устроителей входил масштабный охват истоков, расцвета и продолжения традиций палеологовского искусства. Выставка и еще в большей мере ее каталог включили огромный материал (более 100 икон) из многочисленных русских и украинских музейных собраний — это почти все наследие иконописи палеологовской эпохи, хранящееся в России и на Украине. Большая часть памятников хорошо известна специалистам, но некоторые произведения были либо впервые отреставрированы и расчищены от записей перед экспонированием, либо совсем неизвестны, как, например, "Богоматерь Одигитрия" последней трети XIV в. из Кремля. В экспозицию вошло множество замечательных произведений иконописи, как византийских, так и славянских. Среди них были представлены такие знаменитые шедевры XIV в., как иконы "Двенадцать апостолов" из ГМИИ им. А.С. Пушкина, "Богоматерь с Акафистом" из Кремля, "Богоматерь Перивлепта" из Загорска и другие. При отборе памятников устроители выставки не ограничивались только проблематикой искусства палеологовского ренессанса или художественных течений Византии XIV в., но впервые привлекли обширный материал славянского, прежде всего, русского искусства, в котором прослеживаются тенденции, близкие основным направлениям византийской живописи этой эпохи. Такая увлекательная проблематика поисков параллелизма развития византийского и русского искусства явилась одной из центральных идей выставки, что дало ряд чрезвычайно ярких сопоставлений. Так, многие иконы, созданные в Новгородской и Московской школах под прямым влиянием византийского искусства, наглядно демонстрировали процесс тесного взаимодействия греческой и русской культур. Русская иконопись испытывала на себе влияние как классицистических тенденций первой трети XIV века, так в еще большей мере направлений середины и второй половины XIV столетия. Особенно ярко это проявилось, например, в русских иконах круга Феофана Грека, великого византийца, работавшего на Руси. Среди других памятников, затронутых различными тенденциями палеологовского искусства, можно отметить также иконы "Спас оплечный", "Спас ярое око" и "Богоматерь умиление" из Кремля, "Иоанн Предтеча" из Коломны (ГТГ) и другие. Важнейшей проблемой выставки стало сопоставление произведений искусства второй половины XIV — раннего XV в., связанных с идеями греческого и русского исихазма. Это позволило рассмотреть широкие закономерности развития не только художественной, но и духовной жизни Византии и Руси. Однако нередко подобные прямые сопоставления приводили и к спорным результатам. Так, произведения последователей Андрея Рублева или местных периферийных школ, в частности псковской, на фоне греческих памятников обнаруживали свою отчетливую местную художественную специфику, уже далекую от ведущих течений византийской живописи. Чрезвычайно увлекательной явилась задача создания единой хронологической шкалы, общей для греческих и русских памятников. Но попытка унификации хронологии привела к тому, что ряд датировок греческих памятников, предложенных на выставке, также оказался спорным. Большой удачей явилось своевременное издание русского текста каталога к этой выставке, сопровождаемое внушительными вступительными статьями О.С. Поповой и Е.Я. Остащенко. Издатели каталога придали ему полемический характер: в каталоге помещены одновременно точки зрения разных авторов, которые иногда оказываются противоположными.

В Пушкинском музее демонстрировалась выставка "Поствизантийская живопись. Иконы XV—XVIII веков из музеев Москвы, Загорска, Твери и Рязани". По замыслу устроителей, она должна была охватить поствизантийские коллекции Москвы и прилежащих земель. Главный вклад здесь принадлежал собранию Гос. Исторического музея, большая часть которого была унаследована от Московского Публичного и Румянцевского музеев. В основу московских музейных собраний легли прежде всего частные коллекции таких собирателей, как П.И.Севастьянов, Л.К.Зубалов, И.С.Остроухов, М.С.Щекин и другие. В состав выставки вошли и недавние приобретения. Здесь экспонировалось более 100 почти неизвестных икон, за редким исключением никогда не публиковавшихся и не экспонировавшихся после революции. Большая часть икон была специально отреставрирована и расчищена к выставке. Задачей устроителей было прежде всего организовать выставку-публикацию памятников иконописи эпохи после падения Константинополя. Художественный уровень показанных икон неравноценен. В их числе были представлены

такие шедевры XV—XVI вв., как иконы "Христос Пантократор" и "Успение со святыми Домиником и Франциском" из ГМИИ им. А.С.Пушкина, триптих с Иоанном Богословом, происходящий с Патмоса, из ГТГ, "Богоматерь Одигитрия" из музея им. Андрея Рублева, "Св. Антоний" и "Св. Георгий с двойным чудом" из Гос. Исторического музея и другие. Наряду с ними в экспозицию было включено довольно много произведений более массового уровня XVII—XVIII вв. Общий публикационный характер выставки допускал включение всего этого материала, поскольку информация о данных иконах чрезвычайно ценна для специалистов по малоизученному поствизантийскому искусству, только в последние десятилетия получившего признание в среде византистов. Выставка предоставила огромный материал по истории развития стиля, персоналиям художников, иконографии и истории коллекционирования в России. Здесь удалось предпринять и основную систематизацию этого материала по хронологии, основным направлениям, художественным школам и даже по мастерам. В экспозиции довольно четко были выделены две основные группы памятников: Критской школы и балканского круга, преимущественно включающего памятники Северной Греции, Афона, Македонии и Болгарии. На Русь в основном традиционно попадали памятники с Афона, т.е. большей частью балканские. Однако неизбежно в Россию проникали и критские иконы, особенно в эпоху XIX—XX вв., когда их собирали русские коллекционеры. Это хорошо известно по коллекции Н.П.Лихачева в Петербурге, которая в это же время экспонировалась в Гос. Русском музее. После падения Константинополя, Фессалоник и других городов художественные школы бывшей Византийской империи перестали существовать. Константинопольская традиция была продолжена на Крите, принадлежавшем Венецианской республике, что определило и мощное западное влияние Критской школы. Другие центры сложились также и на Балканах, прежде всего, в монастырях Афона. На выставке и особенно в каталоге удалось выделить памятники, связанные с кругом или даже мастерской многих знаменитых критских художников: Ангелоса, Андреаса Ритцоса, Михаила Дамаскина, Иоанна Апакаса и других. Подписных памятников среди этих икон не так много, из имен художников, встречающихся на иконах, можно упомянуть Иоанна Ламбардоса и Цангарополуса. В число экспонатов выставки были включены и некоторые русские памятники, в которых проявилось влияние поствизантийской живописи как в стиле, так и в иконографии. Публикационный характер выставки определил и спорность некоторых атрибуций и дат. Например, сомнительной представляется такая историко-художественная категория, как "Северные Балканы" или отнесение иконы "Богоматерь" из ГТГ к XV в. и Сербии. К выставке был подготовлен подробный каталог, который, к сожалению, не удалось вовремя опубликовать. Однако благодаря поддержке греческих коллег и лично доктора Манолиса Борбудакиса этот каталог опубликован с опозданием в Греции. Критская часть этой экспозиции показывалась в сентябре—октябре 1993 г. на выставке "Иконы Критской школы" в Ираклионе.

Выставкой, связанной с ранним периодом византийской художественной культуры была экспозиция "Искусство Коптского Египта. Из собраний Гос. Эрмитажа и ГМИИ им. А.С.Пушкина", открытой в Пушкинском музее. Подобная крупная выставка коптского искусства, охватывающая лучшую часть двух основных музейных собраний страны (почти 300 экспонатов), была организована в России впервые. Основу этих собраний составили две петербургские коллекции, приобретенные в Египте в конце XIX — начале XX в. знаменитым русским египтологом В.С.Голенищевым и хранителем Гос. Эрмитажа В.Г.Боком, который был одним из основоположников коптологии. Выставка включила памятники III—XII веков всех типов художественного ремесла и искусства: каменную и деревянную скульптуру, изделия из резной кости, металла, керамики, ткачества, кожи, а также рукописи, иконы и проч. Здесь были показаны такие всемирно известные шедевры, как фрагмент тунники с Дионисом (ГЭ), тканые медальоны с изображением богов Нила и Гэ (ГМИИ и ГЭ), стела матроны (ГМИИ) (все IV в.), Александрийская мировая хроника конца VII в. (ГМИИ) и другие. Значительная же часть коллекции никогда не публиковалась и не экспонировалась. В задачу устроителей выставки прежде всего входило стремление ознакомить участников Конгресса и публику с замечательными шедеврами коллекций мирового уровня, до сих пор столь мало известных даже специалистам. Однако эти уникальные собрания столь богаты и разнообразны, что они позволили ярко осветить многие важнейшие стороны коптской культуры и этапы ее развития. Выставка ознакомила специалистов с огромным неизвестным ранее материалом замечательного художественного качества, обогатившим знания о малоизученной коптской культуре. Здесь экспонировались произведения неизвестной ранее иконографии, редких типов и функций. Многие из показанных памятников уточняли принятые представления о хронологии, художественном развитии, приемах и технике ремесла. Были включены не только произведения византийской эпохи, но и позднеримского и исламского периодов, показана основная эволюция этой культуры. Удалось представить памятники всех сфер культуры Египта

этой эпохи: языческой и христианской, сосуществовавших параллельно, предметов быта, погребального назначения и церковного культа. Экспозиция была в основном подчинена хронологическому принципу. Материал был также систематизирован по основным художественным центрам: преобладали памятники из Верхнего Египта (Ахмима, Луксора, Гау и проч.). С мастерскими Нижнего Египта связана коллекция резной кости и некоторые другие памятники. Параллельно были показаны ткани и изделия из кости IV—VI веков. Детали одежды и завес были украшены изображениями той же иконографии, что и костяные пластинки для инкрустации мебели и шкатулок: сценами охоты, растительными мотивами, сезонами, античными мифологическими сюжетами (Дионис, Афродита, Нил и Гэ, Аполлон и Артемида, Тюхе и проч.). Это общие для позднеримского и ранневизантийского искусства мотивы благословения бытия и плодородия, выраженные в привычных древних символах. На одежде такие знаки служили и оберегами-амулетами, причем поскольку одежда использовалась не только в быту, но и при захоронении, эта иконография приобретала еще и погребальный смысл символа посмертного благополучия. В экспозиции был специально выделен зал собственно христианского и церковного искусства: евхаристические блюда и штампы для хлеба из керамики, светильники и канделябры из глины и бронзы, кадила, процессионные и напрестольные кресты, храмовые ткани и рельефы, бытовые ткани с новозаветными и ветхозаветными сюжетами и символами, а также иконы и иллюстрированные рукописи. Еще один зал был посвящен скульптуре, преимущественно каменным погребальным стелам христианского культа. И, наконец, завершал выставку раздел памятников исламского времени, которые наглядно демонстрировали сохранение многовековых эллинистических традиций и взаимодействие христианской и арабской культур. К выставке был подготовлен подробный каталог А.Я.Каховиным и О.Е.Этингоф, который, к сожалению, не удалось вовремя опубликовать. Выставка получила приглашение от проф. Хельмута Бухаузера для экспонирования в Вене, однако осуществить это не удалось из-за незаинтересованности руководства российских музеев.

О.Е.Этингоф

* * *

В помещении Новодевичьего монастыря была открыта выставка "Греческие рукописи VI—XVII веков", организованная Гос. Историческим музеем совместно с ГНИИ Реставрации. Греческое наследие этого крупнейшего рукописного хранилища впервые было столь полно представлено. К начальному этапу истории этого собрания относятся немногочисленные рукописи, переписанные в XV—XVI вв. в Москве или привезенные из Константинополя. Среди них — Триодь митрополита Фотия 1408—1409 гг. (Син.гр. 284), листы которой содержат записи о греческих паломниках, событиях из истории государства, а также автограф Максима Грека. До XVII в. греческие рукописи в Москве насчитывались единицами. Положение изменилось после поездки на Афон в 1653—1655 гг. келаря Троице-Сергиевой Лавры Арсения Суханова. По заказу патриарха Никона им было привезено около 500 рукописей, легших в основу Патриаршего (позднее Синодального) собрания. Большинство "сухановских" рукописей содержит его пометы, кроме того, многие из них имеют указания о месте приобретения. На выставке были показаны наиболее интересные из рукописей этого собрания в сопровождении гравюр XVII—XVIII вв. с видами афонских монастырей. Несколько залов было посвящено истории сложения частных собраний Москвы и Петербурга, известным коллекционерам XIX в. — Порфирию Успенскому, В.И.Григоровичу, Е.В.Барсову, П.И.Севастьянову и другим. Наряду со сведениями об их деятельности, путешествиях и находках, были показаны приобретенные ими памятники, многие из которых демонстрировались впервые. На выставке были экспонированы манускрипты, отражающие историю развития греческого письма от унциала VI века (фрагмент Апостола, Син. гр. 563) до скорописи XVIII в. Коллекции этих рукописей сложились благодаря экспедициям археографов XIX века на христианский Восток. Впервые экспонировались образцы литургического минускула, "жемчужного" письма, гражданских почерков, а также кодексы, вышедшие из таких крупных скрипториев, как Студийский, и монастыря Одигон. Многие рукописи Гос. Исторического музея содержат автографы исторических лиц и церковных деятелей. К их числу принадлежат Толкования Симплиция на "Физику" Аристотеля, переписанные племянницей императора Михаила VIII Палеолога Феодорой Рауленой до 1282 г. Искусству оформления византийской книги посвящен следующий раздел выставки, где впервые можно было ознакомиться со столь значительным кругом иллюминированных рукописей. Наряду со знаменитыми памятниками различных эпох (Хлудовская псалтирь IX в., Новый Завет с Деяниями 1072 г. из НБ МГУ, Менологий

XI в. Син. пр. 379), были показаны и малоизвестные рукописи, привлекающие внимание своим декоративным убранством, богатством красочных инициалов и заставок. К числу роскошно оформленных византийских кодексов принадлежит и лицевое Евангелие (Син. гр. 518), миниатюры которого являются прекрасным образцом константинопольской школы XI в. О распространенности художественных вкусов последующих столетий можно судить по миниатюрам обширной Чикагской Карахиссарской группы (ГБЛ. Ф. 304. № 28; ГИМ. Муз. 3646), а примером провинциального искусства рубежа XII—XIII вв. служило Евангелие Левицкого (Киев. ЦНБ АН), показать все три его миниатюры оказалось возможным лишь благодаря реставрации. Проблемам и результатам реставрации греческих рукописей и был посвящен последний раздел выставки. Здесь были показаны уже отреставрированные манускрипты и те, которые находились в процессе реставрационных работ. Так была использована уникальная возможность показать средневековый кодекс в расшитом состоянии и можно было увидеть все 23 миниатюры знаменитого Акафиста Богородице (Син. гр. 429) — замечательного константинопольского памятника середины XIV в. Аннотации, рентгенограммы и фотографии знакомили с методами работы средневековых художников, особенностями изготовления пергамента, способами плетения капталов, шитья блока, деталями переплета и проч. Полученные при реставрации сведения предоставили богатый материал для кодикологических исследований.

Э. А. Добрынина

Выставка "Средневековое лицевое шитье. Византия. Балканы. Русь." показывалась в Государственных музеях Московского Кремля. На ней было представлено 25 уникальных произведений не только кремлевских музеев, но и других собраний — Гос. Исторического музея, а также Загорского, Ново-Иерусалимского, Новгородского, Кирилло-Белозерского, Архангельского. Здесь впервые показывались рядом произведения, происходящие из разных художественных центров православного христианства (Византии, Греции, Сербии, Афона, Румынских княжеств — Молдавии и Валахии, России). Широкий охват территорий и хронологический диапазон (XII—XVIII вв.) дали возможность показать на этом материале культурные взаимосвязи стран византийского региона, отдельные аспекты взаимовлияния, выявить происхождение некоторых произведений и их миграцию. Часть из них показывалась впервые. Наиболее ранними памятниками, представленными на выставке, были запрестольная пелена с Распятием и поручи Варлаама Хутынского XII в. новгородского происхождения, два византийских омофора XIV в. и около того же времени — хоргувь с архангелом, предположительно выполненная в Москве. Широко представлены были памятники XV столетия: рядом с группой греческих вещей, связанных с московским митрополитом Фотием (два саккоса, епитрахиль, воздух) показывались русские произведения начала XV в. — воздух "Положение во гроб" и "Евхаристия" (так называемый "суздальский воздух" Огрофены Константиновой) судари редких иконографических изводов, а также судари и пелены, вышедшие из кремлевских мастерских великих княгинь Софьи Палеолог и Елены Волошанки в конце XV в. Среди них — пелена "Церковная процессия" с изображением исторических лиц. В этих произведениях прослеживается разнообразие иконографических вариантов, художественных и технических приемов, нередко воспринятых от соседних культур и творчески переработанных на основе собственных традиций. Разнообразны и представленные на выставке памятники шитья XVI — начала XVII в.: греческий воздух "Положение во гроб" (нач. XVI в.) с редкой динамичной композицией, воздух "Снятие со креста" (1516—1519 гг.) валахского государя Нягое Басараба; завеса "Преображение" (1556 г.) молдавского правителя Александра Ляпушняну; греческие, сербские и румынские епитрахили, омофоры, палицы. Искусно выполненные разноцветными шелками и золотыми нитями экспонаты выставки, демонстрируя высокое мастерство художников и вышивальщиц, привлекали всеобщее внимание. Для специалистов представилась возможность сопоставления произведений, выполненных в разных центрах православия, уточнения некоторых атрибуций, что при сравнительно небольшом количестве дошедших до нас памятников средневекового шитья имеет огромное значение. Выставка сопровождалась подробным иллюстрированным каталогом на русском и английском языках.

Н. А. Маясова

В апреле 1994 г. от тяжелой сердечной болезни скончалась Софья Викторовна Полякова, не дожив немногих месяцев до 80-летнего юбилея. Она родилась в Петербурге и оставалась в родном городе до конца дней (кроме лет, проведенных в Москве во время войны). Редко — не считая летних дачных месяцев на Карельском перешейке — покидала город и все время прожила в одном и том же старом районе недалеко от Сенной площади, только раз вынужденно сменив свою петербургскую квартиру с высокими потолками и заставленными книгами стенами на очень похожую, в нескольких сотнях метров от нее. Она окончила Ленинградский университет в 1938 г. и была в первом выпуске студентов на незадолго перед тем воссозданной кафедре классической филологии, которой заведовала Ольга Михайловна Фрейденберг. Одна из лучших и вначале самых верных учениц профессора Фрейденберг, Софья Викторовна не только изучала древние языки и литературу, но и осваивала новые, совсем непривычные для традиционной классической филологии методы своего учителя. Среди ее учителей были также И. Г. Франк-Каменецкий, И. И. Толстой, И. М. Тронский. Софья Викторовна принадлежала к, увы, ныне поредшему поколению начинающих перед самой войной петербургских филологов, отличительной чертой большинства которых было сочетание европейской образованности с поиском новых форм и методологий в науке: антиинтеллектуализм и примитивная ксенофобия ждановских постановлений застали многих из них уже сформировавшимися учеными и не смогли искалечить профессионально и нравственно. Все последующие годы до выхода на пенсию Софья Викторовна проработала на воспитавшей ее кафедре.

Писать о Софье Викторовне Поляковой примелькавшимся в некрологах фразами не только сложно, но попросту невозможно: любое клише немедленно приходит в вопиющее противоречие с ее образом. Более того, любое категорическое утверждение тут же требует оговорок и

уточнений, одинаково, говорим ли мы о ее человеческом или "ученом" облике.

Софья Викторовна была "только" кандидатом наук и доцентом и, кажется, даже никогда не заседала ни в одном ученом совете, но многочисленные ее ученики — а среди них немало докторов наук, и профессоров, и заведующих кафедрами — вряд ли решатся когда-нибудь сопоставить себя с учителем. Софья Викторовна была прекрасным педагогом, процесс учительства не кончался в учебных аудиториях, а часто затягивался на долгие годы и продолжался у нее дома за вечерними чаями, собиравшими общество способных и заинтересованных студентов и выпускников, однако в самый день достижения пенсионного возраста она переслала по почте заявление университетскому начальству об уходе на пенсию с весьма престижной тем временам и доходной доцентской должности. Ее учительство отнюдь не ограничивалось передачей информации от учителя к ученику, но заключалось в свободном обсуждении жизни, книг и людей, как правило, сопровождавшимся острыми, неожиданными суждениями самой Софьи Викторовны. Ее парадоксы нередко могли озадачить, но всегда заставляли думать. Софья Викторовна так ни разу и не удалось воспользоваться поздно предоставившейся возможностью побывать за границей, но она владела европейскими языками и знала мировую литературу лучше большинства современных любителей заграничных путешествий. Будучи явной "евроцентристкой" по своему духу и убеждениям, она великолепно знала и очень любила русскую литературу, особенно поэзию серебряного века, изучению которой посвятила много лет жизни. Своими пристрастиями, знаниями и кругом интересов Софья Викторовна как бы еще раз утверждала ту непреложную мысль, что космополитизм не мешает, а напротив, помогает любви к "отеческим гробам". Человек высокой культуры, Софья Викторовна обладала не искаженной никакими политическими и псевдоактуальными критериями шкалой ценностей, своим "гамбургским счетом", позволявшим ей отделять сиюминутное и суетное от истинного и вечного как в литературе, так и в науке. Впрочем, ее оценки и суждения в этих областях совсем не отличались беспристрастием и невозмутимой объективностью. Скорее наоборот. Да и какого беспристрастия можно было ожидать от человека, столь страстно заинтересованного в литературе, искусстве и самой жизни!

Византиноведение — наряду с занятиями античной, средневековой западноевропейской и русской литературой серебряного века — было только одной из областей деятельности Софьи Викторовны. Прежде всего она была великолепным переводчиком византийских литературных памятников. Если мы, к примеру, утверждаем, что Шекспир говорит сейчас с русским читателем языком Пастернака, Данте — Лозинского, а Рабле — Любимова, то с тем же правом можно сказать, что авторы византийских житий святых, сатирических произведений и романа "Исминия и Исминия", переведенные Софьей Викторовной, заговорили ныне с русским читателем языком Поляковой. Этот русский язык византийских авторов необходимо было создать заново, и он был создан со своеобразным, слегка имитирующим оригинал синтаксисом, тактично архаизированной лексикой и своеобразной ритмикой фразы.

Впрочем, переводческая деятельность редко была самоцелью для Софьи Викторовны, а скорее являлась прелюдией к изучению переведенных ею литературных произведений. Если верно утверждение, что теории ученого-гуманитария носят часто отпечаток его собственного духовного облика, то прекрасным тому подтверждением являются идеи С.В. Поляковой. Софья Викторовна не любила компромиссных, половинчатых утверждений, а формулировала и аргументировала свои мысли достаточно категорично. Византийские жития святых не имели, по ее мысли, никакого отношения к реальным людям и реальным биографиям и являлись не более чем трансформированными фольклорными сюжетами. Вся художественная ткань византийского романа служит, в ее представлении, абстрагированию от реальности, деконкретизацией истории, любовная интрига и даже эротические сцены — только внешнее действие, за которым средневековый читатель видел изображение вечных сущностей. Художественный сюжет обладал способностью к имманентному развитию и мог неожиданно появляться то в одном, то в другом литературном произведении, принадлежащем к разным историческим периодам и географическим регионам. Эти и ряд других идей Софьи Викторовны выражены в блестящей, ей одной присущей, парадоксальной манере и не во всех случаях заслужили всеобщее признание. Известно, однако, нередко даже "неправильные" идеи оказываются в науке много полезнее иных "правильных", но нередко вполне тривиальных.

В отличие от антиковедения и медиевистики, не говоря уже об изучении нового времени, в византистике литературоведение как самостоятельная научная дисциплина делает только свои первые шаги. В его становлении весьма заметная роль принадлежит Софье Викторовне. Ее уход — большая потеря. Место, оставленное ею в науке и жизни, останется незамещенным.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	Античная древность и средние века
ВВ	Византийский временник
ВЕУ	Вестник Ереванского университета
ВО	Византийские очерки
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
ЗРВИ	Зборник радова. Византолошки институт
СГЭ	Сообщения Государственного Эрмитажа
ИРАИК	Известия Русского археологического института в Константинополе
ИФЖ	Историко-филологический журнал
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК	Отчеты Археологической комиссии
AASS	Acta Sanctorum
AB	Analecta Bollandiana
ΑΠ	'Αρχαίου Πόντου
ASLSP	Atti della societa Ligure di storia Patria
BA	Byzantinisches Archiv
BS	Byzantinoslavica
Byz.	Byzantion
BZ	Byzantinische Zeitschrift
DOP	Dumbarton Oaks Papers
DOS	Dumbarton Oaks Studies
EO	Echos d'Orient
JEH	Journal of the Ecclesiastical History
JÖB	Jahrbuch der österreichische Byzantinistik
MB	Μεσαιωνική βιβλιοθήκη
MM	Miklosich F., Müller J. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana
PG	Migne J. P. Patrologiae cursus completus. Ser. graeca
PGB	Paléographie Grecque et Byzantine
REB	Revue des Études byzantines
RESEE	Revue des Études Sud-Est Européenes
RHCooc.	Recueil des historiens des croisades. Historien occidentaux
ROCh	Revue de l'Orient Chrétien
RSBN	Rivista di Studi Bizantini e Neellenici
TIB	Tabula Imperii Byzantini

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
Российской академии наук

Редактура текста, исполнение оригинал-макета:
Аристид Д. Каратцас, издатель, Нью-Рошель (Нью-Йорк)

Финансирование материалов и типографских расходов:
Издательство «Индрик», Москва

Издательство «Индрик»

Директор *С. Григоренко*
Главный редактор *Н. Волочаева*
Выпускающий редактор *О. Климанов*

ЛР № 070644, выдан 26 октября 1992 г.
Формат 70×100 1/16. Печать офсетная.
24,0 п. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 4494
Отпечатано с оригинал-макета
в Типографии № 2 РАН
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 6